

**Современная практика православного
благочестия
Том I
профессор Николай Евграфович Пестов**

Часть первая. Основы христианской веры

Да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Ин. 15,11

Предисловие

Я сказал: вы боги. Ин. 10, 34; Пс. 81, 6

Прежде создания мира мы задуманы как полнота совершенства. Схиархимандрит Софроний

Прежде создания мира мы задуманы как полнота совершенства.

Вникай в себя. 1Тим. 4, 16

Каждой душе человеческой свойственно стремление к радости и счастью, всякий человек ищет пути к ним. Как найти их? Да и что понимать под совершенной радостью?

Если под радостью понимать наиболее полное удовлетворение своих обычных житейских потребностей, то будет ли это совместимо с высоким предназначением человека и его идеальными запросами?

Мы знаем о семейных радостях, радостях и в искусстве, о радостях юной любви, радостях творчества, эстетических радостях, о радости научного постижения мироздания.

Все эти радости законны, но они несовершенны: беды, горести и болезни наполняют всякую жизнь, и время, занимаемое ими, обычно намного превосходит часы, исполненные земной радости.

Как пишет царь и пророк Давид: «дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро, и мы летим» (Пс. 89, 10).

А затем, в конце быстротекущей жизни, всех подстерегает смерть. Жизнь же есть только короткое мгновение перед величием вечности. Вот почему счастливейший с точки зрения мира и мудрейший из сынов человеческих царь Соломон пишет в конце своей жизни: «Суета сует, суета сует – все суета. Что пользы человеку от всех трудов его?..» (Еккл. 1, 2–3).

Таков законный пессимизм ветхозаветного человечества. Как должны быть счастливы мы, что живем уже в другое – новозаветное время, время царствования в мире Сына Божия –

Богочеловека, Искупителя и Спасителя человечества Иисуса Христа.

Он «победил мир» (Ин. 16, 33) и победил смерть. Ему «дана всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18), и с момента Его воскресения Им основано Царство вечной жизни, света и истины.

В это новое Царство Он зовет всех и готов принять в него даже самых тяжелых грешников, лишь бы только они проявили полноту раскаяния и смирения (Лк. 15, 1–32). Вспомним, что в это Царство Им первым был введен покаявшийся разбойник.

Своим «друзьям» (Ин. 15, 15) Он обещает уже не просто радость, а «совершенную радость» (Ин. 15, 11), при приобщении к которой человек «не будет жаждать вовек», которая уподобится «воде, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4, 14).

Как найти к ней дорогу? На этот вопрос отвечают Евангелие и многовековой опыт Церкви Христовой.

Однако многие, прочитав Евангелие, не пошли за Христом, так как вместе с истинной жизнью истинной Церкви – действительных учеников Христа – история человечества знает и позорные дела других людей, которые также называли себя христианами, но на деле они распинали Христа своими грехами и преступлениями против человечества и в корне извращали учение Христово.

Это затемняет понимание Христа и определение верного пути как к Нему, так и к «совершенной радости». Кроме того, всякое новое поколение имеет свои особенности жизни, свою новую историческую обстановку, переживает новые этапы в развитии мышления, языка и цивилизации, что также затрудняет понимание истины, так как все прежнее кажется многим устаревшим, отжившим и уже более не нужным.

Следует указать, что с течением времени видоизменился с внешней стороны и характер путей, ведущих в Царство Христово. Особый путь был у первой христианской Иерусалимской Церкви, у которой все «было общее» (Деян. 4, 32). Затем, для первых веков нашей эры характерен путь исповедания и мученичества за Христа.

Позднее наиболее верным и прямым путем явилось преимущественно поступление в монастыри и подвиги иноков.

Мы живем в особую эпоху – эпоху заката духовной культуры человечества, когда ясно обозначился период «отступления» (2Фес. 2, 3) и стало ступшеываться значение монастырей. Отсюда возникает вопрос о современных путях в Царство Божие.

При этом надо говорить, опять-таки с внешней стороны, не о пути, а о путях, поскольку очевидно, что социальное, национальное положение, возраст и другие особенности положения каждого человека в миру, а также особые у каждого склонности и таланты диктуют для каждого и особенности его «пути спасения», понимая под этим церковным термином путь ко Христу и в Его Царство, который по существу один: «Я есмь путь...» – сказал Христос (Ин. 14, 6).

Раскрытие пути для каждого из современников, конечно, должно основываться также исключительно на указаниях Священного Писания, отцов Церкви и ее многовекового опыта.

Каждый человек строго индивидуален – ни один из бесчисленного множества людей всех веков не повторяет другого по душевному складу, развитию ума и способностей.

Поэтому и для каждого человека были бы нужны и особые сведения, советы и указания для руководства в духовной жизни (в дополнение к истинам Священного Писания). Отсюда и наилучший путь совершенствования – это индивидуальное, непосредственное ученичество у опытного, просветленного Духом старца.

Но лишь очень и очень немногим доступен этот путь. Отсюда же и большая трудность – в одном труде преподавать нужные сведения для лиц с большим различием их умственного, душевного и духовного состояния.

Поэтому необходима наша оговорка: пусть каждый возьмет для себя из нижеприведенных сведений и указаний лишь те из них, которые он (по внутреннему голосу) сочтет относящимися к нему по степени его духовного возраста, развития способностей и природных склонностей.

Здесь нужно вспомнить следующий случай, описанный в одном из древних патериков.

В монастыре духовно преуспевали два молодых инок. Но подвиги и состояния их душ резко разнились.

Один инок горько оплакивал свои грехи и являл образ совершенного покаяния.

Другой же инок находился в светлом, радостном состоянии, и душа его изливалась в славословии и благодарении Бога.

Старцы монастыря стали молиться – да откроет им Бог: какой из этих двух путей более правилен и совершенен?

И им было открыто: оба пути правильны и совершенны и угодны Господу. Но для каждой души имеется свой путь по ее склонностям и обстоятельствам прожитой жизни.

Вместе с тем у каждого достижения есть свои степени и ступени. У тех, кто лишь начал подниматься по этой бесконечной лестнице совершенствования духа, может закружиться голова при взгляде наверх – на тех, кто поднялся на значительные высоты.

Достижения этих последних могут показаться им чрезмерными или даже невероятными. Отсюда могут проявиться в них уныние и мысли о безнадежности достижения для них высоких ступеней.

Все же нельзя не знать о высотах духа (святости) для всех идущих по пути спасения души.

Даже светские философы дают такой совет для всех, ищущих каких-либо достижений: «Поставьте себе идеал как можно выше и стремитесь к его достижению».

Всем же христианам необходимо постичь красоту наивысших достижений на путях ко Христу и знать о святости человеческих душ, чтобы вследствие этого в них зародилась та «нищета духа», которая положена Христом в основу заповедей блаженства (Мф. 5, 3).

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Содержи всегда в памяти превосходящих тебя добродетелью, чтобы непрестанно видеть в себе недостаток против их веры».

Поэтому является необходимым узнать из опыта Церкви Христовой не только те идеалы, которые достижимы в современности, но и все те величайшие достижения святых, которые, смиряя нас, поражали бы своим величием и красотой христианских подвигов и добродетелей.

Писать о пути спасения – очень ответственное дело. Плохо, если человек при этом будет надеяться только на себя и ограничиваться своими измышлениями.

Одна есть Истина на земле: эта Истина – Сам Христос (Ин. 18, 37). И только то можно утверждать, что возвещено в Евангелии и понимание чего разъяснено святыми отцами Православной Церкви и подтверждено многовековым опытом прославленных святых и подвижников благочестия ((Из творений и жизни подвижников благочестия нами были использованы преимущественно сочинения и жизнеописания: епископов Феофана Затворника, Игнатия (Брянчанинова), Михаила Таврического, Аркадия (Лубенского); Оптиных старцев: о. Леонида, Макария, Амвросия и Варсонофия; о. Алексия Зосимовского, схиархимандрита Зосимы из Троице-Сергиевой Лавры, старца Силуана (из Старого Афона), архимандрита (а затем и Патриарха) Сергия; протоиереев о. Иоанна Сергиева, о. Алексия Мечева и о. Валентина Амфитеатрова. Из сочинений богословов и духовных писателей: схиархимандрита Софрония, архиеп. Иоанна (Шаховского), священников о. Валентина Свенцицкого, о. Александра Ельчанинова и др. взяты выдержки, которые, нам казалось, были в полном согласии, со Священным Писанием и учением св. отцов Православной Церкви)).

Поэтому все важнейшие положения о пути спасения должны быть подтверждены текстами из Священного Писания, творениями святых отцов Православной Церкви и подвижников благочестия и примерами из их жизни. Подобному отношению к поучениям и наставлениям учат нас и св. отцы.

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов), преподобный Нил Сорский никогда не давал наставления или совета прямо от себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение отцов.

Когда же, как говорил преподобный в одном из своих писем, он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, когда находил наставление в Писании.

Этого метода придерживались также Петр Дамаскин, преподобный Григорий Синаит, святые Ксанфопулы и другие отцы, особенно позднейшие. Его держались и иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий. Память их была богато украшена мыслями святых. Никогда не давали они совета от себя: всегда представляли в совет изречения или Писания, или отцов.

Это давало их советам силу. Те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали слово Божие и находили справедливым покорить ему свое умствование.

Такой образ действия содержит в величайшем смирении преподающего совет, как это явствует из слов прп. Нила Сорского:

«Преподающий преподает не свое, а Божие. Преподающий соделяется свидетелем, органом святой Истины, и в совести его является вопрос: с должным ли угождением Богу исполняет он свое ответственное служение?»

Да и как можно постигнуть нам истину в совершенстве без изучения писаний святых отцов? Не более ли мудро приобщиться к бесценной сокровищнице премудрости из духовного опыта Церкви Христовой?

Есть мнения, что все утверждения должны основываться на толковании Священного Писания лишь древних отцов Церкви.

Но это не так, и вот что пишет по этому поводу архимандрит (а ныне архиепископ) Иоанн (Шаховской):

«Учительство в Церкви никогда не прекратится, и во все века Церковь будет давать миру своих учителей, которые во все века будут иметь одного Духа Святого и говорить одну и ту же истину слова Божиего, но в разных психологических формах, каждый раз в форме, наиболее понятной данной эпохе, данному обществу и народу. В Церкви идет вечное, непрекращающееся благовествование... Литературные

формы IV века мало способствуют усвоению святоотеческих мыслей в нашем веке. Нужны новые учителя Церкви. Они ничего не говорят нового, но обо всем они говорят по-новому».

Подобные мысли были даже и у самых великих святых. Вместе с тем, как пишет один из мудрейших отцов – прп. Исаак Сириянин: *«Вследствие собственного своего опыта не сподобился я дознать и тысячную долю того, что написал своими руками, особенно же в этом сочинении, которое предложу для возбуждения и просвещения душ ваших и всех читающих его, в той надежде, что, может быть, воспрянут и, вожделев его, приступят к деланию».*

О том же говорит и прп. Нил Сорский:

«О хорошем надлежит говорить и тому, кто не делает хорошего, чтобы, устыдившись своих слов, начал и он делать».

Эти мысли и побудили нас составить настоящие очерки. Но, сознавая свою ограниченность и связанную с ней опасность привнесения от себя чего-либо, не находящегося в полном соответствии с Божественной Истиной Господа нашего Иисуса Христа, за основу всех положений мы берем Священное Писание и опыт св. отцов нашей Православной Церкви.

Мы глубоко убеждены, что только в ней вполне правильно освещен путь ко спасению христианской души.

Кто же не совсем убежден в этом, пусть ознакомится с превосходным трудом архимандрита (а впоследствии Патриарха) Сергия «Православное учение о спасении».

Православие среди христианских конфессий (как мы верим) – это Христово учение в полноте чистоты. Вот как пишет об этом архиепископ Иоанн:

«Небо и земля учат человека чистоте. В каждой чистой рубашке, в каждом новом предмете, убранной комнате есть поучение... И странно – все люди (кроме дефективных) любят чистоту, всем приятно одевать чистое, жить в чистом. Но не у всех это переходит в сферу духа. Православие есть именно это».

В своем изложении мы старались затрагивать лишь те самые важнейшие, основные вопросы жизни человеческой, от правильного разрешения которых зависят, как нам кажется, спасение души человека, просветление его разума истиной и озарение сердца той красотой образа, которая была задумана для каждого человека в предвечном плане мироздания Господом Богом. Для кого предназначается эта работа? Она не апологетического характера, и содержание ее не рассчитано на неверующих людей. Можно думать, что и не для всех верующих будет близко ее содержание.

Мы надеемся, что она будет интересна для тех христиан, которые причастны к «нищете духовной» (Мф. 5, 3) – видят в какой-то степени свои грехи, страсти, пристрастия и стремятся к самосовершенствованию; для тех, кто хотел бы для своей души осуществить в какой-то мере слова пророка Давида: «Обновляется, подобно орлу, юность твоя» (Пс. 102, 5): «обновляется» – т. е. душа очищается от греха и страстей и одевается в светлые одежды безгрешной юности; для тех, кто любит Господа (каждый в своей мере), хочет угождать Ему, хочет работать для Него, хочет посвятить Ему свою земную жизнь. Вот для них и предназначалась эта работа. Будем надеяться на то, что они найдут в ней те мысли (взятые нами из неисчерпаемой сокровищницы духовной литературы), которые помогут им идти к Царству Небесному, которое, по словам Господа, «внутри вас есть» (Лк. 17, 21).

«Кто может вместить, да вместит», – говорит Господь.

Как пишет В. С. Соловьев:

«Человек, который довольствуется своей человеческой ограниченностью и не стремится выше, неизбежно тяготеет и ниспадает до уровня животности. Бог Святой соединяется только с человеком, ищущим святости и способным к деятельному нравственному подвигу. От народов и царств, как и от отдельных лиц, христианский дух прежде всего требует недовольства собой и стремления к совершенству».

Глава 1

Цель жизни христианской и путь спасения

Забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе. Флп. 3, 13–14

Цель жизни – восхождение человека к богоподобию. Прп. Антоний Великий

Человек наделен от Бога великим могуществом разума. Он постигает законы природы, парит в воздухе выше птиц, проник в космос и глубины моря, умеет разговаривать через десятки тысяч километров и заставляет силы природы служить своим целям.

Прогресс цивилизации развивается неудержимо и сулит человечеству еще большие чудеса техники в будущем.

Таковы ли успехи духовной культуры человечества? Становится ли оно благороднее духом, любвеобильнее, добрее, правдивее и милостивее к ближнему? И если человек все более комфортабельно умеет строить свою внешнюю жизнь, то научился ли он наконец совершенствовать и свою внутреннюю жизнь, изучил ли ее и знает ли ее законы?

После тысячелетий культурной жизни знает ли он наконец, зачем он живет, – какова цель его существования и в чем состоит идеал духовной культуры?

Можно твердо сказать, что громаднейшее большинство людей не сумеет дать ответ на последние вопросы и чаще всего даже не задается ими. Оно живет «как живет», имея не осознанные, а подсознательные цели своего существования.

Эти цели у большинства людей не простираются выше того, чтобы накормить, одеть и согреть свое тело и удовлетворить свои животные потребности.

Живя так, человечество по существу ничем не отличается и не возвышается над бессловесной тварью, составляя из себя породу наиболее развитых животных, научившихся применять свои науку и технику в значительной мере для наиболее эффективного взаимного истребления.

Более того, человек при этом не только не возвышается над животными, но упал ниже их, так как нарушил предвечные

законы своего естества и не идет к возвышенной цели своего предназначения.

Лишь малая часть людей будет способна осмысленно ответить на вопрос о цели своего существования. Но их ответы в большинстве случаев будут примитивны и исполнены эгоизма, если только они будут искренни.

Так, одного талантливую юношу спросили, какую цель он ставит себе в жизни.

– Я буду прилежно учиться и завоюю себе хорошее положение в обществе, – ответил юноша.

– А потом?

– Потом я постараюсь сблизиться с известными и умными людьми, буду путешествовать, буду наслаждаться всеми культурными радостями жизни.

– А потом?

– Я обзаведусь семьей, у меня будут дети, под старость буду отдыхать и играть со своими внуками.

– А потом? Потом... – И юноша задумался.

– Вы правы, – сказал юноша, как бы отвечая на невысказанные мысли собеседника. – Все, к чему я стремлюсь, имеет мало цены, так как потом придет смерть. И все эти радости мимолетны, и ничто перед значением и неизмеримым величием вечности, и не будут иметь для нее ни малейшего значения.

Только у сравнительно очень малого количества людей имеются и более высокие и идеальные стремления – такие, как служение искусству и науке или задачам социального переустройства общества.

Значение науки и искусства в жизни человечества никто не может оспаривать. Но ни наука, ни искусство не могут стать для человека самоцелью. Они – ничто сами по себе, если человек не идет через них к наивысшей цели своего существования.

Наука может вести ко благу, как например вакцина от бешенства, сделанная Пастером. Но она же может сеять и смерть и ужас в виде бомб, сбрасываемых на массы беззащитных детей и женщин.

Стали бы супруги Кюри, Эйнштейн и др. работать в области изучения распада атомного ядра, если бы они могли предвидеть, какие ужасы несет их работа человечеству в виде атомных взрывов, отравляющих всю землю в мирное время и сулящих невиданные еще на земле бедствия людям в военное? Поэтому при оценке научных достижений современности нельзя не согласиться с поэтом, который пишет:

История дошла до роковых страниц
И к неожиданным приводит заключениям:
Наука сделалась прислужницей убийц,
А чудо техники – самоуничтоженьем.
Бог для земли дарует солнце,
Дожди благословенья,
А люди – смертоносный стронций
И дождь уничтоженья.
Чем выше взлетают ракеты,
Тем дальше от Бога сердца,
Чем ближе до дальней планеты,
Тем явственней чувство конца.

Отсюда понятно и мнение Оптинского старца Варсонофия, который говорил, что «новейшие изобретения, имея как бы и добрые стороны, всегда оказываются вредными более, нежели полезными, и даже, можно сказать, суть просто зло». И «ученые, если только они и ограничились научными знаниями, ничего не делают полезного для души своей, и тогда они зарыли свой талант в землю».

А вот как пишет про опасности заблудиться в современной науке о. Павел Флоренский:

«Не наукою, а науками, и даже не науками, а дисциплинами занято человечество. Случайные вопросы, как внушенное представление, въедаются в сознание и, поработанное своими же порождениями, оно теряет связь со всем миром. Специализация, моноидеизм – губительная болезнь века – требует себе больше жертв, нежели чума, холера и моровая язва».

Итак, можно ли гордиться человеку наукой и техникой?! Вместе с тем, как говорит архиеп. Иоанн, – «научные открытия и

все возрастающая техника не открывают царственности человека. Наоборот, они обнаруживают все большее убожество того, кто нуждается в стольких материальных протезах».

Также и искусство: оно может звать к наивысшим идеалам (например, с полотен Васнецова, Нестерова) или же губить чистоту человеческих душ отсутствием нравственного чувства.

Точно так же обстоит дело и с социальными реформами. Они могут быть направлены к достижению истинного блага общества, когда разум создающего их будет просвещен светом истины, или ввергать общество в несчастье при следовании законодателями своим ложным идеям.

Поэтому и здесь служение человечеству может начаться у законодателя лишь с просвещения своего разума истиною.

Но повторяем, что таких людей, которые ставят себе высшие цели служения человечеству, очень мало. И обычно, несмотря на величие человеческого разума, жизнь человека жалка, пуста, бесцельна и наполнена суетою и заботами о теле подобно животным.

О глубокой порче современного человечества так пишет о. Павел Флоренский («Общечеловеческие корни идеализма»):

«Распались начала внутренней жизни: святыни, красота, добро, польза не только не образуют единого целого, но даже и в мыслях не подлежат теперь слиянию. Современная святыня робка и жметя в затаенный, ни для чего более не нужный уголок души. Красота бездейственна и мечтательна, добро – ригористично; польза – пресловутый кумир наших дней – нагла и жестока. Жизнь распылилась».

А архиепископ Иоанн пишет:

«Заторможенные и оглушенные суетой люди уже не способны думать об истинах великих и вечных, для постижения которых нужна хотя бы минута Божественного молчания в сердце, хотя бы мгновение святой тишины».

Поэтому жизнь и была определена Соломоном, как «суета сует» (Еккл. 1, 2). И тогда нет у человека ответа на вопрос премудрого: «Что пользы человеку от всех трудов его?» (Еккл. 1, 3).

Но не ради такого жалкого положения был создан человек. И не «суета сует» была предназначена ему в удел по предначертанию Творца Вселенной.

Он создан был по образу и подобию Самого Бога, наделен могуществом разума, поставлен владыкой над животным миром и царем над природой, и, наконец, человеку даровано было наивысшее благо – бессмертие его души.

Как пишет о. Иоанн С:

«Человек есть чудное, величественное, премудрое, художественное произведение совершеннейшего Художника – Бога».

А архимандрит (впоследствии Патриарх) Сергей говорит:

«Как образ и подобие Божие человек наделен богоподобными свойствами и бесконечными стремлениями. Он не удовлетворяется одной видимостью явлений, одной показной стороной жизни, он ищет ее оснований и таким образом доходит до последнего основания, т. е. ищет Бога и богообщения».

По словам прп. Серафима, первый человек Адам был таков, что «ни вода его не топила, ни огонь не мог жечь, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни повредить каким бы то ни было, ныне во вред сущим нам, своим действием, и все покорно ему было как любимцу Божию, как царю и обладателю твари, и все любовались на него как на всесовершенный венец творений Божиих, превосходящий всю сущую на земле, и на водах, и в воздухе тварь Божию».

Грех – преслушание воле Божией – привел человека к смерти тела и к опустошению, разложению души.

Но по милосердию Божию человечество было спасено явлением на землю Сына Божия Иисуса Христа и искуплено Его Кровию.

Бог снова принимает людей как Своих «чад» (Ин. 1,12), как Своих «сынов» (Рим. 8, 19), как «друзей» (Ин. 15, 14).

Человеку вновь возвращается Богом его высокое достоинство, которое определяется, по словам апостола Петра, как «род избранный, царственное священство, народ святой,

люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1Пет. 2, 9).

Какова же истинная цель жизни человека на земле в этом новом его, после искупления, состоянии?

Поищем ответа на этот важнейший для человечества вопрос в источниках предвечной истины – в Священном Писании и у святых отцов, разум которых был просвещен Духом Святым.

В Евангелии мы найдем указание Господа о цели стремлений в искании человека. «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф. 6, 33). При этом Господь разъясняет нам, что это Царство находится не во вне человека, а внутри его: «Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21).

Это определение можно дополнить словами апостола Павла, который определяет цель жизни ученика Христова как стремление «к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» (Флп. 3, 14).

Это высшее звание достигается, по словам апостола, когда христиане «живут уже не для себя, но для Умершего за них и Воскресшего».

Если обратиться к святым отцам, то обычное определение ими цели христианской жизни формулируется как спасение души, понимая под этим очищение души человеческой от греха, порока, страстей и пристрастий путем молитвы, покаяния, смирения, дел милосердия и развитие в душе христианских добродетелей.

«Жизнь – это громадная мастерская, в которой души готовятся на небо», – писал епископ Буго.

Наконец, прп. Серафим определяет цель жизни христианина как «стяжание» (т. е. собирание, постепенное приобретение) «Духа Святого Божия» через покаяние, молитву и другие подвиги, «ради Христа делаемые».

При этом, как говорил Симеон Новый Богослов:

«Если у нас нет искания Духа Святого, то напрасен всякий труд и суетно всякое делание наше, бесполезен путь, не ведущий к сему».

Преподобный же Антоний Великий считал за назначение души христианской «восхождение ее к богоподобию».

Более подробно о последнем говорит о. Александр Ельчанинов:

«Человек, отвергающий свое родство Богу, отказывающийся от сыновства Ему, – не настоящий человек, ущербный, только схема человека, так как это сыновство не только дается нам как дар, но и задается, и только в выполнении этого задания, в сознательном облечении себя во Христа и Бога и может быть полное выявление и расцвет каждой человеческой личности».

Все эти определения представляют одно целое, взаимно поясняя и дополняя друг друга. Их можно суммировать в следующем положении.

Цель жизни человеческой состоит в преображении души человека. Она достигается по благодати через покаяние, молитву, дела милосердия, пост и т. п. Так осуществляется стяжание в себе духовного сокровища – Духа Святого Божия.

При присутствии этого сокровища душа человеческая преображается и ее страсти и дурные склонности перерождаются в соответствующие противоположные им добродетели: гордость – в смирение, эгоизм – в Христову любовь, самоволие – в послушание, распущенность – в воздержание и т. д.

Тогда, плененный любовью Христа, христианин перестает жить собою и для себя, но живет Христом и для Христа, творит не свою, а Его совершенную и святую волю.

Так в душе человека открывается Царствие Божие и человек достигает «почести высшего звания Божьего во Христе Иисусе», достигает Обожения, без которого, по словам старца Силуана со Старого Афона, исчезает и самый смысл бытия человечества.

Что получает человек, достигнув этой цели? Еще в этой жизни он находит себе истинное счастье, совершенную радость, мир и покой души.

Очищается его сердце, проясняется ум, укрепляется воля, раскрываются все способности и силы души и получают

развитие все добродетели. Человек приобщается, каждый в своей мере, к праведности, т. е. к истинной красоте духа.

Как пишет архимандрит (впоследствии Патриарх) Сергей:

«Праведность в глазах христианина не только не бремя, не только не требует себе вознаграждения, но, как говорит св. Иоанн Златоуст, сама много больше всякой награды, потому что сама есть воздаяние, заключающее много наград».

Во-вторых, как Божий «сын» и Божий «друг», человек включается в служение высшим целям мироздания и получает высший дар – обетование бессмертной жизни с Богом в вечности на «новой земле и под новым небом» (Откр. 21, 1).

При этом человек становится наиболее ценным членом общества, «солью» земли, «свечой», которую ставят на подсвечнике, чтобы светила «всем в доме» (Мф. 5, 13, 15). Он становится духовным и нравственным оплотом для окружающих, их утешителем, советчиком, образцом для подражания.

Он приобщает окружающих к своему неизменно жизнерадостному настроению, к энтузиазму в жизни, очищает от греха и порока, будит совесть, зовет к истинной красоте духа и соединяет с первоисточником всей жизни, силы, счастья и радости – с Богом.

Если кругом его жизнь только тлеет, то он горит ярким огнем, который просвещает всех истиною и согревает любовью, лаской, участием, милосердием.

«Вы – свет мира», – говорил Христос Своим ученикам (Мф. 5, 14).

Ведь «главное условие влияния на людей заключается, – как говорит о. Иоанн С, – не в учености, не в психической тонкости, не в иезуитской ухищренности применяться к различным людям и характерам, но во внутренней духовной жизни – в явлении духа и силы (1Кор. 2, 4), в том, что мистически невольно переливается в душу, будит в ней лучшие чувства, заставляет пламенеть его сердце, роднит, связывает внутренними неразрывными узами».

Какая цель святее, прекраснее, светлее, ярче, выше и счастливее этой? Можно ли сравнивать достижение этой цели с обычными целями, которые ставят себе люди, живущие вне Христа?

Но, может быть, некоторые скажут, что это только мечта, только красивая сказка, которую невозможно воплотить в жизнь? И могут ли все, стяжавшие в какой-то мере Духа Божия, быть такими светочами духа?

Да, все! Кто бы ни был такой христианин – пусть самый неученый и бесталанный, косноязычный и расслабленный («Живые мощи» И. С. Тургенева), он все же будет светить всем окружающим высотой своего духа, умиротворенностью души, силой веры, огнем любви, доброжелательства и расположения к окружающим. А что нужно прежде всего страдающей человеческой душе, как не искренняя любовь и участливое, ободряющее, сердечное отношение как в словах, так и на деле. Достижение этого – не мечта, а действительная реальность, которая во многих миллионах случаев была воплощена после пришествия Христа Его учениками. Она воплощена была благодатью Божией и Его помощью, укрепляющими слабые силы человека.

За это великое, неоценимое счастье человечества заплачена и неизмеримая цена – цена Крови Сына Самого Бога. Как не миф и не мечта – само воплощение Христа, так не мечта и то счастье, которое принесено Им в мир. Не мечта и то духовное Царство, которое основано Им и членом которого может стать всякий, так как всех зовет в него Господь. На Свой «брачный пир» Он зовет не только «званных», но и с «распутий и дорог», а также «нищих, увечных, хромых и слепых» (Лк. 14, 21; Мф. 22, 9–10).

Кто узнал жизнь святых, кто познакомился с их характером, силою духа, остротой разума, чистотой сердца, красотой их добродетелей, тот знает, что святость души человеческой – не мечта.

Тот знает также, кем были для окружающих святые и праведники и какой бесконечный поток добра, света, истины и

счастья изливался и изливается через них на страдающий, несчастный, жалкий и грешный мир. Но кто может стать святым?

Ими смогли стать простые галилейские рыбаки, ими становились разбойники (например разбойник на кресте и св. Моисей Мурин), блудницы (Мария Египетская, св. Евдокия, св. Таисия и т. д.), ими становились императоры, князья, купцы, воины, ремесленники и крестьяне.

Почему и мы не можем стараться идти за святыми? Нам открыт прямой путь в Царство Христа и возвещена вся истина. Перед нами многовековой опыт Церкви Христовой. Наконец, перед нами есть образцы и теперь живущих святых; их нам нужно только поискать и познать по признакам, открытым в Св. Евангелии (любовь, смирение, кротость и горячая вера).

Итак, нам необходимо понять назначение и цель жизни христианской и, познав ее, в остаток дней своих все в жизни подчинить этой цели.

Сокровище так неизмеримо велико, так многоценно, так несравнимо ни с чем на земле, что ничего не жаль ради его приобретения.

На этом пути человек может найти в Церкви Христовой и духовных руководителей, и многих друзей, которые могут помочь своим опытом и знаниями.

Они помогут сделать этот благой путь более прямым и коротким, скорее приводящим к цели, к «почести высшего звания во Христе Иисусе» – к восхищению достоинства «царственного священства».

Часто, однако, христианин при жизни в теле не будет еще вполне чувствовать и переживать достижение той «почести». Как говорит об этом еп. Феофан Затворник, хотя «слава со спасением неразлучны, но здесь слава эта сокрыта внутри, как сокровище в скудельных сосудах, а там она просияет и вовне».

Приложения к главе 1-й. Митрополит Филарет Московский и А. С. Пушкин о цели жизни

У А. С. Пушкина есть стихотворение, посвященное цели жизни и написанное в часы тяжелого состояния души, отданной (по словам самого поэта) «безумству, лени и страстям».

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум
И томит меня тоскою
Однозвучной жизни шум.

В ответ на это стихотворение митрополит Московский Филарет послал поэту свои стихи, приведенные ниже:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога нам дана,
Ум молчит, но сердцу ясно –
Жизнь от Бога нам дана.
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал...
Вспомнись мне, Забвенный мною.
Просияй сквозь сумрак дум, –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум.

Получив это стихотворение, А. С. Пушкин написал такое стихотворение, посвященное митрополиту:

В часы забав иль праздной скуки
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа согрета,
Отвергла мрак земных сует.
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.

Ошибочные мнения о путях спасения и цели жизни

У многих христиан имеются ошибочные мнения о путях спасения души и о цели христианской жизни, на что обращал внимание и преподобный Серафим Саровский. В беседе с Н. А. Мотовиловым он сказал последнему: «Многие говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, делай добро – вот тебе и цель жизни христианской. Но они это не так, как следовало, вам растолковали». Затем преподобный изложил ему учение о необходимости для каждого христианина «стяжания Духа Божия» как цели жизни, считая все добрые дела – милостыню, молитву, пост и т. д. – лишь средствами к ее достижению. Указанное выше заблуждение у христиан близко к так называемой «юридической теории» спасения у католиков.

По этой теории все грехи и прегрешения человека должны быть как бы уравновешены на чаше весов на Страшном Суде соответствующим количеством добрых дел – милосердия, молитвы, поста и т. д.

Если же у человека этих дел даже более, чем нужно, то это будут уже «сверхдолжные заслуги», которыми он может поделиться с мало имущими (добрых дел) христианами и этим спасти их от ада.

Из этого учения произошли индульгенции Средних веков, и отпущение папами всех грехов, и прежних и будущих, участникам крестовых походов и т. п.

По этой теории будущее пребывание в раю и избавление от мук ада может быть как бы достигнуто каким-то количеством своих добрых дел или наличием покровителей из святых, имеющих «сверхдолжные» заслуги. Здесь не говорится о необходимости преображения для грешника.

Отсюда большие суммы денег, жертвуемые бедным, или тысячи заупокойных месс смогут позволить богачу или королю, уйдя из мира с душой, исполненной страстями (корыстолюбия, гордости, властолюбия, сластолюбия и т. п.) иметь уверенность в достижении рая. Здесь нет вопроса: совместимы ли такие

души с райским сонмом святых душ, исполненных христианских добродетелей?

Надо ли говорить о ложности подобных представлений в такой теории о спасении души?

Здесь достаточно вспомнить хотя бы слова апостола Павла из 13-й главы Послания к Коринфянам: «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы» (ст. 3).

Протестанты считают, что дело спасения совершено уже для верующих Самим Христом – искуплением Его Кровию грешного рода человеческого. По их мнению, надо иметь лишь веру во Христа – и тогда верующий, как бы автоматически, уже спасен одной верой.

Основываясь на выбранных из Евангелия отдельных текстах («верующий в Него не судится» – Ин. 3, 18), они не дают себе труда задуматься хотя бы над текстом той же 13-й главы Послания к Коринфянам апостола Павла, где говорится: «Если имею... и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто».

Что же касается слов апостола Иакова: «Вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2, 17), то протестанты отвергают подлинность Послания апостола Иакова.

Нам, христианам, из Православия надо твердо знать, что не одни дела благочестия: милостыня, соблюдение поста и посещение храма – откроют нам двери Царства Небесного. Недостаточно и одной лишь веры во Христа и Его искупительной жертвы, чтобы спастись.

Без преображения души христианина, без очищения ее от страстей и пристрастий и без развития еще здесь, на земле, в душе Христовых добродетелей: Его любви, смирения, кротости, послушания и т. д. – нет у нас надежды на то, что можем мы войти в Царство Небесное и быть среди душ святых и праведников.

Как пишет прп. Симеон Новый Богослов:

«Если не сделаем душ своих очищенными покаянием и преисполненными света, то никакой не принесут нам пользы все другие дела».

Источник всякой жизни – Пресвятая Троица

Глава 2. Бог и богопознание

Бог есть любовь. 1Ин. 4, 8

Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель. Исх. 20, 5

Нет другого способа познать Бога, как жить в Нем. Прп. Симеон Новый Богослов

Из всех земных творений только человек создан по «образу и подобию Его» (Быт. 1, 26).

Отсюда только может человек в какой-то мере познавать Бога и в какой-то степени уподобляться Ему.

Для того и другого есть несколько путей и много (точнее бесконечное количество) степеней познания и уподобления. Условно разделим это познание на три части.

1. Бог начинает познаваться преимущественно разумом, и в человеке зарождается вера.

2. В богопознании участвует и сердце человеческое. Оно постигает милосердие, всепрощение Божие и Его любовь к людям. Сердце человеческое начинает загораться ответной любовью.

3. Наконец, любовь к Богу разгорается в пламя и становится ведущим началом жизни; тогда душа реально приобщается к (богопознанию) богообщению.

Начнем с познания Бога разумом. Есть несколько путей для начала познания Бога разумом. Апостол Павел говорит:

«Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира, через рассмотрение творений видимы»
(Рим. 1, 20).

А св. Максим Исповедник пишет:

«Бога знаем не по существу Его, но по великолепию творений Его, и Его о них Промыслу. В них, как в зеркале, видим мы беспредельную Его благость, премудрость и силу».

Итак, первый путь для начала познания Бога, доступный всякому, есть созданный Им мир – природа, из которой познаются Его могущество, мудрость и красота. Как говорит прп. Антоний Великий, «Бог создал человека, чтобы он был зрителем

и благодарным истолкователем Его дел и, познавая творения Божии, он видел Самого Бога и прославлял Создавшего их для человека». Здесь, казалось бы, глубже всего могут познать Бога люди науки: астроном должен преклоняться пред Его величием, зная неизмеримость пространства вселенной; геолог – постигая смену эпох на земле в течение миллионов лет; биолог – наблюдая бесчисленное разнообразие жизненных форм, целесообразность и сложность их устройства и т. п. Да и всякий человек должен преклониться перед Ним, постигая непостижимую премудрость в Его творениях.

Как говорил Пастер, открывший вакцину от бешенства:

«Я знаю многое и верую, как бретонец; если бы я знал вдвое больше, я веровал бы, как бретонская женщина... За работой в своей лаборатории я всегда молюсь».

Второй, более совершенный путь познания – это изучение Священного Писания. Оно говорит о взаимоотношениях человека с Богом с самого дня сотворения человека и открывает нам те постижимые разумом и сердцем свойства Божества, которые могут быть постигнуты.

Особенно полно открывает Бога Новый Завет в Лице Сына Божия Иисуса Христа – второго Лица Святой Троицы, сказавшего: «Я и Отец – одно» (Ин. 10, 30).

Здесь Бог становится с внешней стороны доступным человеку. В Иисусе Христе раскрываются те свойства Бога, которые могут быть познаны человеком.

Когда христианин читает Священное Писание, он общается с Богом, имеет возможность проникаться Им, может заключить Его не только в свой разум, но и в сердце. И чем больше времени он отдает чтению Священного Писания, чем глубже вдумывается в Его вечные истины и озаряется непостижимой красотой Иисуса Христа, тем ближе он подходит к Богу и тем более Бог объемлет христианина.

Это доступный путь, и кто не хочет его использовать для своего глубокого единения с Богом, пусть винит только самого себя. Такой человек не будет иметь оправданий на Страшном Суде, ибо Господь сказал:

«Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день»

(Ин. 12, 48).

Основываясь на Священном Писании, Церковь учит, что Бог Един, но Троичен в Лицах: Троица Неслиянная, но и Нераздельная. Это антиномия, т. е. непостижимое для ума понятие – тайна, а для неверующих – бессмыслица. Но для тех, кто постигает сущность любви, для тех раскрывается истина, что при абсолютной, совершенной взаимной любви Лиц Святой Троицы Она должна являться людям как Единое нераздельное целое, оставаясь вместе с тем, по своим проявлениям человеку, и как неслиянная.

В согласии со Священным Писанием, свойства Бога определяют Его как Всемогущего, Вездесущего, Всеведущего, Вечного и т. д. А прп. Симеон Новый Богослов так определяет природу Божества:

«Ты Весь вне твари и Весь в твари. Весь наполняешь все и Все вне всего... Ты не есть ничто из всего тварного и Высший всего... Ты – Творец всего и потому отделен и отличен от всего...»

Такие представления, однако, мало доступны нашему разуму. И Бог в сущности Своей непостижим для человеческого разума, о чем так пишет в одном из своих писем о. Александр Ельчанинов:

«Твое сокрушение о том, что ты не можешь постигнуть Бога, вполне законно, так как именно одно из свойств Бога – Его непостижимость. И если бы полное постижение Его нами, существами ограниченными, стало возможным, оно означало бы ограниченность, конечность Его, т. е. неполноту Божества. Вообще наши познавательные методы недостаточны в деле богопознания, и не надо торопиться эту свою ограниченность принимать за ограниченность того, что мы хотели бы постигнуть. Однако в нас заложена бессмертная божественная душа, которая и через эту ограниченность тянется к Богу».

Но хотя – по словам прп. Дионисия – «о Боге мы знаем только то, что Он есть, но не знаем – что Он есть», у Него есть

свойства, которые нам понятны и позволяют сблизиться с Ним так, что Он становится для нас в какой-то мере доступным и беспрельдно дорогим.

Каковы же эти свойства, по Священному Писанию? Господь сказал, что «Бог есть любовь» (1Ин. 4, 8).

Старец Силуан пишет:

«Господь наш настолько милостивый наш Отец, что мы ни понять, ни вообразить этого не можем, и только Дух Святой открывает нам Его великую любовь».

Как говорит епископ Феофан Затворник:

«Бог все объемлет Своей любовью... Мы окружены ею... Если не ощущаем согревающих лучей ее, это от нашей заостенелости и бесчувственности».

А о. Иоанн С. утверждает:

«Бог любит тебя больше, чем ты сам себя любишь, и заботится и печется о тебе более, чем ты сам можешь о себе позаботиться. Бог ближе к нам всякого человека во всякое время: ближе моей жены, отца, матери, дочери, сына, друга, ближе моей одежды, ближе воздуха, света, ближе ко мне, чем я сам себе».

Еще в Ветхом Завете имеется место, так говорящее о Боге:

«И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь. После ветра – землетрясение, но не в землетрясении Господь. После землетрясения – огонь, но не в огне Господь. После огня – веяние тихого ветра...»

(3Цар. 19, 11–12).

И там, в этой тишине, в этом нежном веянии открывается Бог.

А когда на земле явился Его Сын, то Его поведение было охарактеризовано словами:

«Се Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя; положу Дух Мой на Него и возвестит народам суд: не воспрекословит, не возопиет и никто не услышит на улицах голоса Его. Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы»

(Мф. 12, 18–20; Ис. 42, 1–4).

Сам Господь говорил как об отличительных Своих свойствах о Своей кротости и смирении:

«Приидите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»

(Мф. 11, 29).

Мы знаем, что Бог всемогущ. Для Него ничего бы не стоило заставить трепетать перед Собой весь мир, поразить людей страхом, привлечь их чудесными знамениями, Своей силой истребить зло и тех, кто сеет это зло, и уничтожить с земли все соблазны и соблазнительей.

Почему же Бог не делает этого? Ведь так было бы хорошо, когда все боялись бы Бога, все было бы по Его воле и все злое было бы удалено!

Да, но тогда бы ушла с земли свобода человеческого произволения, а с ней исчезла бы и красота веры, подвига и любви. Не стало бы более друзей и сынов Божиих, а осталось бы стадо запуганных и насильственно добродетельных рабов.

Но Богу это не угодно. Он говорит: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13). И поэтому Он не хочет ни запугивать людей, ни поражать их чудесами и знамениями. Когда апостолы Иаков и Иоанн хотели огнем с неба наказать самарян, не принявших Господа, Он запретил им это, сказав: «Не знаете, какого вы духа» (Лк. 9, 51–55). Господь не хочет оказывать на волю людей ни малейшего давления, а для этого облекает Свое всемогущество и величие в броню кротости и смирения. Он хочет завоевать наше сердце, но завоевать его красотой Своего образа, любовью и Своей жертвой: «Когда Я буду вознесен от земли [на крест], всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32).

Если сравнить отношение Бога и наше к задаче исправления людей, то можно заметить бьющую в глаза разницу. Как часто мы хотим насильно заставить людей сделаться добродетельными.

Мы стараемся настоять на своем, спорим, раздражаемся, часто грозим, а когда имеем власть – и наказываем. На страхе наказания и возмездия строится вся общественная и

государственная и, в значительной мере, семейная системы взаимоотношений.

Не так влиял на людей Господь. Он – Всемогуший – не проявлял ни малейшего давления на свободную волю людей. Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Бог бережет свободу человека как самое драгоценное начало в нем, и потому смирением влечет душу к любви Своей».

Священное Писание часто называет Бога «ревнителем»: «Ибо Я Господь Бог твой, Бог ревнитель» (Исх. 20, 5). «Имя Его – ревнитель» (Исх. 34, 14) – т. е. усердный защитник истины, добра и справедливости. Ему принадлежит полнота деятельной любви. «До ревности любит дух, живущий в нас», – пишет апостол Иаков (Иак. 4, 5).

Но сатана сумел привить гордость огромной части человечества и развить в нем безверие, пороки самомнения, самоволия, самолюбования, самопочитания. Это смертельная болезнь души, поразившая мир, и в особенности современный мир, вступивший в период отступления от Христа и Бога.

Будет ли с этим мириться Бог ревнитель? Нет, Его ревность к добру не мирится с отступлениями от Него, и вся мировая история свидетельствует об этом – свидетельствует войнами, голодом, эпидемиями, землетрясениями и другими бедствиями.

Поражая тело, Бог хочет спасти душу. Он делает так потому, что любит и не мирится с изменой человека. И здесь вразумление бедствиями есть прежде всего проявление Его любви: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3, 19).

Приписывая Богу те или иные свойства человеческой души – гнев, радость и т. п., мы, однако, должны помнить, что по отношению к Богу мала вместимость нашего слова, поскольку Бог непостижим для человека по Своей сущности.

Об этом так пишет прп. Антоний Великий:

«Бог Благ и Бесстрастен и Неизменим. Если кто, признавая благославным ¹. и истинным то, что Бог не изменяется, – недоумевает, однако же, как Он (будучи таков) о добрых радуется, злых отвращается, на грешников, гневается, а когда они каются, является милостив к ним, то

на это надобно сказать, что Бог не радуется и не гневается: ибо радость и гнев суть страсти. Нелепо думать, чтобы Божеству было хорошо или худо из-за дел человеческих. Бог Благ и только благое творит, вредить же никому не вредит, пребывая всегда одинаковым; а мы, когда бываем добры, то вступаем с Богом в общение – по сходству с Ним, а когда становимся злыми, то отдаляемся от Бога – по несходству с Ним. Живя добродетельно – мы бываем Божиими; а делаясь злыми – становимся отверженными от Него; а это не то значит, что бы Он гнев имел на нас, но то, что грехи наши не попускают Богу воссиять в нас, с демонами же мучителями соединяют. Если потом молитвами и благотворениями снискиваем мы разрешение во грехах, то это не значит, что Бога мы ублажили и Его переменили, но что посредством таких действий и обращения нашего к Богу уврачевав сущее в нас зло, опять соделываемся мы способными вкушать Божию благодать; так что сказать «Бог отвращается от злых» есть то же, что сказать «солнце скрывается от лишенных зрения»».

Надо ли бояться Бога?

«Господа Бога твоего бойся», – говорит заповедь Моисея (Втор. 6, 13). И она повторяется в псалмах, у пророков, в книгах Соломона – на многих страницах священных книг Ветхого Завета (Соф. 3, 7; Лев. 19, 14; 25, 17; Еккл. 5, 6; 12, 13; Притч. 3, 7; 24, 21; 1Цар. 12, 24; Пс. 33, 10; Втор. 13, 4). Действительно, наиболее характерная картина Богоявления в Ветхом Завете – это «огонь поядающий» (Евр. 12, 29). Для грешного ветхозаветного человечества страшен был Господь Бог Саваоф (Пс. 46, 3; 64, 6; 67, 36 и т. д.). Таким должен и будет являться Бог тем, кто не хочет знать Его и помнить о Нем, не имеет покаяния и не тянется к Богу сердцем своим.

Но не такого отношения хочет Бог от людей. И, посылая в мир Своего Сына с призывом к покаянию, Бог Отец иное представление дает о Себе через учение Христа, Его жизненный пример и призывы тем из людей, кто обратится к Нему от всего сердца.

Господь Иисус Христос, Сын Божий, научил нас, что Бог есть наш Отец (Мф. 6, 9) и что Он безмерно человеколюбив и милосерд к тем, кто сокрушенно кается в своих грехах и хочет исправиться.

Доказательством этого служит притча о блудном сыне (Лк. 15, 11–32) – это «Евангелие из Евангелия», как называют ее некоторые богословы. В этой притче отец «выбегает» навстречу блудному сыну, когда тот был еще «далеко», «падает ему на шею и целует его».

В ответ на смиренные слова возвратившегося, что он более недостоин называться сыном, отец одевает его в «лучшую одежду» и новую обувь и дарит ему драгоценный перстень на руку. Затем он устраивает пир, закалывает для этого «откормленного теленка» и призывает всех: «Станем есть и веселиться».

Как много подробностей упомянул в этой притче Господь, чтобы как можно лучше охарактеризовать особую милость Небесного Отца к покаявшемуся грешнику и Его великую радость о возвращении к Нему ранее падшей, но смилившейся и покаявшейся души человеческой.

Господь хочет видеть в нас Своих детей и друзей, а не подневольных слуг и рабов. Он хочет владеть нашим сердцем и жить в нем – хочет ответной горячей любви к Себе.

Об этом желании Бога и Его таинственной близости к душе человеческой так пишет прп. Макарий Великий:

«Нет иной такой близости и взаимности, какая есть у души с Богом и у Бога с душою. Бог сотворил разные твари, сотворил небо и землю, солнце, луну, воды, древа плодоносные, всякие роды животных. Но ни в одной из сих тварей не почивает Господь. Всякая тварь во власти Его, однако же не утвердил Он в них престола, не установил с ними общения; благоволил же о едином человеке, с ним вступив в общение и в нем почивая. Видишь ли в этом сродство Бога с человеком и человека с Богом? Как небо и землю сотворил Бог для обитания человеку, так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселяться и успокаиваться в теле его, как в доме Своем, имея прекрасную

невестою возлюбленную душу, сотворенную по образу Его. Поэтому душа осмысленная и благоразумная, обышедше все создания, нигде не находит себе успокоения, как только в Едином Господе».

Поэтому путь человечества после грехопадения – это путь усыновления, путь блудного сына, возвращающегося к отцу и не смеющего еще называть себя сыном.

Таков же путь каждой души христианской: исходя от страха к Богу, она должна со временем достигать любви к Нему. Естественный страх перед Владыкою всего мира и Судьей падшего человечества должен у христианина преобразовываться в страх: как бы не оскорбить Его своими грехами, невоздержанием и нерадением, как бы не удалить Его от себя своей нечистотой. Постигание Бога и Господа нашего Иисуса Христа будет, однако, еще недостаточным, если мы не познаем духовное Тело Христово – основанную Им на земле Церковь, Промысл Божий в истории человечества и учение о Боге святых отцов Церкви.

Поэтому изучение истории Церкви в лице ее святых, постижение через это Божьего Промысла и изучение святых отцов является третьим источником познания Бога.

Все три указанные способа познания Бога (наблюдение природы, изучение Священного Писания и истории Церкви) действуют преимущественно на разум. Но разум в человеке играет подчиненную роль. Важнее полюбить Бога, познать Его сердцем; существует духовная аксиома – «Бог постольку познается, поскольку возлюбляется».

Для познания Бога сердцем имеется четвертый и наиболее совершенный способ постижения Бога. Этот способ открыт лишь верующим и открывается по благодати Божией через постоянное молитвенное общение человека с Богом. Он заключается в особенных переживаниях сердца человеческого, постигающего действие на него Божией благодати, – благодати, – благодати, – снисхождения, милосердия, всепрощения и любви. Тогда Бог становится близким сердцу, бесконечно дорогим и любимым. Бог ищет у людей именно такого отношения к Себе.

Эта способность воспринять Бога сердцем дается через многие труды по очищению сердца и по стяжанию Духа Святого Божия.

Чтобы достичь такого отношения людей к Богу, Господь, будучи на земле, просвещал людей истиной, открывал им в Себе образ неземной красоты, изливал на них милость и всепрощение и ждал, и теперь ждет терпеливо, чтобы на Его зов проснулись души, забились сердца любовью, протянулись к Нему руки за помощью. «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20).

Как пишет схииерхимандрит Софроний:

«Православное богопознание не есть отвлеченное созерцание блага, любви и проч., не есть оно и простое совлечение ума от всех эмпирических образов и понятий. Истинное созерцание дается Богом через пришествие Бога в душу, и тогда душа созерцает Бога и видит, что Он любит, что Он Благ, Великолепен, Вечен; видит Его надмирность и неизреченность».

Сын Божий Господь Иисус Христос доказал нам и неизмеримость Своей любви Своими великими страданиями, пролитой за нас кровью и крестной смертью. Это известно всем христианам. Но вопрос: эта истина у всех ли трогает сердце до отвращения ко греху и так, чтобы благословить в душе своей Господа?

Как пишет архимандрит (впоследствии Патриарх) Сергей:

«Пусть человек созерцает в Боге не samozаключенную святость, которая была бы погружена в услаждение своими совершенствами, а видит прежде всего любовь, которая стремится жертвовать собой, стремится наделять своими благами всех, кто только может их воспринять. Пусть человек сознает, что он, в частности, не заслужил этой любви, что, наоборот, его неблагодарность заслужила наказания, а не любви. Сознывая все это, может ли чистый, любящий добро человек не загореться в ответ на эту любовь такой же безграничной и бескорыстной любовью, какую видит в Боге? Тогда для человека пропадает все: и сам он, и будущее

награды, и закон справедливости, и остается только один Бог, для Которого он и живет и о процветании царства Которого как царства добра он только и думает, позабывая, будет ли сам он участвовать в этом царстве или нет».

Очевидно, что недостаточно одной только веры в Бога. Старец схимонах Силуан со Старого Афона и говорит поэтому:

«Иное – веровать в Бога, а иное – знать Бога... Верующих на земле много, а таких, которые знают Бога, – очень мало».

Вместе с тем познать Бога – это значит приобщиться к жизни вечной. Господь сказал: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (Ин. 17, 3).

Богопознание открывает христианину двери в вечную жизнь. Опытное же достижение «знания Бога» – это задача всей жизни христианина, и она будет решена в той мере, в какой степени ему удастся при жизни достичь «стяжания Духа Святого Божия».

Итак, не одна только вера, но и «знание Бога» необходимы для христианина. О сущности последнего понятия так пишет архимандрит (Патриарх) Сергей:

«Человек тогда действительно, а не призрачно познает Бога, когда ощутит Его непосредственно, когда Бог будет для него не только бесконечным Величием, а перейдет внутрь человека, станет началом, одушевляющим человека и строящим его по Себе. Тогда из расположения собственной души своей праведник и узнает из опыта, в чем состоит и какова по своему существу жизнь Божественная. Таким образом, познание Бога есть зрение жизни Божией в самом себе, составляющее сущность вечного блаженства. Обратной своей стороной оно имеет уподобление Богу и достижение возможно полного воспроизведения в себе образа Божия».

Глава 3. Богообщение

Истинный христианин жаждет богообщения как своей заветной цели. Патриарх Сергей

По мере развития в человеке богопознания, в душе его начинается и богообщение.

Как пишет архимандрит (Патриарх) Сергей:

«Святое общение с Богом не только есть долг человека, но является для него единственным благом, единственным нормальным состоянием его природы. По самой причине своей человек, по выражению св. Кирилла Александрийского, предназначен к тому, чтобы жить подле Бога. Благо богообщения состоит в достижении святости, а не в услаждении как таковом. Поэтому первое неизбежное условие достигнуть этого блага есть самоотречение во имя безусловной ценности добра. «Познание Бога, – говорит св. Кирилл Александрийский, – может быть делом только того, кто достиг уже такой степени силы, что никакого не придает значения плотскому и мирскому (чужд самоуслаждения), но способен пылко и неукротимо стремиться духом к тому, что угодно Богу».

Здесь следует указать и на то ложное мнение, что богообщение может достигаться душой христианина лишь к концу жизни на земле, после завершения земного подвига. Это опровергается епископом Феофаном Затворником, который говорит:

«Неверно, что богообщение является последней целью человека и человек сподобится его лишь после, в конце, например, всех трудов своих.

Нет, оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения. Состояние, в котором человек сознает себя в богообщении, есть единый решительный признак присутствия в нем начала истинно нравственной и духовной жизни».

«Следовательно, – как пишет архимандрит (Патриарх) Сергей, – святое общение с Богом является прямой необходимостью человека. Вне этого общения человек не только вне своего призвания, не только грешен, но и прямо нравственно мертв. В силу этого истинный христианин жаждет богообщения как своей заветной цели» (см. Флп. 1, 23).

Ставя себе целью богообщение, следует оговориться, что достижение этого требует от христианина очень многого: чистоты сердца, любви к правде, истине и красоте. Требуется смирения и самоотвержения, требует великого труда, многих жертв и напряжения всех сил человеческой души.

Вспомним из притч Господних, что нашедшему «сокровище», скрытое в поле, понадобилось «продать все», что он имел, чтобы купить поле с сокровищем (Мф. 13, 44). И нашедшему «одну драгоценную жемчужину» понадобилось также «продать все», что имел, чтобы приобрести эту драгоценную жемчужину (Мф. 13, 45).

Но при твердой решимости человека и помощи Божией благодати – «все возможно верующему» (Мк. 9, 23).

Вряд ли можно подробно говорить о всех следствиях богообщения.

Богообщению сопутствует процесс преобразования души – перерождения «внешнего» человека во «внутреннего» (или душевного в духовного), процесс метаморфозы (превращения) пороков души в христианские добродетели; процесс зарождения и развития в душе внутреннего зрения и внутреннего слуха, т. е. способности замечать и видеть свои грехи, страсти, пристрастия и недостатки. В итоге оно ведет к приобщению души к «совершенной радости» Христовой.

Все вышеизложенное и составляет основную задачу наших очерков в целом и будет обсуждаться на многих страницах.

Следует оговориться при этом, что как много форм, так и еще более ступеней у богообщения, и здесь возможно, а для нас и уместно, говорить лишь о первоначальных ступенях.

Те, кто достигал в Церкви Христовой более высоких ступеней богообщения, обычно не рассказывали о них по смирению и скромности.

Лишь из наиболее великих святых некоторые дерзали делать это, имея целью поведать людям о чудесах Божиих и Его беспредельном милосердии для укрепления веры христианской. Можно думать, что признаком начала богообщения будет свободное исполнение христианином заповеди Христовой, по слову апостола Павла:

- 1) «непрестанно молитесь»;
- 2) «за все благодарите»;
- 3) «всегда радуйтесь» (1Фес. 5, 16–18).

Из заветов своим духовным детям старца о. Алексия М.:

- 4) «совсем, совсем забудьте о себе»;
- 5) «будьте для всех солнышками»;
- 6) «во всяком человеке усматривайте все хорошее»;
- 7) «не замечайте в нем ничего дурного».

При богообщении достигается и цель жизни христианина – стяжать Духа Божия, т. е. проникнуться Им, слиться с Ним, сделать себя неотделимым от Него, жить и дышать Им, заполнять Им душу, ум, сердце и волю. На вопрос «Что делает человека человеком?» можно ответить: «Богообщение». И это решает судьбу человека и пригодность его к вечной жизни. Без общения с Богом человек ниспадает до цивилизованного животного, мертвого духовно и отсюда слепого по отношению к духовному миру.

Устраняясь же от богообщения и не желая «знать Бога», человек устраняет себя от Предвечной красоты, загнивает душой и как нарушающий своим безобразием мировую гармонию должен быть устранен от последующих этапов в развитии мироздания, т. е. не допущен для обитания на «новой земле» и «новом небе» (Откр. 21, 1).

Глава 4. Сын Божий – Господь наш Иисус Христос

Я есмь путь и истина и жизнь. Ин. 14, 6

Веруя в Сына Божия, имеете жизнь вечную. 1Ин. 5, 13

Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет. Ин. 15, 6

Христос для верующего – все. Прп. Марк Подвижник

Господь будет тебе свет, покров твой, путь твой, крепость твоя, венец радости и заступление вечное. Прп. Варсонофий Великий

В истории человечества есть один очень краткий период, всего три с половиной года, понять значение которого – это

значит понять свое назначение в жизни, ее смысл, смысл жизни всего человечества, усмотреть ее будущность, предугадать свою судьбу.

Как молния ночью внезапно освещает все, до того скрытое во мраке, так просвещают людям их разум эти три года. Здесь история человечества перелаживается – начинает идти по новому пути.

В космосе бессмертных человеческих душ – живших ранее, живущих и всех будущих поколений – происходит событие, для определения которого трудно подобрать слово: оно похоже на катаклизм, но его необъятная энергия была направлена не на разрушение, а на созидание. Оно потрясло все основание духовного мира человечества, но это потрясение было нежно, как поцелуй матери для ребенка.

Это событие произошло на тридцатом году нашей эры, и это – Богоявление.

В человеческом мире явилось высшее существо – Сам Бог, создавший мир. Но так как общение с Богом, Его постижение и восприятие невозможны для ограниченного человеческого существа, то Бог принял на Себя человеческий образ, чтобы сделать Себя доступным и понятным людям.

Так явился на земле Богочеловек Иисус Христос, Сын Божий, родившийся от Девы Марии. Она одна из всего человечества всех времен явилась достойной для такого непостижимо высокого предназначения, как быть Матерью по плоти для Богочеловека.

Наш разум слишком слаб, чтобы постичь все неизмеримое значение этого события. Вместе с тем счастье каждого человека во вселенной зависит всецело от того, насколько глубоко его сердце может постигнуть и усвоить себе его значение.

По Промыслу Божию это событие описано с полной ясностью в книгах Нового Завета, а его понимание передавалось в Предании и в писаниях св. отцов.

Эти книги говорят как о целях Богоявления, так и о его последствиях для человечества.

Постичь все последствия Богоявления и тем более написать о них, конечно, невозможно. Можно говорить лишь о

более важных из них, не дерзая судить о том, какие из них всего важнее.

Одной из основных целей явилось освобождение человечества от уз первородного греха в тайне искупления.

Как пишет схиархимандрит Софроний: «Сила космического зла над человеком колоссально велика, и ни один из наследников Адама не может преодолеть его без Христа и вне Христа. Он есть Иисус – Спаситель в собственном и единственном смысле этого слова».

Про другую цель пришествия на землю Господа так говорит апостол Павел: «Иисус Христос дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам» (Тит. 2, 14).

О том же более подробно пишет прп. Макарий Великий:

«Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить и обновить естество и нашу душу, вследствие преступления низложенную страстями, создать вновь, растворив ее Божественным Духом. Он пришел верующих в Него соделать новым умом, новою душою, новыми очами, новым слухом, новым языком духовным, одним словом – новыми людьми».

«Бог стал человеком, чтобы человек стал богом», – говорили святитель Афанасий Великий и блж. Августин. О том же пишет и В. С. Соловьев: «Богочеловек, т. е. соединение Божества с человеческой природой в одном индивидуальном лице есть начаток, необходимое основание и средоточие; конец же и завершение есть богочеловечество (точнее человеческое Обожение), т. е. сочетание с Богом при посредстве Богочеловека всего человеческого рода, а через него и всей твари».

Целью пришествия Господа была и организация нового, особого Царства среди людей, во главе которого встал Сам Богочеловек. Он открыл двери этого Царства для всех и всех зовет в него. А чтобы доказать, что никакой грех не может помешать человеку войти в него, Он ввел туда первым покаявшегося разбойника.

Организация этого нового Царства – Царства света духовного, истины и любви – не нарушила хода истории человечества, не сменила земных царств. Оно вне их, но вместе с тем объемлет всех их, и в него могут входить все взыскующие его из всех поколений: прошедших, настоящих и будущих.

Богочеловек указал и законы этого Царства, исполнение которых обязательно для всех, кто хочет быть достойным его. Эти законы каждый может узнать из Четвероевангелия и добровольно подчинить им свою волю. Эти законы основаны на любви, милосердии, покаянии, смирении и кротости.

Выполнение их нелегко для испорченной грехом человеческой души: поэтому «труден» и «узок» путь, ведущий в это Царство, но зато неизмеримо велико достижение. В этом Царстве побеждена смерть и нет более разлуки с любимыми, в нем господствует та совершенная радость, которая неопишима.

Придя на землю и основав Свое Царство, Господь предупредил все человечество, что только Он есть «дверь» в это Царство (Ин. 10, 7) и нет туда другого пути, как через Него.

Целью Богоявления можно считать и раскрытие понятия о Боге в той мере, в какой это доступно человеку, и о чем уже говорилось в предыдущей главе. «Я открыл имя Твое человекам» (Ин. 17, 6).

Вместе с тем, как пишет Паскаль, «познание Бога, приобретенное помимо познания Иисуса Христа, бесполезно и бесплодно».

Зная все это, как мы должны относиться к Богочеловеку? Ответ может быть только один. Если мы не совершенно бесчувственны и бессмысленны, то мы должны были бы содрогнуться во всем нашем существе – в разуме и сердце – перед тем неизмеримым значением, которое имеет для нас Иисус Христос. В глазах наших должен потускнеть, исчезнуть мир, все его обольщения и мнимые ценности, а в сознании и сердце загореться этот образ нашего Бога, Царя, Судии, Законодателя, Пастыря, Спасителя и Икупителя-Страдальца (за нас).

Бедная, жалкая, грешная, слабая человеческая душа, ты изнемогаешь от страданий под игом скорбей, болезней и тягостей жизни. Над тобою качается роковой маятник смерти, который спускается все ниже и ниже и неизбежно в предназначенный час тебя коснется.

Как же ты не понимаешь того, что произошло в ночь Воскресения в иерусалимском загородном саду фарисея Иосифа?

Ведь тогда была устранена твоя гибель. Тогда воскрес Христос – «первенец из мертвых», «смертию смерть поправ». Он дарит тебе бессмертие, вечную радость и небесную славу, если ты этого захочешь и все в жизни подчинишь одной цели и одному стремлению.

Отсюда не все ли твои мысли и чувства должны скреститься на Нем одном? Не все ли в сердце должно быть отдано только Ему? Не всегда ли ты должен помнить о Нем и общаться с Ним в постоянной молитве? Не надо ли оставить ради Него все земные пристрастия и отвернуться от тех радостей, которые будут удалять тебя от Него?

Наконец, не должен ли ты исповедывать Его перед всеми своим Спасителем, Господом и Богом, если Он потребует когда-либо этого?

А Его Евангелие – Благая весть о Нем – не должно ли стать единственным путеводителем твоей жизни?

Для этого не надо ли тебе постоянно читать его и изучать его, если уж не знать наизусть, как знали его многие из истинных христиан?

Не надо ли тебе в полной мере подражать и в горячности чувств апостолу Павлу, который так определил свое отношение к миру и Христу: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят и я для мира» (Гал. 6, 14).

Как пишет игумен Иоанн:

«Господь Иисус Христос предстоит человеку не только Своим святейшим образом – духовным ликом, но и всеми лучами Своей красоты, отражающейся в мироздании».

О неземной красоте Христа свидетельствуют евангелисты и все те, кто был удостоен видения Христа в течение последующих веков. Видевший Его преподобный Серафим Саровский не мог после видения в течение трех часов выговорить ни одного слова от силы охватившего его чувства.

Скончавшийся в 1938 году схимонах Силуан из Старого Афона также сподобился видения Господа. Как говорит схиархимандрит Софроний, долго живший со старцем и составивший его жизнеописание, «огонь исполнил сердце Силуана и все тело с такой силой, что если бы видение продлилось еще мгновение, он умер бы.

После Силуан никогда не мог забыть невыразимо кроткий, беспредельно любящий, радостный, непостижимого мира исполненный взгляд Христа и в последующие долгие годы своей жизни неустанно свидетельствовал, что «Бог есть любовь, любовь безмерная, непостижимая. Любовь Господня так горяча, что когда душа Духом Святым познает Господа, то от радости забывает весь мир».

Людей подразделяют по национальностям, по классам, образованию, профессии, возрасту, полу и т. п. Но это все – не существенные признаки для характеристики человека.

Есть лишь один признак, действительно характеризующий его абсолютную ценность. Как говорит схиархимандрит Софроний: «Бытие всякого разумного тварного существа движется меж двух пределов: один – любовь к Богу до ненависти к себе; другой – любовь к себе до ненависти к Богу».

Говоря же про старца Силуана, схиархимандрит Софроний так характеризовал его отношение к людям: «Он всей душой хотел понимать всякого добрым образом; в каждом человеке он чутко воспринимал его одушевленность, его способность любить Христа».

Итак, отношение человека к Богу в образе Христа есть тот «пробный камень», посредством которого можно познать всякого человека, понять ценность его души для вечности. Сам Господь называл Себя «краеугольным камнем», на котором строится Христова Церковь и через который испытывается душа каждого человека (Мф. 21, 42–44).

Вся история Церкви Христовой свидетельствует о том, что единственный путь для спасения человеческой души есть возможно совершенное познание Христа и через это познание – зарождение и возрастание к Нему любви.

Эта любовь должна быть горяча как огонь, должна поpalать все другие земные пристрастия, должна руководить человеком во всей его жизни – в мыслях, словах и поступках. И чем горячее будет эта любовь, тем больше радости она принесет душе человеческой.

Полюбивший так Христа не может не последовать за Ним, поняв, что это является единственным правильным путем и единственной целью жизни всякого христианина.

О. Александр Ельчанинов так пишет в одном из своих писем:

«Я думаю, в основе твоих душевных недомоганий лежат две причины: 1) чрезмерная занятость собой и как результат малая занятость окружающими и 2) малая любовь ко Христу. Эта любовь есть основа и корень всякой духовной жизни и силы, и ее нужно в себе растить и воспитывать. Начни хоть с такой неотразимой мысли, что прекраснее Христа не было никогда ничего во всю человеческую историю. Если ты возьмешь всех Наполеонов, Цезарей, Александров, всех гениев и вождей человечества, – во всех ты найдешь пятна, нечистоту и только в кротком Сыне Марии ты увидишь все прекрасное, все желанное, о чем когда-либо грезил человек. Вглядываться в этот образ, выяснять и углублять его в себе, жить мыслью о Нем, отдавать Ему свое сердце – это и есть жизнь христианина. Если это есть, тогда и полная тишина сердечная, тот мир, о котором говорил св. Исаак Сирин: «Умиришь с собой, и умирятся с тобой небо и земля»...

Ставшему на путь духовного совершенствования, последовавшему за Христом явной, совершенно внутренне для него убедительной делается единственность этого пути. Мало ставших на этот путь, но почти нет раз ставших и возвратившихся назад. Согласно обещанию Христа, «всякий ищущий обретает».

Как говорила старица Ардалиона (Усть-Медведицкого монастыря):

«Чтобы жить со Христом в Боге, нужна смерть собственной самости».

Сердце, умертвившее в себе свою самость, делается жилищем Божественного добра; усвоением Его Всесвятых заповедей дух человека приобщается Духу Христову...

Не уничтожается наша личность, но, умирая телом, воскресает духовно во Христе. И как прежде она жила для себя и себя делала целью жизни, к себе все направляла, собою все освещала, так теперь Христос стал жизнью ее души, душою ее жизни, полнотою сердца, руководителем ее ума. И когда Христос живет в душе, то какого добра не в силах Он плодотворить и какие чудеса не явит Он душе?..

Какие чудеса угодно Господу являть такой душе и через нее миру, это Ему одному известно. Сама же душа ничего не желает, это предел ее исканий – отселе ждет смерти, чтобы разрешиться и со Христом быть...»

О значении пришествия Христа на землю так пишет профессор о. Сергий Булгаков:

«Бог восхотел иметь в творении, в человеке друга; вочеловечение Бога до конца осуществляет возможность этой дружбы. «Вы друзья Мои, если исполните то, что Я заповедую вам» (Ин. 15, 14)... И человек должен возлюбить в Нем своего высшего и единственного Друга, найти себя в Нем, ибо в Нем сокрыта тайна всякого индивидуального лица; Он как Сын Человеческий и есть само человечество, в человеке – подлинно человеческое. В известном смысле «спасение» от греха, т. е. от себя самого в должном, эмпирическом естестве, есть утверждение себя другим в Друге. Господь принял на Себя инакость, нашу греховную природу, в плоть до крестной смерти, чтобы, пребыв в другом, явить Себя к этому другому истинным Другом».

И человек должен возлюбить в Нем своего высшего и единственного Друга, найти себя в Нем, ибо в Нем сокрыта тайна всякого индивидуального лица; Он как Сын Человеческий и есть само человечество, в человеке – подлинно человеческое.

В известном смысле «спасение» от греха, т. е. от себя самого в должном, эмпирическом естестве, есть утверждение себя другим в Друге. Господь принял на Себя инакость, нашу греховную природу, вплоть до крестной смерти, чтобы, пребыв в другом, явить Себя к этому другому истинным Другом».

«Я завещаю вам... Царство» (Лк. 22, 29), – говорил Господь Своим апостолам, уходя с земли.

«Вы... царственное священство» (1Пет. 2, 9), – пишет поэтому ап. Петр христианам.

Может ли понять наш разум все необычайное величие, на которое возводит нас Господь этим обетованием? И не только о получении этих даров должен помнить всякий христианин, но и о всей глубине ответственности, которую возлагает на каждого из нас принятие, хранение и употребление в жизни этих бесценных, великих, трудно постижимых разумом царственных даров...

Как говорит затворник Задонский Георгий:

«Христа надо не только любить, но быть влюбленным в Него».

Приложения к главе 4-й

Архиепископ Иоанн (Шаховской) пишет:

««Что есть истина?» (Ин. 18, 38), – спросил Пилат у стоящей перед ним Истины... Если вы у самой Истины вместо того, чтобы любить ее и слушаться ее, будете спрашивать, что она такое, – она будет безмолвствовать перед вами. Но если вы откроете перед Истиной-Христом свое сердце, Ему верное, и станете просить Истину-Христа, чтобы Он вошел к вам, – Истина, Живой Господь, послушается вас, и войдет к вам, и будет светом ваших очей, силой вашего разума, духом ваших уст, величайшим смыслом и радостью вашей жизни. Сердце – вне пространства и времени. Соединение его с Господом не зависит ни от каких условий этого мира. Лишь от внутреннего состояния веры, правды, чистоты и смирения человеческого зависит радость соединения человека с Богом. Господи, хорошо нам быть с Тобой... всюду. Не вспомнить лишь о Тебе хорошо, не размышлять только о времени, когда Ты жил на земле, как

человек, или о том часе, когда Ты придешь, но главное – пребывать с Тобой хорошо. В чем начинается наше пребывание с Господом? В желании соблюсти малейшую Его волю, исполнить каждое указание Евангелия, даже каждый намек Его заповеди. Пребывание с Господом выражается и в мире сердца, который «превыше всякого мира"... Он есть «Мир наш» (Еф. 2, 14). Пребывание с Господом есть молитвенная, чистая, небесная, радостно-благодарная смягченность правдивого и покаянного сердца. Пребывание с Господом есть живое непрестанное общение с Ним, хождение перед Ним и в Нем. Господь не только около нас, но Он и в нас, и Его любовь к нам и наша любовь к Нему есть самая великая сила мира».

Если вы у самой Истины вместо того, чтобы любить ее и слушаться ее, будете спрашивать, что она такое, – она будет безмолвствовать перед вами. Но если вы откроете перед Истиной-Христом свое сердце, Ему верное, и станете просить Истину-Христа, чтобы Он вошел к вам, – Истина, Живой Господь, послушается вас, и войдет к вам, и будет светом ваших очей, силой вашего разума, духом ваших уст, величайшим смыслом и радостью вашей жизни.

Сердце – вне пространства и времени. Соединение его с Господом не зависит ни от каких условий этого мира. Лишь от внутреннего состояния веры, правды, чистоты и смирения человеческого зависит радость соединения человека с Богом.

Господи, хорошо нам быть с Тобой... всюду. Не вспомнить лишь о Тебе хорошо, не размышлять только о времени, когда Ты жил на земле, как человек, или о том часе, когда Ты придешь, но главное – пребывать с Тобой хорошо.

В чем начинается наше пребывание с Господом? В желании соблюсти малейшую Его волю, исполнить каждое указание Евангелия, даже каждый намек Его заповеди. Пребывание с Господом выражается и в мире сердца, который «превыше всякого мира"... Он есть «Мир наш» (Еф. 2, 14). Пребывание с Господом есть молитвенная, чистая, небесная, радостно-благодарная смягченность правдивого и покаянного сердца.

Пребывание с Господом есть живое непрестанное общение с Ним, хождение перед Ним и в Нем.

Господь не только около нас, но Он и в нас, и Его любовь к нам и наша любовь к Нему есть самая великая сила мира».

Св. Григорий Палама так пишет о целях Боговоплощения Иисуса Христа:

1. Сын Божий стал человеком, чтобы показать, на какую высоту Он нас возводит.

2. Чтобы мы не превозносились, будто мы сами по себе победили поработение дьяволу.

3. Чтобы Он (Сын Божий) как сугубый естеством стал посредником, соразмерно согласуя свойства обоих естеств.

4. Чтобы разрешить узы греха.

5. Чтобы показать, в какую бездну греха мы впали, что потребовалось Воплощение Бога.

6. Чтобы стать для нас примером унижения, которое связано с плотью и страданиями.

7. Чтобы стать целительным средством против гордости.

8. Чтобы показать, что Бог создал наше естество добрым.

9. Чтобы стать начальником новой жизни, подтвердить воскресение и прекратить безнадежность.

10. Чтобы, став Сыном Человеческим и причастившись смерти, сделать людей сынами Божиими и участниками Божественного бессмертия.

11. Чтобы показать, что естество человеческое, в отличие от всех тварей, создано по образу Божию; что оно настолько сродно, что может с Ним соединиться в одной Ипостаси.

12. Чтобы почтить плоть, именно смертную плоть.

13. Чтобы высокомерные духи не смели считать и о себе думать, что они честнее человека и что они могут обожиться вследствие своей бесплотности и кажущегося бессмертия.

14. Чтобы сочетать разделенных естеством людей и Бога, Сам Христос становится посредником в обоих естествах.

Как пишет о. Иоанн Сергиев, с момента искупления Господом человеческой души и человеческого рода «мы приглашаемся в сообщество херувимов, серафимов, престолов, господств, ангелов и архангелов вместо падших,

возгордившихся духов. Эти – возгордились и сказали в себе Богу: как-то Ты восполнишь наш недостаток, который для Тебя нестерпим и ощутителен как для Премудрого, не терпящего ни в чем недостатка и дисгармонии в мире Своем?»

Поэты о Христе:

Одна есть в мире красота
Любви, печали, утешенья
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

Из поэмы «Иоанн Дамаскин»

Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный,
Блажен, кто жизнь умел
Хоть раз коснуться правды вечной;
Блажен, кто истину искал,
И тот, кто побежденный пал
В толпе ничтожной и холодной
Как жертва мысли благородной.
Но не для них моя хвала,
Не им восторга излиянья –
Мечта для песен избрала
Не их высокие деянья.
И не в венце сияет Он,
К Кому душа моя стремится;
Не блеском славы окружен,
Не на звенящей колеснице
Стоит Он, гордый сын побед,
Не в торжестве величья – нет –
Я зрю Его передо мною.
С толпою бедных рыбаков,
Он тихо, мерного стезею,
Идет меж зреющих хлебов;
Благих речей Своих отраду
В сердца простые Он лиет,
Он правды алчущее стадо
К ее источнику ведет.
Зачем не в то рожден я время,

Когда меж нами, во плоти,
Неся мучительное бремя,
Он шел на жизненном пути.
Зачем я не могу нести,
О мой Господь, Твои оковы,
Твоим страданием страдать
И крест на плечи Твой принять
И на главу венец терновый.
О, если б мог я лобызать
Лишь край святой Твоей одежды,
Лишь пыльный след Твоих шагов,
О мой Господь, моя надежда,
Моя и сила и покров.
Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песней благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать.
Не отверзайтесь для другого,
Отныне вещие уста,
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово.
Тот, Кто с вечною любовью
Воздавал за зло добром, –
Избиен, покрытый кровью,
Венчан терновым венцом,
Всех с Собой страданьем сближенных,
В жизни долею обиженных,
Угнетенных и униженных
Осенил Своим крестом.
Вы, чьи лучшие стремления
Даром гибнут под ярмом,
Верьте, други, в избавление,
К Божью свету мы грядем.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цепями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,

Совоскресните с Христом.

Из Апокалипсиса

Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою.
Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь и далек.
Скитаюсь Я по миру, беден и нищ,
Стучася у многих жилищ.
Кто глас Мой услышит, кто дверь отопрет,
Меня кто к себе призовет, –
К тому Я войду и того возлюблю
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе –
Я силы прибавлю тебе.
Ты плачешь – последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду в печали тебя утешать
И сяду с тобой вечерять.
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня в келью свою.

Христос

Вот что писал Ф. М. Достоевский в 1854 году:

«Нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но, с ревнивой любовью говорю себе, что и не может быть... Гуманность, отрицающая Бога, логически приводит к бесчеловечию; цивилизация без просвещения Христова – к одичанию; прогресс без Христа – к регрессу, где нет Духа Божия – к деспотизму и тирании».

Глава 5. Святой Дух

Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа. Ин. 3, 8

И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек. Духа Истины, Которого мир не может

принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Ин. 14, 16–17

Мы, христиане, конечно, верим в слова Христа и в их непреложное исполнение. Тогда нам нужно задуматься над приведенным выше отрывком из прощальной беседы Христа с апостолами на Тайной вечере. Господь говорит, что христианин должен знать «Духа Истины и Утешителя». Знаем ли мы Его? А если не знаем, то можем ли мы считать себя христианами?

Если поискать ответа на подобный вопрос в истории Церкви Христовой, то можно утверждать, что христиане первых веков знали и видели пребывание с ними Духа Святого. Для всех очевидным было Его сошествие в день Пятидесятницы.

Явление Его сопровождалось «шумом с неба», как от «сильного ветра», «языками, как бы огненными», даром «иных языков» и т. д. (Деян. 2, 2–4).

Святой Дух далее всегда явственно для всех сходил на новокрещаемых (Деян. 8, 17–19: 8, 39; 10, 44).

Имеются в духовной литературе рассказы алтайских миссионеров (из русских), совершавших Таинство крещения над взрослыми алтайцами.

Часто бывали случаи, когда сами крещаемые или их восприемники воочию замечали сошествие на крещаемых Святого Духа в виде огня, который не опалял, но исполнял крещаемых или их восприемников светлой духовной радостью. Это сошествие по времени совпадало с моментом, когда крещаемые погружались в воду или их обливали.

При своем служении апостолы ошутительно направлялись указаниями от Святого Духа. Про апостола Павла и Силу говорится в Деяниях: «Прошедши чрез Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Азии. Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их» (Деян. 16, 6–7).

Должна ли быть эта способность ощущать Святого Духа у современных христиан? Прп. Серафим отвечает на этот вопрос положительно и велит всякому христианину всегда и всюду «проверять себя – в Духе ли я Святом?» Как это сделать и каковы свойства Святого Духа?

Конечно, Святой Дух как третья Ипостась Бога – Святой Троицы – непостижим для человека по своей сущности, как непостижимы Бог Отец и Бог Сын. Но как Те открывали и открывают себя людям в нужной мере, так открывается и Святой Дух. Следует заметить, что в текущий момент истории человечества Святой Дух пребывает с нами по обетованию Христа.

Иисус Христос говорил: «Придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца» (Ин. 15, 26). Итак, сейчас – пребывание в мире Святого Духа.

Согласно тексту Евангелия от Луки, Господь заканчивает Свою беседу о молитве «Отче наш» и о постоянстве в молитве прямым указанием на то, о чем мы должны просить у Него. Он говорит: «Тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него» (Лк. 11, 13). Вот достойный предмет наших просьб и, очевидно, крайне для нас необходимый. И это находится в полном согласии с указанием о цели нашей жизни прп. Серафима, заключающейся в стяжании Духа Святого.

В соответствии с этими словами Господа Церковь и составила молитву «Царю Небесный», которая и ставится ею как начальная в обычном молитвенном правиле. В начале этой молитвы перечисляются свойства Святого Духа, чтобы христианину легче было его почувствовать и полнее войти в Его мыслительный образ. Из Его свойств на первом месте стоит «Утешитель» – как называл Святого Духа Сам Господь.

Это самое характерное из Его свойств – ибо пребывание с христианином Духа Святого неизменно и прежде всего несет с собой «утешение» – мир и тишину на сердце, тихую радость, умиление, теплоту любви к Богу и людям.

Отец Иоанн С. пишет:

«Различай в себе Духа Животворящего и духа мертвящего, убивающего твою душу. Когда в душе твоей мысли добрые, тебе благо, легко; когда на сердце спокойствие и радость, тогда в тебе Дух благий, Дух Святой; а когда в тебе недобрые помыслы или недобрые сердечные движения, тогда худо, тяжело; когда ты внутренне смущен, тогда в тебе дух злой, лукавый дух. Дух

лукавый есть дух сомнения, неверия, страстей, тесноты, скорби, смущения. А Дух благий есть дух несомненной веры, дух добродетелей, дух свободы духовной и широты, дух мира и радости. По этим признакам знай, когда в тебе Дух Божий и когда – дух злой».

Показателем сопребывания с христианином Святого Духа Божия является и отношение к ближним.

Если человек в отношениях с людьми проявляет к ним сердечность, ведет разговор с ними словами, исполненными любви, смирения, кротости, доброжелательства, уступчивости, при всегдашней готовности служить им и их интересы ставить выше своих, то все это свидетельствует о том, что христианин находится в Духе Святом Божиим.

Иначе же человеком владеет темная сила, проявляющаяся в раздражении (хотя бы и легчайшем), сухости тона, неуступчивости, дурном или подавленном состоянии духа и отказе в просьбах (даже легко исполнимых) и т. п.

Пусть тогда (в последнем случае) христианин встанет на молитву или внутренне обращается к Богу с просьбой прогнать от него того лукавого духа, который владеет им в этот момент и мешает схождению к душе его благодати Святого Духа.

Отсюда понятно старинное русское выражение про человека раздраженного – «он не в духе». Очевидно, здесь надо писать слово «Дух» с большой буквы, так как здесь старые благочестивые люди, очевидно, говорили о Святом Духе, Который покидает раздраженного человека.

Слово «дух» означает также силу души, доблесть, крепость и самостоятельность, отважность, решимость, доблесть. (Прим. авт.)

Далее в молитве Он называется «Духом истины». Господь Сам назвал Его «Духом истины» (Ин. 15, 26), говорил Своим ученикам, что по Своем пришествии Святой Дух «наставит вас на всякую истину».

Затем, свойством Святого Духа является: «Везде сущий и все исполняющий». Он же является источником «сокровища благих и жизни Подателем».

После перечисления этих свойств Святого Духа в молитве, в завершении ее, имеется просьба к Нему – прийти к нам, вселиться в нас и очистить наши души «от всякия скверны», а через это их спасти. По существу, можно ли христианину просить еще чего-либо более?

Апостол Павел перечисляет нам неоценимые сокровища, которые мы можем получить от пребывания в нас Святого Духа. Он пишет в Послании к Галатам: «Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22–23).

Молитва «Царю Небесный» вместе с «Отче наш» занимает особое, преимущественное место среди других молитв; Церковь предлагает читать «Царю Небесный» и перед началом всякого дела.

С первого взгляда это непонятно. Здесь нет даже намека о помощи в каком-либо деле. Однако что значит сопребывание с нами Святого Духа? Это значит, что всякое наше дело будет завершено всецело по воле Бога. А другого христианину нельзя и желать.

Вместе с тем церковные молитвы Святому Духу немногочисленны, по сравнению с молитвами к Иисусу Христу.

«К сожалению, современная повседневная жизнь Церкви, – говорит священник П. Флоренский в своей книге «Столп и утверждение истины», – за вычетом избранников неба, мало, смутно и тускло знает Духа Святого как Лицо...

В течение всей нашей эпохи молятся главным образом Сыну. Духу, если и молятся, то больше ожидая Его, нежели имея лицом к лицу, более тоскуя об Утешителе, нежели радуясь Им пред Отцом в Сыне».

Почему это так? Почему Святой Дух не пребывает с современными христианами, как пребывал Он с ними в Церкви времен апостольских?

В беседе с Н. А. Мотовиловым прп. Серафим на этот вопрос отвечает. Он говорит, что Святой Дух оставляет людей обычно за их грехи. Однако, за «меньшие и легкие грехи» Господь Дух Святой не оставляет имеющих Его благостыню.

Но есть большие по тяжести грехи, разлучающие нас от Бога и отгоняющие от нас благодать Его; но и в этих грехах, если вскоре и от души покается человек, то снова может приобрести благодать Божию.

«Всегда надобно при этом разбирать: каким именно грехом прогневали мы благодать Божию, что Дух Святой отступил от нас; и когда, перебрав грехи, нападём на тот самый грех, именно который оскорбил Господа Бога, – Господь Бог Дух Святой коснется нашей совести и скажет нам священно-тайно: вот это-то и есть тот самый грех, которым ты оскорбил Творца Бога.

Тогда нам скоро с сокрушенным сердцем и со смирением следует прибегать ко Господу, и Он с любовью простит нас и помилует нас возвращением даже большей благодати за то, что не отчаялись в милосердном всепрощении Божиим».

Про условия сопребывания в душе христианина Святого Духа пишет и мудрый пастырь о. Иоанн С:

«С величайшей осторожностью нужно держать в своем сердце сокровище Духа; нужно бодрствовать над своим сердцем, быть кротким, удерживаться от раздражительности и движений самолюбия, привязанности к земному, от нечистых восстаний плотских. В противном случае бесценное сокровище Духа мгновенно оставит нас; вдруг исчезнут из сердца мир и радость, это чувство необыкновенной ангельски-духовной легкости души, парящей на свободе сердца и мысли; исчезнут и эти «реки воды живой» (Ин. 7, 38), которые перед тем только текли и напояли обильно борозды души. Душу наполнит чуждый огонь, мучительно палящий внутренности, лишаящий ее мира и радости, и наполняющий ее чувством скорби и тесноты, и подстрекающий к раздражительности и хуле...»

Итак, чтобы не удалять от себя Святого Духа, надо не грешить, а если согрешишь, то надо каяться.

Как говорят св. отцы, присутствие Святого Духа в человеке ведет и к повышению его духовной восприимчивости: как через сильное увеличительное стекло, человек начинает легко

замечать в себе начатки зла не только уже в делах, но и в словах, мыслях и душевных побуждениях.

Пребывание со христианином Духа Святого приобщает его и к совершенной радости. Об этом так пишет прп. Антоний Великий:

«Я молился о вас, да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, Которого получил я. Если хотите получить Его так, чтобы Он пребывал в вас, принесите прежде труды телесные и смирение сердца и, восторгая помышления свои на небо день и ночь, взыщете с правотою сердца сего огненного Духа, и Он дастся вам всегда и навеки. Когда принят будет Он, то откроет вам высшие тайны, отгонит от вас страх людей и зверей – и будет у вас небесная радость день и ночь; и будете в этом теле, как те, которые уже находятся в Царствии Небесном. Дух Святой непрестанно веет благоуханием приятнейшим, сладчайшим и неизъяснимым для языка человеческого. Но кто знает сию приятность Духа и Его сладость, кроме тех, которые удостоились того, чтобы Он вселился в них? Дух Святой вселяется в душах кающихся не иначе, как после многих трудов. Ибо Дух тот обитает в правых сердцах».

Прп. Макарий Великий пишет:

«Ум и разумение христиан, по общению и причастию Святого Духа, достигают постоянства, твердости, безмятежия и покоя, не рассеиваются и не волнуются уже непостоянными и суетными помыслами, но пребывают в мире Христовом и в любви Духа, как и Господь, рассуждая о таковых, сказал, что они перешли «от смерти в жизнь»» (Ин. 5,24).

А епископ Феофан Затворник говорит:

«Бог наш есть Бог блаженства... Радуется и играет дух наш, когда благодать Духа Святого делает его причастником Божества».

Приложение к главе 5-й

Следует упомянуть, что на общем фоне упадка веры и благочестия в современности и сейчас, однако, проявляется

свет Христов в Его избранниках, озаренных благодатным присутствием в них Духа Святого.

Одним из таких является старец схимонах Силуан со Старого Афона, скончавшийся в 1938 году и оставивший после себя духовные очерки. Последние были опубликованы схиархимандритом Софронием с добавлением жизнеописания старца.

Можно думать, что записи старца Силуана являются одним из наиболее замечательных духовных литературных произведений, раскрывающих значение пребывания с христианской душой Святого Духа.

Вот несколько мыслей из того, что пишет старец Силуан про Духа Святого.

«Дух Святой есть любовь, мир и сладость. Дух Святой научает любить Бога и ближнего. Милостивый Господь дал на землю Духа Святого, и Дух Святой живет в Церкви нашей. Он учит душу подвигу. Он дает силу исполнять заповеди Господни. Он наставляет нас на всякую истину. Он так украсил человека, что человек стал похож на Господа. Души святых вкушают Духа Святого еще на земле. Это и есть то «Царствие Божие», которое «внутри нас», как говорит Господь. Страдает и скучает душа, потерявшая благодать Святого Духа, ведомая в рабство злыми мыслями. Дух Святой Своим пришествием в душу естественно роднит человека с Богом, так что душа с великим и несомненным чувством говорит Господу: Отче... Душа в Духе Святом «видит» весь мир и объемлет его своей любовью. Святой Дух Сам ищет душу человеческую и хочет в нас жить, и если не вселяется, то только из-за гордости нашего ума... За одну плохую мысль Он оставляет душу... Поэтому надо хранить совесть свою чистою: как бы брата чем не оскорбить; как бы Духа Святого в себе не опечалить каким-нибудь плохим помыслом. Дух Святой очень похож на мать милую, родную. Мать любит дитя свое и жалеет его, так и Дух Святой жалеет нас, прощает, исцеляет, вразумляет и радуется; познается Дух Святой во смиренной молитве... Сама молитва – также дар Святого Духа. Дух Святой открывает

нам тайны Божии. Дух Святой научает душу неизглаголанно любить людей. Дух Святой так украшает душу и тело, что человек становится похожим на Господа во плоти Его. В вечной жизни все люди будут похожи на Господа. И никто не мог бы познать этой тайны, если бы ее не открыл Дух Святой. Многим за гордость ума их Господь не дает Себя познать, а они все же думают, что много знают. И что стоит их знание, если они Господа не знают, не знают благодати Святого Духа, не знают, как она приходит и за что теряется. Смотри умом, что делается в душе. Если небольшая благодать, то в душе мир и чувствуется любовь ко всем; если благодать больше, то в душе свет и радость великая; и если еще больше, то и тело ощущает благодать Святого Духа. Блаженны те, которые день и ночь имеют заботу, как бы угодить Господу, чтобы стать достойными любви Его: они опытом и ощутимо познают благодать Святого Духа».

Глава 6. Царство Божие и вечная жизнь

Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Ин. 17, 3

Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царство Божие, отвечал им: не придет Царство Божие приметным образом и не скажут: «вот оно здесь», или «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть. Лк. 17, 20–21

Когда в очищенную покаянием душу снисходит Святой Дух, то в ней водворяется Царствие Божие, которое, по словам Господа, «внутри вас есть» (Лк. 17, 21).

Как пишет Иоанн Златоуст:

«Найди дверь внутренней горницы души твоей, и ты увидишь, что это дверь в Царство Небесное».

Божие Царство характеризуется особым, светлым, блаженным, радостным состоянием души человека, не зависит от внешних условий жизни или состояния тела и является даром благодати Божией.

Про переживание святых, находящихся в Духе Святом, прп. Макарий Великий говорит так:

«Иногда бывают они обвеселены, как бы на царской вечере, и радуются радостью и веселием неизглаголанным. В иной час бывают, как невеста, Божественным покоем упокоиваемая в сообществе с Женихом своим. Иногда же, как бесплотные ангелы, находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность. Иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упокоиваемые Духом в упоении Божественными духовными тайнами. Но иногда как бы плачут и сетуют о роде человеческом и, молясь за целого Адама, проливают слезы и плачут, воспламеняемые духовною любовью к человечеству. Иногда такой радостью и любовью разжигает их Дух, что если бы можно было, вместили бы всякого человека в сердце своем, не отличая злого от доброго. Иногда в смиренномудрии духа столько унижают себя перед всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех. Иногда душа упокоивается в некоем великом безмолвии, тишине и мире, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упоении и благоденствии. Иногда умудряется благодатию в уразумении чего-либо, в неизреченной мудрости, в ведении неиспытанного Духа, чего невозможно рассказать языком и устами».

О таком же состоянии души, пребывающей в Духе Святом, говорит и современный нам подвижник – старец Силуан со Старого Афона:

«Когда Дух Святой исполнит всего человека сладостью любви Своей, тогда мир забыт совершенно и душа вся в неизреченной радости созерцает Бога; но когда душа снова вспомнит мир, тогда от любви Божией и жалости к человеку она плачет и молится за весь мир. Предавшись плачу и молитве за мир, порожденной любовью, душа от сладости Духа Святого снова может забыть мир и снова упокоивается в Боге; вспоминая же мир, опять в великой печали слезно молится, желая всем спасения».

Вот ощущения души, находящейся в Духе Святом. Эти ощущения и являются той особенностью, которая отличает пребывание души в Боге и в Его Царстве.

Раскрытие в душе Царства Божия начинается еще здесь, на земле.

Прп. Макарий Великий говорит об этом так:

«Душа еще ныне приемлет в себе Царство Христово, упокоевается и озаряется вечным светом. Воскресение умерших душ бывает еще ныне, а воскресение тел будет в оный день».

О том же пишет Симеон Новый Богослов:

«Корни Царства Небесного находятся здесь же, на земле. Поэтому если здесь еще, в настоящей жизни, не ввидет в душу Христос и не воцарится в ней, то не оздоровеет она и нет ей надежды спасения: заключен для нее вход в Царство Небесное».

Очевидно, что глубина покаяния и смирения – неперемнное условие восхищения Царства Небесного, согласно словам Господа: «кто возвышает себя, тот унижен будет; а кто унижает себя, тот возвысится» (Мф. 23, 12).

О путях к Царству Небесному так пишет епископ Михаил Таврический:

«Благодатная жизнь неба открывается для нас по мере свободного просветления души. Делать душу и тело свое чистыми и святыми, возводить окружающую нас природу к ее совершеннейшим формам, просвещать всю сферу данной нам конкретной жизни, животворить ближних тем дыханием, которое мы сами получили свыше, передавать им ту радость, ту благодать, которая открылась в нас, отдавать им свою жизнь, чтобы она возродилась и зацвела в них, – короче, подражать Христу, апостолам, святителям и мученикам – вот самый верный и надлежащий путь к Царству «не от мира сего». Верующий в то Царство входит в самое внутреннейшее общение с окружающими его людьми, хотя часто и неведомо для них. Не помимо их он ищет того неба, к которому призван, а в них же и через них же. Он идет к тому миру через деятельное общение с ближними мира этого, будь оно в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви. То, что может казаться уединением христианина, – только видимость. Он ближе к своим ближним, чем сами ближние

между собой и к самим себе. Он не мечтает, а реально живет. Он сквозь ближних же, в их собственной глубине, видит просветленный чудный мир того Царства вечной красоты, жизни и гармонии, который всегда обнимает их, но в который они никак войти не могут, если будут неудержимо скользить по блестящей поверхности этого мира в развертывающийся перед ними ряд грандиозных внешних перспектив, забывая, что «Царство Божие внутри вас есть»».

К этому следует добавить, что старец Алексей М. запрещал своим духовным детям стремиться при жизни к сладостным духовным переживаниям или думать о наследовании после смерти райских блаженств.

Он завещал при жизни на земле стремиться лишь к полноте подражания Христу в Его смирении и кротости, в полноте самозабвения в служении ближним («да будет вам слугою» – Мф. 20, 26–27) и к соучастию в Христовых скорбях, когда они будут посланы христианину Господом (Кол. 1, 24).

Так же говорил и схимонах Зосима из Троице-Сергиевой Лавры:

«Кто желает Царства Небесного, тот богатства Божьего желает, а не Самого еще любит Бога».

Как пишет архимандрит (впоследствии Патриарх) Сергей:

«Человек, поступая в Царство Божие, поступает туда не для того, чтобы блаженствовать (если блаженство нужно и можно отделить от добродетели), а для того, чтобы быть святым. Высшее благо и добродетель – понятия между собой тождественные. Сущность вечной жизни, а отсюда и цель ее состоит в нравственном совершенстве. Блаженство и святость праведников, с христианской точки зрения, таким образом, – понятия, неотделимые одно от другого. Таким образом, все дело спасения представляется в следующем виде: человек здесь, на земле, трудится, работает над собой, созидает в себе Царство Божие и чрез это теперь же начинает мало-помалу делаться причастником вечной жизни, насколько он имеет сил и способности для этого причастия. После того, как злое начало будет окончательно изгнано, в

век грядущий, человек наконец увидит Бога лицом к лицу, будет пользоваться вечной жизнью во всей ее бесконечной полноте. Нравственное обновление человека, таким образом, существенно связано с вечным спасением: последнее – не особое какое-нибудь действие, не получение чего-нибудь нового, а только совершенное раскрытие, осуществление тех начал, которые заложены и развиты были человеком в настоящей жизни».

Как пишет прп. Макарий Великий:

«Потусторонность вечной жизни только кажущаяся. Христианин еще здесь, на земле, должен считать себя гражданином небесным, еще здесь, на земле, должен начать вечную жизнь, чтобы, насколько возможно, здесь же предначать и вечное блаженство... Следовательно, если спрашивать о существе вечной жизни со стороны душевного состояния человека, живущего ею, то сущность ее, источник присущего ей вечного блаженства будет заключаться в святости. Человек потому будет вечно блаженствовать, что он (человек) будет святым и в общении со Всесвятым Богом».

Итак, душа может и должна еще здесь приобщиться к вечной жизни. Для этого надо почувствовать вкус к ней и ревностно искать ее доступными нам путями, помня, что «Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир, и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17).

Как говорила одна святая:

«Безумие думать, что можно войти на небо, прежде чем войти в самого себя, чтобы себя познать, и не понять своего ничтожества и не почтить всю неизмеримость Божиих благодеяний и не переставать умолять о помощи и милосердии».

Понятия «Царство Божие», «Царство Христово» и «Царство Небесное» по существу тождественны с понятием вечной жизни.

Это видно из нижеприведенных слов архимандрита (впоследствии Патриарха) Сергия:

«Вечная жизнь как состояние души человеческой не зависит от условий пространства и времени, не приурочена

только к миру загробному, а зависит исключительно от нравственного развития человека и, следовательно, может начаться для избранных и в здешней жизни. Получить вечную жизнь не значит перейти из одной области бытия в другую, а значит приобрести известное душевное расположение. Вечная жизнь, таким образом, не получается, а постоянно растет в человеке».

Поэтому и возможно молить Бога: «Да будет сердце мое доброю для Тебя землею, приемлющей в себя доброе семя, и благодать Твоя да оросит меня росой вечной жизни» (Ефрем Сирин).

Здесь следует оговориться, что понятие «вечность» отнюдь не следует отождествлять с понятием «бесконечность». Мы не можем иметь представлений о будущей загробной жизни: ее понятие для нас, как говорят философы, является трансцендентальным, т. е. малодоступным разуму. При ограниченности нашего лексикона мы заменяем это понятие «вечностью».

О недоступности для нашего разума понятия вечности и сущности загробной жизни так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Почему Церковь молчит о загробном мире? Человек живет, мыслит и чувствует в условных формах пространства и времени. Вне этих форм мы не можем ни мыслить, ни говорить. Потустороннее живет иными формами. Если будем говорить о нем, мы будем говорить плотским языком. Вот откуда целомудренное молчание Церкви».

Поэтому следует иметь в виду, что вся терминология, относящаяся к потустороннему миру и к Царству Небесному, должна пониматься не буквально, а аллегорически-условно: это относится к таким терминам, как «вечность», «престолы», «огонь вечный» и т. д. Из определения понятия «вечность» приводим мнение о ней схиархимандрита Софрония.

«Вечность – единый непротяженный, непостижимой полноты акт Божественного бытия, который, будучи надмирным, непротяженно объемлет все протяженности тварного мира. Вечность по существу – Единый Бог.

Вечность не есть нечто отвлеченное или отдельно сущее, но Сам Бог в Своем бытии. Когда человек по благоволению Божию получает дар благодати, то он как причастник Божественной жизни становится не только бессмертным в смысле бесконечного продолжения его жизни, но и безначальным, ибо та сфера Божественного бытия, куда он возведен, не имеет ни начала, ни конца... Здесь мы имеем в виду не предсуществование души, но приобщение нашей тварной природы безначальной Божественной жизни в силу Обожения твари благодатным действием».

Итак, живя в теле на земле, христиане имеют возможность уже здесь приобщиться к жизни в вечности. Вот как пишет об этом Н.:

«В нашей земной жизни все мы, христиане, призываемся постоянно переключаться с потока времени (суеты и забот мирских) на поток вечности (жизнь в Боге и с Богом). Плывая одновременно в двух потоках, мы должны острее чувствовать всю опасность первого и всю необходимость и спасительность второго. Жизнь в потоке вечности – это не только преодоление времени с его изменчивостью, неустойчивостью и томлением духа, а и полнота духовного бытия».

Следует заметить, что наше психологическое ощущение времени совершенно не связано с математической точностью движения часовой стрелки. Как пишет архиепископ Иоанн:

«То, что мы принадлежим не ко времени, а к вечности, это ясно видно из того, как изменяется, расширяется или суживается наше сознание времени. Время иногда «летит», как ангел по небу; иногда, как демон, падает в бездну; иногда оно ползет, как расслабленный, или лежит у купели, не видя ни Господа, ни даже человека, который ввел бы его в жизнь» (см. Ин. 5, 2–9).

Глава 7. Торжествующая Церковь

Да будут в нас едино... Ин. 17, 21

В Своей Первосвященнической молитве на Тайной вечере Господь говорит о Своих учениках: «Славу, которую Ты дал

Мне, Я дал им» (Ин. 17, 22).

Св. Иоанн Златоуст так разъясняет эти слова Господа:

«Душа, очищенная Духом Божиим, в себя принимает луч от славы Божией, и от себя отражает луч той же славы. Поэтому и апостол Павел говорит: «Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа» (2Кор. 3, 18)».

Схиархимандрит Софроний пишет:

«Бог по благодати Своей благоволит соединиться с человеком настолько тесно, что человек становится Богом, подобно Богу-Творцу, по образу бытия своего. Те, кто не верит этому и не молится святым, не познали, как много любит Господь человека и как возвеличил его».

Вместе с тем степень славы у святых различна. Как пишет апостол Павел: «Иная слава солнца [Бога], иная слава Луны [Божией Матери], иная звезд [святых]; и звезда от звезды разнится во славе» (1Кор. 15, 41).

В притче о минах господин говорит верному рабу, приобретшему десять мин: «Возьми в управление десять городов». Итак, избранники Господни получают от Господа и Его славу, и принимают участие в устроении Им Своей Церкви. При этом это почетное служение Господу начинается для многих святых еще здесь, на земле, и продолжается по преставлении их.

Для некоторых же из святых (например, многих мучеников), оно осуществляется лишь за гробом.

В Откровении говорится про святых:

«Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это – первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет»

(Откр. 20, 4–6).

По указаниям толкователей «Откровения», тысяча лет не есть точно ограниченный срок, но обозначает длительный

период времени. Этот период заканчивается освобождением из темницы сатаны (Откр. 20, 7), «взятием от среды удерживающего» (2Фес. 2, 7), и затем вскоре кончиной века, всеобщим воскресением, Страшным Судом и явлением «нового неба и новой земли», «нового Иерусалима» (Откр. 20, 7–75; 21, 1–2). В последний день святые («цари земные», по терминологии апостолов – см. 1Пет. 2, 9) «принесут славу и честь свою».

История Новозаветной Церкви свидетельствует о непосредственном участии почивших в Бозе святых в царствовании Христа. Самое ближайшее участие принимает в нем Царица Небесная – Матерь Божия, Присно дева Мария.

Бесчисленны свидетельства и рассказы о Ее покровительстве, заступничестве и предстательстве за весь христианский род. Матерью которого Она стала через Своего Сына – Христа.

Величественна и трогательна картина Ее служения на земле, которая отображается в празднике Покрова

Божией Матери: долго молилась Она во Влахернском храме за константинопольских христиан, обливая лицо Свое слезами, и под конец сняла с Себя блиставшее, как молния, покрывало и распростерла его над всем стоящим народом.

«Во успении мира не оставила еси», – поет про Нее Церковь, и хотя Она стала Царицей Неба, бедствующая земля была, есть и будет постоянным уделом Ее забот, покровительства и предстательства за христиан.

Когда св. Андрею юродивому (память 2 октября ст. ст.) был показан рай, он не нашел там Царицы Небесной. Удивленному этим св. Андрею ангел объяснил: «Ты хочешь увидеть Царицу сил небесных? Но Ее здесь нет. Она ушла в многобедственный мир помогать людям и утешать скорбящих».

Бесчисленны также свидетельства об участии в жизни земных христиан святых из торжествующей Церкви. Для одних из них засвидетельствовано участие в делах христиан всего мира (например апостолов, святителя Николая, великомученика Пантелеимона и т. д.) как принявших власть над «десятью городами».

Других почитают как своих заступников отдельные страны (таковы, например, многие из наших русских святых), и они приняли участие в управлении «пятью городами».

Третьи являются «местными» святыми, покровительствующими местам упокоения их мощей.

Велика сила молитв святых за их почитателей. Мученик Уар (память 19 октября ст. ст.) так говорил в сонном видении своей попечительнице Клеопатре, вынесшей его тело из скотских трупов и сберегшей его у себя среди гонений: «Я не только позаботился о твоём сыне, но умолил Бога и о сродниках твоих, с которыми ты положила меня в гробнице, чтобы им были отпущены грехи их». Святые принимают непосредственное участие в наших повседневных делах; они защищают и оберегают нас, помогают нам, учат и вразумляют нас.

Об этом в житиях святых и у св. отцов имеются бесчисленные свидетельства.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Все святые, когда видят, что мы ленимся и нерадеем – скорбят, плачут и сетуют; когда же видят, что мы становимся исправными и возрастаем в совершенстве, – радуются, и в радости и веселии непрестанно многие изливают о нас к Создателю молитвы. И Господь тогда утешается добрыми делами нашими, равно как свидетельствами и молитвами святых, и щедряет нас всякими дарами».

Протестанты не понимают, как можно чтить святых и им молиться. Но православные постигают глубочайшее единение святых с Богом, и, чувствуя святых, они чтут одновременно и пребывающего в них Бога.

Старец Силуан со Старого Афона говорил, что «человек по сущности своей хотя и остается тварью, но по благодати становится Богом, т. е. получает образ Божественного бытия».

Святые – это райские цветы. У каждого из цветов есть особенности по виду, цвету и аромату, что придает каждому цветку только ему одному свойственную прелесть и красоту, заложенные в него Творцом вселенной. Точно так же и у святых: у каждого из них была особая судьба, свой характер, свои

склонности, свои пережитые трудности и борения, свой подвиг перед Богом.

Свой индивидуальный характер и склонности святые переносят и к новой жизни в Царстве Небесном, когда им, согласно обетованию Господа, поручается «управление городами» (Лк. 19, 17–19). При том характер служения Господу в том мире является как бы продолжением земного поприща святого.

Так, врач-целитель великомученик Пантелеимон продолжает оставаться целителем и после своей мученической кончины; то же можно сказать и про врачей-бессребреников Косму и Дамиана. Святитель Николай, будучи на земле, отличался необычайной отзывчивостью на нужды всех скорбящих, в бедах сущих, путешествующих и т. п. Таков же образ его остается и при служении в Царстве Небесном.

Некоторые из святых, будучи на земле, претерпевали сильную борьбу с различными страстями или напастями. И они очевидно, глубоко сочувствуют всем тем, кто претерпевает такую же борьбу, и с великой ревностью припадают в молитвах к Богу за тех, кто обращается к ним в таких же случаях за помощью.

На таких соображениях и основывается молитвенная практика Церкви, указывающая нам, кому из святых следует предпочтительно молиться при различных обстоятельствах жизни.

Исходя из указанного выше, нам надо хорошо знать жизнь святых. И как опытный врач знает, какое надо принимать средство при той или иной болезни, так и нам надо быть хорошо осведомленными, какой из святых был наиболее близок к тому положению и затруднению, в котором мы оказались.

Очевидно, этот святой особенно горячо отзовется на нашу просьбу помочь в той беде, которая была близка ему самому при жизни на земле и горечь от которой он сам испытал в полной мере.

Это, впрочем, не изменяет общего положения, что каждый из святых может нам помочь в любой нужде и беде, если только

мы будем иметь веру и будем в какой-то мере заслуживать милости Божией за наше покаяние в грехах и смирение.

Но не только к прославленным святым можно обращаться с просьбой о молитве за нас, за заступничеством и покровительством: то же можно делать и по отношению к тем из почивших христиан, в отношении которых мы верим, что они за гробом обрели милость и дерзновение у Господа. Прп. Серафим при жизни своей давал такое указание близким к нему: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик ходите. Все, что есть у вас на душе, все, что бы ни случилось с вами и чем бы ни скорбели, все горе то с собой принесите на мой гробик. Припав к земле, как живому все и расскажите, и услышу я вас, вся скорбь ваша отлетит и пройдет. Как вы с живым всегда говорили, так и тут. Для вас я живой есть и буду во веки».

Прп. Серафим велел близким к нему инокиням заходить на могилки Саровских старцев Исаии и Пахомия и после молитвы об упокоении их душ говорить также: «Простите, отцы святые, и помолитесь обо мне».

Так учил прп. Серафим общаться с почившими, как с живыми, и, как у живых, просить их молитвенной помощи себе.

От последнего из обитателей дальней Саровской пустыньки прп. Серафима – о. Афанасия, глубокого и смиренного старца, мы слышали такой рассказ:

«Однажды поздней осенью я пошел в лес собирать смолу для ладана. Когда стали надвигаться сумерки, заметил я, что зашел в незнакомое место. День был пасмурный, и я не мог найти направления пути по солнцу. Запутался я и стал кружить: пойду, пойду и опять к тому же месту выйду. Иду и молюсь разным угодникам Божиим и все не могу на дорогу выйти. Вижу, плохо дело, так можно и помереть здесь в лесу, как некоторые монахи умирали. От изнеможения упал я на землю и вспомнил про одного монаха, праведной жизни и пустынника, заблудившегося и почившего в лесу. И начал я ему молиться: «Если имеешь ты дерзновение перед Господом, помоги мне, выведи на дорогу, не допусти погибнуть так, как это с тобой случилось». Встал я после этого и вижу, что стою уже на дорожке подле самой своей пустыньки».

Прп. Симеон Новый Богослов так почитал своего старца Симеона Благоговейного, что немедленно после его кончины установил в честь его службу как святому.

Следует, однако, заметить, что в практике Церкви обращение к праведникам и подвижникам благочестия, еще не канонизированным Церковью, совершается в таком порядке: христианин служит за них панихиду или читает обычные молитвы за почивших и затем внутренне обращается к ним с просьбой помолиться за него или о его деле перед Господом.

То же советовал и старец Варсонофий из Оптиной пустыни. Он рекомендовал в помянник записывать известных христианину почивших подвижников благочестия. Он говорил:

«Это – великое дело. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы в их молитвах. Но если мы за них молимся, то они сейчас же отплачивают нам тем же».

Прп. Симеон Новый Богослов учит, что святые взаимно связаны один с другим в неразрывное целое и что нам важно быть в связи с последним из святых. Так соединяемся мы через этих святых со всею торжествующей Церковью. Он пишет:

«Божественное излияние света проникает по определенному Богом порядку из первого чиноначалия ангелов во второе, из этого в третье и так во все... Также и святые, будучи соединяемы союзом Святого Духа, подобно ангелам, образуют златую цепь, в которой каждый, как звено, соединяется с предыдущим святым посредством веры, добрых дел и любви. Эта цепь, утверждаясь в Боге, не может быть разорвана. И кто не хочет со всей любовью и смирением соединиться с самым последним (по времени) из святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет включен в ряд предшествовавших святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым».

Надо вспомнить из «Творений мужей апостольских» видение Ерма: построение башни – Церкви Христовой из

отдельных камней – членов Церкви. Как пишет Ерм:

«Камни были гладки и спайками так хорошо прикладывались один к другому, что соединения их нельзя было заметить. Таким образом, здание башни казалось построенным как будто из одного камня».

Чем глаже и ровнее были отшлифованы края камней, из которых строилась Церковь в видении Ерма, тем плотнее они соединялись и лучше годились для стройки. Так тесно соединяют друг с другом святых их любовь и взаимное послушание.

Прп. Иоанн Затворник так говорил про свои взаимоотношения с жившим в соседней келье (и также в затворе) прп. Варсонофием Великим:

«Знаю, что я немогущен и самый последний, но удалиться от старца (Варсонофия) не могу, ибо по милости его, мы двое составляем единое».

Следует упомянуть, что в оставшихся в Церкви ценнейших духовных поучениях прп. Варсонофия Великого и Иоанна часто не делается различия в их авторстве и они приписываются им обоим (см. 2-й том Добротолюбия).

Про взаимную же связь членов Церкви торжествующей и воинствующей пастырь о. Иоанн С. говорит так:

«При молитвенном обращении к Владычице помни твердо, что ты член Церкви, в которой Владычица – главный камень здания, и знай, что ты тесно связан внутренне со всеми небожителями, как камень. Так понимая себя, поймешь, почему молитвы столь легко доходят к святым: ибо все одушевлены одним Духом Божиим. Бог во святых почивает».

Итак, у каждого из христиан – избранников Божиих – есть свое predetermined место в Церкви Христовой. В этом месте мы являемся связанными с другими членами Церкви посредством любви. Эта связь несколько не ослабляется смертью тела, так как она устанавливается для вечности.

Поэтому особенно надо молиться тому святому, имя которого носит христианин, и кроме того и тем святым, с которыми чем-либо связаны особо памятные и знаменательные дни в жизни христианина.

Прп. Антоний Великий так говорил своим ученикам:

«Знай же, что и в будущем веке будешь ты разделять участь с теми, с кем в сей жизни делишь ты и радость и горе».

А поэтому окружающие нас верные рабы Господа – это те камни, которые будут в вечности соединены с нами, если мы только сами будем удостоены включения в это здание Христовой Церкви.

Чем крепче мы прилипем через любовь к окружающим нас святым рабам Господним, и чем теснее станем в молитвенном бдении к тем из них, которые ушли в наше время из мира, тем вернее будем сами включены в святое здание.

Вот чем объясняется дерзновение прп. Симеона Нового Богослова, установившего тотчас же после кончины Симеона Благоговейного торжественное празднование памяти своего старца. Этим же объясняется и теснейшая связь духовных детей с их духовными отцами, хотя бы те и почил в Господе.

Например, в «Откровенных рассказах странника» (ч. I) говорится о руководстве странника его старцем после того, как старец почил. Поэтому с почившими духовными отцами можно через молитву общаться так же, как при жизни их на земле. Ап. Павел пишет ефесянам: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, бывши утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф. 2, 19–22).

Христианам надо помнить, что помимо святых и праведников, в торжествующей Церкви имеются и еще покровители и молитвенники за членов земной воинствующей Церкви. Это ангельские силы, из которых всего ближе к нам наши ангелы-хранители.

Господь говорит: «Не презирайте ни одного из малых сих, ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного» (Мф. 18, 10).

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Когда затворишь дверь жилища твоего и останешься один, ведай, что тебе соприущ определенный Богом каждому человеку ангел. Он недремлющ, и, всегда будучи при тебе, все видит. Его обмануть нельзя, и тьма не скрывает от него. Вместе с ним сознавай и Бога во всяком месте присушим».

Как говорят святые отцы, наши ангелы хранители, исполненные к нам любви и желания нам служить, в этом служении сами принимают на себя наши скорби.

О значении для христианина ангела хранителя так пишет о. Иоанн С:

«В деле промысления Божия о людях и по требованию разума должны быть посредники между людьми и Богом из мира духовного (так как люди занимают середину между миром духовным и материальным), которые и руководят нас к горнему Царству, именно: ангелы. У Господа во всех делах изумительная постепенность и порядок, везде у Него низшие руководствуются высшими: вот необходимость ангелов-хранителей для христиан, искупленных кровию Господа. Кроме того, ангелы сами исполнены любви к нам и радуются об обращении одного грешника; а любовь деятельна, и этой их благородной и полезной деятельности Господь и дал всю свободу, как мы видим из слова Божия. Ангелы хранители необходимы для людей по причине коварства злых духов над людьми: люди их не видят сами. Люди очень немощны для духовной жизни. Кроме благодати Божией, нужно еще лицо, исполненное этой благодати, мудрое, крепкое по своей природе: а таковы ангелы. Кроме того, по исходе из жизни должны быть свидетели о делах человеческих против бесов».

Приложение к главе 7-й

Вот он, блаженный пустынник, взыскующий Века грядущего благ неземных, Вот он – в скорбях, как мы в счастье, ликующий, Душу готовый отдать за других.

Тихо тропинкой лесной пробирается В кожаной мантии, в лычных лаптях; Крест на груди его медный качается, Сумка с песком у него на плечах.

Вьется Саровка излучистой впадиной. Сосен столетних красуется строй; И, на ходу подпираясь рогатиной, Двигается

старец неспешной тропой.

Телом согбенный, с душою смиренною, В «пустыньку» он помолиться бредет: Но и молитву творя сокровенную, Он для трудов свой топорик несет. Белый на нем балахон; серебристые Шапочкой ветхой прикрыв волоса, Вглубь себя устремляет лучистые, Полные ласки душевной глаза.

Силою он одарен благодатною; Чуткой душой прозревает он вдаль, Видит он язвы людские, невнятные Слышит он вопли – и всех ему жаль...

Он и утешить готов безутешного, Слабое детство от смерти спасти, Или к сиянию света нездешнего Грешную душу мольбой привести.

Всем, изнемогшим в огне испытания, «Радость моя, – он твердит, – не скорби, Бури душевные, грозы страдания, Господа ради с улыбкой терпи...»

С плачущим плакать он рад; унывающих
Нежно ободрить, их дух подкрепить;
Всех же, Господень завет забывающих,
Учит он ближних, как братьев, любить,
Учит искать он богатство нетленное,
Чтоб не владела душой суета,
Ибо все мира сокровища бренные
Нашей душе не заменят Христа.

Грани жизни и соприкосновение бессмертной души человеческой с вечностью. Смерть тела

Глава 8. Три периода жизни человеческой души

Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. 1Кор. 15, 53

Человеческая душа была создана по «образу Божию» (Быт. 1, 27) и создана бессмертной. «У Бога все живы», – говорит Господь (Лк. 20, 38).

Священное Писание раскрывает нам понятие о трех периодах жизни человеческой души, с двумя гранями – переходами из одного периода в другой.

Первый период есть жизнь души в теле, ставшем смертным после грехов. Затем наступает смерть – разложение тела и переход во второй период жизни души вне тела.

Характеризуя этот период, о. Валентин Свенцицкий говорит так:

«После смерти тела неведомый нам процесс, в смысле окончательного самоопределения души к добру или злу, очевидно, будет продолжаться до Страшного Суда – ибо действенна здесь молитва Церкви».

О характере жизни душ святых в этот период говорилось выше – в главе о торжествующей Церкви.

Второй период жизни заканчивается воскресением тел перед Страшным Судом, при Втором пришествии Христа. Читаем в Откровении:

«Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них, и судим был каждый по делам своим»

(Откр. 20, 13).

Для истинных христиан этот момент воскресения тел будет моментом торжества и прославления.

Апостол Павел пишет про него:

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся, вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие»

(1Кор. 15, 51–53).

После этого для учеников Христа наступит третий период жизни с Богом на «новой земле» и под «новым небом», где вместо солнца будет Сам Господь Бог (Откр. 21, 1; 22, 5).

Интересно, что в Божьем творении можно найти близкую аналогию для состояния души в трех образах при двух переходах.

Жизнь бабочки начинается с довольно непривлекательной гусеницы, ползающей по земле.

Затем гусеница как бы умирает, и вместо нее мы видим куколку без каких-либо признаков жизни, завернутую в кокон – как бы пелены и гробик.

Но вот происходит чудо. Кокон разрывается, и на свет появляется бабочка изумительной красоты, с крыльями, переливающимися всеми цветами радуги и свободно порхающая над цветами и питающаяся ими.

Какая близкая аналогия с душой человеческой, обезображенной вначале – после рождения тела задатком первородного греха, с развитием в ней страстей и пристрастий.

Тело умирает. Душа не проявляет себя. Но, очевидно, таинственно преображается, если в ней при жизни зародилась любовь к Богу и ближним.

Наступает последний день мира – явление второй раз Христа и преображение души, и преображенные души, блистающие красотами добродетелей, облакаются в новые тела и идут навстречу Христу.

Когда наступает первый переход – от жизни души в теле к жизни вне тела?

Это тайна, которую лишь отчасти приоткрывает нам Священное Писание. Для христианина это нормально должно происходить тогда, когда в душе его воцарится Царствие Божие. Господь говорит: «Царство Божие подобно тому, как если

человек бросит семя в землю... Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва» (Мк. 4, 26–29).

В этом случае смерть не только естественна, но и необходима для подготовленного к ней. Достигший определенной меры духовного возраста уже не может более жить земною жизнью и ее интересами.

Чем ярче разгорается любовь к Богу, тем тяжелее душе от разлуки с Богом, тем более ее тяготит жизнь на земле. Поэтому такие души желали смерти тела, желали скорее сбросить его узы, чтобы душой соединиться с Господом.

Апостол Павел писал в Послании к Филиппийцам: «Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше» (Флп. 1, 23). Того же желали и многие святые и праведники.

Когда иноки спросили Иоанна (сподвижника прп. Варсонофия Великого) о смерти игумена Серида, которая казалась им преждевременной, то тот отвечал им:

«Достигши такой меры, он не мог более заботиться о земных вещах, а равно, находясь посреди людей, не мог избавиться от сего, и потому Бог взял его».

Итак, серп посылается обычно не ранее, как созреет плод, т. е. душа христианина будет приготовлена для перехода в другой мир.

При этом Господь заботится о том, чтобы все были подготовлены к жатве – к переходу в тот мир, все имели «духовные плоды», потребные для вечной жизни. В тех же случаях, когда Бог не усматривает таких плодов, то до смерти человек будет испытывать «посещение Божие», которое так описывается в Евангелии:

«Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу, и пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, – не

принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее».

Что это за «окапывание»? Это – посещение Господне, которое чаще всего бывает в виде тех или иных вразумлений: скорбей, болезней, напастей и т. д.

Господь этим напоминает о том, что жизнь земная не вечна. Он пробует скорбями размягчить очерствевшую в грехе душу, прежде чем перевести ее в мир, где не будет уже соответствующих условий для «плодоношения», т. е. подвигов ради спасения и безропотного терпения скорбей.

Но из общего правила имеются и исключения: на жатву, еще до ее полной готовности, могут напасть вредители – саранча, тля, плесень и т. д. Последние для жатвы то же, что для души грех, страсти и пристрастия.

В этих случаях серп посылается в тот момент, когда порча и зараза еще не успели погубить всего урожая, хотя он еще не совсем поспел.

Иначе говоря, серп смерти посылается душе в наиболее благоприятный момент ее жизни по ее готовности к Царству Небесному. С этого момента, в дальнейшей жизни, душа через грех более теряла бы духовного богатства, чем вновь приобретала бы его.

Этим объясняются смерти, которые могут казаться преждевременными, хотя, конечно, у Бога ничего не может случиться прежде назначенного Им, и потому наилучшего, срока. «Всеведущий и милосердный Господь всегда пресекает земную жизнь человека в момент, наилучший для его спасения», – пишет протоиерей В. Свенцицкий.

Последним объясняется и продление жизни в случае духовного возрождения души человеческой при молитве и покаянии. Как пишет премудрый Соломон: «Страх Господень прибавляет дней; лета же нечестивых сократятся» (Притч. 10, 27).

Эту истину подтверждает история израильского царя Езекии.

Пророк Исаия объявил ему волю Господню – сделать завешание и готовиться к смерти.

Лежа на одре болезни, Езекия отворотился лицом своим к стене и молился Господу... И заплакал Езекия сильно.

Пророк Исаия еще не вышел из города, когда было к нему слово Господне: «Возвратись и скажи Езекии... Я исцелю тебя... и прибавлю к дням твоим пятнадцать лет» (4Цар. 20, 1–6).

Итак, путем молитвы, покаяния и исправления жизни своей – вступления на путь правды, милосердия, смирения и послушания заповедям Господним – у всякого человека есть возможность получить от Бога продление жизни своей и принесение больших «талантов» (или «мин») на те, что были получены им от Господа (Мф. 25, 15; Лк. 19, 13).

Из указанных трех периодов жизни души христианской первый период исчисляется десятками лет. «Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет», – пишет пророк Давид (Пс. 89, 10).

В качестве исключения из общего правила история Церкви знает еще четыре особых, чудесных окончания земной жизни. Два праведника Ветхого завета – Енох и пророк Илия – не пережили смерти тела, но взяты были с телом на небо.

Очевидно, что тело их было при этом преображено, если получило бессмертие (Быт. 5, 24; Евр. 11, 5; 4Цар. 2, 11). Также не испытали тления тела Божией Матери и апостола Иоанна Богослова: их не оказалось в гробах, которые открывались на третий день после смерти.

Второй период простирается до всеобщего воскресения.

Третий период простирается в вечность и поэтому является самым важным для человека. По словам еп. Феофана Затворника:

«Истинная жизнь человека – за гробом, или, вернее, по воскресении, а настоящая жизнь есть только преддверие ее или приготовление к ней».

Таким образом, самым кратким является первый период – он ничто по сравнению с вечностью. Но он же и самый ответственный, всецело определяющий последующее состояние души на второй и третий периоды (см. гл. 25 Евангелия от Матфея, о Страшном Суде).

Эта мысль о необычайном значении краткого периода нашей жизни в теле, к сожалению, не господствует постоянно в нашем уме и не управляет всеми нашими поступками.

По существу – в чем разница жизни души в теле и вне тела? И почему по исходе из тела душа не может уже более изменить в корне свою настроенность и приносить духовные плоды?

Основной особенностью состояния души при жизни тела является зависимость страданий души от страданий тела.

Здесь душа может творить через веру подвиги ради любви к Богу: она молится и работает, несмотря на трудность этого и усталость тела; постится, несмотря на голод и позывы к сластолюбию. Воздерживается, несмотря на потребности тела; лишает часто себя необходимого ради дел милосердия, терпит без ропота болезни, разные скорби и лишения и т. д.

Все это уже не может иметь место по разлучении души от тела. Поэтому-то Господь и призывает нас «собирать сокровища» еще при жизни тела (Мф. 6, 19–20).

Все эти подвиги ведут к перемене в состоянии души: очищается сердце и душа богатеет «стяжанием Святого Духа Божия».

Состояние души в теле – это нестабильное (т. е. способное к изменению) состояние души. По смерти тела наступает (можно думать) в той или иной мере стабилизация этого состояния, так как способность к физическим подвигам отнимается.

Правда, жизнь души продолжается и после смерти тела; при ней остается весь комплекс душевных стремлений, склонностей, чувствований, привязанностей и пристрастий.

Но ее активность в определенной части уже значительно ограничена. Она уже не может пострадать телом в каком-нибудь подвиге ради любви к ближнему или ради проявления своего чувства покаяния. У нее, однако, остается возможность молитвы для тех, кто привык к ней еще при жизни.

Все ее взаимоотношения с Богом, можно думать, в какой-то мере стабилизируются (остаются в постоянном состоянии): это тот запас «елея» из притчи о десяти девах, который, согласно притче, уже не подлежит изменению с момента смерти тела

(Мф. 25, 10–11). Поэтому благо тем, кто при жизни накопил запас этого бесценного духовного богатства («елея»).

Далее, по смерти тела душа как бы обладает некоторым накопленным духовным капиталом. И если он велик (как у святых), то и по смерти тела они имеют дерзновение в молитве, и Господь слушает их, как слушал еще при их жизни в теле, а может быть, и более.

Старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры говорил так своим духовным детям:

«Я после смерти буду гораздо более жив, чем сейчас».

И старец Оптинский Варсонофий считал, что после смерти тела молитва может совершенствоваться. Но горе, если «елея» нет или его мало. И как люди были далеки от Господа при жизни, по их привязанности к миру, так Он остается далеким от них и по смерти тела.

Прп. Варсонофий Великий так говорит об этом:

«По исходе отсюда никому нельзя уже преуспеть: что здесь посеешь, то там и пожнешь. Здесь – делание, там воздаяние, здесь – подвиг, там венцы. Там никто не преуспевает, но что кто имеет, то имеет отсюда: доброе ли это будет, или гнилое, или усадительное»

(Отв. 606 и 613).

Итак, земная жизнь для души является приготовлением к жизни загробной, в смысле начала последней – насаждения ее в душе. Человек, по учению св. отцов, здесь, на земле, созидает себе то направление души, которое будет продолжением его жизни за гробом.

«Приближаясь к Богу жизнью, делами и учением, приуготовляйтесь, – убеждает св. Григорий Богослов, – к тамошней истине и созерцанию о Христе Иисусе Господе нашем».

Приложение к главе 8-й

В истории Церкви известно большое количество случаев, начиная с четверодневного евангельского Лазаря (Ин. 11, 1–45), когда Господь возвращал на землю души уже умерших людей, почему-либо еще не подготовленных для того мира.

Вернувшиеся из загробного мира рассказывали о своих переживаниях после разлучения их от тела. В этих рассказах неизменно повторяются следующие моменты:

1. Ушедшая из тела душа мыслит, чувствует и переживает события так же, как переживала и мыслила, будучи в теле. Вся жизнь сохраняется в ее памяти.

2. По смерти тела душа входит в общение с ангелами или с бесами.

3. Душа подвергается суду за все проступки, слова и намерения, проявленные при жизни тела и не покрытые покаянием.

4. Переживания души после смерти тела сохраняются в памяти после возвращения души в тело и оказывают на душу сильнейшее впечатление.

Обычно эти переживания совершают в душе духовный переворот: нерадивые души начинают жизнь богоугодную, иногда принимают монашество, а иноки уходят в затвор и т. п.

Для всех них земная жизнь теряет обычно в той или иной мере свою привлекательность, и они начинают думать преимущественно о подготовке к той будущей жизни, реальность которой они познали на своем личном опыте.

О загробной жизни душ мы знаем также и из другого источника. Это явления умерших душ, которые бывают по Промыслу Божию для известных целей, как во сне (спящим), так и наяву.

В духовной литературе можно встретить об этом множество рассказов, достоверность которых засвидетельствована благочестивыми людьми и не может вызвать ни малейшего сомнения в их правдивости.

Глава 9. Целесообразность смерти тела

Смерть несет в себе свет вечного бытия. Архиепископ Иоанн

Смерть сокращает сумму общего зла на земле. Еп. Аркадий (Лубенский)

Адам, первый человек, пал. За первым грехом последовали другие, произошло братоубийство – пролилась кровь Авеля;

люди развратились – так начался процесс гниения и разложения человеческой души.

Что могло замедлить этот процесс разрушения духовных основ человечества и внести ограничение в этот поток зла, греха и порока, заполнивший землю? Это могла сделать только смерть тела. Она явилась как неизбежное следствие греха и разложения души.

Как пишет митрополит Антоний (Блум):

«В мире, который грех человеческий сделал чудовищным, смерть является единственным выходом. Если бы наш мир греха был зафиксирован как неизменный и вечный, это был бы ад; смерть – единственное, что позволяет земле вместе со страданием вырваться из этого ада».

Следует всегда, вместе с тем, учитывать, что в устах атеистов смерть обозначает совершенно иное понятие, чем в устах христианина. Для первых смерть есть полное прекращение жизни. Для христианина – это только переход из одной формы в другую.

Если задуматься над вопросом о духовном значении смерти тела, то по многим причинам можно понять ее временный характер для падшего человечества в полноте грядущего воскресения. И поэтому смерть тела не «нелепа», как говорят про нее люди мира, а необходима и целесообразна.

Как пишет архимандрит (Патриарх) Сергей:

«Начало греха – плоть – всегда остается в человеке, всегда его искушает, всегда препятствует человеку быстро и легко стать святым. Поэтому и познание Бога, и получение блаженства небесного не могут быть здесь, на земле, совершенными. Нужно нашему земному миру обновиться, извергнуть из себя все греховное, чтобы потом во всей полноте и совершенстве воспринять в себя грядущее Царство. В этой нужде обновиться – весь смысл разрушения мира, в этом и смысл смерти каждого человека».

Еп. Аркадий (Лубенский) говорит:

«Смерть для многих есть средство спасения от духовной гибели. Так, например, дети, умирающие в раннем возрасте, не знают греха. Смерть сокращает сумму общего зла на

земле. Что представляла бы из себя жизнь, если бы вечно существовали убийцы – Каины, Иуды, предающие Господа, Нероны – люди-звери и другие?»

А Н. так пишет в своей книге «Путь чистоты и священного молчания»:

«Откровение тайны смерти новым, нездешним светом озаряет и жизнь. Вся красота и таинственная, бездонная глубина ее раскрываются лишь перед лицом надвигающейся смерти. На какой бы ступени духовного развития человек ни стоял, приближение смерти вызывает в нем прежде всего необычайное обострение чувства жизни. Вся красота и ценность жизни, наверное, никем не переживается с такой силой, как приговоренным к смерти. Человеку кажется тогда, что если бы только удалось ему сохранить жизнь, он не потратил бы даром уже ни одного мгновения. Как величайшее благо воспринимается самая возможность жить и дышать, слышать, видеть и входить в общение с окружающей природой и другими людьми. Поистине, смерть поет самый торжественный и чарующий гимн жизни, потому что только перед лицом смерти дано человеку увидеть ее настоящую красоту. Образ смерти бесследно рассеивает жалкое марево пошлости и нудных «мелочей жизни», обычно застилающих ее истинный лик от духовного взора человека. В нем единственное лекарство против духовного паралича – плоского самодовольства жизненного квиетизма. Физическое бессмертие нашей природы в ее теперешнем состоянии – порабощенности греху – было бы безвыходным духовным тупиком для нее, так как слабый дух наш был бы всецело и навеки захвачен в плен стихийными силами материального и душевного мира».

«Не только смерть, – говорит Лафатер, – одухотворяет наше безжизненное существо, но одна мысль о смерти придает более прекрасную форму жизни.

Через смерть доносится до нас голос вечности и открывается прозрение в иные миры.

Таинственные голоса жизни, исходящие из ее бездонных глубин, говорят человеку о том, что за пределами видимого и

невидимых миров, им переживаемых, пребывает Вечный Первоисточник всего сущего, от Которого все изшло и к Которому все возвратится».

Когда хоронят священников, то совершающие обряд отпевания священнослужители надевают белые одежды, как в день духовного торжества, день конца скорбей и начала радостей для усопшего. Но ведь каждый из христиан принадлежит к «царственному священству» (1Пет. 2, 9).

Как говорит еп. Феофан Затворник:

«Я всегда был такой мысли, что по умершим не траур нужно надевать, а праздничные наряды... А у нас все кверху ногами перевернулось».

А пастырь о. Иоанн С. пишет:

«Не страшитесь смерти и не скорбите, братья, чрезмеру. Иисус Христос, Спаситель наш, Своею смертью победил нашу смерть и Своим воскресением положил основание нашему воскресению, и мы каждую неделю, каждый воскресный день торжествуем во Христе воскресшем наше общее будущее воскресение и предначинаем вечную жизнь, к которой настоящая временная жизнь есть краткий, хотя и тесный и прискорбный путь. Смерть же истинного христианина есть не более как сон до дня воскресения, или как рождение в новую жизнь. Учитесь непрестанно умирать греху и воскресать душами от мертвых дел, обогащайтесь добродетелью и не скорбите безутешно о умерших; научайтесь встречать смерть без ужаса, как определение Отца Небесного, которое с воскресением Христовым из мертвых потеряло свою грозность».

А старец схимонах Силуан пишет:

«Душа, познавшая любовь Божию Духом Святым, умирая, испытывает некоторый страх, когда ангелы поведут ее ко Господу, потому что, живя в мире, она повинна в грехах. Но когда увидит душа Господа, то возрадуется от Его милостивого кроткого лица и Господь не помянет ей грехов, по множеству кротости и любви Своей. От первого взгляда на Господа вселится в душу любовь Господня, и она от любви Божией и сладости Духа Святого вся изменится».

Приложения к главе 9-й

Из беседы Иоанна, епископа Смоленского, в день Успения Божией Матери

Дух человека скорее и легче, чем тело, отрешается от условий временной жизни – и в то же время, когда у тебя длится еще борьба со смертью, он уже витает, как будто вне тела.

Вот чем объясняются нередкие случаи, что в час кончины, еще не свершившейся, человек, или правильнее дух его, в земном образе является в отдалении от тела близким по сердцу людям.

Еще несколько минут – и человек вступает в вечность... Как вдруг изменяется форма его бытия. Дух его видит самого себя, свое собственное существо; он видит предметы (и самые отдаленные) уже не телесными глазами, а каким-то непонятным нам теперь ощущением. Он говорит слова не членораздельными звуками, а мыслью; не руками осязает предметы, а чувствами. Двигается не ногами, а одной силой воли; и то, к чему прежде он мог приближаться с великим трудом, медленно, через большие пространства места и времени, теперь он достигает мгновенно; никакие естественные препятствия его не задерживают.

Теперь и прошедшее видно ему, как настоящее, и будущее не так сокрыто, как прежде, и нет уже для него разделения и места, нет ни часов, ни дней, ни годов, нет расстояний ни малых, ни больших, все сливается в один момент – вечность. Что же он видит и чувствует?

Если вы здесь владеете собой, там уже вы ничего не сможете с собой сделать; все в вас и с вами перейдет туда и разовьется в бесконечность...

Душа человека, отрешаясь от тела, с многократной силой продолжает развивать в себе те качества, которые она приобрела в земной жизни...

Вследствие этого праведники бесконечно утверждаются в добродетелях и преданности святой воле Божией, а нераскаянные грешники – в нечестии и ненависти к Богу.

К концу мировой истории и на небе и на земле будут только две категории людей: беспредельно любящие Бога праведники и так же ненавидящие Его грешники.

Чем же ты сделаешься там, неверующий, грешный человек? Если ты здесь нехорош, то там будешь темным, злым духом. О, тогда ты сам себя не узнаешь, и понесет тебя твое зло собственным своим тяготением туда, где живет вечное, бесконечное зло, в сообщество темных злых сил...

На этом пути ты ни остановиться, ни возвратиться не сможешь и во веки веков будешь страдать – чем? – бешенством от своего собственного зла, которое не даст тебе покоя, и от той злой среды, которая будет вечно окружать тебя и терзать без конца. А что же душа добрая, что будет с ней?

И добро также раскроется во всей полноте и силе; оно будет развиваться со всей свободой, которой здесь не имело, обнаружит все свое внутреннее достоинство, здесь большей частью сокрытое, незнаваемое, неоценяемое, весь свой внутренний свет, здесь всячески затемняемый, все свое блаженство, здесь подавляемое разными скорбями жизни.

И понесется эта душа всей силою своего нравственно-развитого и добродетельно-возвышенного стремления в высшие сферы того мира, туда, где в бесконечном свете живет Источник и Первообраз всякого добра, в область светлых и чистейших существ, и сама сделается как ангел, т. е. таким же светлым, чистым, блаженным существом.

Она будет уже навеки тверда теперь в добре, и никакое зло, ни внутреннее, ни внешнее, не сможет уже ни колебать ее, ни изменить, ни повредить ее блаженному состоянию.

Но и не праздно будет жить душа и наслаждаться блаженством: она будет действовать своим просвещенным умом в созерцании и постижении тайн, здесь неразгаданных и неизвестных: тайн Бога, мироздания, себя самой и вечной жизни.

Состояние наше в будущей жизни не будет состоянием бездеятельного покоя, мертвым квиетизмом: оно будет представлять гармоническое, всецелое удовлетворение всех

потребностей и стремлений нашей души путем непрерывного бесконечного развития.

Ум, сердце и воля человека найдут для себя много достойных предметов и обильную пищу в этом развитии. Непосредственное общение с Богом как всеозаряющим Светом должно раскрыть нам всю беспредельность законов бытия: пред нами откроется такой кругозор, о котором мы в настоящей жизни не можем иметь и понятия.

Тогда только удовлетворится та духовная жажда знания, которой томится человек в настоящей жизни.

Один Бог – беспредельное море сущности – будет уже служить неисчерпаемо-возвышеннейшим предметом для нашего ума в его вечном стремлении постигнуть Виновника всего существующего.

Вторым предметом нашего духовного созерцания будет дело нашего искупления, совершенное Сыном Божиим: то великое и чудное дело, в которое желают проникнуть и ангельские умы, которым наше человеческое естество возведено в лице Богочеловека на престол Божества. Третьим предметом нашего познания будет мир ангельский и мир совершенных, чистейших душ.

Само человечество в его прошедших судьбах и настоящем его состоянии будет также предметом, размышление о котором будет представлять для нас высочайший интерес, как представляет и теперь, при наших ограниченных средствах познания.

Наконец, преображенный и обновленный мир во всей его красоте и разнообразии будет привлекать к себе наш умственный взор и возбуждать чувство удивления и благоговения к Сотворившему все Премудростию.

К этому следует прибавить высокое нравственное удовлетворение, которое будут испытывать праведники вследствие взаимного сближения между собою. Не будет между ними ни зависти, ни ненависти, ни вражды, ни лжи, ничего такого, чем так полна и постоянно отправляется наша жизнь на земле.

Братская любовь, ничем не нарушаемый мир, полнейшее согласие, чистейшая правда будут царствовать среди блаженных обитателей Нового Иерусалима, на небесах. Какая необъятная область ведения и жизнедеятельности. Какой неисчерпаемый источник блаженства!

Не верь тому, кто говорит тебе,
Что смерть есть смерть. Она – начало жизни,
Того существованья неземного,
Перед которым наша жизнь темна,
Как миг тоски пред радостью беспечной,
Как черный грех – пред детской чистотой.
Нам не дано познать всю светлость смерти,
Мы можем лишь предчувствовать ее –
Чтоб не было для наших душ соблазна
До времени покинуть мир земной
И, не пройдя обычных испытаний
Уйти с своими слабыми очами
Туда, где б ослепил нас Горний Свет.
Пока ты человек – будь человеком,
И на земле земное совершай,
Но сохрани в душе огонь нетленный
Божественной мистической тоски,
Желанье быть не тем, чем быть ты можешь.
В терпении иди все выше, выше
По лучезарным, чистым ступеням,
Пока перед тобой не развернется
Воздушная немая бесконечность,
Где время прекращает свой полет.
Тогда познаешь ты, что есть свобода
В разумной подчиненности Творцу,
В смирении и служении человеку,
Что, как по непочатому пути,
Всегда вперед стремится наше солнце,
Ведя с собой и землю и луну
К прекрасному созвездью Геркулеса,
Так, вечного исполнено стремленья,
С собой нас увлекает Божество

К неведомой, но благодатной цели.
Живи, молись – словами и делами
И смерть встречай, как лучшей Жизни весть.

Глава 10. Царство Небесное (рай)

Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. Мф. 25, 34

В доме Отца Моего обителей много. Ин. 14, 2

У некоторых христиан имеется узко-материальное представление о рае как о месте, где все будет прекрасно: глаз будут радовать прекрасные цветы и деревья, слух будет наслаждаться райским пением, вкус – райскими плодами и т. д. Словом – рай будет идеально оформленным садом, где будут наслаждаться наши внешние чувства.

Такое представление близко к представлению о рае мусульман. Здесь в духовную область переносятся ощущения тела и строится представление о блаженстве рая на чисто материальной основе. Это, конечно, неверно.

По учению святых отцов, сладость рая заключается не во внешнем великолепии и оформлении рая, а в переживаниях души: внешняя красота только дополняет внутреннее блаженство, создавая гармонию внешнего и внутреннего.

Как пишет архиепископ Иоанн:

«Рай начинается уже в этом мире. Все ученики Господа всех времен и народов свидетельствуют, что рай для человека, устремленного к небесной правде, начинается уже здесь, на земле».

Несколько выше (см. гл. 6) приводилось описание прп. Макарием Великим состояния души человеческой, находящейся в Духе Святом уже при жизни в теле.

Можно думать, что те же ощущения в какой-то степени характеризуют и душу человека, находящуюся в раю. Там они будут еще более очищены и развиты в большей степени, так как «когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится» (1Кор. 13, 10), – говорит апостол Павел.

Как пишет о. Иоанн Сергиев, «в мире действует непрестанно нравственный закон Бога, по которому всякое

добро награждается внутренне, а всякое зло наказывается; зло сопровождается скорбью и теснотою сердца, а добро – миром, радостью и пространством сердца.

Этот закон неизменен: он закон Неизменяемого, Всесвятого, Праведного, Премудрого и Вечного Бога. Делающие или исполнители этого нравственного или евангельского закона (он тоже нравственный закон, только совершеннейший) будут непременно награждены вечной жизнью, а нарушители и не покаявшиеся в нарушении будут наказаны вечной мукой.

Здесь же состояние наших душ предызображает будущее. Будущее будет продолжением настоящего состояния внутреннего, только в измененном виде относительно степени его».

«Что доброго приобрел кто здесь, то самое, – по словам прп. Макария Египетского, – и в оный день будет для него жизнью».

Как говорил старец Парфений Киевский:

«Подобно небесному и на земле есть рай, есть и ад, только невидимые, так как и Бог на небеси, Он же и на земле; только здесь все невидимо, а там все видимо: и Бог, и рай, и ад».

Отцы Церкви вообще представляют себе жизнь человека непрестающим развитием, которое начинается здесь, на земле, и продолжается за гробом.

Поэтому не нужно думать, что в Царстве Небесном состояние душ остается уже неизменным и не будет идти дальнейшего совершенствования.

Старец Варсонофий из Оптиной пустыни высказывал такие мысли об этом:

«Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь, на земле, но главным образом – в будущей жизни. На небе все бесплотные блаженные души все время совершенствуются, подражая низшие высшим».

В описании видений благочестивым христианам умерших близких им христианских душ иногда упоминается о том, что в том мире эти христиане включаются в особые обители

(наподобие земных монастырей) и поручаются духовным отцам-руководителям.

Прп. Исаак Сириянин говорит:

«О Царствии Небесном говорят, что оно есть духовное созерцание. Обретается оно не делами помыслов, но может быть внушаемо по благодати. Пока не очистит себя человек, не имеет он достаточных сил и слышать о нем, потому что никто не может приобрести этого изучением. Рай же есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами».

Отсюда атмосфера рая – это атмосфера Христовой любви: там место лишь тем, кто научился любить не себя, а ближних.

Там все и на всех изливают свою любовь и поэтому каждый обладает неоценимым капиталом – всеобщей любовью. Там каждый – центр всеобщей любви: но это лишь тогда, когда он сам до конца отдал себя на служение всем. Поэтому там радость от переживания всеобщей любви вырастает в каких-то огромных степенях, непостижимых разуму.

В Царстве Божием не может быть и разномыслия. И если у каждого из земных людей своя воля, то на небесах она одна у миллиардов небожителей – воля Господня.

Итак, вхождение человека в радость райских ощущений достигается приобщением к Божественной любви – деятельным служением ближним, развитием смирения, стремлением к чистоте сердца и развитием вкуса к духовным переживаниям.

Если сердце человеческое будет достойно и успеет научиться ценить эти переживания и жить ими, то благо ему.

Если же телесные ощущения, удовлетворение страстей, любопытство и вся прочая суeta мира не уступят в сердце места для высших и духовных радостей, то невозможно человеку попасть в рай; его слух будет глух для райских песнопений, и те нежные струны души, которые звучали бы в унисон с мелодиями рая, окажутся неразвитыми, несуществующими.

Вот как об этом пишет еп. Феофан Затворник, выражая святоотеческое учение:

«Удел блаженства каждому присудится и дан будет такой, сколько кто вместить может в себя сего блаженства;

вместимость же сия определяется тем, как кто раскрыл свое естество для принятия небесных благ, а раскрытие это зависит от трудов над собой. Если разны сии труды – разное раскрытие естества; если раскрытие сие разное – разная вместимость; если разная вместимость, разная и степень блаженства».

Прп. Никита Стифат говорит, что «стяжавшие внутреннее Царство Божие в жизни сей, имеют свободный переход в Царство Небесное, а для не стяжавших его в этой жизни переход в будущее бывает со страхом. Блажен тот, кто приготовил себя здесь к свободному переходу в Царство Небесное».

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«Спаситель многими обителями у Отца называет различные меры духа водворяемых в Царство Небесное, т. е. отличия и разность духовных дарований, какими наслаждаются по мере духа. Ибо не по разности мест, но по степени дарований назвал обителями многими. Как чувственным солнцем наслаждается каждый соразмерно чистоте и приемлемости силы зрения и как от одного светильника в одном доме освещение бывает различно – так в будущем веке все праведные нераздельно водворяются в одной стране, но каждый в своей мере озаряется одним мысленным солнцем и по достоинству своему привлекает к себе радость и веселие, как бы из одного воздуха, от одного места, престола, зрелища и образа. И никто не видит меру друга своего, как высшего, так и низшего, чтобы, если увидит превосходящую благодать друга и свое лишение, не было это для него причиною печали и скорби. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания. Напротив того, каждый по данной ему благодати веселится внутренне в своей мере. Вне же всех одно зрелище и одна страна, и кроме этих двух ступеней, нет иной промежуточной степени, разумею же одну степень горнюю, другую дольную, посреди же их разнообразие в разности воздаяний».

О том же пишет так и архимандрит Иоанн:

«На суде откроется каждое сердце. И навеки сделается внешней обстановкой жизни каждого. Милость Господня будет оказана тогда не только в даровании человеку соответственной ему обители Царства, но и в удержании от него высших обителей радости, которые были бы для его меры столь же мучительны, как и низшие...»

Следует отметить, что при вхождении в Царство Небесное будут учитываться не только совершенные на земле дела, но и тайные стремления сердца, хотя бы они и не нашли на земле осуществления. Архимандрит Иоанн так пишет об этом:

«В способности страдать, когда нет возможности или сил провести в жизнь закон Евангелия, в способности духовно томиться от сознания своего неполного исполнения воли Христовой и даже ее неполного искания обнаруживается тайный зов духа ход сердца в Царство Божие».

Отрыв человека от источника жизни – Бога, соприкосновение его с космосом темных сил и последствия этого

Глава 11. Сатана и темные силы

Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов. Лк. 10, 19

Как пишет епископ Игнатий (Брянчанинов):

«Погибель наша совершилась через уничтожение общения нашего с Богом и через вступление в общение с падшими и отверженными духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаной и в восстановлении общения с Богом».

Ни один из христиан в жизни не избегает встреч с темной силой. «В мире сатана борется со Христом, а поле битвы – сердца людей», – пишет Достоевский.

И здесь важно нам обнаружить его присутствие, чаще всего тайное, а иногда и совершенно явное. Вот как об этом пишет о. Иоанн С:

«Когда приступим искренно работать Господу и заденем за живое гнездящихся в нас демонов наших страстей, тогда-то они на нас вооружаются всею своею адскою злобою, всеми своими страхованиями, сильными пристрастиями к земным благам, пока не выгоним их из себя усердною молитвою или причастием Св. Таин. Так бесноватые бывают покойны до того времени, пока их не подведут к святыне, а подведут – откуда возьмется сила необыкновенная, отвращение от святыни, хула, оплевывание святыни, пронзительный крик. Вот вам объяснение недоумения, отчего бесноватые, или так называемые кликуши, кричат в церкви во время обедни, или когда их подведут к святым мощам: это потому, что бесы встречаются с благою силой, им ненавистною и сильнейшею их, которая палит, теснит, поражает их, гонит их вон из любимого их жилища».

Бояться ли нам сатаны и его воинства? Они действительно сильны и страшны.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Чем больше живешь, тем убедительнее видишь, как силен сатана».

Но их бояться христианину не следует. С момента воскресения Христова звучат Его победные слова: «Я победил мир» (Ин. 16, 33) и «дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18). И сила Господня, и сила Его креста, и благодать Таинств, и добродетель смирения таковы, что спасают от сатаны всех, кто с верою прибегает к Богу за помощью.

Подвижники благочестия и святые дают нам бесчисленные примеры бесстрашия по отношению к темной силе.

Вот пример о том из жизни подвижницы благочестия, духовной дочери прп. Серафима Елены Васильевны Мантуровой.

До поступления в Дивеевскую обитель (общину) Елена Васильевна жила вместе со своим братом Михаилом Васильевичем и его женой. Как-то разразилась страшная гроза. Вся семья собралась в комнате Елены Васильевны, где та спокойно молилась в углу перед иконой. Вдруг при одном из сильных ударов в углу под киотом, где стояла подвижница, раздался совершенно неестественный крик, как бы кошки.

Этот крик привел всех в ужас, и все бросились к Елене Васильевне. «Не бойся, братец, не бойся, сестрица, – спокойно сказала она. – Ведь это диавол». Она сотворила знамение креста на том месте, где был крик, и добавила: «Вот и нет его, разве он что-либо может?». Водворилась тишина, и все успокоились.

Следует заметить, что Господь попускает диаволу пугать или нападать видимо (воочию) лишь на христиан, уже возросших и окрепших духовно, для их совершенства в духовной борьбе.

Всем новоначальным в духовной жизни диаволу не дано открываться видимым образом. Но подвижникам благочестия и

святым приходится от него часто терпеть. Вот случай с той же Еленой Васильевной.

Однажды как-то ночью читала она Псалтирь в нижней церкви Дивеева. Вдруг с верхней паперти пустился кто-то бегом по лестнице, ворвался в церковь, где она молилась, и грохнулся с таким шумом и треском, что вскочили около нее спящие сестры.

В другой раз, там же в церкви, когда она, услышав стук в дверь, пошла ее отпирать, то увидела кого-то, стоящего перед ней в саване, и т. п.

Узнав про эти нападки, прп. Серафим запретил Елене Васильевне оставаться в церкви одной.

Как говорил старец Адриан (Югской пустыни), много потерпевший от нападений темной силы: «Какими только страхованиями, бедами, сетями бесовскими, невыносимыми страшищами наполнен воздух. Так что, если бы человек прозрел в это, то едва мог бы остаться в живых. Но все это от нас сокрыто благим Промыслом Господа, по Его милости».

Он же говорил:

«Эти искушения и сети неизбежно должны коснуться всякого человека. И тогда человеку бывает томительно и тяжело».

Как говорят нам святые отцы, существуют три ступени касания темной силы к человеку.

Первая ступень – пробуждение в душе человека тех или иных страстей, склонности ко греху и приращения разных пристрастий. Если не успевает в этом темная сила и человек успешно борется со всеми этими приращениями, то темная сила начинает нападать на человека через посредство окружающих его людей, возбуждая в них недовольство, вражду и ненависть к подвижнику благочестия. Вооружает против него и его близких, которые начинают донимать его побуждением отступить от праведного пути.

Если и в этом не будет удачи у темной силы или подвижник живет в уединении, то темной силе бывает попущено открыто являться подвижнику и запугивать его разнообразными страхованиями.

При этом для более сильных духом подвижников попускается и физическое нападение на них темных сил. Так, например, был избит бесами прп. Антоний Великий.

Во всей этой борьбе закаляется сила духа святых и подвижников и уготовляются им победные венцы.

Следует упомянуть, что те из святых отцов и подвижников, которым дано было близко соприкоснуться с темной силой в противоборстве с ней (напр. прп. Антоний Великий), не любили много говорить и открывать о ней, считая это ненужным или, может быть, опасным.

Другим примером является старец о. Алексий М., который никогда не говорил своим духовным детям про лукавого и бесов. Они как бы не существовали для него, и он не хотел их знать.

Его молитва и осияние Святым Духом отгоняли от него и его близких духовных детей всю темную силу, и он поэтому как бы не знал ее и не встречался с ней.

И вряд ли христианину нужно подробно знакомиться с сатаной, его царством, его свойствами и проявлениями.

Можно думать, что здесь следует ограничиться тем, что открывает об этом Священное Писание и творения св. отцов Церкви.

И хотя христианину и нужно знать про все виды воздействия на его душу темных сил, но не надо искать и читать той литературы, которая непосредственно открывает ужасающий образ страшного врага человека и ту бездну ужасов, греха, порока и безобразия, которые насаждены им в человечестве.

Зачем душой спускаться ко тьме, когда спасение души – в приобщении к свету? И полезно ли дышать ядовитыми испарениями, которые идут из этой тьмы? И если эти испарения проникают в нас, то не надо ли скорее уходить от них на чистый воздух – веяние Духа Святого?

Надо помнить, что по закону подражания опасно все, что порождается сатаной, – все виды порока и греха, страстей и пристрастий, лжи и лжеучений, душевного безобразия и

нечистоты. И чем дальше стоять от них, чем меньше они западают в душу, тем безопаснее для души.

Безусловно, что всем новоначальным в духовной жизни, не окрепшим еще духовно, надо проявлять осторожность в отношении темных сил. Им не следует брать на себя непосильных для них духовных подвигов и помнить следующий совет одного опытного в духовной брани иеромонаха: «Не дразните врага. Лучше пусть поменьше он вас замечает. Не выдержать вам борьбы с ним. Не только доброго поступка – и молитвы-то не прощает».

Поэтому очень немногие даже из пастырей решаются брать на себя такие задачи, как изгнание «молитвами и постом» (Мф. 17, 21) темной силы из одержимых ею (бесноватых). А те из них, которые делали это успешно, терпели обычно гонения; на них ополчались окружающие их люди, их изгоняли, переводили с места на место и т. п.

Однако святых и ревностных подвижников благочестия не пугали и не пугают все воздвигаемые на них козни врага.

Как уже говорилось выше, по попущению Божию прп. Антоний Великий был жестоко избит бесами, что, однако, нисколько не ослабило его подвигов. Святые всегда побеждали при видимом нападении на них темной силы.

Некогда сатана напал в образе льва на прп. Савву Освященного (память 5/18 декабря). Бросаясь, он пятился назад, опять бросался и опять пятился назад. Видя, что зверь то бросается, то отступает, преподобный сказал ему: «Если у тебя есть от Бога власть съесть меня, то чего же ты пятишься назад? Если же нет, то почему ты трудишься понапрасну? Ибо силою Христа моего я осию тебя, лев». И тотчас же бес, явившись в зверином виде, исчез.

И когда христианину придется в жизни – наяву или во сне – встретиться с темной силой или с ее проявлением, надо лишь вспомнить о том непобедимом оружии, в которое облачен христианин. Этим непобедимым оружием является крест Христов, которым надо ограждать себя при всех проявлениях темной силы, а также проявлением христианского смирения. Про последнее так пишет старец Силуан:

«Война (с темной силой) упорна, но только для гордых, смиренным же легко, потому что они возлюбили Господа, и Он дает им Свое сильное оружие – благодать Святого Духа, которой боятся наши враги, ибо она их опаляет».

Впрочем, повторяем, если христианину не надо бояться видимых нападений темной силы, то о постоянном, не видимом телесными очами, воздействии ее на себя ему надо всегда знать, иметь об этом отчетливое представление и непрестанно бороться с этим воздействием.

Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Св. подвижники не советуют бояться козней вражиих, которые проявляются в борении от помыслов и т. п., ибо демоны могут нам только угрожать, но овладеть нашим существом не в силах, если мы ограждаем себя молитвою, крестным знаменем и духовным трезвлением. Боязнь же только расслабляет наше сердце, парализует все то, чем мы сильны против вражьей силы».

Находясь в состоянии какой-либо страсти, замечая в себе пристрастие к чему-либо, наблюдая в душе своей состояние, противоположное плодам Духа Святого (любовь, радость, мир и т. д.) (Гал. 5, 22), т. е. отвращение от чего-либо доброго, неприязнь, холодность к людям, уныние, беспокойство, удручающую тяжесть и т. п., христианин должен ясно сознавать, что его душой в какой-то степени владеет темная сила.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Демоны не суть видимые тела, но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления темные; ибо, принявши эти помышления, мы принимаем самых демонов и явными их делаем в теле».

В таких случаях христианин должен немедленно вооружиться духовно и начать молиться.

Не своею силой христианин может побеждать лукавого – победа достигается только силою Христа и Его Креста. Поэтому и борьба будет заключаться преимущественно в прилежной молитве о заступлении и участии в Таинствах исповеди и причащения.

Из молитв в этих случаях читаются: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» или Символ веры.

В некоторых случаях (например при сильных приражениях какой-нибудь страсти) может быть, понадобится присоединение к молитве поста. При этом надо помнить, что Господь чаще всего попускает нападки на нас лукавого или за проявление гордости, или для наказания нас за какой-либо грех. Поэтому и молитву о заступлении надо начинать с покаяния в тех грехах, о которых подскажет нам наша совесть.

Помимо непосредственного воздействия темной силы на христианина она может влиять на него через людей, отдавшихся ей.

Методы этой борьбы со стороны сатаны и вся совокупность соблазнов представляет такую многогранную и большую область, что разбор этого вопроса требует особого места, и в настоящих очерках затрагивается лишь отчасти.

Приложения к главе 11-й

Сущность начальника темных сил сатаны, или дьявола, и его влияние на человечество вообще и на каждого человека в отдельности в нужной мере освещаются в беседах архимандрита Бориса Холчева «О молитве Господней». Ниже приводятся оттуда сокращенные выдержки на эту тему.

«О дьяволе, или лукавом, многократно говорится во многих местах Священного Писания начиная с первой книги Св. Библии – Книги Бытия – и кончая последней книгой – Апокалипсисом. Там говорится о дьяволе как о величайшем противнике нашего спасения, как о том, кто создает величайшие препятствия на пути человека к Богу. В Первом соборном послании ап. Петр, обращаясь к христианам, говорит: «Трезвитесь, бодрствуйте (дьявол, как лев, ищет, кого поглотить)». Замечательно место в Послании ап. Павла к Ефесянам: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12). Священное Писание открывает нам, что дьявол вначале не был дьяволом. Будучи создан Богом как один из великих ангелов, близких к Богу, он был наделен великими

благодатными дарованиями. Но в начале мировой истории произошла страшная катастрофа – этот светносный ангел пал, и причиной этого падения была гордость. Он залюбовался на свои достоинства и те дары, которыми наделил его Бог, и у него возникла безумная мысль, что он сам является причиной этих даров. У него возникла мысль, что он не нуждается в Боге. Эта безумная мысль и погубила его, он захотел быть равным Богу. Когда он возгордился, то он из светносного ангела сделался диаволом. Все внутреннее его существо изменилось: вместо любви к Богу у него возникла хула; вместо радости богообщения у него возникло стремление удалиться от Бога и существовать отдельно от Бога. Этим безумием он заразил других ангелов, и часть светлых ангелов стала темными силами. За этим первым преступлением последовало второе преступление. Среди творений Божиих был человек. Человек был прекрасным творением Божиим. Он по своей душе был как ангел, он был близок к Богу и тоже был наделен многообразными дарованиями. Диавол по своей вражде к Богу решил заразить человека грехом, чтобы осквернить творение Божие и удалить его от Бога. Это было второе величайшее преступление диавола. Конечно, вина человека в некоторой мере была меньше, чем вина диавола. Диавол сам удалился от Бога, а человек удалился от Бога обманом, увлеченный диаволом. Когда человечество удалилось от Бога, то диавол и темные силы приобрели большое влияние и на жизнь каждого человека, и на жизнь человечества в целом. Один великий угодник, прп. Антоний Великий, имел удивительное видение, полное глубокого смысла. Он увидел сети диавольские, которыми было охвачено все человечество. Они показались ему непреодолимыми. Что же это за сети диавольские? Когда человек заразился грехом, то душа человека как бы открылась для влияния диавола, и диавол получил доступ сеять в душу человека всякое зло, и прежде всего он получил возможность сеять в душу человека гордость, греховные страстные мысли и стремления. Диавол оказывает действие не только на душу человека, но и на тело человека. В евангельском

повествовании встречаются рассказы о бесноватых, о так называемых одержимых. Это люди, у которых враг имеет влияние и власть не только над их душами, но и телами. Если человек подчинен диаволу, если исполняет во всем его волю, если творит грех и беззакония, то, когда мы встречаемся с таким человеком, он может заразить нас своим внутренним греховным содержанием. Этот человек может быть как бы орудием диавола, через которое он уловляет нас в свои сети. Вот как многообразны, как страшны эти сети диавольские, которые как бы распростерты над всем миром. Прп. Антоний Великий, когда видел эти сети, ужаснулся и воскликнул: «Кто и как может избежать этих сетей?» – И он услышал ответ: «Только смирение может избежать сетей диавольских». В этом ответе, который услышал прп. Антоний Великий, заключается раскрытие великой тайны духовной жизни. Диавол сделался из ангела диаволом через гордость, поэтому самым сильным орудием против него является смирение. Если человек несет величайший труд, величайший пост, величайший молитвенный подвиг, если человек полон самоотвержения по отношению к другим людям, но если нет смирения, он не может победить диавола, он наверное будет жертвой диавола и будет побежденным. Когда мы произносим прошение: «Но избави нас от лукавого», – то мы молим Бога, Отца Небесного, чтобы Он избавил нас от этих диавольских сетей, чтобы нам не запутаться в этих сетях и не стать жертвой диавола. Поэтому каждый из нас пусть старается победить в своей душе гордость, внимательно замечать и изучать свои грехи и недостатки и перестать гнушаться и презирать других людей».

А вот еще данные к характеристике темных сил, архиепископа Иоанна (Шаховского):

«Духи злые жестоко расправляются и со своими союзниками. Будучи мстительными и не имея возможности мстить своим врагам – Божьим людям, они всегда мстят своим друзьям... Допускается это обнаружение зла в мире, чтобы оттолкнулся от него человек. Не верующие в Бога не

верят и в совершеннейшее лукавство, в самоубийственность зла».

Некоторые из христиан соблазняются существованием темных сил и недоумевают, почему было допущено Богом превращение светлого ангела в сатану, увлечение ангелов, ставших бесами, и все то зло, которое от этого затем разлилось в мире.

В наши задачи не входит философское обоснование или разрешение вопросов, трудно поддающихся решению слабым человеческим разумом. Далеко не все может понять он при непостижимости премудрости Божией. «Мои мысли – не ваши мысли», – говорит Господь устами пророка Исаии (Ис. 55, 8). И даже сам мудрейший апостол Павел на один из трудных вопросов отвечал: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал?» (Рим. 9, 20).

Приблизиться к Богу можно всего скорее путем чистой неиспытующей веры – путем простых пастухов, первыми поклонившихся Сыну Божию в Вифлеемской пещере. Много позже пришли к Нему мудрецы, и только после долгого тяжелого пути.

Путь к Господу им указала звезда, а пастухи получили непосредственное откровение от ангелов Божиих. Зачем же нам выбирать долгий и трудный путь мудрецов, а не последовать за простосердечными пастухами?

Приведем все же некоторые ответы св. отцов на поставленные вопросы.

Св. отцы наиболее умудренные из людей Святым Духом Божиим, единодушно говорят, что во всем творении Божиим и во всех установленных Им законах как для физического, так и для духовного мира «все добро зело» (Быт. 1, 31).

Вот, например, как пишет о том священномученик Петр Дамаскин:

«Все существующее Бог сотворил к нашей пользе. Ангелы охраняют и научают нас. Демоны искушают, чтобы мы смирились и прибегали к Богу; через них мы спасаемся и

избавляемся от возношения и нерадения по страху искушений"...

О том же пишет прп. Исаак Сириянин:

«Для того умножил Бог искушения, чтобы мы, устрашаясь их, прибежали к Нему».

О неизбежности в мире противоположностей и об обращении у Бога «зла» (в понятии человека) в «добро» у Бога пишет так мудрый пастырь о. Иоанн С:

«Не испытаете на себе действия злых козней духа злого – не узнаете и не почтишь как должно благодеяний, даруемых тебе Духом Благим. Не узнавши духа убивающего, не узнаете и Духа Животворящего. Только по причине прямых противоположностей добра и зла, жизни и смерти мы узнаем ясно то и другое; не подвергаясь бедам и опасностям смерти телесной или духовной, не узнаете сердечно и Спасителя Жизнодавца, избавляющего от этих бед и от духовной смерти... Слава Богу, Премудрому и Всеблагому, что Он попускает духу злобы и смерти искушать и мучить нас. Иначе как бы мы стали ценить утешения благодати, утешения Духа Утешительного, Животворящего».

«Не испытаете на себе действия злых козней духа злого – не узнаете и не почтишь как должно благодеяний, даруемых тебе Духом Благим. Не узнавши духа убивающего, не узнаете и Духа Животворящего.

Вместе с тем как пишет иеромонах (впоследствии архиепископ) Иоанн (Шаховской):

«Если кто-нибудь из людей может восстать на Бога из-за несчастий в мире, то этим он духовно отделяет себя, отсекает от великой заботы Божией, выплавляющей вечное из временного, и значит, не признает мир Божий своим миром и не чувствует, что дело мира есть и его дело. Ведь он призван участвовать в этом деле; он не управляет им – управляет им Тот, Кто в миллионы и миллионы раз мудрее, справедливее и могущественнее человека. И Он знает, что надо. Эта тайна усыновления, доверчивого прития горестей мира раскрывается в Новом Завете и в Книге Иова».

Глава 12. Смерть души

Предоставь мертвым погребать своих мертвецов. Мф. 8, 22
Как пишет прп. Симеон Новый Богослов:

«Бывает смерть (душевная) прежде смерти физической, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ – делом, опытом, силою и истиною».

Мы боимся, обычно, смерти тела, но Господь заповедал нам: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего сделать» (Лк. 12, 4). Но если не должна нас страшить смерть тела, то нас должна ужасать смерть нашей души – ее бесчувственное, оцепенелое состояние во грехе.

Одному из пришедших к Нему Господь сказал: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22), указывая этим, что, живя телом, можно быть «живым трупом», умершим душой от греха, лени и нерадения.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Смерть для людей, которые понимают ее, есть бессмертие, а для простецов, не понимающих ее, есть смерть. И этой смерти не следует бояться, а (бояться надобно) погибели душевной, которая есть неведение Бога. Вот что ужасно для души».

О том же пишет прп. Макарий Великий:

«Истинная смерть – внутри, в сердце, и она сокровенна: ею умирает внутренний человек. Поэтому, если кто перешел от смерти к жизни сокровенной, то он истинно во веки живет и не умирает. Даже если тела таковых и разрушаются на время, то снова будут воскрешены во славе, потому что освящены. Поэтому смерть христиан называем сном и успением».

По определению св. Григория Паламы:

«Смерть собственно состоит в разлучении души от Божества и соединении со грехом. Это, для имеющих разум, смерть истинная и страшная... Все оставим, что разлучает нас от Бога и производит такую смерть. Убоявшийся этой смерти и сохранившийся от нее не убоится приближения плотской смерти, имея в себе жительствующую истинную

жизнь, которую плотская смерть соделывает лишь неотъемлемою».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«И ад, и рай уже отчасти имеем здесь, на земле, – в страстях наших и в опыте добра. «Не придет Царствие Божие с соблюдением – се Царство Божие внутри вас есть». Не то же ли самое можно сказать о геенне огненной? Не настал ли уже ад и теперь для многих людей?»

Что такое по существу духовная смерть и каковы признаки ее приближения?

На этот вопрос так отвечает еп. Аркадий (Лубенский):

«Как есть признаки приближения физической смерти (болезни, дряхлость, ослабление слуха, зрения и т. п.), так есть и признаки смерти духовной: 1. Постепенное притупление совести, которая привыкает ко греху, и человек приучается прощать себе все: совесть не требует более покаяния и спит при грехе. 2. Такое состояние, когда грех обращается в страсть, которая отнимает у человека здравый ум, лишает способности чувствовать Бога, грех, зло и добро. 3. Охлаждение к молитве, к чтению книг духовного содержания, отсутствие интереса к духовным беседам, скука во время богослужения, сонливость во время молитвы. 4. Легкая восприимчивость соблазна на грех, раздражительность, озлобление, чувство мести, ненависти и т. п. 5. Все вышеприведенные состояния души, все вместе, создают человека духовно больного, что отражается и на внешнем его виде и поведении (мрачный взгляд, озлобленное лицо, грубость манер, неприятно резкий голос и т. п.) и постепенно низводит человека до полного духовного омертвления».

Вышеприведенное краткое перечисление признаков духовной смерти, конечно, далеко не достаточно для освещения этого важнейшего для христианина вопроса. К нему мы будем постоянно возвращаться в дальнейшем тексте.

Следует указать, что нарушение каждой из заповедей Христа и отступление человека от христианских добродетелей

(о чем будет говориться подробно в 3-й части наших очерков) уже ведет человека по пути к смерти души.

Глава 13. Ад. «Тьма внешняя». «Огонь и мука вечная»

Как ты вошел сюда не в брачной одежде?.. Связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. Мф. 22, 12–13

Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. Мф. 25, 41

По словам прп. Никодима Святогорца:

«Когда по смерти человек предстанет на суд Божий, то он будет похвален и ублажен Богом, ангелами и святыми, если украсил ум свой и свое воображение светлыми, божественными и духовными образами и представлениями. Напротив, он будет посрамлен и осужден, если наполнил свое воображение картинами страстными, срамными и низкими. Грех (существо которого и есть себялюбие), доставляя человеку наслаждение в этой жизни, вместе с тем приносит ему неизмеримо большее страдание в жизни загробной: Богом установленный миропорядок оказывается пагубным для себялюбия и с необходимостью ведет его к наказанию».

А прп. Макарий Великий говорит:

«Душа поступает туда, где ум ее имеет свою цель и любимое место».

Как пишет архимандрит Иоанн:

«Откровение Церкви утверждает, что не освободившаяся от той или иной страсти душа переносит эту свою страсть в потусторонний мир, где ввиду отсутствия тела (до воскресения) невозможно будет эту страсть удовлетворять, отчего душа будет пребывать в непрерывном томлении самосгорания, непрерывной жажде греха и похоти без возможности эту страсть удовлетворять. Гастроном, только и думавший в своей земной жизни, что о еде, несомненно, будет мучиться после своей смерти, лишившись плотской пищи, но не лишившись

душевной жажды к ней стремиться. Пьяница будет невероятно терзаться, не имея тела, которое можно удовлетворить, залив алкоголем, и тем успокоить на время мучающуюся душу. Блудник будет испытывать то же чувство. Деньголюбец тоже... Курильщик – то же».

О том же пишет митрополит Филарет Московский:

«Опасно прийти в мир духов без духовного приготовления, с одними привычками и пристрастиями к земному и чувственному. Душа в том находит удовольствие и в том живет, к чему применялись ум и воля; лишение этого есть для нее голод, скорбь, страдание, смерть. Отторжение же ума и воли от одного предмета и прилепление к другому, по порядку природы, не совершается мгновенно... Пришедшая в незнакомый мир духовный душа мечтает о привычках, занятиях земных, жаждет привычных чувственных удовольствий, но их там нет. Напротив того, там есть возвышеннейшие предметы созерцания, чистейшие источники радости и блаженства: но они чужды ее уму и воле. Что же для нее остается? Ее внутренняя пустота, голод, скорбь, страдание, что и составляет ее смерть».

«Опасно прийти в мир духов без духовного приготовления, с одними привычками и пристрастиями к земному и чувственному.

Как говорит пастырь о. Иоанн С:

«Страшная истина – грешник в будущем веке связывается по рукам и ногам (говорится о душе) и ввергается во тьму кромешную – как говорит Спаситель, «связавши ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю» (Мф. 22, 13), т. е. он совершенно теряет свободу всех сил душевных, которые, будучи созданы для свободной деятельности, терпят через это какую-то убийственную бездейственность для всякого добра. В душе сознает грешник свои силы и в то же время чувствует, что силы эти связаны нерасторжимыми какими-то цепями: «во узах греха своего он содержится» (Притч. 5, 22). К этому прибавьте страшное мучение от самих грехов, от сознания безрассудства своего во время земной жизни, от

представления прогневанного Творца. Поэтому нераскаянные грешники после смерти теряют всякую возможность измениться к лучшему и, значит, неизменно остаются преданными вечным мучениям (грех не может не мучить). Чем доказать это? Это с очевидностью доказывается состоянием некоторых грешников и свойством самого греха – держать человека в плену своем и заграждать ему все исходы... Время и действия благодати (для пробуждения покаяния) – только здесь: после смерти – только молитвы Церкви, и то на раскаянных грешников могут действовать – на тех, у которых есть приемлемость в душах, свет добрых дел, унесенный ими из этой жизни, к которым может привиться благодать Божия или благодатные молитвы Церкви».

В богословии имеется еще такое объяснение мучений ада.

В этой жизни грешному человеку не дано ощущать грех в его природе, силе, действиях и его сущности как обложенному плотию и духовно слепому.

Но в будущей жизни, при раскрытии самосознания, он неизбежно ощутит всю пагубу греха, его ядовитость и вкусит всю его губительную силу.

Хотел бы тогда человек избыть грех как мучительное для его души зло, но сделать этого уже не может, потому что он проник в состав души и срастворился с сознанием, чувством и волей.

Итак, горе тому, кто не запасся «елеем мудрых дев» – и в нем не будут развиты любовь, смирение, послушание и все другие христианские добродетели. По словам Евангелия, горе ему: сосуд души пустым быть не может. Найдя его пустым, в него вселятся, по словам Спасителя, «семь других зловещих духов (злейших)» (Лк. 11, 26).

Вместо смирения в нем будет господствовать богопротивная гордость, вместо любви – эгоизм, немилосердие, черствость к людям и т. д. Это создает в душе еще на земле атмосферу ада с его душевными муками. В чем сущность этих мук?

Господь говорит в Евангелии о «геенне», «где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9, 44). Как пишет еп. Аркадий (Лубенский):

«По разъяснению: ангела прп. Макарию, земные вещи надо принимать за самое слабое изображение духовных, так как человек не может постичь и уразуметь исключительно духовных предметов: поэтому они показываются ему в виде образов, которые он привык видеть на земле».

Однажды старец Зосима (Верховский) молился так:

«Господи, дай мне познать мучения грешников, чтобы мне от великих Твоих милостей ко мне недостойнейшему никогда не забыться, что я великий грешник».

«Недолго спустя после такой молитвы в один день, – говорит сам о себе о. Зосима, – вдруг я почувствовал неизъяснимое страдание во всем существе моем, в душевном, телесном и духовном. Этого ужасного страдания невозможно выразить никакими словами: душа известилась, что это адское мучение грешников.

Я не видел ничего и не слышал, но только все во мне страдало и томилось непостижимо: душа, сердце, все тело, каждый, кажется, волос на голове страдал; томление духа, мрак, тоска... положение ужаснейшее – такое, что если бы оно продлилось еще несколько минут, то или душа вышла бы из тела, или пришел бы я в неистовство ума.

Все сказанное мною слабо в сравнении с тем страданием: оно ужасно и неизъяснимо.

И я в трепете упал на молитву перед Господом, но произнести ничего не мог, как только с крепким воплем воззвал: «Господи, помилуй».

И Он помиловал, и вдруг все миновалось, и слезы умиления и благодарения сами собой полились обильно».

Тот же старец так говорил о посмертных муках сожалений:

«Попав в ад, наши сердца более, чем при всех видах земных страданий и мук, будут болеть о навеки утраченном благе».

А игумен Иоанн пишет:

«Непокоренная Богу воля человеческая этим самым создает себе ад, отвергая неизреченное блаженство рая, т. е. выполнение Божией воли».

Если для рая и Царства Небесного основным признаком является взаимная любовь, то царство сатаны – ад – характеризуется прежде всего злобой, ненавистью и потребностью мучить друг друга, потребностью удовлетворять своим страстям.

Других интересов душа при жизни не знала. А за гробом у нее уже не будет возможности приучать себя к высоким, чистым и светлым желанием и стремлениям. Совершенно естественно, что всякая душа стремится жить в той духовной среде, которая наиболее отвечает ее склонностям, вкусам, стремлениям и взглядам. Лишь в такой среде она чувствует себя удовлетворительно... Другая среда мучает ее, и это мучение тем сильнее, чем дальше она отстоит от господствующих в этой среде стремлений.

Здесь, на земле, люди часто не в силах бывают подобрать себе соответствующую им духовную атмосферу. Поэтому эти стремления могут подавляться временами не соответствующей для нее средой, и тогда она будет страдать от неудовлетворенности.

Но когда она разрешится от тела, то ничто уже не будет мешать развитию в ней глубочайших стремлений, и она войдет в созвучную ей среду.

Потому души, горящие Христовой любовью, попадают в среду всеобщей любви. Наоборот, души, чуждые любви, будут погружены в атмосферу эгоизма, вражды и ненависти, что и составляет атмосферу ада.

Весь ужас их положения и жалкого состояния и будет в том, что лишь там они будут чувствовать себя в своей среде и атмосфере. Среда любви для них нестерпима, как для льда – огонь. В этом отношении ад является для них местом наиболее приемлемого для них существования за гробом.

Отсюда понятны будут слова святых отцов, что на Страшном Суде каждая душа будет сама судить себя.

«Не Я, – говорит Христос, – вас сужу, а слово, которое Я сказал, – оно будет судить в последний день» (Ин. 12, 47–48).

Как пишет П. Иванов:

«Не Бог, а нечистая совесть не допускает грешника в Царство Божие – в мир любви. Человеку даны жизнь и свобода делать добро и зло и, если он противится и живет не во Христе, а по собственной воле, как ему нравится, он не будет в состоянии перейти в жизнь вечную и останется во тьме внешней (в тесной могиле своих грехов). Помогая человеку в течение его жизни делать добро и не делать зла, Бог не может по окончании жизни человека превратить его злую душу в добрую, ибо Он сказал: «Я даю свободу человеку, но делаю его ответственным за злоупотребление этой свободой». Бог не может изменить Своему слову, Бог есть правдивое Существо, а не лукавое, Он не решает сегодня так, а завтра иначе. Все сказанное Им и открытое есть истина, т. е. неизменное во веки веков».

Напрасно же некоторые из верующих во Христа, но не прилагающих усилий для освобождения себя от страстей надеются на то, что им будут прощены все их пороки. Св. Иоанн Богослов пишет так про Царство Небесное: «Не войдет в него ничто нечистое» (Откр. 21, 27).

А старец Варсонофий из Оптиной пустыни говорит:

«Человеку, не победившему страсти, невозможно быть в раю, – задушат на мытарствах. Но предположим, что он вошел в рай, однако остаться там он будет не в состоянии, да и сам не захочет. Как тяжело невоспитанному быть в благовоспитанном обществе, так и человеку страстному – в обществе бесстрастных. Завистливый и в раю останется завистливым; гордый и в раю не сделается смиренным».

Как говорит старец Силуан:

«Гордого если и силою посадишь в рай, он и там не найдет покоя, и будет недоволен и скажет: «Почему я не на первом месте?» А смиренная душа исполнена любви и не ищет первенства, но всем желает добра и всем бывает довольна».

Иногда можно слышать слова:

«В будущей жизни могу ли я радоваться в раю, если буду знать, что мой брат или сестра мучаются в аду? Для меня неприемлем такой рай».

Здесь и большое неразумие и гордое самомнение – ставить свое суждение выше суда Божия. Здесь непонимание того, что в состоянии душ человеческих, подошедших к рубежу жизни и смерти, имеет место беспредельное разнообразие.

Как учит Церковь, душа после смерти идет на мытарства. Что это такое? Это испытание склонностей души. И если в этом мире душа не возненавидела пороки и была причастна к каким-либо из них, то она должна быть включена в область господствующих в ней пороков.

Поэтому мытарства – это анализ состояния души, работа по классификации, которую производят ангелы и темные духи после смерти тела. Они определяют степень развития в душе умершего всех положительных и отрицательных склонностей и по данным всех определений указывают соответствующее ей место.

Как пишет прп. Макарий Великий:

«Когда душа человеческая выйдет из тела, тогда совершится при сем великое некое таинство. Ибо если повинна она во грехах, то приходят толпы демонов, и недобрые ангелы и темные силы душу ту берут в собственную свою область. Никто не должен удивляться этому, потому что если душа в этой жизни, находясь в веке сем, им подчинилась и повиновалась и была их рабою, то тем более удерживается ими и в их остается власти, когда отходит от мира. А что касается до части благой, то должен ты представлять себе, что дело бывает так. При святых рабах Божиих еще ныне пребывают ангелы, и святые духи их окружают и охраняют. И когда они отходят от тела, тогда лики ангелов приемлют души их в собственную свою чистую область и таким образом приводят их к Господу».

Так как может быть очень много сочетаний и комбинаций в степени развития разных добродетелей и пороков, то и обителей рая и ада должно быть множество. Об этом так говорит и Сам Господь (см. Ин. 14, 2) и все святые отцы.

Как пишет еп. Феофан Затворник:

«Разности мучений будут соответственны степени погружения в грехи и ожесточению в них».

Некоторые соблазняются тем, что грешники осуждаются в ад на вечные муки.

Термином «вечность» иногда соблазняются те из людей (и даже из числа верующих христиан), которым кажется жестоким наказание «вечным» мучением за грехи короткого времени жизни.

Но может ли Всеблагий Бог с Его неизмеримой любовью к миру – Своему творению – быть жестоким и несправедливым?

Здесь нам следует преклониться перед неисчерпаемыми доказательствами Его милосердия к грешному миру и с детской доверчивостью ввериться Его неизмеримой любви и справедливости.

Смиримся же при сознании ограниченности наших представлений о «вечности». Будем помнить о печатях тайны, скрывающей от нас по воле Божией вполне ясное представление о сущности загробной жизни.

Итак, душа через свои склонности приобщится еще здесь, на земле, или к блаженству рая, или к мучениям ада. Этим она сама предопределяет свою участь за гробом. Там она получит лишь полноту развития тех склонностей, которые зародились у нее здесь, на земле.

Приложение к главе 13-й

В Римско-католической церкви существует учение о так называемом «чистилище» – промежуточном состоянии умерших душ между блаженством рая и адскими муками. В чистилище души в течение известного времени искупают страданиями свои грехи, доступные отпущению, и приходят в ту чистоту, которая необходима для райского блаженства.

Православная Церковь не разделяет мнения о существовании «чистилища», но вместе с тем учит, что молитвы воинствующей (земной) Церкви и милостыня за усопших могут много способствовать облегчению их загробной участи и достижению Царства Небесного.

Как пишет еп. Аркадий (Лубенский):

«До Страшного Суда за гробом человек не живет полной жизнью, а как бы половинчатой, без тела; сразу же после перехода его от земли полного и окончательного суда над ним не произносится... По милости Своей, за молитвы Церкви и милостыню, подаваемую за душу, Господь может известить ее из места мучений и водворить в место блаженства. Если грешник умер не богоборцем, а хотя бы с крупинкой веры и добродетели, то на том свете, согреваемый лучами Божией любви, обливаемый токами слез молитвенного предстательства близких, родных и утучняемый милостыней, он может сподобиться очищения от грехов, крупинка добродетели увеличится в нем, и душа его будет переведена в вечные блаженные обители».

Часть вторая. Душа человеческая

Душа есть тварь умная, великая и чудная, исполненная красоты, подобие и образ Божий. Прп. Макарий Великий

Предисловие

Вникай в себя...1Тим. 4, 16

Тайна Господня – боящимся Его. Пс. 24, 14

Из всех ценностей, которыми обладает человек, одна несравнимо ценнее других – это душа человека. «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит, или какой выкуп даст человек за душу свою» (Мф. 16, 26), – говорит Господь.

Как писал митрополит Петербургский Антоний:

«Душа есть образ Божий, который начертал Сам Бог. Она – дух. Она свободна и бессмертна и должна быть чиста, светла и полна любви как образ Божий».

Поэтому усилия христианина прежде всего должны быть направлены к изучению и просветлению своей души, «к познанию самого себя» – что было некогда девизом и лучших эллинских мудрецов. «Вникай в себя», – говорит ап. Павел своему любимому ученику и преемнику по апостольству Тимофею.

И тем, кто будет следовать этому указанию, облегчится достижение главной цели своей жизни – стяжания Духа Святого Божия и преобразования через это своей души – ее богоуподобления.

Следует заметить, что задача постижения души своей является одной из труднейших, ибо, как сказал один из мудрецов: «Нет для души ничего более неведомого, чем она сама для себя».

Поскольку душа невидима и нематериальна, то материалисты и атеисты вообще отрицают существование Души, и становится все менее и менее людей, которые интересуются ею, и еще менее – которые стремятся изучать ее. А последнее так важно, поскольку Господь сказал: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21), т. е. имеет место в нашей душе.

Как пишет прп. Ефрем Сирин:

«Апостол Иоанн в Откровении своем видел великую и чудную книгу; написана она была Самим Богом, и семь было на ней печатей (Откр. 5, 1). Ни на земле, ни на небе никто не мог прочесть ее, кроме одного Сына Божия, потому что Он и написал и запечатал ее. Книга эта – душа, написанная в Царстве; кроме Написавшего, никто не знает, что она такое. Никакое око не может видеть, никакое ухо не в состоянии слышать и никакое сердце не представит себе, что написано в душе. Написано в душе царство и положено в ней, как приданое, чтобы, когда придет Наследник царства, ввел ее с Собой в брачный чертог».

Как пишет проф. Карл Адам (в книге «Иисус Христос»):

«Человек – загадка. Стоя на самой грани двух миров, он нуждается в обоих, чтобы быть человеком. Земля и небо, время и вечность соприкасаются в нем. Он – тот пункт мировой действительности, где тварное сознает всю свою относительность, замечает Творца, пробуждается к Богу и готово отозваться на призыв Божественной любви».

Но вместе с тем постижение себя в какой-то мере ведет к постижению всякого человека, так как только то будет понятно в других, что осознано в себе. Отсюда от степени самопознания зависит и понимание человеком окружающих.

Удивительны последствия самопознания. Об этом так говорит схииерхимандрит Софроний:

«Через обращение человеческого духа внутрь себя и затем к Богу ум отходит от бесконечной множественности и раздробленности явлений мира и всей силой обращается к Богу и, пребывая в Боге, видит и себя и весь мир».

Я – это прежде всего моя душа; но она пока связана с телом. Поэтому, изучая душу, надо выяснить и взаимную связь тела и души.

Кроме последних понятий – «тела и души» – ниже будет раскрываться и понятие о «духе», или «духовном», «внутреннем человеке» с противопоставлением его «душевному», или внешнему», человеку; так различает их в своих посланиях апостол Павел.

Вспомним, что и Господь различал живущих людей на «мертвых» и «живых», т. е. причастных Святому Духу: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Мф. 8, 22).

Ниже – в главах 12–17, будет в связи с этим освещаться и важнейший для души человеческой процесс перерождения «душевного», или «внешнего», человека в «духовного», или «внутреннего».

Приведенные ниже (в части второй) очерки о душевной жизни совершенно не претендуют на полноту охвата этого сложного и глубокого вопроса; в них автор старается дать краткие понятия лишь о тех сторонах душевной жизни, которые, по его мнению, тесно связаны с целью жизни христианина – «стяжанием Святого Духа Божия» (прп. Серафим).

Элементы души

Глава 1 Душа и тело

Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Мф. 6, 25

Душа есть тварь умная, великая и чудная, исполненная красоты, подобие и образ Божий... Душа перед Богом есть ЦерковьПрп. Макарий Великий

Душа есть тварь умная, великая и чудная, исполненная красоты, подобие и образ Божий... Душа перед Богом есть Церковь

Мир в представлении атеистов материалистичен. Они признают лишь материю и ту энергию, которую способны измерить или экспериментом опознать, и только их считают реальными. Души человеческой для них не существует.

Между тем Священное Писание утверждает совершенно обратное. Только душа человека вечна и потому единственно всецело реальна, существованию же современного материального мира придет неминуемый конец: «земля и все дела на ней сгорят» (2Пет. 3, 10), – говорит Священное Писание.

Если что временно и мимолетно, то, по сравнению с вечным, все является как бы призраком.

Если вдуматься, то что такое мир материи? Это только хаос молекул (или, точнее, электронов, протонов, нейтронов и т. д.), если только дух человеческий не выявит в нем формы, закономерность и целесообразность. Поэтому действительная реальность и ценность принадлежат духу, а не материи.

Как пишет о. Иоанн С:

«Весь мир – паутина в сравнении с ДУШОЙ человека-христианина; ничто в нем не постоянно и не надежно; ни на что опереться в нем надежно нельзя: все рвется. Поэтому ни к чему не надо привязываться сердцем, кроме единого Бога, раскинувшего эту паутину, содержащего и оживляющего ее».

Такова же должна быть сравнительная оценка души и тела. И Господь учит нас: «Не бойтесь убивающих тело, души же не

могущих убить, а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28).

Франциск Ассизский называл свое тело «друг мой осел». Это название дает глубину понимания значения тела для жизни человека.

Тело – прежде всего друг; его надо ценить и о нем надо заботиться. От этого друга зависит способность к труду и, что очень важно, – состояние тела для громадного большинства людей в сильной степени влияет и на состояние души человека.

Человек (не очищенный сердцем) может быть бодр и радостен лишь при здоровом теле. И наоборот, мы обычно бываем печальны и унылы, когда тело болеет.

Поэтому прп. Серафим предупреждал:

«Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей... Надо духу давать духовное, а телу – телесное, потребное для поддержания временной жизни».

Правда, Господь говорил: «Дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41). Такое противопоставление состояний духа и тела может быть только у святых: «Когда я немощен, тогда я силен», – говорил ап. Павел. Но для среднего христианина, находящегося в стадии борьбы за возрождение своей души, состояние плоти в сильной степени влияет на состояние духа.

Старцы прпп. Варсонофий и Иоанн говорят:

«Если мы заботимся о животных, которые служат нашим потребностям, тем более должны заботиться о теле как об орудии души. Когда орудие притупится, то это затрудняет скульптора, хотя бы он был и талантлив».

Апостол, обращая внимание на болезнь и слабость желудка св. Тимофея, повелел ему употреблять вино (1Тим. 5, 23).

О том же пишет и прп. Исаак Сириянин:

«Остерегайся, чтобы не изнемогло слишком тело твое, и от того не усилилось в тебе нерадение и не уменьшило в душе твоей ревности ко спасению».

«Здоровье – дар Божий», – говорил и прп. Серафим и советовал хранить этот дар.

Итак, тело – наш друг. Но этот друг – все же «осел». И надо поэтому хорошо учитывать его нрав, причуды, упрямство и низменность стремлений, чтобы обезопасить себя от них.

Попробуйте распустить тело-осла, приучить к самоволию, и оно захочет господствовать над вами. Оно будет требовать себе излишнее количество изысканной пищи и будет постоянно назойливо напоминать про удовлетворение всех своих животных потребностей.

Откормленное и избалованное тело – это уже враг, а не друг человека. Его требования заглушают и подавляют духовные стремления и способности.

Как пишет о. Иоанн С:

«Эта самая плоть, которую мы столько лелеем, покоим, услаждаем, украшаем, есть враг души нашей, весьма коварный, опасный: она непрестанно противится любви Божией, воле Божией, заповедям Божиим и порывается исполнять свою волю, и исполняет ее почти всегда, разве когда сильное препятствие противопоставляет Господь Бог в благом и премудром Промысле Своем о нашем спасении. При покое, просторе, услаждении плоти – плоть оживает со всеми своими страстями и склонностями, а при тесноте, озлоблении, томлении – умерщвляется со всеми своими страстями. Поэтому не питай пристрастно плоть твою, не ласкай ее, не угождай и не усиливай ее тем против духа. Иначе она все порывы духа ниспровергает, не дает встать ему и войти в силу. Невольником будет дух у плоти. Эту плоть должно всегда распинать со страстями и похотьми, а не лелеять; ее надо умерщвлять постом, бдением, молитвою, трудами».

Так мы встречаемся с противоречивыми стремлениями души и тела (точнее духа и тела) и с двойственностью переживаний души. Душа связана с телом, переживает и его страдания, отзывается и на его запросы. Но у нее есть еще жизнь духа – идеальные стремления и духовные запросы. У большинства людей последние бывают в той или иной степени заглушены переживаниями и запросами тела.

Здесь можно привести следующую аналогию: глаз, ослепленный сильным светом дня, не видит звезд, и они для него не существуют. Но уйдет солнце, и глаз способен видеть бездну звездных миров.

Так и при бурных, сильных запросах изнеженного и избалованного тела у души нет возможности жить тонкими ощущениями духа, и они у нее не проявляются. В полной мере душа сможет погрузиться в них лишь тогда, когда будет отделена от тела, – после смерти и распада последнего.

Однако аскетизм – порабощение тела духу – дает возможность в сильной степени смягчать запросы и стремления тела и еще до его смерти в какой-то мере приобщать душу к жизни духа.

Вот почему все святые, включая ап. Павла, «усмиряли и порабощали тело свое» (1Кор. 9, 27) постом, трудами и лишениями. Они так утончали и облагораживали свою плоть, что она становилась действительно другом их души и не препятствовала ей в ее духовных стремлениях и взлетах к горнему миру. «Если человек не умрет для плоти, живя духом, он не может воскреснуть душою», – говорит прп. Варсонофий Великий.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Грех нашел себе опору в вещественном, и тело стало седалищем его. Но умная душа, поняв это, свергает с себя бремя вещественного и, возникнув из-под его бремени, познает Бога всяческих и внимательно смотрит за телом, как за врагом и противоборцем, не доверяя ему».

Благодаря греху тело человека смертно и подлежит распаду и уничтожению.

Но оно так же, как и бессмертная душа, есть творение Божие и создано художественно и премудро. Как друг бессмертной души, оно некогда будет воскрешено Господом. Тогда душа и новое, обновленное тело будут вновь вместе участвовать в новой жизни «на новой земле», если душа сумеет при жизни преобразиться – запастись «елеем» «мудрых дев» (Мф. 25, 1–13) – Духом Святым Божиим.

У святых это просветление тела совершается еще до их упокоения, и они после смерти получают полное или частичное нетление своей плоти (мощи).

«В лице Христа Спасителя, – говорит епископ Феофан Затворник, – человечество начинает новую жизнь, и не душевно только, но и телесно, так как это явилось и в Нем Самом.

Тела святых в часы сильного возбуждения духовной жизни просветлялись подобно просветлению Спасителя на Фаворе, и свет этот видим был для других. И животные покорствовали им, обоняв в них воню тела Адамова, каково оно было до падения, как объясняет повествование об этом.

Это и подобное сему, например: раскрытие зрения до способности видеть далекое и сокрытое; обоняния – до способности обонять от вещи запах страсти, с которой она дана; движения – до способности быть в другом месте, не выходя из своего – все это и подобное не нынешнему веку принадлежит, а будущему и свидетельствует лишь о том, как умалено в чести и славе нынешнее тело наше в обычном его состоянии».

Итак, и к телу христианина должно быть внимание. Но несравнимо большее внимание должно быть у него к бессмертной душе, о которой преимущественно должен заботиться и думать христианин. Он должен изучить законы, управляющие душой, и заботиться о ее здоровье более, чем о здоровье тела. Между тем наука о душевной жизни человека – психология – мало популярна по сравнению с другими науками.

Вместе с тем, если бы мы захотели глубоко изучить психологию человека и обратились бы к соответствующим официальным руководствам по ней, то мы были бы разочарованы.

По существу, мы здесь вообще не нашли бы науки: психологии нет, а есть лишь история попыток построения психологии, смена опытов по ее созданию на непрерывно меняющихся обоснованиях.

Вместе с тем мы не нашли бы в современной «научной» психологии исчерпывающих и правильных ответов на следующие важные для нас вопросы: что считать за идеал

душевного здоровья? В чем сущность болезни человеческой души? Каковы методы работы над собой по преображению, просветлению души и т. д.?

И это не случайно. Нельзя слепому говорить о красотах мира или глухому о музыке и мелодиях. А те представители науки, которые создавали официальные школы психологии, были обычно слепы на внутренние очи и глухи на внутренний слух, необходимые для постижения внутренней душевной жизни.

И не у университетских профессоров психологии, и не у докторов психиатрии или невропатологии надо искать истинного познания о внутренней жизни человека.

Ее глубины были постигнуты лишь сосудами Духа Святого – апостолами, святителями и преподобными. Преподобные в уединении, в течение многих лет жизни трудились над познанием самого себя и над очищением, оздоровлением, преображением своей души.

Достигнув этого, прозрев внутренне, они постигали и науку врачевания душевных недугов так, что могли поучать и методам работы над самим собой.

После Священного Писания одним из исчерпывающих руководств по истинной и опытной психологии человека являются творения св. отцов, и в том числе сборник трудов 38-ми старцев, именуемый «Добротолюбие» (в 5-ти томах).

Как пишет невропатолог и священник о. Александр Ельчанинов:

«Если мы просмотрим писания подвижников и святых отцов – какую глубину психологического анализа мы там встретим, какую тонкость определений и верность классификации всех тонкостей ощущений».

Вот к каким источникам самопознания надо обратиться, чтобы почерпнуть в них ту «живую воду», которая могла бы оживить ослепленные грехом внутренние очи и восстановить внутренний слух.

Но что же такое есть по своей сущности душа? Прп. Макарий Великий дает следующее определение души:

«Душа не от Божия естества и не от естества лукавой тьмы, но есть тварь умная, исполненная красоты, великая и чудная, прекрасное подобие и образ Божий, а лукавство темных страстей вошло в нее вследствие преступления. Нет иной такой близости и взаимности ни у одной твари, какая есть у души с Богом и Бога с душою. Ибо душа драгоценнее всех созданий».

А вот что пишет про душу архимандрит Иоанн:

«Душа – младенец бессмертия, беззащитный и жалкий в условиях окружающего нас мира. Как нужно прижимать к груди своей, к сердцу своему свою душу. Как нужно любить ее, предназначенную для вечной жизни. О, как нужно очищать даже малейшее пятнышко с нее... Душа – земля. Человек – земледelec своей души. Если в земле душевной сеется слово Божие, слово правды и любви Христовой, то плод бывает сладкий, радостный для самого человека и его окружающих. Если же человек сеет в душе своей плевелы зла, то вырастут сорные, ядовитые травы духа, которые будут мучить и самого человека, и других людей».

Св. Макарий Великий сравнивает не очищенную от греха душу человеческую с морем, которое наполнено гадами, которым «нестя числа». И как глубоко море и многообразна его фауна, так велика глубина и души человека, сложно проявление его духа и бесконечно разнообразны изгибы его больной души.

Познание болезненности, ненормальности, т. е. отклонения от нормы, от идеала может иметь место лишь тогда, когда налицо будет эта норма, этот идеал.

Официальная психология не знает такого идеала. Не знает потому, что она не приобщена к «Свету истинному, Который просвещает всякого человека» (Ин. 1, 9). Но его знают те, чьи очи просвещены светом веры и которые познали, что Иисус из Назарета был и есть воистину Сын Божий.

Итак, по милости сотворившего мир Творца сотворенному Им человеку был дан и образ совершеннейшего человека в лице Богочеловека – безгрешного Иисуса Христа.

Вот вневременная, не изменяющаяся – стабильная норма, которая дает нам возможность познания всех отклонений и всех

болезней человеческой души.

Все же остальное человечество находится в непрерывно меняющемся состоянии души. При этом динамика изменения развивается здесь в двух направлениях. Над большей частью мира господствует процесс тления, разложения души, ведущей к ее смерти.

И лишь для «малого стада» (Лк. 12, 32), из числа верующих во Христа, совершается процесс оздоровления, очищения души. В этом сущность жизни человечества после пришествия Христа, которая такими словами характеризуется апостолом Иоанном Богословом: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще и Святой, да освящается еще» (Откр. 22, 11).

И для нас важнее всего в жизни – приобщить себя к последнему процессу – процессу возрождения, просветления и преображения души.

Постараемся же разобраться в вопросе: в чем состоит сущность нашей душевной жизни?

Св. отцы различают: 1) ум, или разум, – область мысли и 2) сердце – область чувств и пожеланий.

Начнем с ума.

Глава 2. Ум и разум

А мы имеем ум Христов. 1Кор. 2, 16.

Так говорит апостол Павел. Отсюда можно заключить, что можно иметь и другой какой-то ум. И действительно, надо различать три проявления или, скажем условно, три вида ума.

Первый вид – ум «инстинктивный», которым обладают и животные и которым преимущественно живут неразвитые духовно люди и дикари. Он занят исключительно задачей сохранения жизни и удовлетворения потребностей тела.

Он может быть хорошо развит – «заострен», и тогда его называют хитростью, пронырливостью и т. д. И в самом совершенном состоянии этот вид ума не облагораживает человека.

Если только им живет человек, то он не возвышается над животными и роняет человеческое достоинство. В этом случае

все мысли человека заняты заботами о сохранении жизни, пропитании, одежде, жизненном комфорте и т. п. Этот вид ума вложен в животный мир Богом как средство самозащиты и поддержания жизни тела.

Второй вид ума – это ум логики и науки. Его нет у животных. С помощью его человеком строится наука, движется прогресс техники, сплетаются научные теории и философские системы. Господом он дан человеку для постижения Его творений и премудрости Самого Творца вселенной.

Он дан также для облегчения жизни тела человека, лишённого той физической силы и выносливости, которые дарованы Богом многим из животных. Этим умом человечество зачаровано, гордится им и считает в каком-то дурмане, что некогда он приведет все человечество к счастью и чуть ли не к бессмертию.

Если ум инстинктивный свойственен всему человечеству, то развитие и пользование умом логики и науки является уделом уже сравнительно узкого круга людей.

Однако и не этот вид ума является главным даром человеку от Бога. Этот ум несовершенен, о чем свидетельствует хотя бы философия, которая состоит из множества постоянно меняющихся и противоречащих одна другой систем и теорий.

Человеческая логика также небезупречна, и натренированный софист может с успехом защищать как тезис, так и антитезис. Обладая только этим умом, человечество может подняться лишь на степень цивилизованных животных, истребляющих друг друга при помощи способов и орудий, доведенных до высокого технического совершенства.

Главным, ценнейшим даром человечеству является третий вид ума – мы назовем его условно благодатным разумом. Как пишет митрополит Вениамин:

«У души есть свой, более глубокий разум, истинный разум, интуиция, внутреннее восприятие истины».

Благодатным разумом и верой постигается существование Бога – Творца мира, Его непостижимая премудрость, связь мира с Божеством – промысел и любовь Бога к Своему творению, целесообразность всех законов природы и закономерность

явлений в судьбах всего человечества, народов и отдельных личностей. Лишь благодатный разум веры может постигать в какой-то мере гармонию мира и невыразимую красоту Самого Божества и примирять в душе все те кажущиеся противоречия и недоумения, перед которыми бессилён ум науки и логики.

Как пишет митрополит Вениамин, человеку, обладающему благодатным разумом, «совсем не нужно бояться тайн и непостижимости вообще, а в особенности в вере.

Для этого разума не существует бессмысленности в антиномиях религии².

Он постигает невидимое в видимом, для него нет ни «проклятых» вопросов, ни «неразрешимых» проблем и загадок мироздания.

Он не смущается от таких антиномий, как единство Бога при троичности Лиц; единство во Христе Бога и человека; совмещение свободы воли человека с предопределением его судьбы у Бога, сочетание Божией справедливости с милосердием Бога и т. п.

И именно благодатный разум, а не ум, поистине обогащает человека. Этот разум есть «ум Христов», который имеется в человеке лишь при сопребывании в нём Святого Духа Божия и развивается в душе по мере Его «стяжания»».

Как пишет А. С. Хомяков:

«Дух Божий, глаголющий Священными Писаниями, поучающий и освящающий Священным Преданием Вселенской Церкви, не может быть постигнут одним человеческим разумом. Он доступен только полноте человеческого духа под наитием благодати. Попытка проникнуть в область веры и в ее тайны, преднося перед собою один светильник разума (человеческого), есть дерзость в глазах христианина, не только преступная, но в то же время безумная. Только свет, с неба сходящий и проникающий всю душу человека, может указать ему путь; только сила, даруемая Духом Божиим, может вознести его в те неприступные высоты, где является Божество».

«Только тот может понять пророка, кто сам пророк», – говорит св. Григорий Чудотворец. – Только само Божество может

уразуметь Бога и бесконечность Его премудрости. Только тот, кто носит в себе живого Христа, может приблизиться к Его престолу, не уничтожившись перед той славой, перед которой самые чистые силы духовные повергаются в радостном трепете».

Этот вид познания, в отличие от первых двух видов ума, святые апостолы называли «мудростью». Ап. Иаков для характеристики ее перечисляет следующие ее свойства: «Мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» (Иак. 3, 17).

Эту духовную мудрость св. отцы называют «духовным разумом» или «духовным ведением», а различные писатели – «высшим разумом», «большим разумом».

Про этот разум так говорила мудрая старица Ардалиона (из Усть-Медведицкого монастыря): «Ум, умерший своему мудрованию, становится проводником тайн Божиих, ему открывается ведение судов Божиих и Его всесвятой воли».

Обычный человеческий ум и благодатный разум очень часто находятся в противоречии друг с другом: повеления одного не согласуются с пожеланием другого. С точки зрения ума требования этого разума могут казаться «безумием».

Этим объясняется требование ап. Павла от христиан «безумства». Он пишет коринфянам (1Кор. 3, 18): «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым». И часто мудрость благодатного разума будет для ума логики и для инстинкта только безумием. Поэтому мир обычно зовет людей, всецело живущих этим разумом, «ненормальными». И они действительно таковы, потому что отвергают обязательность для себя той «нормы» лжи и греха, которая неотъемлемо присуща всем обычным «нормальным» людям.

Нельзя думать, что благодатный разум может развиваться путем одного обогащения человека отвлеченной богословской наукой, как бы ценна она ни была сама по себе.

Богатство богословскими знаниями еще не преображает души – не открывает человеку путей к Царству Небесному, если

он будет пренебрегать очищением сердца от страстей и стяжанием благодати Святого Духа. Про это так пишет схиархимандрит Софроний:

«Частое явление, что религиозная жизнь у человека сосредоточивается в мозгу как отвлеченное понимание. Пребывая в этом состоянии, он нередко мнит себя обладателем духовного ведения, не разумея, что подобное отвлеченное понимание, хотя бы и предваренное чтением Священного Писания, по существу остается для него «книгой, запечатанной семью печатями» (Откр. 5, 1). Прояснение ума – зарождение благодатного разума и полнота развития его под действием Святого Духа Божия – такое же редкое явление, как и святость. Сам Господь говорил, что «немногие находят путь, ведущий в жизнь» (Мф. 7, 14)».

Грех настолько затуманил человеческий ум, что для человека, даже стремящегося к истине, нелегко ее найти. Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Наличие несовершенства в человеческом добре, с одной стороны, и неизбежное наличие доброго предложения во зле – с другой, делает различие добра и зла очень трудным. Всякое зло, совершаемое свободными тварями, по необходимости паразитивно живет на теле добра; ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра. Зло всегда и неизбежно смешивается с некоторой долей положительного по форме искания, и этой своей стороной прельщает человека. Свой положительный аспект зло стремится представить человеку как ценность настолько важную, что ради достижения ее дозволены все средства».

Схиархимандрит Софроний на основе учения старца Силуана дает такой критерий истины – способ различать в мире зло и добро:

«Старец Силуан считал, что зло всегда действует обманом, прикрываясь добром; но добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилия и подобное), там начинается область, чуждая духу

Христову. Добро злыми средствами не достигается, и «цель не оправдывает средств». Добро, недобро сделанное, – не есть добро. Это завет нам от апостолов и святых отцов».

Глава 3. Мысли

Что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. (Флп. 4, 8).

Наш ум или разум проявляются в наших мыслях, которые, как непрерывный поток, текут в нашем сознании, не прекращаясь даже в течение сна.

Как пишет еп. Феофан Затворник:

«Чаще всего наши мысли толкутся в нашей голове подобно стае мошек, однообразно, беспорядочно, бестолково и бесплодно».

Что является источником этих мыслей и что влияет на их ход и направление?

В основном это будут пожелания сердца и стремления человека, о которых будет речь ниже. При господстве инстинктивного вида ума, т. е. на низших ступенях развития души, мысли будут направляться преимущественно потребностями тела.

При развитии ума логики и науки человеком будут владеть умственные интересы, которые в этом случае займут соответствующее место в потоке мыслей.

При наличии благодатного разума – «ума Христова» – мысли по преимуществу будут касаться области духовной – Бога, религии, покаяния, веры, христианских добродетелей и постижения духовных тайн мироздания. При этом для огромного большинства людей – людей, пораженных грехом, – нельзя говорить о какой-то цельности в направлении помышлений.

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Чем дальше отстоит человек от Бога, тем раздробленнее его мышление, тем неопределеннее и беспокойнее его духовные (душевные) переживания; и наоборот – чем ближе человек к Богу, тем уже круг его мыслей, сосредоточиваясь в конце на единой бесстрастной

мысли, которая уже не есть мысль, но особое невыражаемое ведение или чувство ума...»

Самым существенным моментом в аскетическом искусстве является «хранение ума» – т. е. не отдавать ума суете мира и извне навязываемым впечатлениям и мыслям.

Самое важное в «хранении ума» – это постоянная память о Боге. Об этом говорят следующие слова прп. Исаака Сириянина:

«Что случается с рыбой, вынутой из воды, то бывает с умом, оставившим памятование Бога и блуждающим в воспоминаниях мира сего».

Проследив обычный ход наших мыслей, мы можем определить, какой вид ума господствует в нашем сознании.

На ход мыслей естественно влияют и внешние явления и среда – общество, события, обстановка и т. п. Они могут отвлекать мысль от господствующего и свойственного человеку направления мыслей.

Отсюда среда может в значительной мере противодействовать или способствовать основным стремлениям и потребностям души.

Но не только внешний мир и пожелания сердца влияют на ход мыслей. Как учат Священное Писание и св. отцы, источником мысли в значительной мере является и космический потусторонний мир – мир духов. В Евангелии от Иоанна мы читаем: «Диавол вложил в сердце Иуды предать Его» (Ин. 13, 2).

А когда ап. Петр, исповедывал Божество Господа Иисуса Христа, то Господь сказал ему: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах» (Мф. 16, 17).

В жизнеописании святителя Иоанна Златоуста рассказывается, что когда святитель писал толкования на послания ап. Павла, тот в это время стоял возле Иоанна и шептал ему на ухо свои мысли. Это наблюдал в течение трех ночей подряд келейник святителя – св. Прокл (впоследствии сам ставший Константинопольским патриархом).

Таким образом, самое авторство толкования следует приписывать не только св. Иоанну, но и самому апостолу Павлу, поскольку в толкование вкладывались и мысли апостола.

Если внимательно наблюдать за собой, то можно заметить, как часто поток мыслей, занятых определенным предметом, прерывается, и в ум как бы залетает новая мысль – совершенно не связанная с предыдущими и ни с какой внешней причиной.

Так, например, я внимательно читаю молитву, кругом тишина. Вдруг откуда-то падает мысль: не пришло ли время будить сына? Кто это, властно прервавший поток моих мыслей и заставивший меня думать о других?

Или я, глубоко задумавшись, иду по улице и дохожу до перекрестка. Занятый своими мыслями, я начинаю переходить улицу, не смотря по сторонам. Вдруг кто-то опять прерывает мои мысли и говорит: «Посмотри налево». И если слева мчится автомобиль, то этому голосу я обязан спасением своей жизни.

Итак, на основе Священного Писания и мнения св. отцов можно считать, что многие появляющиеся у нас мысли идут из космического потустороннего мира – от Бога, ангелов и святых или от наших врагов – сатаны и бесов.

О. Иоанн С. пишет:

«В обыкновенном нашем положении все светлые мысли – от ангела хранителя и от Духа Божия; тогда как, напротив, нечистые, темные – от нашего поврежденного существа и от диавола».

Поэтому св. отцы всегда предлагают разбираться во вновь появившихся мыслях: из какого источника они текут – от нашего ангела или от лукавого духа?

Как пишет прп. Петр Дамаскин:

«Все помыслы бывают трех устроений (происхождения) – человеческого, демонского и ангельского. Человеческий помысел связан с каким-либо воспоминанием. Демонский же помысел бывает сложный – из мыслей и страстей (пристрастий, ненависти, злопамятности, осуждения и т. п.). Ангельский же помысел есть бесстрастное ведение вещей, т. е. истинное знание, охраняющее ум и сохраняющее его от крайностей – средоточие, которому ангелы научают людей,

умерших для мира, чтобы ум их был бесстрастен и видел вещи должным образом: не возвышался и не унижался; не уклонялся бы в отвращении от вещи ненавистью, но и не предавался бы неразумной привязанности, т. е. пристрастию; по лености не оставался бы в неведении, но и не уклонялся бы в неразумном старании, в многопопечительности и т. п.»

При этом очевидно, что к людям, подверженным греху, порокам и страстям, стоит ближе злой дух и преимущественно он-то и будет всевать в таких людей свои чувства (страсти) и мысли. И наоборот, святые будут слушать мысли ангелов и Бога.

Так, прп. Серафим говорил о себе, что он считал от Бога лишь первую мысль, появившуюся в его голове (по поводу какого-либо дела). Если же он отвергал ее по человеческому рассуждению, то замечал, что его последующие рассуждения ума потом оказывались ошибочными.

Другой же святой – преподобный Варсонофий Великий – достиг такой меры духовности, что дерзновенно утверждал, что его мысли шли от Самого Господа Бога. В его ответах инокам встречаются такие утверждения:

«Напиши слова мои, точнее же сказать – слова Божию»
(ответ 31).

«Через меня, малейшего, говорит тебе Бог»
(ответ 226).

«Через меня, малейшего, говорит тебе Бог»

Той же меры достиг и старец Зосима из Троице-Сергиевской Лавры, который так говорил про себя:

«Я просил Господа, чтобы Он вошел в меня, чтобы я ничего сам не смел говорить, а говорил лишь то, что повелит мне сказать Господь. И бывает иногда благоговейно страшно мне внутри себя ощущать силу и голос Божий. Знаю, что больно иногда словом моим делаю людям, а иногда Бог утешает словом моим, но я обязан говорить им то, что внушает мне сказать Бог. Своего я никогда не говорю теперь ничего, ничего. И сбывается всегда слово Божие, потому что оно есть Истина и Жизнь. Иной раз я говорю совершенно

неожиданно для себя нечто такое, чему и сам иной раз дивлюсь. Я предал и уста и сердце свое и душу Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу, и что Он внушает, то говорю и то делаю. Нет у меня своих слов, нет у меня своей воли».

Примером для этого может служить и рассказ одного недавно почившего благочестивого и скромного служителя Церкви Христовой – о. Константина Равинского.

«Выйдя из дома врача, я увидел на улице тележку с сидящей на ней больной женщиной и стоящего около мужчину. Не знаю, что со мной случилось, но я подошел к ним и сказал мужчине: «Вам не у земного врача надо искать помощи. Больной нужно прежде всего идти в церковь и принести покаяние. Ведь она загубила жизнь четырех младенцев, от чего и болеет теперь тяжело. Лишь после покаяния она может поправиться от телесного недуга». Мужчина был изумлен моими словами. Я более не стал ничего говорить и ушел от них. Через неделю я вызвал к себе электромонтера, чтобы починить испортившуюся проводку. Им оказался тот самый муж больной женщины. Он обрадовался, увидев меня, и сказал, что они послушались моего совета: жена его покаялась на исповеди в совершенных ею грехах, причастилась, и теперь ее здоровье поправляется. Он горячо меня благодарил за наставление».

Конечно, говорить о принятии мыслей от Бога и ангелов могли лишь святые и подвижники благочестия. На людей же, находящихся в стадии очищения, влияют и ангел и лукавый дух.

В этом случае душа человека является ареной борьбы добрых и злых духов за свое влияние. Ф. М. Достоевский писал: «Сатана с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

Мы обычно не обращаем внимания, откуда появилась новая мысль, отчего зародилось желание. Нам не приходит в голову, что мы в это время являемся объектом воздействия извне. А ведь так важно это понять и тотчас же определить, кто является субъектом, забросившим в наш разум мысль или зародившим в сердце желание: шло ли оно «справа» – от ангела хранителя, или «слева» – от лукавого духа?

Как распознать, откуда идет мысль? На этот вопрос прп. Варсонофий Великий дает такой ответ:

«Помыслы, приходящие от демонов, прежде всего бывают исполнены смущения и печали и влекут вслед себя скрыто и тонко: ибо враги одеваются в одежды овечьи и прельщают сердца незлобивых тем, что кажется хорошо, а на самом деле зловредно. Что ни услышишь, или помыслишь, или увидишь и при этом хотя на волос смутится твое сердце – все это от бесов».

В другом месте преподобный говорит:

«Всякий помысел, которому не предшествует тишина смирения, не от Бога происходит, но явно от левой стороны. Господь наш приходит с тихостью; все же вражеское бывает со смущением и мятежом».

Ангел-"пастырь» так объяснил св. Ерму действие двух ангелов:

«Добрый ангел тих, скромн, кроток, мирен. Когда он войдет в сердце, то будет внушать тебе справедливость, целомудрие, чистоту, ласковость, снисходительность, любовь и благочестие... Злой же ангел злобен, гневлив и безрассуден... Когда приступит к тебе гнев или досада, знай, что он в тебе; также, когда взойдет на сердце твое пожелание многих дел разных: роскошных явств и питий, чужих жен, гордость, хвастовство, надменность и т. п. – тогда знай, что с тобой злой ангел».

Однако как прп. Варсонофий, так и другие св. отцы, предупреждают, что совсем нелегко без большого духовного опыта различать, откуда приходят мысли-помыслы. Схиархимандрит Софроний так пишет об этом:

«Внешняя форма, в которую облекается помысел, очень часто не дает возможности понять, откуда он. Часто помысел приходит тихо и осторожно, и первая словесная форма его может показаться не только вполне естественной, но и мудрою, и даже святою; и, однако, иногда достаточно одного легчайшего прикосновения такого помысла, чтобы произвести глубокие изменения в душе. Суждение о природе помысла, можно сказать, никогда не

должно исходить из его внешней формы, и только опыт приводит к познанию того, какой силы и вместе тонкости могут достигать демонские внушения. Возможны самые разнообразные виды последних. Даже когда помысел по природе своей добр, в него может быть привнесено нечто чуждое и тем существенно изменены его духовное содержание и действие».

Итак, способность к различению мыслей является достоянием уже зрелых в духовной жизни, а новоначальным в ней следует прибегать к советам опытных духовно людей, а за отсутствием таковых – к молитве. Чаще всего мы являемся игрушками в нашем мысленном море, над которым господствует лукавый и кидает нас в нем по своему произволу из одного мысленного искушения к другому.

Как пишет старец Силуан:

«Любовь к земному опустошает душу, и тогда она бывает унылая и дичает и не хочет молиться Богу. Враг же, видя, что душа не в Боге, колеблет ее и свободно влагает в ум, что хочет, и перегоняет душу от одних помыслов к другим, и та целый день проводит в этом беспорядке и не может чисто созерцать Господа».

Преодолевать обычный ход мыслей – для человека настолько трудное дело, что старец Оптинский Варсонофий говорит, что «борьбу с помыслами Господь принимает за мученичество».

Учитывая все вышеизложенное и нашу слабость в отношении господства над своим мысленным морем; чаще всего беспокойным или даже бушующим, нам необходимо начать борьбу за усиление этого господства и за предохранение себя от мыслей, идущих из темной стороны мистического космоса. Это достигается более всего приучением себя к непрестанной молитве, о которой речь будет ниже.

Как говорил старец Парфений Киевский:

«Стяжавший молитву не имеет времени и подумать о чем-либо земном; уму тяжелы и беседы, и видения людей, и все, отвлекающее его от Бога».

В отдельных же случаях, когда нам надо быстро найти для чего-либо верное решение, а мысли раздваиваются, или мы не можем что-либо вспомнить, или мы боимся своей забывчивости для какого-либо момента или случая жизни, – нам надо усердно, внимательно, от всего сердца попросить нашего ангела хранителя прийти к нам на помощь и подсказать нам необходимую мысль или вовремя напомнить нам что-либо.

А когда получим просимое, то конечно, надо тотчас же мысленно поблагодарить ангела хранителя.

Как говорил Макарий Великий:

«Как тело от видимого греха, так и душу и ум должно хранить от непотребных помыслов: ибо душа – невеста Христова».

Однако одна грешная мысль, или «прилог» (по терминологии св. отцов), еще не вменяется в грех человеку как всеянная извне, если только она не вызвала в нем «сочетания» (по терминологии св. отцов), т. е. сочувствия к пролетевшей мысли сердца человеческого.

Старец Варсонофий Оптинский так пояснял безгрешность одного прилога мысли:

«Если зимой ветер откроет дверь и в комнату с вьюгой налетит снег, то хозяин не виноват в этом. Так нет вины и в том, когда у нас возникнут недолжные помыслы. Но как хозяин комнаты должен и дверь закрыть, и комнату прибрать – так и нам надо немедленно начать молиться, чтобы Господь защитил нас от той темной силы, которая внушала нам эти помыслы».

При этом старец рекомендовал в этих случаях прибегать к Иисусовой молитве.

В одном монастыре жил инок, у которого заметили некоторую странность. Когда он шел один, то часто поворачивался в левую сторону и вполголоса говорил: «Отрекаюсь».

Инока спросили, что значит это постоянно произносимое им слово. Инок ответил: «Мне часто приходят в голову разные недобрые и греховные мысли. Но мое сердце не расположено к ним как к мыслям, всеваемым в меня лукавым. Я не хочу

отвечать за них как за чужие мысли, и отказываюсь от них перед лицом Господа, произнося: «Отрекаюсь»».

Этот инок хорошо понимал разницу между стремлениями своего сердца и потоком мыслей в голове, в который вплетались мысли и образы из глубин мистически-темного космического мира. И он мудро поступал, пресекая темные прилоги словом «отрекаюсь».

Как пишет архиеп. Варлаам (Ряшенцев):

«Счастлив тот, кто убежит от омута бесовских помыслов и бросит бесплодное и отрешенное от духовной действительности течение мыслей, будет жить не мечтами, а живой действительностью и живым общением с предметами духовного мира... Счастлив тот, кто познал ложь помыслов наших (не деловых), не беседует с ними, и у кого мышление не мечтательное».

Но если за случайные (всеваемые в нас) мысли (прилоги) мы не несем ответственности, то за желания мы ответственны.

И те мысли, на которых отозвалось желание сердца человека, могут быть уже очень опасны для него.

Как пишет архиепископ Иоанн:

«Одним волоском-помыслом, как паутина тонким, от человека может заволокнуться все небо».

О значении для души мыслей человека так пишет о. Иоанн С:

«Мысли человека имеют крайне сильное влияние на состояние и расположение его сердца и действий; потому, чтобы сердце было чисто, добро, покойно, а расположение воли доброе и благочестивое, надо очищать свои мысли молитвою, чтением Священного Писания и творений св. отцов, размышлением о тленности и исчезновении земных удовольствий».

Приложения к главе 3-й

Не будем думать, что мы в какой-то мере владеем нашими мыслями. Мы в тяжком плену у них. И если мы захотели бы владеть ими, как владели ими святые подвижники, то мы сразу же заметили бы и свое бессилие, и те великие трудности,

которые преодолевали подвижники благочестия. Об этом так пишет схиархимандрит Софроний:

«Подвижник, делатель умного безмолвия, в своем отвлечении от всего внешнего, в стремлении в течение дня и ночи довести число приходящих извне впечатлений до последнего возможного минимума, удаляясь для этого от любопытного смотрения на внешний мир, от слышания посторонних бесед, от чтения книг, всею силою сосредоточивается на своем внутреннем бытии и там вступает в единоборство с помыслом. Только при этом условии можно познать его род и силу, иногда колоссальную. Недостаточно внимательный внутренне человек весьма легко подпадает влиянию помысла и становится его рабом. Через склонение своей воли к помыслу человек уподобляется духовно и даже отождествляется с тем духом, энергия которого заключена в помысле. Принимая душою страстный помысел, который очень часто есть результат демонического влияния, человек через то становится орудием демонического действия. Внутреннее умное внимание с молитвою в сердце дает христианину возможность видеть помысел прежде, чем он войдет в сердце. Ум, безмолвным вниманием стоящий в сердце, видит, как помысел приближается извне, пытаясь проникнуть в сердце, и молитвою отгоняет его».

Старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры некоторым из своих духовных детей велел молиться о том, чтобы Господь Сам влагал мысли в их ум и Сам действовал через них. Как говорил старец:

«Для этого надо молиться так: «Господи, Сам во мне живи, Сам говори, Сам действуй!» И когда говорит Господь через уста человеческие, то все слова того человека действительны бывают, все сказанное им исполняется. И дивится сему и сам говорящий. Только надо твердую веру иметь и отдать Господу и сердце и уста. Только тогда мудрствовать нельзя, мудрость свою надо отдать Господу, все, все надо Ему передать и жизнь надо вести такую, чтобы

Господу дать доступ, чтобы Он мог, что хочет, творить с тобою».

Бывают случаи, когда христианин подвергается нападению так называемых хульных мыслей.

Вот как пишет об этом архимандрит Борис (Холчев):

«Среди многих мыслей есть такие мысли, которые носят явно дьявольский характер. И эти мысли многие из христиан испытывали на себе. Об этих мыслях мы встречаем много указаний в творениях отцов – это хульные мысли. Человек молится – у него на душе спокойно, и вдруг, как стрела, в его сознании появляются эти хульные мысли: какие-нибудь оскорбительные мысли по отношению к Богу, или сомнение в таких истинах, в которых человек убежден, сомнения в бытии Бога, в спасении, совершаемом Господом Иисусом Христом. Или бывают хульные мысли по отношению к Пречистой Деве Марии и святым угодникам Божиим. Бывает так, что человек взглянет на икону, а в это время в его сознании, как стрела, возникают какие-нибудь хульные мысли. Об этих помыслах св. отцы говорят, что это – дьявольское искушение. Некоторые люди, испытывая хульные мысли, впадают в отчаяние. Они думают, что они виноваты, перестают молиться, боятся приступить к Святым Тайнам. А св. отцы говорят, что человек не виноват в таких мыслях. Эти мысли вкладывает в душу человека диавол, и он будет отвечать за эти мысли. В одной святоотеческой книге рассказывается: один богобоязненный инок страдал тяжкими хульными мыслями. И диавол довел его до отчаяния. Он думал, что он погиб. Он обращался ко многим другим подвижникам, но они не могли оказать ему помощь. Он пришел к одному великому, опытному в духовной жизни старцу, но стыдился рассказать старцу о мыслях, которые охватывают его душу по отношению к Богу, Матери Божией и Святым Тайнам Божиим. Поэтому он написал на бумаге и передал старцу. Когда старец прочел, то он положил свою руку на шею инока и сказал: «Не бойся, чадо, ты не виноват в этих мыслях, всю вину в этих мыслях я беру на себя. В этом виноват диавол». И когда старец сказал это, то инок почувствовал величайшее облегчение. Как гора

свалилась с его души.³ В этих мыслях человек не виноват. Человек виноват бывает в том случае, если он задерживается на этих мыслях, если он вступает в разговор с этими мыслями, тогда он виноват. Это один из видов сетей дьявольских».

Следует упомянуть, что старцы предлагают в качестве наиболее действенного средства для борьбы с нападением хульных мыслей частое причащение Святых Христовых Таин. В наиболее тяжелых случаях они предлагают причащаться каждый день.

Следует упомянуть и еще о средстве освобождения от хульных и нечистых мыслей.

Одного инока, преуспевшего в творении Иисусовой молитвы, спросили: кто его ей научил?

«Бесы», – отвечал инок.

"Как так?"

Инок отвечал: «Меня часто беспокоили от бесов хульные и нечистые мысли. Как только приходили они, я и начинал творить Иисусову молитву. Так я и привык к ней».

Глава 4. Сердце (душевное)

Сердце чистое сотвори во мне, Боже. Пс. 50, 12

Из сердца исходят злые помыслы. Мф. 15, 19

Сердце есть бездна... В одном сердце действены два рода жизни: жизнь света и жизнь тьмы. Прп. Макарий Великий

Непостижимым образом физическое сердце человека связано со всеми переживаниями души человеческой. Об этой тесной связи свидетельствуют Священное Писание и святые отцы, а также и представители науки. Господь говорит: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21) и «Да не смущается сердце ваше» (Ин. 14, 1), «Возрадуется сердце ваше» (Ин. 16, 22) и т. д.

А прп. Макарий Великий пишет:

«Сердце правит всем организмом, и когда благодать займет все отделения сердца, то господствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные».

Если Господь посещает человека, то опять-таки сердце является Его вместилищем. Об этом так говорит прп. Ефрем Сириянин:

«Недоступный для всякого ума входит в сердце и обитает в нем, сокровенный от огнезрачных (ангелов) обретается в сердце. Земля не выносит стопы Его, а чистое сердце носит Его в себе».

Поэтому прп. Нил Синайский говорит так:

«Сердце каждого из нас есть домашняя Церковь».

А священник Павел Флоренский пишет:

«Сердце есть херувимская сердцевина нашей души».

А вот и мнение науки – академика И. П. Павлова – о значении сердца (из работы «О смерти человека»):

«Современный цивилизованный человек путем работы над собой приучается скрывать свои мышечные рефлексy, и только изменения сердечной деятельности все еще могут указать нам на его переживания. Таким образом, сердце и осталось для нас органом чувств, также указывающим наше объективное состояние и всегда его изобличающим».

Итак, физическое сердце человека (или точнее – нервные узлы сердца) является тем местом, где душа человека таинственно соприкасается с его телом. Так произошло понятие о «душевном сердце» как центре всех важнейших психических проявлений души.

Отсюда следует и решение вопроса, по каким признакам нужно судить о достоинствах всякого человека.

Мы часто склонны судить о людях по их словам. Но слова часто бывают лживы. Невозможно сразу познать человека и по делам его. Всех дел человека мы не узнаем, а те добрые дела, которые мы увидим, могут делаться для вида, для обмана и иметь в основе своей тщеславие, гордость, стремление обольстить.

Недаром народная пословица говорит: чтобы узнать как следует человека, надо съесть с ним два пуда соли, т. е. жить с ним очень длительное время. Только тогда мы сможем разгадать истинную сущность человека – его сердце, которое

есть совокупность его тайных желаний, стремлений, склонностей и привязанностей.

И только сердце характеризует состояние души человека, определяет его ценность, его духовную высоту или его низкое состояние.

Господь говорит: «Из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления. Это оскверняет человека» (Мф. 15, 19–20). А прп. Макарий Великий пишет:

«К чему привязано сердце человека и к чему влечет его пожелание, то и бывает для него богом».

«Разум (или ум) – слуга сердца», – говорит и мудрый пастырь о. Иоанн С.

Как определяет один философ:

«Разум играет лишь роль регулятора, диспетчера, командира огромной армии, которая состоит из творческих импульсов – стимулов человеческой личности».

Таким образом, не ум, а сердце является истинным господином в человеке. Можно наблюдать, что ум играет всегда подчиненную роль и обычно бессилён бывает повлиять на сердце, сам являясь слугой последнего. Так, при испорченности сердца ум способен оправдать все низкие поступки человека. Своих ближних и знакомых человек судит в зависимости от сердечной симпатии или антипатии к последним.

Также трудно, а может быть, и невозможно переубедить человека в каком-либо положении, если это положение не согласуется у него с известными эмоциями.

Поэтому, как пишет о. Иоанн С:

«При образовании чрезвычайно вредно развивать только рассудок и ум, оставляя без внимания сердце, – на сердце больше всего нужно обращать внимание; сердце – жизнь, но жизнь, испорченная грехом; нужно очистить этот источник жизни, нужно зажечь в нем чистый пламень жизни так, чтобы он горел и не угасал, и давал направление всем мыслям, желаниям и стремлениям человека, всей его жизни. Общество растленно именно от недостатка воспитания христианского».

Как указывают св. отцы, мы часто не желаем греха только по рассуждению, т. е. по уму. Но чувства наши в иных случаях побуждают ко греху, и тогда мы бываем сильно боримы греховными помыслами. Поэтому одно рассуждение не сильно победить в нас страсти.

Следует учитывать, что всякая новая мысль, дошедшая до ума, вместе с тем падает и на сердце. Здесь она попадает как бы на пробный камень для проверки ее приемлемости для человека. Если только сердце одобрит ее, то она признается истинной и принимается.

Это опробование мысли производится именно сердцем, а не умом с его логикой. Мысли, не нравящиеся сердцу, им отвергаются как ложные, причем сердце тотчас же дает поручение уму – опровергнуть мысль, доказать ее ложность.

Иногда мысль бывает настолько правдоподобной, что уму сразу не удастся ее опровергнуть. Тогда сердце начинает беспокоиться, человек раздражаться. (Отсюда старая греческая поговорка: Юпитер, ты сердишься – значит, ты не прав.)

Если уму удастся это сделать, то человек успокаивается; если нет, то это ввергает человека в длительное беспокойство от внутреннего противоречия между повелениями сердца и суждениями разума. Начинается внутренняя борьба.

Итак, в ряде случаев можно наблюдать очевидное противоречие сердца и ума. Ум диктует человеку один поступок, а сердце (чувство или страсть) велит делать другое.

Усилия человека, работающего над собой, могут иметь разные направления. Чаще всего они направляются к развитию ума, т. е. к накоплению знания. Очень редкие стремятся к очищению сердца даже в среде христиан.

В современности первое направление неизмеримо преобладает над вторым. Светский ученый – идеал современности; чистота сердца – святость – почти перестала служить предметом стремления. Между тем чистое сердце есть сосуд Духа Святого, это божество на земле, это свет, счастье и радость для окружающих его, хотя бы с этим сердцем сочеталось образование простолюдина.

Значение в человеке сердца характеризуется и на искусстве влияния на людей.

Кто знаком с этим искусством, тот знает, что чаще всего бесполезно взывать к разуму, пробовать переубедить человека логическими доводами, победить диалектикой. Ключ успеха – уметь задеть сердце человека, найти вход в него, найти в нем слабое место, часто – тщеславие, сребролюбие и т. п.

После ублажения сердца человека и ум его будет склонен к тем положениям, которые ему пробуют привить. Мудрый ап. Павел так начал свою защитительную речь перед Феликсом: «Зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей» и т. д. (Деян. 24, 10).

Умная Иудифь, когда хотела расположить к себе сердце предводителя войск Навуходоносора – Олоферна, так повела свою речь: «Ибо мы слышали о твоей мудрости и хитрости ума твоего, и всей земле известно, что ты один добр во всем царстве, силен в знании и дивен в воинских подвигах» (Иудифь 11, 8).

А мудрый патриарх Иаков до встречи с братом Исавом счел нужным предварительно умиловить его подарками – вперед посланными стадами коз, овец, верблюдов, ослов и т. д. (Быт. 32, 13–21).

Чувство очищенного сердца есть более верный показатель истины, чем заключение ума: так, Лука и Клеопа, шедшие в Еммаус, не могли умом распознать Христа, но сердце их не обмануло и «горело» в течение встречи с Господом (Лк. 24, 32).

«Чувства [сердца] навыком приучены к различению добра и зла», – пишет об этом же ап. Павел (Евр. 5, 14).

Чтобы понять человека, надо прежде всего распознать его сердце.

Однако это не так легко сделать. Как говорит пророк Давид: «Делают расследование за расследованием... до глубины сердца (Пс. 63, 7).⁴

Вместе с тем, как пишет схиархимандрит Софроний:

«Подлинная христианская жизнь течет там, в глубоком сердце, сокрытом не только от посторонних взоров, но в полноте и от самого носителя этого сердца. Кто входил в

этот таинственный чертог, тот, несомненно, испытал изумление перед тайной бытия... и сознает невозможность уловить процессы духовной жизни сердца, которое глубиной касается того бытия, где уже нет процессов».

«Войди в себя, пребывай в сердце своем; ибо там Бог», – говорит Ефрем Сириянин.

А прп. Никифор пишет:

«Когда ум соединится с сердцем, то исполняется неизреченной сладости и веселия. Тогда видится ему, как воистину Царство Небесное внутри нас есть».

Различие в значении для человека сердца и ума становится особенно очевидным при отношении их к вечности.

Чувство милосердия, любовь к истине (правде), нищета духа, кротость сердца и другие христианские добродетели – все это переносится за гроб бессмертной душой, сохраняется для вечности.

Это тот «актив», тот запас «елея мудрых дев» (Мф. 25, 2), который обуславливает приобщение души к Царству Истины и Красоты.

Гнездящиеся в сердце земные страсти и пристрастия – это тот «пассив», который не дает возможности такого приобщения, ибо «не войдет в него ничто нечистое» (Откр. 21, 27).

Достижения же ума здесь безразличны. Изощрен ли он, умудрен ли наукой и земными знаниями – все это не имеет никакого значения при суждении о пригодности души к Царству Небесному. И если двери Царства Небесного широко раскроются перед простецом с чистым сердцем, то они могут оказаться плотно закрытыми для ученого с мировым именем.

Сердце человеческое можно сравнить с чашею, наполненную или благовониями, или, наоборот, веществами, издающими тошнотворный запах и смрад.

Если сердце преисполнено любви Христовой, милосердия, нищеты духа, смирения, покорности воле Господней и т. д., то из такого сердца как бы несется веяние духовных благовоний, которые приятны Богу и включают человека в сферу Царствия Божия.

Смрад страстей: гнева, жестокости, гордости, сребролюбия, сластолюбия и т. д. – включает человека в сферу господства сатаны, т. е. ада.

Следует сказать, что духовные люди, обладающие способностью «духовного различения», сразу могут определить и оценить сущность вновь встретившегося человека познанием его сердца так же, как можно сразу оценить содержимое сосуда по физическому запаху из него. При значительном же отклонении сердца у человека в какую-либо крайность – добродетели или порока – последние уже прямо отражаются на внешности человека. Об этом так пишет старец Силуан:

«Знал я одного мальчика, вид его был ангельский – смиренный, совестливый, кроткий; лицо белое с румянцем, глазки светлые, голубые, добрые и спокойные. Но когда он подрос, то стал жить нечисто и потерял благодать Божию; и когда ему было лет тридцать, то стал похож и на человека, и на беса, и на зверя, и на разбойника, и вид его был скаредный и страшный. Но видел я и другое. Видел я людей, которые пришли в монахи с лицами, искаженными от греха и страстей, но от покаяния и благочестивой жизни они изменились и стали очень благообразными».

О том же говорит и о. Александр Ельчанинов, который пишет:

«Грех – разрушительная сила, и прежде всего для своего носителя; даже физически грех затемняет, искажает лицо человека».

Люди говорят о «мягком» и «жестком» сердце. Первое обычно бывает у детей; «жесткое» – у большинства взрослых.

Как видно из этих терминов, для духовного сердца может протекать процесс, аналогичный склерозу физического сердца. Этот своеобразный склероз, как и физический склероз, усиливается обычно с возрастом.

Причиной его является развитие в сердце страстей, порабощение греху, удаление от Бога, удаление от детской чистоты и невинности. От этого в человеке охладевает любовь к людям (с сохранением, может быть, пристрастия к близким из родных) и теряется отзывчивость к чужому горю; сердце

делается немилосердным, «жестким». С отходом от детской чистоты теряется и способность к слезам.

В женщину вложено Богом более нежное, любящее, отзывчивое и милосердное сердце, чем в мужчину. Поэтому и у взрослой женщины (в среднем) сердце «мягче», чем у мужчины, и женщина менее подвержена духовному «склерозу сердца».

К большому счастью человечества, духовный «склероз сердца» может быть совершенно излечен, в отличие от физического. Это достигается через глубокое покаяние и действие благодати.

Тогда сердце человеческое молодеет, возвращается к детской чистоте и невинности, приобщается к Христовой любви, делается вновь отзывчивым, чувствительным, «мягким». Возвращается при этом ранее утраченная способность к слезам. Пророк Давид так характеризует этот процесс в своих псалмах: «обновляется, подобно орлу, юность твоя» (Пс. 102, 5).

Между сердцем и умом имеется естественная тесная связь. Болезни души обычно затрагивают сразу и сердце и ум, хотя некоторые из них, как например страсти, теснее связаны с сердцем.

Также лишь при чистоте сердца может получить развитие благодатный разум веры. И постижение разумом веры трудно отделить от постижения сердцем. У подвижников благочестия появляется способность при внимании к состоянию своего сердца господствовать и над умом, т. е. над своими мыслями. Об этом так пишет схииеромандрит Софроний:

«Ум по мере очищения от страстей становится более сильным в борьбе с помыслами и более устойчивым в молитве и богомыслии; сердце же, освобождаясь от омрачения страстей, все духовное начинает видеть чище, яснее, до убедительной осязаемости. Ум, соединившись с сердцем, пребывает в таком состоянии, которое дает ему возможность видеть всякое движение, происходящее в сфере подсознания. Пребывая внутри сердца, ум усматривает в окружении его появляющиеся образы и мысли, исходящие из сферы космического бытия и пытающиеся овладеть сердцем и умом человека. В форме помысла, т. е. мысли, связанной с

тем или иным образом, является энергия того или иного духа. Натиск идущих извне помыслов чрезвычайно силен, и чтобы ослабить его, подвижник нуждается в течение всего дня не допускать ни единого страстного взирания, не позволить себе пристрастия ни к чему».

Итак, сердце является истинным господином души, и его значение для вечной жизни несравнимо выше значения ума. Лишь в сердце зарождается и живет любовь Христова, а про преимущество последней перед знанием так говорит ап. Павел: «Знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1Кор. 8, 1–3).

Приложение к главе 4-й

Можно веровать умом. Но много выше «веровать сердцем» (Рим. 10, 9). О том, что это за «вера сердцем», так пишет прот. М. Лебедев («Журнал Московской Патриархии» 1966 г., № 7, с. 35–37. Приводится с некоторыми сокращениями):

«Есть вера разумная, но есть вера и сердечная. «Веровать сердцем» означает поверить, что то, о чем говорит нам наше сердце, то, к чему мы стремимся и чего желаем, есть несомненная истина, а потому и свершится несомненно. Наше сердце жаждет жизни вечной, и мы верим в нее, верим, что она начинается здесь, на земле, и продолжается по смерти и воскресении. Проявления сердца несколько отличны от проявлений разума. Разум являет себя в рассуждениях, доводах, часто в очень сложных, длинных умозаключениях. Сердце выражает себя по-иному. Оно обычно не строит доказательств, порой не нуждается даже и в словах. Решения его бывают быстры, даже мгновенны. Когда апостол Иоанн вошел в опустевший гроб Господень, то, как говорится в Евангелии, «увидел и уверовал» (Ин. 20, 8). Весть о Воскресении Христовом и о нашем грядущем воскресении созвучна нам, она, как говорится, «по сердцу» нам, ибо отвечает нашей естественной жажде жизни, заложенной в нашу душу Творцом. Апостол Павел говорит о слове Божию, что близко оно нам, оно в устах наших, на языке нашем. Это потому, что евангельское слово отвечает тому, что

заложено Творцом в самую сущность природы нашей, в глубину души нашей. Он создал нас по Своему образу и подобию и вдохнул в нас Свое Божественное дыхание. Это дыхание Творца само говорит нам, что душа наша не может умереть, ибо в ней – дыхание вечного, бессмертного Бога. Вот почему, когда мы слышим слово Божие, обращенное к нам, наша душа сейчас же откликается на Его зов. Ибо это слова Того, Чье дыхание в нас самих. Вслушайтесь в свое сердце и одновременно вслушайтесь в слова евангельские, и вы тогда сразу поймете, почему апостол Павел так уверенно говорит, что слово Божие близко нам. Господь заповедал нам любить ближних своих. А разве сердце не говорит нам о том же? Разум может привести много доводов в пользу того, что надо любить людей, а сердце сразу же, мгновенно даст ответ на этот вопрос. Вот почему мы и говорим, что «веруем сердцем» словам Господним. Господь заповедал нам быть милосердными, как Отец наш Небесный милосерд (Лк. 6, 36). Он заповедал нам быть чистыми, милостивыми, жаждущими и алчущими правды, миротворцами, неустрашимыми в борьбе за истину. Разве заповеди эти не находят всегда отклика в нашем сердце? Все слово евангельское близко нам. Только состояние сердца нашего бывает разное. Много времени прошло с того момента, как появился на земле человек, но сердце его по причине греха сковано животными страстями, и никто из мудрецов древнего мира не сумел найти тех слов, которые помогли бы человеку освободиться от этих страстей. Древний мир в лице своих лучших учителей только близко подходил к тому, что возвестил Христос, но не мог сказать того, что было дано Им в Евангелии. Никто из мудрецов не мог найти того слова, на которое отозвалось бы человеческое сердце, а поэтому никто не смог создать такого великого учения, которое покорило бы весь мир. Но когда пришла «полнота времен», Бог послал к нам на землю Сына Своего, Который возвестил людям слова о любви, о подвиге, о совершенстве, о милосердии, слова о вечной жизни. Слово евангельское прозвучало как нечто желанное, оно вызвало к жизни то, что

таилось в глубине человеческого сердца, вот почему оно сразу же, как только было возвещено, быстро распространилось среди людей. Господь наш не только возвестил нам Свое Евангелие, но и дал нам силы, чтобы освободить наше сердце от греховных оков, которыми оно связано; Он зажег в сердцах наших веру и победу над смертью, и эта вера дает нам силы победить в себе зло. Слово Евангелия близко нашему сердцу. Нужно только, чтобы сердце отозвалось на него. И когда оно отзовется, то уже само станет судьей всех наших поступков. Апостол Иоанн, зная это свойство нашего сердца, говорит: «Если сердце наше осуждает нас, то кольми паче Бог... Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу» (1Ин. 3, 20–21). Это слово евангельское о любви и вечной жизни понятно и дорого нам, мы веруем сердцем и исповедуем его истинность, и оно указывает нам путь ко спасению. Ибо «если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься» (Рим. 10, 9)».

Глава 5. Воля человеческая

«Да будет воля Твоя» (Мф. 6, 10).

Воля не является самостоятельным элементом души, и понятие о воле неотделимо от понятия о сердце. Воля – это «равнодействующая сила» стремлений и желаний сердца.

Наша воля поэтому имеет решающее значение в восприятии всего нас окружающего и оценки его.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Мы видим мир не таким, как он есть на самом деле, а таким, каким его делает наше воображение, наша воля. И каждый видит его по-иному, по-своему, часто ставя центром своего мира вещи ничтожные и вовсе не давая места тому, что единственно важно».

Человек создан по «образу и подобию Божию» (Быт. 1, 26) со свободной волею, вернее со свободой стремлений и желаний. Как пишет о. Иоанн С.:

«Наша свобода есть неотъемлемая часть образа Божия».

Эта свобода не связывается предведением Божиим всей судьбы человека, хотя это предведение и свобода воли человека по законам логики являются противоречием – «антиномией».

Здесь мы встречаемся с одной из Божественных тайн домостроительства Божия, которую никогда не сможет понять ограниченный человеческий разум. Однако свободу воли каждый может проверить на опыте: во всяком случае человек может свободно выбрать любое решение жизненного вопроса – идти направо или налево, поступить так или иначе.

Как пишет В. С. Соловьев:

«Всех животных Бог подчинил определенным законам. Один человек ни в чем не стеснен и может стать тем, кем он пожелает. Ничто не мешает ему опуститься до самой низшей ступени животного мира, но он может подняться и до высших степеней Добра. Если человек будет лелеять чувственные наклонности, то он одичает и станет зверем. Если он будет следовать разуму, то он сделается подобным небесным существам. Если он разовьет свои интеллектуальные силы, то он станет подобен ангелам и сыном Божиим».

А архиепископ Иоанн говорит:

«Когда воля человека очистится от зла, тогда все становится даром, «сходящим свыше». Все тогда делается исполнением желаний самого человека. Это и есть «Царство Божие пришедшее в силу...» Тут нет ничего «малого», все огромно, безгранично... С этого пира апостол говорил свои благочестивые слова: «ничего не имеем, но всем обладаем» (2Кор. 6, 10). В тайниках сердца определяется драгоценнейшая свобода наша, свобода наших желаний».

Этим опровергается и то «предопределение» судьбы человека, которое утверждают последователи Кальвина. Поэтому человек всегда остается ответственным за свои поступки. И совсем не прав Л. Толстой, утверждая положение, что «в мире нет виновных».

На первый взгляд, он исходит здесь из закона причинности. Но вернее, это его положение исходило из его греховности,

которая этим утверждением отметала укоры его совести: «за что укорять меня, если я связан всей совокупностью причин, заставляющих меня сделать что-либо так, а не иначе».

Вместе с тем свобода воли человека все же далеко не абсолютна.

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Сущность абсолютной свободы в том, чтобы вне всякой зависимости или необходимости, вне всякого ограничения – самому во всем определить свое бытие. Это – свобода Бога; человек такой свободы не имеет».

Человеческая же свобода ограничена и ее связывают в значительной мере:

- а) законы природы,
- б) запросы тела,
- в) окружающие люди и обстановка,
- г) общественные законы,
- д) установленные Богом для человека внутренние законы, сообщаемые ему через голос совести,
- е) влияние на душу человека Божией благодати,
- ж) влияние на душу темной силы при оставлении человека Божией благодатью.

Интересно мнение доктора Гааза – милосердного покровителя падших – об ограниченности свободы воли у человека. Вот что пишет Гааз в одном из своих трудов:

«Человек редко думает и действует в гармоничном соответствии с тем, чем он занят: образ его мыслей и действий обыкновенно определяется совокупностью обстоятельств, отношение которых между собой и влияние их на то, что он называет своим решением или своею волею, ему не только не известны, но и вовсе им не сознаются. Признавать эту зависимость от обстоятельств – не значит отрицать в нем способность правильно судить о вещах, сообразно их существу, или считать за ничто вообще волю человека. Это было бы равносильно признанию человека – этого чудного творения – несчастным автоматом. Но указать на эту зависимость необходимо уже для того, чтобы напомнить, как редки между людьми настоящие люди. Эта

зависимость требует снисходительного отношения к человеческим заблуждениям и слабостям. В этом снисхождении, конечно, мало лестного для человечества, – но упреки и порицания по поводу такой зависимости были бы и несправедливы и жестоки».

В значительной своей массе человечество восставало, бунтует и, очевидно, до конца мира будет восставать против ограничения своей воли.

По словам схиархимандрита Софрония, мы видим «у человека – образа Божия – постоянное искушение самому создать свое бытие, самому определить его во всем, самому стать богом, а не принять только то, что дается, так как в этом есть чувство зависимости».

По учению старца Силуана, «у христианина это искушение преодолевается верою в Бога, как и всякое другое. Вера в Бога – благого и милостивого, вера, что Он выше всякого совершенства, привлекает к душе благодать, и тогда нет тягостного чувства зависимости, но душа любит Бога, как самого родного Отца и живет Им».

Учитывая нашу ограниченность, можно говорить, как считает епископ Михаил Таврический, лишь об «остатке человеческой свободы». И этот остаток проявляется более всего в комплексе внутренних стремлений и пожеланий, осуществление которых в жизни происходит лишь в какой-то доле, иногда в очень незначительной, или даже вовсе не происходит.

А епископ Игнатий Брянчанинов утверждал:

«Воля моя свободна почти только в одном избрании добра или зла; в прочих отношениях она ограждена отовсюду».

Различают людей сильной и слабой воли. У сильных волей людей «остаток свободы» более ярко выражен, и они настойчиво стараются проводить в жизнь свои стремления.

Наличие у человека сильной воли вместе с настойчивостью при достижении определенных целей – это великие дары – многие «таланты» (Мф. 25,15), дарованные человеку от Бога. Немногие из людей обладают ими в значительной мере.

Если при этом у человека целью жизни является богоугождение и «стяжание Духа Святого Божия», то человек может достигнуть высоких степеней святости, получить от Бога сверхъестественные дары и способности и приобщиться к богатству благодатной мистической жизни. Одним из ярких примеров для этого случая является апостол Павел.

И наоборот. Если сердце человека жестоко, гордо и тщеславно, то при очень сильной воле существование на земле такого человека является народным бедствием, несущим человечеству неисчислимые беды.

Таковыми людьми были Атилла, Тамерлан, Иван Грозный, Наполеон, Гитлер и др. Таким же будет и грядущий антихрист (не в соборном понятии, а как особая личность конца веков).

Люди со слабой волей обычно задавлены окружающей обстановкой и окружающими людьми; они не в силах осуществить в жизни своих желаний сердца. Их «остаток свободы» незначителен.

Епископ Михаил Таврический подразделяет наши стремления по пяти сферам:

1) Сфера чувственно-материальной жизни, где люди стихийно несутся и движутся во взаимной жестокой борьбе. Эта сфера грубого эгоизма – сфера удовлетворения велений тела и жизненных страстей.

2) Сфера умственной жизни, в своем призрачном свете соединяющая людей разных и далеких веков единством идей и вопросов, со своими законами и свойствами. В этой сфере живут преимущественно люди, имеющие от природы ясный и острый ум, способный следовать за развертывающейся сетью логических соображений.

3) Сфера искусства, где человек живет в мире образов и грез.

4) Сфера человеческих симпатий и сострадания, в которых живут люди, имеющие доброе сердце.

5) Сфера жизни Духа – свободной веры, сфера молитвы и Богообщения, единения души с Богом. Здесь, по словам епископа Михаила, «собираются лучи духовного солнца,

подающего всему и движение, и свет, и теплоту и созидющую духовную жизнь».

Горе человеческое в том, что после грехопадения громадное большинство людских душ живет в своих стремлениях преимущественно в первой, высшей сфере эгоизма и чувственности.

Жить в среде сфер умственной жизни или искусств – удел немногих, одаренных от природы умственными способностями или талантами к искусству.

Вместе с тем это далеко не высшая сфера для человека, призванного стремиться к богоподобию. Как пишет схиархимандрит Софроний, «человек, одаренный мистически, живущий духовно, живет в плане более высоком и большего достоинства, чем тот, к которому принадлежит научная жизнь, сфера логического мышления... Духовный человек занят Богом и мало занимается мирскими делами».

Сфера сострадания – это остаток от Божиих даров сердцу человеческому, данных в раю. Эта добродетель гаснет в человечестве с ходом истории от преобладания греха, и развивается с возрождением в человеке веры и приобщения его к пятой – высшей сфере.

Человек чаще всего живет своими стремлениями в нескольких сферах. Имея заложенное в душу Богом стремление к интересам высшей сферы, человек все же после грехопадения в громадной массе живет преимущественно в интересах низших. Туда толкают его веления тела и темная сила непосредственными внушениями или через окружающих людей.

Отсюда формула христианских подвижников, что «у человека главные враги его это – диавол, тело и мир» (понимая под последним влияние греховного и безбожного мира).

Каждому человеку надо внимательно проанализировать состояние своей души и определить, к какой сфере она относится преимущественно по своим запросам и какие сферы ее отчасти захватывают.

Также надо проследить и перемещение этих стремлений из одной сферы в другую в течение своей жизни. Счастье человека заключается в том, чтобы душа перемещалась из низших в

высшие сферы. Хорошо, если она приобщается к двум высшим сферам, может быть оставаясь отчасти в двух предыдущих (за исключением первой).

Еще лучше, если она будет жить полностью лишь в двух высших.

По существу, вся задача жизни человеческой состоит в том, чтобы наш «остаток воли» устремить в «высшие сферы», стремиться к жизни духа, к Богообщению и Богоугождению.

По словам епископа Феофана Затворника:

«Самое важное – заменить свою испорченную, злую, гордую волю волей Божией, познаваемой через голос совести – иначе говоря, ангела-хранителя, т. е. Господа Бога».

А прп. Варсонофий Великий говорит еще категоричнее:

«Всякое доброе дело, которое совершается не из одной только любви к Богу, но к которому бывает примешана и своя воля, нечисто и неприятно Богу».

По мнению прп. Никодима Святогорца, в этом же состоит вся сущность нашей «невидимой брани». По его словам, «цель ее для нас должна состоять в том, чтобы никак не позволять свободному произволению своему (т. е. нашей воле) склоняться на желание низкой, плотской и страстной воли, а всегда следовать одной воле высшей и разумной; ибо она есть воля Божия, следовать которой есть коренной закон нашего бытия».

Человек может добровольно отказываться от своей воли, отдавая ее другому. Как пример, сюда относится абсолютное подчинение иноков игумену, а вообще христиан – духовным отцам и старцам. Последние, в свою очередь, стремятся отдать свою волю Богу, обладая способностью слушать в сердце своем Его голос.

Это – благое умерщвление своей испорченной грехом воли: в человеке – через старца, а в последнем – через веление Святого Духа начинает господствовать воля Самого Бога, которая всегда благая и всегда совершенная; она ведет душу к миру и совершенной радости.

Здесь следует подчеркнуть, что знатоки душ человеческих – святые отцы – единодушно считают указанное отречение от своей воли совершенно необходимым для спасения души.

Безнадежна участь человека с самомнением – надеющегося на себя и не стремящегося во всем искать воли Божией.

У невозрожденного, «мертвого» духовно (Лк. 9, 60) человека воля связана и покорена диаволу – сатане. В длительном процессе покаяния и духовного совершенствования воля не может сразу же вполне освободиться от него; для этого нужно время.

В этот переходный период самое лучшее – вполне подчинить свою волю духоносному христианину (старцу, духовному отцу). Это сохранит от ошибок и падений и значительно ускорит духовный рост.

Лишь по истечении этого периода очищения может для избранных Божиих наступить время, когда человек находится в благодати Святого Духа, научается непосредственно от Него и всецело и свободно подчиняет свою волю – воле Божией. Тогда христианин может руководствоваться лишь голосом совести и мыслями, внушаемыми ему непосредственно от Святого Духа.

И только в этом случае человек может считать себя свободным; по словам ап. Павла: «Где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3, 17).

[Тем, кто хочет глубоко познать, как велико счастье для человека подчинить весь свой остаток свободной воли – воле Божией – благой и совершенной, и каковы пути к этому, мы рекомендуем прочитать книгу игумена, а впоследствии архиепископа Иоанна – «Воля Божия и воля человеческая».]

Итак, одной из первоочередных задач для христианина-подвижника является преодоление своего своеволия, хотя это и не легко. Об этом так пишет схиархимандрит Софроний:

«В акте отвержения своей воли и рассудка, ради пребывания в путях воли Божией, превосходящей всякую человеческую премудрость, христианин в сущности отрекается ни от чего другого, как только от страстного, самостного (эгоистического) своеволия и своего маленького беспомощного умишки-рассудка, и тем проявляет и подлинную мудрость, и редкой силы волю особого, высшего порядка».

Устремления наших душ – наша воля – это то основное, что служит критерием пригодности души к Царству Небесному. Если даже высокие стремления души на земле подавлялись, и душа не могла их осуществить, то они раскроются в том мире, где не будет мешать им земная обстановка.

И, наоборот, если духовно-культурная среда или, может быть, внешние навыки хорошего воспитания не давали проявляться в делах низменным склонностям души, но они все же жили в ней, то горе душе после смерти тела. Низменные стремления души не будут в согласии с теми началами любви, истины и красоты, на которых зиждется Небесное Царство.

Тогда при отсутствии порочных поступков при жизни тела, душа все же будет включена в сферу душ с низменными склонностями.

Для победы над грехом вовсе недостаточно просто не грешить. Надо перестать быть грешником.

Характерным примером значения скрытых стремлений является святоотеческий рассказ, приведенный в письмах Серафима Святогорца со св. Горы Афонской про девушку, жившую в монастыре.

Наружное поведение девушки было безупречным. Она рано умерла. Игуменья монастыря, тетушка девушки, не сомневалась, что душа покойной удостоилась Царства Небесного. Но она ошиблась. В видении она увидела племянницу в муках ада. Племянница сообщила ей, что она была осуждена за наслаждения нечистыми мечтами.

Хотя обычно и говорят о «раздвоенности» воли человека, но по существу сложность души гораздо большая. Можно насчитать семь важнейших импульсов, влияющих на души и побуждающих людей к тем или иным мыслям, желаниям и поступкам. Сюда будут относиться:

- 1) Потребность тела.
- 2) Душевные склонности.
- 3) Рассудок или ум.
- 4) Побуждения и влияния от общества и окружающих лиц.
- 5) Влияние авторитетов и образов, почерпнутых из литературы.

- 6) Побуждение и влияние темных сил.
7) Высший разум и побуждения, идущие от Бога через ангела-хранителя (совесть и благодать).

Глава 6. Восполнение слабой человеческой воли и разума Божией благодатью

Благодатию вы спасены. Еф. 2, 5

Господи, пошли благодать Твою в помощь мне... еще и ничтоже благо сотворих пред Тобою, но даждь ми по благодати Твоей положить начало благое. Господи, окропи в сердце моем росу благодати Твоея. Из молитвы св. Иоанна Златоустого из вечернего правила

Благодать есть Бог, ощущаемый в сердце. Паскаль

Недостаточность разума и воли человеческой, при ее стремлении к добру может быть восполнена содействием благодати Божией, проявляющейся как следствие покаяния и молитв к Богу. Как говорит св. Максим Исповедник:

«Человек имеет два крыла: свободу и благодать... Добродетели влагает в нас Бог; Он вкладывает их в человеческое сердце, а человеку принадлежат «труд и пот»».

История Церкви Христовой и опыт душ христианских свидетельствуют о силе и действенности благодати Божией. Слабы часто и разум и воля человека, не по силам ему бороться с грехом. Но через начало покаяния, выполнение заповедей и молитву его воля укрепляется благодатию, и тогда он побеждает грех. То же действие производит и молитва за него ближних.

Как пишет Ф.:

«Несовершенство наше не есть препятствие к получению небесных даров. Благодать Божия не идет только к тому, кто ее не ищет».

С первых же минут понуждения себя на тесном пути благодать приходит на помощь. Ее нельзя домогаться, но ради нее надо трудиться. Исполнение заповедей есть начало, это то движение, которое делает неумеющий плавать, бросаясь в глубокую воду. Благодать тут же поднимает из водной бездны

мужественную душу, и начальная глубина страха и холода становится затем покоем, теплом и свободой.

По существу, начало подвига (или исполнение заповедей) и благодатная помощь сливаются, но Господь хочет увидеть наше мужество и нашу к Нему любовь. Он хочет, чтобы мы, как бы не зная о Его помощи, первые бросились в воду. Он хочет нашей любви и воли. «Если заповеди Мои соблюдете – пребудете в любви Моей» (Ин. 15, 10).

Вот почему святые отцы учат: чающий получить действенность Святого Духа прежде делания заповедей, подобен купленному за деньги рабу, который в то же время, как его только купили, ждет, чтобы вместе с уплатой за него денег, подписали ему и свободу. Раб должен прежде всего начать свой труд, но он одновременно должен знать, что впереди его ждет свобода. Итак, благодать Божия всегда готова поддержать и помочь. Но Бог ждет, чтобы человек проявил подвиг веры и сам смело вступил на трудный путь покаяния и подвига. Здесь как бы надо взойти на высоту в 5 километров, а у человека силы только на 1 километр. Пусть он все же дерзает идти – на все остальные 4 километра вознесет его Божья благодать.

В дальнейшем пути благодать будет уже постоянно поддерживать христианина и укреплять его на «тесном и узком» пути ко спасению.

Насколько необходима нам благодать Господня для восполнения нашей немощи и бессилия, говорят нижеследующие слова схимонахини Ардалионы из Усть-Медведицкого монастыря:

«При работе над своим внутренним человеком такая иногда чувствовалась немощь, недостаточность всех внешних подвигов, всех своих душевных сил, что не раз я приходила в уныние и некоторое безнадёжие... Всею немощию души своей я сознавала, что ни на себя и ни на что свое я не могу надеяться, что ничто мне не поможет в моем спасении, ничто не спасет моей души от ее собственной нечистоты и несовершенства. Всем существом своим я верю, что Господь, один Господь и сила Его благодати может меня спасти, может просветить, очистить и усовершенствовать мою душу;

может дать силу ей внимать Его слову, разуметь Его и исполнять Его заповеди. И эта сила будет Его сила, во мне действующая, а не моя; я же и все мое навсегда остается немощным, безжизненным, беспомощным. И хорошо, что Бог один Силен, что Он один Живый, во всем действующий».

По существу, без промыслительной помощи Божией человек вообще не может сделать ничего доброго. Недаром сложилась благочестивая поговорка: без Бога не до порога. Человек всегда и во всем нуждается в помощи Божией: в укреплении и своей веры, и своей воли к добру.

Это укрепление будет проявляться в нижеследующем:

а) в благодатных переживаниях сердца (мир душевный, радость, умиление, благодатные слезы и т. д.);

б) в исполнении молитв и прошений;

в) в наблюдении над собой Промысла Божия в самых малых и великих делах;

г) наконец, в ряде случаев в усмотрении чудес, происходящих по милосердию Божию перед глазами христианина над ним и над его ближними.

Эти чудеса, впрочем, могут проявляться для избранных душ и до начала обращения при отсутствии веры и даже для гонителей Христа, если это гонение было по неведению. Здесь надо вспомнить хотя бы историю обращения апостола Павла (Деян. 9, 1–22).

Несколько других случаев чудесного обращения из современной жизни приводятся ниже (см. приложения к этой главе).

Чудеса являются, однако, редкими исключениями. Для всех же, кто ищет дара веры и своего спасения, остается всем нам доступный путь для привлечения благодати – путь глубокого покаяния, полноты смирения и посильного подвига. При наличии этого благодать Божия всегда снизойдет на искренне кающихся. Свидетельством этого является случай из практики одного благочестивого пастыря.

К нему на исповедь пришел молодой человек, по своему виду и поведению получивший отличное воспитание и

образование. Незнакомец заявил пастырю, что он пришел не исповедываться, а побеседовать по вопросам религии.

Священник ответил, что он не берется философствовать на высокие темы, но с радостью примет покаяние пришедшего.

Молодой человек заявил тогда, что он не может каяться, так как он не имеет веры и не понимает необходимости в исповеди.

«Бедный, вы, бедный, – сказал тогда пастырь. – Как мне вас жалко! Маленькие дети счастливее вас и знают более, чем вы. Я вот совсем мало образован, но вы в своей темноте еще темнее меня. Если же вы хотите просветить свою душу верой, то я вам укажу путь, как ее получить... Подойдите ко мне и расскажите свою жизнь, расскажите все без утаивания: в чем обличает вас совесть и все свои поступки против истины, правды и любви». – «Но ведь это же будет искусственно, если я...» – «Говорю вам: подойдите, перекреститесь и рассказывайте», – мягко, но повелительно сказал священник.

Чувствуя во взоре священника любовь и участие к себе, душа молодого человека как бы невольно покорилась, и он подошел к пастырю, перекрестился (чего никогда не делал раньше) и, ничего не утаивая, смиренно раскрыл раны своей души.

По мере его рассказа душа его размягчалась, появилось умиление, давно им не переживаемое, и он кончил свою исповедь со слезами на глазах, на коленях перед крестом и Евангелием.

Когда была прочитана разрешительная молитва, то с коленей встал уже другой человек, познавший всю силу Таинства покаяния и ощутивший всем существом Божие присутствие и милосердие и более не сомневавшийся в существовании Бога. «Приходящего ко Мне не изгоню вон», – сказал Господь (Ин. 6, 37).

И стоит лишь сердцу человеческому потянуться ко Христу и воскликнуть: «Помоги моему неверию» (Мк. 9, 24), как благодать Господня восполняет его слабость – дарует веру, а с нею открывает и прямой путь для спасения грешной души человеческой. Следует помнить, что благодать не только восполняет человеку недостаток его воли при стремлении к

доброе, но и преображает сердце человеческое, заменяя страсти соответствующими им христианскими добродетелями (гордость – смирением, эгоизм – любовью и т. д. Об этом будет говориться ниже, в главе «От внешнего к внутреннему»).

«Мгновение во благодати дороже тысячелетий» (архиеп. Иоанн).

Некоторых христиан смущает вопрос, как согласовать свободу человеческой воли с воздействием на нее Божией благодати и каково соотношение этих двух сил в практике жизни христианской.

Подобный вопрос был задан старцу – прп. Иоанну, сподвижнику прп. Варсонофия Великого. Старца спросили: «Бог сотворил человека свободным и Сам же говорит: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5), – как согласовать свободу с тем, что без Бога ничего нельзя сделать?»

Старец ответил: «Бог сотворил человека свободным, чтобы он мог склоняться к благу; склоняясь же к нему произволением своим, он не в состоянии бывает совершить благо без помощи Божией, так как написано: «Помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (Рим. 9, 16).

Итак, когда человек преклоняет сердце свое ко благу и призывает на помощь Бога, то Бог, внимая его доброму усердию, подаст ему силу к деланию, и таким образом бывает место тому и другому – свободе человека и помощи, даруемой ему от Бога; ибо благо происходит от Бога, совершается же через святых Его. И так Бог славится во всех и прославляет их».

Вместе с тем, как говорит схиархимандрит Софроний:

«Взаимодействия благодати и свободы бесконечно разнообразны. Разнообразие это является следствием, с одной стороны, веры, или степени, или силы благодати, с другой – духовного состояния каждого отдельного человека. От свободы человека зависит и мера дара Божия. Дары Божии сопряжены с известным подвигом, и когда Бог предведает, что человек к Его дару отнесется так, как должно отнестись, то этот дар изливается «независтно». Можно

сказать, что причиной большего или меньшего дара является предуведанный Богом ответ человека на действие благодати...»

Отсюда «главный смысл разумного подвига заключается в стяжании благодати». Как пишет старец Силуан:

«Душа знает, когда она обогащена благодатью, а равно чувствует душа, когда теряет благодать, чувствует и пришествие врага... Чтобы познать благодать, нужно только смирение... Если небольшая благодать, то в душе мир и чувствуется любовь ко всем; если благодать больше, то в душе свет и радость великая, а если еще больше, то и тело ощущает благодать Святого Духа. Чтобы иметь благодать, человек должен быть воздержан во всем: в движениях, в слове, в смотре, в помыслах, в пище... Будь послушлив, не осуждай и храни ум и сердце от плохих помыслов, а помышляй, что все люди добры и их любит Господь. За эти смиренные мысли благодать Святого Духа будет жить в тебе и ты скажешь: «Милостив Господь!» Блюдайте благодать Божию: с нею легко жить; все делается хорошо по Богу, все мило и радостно, душа покойна в Боге и ходит как бы по какому прекрасному саду, в котором живут Господь и Божия Матерь. Без благодати человек – грешная земля, а с благодатию Божией человек подобен ангелу».

Старец Парфений Киевский предупреждает при этом:

«Потеря благодати страшнее всех потерь: нет бедственнее состояния, как состояние человека, потерявшего благодать. Надо иметь непрестанную бдительность, чтобы сохранить ее. Она дается нам даром, по единому милосердию Божию, но к сохранению ее мы должны прилагать все свое тщание. Гнев, тщеславие или высокоумие и осуждение ближнего отгоняют благодать Святого Духа. Человек облагодатствованный не может быть немирен или досадовать за что на ближнего».

Вот путь для укрепления христианина, часто страждущего от раздвоения воли и не имеющего сил для следования своим наиболее высоким стремлениям.

Приложение к главе 6-й

Случаи восполнения Божией благодатью разума и воли человеческой

Ниже приводятся несколько рассказов из современной жизни, характеризующих восполнение Божественной благодатью малой осведомленности человека в вопросах религии или слабости его воли.

Все эти рассказы получены от лиц благочестивых и заслуживают полного доверия.

1. «Бог долго терпит, да больно бьет».

Взрослый сын благочестивых родителей потерял веру и стал вести греховную жизнь. Родители увещевали его, но ничего не помогало. В конце одного из таких разговоров отец сказал сыну, вспомнив одну из поговорок народной мудрости: «Смотри, Ваня, – Бог долго терпит, да больно бьет».

В тот же вечер сын подготавливал ружье, собираясь на охоту. Нечаянный выстрел сильно поранил его.

Видно, последние слова отца запали в душу сына, и случившееся несчастье отрезвило его и вернуло потерянную веру. Когда сын выздоровел, он изменил свою жизнь и стал благочестивым христианином.

2. Чудесное обращение

Вот что рассказала нам спутница по вагону 6 августа 1953 года. «Я родилась в 1918 году и, хотя моя мать была верующая, религия была мне чужда.

Я была уже замужем, когда захворала тяжелой формой плеврита и была уже при смерти. Я слышала, как врач говорил моей матери: «Оставьте ее – она безнадежна».

В состоянии смертельной агонии, в полузабытии у меня промелькнула мысль: «Господи, что мне делать, чтобы выздороветь?» И тогда я ясно услышала голос, отвечающий мне: «Выпей святой воды, съешь артоса и веруй в Меня». До тех пор я и не знала слова «артос», но, очнувшись, хорошо запомнила его. Я позвала маму и попросила ее дать мне святой воды и артоса.

Мать, удивленная моей просьбой, сказала: «Видно, ты умираешь, если просишь святой воды и артоса».

Она тотчас же исполнила мою просьбу, и я с большим усилием проглотила глоток воды и кусочек артоса.

После этого я тотчас заснула и долго спала. Проснувшись я совсем здоровой.

С тех пор моя жизнь переменилась. Я живу верою и так воспитываю и своих детей».

3. На Крымской площади

Моя знакомая передала мне следующий рассказ:

«С Наташей Н. я работала на фабрике с 1922 года. Она была не только неверующая, но и смеялась над верующими, хотя по характеру была добрая и помогала другим.

С 1927 года мы с ней более не встречались – ее перевели на другую фабрику. Вновь я с ней встретилась в 1947 году. Она ласково поздоровалась со мной и рассказала про себя следующее:

«Я работала на Калужской улице в ателье. Ездить на работу было далеко, а время было тяжелое, военное, и всего я хлебнула – и холода, и голода.

Вот однажды ехала я на работу, вышла из метро в 6 часов утра. Была глубокая осень, и начинались заморозки. Улицы были затемнены и, переходя площадь, я попала в большую лужу и упала в нее.

Я пробую встать и не могу, поднимаюсь и опять падаю, как будто кто толкает меня. Из силы я выбилась и заплакала, говоря: «Господи, если Ты есть, помоги мне. Ты видишь, как я страдаю».

Вдруг вижу: с неба спустился образ большого размера и остановился передо мной. То был образ Знамения Божией Матери. А я стою на коленях среди лужи и кричу: «Матерь Божия, помоги мне».

Она обращается ко мне из образа и говорит: «Наталья, ты заблудилась, обратись к Сыну Моему».

Тут ко мне подбежал народ, стали меня поднимать. Я спрашиваю: «Видели, какой образ спустился с неба?» Но никто его, кроме меня, не видел.

На работу я пришла вся грязная, мокрая и с плачем просила меня отпустить, так как работать была не в состоянии.

Я приехала домой и сейчас же отправилась в церковь Ново-Девичьего монастыря, нашла образ Знамения Божией Матери, поставила перед Ней свечу и долго рыдала перед Ней, никого не замечая... Потом я исповедывалась и причастилась.

«Счастливая ты, – сказал мне батюшка, – видно, у тебя добрая душа».

Теперь я часто хожу в церковь и дочь мою (20 лет) окрестила, и внуков моих тоже окрестила. Часто хожу причащаться, и жизнь моя стала легкая и счастливая, и не знаю, как благодарить Бога за Его милости».

4. Исцеление тела и души преподобным Серафимом Саровским

Сын благочестивого московского пастыря Николай Знаменский, поступив в высшее учебное заведение, утратил веру.

Наступил канун Рождества. Мать сочла должным напомнить ему о великом празднике, и сказала, что она и отец были бы так рады, если бы он пошел ко всенощной.

Как обычно при таких разговорах, сын раздраженно ответил, чтобы они оставили его в покое, так как он уже не маленький, и что ему нечего делать в той тесноте и духоте, которая сейчас в церкви.

«Смотри, Коля, не наказал бы тебя Господь», – сокрушенно сказала мать.

В тот же вечер Коля, что-то доставая, поднял руку. Внезапно он почувствовал, что как будто кто-то ударил его под руку, и от резкой боли он даже вскрикнул. Боль затем уже не проходила, а под рукой быстро обозначилась опухоль, которая стала прямо на глазах расти. Ночью он не мог спать от страдания, а к утру опухоль приняла очень внушительные размеры. Приглашенный врач определил болезнь – так называемое «сучье вымя».

На громадной опухоли начали обозначаться головки многих нарывов. Врач сказал, что пока надо терпеть, так как резать опухоль можно будет лишь тогда, когда созреют нарывы.

Страдания Коли от боли были очень велики, и он совершенно лишился сна.

В это время матери Коли принесли изображение преподобного Серафима Саровского, который незадолго до того был прославлен.

Видно, последние слова матери запали Коле в сердце. Вечером он попросил у матери изображение преподобного и унес его в свою комнату.

Мать ночью была разбужена его криком.

Войдя к нему в комнату, она увидела Колю сидящим на постели, которая вся, как и пол, была залита огромным количеством гноя, вытекшего из прорвавшейся опухоли.

«Мама, – сказал Коля, – ко мне только что приходил преподобный Серафим. Он сказал мне, что если я не исправлюсь, то погибну. Потом он коснулся моей руки, от чего тотчас же прорвалась опухоль. Теперь нет уже никакой боли и рука совершенно здорова».

Коля не только стал снова верующим, но поступил в духовную академию и затем принял монашество с именем Серафим. Позднее он стал всеми почитаемым епископом и с небесною славой Христова исповедника окончил свою жизнь.

5. Как я стал священником (Рассказ отца И. К.)

Мысль, что мне суждено стать священником-пастырем, мне пришла после следующего случая.

Однажды юношей я сидел недалеко от стада овечек. Вдруг одна овечка отделилась от стада и побежала ко мне. Подбежав, она поцеловала меня в губы и затем снова вернулась к стаду.

Отклонение человека от образа и подобия Божия. Болезни души

Глава 7. Грех, рабство души и глубина падения

Все мы много согрешаем. Иак. 3, 2 «Душа, – говорит прп. Макарий Египетский, – не имеющая в себе Божия света (т. е. жизни самосушей), но сотворенная по Божию образу (ибо так домостроительствовал и благословил Бог, чтобы она имела вечную жизнь), не из собственного своего естества, но от Божества Его, от собственного света Его восприимлет духовную пищу и духовное питание, и небесные одеяния, что и составляет истинную жизнь души».

Но (как пишет Н. в своей книге «Путь чистоты и священного молчания») «преступлением первозданного Адама человек оторвался от вечного источника Божественной любви и жизни и тем самым отдал себя во власть призванной им к бытию стихии смерти.

Поставленный волей Божией на границе мира духовного и физического, призванный отражать в мир физической природы лучи Божественного Логоса – вечного Солнца умного мира – и владычеством любви владычествовать над всей природной тварью, человек своим актом отвержения Бога разорвал связь миров духовного и физического и последний вместе с собою подчинил рабству тления и смерти, заменив закон любви законом ненависти и всеобщей вражды. Первым последствием первородного греха как отрыва от вечного источника абсолютной жизни и силы было ослабление природы человека во всех отношениях. Обессиленный дух не мог сохранить своего владычества над душой и телом.

Печать смерти и тления лежит на самом акте рождения новой жизни. В болезнях матери должен человек рождаться на свет, в болезнях провести недолгую жизнь, чтобы в болезнях встретить на земле свой конец».

Человек мог бы заметить, что он раб своих привычек и установившихся склонностей и не в силах выйти из-под их власти, а его ум чаще всего носится по бесконечному дурному кругу житейской суеты, рассеянности, пустого любопытства и т. п.

Обычно мысль человека скована житейскими попечениями, господствующими в его круге мирскими интересами, очередными новостями и происшествиями и т. п. И все это заслоняет его мысль от вечной истины, от Бога и Его заповедей.

Человек решает в течение дня массу житейских вопросов, но такие вопросы, какова цель его жизни, как приблизить себя к Источнику жизни, счастья, духовного света, радости и блаженства – к Богу, как развить в себе добродетели и приобщиться к красоте духа и т. п. – все эти вопросы чаще всего совсем не ставятся или остаются неразрешенными, и нет возможности найти время, чтобы над ними задуматься.

Мы чаще всего прощаем себе разные «малые» грехи. А о них так пишет о. Иоанн С:

«Почему нетерпение в малом, ничтожном деле, одно простое движение сердца к нетерпению есть уже грех и наказывается внутренне тотчас же? Равно и всякое мгновенное движение сердца ко греху есть уже грех. Итак, поскольку всякий малый грех ведет к большому, то он и наказывается всегда в самом начале и должен быть сокрушаем».

Всякий грех о. Иоанн С. называет огнем, который сжигает в душе какую-то из добродетелей.

Старец о. Алексей М. считал за грех даже внутреннее нетерпеливое движение души. А так как судиться будет наша душа, а не тело, то всякая греховная мысль есть пятно на одежде души.

Поэтому тяжесть мысленного греха Господь приравнял к тяжести греха делом: «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28). «Не пожелай», – говорит Господь в Своих заповедях (Исх. 20, 17). И Он судит, когда человек желает незаконного, противного истине, добру и красоте...

Человек может быть в какой-то степени оправдан в плохом поступке, когда он действовал, например, по принуждению человека со злостью, более сильной волей. Ему может быть сделано снисхождение и за слова, которые могли быть сказаны легкомысленно или от невольного подражания окружающим.

Но в отношении пожеланий у души не может быть оправданий. Она свободна желать добра или зла и следовать в своем чувстве за истиной или ложью.

Итак, бездна мысленного греха лежит в глубине нашей души и в затаенных стремлениях сердца, скрытых от мира, а чаще всего и от нас самих, но видимых для Господа.

Как пишет проф. Карл Адам (в книге «Иисус Христос»):

«Тайный антибожественный инстинкт присущ падшей человеческой природе, затаенное влечение к самообожению, скрытое бунтарство раба, который ощущает Бога как ярмо и Ему противится».

А В. Соловьев утверждает:

«В глубине нашего существа, в самой основе нашей души иногда для нас вполне незаметно таится и скрытно действует сила темная, безумная и злая. Это есть та самая сила, которая отделяет нас от всего и ото всех, побуждает замыкаться в самих себя, делает нас непроницаемыми и непрозрачными: она есть сила бессмысленная и начало всякого безумия».

Как пишет священномученик прп. Петр Дамаскин:

«Наши согрешения числом превышают песок морской, а по тонкости своей, как пыль, многим неведомы».

То же подтверждает и прп. Макарий Великий, который пишет:

«Мир страдает недугом порока и не знает того... Князь лукавства, будучи некою мысленной тьмою греха и смерти, каким-то сокроуенным и жестоким ветром обуреует и кружит весь на земле человеческий род, непостоянными помыслами и мирскими пожеланиями уловляя человеческие сердца, и тьмою неведения, ослепления и забвения наполняет всякую душу, не рожденную свыше... Грех овладел пажитями души до глубочайших ее тайников».

А психиатр Зигмунд Фрейд говорит:

«Нет той грязи и извращенности, которая не гнездилась бы в душе обычного «нормального человека»».

О страшном влиянии греха на душу человеческую и о невозможности освобождения от него без Божией благодати пишет так и мудрый пастырь о. Иоанн С:

«Никто да не думает, что грех есть нечто маловажное; нет, грех страшное зло, убивающее душу ныне и в будущем веке. Кто не знает, как трудно без особенной благодати Божией обратиться грешнику с любимого им пути греха на путь добродетели! Как глубоко грех пускает в сердце грешника и во всем существе его корни свои, как он дает грешнику свое зрение, которое видит вещи совсем иначе, чем они есть в существе своем, представляясь ему в каком-то обаятельном виде. Потому мы видим, что грешники весьма часто и не думают о своем обращении и не считают себя великими грешниками, потому что самолюбие и гордость ослепляют им глаза; если же почитают себя грешниками, то предаются адскому отчаянию, которое разливает глубокий мрак в их уме и сильно ожесточает их сердце. Если бы не благодать Божия, никто бы из грешников не обратился к Богу, так как свойство греха – омрачать нас, связывать нас по рукам и ногам».

По словам епископа Феофана Затворника, сердце человека есть «гнильный струп, издающий отвратительный смрад».

Далее он говорит:

«Взгляните, понаблюдайте за сердцем вашим в продолжение небольшого времени и увидите, что в нем делается: получили неприятность – рассердились; встретили неудачу – опечалились; увидели равного себе, готового занять высшее место, – начинаете завидовать; подумали о своих совершенствах – заболели гордостью; человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть так и поражают бедное сердце».

Даже праведник о. Иоанн С. так говорил о себе в конце своей жизни:

«Какая разбойничья ватага страстей действует во мне... и ночью в разных грезах. Какой вертеп мысленных разбойников – душа моя».

В своей книге «Моя жизнь во Христе» он так характеризует себя:

«Я часто противлюсь Богу, Его законам. Я часто малOVER, невер, самолюбив, гордец, презритель других, завистник, скупец, любостяжатель, сребролюбец, плотоугодник, угождаю всячески плоти своей, честолубец, нетерпелив, раздражителен, ленив, не состражду страждущим как членам единого тела Церкви».

Как правило все мы горды и очень высоко ценим себя, приписываем все удачи жизни своим заслугам и достоинствам, самодовольны, смеемся над чужой неопытностью и оплошностями; а к подвигам богоугождения мы ленивы, косны, нерадивы и готовы все это оправдать доводами нашего рассудка.

Как пишет о. Иоанн С:

«Когда бы нам дал Господь видеть всю глубину сердец человеческих, то очи наши с ужасом отвратились бы от этого скопища всякой нечистоты».

По существу, всеми грешниками владеет в какой-то мере темная сила. Она держит сердце человека, отравляет мысль, парализует волю.

Еп. Игнатий (Брянчанинов) говорит:

«Божественное откровение научает человека, что он – создание Божие и раб Божий, но раб преступный, создание отверженное, пресмыкающееся и гибнущее в падении своем. Отравленный общением с начальником и родителем зла, с исступленным и упорным врагом Бога, с ангелом падшим, лишенный естественной свободы подчинением этому всезлобному духу, человек извратил свое естественное отношение к Богу, соделался врагом Божиим подобно ангелу падшему».

Но не только для грешающего человека лично грех имеет значение. Грех есть космическое зло, о чем так говорит схиархимандрит Софроний:

«Грех совершается в таинственной глубине человеческого духа, но последствия его поражают всего человека. Грех совершенный отразится на душевном и физическом состоянии человека; он отразится на внешности его; он отразится на судьбе самого творящего грех; он выйдет неизбежно за пределы его индивидуальной жизни и отяготит злом жизнь всего человечества, а следовательно, отразится на судьбе всего мира. Сила космического зла над человеком колоссально велика, и ни один из наследников Адама не может преодолеть его без Христа и вне Христа».

Эту глубокую порчу нашей природы – порабощение греху – так характеризует ап. Павел:

«Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, что не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех... По внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек!»

Но не для того пишет ап. Павел, чтобы привести нас в отчаяние или уныние от нашего бессилия в борьбе с нашими дурными склонностями! Он противопоставляет и разделяет нас от греха, т. е. он говорит: душа – это пленница когда-то поработившего ее греха.

И хотя она еще не избавлена совсем от своего злого поработителя, но она уже не судится так, как судится грех и судится сам поработитель.

Задавая себе вопросы: как достигается победа и «Кто избавит меня от сего тела смерти?» – апостол Павел с радостью и торжеством отвечает: «Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим» (Рим. 7, 15–25).

Благодать Господа через покаяние очищает и преображает человеческую душу. Для получения ее необходимо глубокое сознание своей греховности и немощи. Об этом так говорит мудрая игуменья Арсения:

«Не скорби, что не видишь в себе ничего доброго, даже не ищи добра в себе. Человеческое добро мерзость есть перед Господом. Радуйся своей немощи, своему бессилию. Истинное добро есть Господь. Он – разум, Он и сила. Молись, чтобы Он наполнил твое сердце, чтобы Он как истинный Свет просветил твой разум, чтобы Он был силою, в тебе действующею, чтобы Он царствовал в тебе. Твое же навсегда останется немощным и бессильным».

Что одна лишь горячая любовь к Богу и стремление к богоугождению может предохранить христиан от греха, говорит и митрополит Филарет Московский. В одном из писем он пишет:

«Когда котел кипит в огне, тогда не смеют к нему приблизиться ни насекомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовленную в нем для человека. Но когда снимается с огня и остывает, тогда насекомые роятся около него и падают в него, и наглый пес может приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человека кипит огнем божественного желания, сей духовный огонь служит ей в одно время и силою для действования, и броней для защиты. Но если небрежение допускает угаснуть сему огню и благочестивое усердие остывает, то суетные, лукавые, нечистые помыслы рождаются и роятся в области чувственной, падают в глубину души и оскверняют ее, и может прийти наглая страсть, и расхитить в душе, что в ней уготовлялось для благоугождения Богу».

О том же так говорит и египетский отшельник Диокл:

«Тот, чья душа не привязана к Богу, увлекается какою-нибудь страстью и становится подобным демону или животному: животному, если он предается плотским наслаждениям, и демону, если предается злобе. Если же душа занята каким-нибудь благочестивым размышлением или делом, то в это время она находится с Богом».

Приложение к главе 7-й

Пессимистичен взгляд о. Александра Ельчанинова на души человеческие. Об этом говорят те строки его дневника, в которых он так рисует основные части плана души.

1) Таинственная, внутренняя, неведомая нам жизнь духа – настоящая гарантия нашего спасения, то, что от св. крещения, от Таинства, от дыхания Духа Святого в нас.

2) Облако псевдодобродетелей, изуродованных, объединенных, как кислотой, тщеславием: наши будто бы добрые дела, наша будто бы молитва, наша правдивость, прямота – это облако закрывает нам истинную жалкую картину нашей души и мешает покаянию.

3) Тучи действительных грехов, о которых мы не помним, которые себе с легкостью прощаем: ежеминутное осуждение, насмешки, пренебрежение, холодность, злоба.

4) Наконец, под всем этим – глубокие, старые пласты, сливающиеся родовыми и общечеловеческими: основные, глубокие грехи, от которых, как смрадные испарения, поднимаются богохульные мысли, побуждения, всякая нечистота, чудовищные извращения...

Глава 8. Страсти

Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Гал. 5, 24

Как говорилось выше, душа человеческая постоянно подвергается воздействию прилогов, навязываемых ей темной силой, – греховных мыслей и пожеланий.

Борьба с прилогами не так трудна, если сердце человека находится в состоянии духовного бодрствования и способно противиться появлению «сочетаний». Здесь – как бы смахнул комара, и нет его.

Но если появилось уже «сочетание», если «комар» успел впустить свое жало и задел самое сердце, то от человека требуется уже некоторое духовное усилие при противодействии искушению. Еще опаснее «пленение». Последнее, по определению прп. Филофея Синайского, является «насильственным и невольным отведением сердца (в плен), удержанием в нем и слиянием будто в одну жизнь с предметом пленившим».

В том случае, если «пленение» становится долговременным или часто появляющимся, хроническим, то

душа будет в состоянии страсти.

Отсюда существуют следующие ступени, по которым грех входит в нас: образ – прилог, внимание; интерес – сочетание; влечение – пленение, страсть.

Как на источник происхождения страстей святоотеческая литература указывает на темную силу. Прп. Иоанн (сподвижник прп. Варсонофия Великого), говорит, что «страсти суть демоны». А о. Иоанн С. так характеризует силу влияния на человека страстей:

«Страсть горяча, смутна, необдуманна, зла, стремительна».

Схиархимандрит Софроний дает такое определение страстей:

«Подпадая демоническому влиянию, человек претерпевает поражение своей богоподобной свободы и отпадает от Божественной жизни. Такое состояние как страдательное в аскетике именуется «страсть». В этом наименовании выражена, с одной стороны, идея страдания в смысле пассивности и рабства, с другой – идея страдания в смысле разрушения и смерти... Когда какой-либо страстный помысел или образ утвердится в душе, тогда человек становится в той или иной мере одержимым. Страсти суть «одержимости» различной степени напряжения и силы».

Итак, страсти есть болезни, язвы души демонического происхождения, которые при сильном развитии их ведут душу к духовной смерти. В состоянии страсти человек находится как бы в состоянии душевного опьянения.

Св. отцы называют восемь главных страстей: чревоугодие, блуд, печаль, уныние, сребролюбие, тщеславие, гордость и гнев. Некоторые из этих основываются на извращении потребностей тела. Сюда относятся страсти чревоугодия и блуда. Другие страсти проникают через мысли и ум и основываются на маловерии души. Сюда относятся печаль и уныние. Страсти печали и уныния имеют много общего, но между ними есть и различие.

Печаль противоположна радости и характеризуется затаенным недовольством души чем-либо из происшедшего и

существующего, отсутствием живого чувства веры в Промысл и в неизменную благодать Божию.

Ангел-"пастырь» так говорил Ерму о действии печали:

«Мирская печаль оскорбляет Духа Святого, помрачает разум и препятствует исполнению молитвы, ибо печальная молитва не восходит к престолу Божию».

Однако бывает и спасительная печаль. Такая печаль бывает тогда, когда человек согрешил и скорбит о сделанном грехе. Побитому ап. Павел пишет: «Печаль ради Бога производит покаяние... печаль мирская производит смерть» (2Кор. 7, 10).

Уныние противоположно бодрости, или трезвению и характеризуется бездеятельностью, инертностью человека в силу подавленного состояния духа.

Может быть, не всем ясно, почему такое состояние души, как печаль и уныние, св. отцы называют «страстями». И разве печаль и уныние так же страшны для человека, как другие страсти?

В ответ мы приводим мнение о том старца Зосимы из Троице-Сергиевой Лавры, который говорил, что «мы должны быть бодры и очень оскорбляем волю Господню, когда от горестей, постигающих нас, впадаем в уныние, ропот, отчаяние, безмерную печаль, окаменелое нечувствие. Эти страсти – преддверие геенны огненной. Душа, унывая, уже вся горит в огне, хуже геенского, нет в ней больше никакого чувства, кроме одного острого, больного, все убивающего, все сжигающего.

Ни в каком случае и ни при каких обстоятельствах не унывайте. Уныние – это палач, который убивает энергию, необходимую для получения в сердце Духа Святого. Унылый теряет молитву и умирает для подвига».

Вот почему прп. Серафим Саровский дивеевским сестрам велел больше всего бояться уныния и от него бегать, как от огня. Он говорил: «Нет ничего пагубнее духа уныния!» Чтобы избегать его, он даже велел сестрам всегда быть не только сытыми и кушать вволю, но и на труды брать с собою хлеба.

Сребролюбием называется страсть, основанная на склонности сердца к материальным благам и ценностям. Может быть, некоторым пристрастие к материальным благам может

казаться чем-то незначительным. Но это не так. Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Сребролюбие, казалось бы, грех второстепенный; на самом деле это грех чрезвычайной важности – в нем одновременно фактически отвержение веры в Бога и любви к людям и пристрастие к низшим стихиям. Оно порождает злобу, окаменение, многозаботливость. Преодоление его есть частичное преодоление всех этих видов греха».

Это находится в полном соответствии со словами ап. Павла, который пишет: «Корень всех зол есть сребролюбие» (1Тим. 6, 10).

Самую губительную и ненавистную для Бога страстью является гордость – возведение себя самого в кумиры, почитание себя выше других, обольщение собою, своими достоинствами, способностями, умом и т. п.

«Нет никакой другой страсти, – пишет св. Иоанн Кассиан, – которая бы так истребляла все добродетели, как злая гордость. Она, как всеобъемлющая некая зараза, не довольствуется расслаблением одного какого-нибудь члена или одной части, но все тело повреждает смертельным расстройством.

Всякая другая страсть довольствуется своими пределами и своей целью, и хотя тревожит и другие добродетели, однако же против одной главным образом направляется.

Так что иногда преданный одной какой-либо страсти (например чревоугодию и др.) не совсем бывает чужд других добродетелей, а эта (гордость), коль скоро овладевает бедной душой, то, как какой-нибудь свирепый тиран по взятии самой верхней крепости (добродетели) весь их город до основания разоряет».

С гордостью связана и страсть тщеславия. Об этих страстях и их значении будет говориться еще особо (в части 3, главе 27).

Гнев – это «пожар души», по выражению св. отцов.

По словам о. Иоанна С, «гнев есть страшное, противоестественное явление в человеке» и является внезапным и резким обострением недовольства души кем-либо.

Гнев основывается на острой неприязни, гордости, самолюбии, а также маловерии или неверии души; душа не

сознает во время приступа гнева, что во всем происшедшем надо видеть волю Господню, всегда благую и совершенную.

Как пишет еп. Феофан Затворник:

«Гневливость проявляется, когда ты считаешь себя выше других; считай себя меньше и ты избежишь этого. В борьбе с гневом хорошо: 1) молчать, 2) удаляться от возбуждающего гнев; 3) просить прощения; 4) внутренне взывать к Господу об умиротворении сердца».

Бывают, однако, случаи и безгрешного гнева.

Господь сказал: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду» (Мф. 5, 22).

Какой же бывает не напрасный гнев?

На это св. Пимен Великий дает такое разъяснение:

«Напрасным признается гнев за всякую обиду, какою бы ни обидел тебя брат твой; даже если бы он выколол у тебя правый глаз или отсек у тебя правую руку и ты на него прогневался, то прогневался бы напрасно. На того имеешь право разгневаться, кто хочет отлучить тебя от Бога».

Начальная стадия гнева – это раздражение, которым мы часто страдаем и на которое так мало обращаем внимания. Мы очень склонны легко извинить его усталостью, утомлением нервной системы, болезненностью и т. п.

Однако оно не простительно ни при каких обстоятельствах. Оно свидетельствует о том, что мы в это время находимся во власти темной силы и грешим тяжким грехом против любви к ближнему.

Здесь вместе с тем страсть начального гнева объединяется с гордостью; мы во всем оправдываем себя и своими резкими словами и осуждением заражаем часто и душу ближнего душевными пороками раздражения, осуждения, неприязни, самооправдания и превозношения.

Когда мы чувствуем себя больными, мы стараемся узнать у врача характер нашего заболевания и просим вылечить нас. Но как мы мало интересуемся тем, чем мы больны духовно!

А ведь так важно знать полный диагноз наших душевных болезней, знать, какие страсти преимущественно владеют нами. И узнав главнейшую из наших душевных болезней, нам надо

начать лечиться, обращая вначале особое внимание на господствующую страсть.

Как победить в себе страсти?

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Каждое сопротивление, оказанное требованию страсти, ослабляет ее; постоянное сопротивление низлагает ее. Каждое увлечение страстью усиливает ее, постоянное увлечение страстью поработщает страсти увлекающегося ею».

Наиболее же совершенно страсти побеждаются при развитии противоположных страстям добродетелей и очищении сердца путем усиленных молитв и духовных подвигов.

Так, если разовьется смирение, то угаснут гордость и тщеславие. Если расцветет кротость, то не будет места раздражению и гневу; если в душе будет господствовать радость, то не будет места печали и т. д.

Развитие же добродетелей произойдет путем достижения единой цели христианина – стяжания им Духа Святого Божия. Но это дается не сразу. Исцеление от страстей также требует многолетней борьбы.

«Мне потребовалось 15 лет, чтобы победить гнев», – свидетельствовал один из великих подвижников. А прп. Серафим говорил: «Добродетель не груша, ее сразу не съешь».

Итак, всем начинающим свой путь ко спасению надо помнить не только об его «узости» и необходимости многих трудов, но и о том, что даже годы могут пройти, пока будут замечены признаки искоренения страстей и насаждения добродетелей.

Вот как об этом свидетельствует игумения Арсения (Усть-Медведицкого монастыря), с детства начавшая свою духовную жизнь и еще молодой девушкой поступившая в монастырь:

«Помню, как я стала жить с матушкой (Ардалионой – своей старицей), часто слушала ее наставления о пути спасения и, как будто созерцая этот путь от начала и до конца, я часто спрашивала у матушки: «Где я?» – и матушка всегда отвечала, что меня нет нигде, потому что во мне еще нет ничего, что служит залогом спасения, нет даже

живого сознания гибели, которое заставляет искать истинного спасения. Признаюсь, я не вполне понимала тогда матушкины слова, хотя и верила им и скорбела за свое состояние, но потом живо почувствовала их истину».

Дожив до 41 года, игуменья Арсения достигла и чистоты помыслов, и чистоты чувств, и нерассеянной молитвы. И в то же время она живо переживала, что страсти еще не побеждены. Вот как пишет она в одном письме про свое состояние в это время:

«Чистоту помыслов и чистоту чувств нетрудно приобрести уединением, чтением (духовным), упражнением в молитве; но чистота сердца многими смертями приобретается, она есть совлечение страстей. Попробуйте уединиться на некоторое время, попробуйте отрешиться от всякой заботы и попечения, отдайтесь молитве – и вы увидите, как улягутся смятенные помыслы, как успокоятся раскаченные чувства, вы начнете в мирном и внимательном настроении молиться. Но так в груди есть тяжесть непонятная, которая давит и давит. Без всяких порывов, без всяких желаний, но лежит, как камень на сердце, производит тьму и тесноту, которая, как стена, стоит между душою и Господом. Эту стену может разрушить только благодать Божия при нашей решительной борьбе со страстями по заповедям Божиим».

Как мы видим из этого свидетельства игумении Арсении, надо различать чистоту ума от чистоты сердца. И даже мирная нерассеянная молитва еще не служит показателем победы над гнездящимися в сердце страстями.

Как свидетельствуют св. отцы и старцы, никто из христиан пусть не думает, что его страсти совершенно искоренены. Они могут быть после покаяния и подвигов как бы приглушены Божией благодатью, но они сейчас же оживают вновь и властно вновь овладевают душою, если за какой-либо грех, самомнение, гордость, жестокость к ближнему, превозношение и т. п. благодать Божия оставит человека. В истории Церкви для этого имеется много свидетельств (см. например, житие прп. Иакова Постника – 4-го марта ст. стиля).

Может быть, у некоторых из христиан появится вопрос: зачем Господом допущены такие губительные искушения души, как приражения страстей?

На этот вопрос так отвечает прп. Исаак Сириянин:

«Душе быть доступною страстям – полезно для уязвления совести; пребывать же в страстях – дерзко и бесстыдно. Бесстрастие же не в том состоит, чтобы не ощущать страстей, но в том, чтобы не принимать их в себя».

Страсти мучают душу, однако они не тем только дурны, но, как говорит старица Ардалиона (Усть-Медве-дицкого монастыря):

«Они дурны больше потому, что не дают душе приобщиться блаженства – единения души со Христом. И самое добро не предел стремлений души: покой души – один Бог».

Глава 9. Пристрастие

Ничто не должно обладать мною. 1Кор. 6, 12

От страстей надо отличать пристрастие.

Как мы знаем, сатана постоянно нападает на души людей.

Целью его усилий является удаление души от Бога всеми доступными для него средствами. Он старается, чтобы мы создали для себя свой кумир, которому вместо Бога отдали бы свое сердце, о котором бы постоянно думали.

Для этого он прельщает нас различными видами земных благ – богатством, славой и властью; прельщает всеми видами пристрастий к людям, животным, вещам, науке, технике, искусству, светской литературе, поэзии, спорту и т. д.

В частности, про опасность пристрастия к искусству так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Таинственная сфера искусства, такая пленительная, такая околдовывающая, так мало приближает своих служителей к тому, что мы считаем истиной; для них обычные черты – эгоизм, гордость, жадность и слава, часто крайняя чувственность. Во всяком случае, сфера искусства – не духовная сфера, а область чистой душевности».

Часто сам предмет пристрастий может быть совершенно не предосудительным, но он будет занимать сердце, будет стоять в нем на первом плане или слишком почетном месте, будет кумиром сердца. И в этом случае он будет отлучать от Бога, мешать выполнению Его заповедей.

Например, пристрастие (не Христова любовь) к детям или близким может повести к отречению от Бога. Пристрастие к имуществу, науке или какому-нибудь виду материальных благ может настолько владеть человеком, что у него почти или совсем не будет внимания к Богу и к выполнению Его заповедей.

Бывают пристрастия и к хорошим, благословенным предметам, но все же и здесь они будут препятствием к стяжанию Духа Святого Божия и духовному росту. Так, например, ради пристрастия к чтению духовных книг христианин может пренебрегать молитвой, своими обязанностями по отношению к ближним и т. п.

Игуменья Арсения так говорит про все виды пристрастий:

«Если случится увлечься чем- (или кем-) либо, то это временное утешение оскверняет сердце, делает человека более неспособным к принятию Господа, одним словом, отодвигает его от цели». Вместе с тем пристрастия всегда лишают мира душу человека. Как говорит подвижник благочестия И. И. Троицкий: «Если в душе есть хотя малое пристрастие к чему-нибудь или кому-нибудь, то печалей не минуешь».

В некоторых случаях пристрастия могут вредно отзываться и на здоровье тела (например, пристрастие к вину, табаку).

Как преодолеть пристрастия?

Здесь очень важно вовремя обнаружить их в себе, или, говоря медицинским языком, поставить правильный диагноз своей духовной болезни. Это обычно бывает нелегко, и христианин часто склонен считать за добро то, что идет от лукавого, мешает его духовному росту и угнетает душу.

Вот почему очень важно жить под руководством старцев или иметь опытных духовных отцов, которые могли бы вовремя указать на душевное нездоровье.

За отсутствием таковых надо внимательно прислушиваться к мнениям духовно близких. Господь так милостив, что отовсюду мы можем получить Его указания и помощь, если только будем смиренны и заострим наш духовный слух.

Метод лечения от пристрастий все тот же, как и при всех болезнях души: горячая просьба о помощи ко «Врачу душ и телес наших», неотступная молитва об избавлении от пристрастия.

Здесь следует сказать, что Господь нередко Сам посылает Своим избранникам благодетельные врачевания для избавления от пристрастий. Предмет пристрастия часто занимает самое почетное – первое место в сердце человека, которое должно принадлежать только Богу. Поэтому пристрастие и нетерпимо «Богу-ревнителю» как оскверняющее сердце и отдаляющее его от Бога.

Даже и у праведных людей бывает какое-либо сильное пристрастие – как бы ахиллесова пята в их душевном теле добродетелей. Сюда-то и направляется Богом врачевание. Примеров этому можно найти много в Библии.

Так, патриарх Иаков любил Рахиль, а получил вначале в жены Лию. Он более всего любил двух сыновей Рахили – Иосифа и Вениамина; но из всех двенадцати сыновей Господь отнимает как раз Иосифа, а впоследствии и Вениамин остается заложником в Египте и т. д.

Посылая подобные испытания, Господь показывает Своим избранникам, что их сердце не таково, чтобы все в нем уподоблялось «ненависти» (Лк. 14, 26) по сравнению с любовью к Богу.

Так часто лишь путем переживания тяжких испытаний сердце человеческое может исцелиться от пристрастий.

Значение земных пристрастий ярко сказывается при переходе души в загробный мир: тяжело умирать душе, имеющей много земных пристрастий и привязанностей. Благо тогда тем, кто вовремя от них освободился.

Глава 10. Испышания

Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Мф. 26, 41

Один из посетителей Старого Афона обратил внимание на то, что слово «искушение» не сходит с языка афонцев и встречается у них чуть ли ни в каждой фразе. И это не без причины.

Тот же посетитель сам признался, что нигде в мире он не встречал такой серьезности в отношении к делу спасения своей души, какую он встретил на Афоне. Этим следует объяснить и пристрастие афонцев к слову «искушение».

Последнее, к сожалению, принадлежит преимущественно лексикону монахов. Понятие об искушении чуждо светскому миру, и если здесь употребляется это слово, то только в очень узком смысле – в смысле искушения плоти.

Между тем значение психологического феномена – искушения – настолько важно для нашей духовной жизни, что всякому христианину необходимо иметь о нем глубокое познание и применять это познание на опыте жизни в своей никогда не прекращающейся «невидимой брани» с лукавым духом.

Что такое искушение?

В лексиконе духовной литературы словом «искушение» обозначаются два понятия.

Во-первых, искушением называют все тяжелые, неприятные для души переживания, приходящие к человеку извне по Божью попустительству – в наказание, для исправления, для испытания в вере и т. д. Сюда будут относиться болезни, материальная нужда, обиды и несправедливости от людей и т. п. Об отношении к ним христианина будет подробно говориться в 3-й части наших очерков, в главе «Перенесение скорбей».

Во-вторых, искушением называется состояние души, когда ей непосредственно темной силой или через слова людей навязываются мысли, а сердцу чувства или пожелания, нарушающие душевный мир или влекущие к нарушению Божественных заповедей, требований совести и разума.

Подобное искушение неизбежно для каждого человека, пока он живет на земле. Сам Господь в пустыне был искушаем от

дьявола (Мф. 4, 7–11).

«Чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим», – пишет ап. Павел коринфянам (1Кор. 7, 5).

И во всем Священном Писании источником искушений часто рисуется сатана. Также и в молитве Господней непосредственно после прошения «не введи нас во искушение» следуют слова «но избави нас от лукавого».

Господь сказал: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам» (Мф. 18, 7). Почему же Господь допускает искушения и говорит, что «надобно придти соблазнам»?

На этот вопрос так отвечает пастырь о. Иоанн С:

«В жизни христианской необходимы искушения, пробы для испытания нашего духовного состояния... Как для пробы каких-либо вещей, например серебра, нужны инструменты, так и для пробы или испытания души нужны люди, которые намеренно или вовсе неумышленно своими поступками в отношении к нам делали бы явным и для нас и для других – покорны ли мы Божиим повелениям, объявленным нам в Евангелии, или нет – по духу ли мы живем, или по плоти?»

Вместе с тем можно думать, что счастье вечной жизни и будущего пребывания с Богом в Царстве Небесном так велико и является таким неоценимым и ни с чем не сравнимым даром человеку от Бога, что может приобретаться также лишь за многие подвиги – преодоление искушений и соблазнов при длительном испытании души человеческой.

«Если бы не было искушений, никто бы не получил Царства Небесного», – говорил прп. Антоний Великий.

Вместе с тем св. отцы говорят, что лишь путем преодоления искушений в христианине умножаются опытность и духовная сила.

Вот почему дьяволу непосредственно или через людей попускается искушать всякого человека. Как пишет прп. Варсонофий Великий одному из своих учеников:

«Неужели ты думаешь, что дьявол перестанет искушать кого-либо?»

Действительно, наш искушитель сатана и его воинство в течение тысячелетий не устают изощряться в искушениях людей

– каждой человеческой души.

Одним из типичных видов мысленных искушений является пробуждение в людях маловерного беспокойства за свое существование и за обеспечение себя и своих близких всем необходимым для тела, сожалений о каких-либо упущенных возможностях или ошибках при достижении материальных благ, зависти к чужому преуспеянию, недовольства своим материальным положением и т. п.

Пораженная искушением душа забывает заповеди и обетования Господа: «Не заботьтесь... что вам есть и что пить...» – и впадает в маловерие, суету и многопопечительность.

Другим видом мысленных искушений является боязнь воображаемых опасностей и предвидение возможности различных несчастий. Боязливая и маловерная душа в этих случаях полна беспокойства и тревоги.

Ей уже кажется, что все ее опасения сбываются, она уже переживает в мыслях несчастье и мучается и страдает понапрасну.

Как утопавший в волнах ап. Петр, она смотрит только на призрачные житейские волны, тонет в них, забывая, что около нее стоит Христос, готовый в каждый момент протянуть руку и спасти от гибели, и что надо смотреть всегда не на призрачные волны, а на спасающего и поддерживающего Христа.

Одним из мысленных искушений являются сожаления. «Как жаль, что так получилось», – думаем мы; «а! как было бы хорошо, если бы дело пошло по-иному...» и т. д. И здесь мы расстраиваем себя бесплодными сожалениями и грешим против надежды на Промысл Божий о нас, против веры в то, что Господь Благ и Милостив и устраивает нашу жизнь так, как полезнее для нас. Также часто ловит нас лукавый в искушении бесплодными самоукорениями: «Зачем я сделал так?», «Зачем я согласился на это?», «Зачем выбрал этот путь?», «Зачем дал такое обещание?» и т. д.

Самоукорение имеет смысл только тогда, когда мы укоряем себя в грехе. Тогда полезно помучить себя укорами, чтобы больше не повторять греха и засвидетельствовать Богу свое

покаяние. В житейских же делах самоукорение является только искушением и вредно, так как рождает печаль и уныние и поэтому на руку нашему врагу.

Если же мы даже и ошиблись, то и это, надо думать, случилось не без Промысла Божия, чтобы смирить нас, показать нам нашу немощь. Чаще всего жизненные неудачи обличают нас в том, что мы в делах надеемся на себя, а не на помощь Божию и забываем перед ними внимательно помолиться, передавая их в руки Божии.

Если человек мудр и наблюдателен в жизни, то он никогда не будет искушаться в самоукорениях и надеяться на себя, свои силы, свое знание жизни и сообразительность. Даже премудрый Соломон не считал, что исключительно мудрость и способность человека могут влиять на житейские дела.

Он пишет: «Обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достигается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их» (Еккл. 9, 11).

Итак, все наши житейские успехи и неудачи – все зависит от воли Божией, и если наша совесть спокойна, то нам незачем укорять себя при неудачах в житейских делах.

Есть и еще случай, когда мы искушаемся и когда надо быть очень внимательным к себе. Это совершение нами какого-либо доброго дела. Дьявол в этих случаях более, чем обычно, злобится на нас и старается на нет свести результаты нашего дела, испортив его каким-нибудь проступком невоздержания.

Так, оказав милость ближнему, мы можем пожалеть в душе об отданных ему материальных благах, опечалиться от этого и расстроиться. В других случаях мы захотим потщеславиться сделанным и расскажем о нем кому-либо, чем уничтожаем себе награду от Господа (Мф. 6, 1). В третьем случае мы доброе дело испортим одновременным осуждением ближнего и т. д.

Следует, однако, учесть при этом, что, по словам прп. Варсонофия Великого, искушение не будет иметь места, если доброе дело было совершено с усердием. Искушения бывают и

при добрых чувствах и расположениях. Об этом игумена Арсения (Усть-Медведицкого монастыря) пишет так:

«Ко всякому (доброму) чувству враг примешивает свою отраву. Так, к сокрушению о греховности он примешивает отчаяние и безнадежие, и унывает душа и расслабляется; к отречению (от мира) – жестокосердие, холодность, бесчувствие; к любви – сладострастие; к утешению милостями, даруемыми Господом, – тщеславие и проч. Человек не может отделить этот яд от благого чувства, но при молитве именем Господа Иисуса Христа, произносимой верою от сокрушенного сердца, этот яд отделяется от света Христова, разгоняется тьма из сердца и видна становится сопротивная сила. От силы Христовой исчезает действие вражие, и в душе остается естественное состояние, не всегда сильное, но всегда чистое от плотской скверны, и безмятежное, и способное подклониться под действующую руку Божию».

Человек не может отделить этот яд от благого чувства, но при молитве именем Господа Иисуса Христа, произносимой верою от сокрушенного сердца, этот яд отделяется от света Христова, разгоняется тьма из сердца и видна становится сопротивная сила.

От силы Христовой исчезает действие вражие, и в душе остается естественное состояние, не всегда сильное, но всегда чистое от плотской скверны, и безмятежное, и способное подклониться под действующую руку Божию».

Одним из наиболее тяжелых искушений является искушение против любви – вражда или неприязнь к кому-либо из окружающих, часто близких и ранее любимых.

На сердце искушаемого лежит как бы камень, встают думы о неприятном для него человеке, вспоминаются ссоры, укоры, обидные слова, несправедливые обвинения и т. п.

Душа вся полна черных мыслей, горечи, раздражения, досады, обиды, и лукавый властно господствует над нею. И во всех случаях, когда на сердце нет признаков сопребывания Духа Святого – «любви, радости, мира» и т. д. (Гал. 5, 22), то она или совершила грех, или находится в искушении.

Одна из духовных дочерей старца Амвросия Оптинского долго была в мысленном искушении против старца.

«Однажды, войдя в приемную, где я находилась, – рассказывала она, – старец устремил свой взор куда-то сзади меня и гневно произнес: «Я прогоню эту черную галку»».

Если бы и у нас были открыты духовные очи, то мы видели бы около нас этих «черных галок», которые постоянно кружатся вокруг, беспокоят и мучают наши души, сменяя одна другую.

Попробовав проанализировать наше обычное душевное состояние, мы увидим, что одно беспокойство сменяется другим, одна суетливая забота следует за другой, пристрастие за пристрастием и т. д.

От этого в душе господствуют если не печаль или уныние, то тягость, оцепенение, «окаменелое нечувствие», холодность к Богу и ближним – все признаки отсутствия Духа Святого.

Для освобождения от такого состояния надо прежде всего заметить его ненормальность – распознать близость злого духа, открыть, через какое слабое место он проник в нашу душу.

Легче всего это сделать, если мы имеем постоянное общение со старцами и нашим духовным отцом. Но если последние почему-либо недоступны, то следует всеми своими наиболее значительными душевными переживаниями, сомнениями, смущением, больными и нерешенными вопросами делиться с опытными в духовной жизни людьми. Уже один рассказ о своем состоянии, обнаружение души перед другим часто является достаточным, чтобы искушение прошло; духи тьмы боятся света, боятся своего обнаружения и уходят, когда их козни обнаруживаются перед другими.

Если же для нас ясны наличие и причины нашего искушения, то надо немедленно обратиться в молитве непосредственно к Самому верховному «Врачу душ и телес наших» Господу Иисусу Христу, Который, «быв искушен, может и искушаемым помочь» (Евр. 2, 18).

«Господи, я вижу себя в искушении. Дай осознать и понять его. Помоги преодолеть его. И если я не в силах это сделать, то Сам победи и изгони борящего меня злого духа,

как некогда Ты победил его в пустыне и изгонял его из людей, одержимых им».

Если же искушение связано с осуждением, неприязнью или враждой к кому-либо из близких, то надо вспомнить о всем добром в этом ближнем и начать регулярно молиться за него.

И помощь Господня не замедлит. Ясным становится свое состояние, понятным искушение. И как только оно познается – искушение рассеивается, как дым. Освобожденной от него душе делается даже странным и удивительным свое прежнее состояние.

В недоумении она спрашивает себя: «И что в этом было заманчивого? Из-за чего было беспокоиться? Чего было бояться? На что было сердиться и обижаться? Чему было завидовать?» и т. п.

Следует отметить, однако, что в некоторых случаях Господь попускает длительные искушения и медлит в Своей помощи.

В одних случаях, для уже окрепших духовно, Господь попускает длительно нападать духу уныния, чтобы более закалить душу в духовной борьбе.

В других случаях, чтобы предохранить душу от самой губительной из страстей – гордости, Господь попускает подпасть на время менее опасной страсти – например слабости к вину и т. д.

Как говорит старец схимонах Силуан:

«Господь воспитывает душу человека, не отстраняя его от встречи со злом, а давая ему силу на преодоление всякого зла».

Здесь следует указать, что сила искушений возрастает по мере духовного роста человека, и чем выше поднимается человек по пути к святости, тем сильнее подвергается искушениям.

Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Пока ты еще на пути ко граду Царствия, признаком приближения твоего ко граду Божию да будет для тебя следующее: сретают тебя сильные искушения; а чем больше приближаешься и преуспеваешь, тем более находящие на тебя искушения умножаются. А потому, как скоро на пути

своем ощутишь в душе своей различные и сильнейшие искушения, знай, что в это время душа твоя действительно втайне вступила на иную, высшую ступень и приумножена ей благодать в том состоянии, в каком она поставлена, потому что, соответственно величию благодати, в такой же именно мере Бог вводит душу в скорбь искушения».

У св. отцов есть такие формулировки этого закона: «Ты за Бога – а враг за тебя!» и «Если кто приступает работать для Господа Бога, то пусть приготовит душу свою к искушениям».

Победив искушение силою Христа, душа богатеет духовным опытом. Она приучается распознавать искушения и побеждать их посредством молитвы. И этим кладется прочное основание для успеха в «невидимой брани» христианина с духами тьмы и к стяжанию через это Духа Святого Божия.

Глава 11. Болезни воли, гипнотизм и одержимость

Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете. Ин. 8, 36

Очень значительная часть человечества не свободна в своей воле и поработочена сатане через грех.

Как пишет митрополит Вениамин:

«Мы – грешные – не можем быть свободными, ибо страсти наши господствуют над нами. И только по мере освобождения нас от них растет и свобода наша. Послушные другим – несравнимо свободнее самовольных. А святые уже свободны, сколько возможно человеку. А вполне же свободен только один Бог... Смирение дает свободу. Гордый же – раб себя самого, хотя воображает, что он-то и есть свободный... Неверие есть рабство. Люди же думают совсем наоборот».

От поработочения страстям воли человеческой освобождает Господь: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 8, 36).

И на земле действительно свободны лишь те, чью волю от поработочения сатане освобождает Сын Божий Господь Иисус

Христос.

Над их духом нет уже власти лукавого, из власти которого остальной мир не имеет силы вырваться. И есть глубокая разница в положении рабов сатаны и свободных сынов Божиих.

Первых сатана держит в подчинении себе, употребляя для этого все средства соблазна, искушений и прельщения.

Господь не хочет насилия над волей человека. Он хочет ее свободного произволения: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13). Он не стесняет волю человека при выборе пути к добру или злу; и тех, кто добровольно следует за Ним, Он называет поэтому не рабами, а «друзьями» (Ин. 15, 15). В этом красота «сынов Божиих» и их отличие от жалкого подневольного состояния рабов сатаны.

Когда в душе разлад и раздвоение и душа колеблется между Богом и сатаной, между добром и злом, между истиною и ложью, между страстями и добродетелями, то равно действующая сила ее стремлений может приближаться к нулю.

В этом случае у человека будет наблюдаться ослабление воли – волевое бессилие.

Совершенно очевидно, что не от тренировки воли надо начинать лечение больной воли, хотя и имеются светские руководства по «воспитанию воли». Но кто наблюдал случаи, что предлагаемая в них методика упражнений приводила к большим успехам?

Ослабленная воля врачуеться только через очищение сердца, т. е. в единственном случае – при стяжании душой Духа Святого Божия.

На волю каждого человека может влиять (в той или иной степени) и воля других людей. Это влияние передается не только через слова, но и по таинственным путям мистической взаимозависимости.

Всем известен тот факт, что напряженная мысль о ком-либо из присутствующих или взгляд на него со стороны заставляет того поворачивать голову по направлению устремленного на него взгляда.

О явлении взаимного влияния свидетельствует, в частности, и о. Иоанн С. Он пишет в своем дневнике:

«Мы можем зрением привести другого в замешательство. Случалось мне не раз пристально смотреть из окна своего дома на проходящих мимо – и они, как бы привлекаемые какою-то силою к тому самому окну, из которого я смотрел, оглядывались на это окно и искали в нем лицо человеческое; иные же приходили в какое-то замешательство, вдруг ускоряли поступь, охорашивались, поправляя галстук, шляпу и прочее. Тут есть какой-то секрет».

В отдельных случаях можно говорить и о порабощении воли одного человека воле другого, что особенно отчетливо проявляется в гипнотизме. При гипнозе воля человека парализована и человек находится в подчинении другому человеку – гипнотизеру.

При этом искажается в человеке способность правильного восприятия окружающего мира через органы чувств и способность к логическому мышлению. Человек видит, слышит, обоняет и чувствует не то, что передают органы чувств, а то, что велит воля гипнотизера.

По мере роста человека и порабощения человека греху ослабляется воля человека, и он становится способным поддаваться гипнозу. Простые необразованные люди обычно менее испорчены сердцем и ближе к Богу, чем люди, вкусившие цивилизации; это и обуславливает их меньшую подверженность гипнозу.

Сомнительно, что гипноз приносит много пользы при использовании его врачами для лечения, например, от пьянства. Обычно после некоторого перерыва страсть к вину возвращается.

Но несомненно, что гипноз – это страшная сила и пользующиеся им во зло люди – «колдуны», «чародеи» и слуги темной силы – вносят в мир много зла и даже гибель людей.

По существу нельзя провести резкой разницы между явлениями гипноза, т. е. внушения человеку идей в особом состоянии сна («транса» и «сомнамбулизма»), и между обычным взаимным влиянием и подчинением людей слабой

воли людям властным и сильной воли. Последние обычно держат в своем подчинении окружающих их людей слабой воли.

Исключением являются лишь люди живой веры в Бога. Такие люди не будут подчиняться людям сильной воли, если те не будут представлять для них духовного авторитета, т. е. не будет веры в то, что в них живет Дух Божий. Вот почему живая вера делает людей «свободными», как говорил Господь (Ин. 8, 36).

Про некоторых людей говорят: тяжелый человек. Это человек сильного характера и злой воли, обладающий властностью – чертой, противоположной кротости. Он хочет подчинить своей воле окружающих. Горе окружающим, если с наклонностью к властности у него сильно развиты и другие порочные наклонности. Он вносит в мир много зла.

Еще хуже, если в руках у него будут и власть, и много материальных ценностей, на которые падки люди мира. А такие случаи часто встречаются: сатана старается увеличить силу своих рабов.

Христианам безусловно надо устраняться от людей мира с властным характером. Следует учитывать, что властность есть черта характера, присущая людям, живущим вне Бога, – христианин по природе кроток, как и Христос. И не была ли во Христе неизмеримо сильная воля! Но Он был кроток и не допускал в обращении с людьми ни малейшего оттенка психического насилия.

Люди мира – это обычно рабы окружающих их людей сильной воли и темной силы. Подчинение последней для некоторых людей может достичь той крайней степени, которая называется «одержимостью». Священное Писание содержит описания многих случаев одержимости.

Это разновидность душевной болезни, которая проявляется в том, что воля человеческая парализована и душой владеет один или несколько (или даже много) злых духов (Лк. 8, 30).

В зависимости от характера злого духа будут и проявления его над человеческой волей. Следует заметить, что одним из начальных проявлений одержимости являются частые приступы тоски и боязливости.

Душевная болезнь считается самым тяжелым и очень трудноизлечимым видом болезни, а «умалишенные» – самыми жалкими людьми.

Одержимость, как и всякая болезнь, является следствием греха.

В книге «На берегу Божией реки» приводится описание одного из случаев, когда одержимость явилась следствием легкомысленного отношения одной девушки к святыне – девятичинной просфоре (грех, близкий к кощунству).

В одном из рассказов о деятельности великого пастыря о. Иоанна С. говорится о том, что его просили исцелить одну одержимую девушку. О. Иоанн на этот раз отказался помочь. Когда же его спросили, почему с ней случилась такая беда, то он ответил: «Из-за большой ее гордости».

Надо вспомнить также из жизнеописания прп. Макария Великого о женщине, жестоко страдавшей от наговора чародея. На вопрос ее «Почему это случилось?» великий старец ответил: «Потому что ты уже пять недель не причащалась Святых Таин».

На основе указанного в Церкви применяется «проклятие», т. е. предание души грешащего человека во власть сатаны. Ап. Павел применил проклятие для одного члена коринфской общины, согрешившего тяжким грехом.

Целью этого проклятия было «силою Господа нашего Иисуса Христа предать [грешника] сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа» (1Кор. 6, 1–5). Обычно проклятие несет за собой различные физические несчастья для проклинаемых, что служит для облегчения грехов.

Следует указать на некоторое сходство состояния одержимости и обычного состояния человека во власти греха.

В первом случае над душой заметна явная власть злого духа, по отвратительным проявлениям воли этого человека.

Во втором случае – при добровольном подчинении злу – эта власть скрытая и не всегда полная, если человек еще не вполне подчинился воле злого духа.

По существу человек, в котором сильно развита какая-либо из страстей, с которой он не в силах уже бороться, также

является человеком в какой-то степени одержимым. Для окружающих подобный человек часто может быть более неприятен и опасен, чем явно ненормальный психически, в обращении с которым люди проявляют осторожность.

Как пишет о. Иоанн С:

«Несомненно, что диавол в сердцах весьма многих людей сидит какой-то сердечной вялостью, расслаблением и ленью ко всякому доброму и полезному делу, особенно к делу веры и благочестия, требующему сердечного внимания и трезвения, вообще духовного труда. Так он поражает сердца вялостью, а ум тупостью во время молитвы; так он поражает сердце вялостью, холодностью и бездействием сердечным тогда, когда нужно сделать добро, например сострадать страждущему, помочь находящемуся в беде, утешить печального, научить невежду, наставить на путь истины заблуждающегося и порочного. Диавол сидит в наших сердцах еще необыкновенно сильной раздражительностью; мы становимся иногда так больны самолюбием, что не терпим ни малейшего противоречия, препятствия вещественного или духовного, не терпим ни одного слова негладкого, грубого».

А св. Димитрий Ростовский так сказал, обращаясь к народу в храме:

«Простите меня, братья, если я всякого грешника, не думающего о своих грехах, назову бесноватым».

По мнению же схииархимандрита Софрония, даже «когда какой-либо страстный помысел или образ утвердится в душе, тогда человек становится в той или иной степени одержимым».

По его мнению, страсти суть одержимости различной степени напряжения и силы.

Приложение к главе 11-й

Типичная картина состояния одержимых и исцеления их подвижниками благочестия дается в жизнеописании духовника Святогорской пустыни иеромонаха Иоанникия, выдержка из которого приводится ниже (Жизнеописание подвижников благочестия. Февраль. С. 147–149).

«Летним временем, после службы церковной, в храме очень часто можно было видеть иеромонаха Иоанникия пред киотом чудотворной иконы святителя Николая, прочитывающим заклинательные молитвы над болящими беснованием, слышать дикие вопли при этом. Иные жестоко его поносили самыми отвратительными ругательствами, а были и такие, что устремлялись на него с ударами, так что и побои доводилось ему от них претерпевать. Но кротко и небоязненно переносил он эти неистовые проявления духа тьмы и наступал на него во всеоружии молитвы и поста, которыми обыкновенно приготовлялся к подобного рода борьбе, обычно кончавшейся победой с его стороны: страдальцы умолкали, смирялись, переставали буйствовать, начинали молиться Богу и плакать или же извергали из себя смрадную пену; после чего следовало полное их исцеление. Однажды приведен был к нему громадного роста мужчина, линейный казак из-за Кубани со зверски искаженным лицом; его с трудом влекли два дюжих казака, его сродники. Бесноватый ревел нечеловеческим голосом: и рев медведя, и вой волка, и хрюканье свиньи попеременно слышались в звуках его голоса, глаза же сверкали невыразимую злобою. В Святогорской пустыни перед собором, стоящим на возвышении, находится каменная просторная лестница, ведущая на площадку, где стоит собор. Подведя бесноватого к этой лестнице, спутники не могли уже никакими силами вести его далее, о чем один из них и пошел в собор известить отца Иоанникия. Тот вышел сам из собора в епитрахили, с Требником в руке, и небоязненно, подойдя к распростертому на земле больному, готовился читать над ним заклинательные молитвы. Больной вдруг вскочил и, бросившись на о. Иоанникия, схватил его в охапку и, перебросив через плечо, побежал с ним по лестнице вокруг собора. Бывшие при этом люди испугались и не знали, что им предпринять. Бросились вслед за бесноватым и увидели: как раз против западных дверей собора бесноватый опять повалился на землю, отец же Иоанникий цел и невредим сидел на нем и держал его за волосы. Сродники бросились, чтобы связать веревкою руки и ноги бесноватому,

но о. Иоанникий это им воспретил, говоря: «Не троньте, оставьте его в покое; более он уже не побежит; мы с ним поборолись, и вот видите, чей верх», – причем показал на голову бесноватого, держимую им крепко за волосы. Потом он встал, прикрыл бесноватого своею епитрахилью и начал читать над ним заклинательные молитвы. Больной лежал тихо, только тяжело дышал, как бы собираясь нечто из себя извергнуть. Наконец с большим усилием извергнул смрадную кровавую пену, столь смрадную, что окружавшие его, не терпя смрада, от него отшатнулись. После этого больной приподнялся, встал, начал класть поклоны по направлению к собору, вошел в самый собор и там усердно молился, а на другой день после исповеди у о. Иоанникия приобщился Святых Таин, к которым прежде около пяти лет не мог приступить. На исповеди объяснил он, что беснование постигло его в то время, когда он дерзнул нанести побои своей матери, и с тех пор жестоко его мучило. С полной надеждою на выздоровление отправился он из Святых Гор домой на Кубань, получив наставление от о. Иоанникия, как себя вести, чтобы опять не подвергнуться действиям злого духа. Впоследствии о. Иоанникий говорил, вспоминая этот случай, что когда бесноватый вскинул его себе на плечи и понес по лестнице на площадку вокруг собора, почувствовал он в себе ту необычайную силу, которою без труда поборол бесноватого, мысленно призывая сладчайшее имя Господа Иисуса. Не только взрослые, но очень часто и дети приводимы были к о. Иоанникию с ясными признаками беснования: говорили разными наречиями, предсказывали будущее, богохульствовали так, что страшно было слушать. Но управляться с ними, по отзыву о. Иоанникия, были гораздо ему легче, чем со взрослыми, не по их малорослости и малосилию, а потому что невинная еще природа детская была гораздо восприимчивее к действию Божией благодати. Бывали случаи, что все, что о. Иоанникий делал один в своей келии или даже помышлял, бесноватые ему потом рассказывали со всеми подробностями, и всякое излишество в пище или питье обличали в нем с угрозами, говоря, что через

это напрасны будут старания его их исцелить. Имея в виду подобных больных, отец Иоанникий особенно прилежал посту, опытом дознав, что пост и молитва – наилучшие пособники успешного врачевания подобных страдальцев».

Глава 12. Прелесть

Диавол, прельщавший их... Откр. 20, 10.

Слово «лесть» обозначает обман, и люди, находящиеся в «прелести», – это обманутые люди. Приведенный выше текст указывает на то, что они бывают обмануты темной силой.

Для последней легко обмануть тех, кто лишен благодати, защищающей человеческую душу. Благодати же лишен тот, кто грешит, заражен страстями и не кается.

Из страстей самой страшной является гордость с ее последствиями – самомнением, самочинием, самоуверенностью, непослушанием, отсутствием авторитетов и т. п.

Вот на таких-то людей легко действовать темной силе и прививать им «прелесть» в той или иной форме.

Это случается почти всегда, когда люди в духовном отношении стоят одиноко, не признавая для себя никаких авторитетов и не желая ни у кого иметь ни руководства, ни совета.

Для некоторых из прельстившихся христиан характерно самочинное взятие ими на себя различных аскетических подвигов – усиленных молитв, поста, хождения босыми зимой, всяческого изнурения тела и т. д.

По мере роста подвигов в прельстившихся растут гордость и самомнение. Они начинают считать себя близкими к святости, и тогда переживают особые состояния: они видят видения – образы Христа, святых или ангелов, беседуют с ними или слышат голоса, принимая за дары благодати то, что происходит от обманного действия темных сил.

Если они скрывали эти переживания или не слушали вразумлявших их старцев и духовников, то прельстившихся ожидали беды: часто они гибли в своем ожесточении – кончали сумасшествием или самоубийством.

В жизнеописаниях святых и подвижников благочестия и в монастырских патериках можно найти много описаний подобного состояния в прелести.

Вот один из таких случаев, переданный нам лично известным по своему благочестию старцем-архимандритом. Он был знаком с тем иноком, который рассказал ему про себя следующее:

«Я был ревностным монахом и с горячностью предавался келейной молитве. Последняя улаждала меня, и мне казалось, что я достиг уже истинно духовной жизни. Мне стало казаться излишним искать у моего старца-духовника каких-либо указаний и руководства. Я перестал посещать его. И вот однажды во время моей келейной молитвы передо мной предстал прекрасный ангел. Ангел сказал мне, что моя ревность и молитва угодны Богу, но их недостаточно. Чтобы быть особенно угодным Богу, требуется еще жертва. И ангел предложил мне пожертвовать одним глазом. Когда ангел отошел, я, будучи в экстазе от радости, схватил свечу и держал ее у глаза до тех пор, пока не потерял сознание. На утрени меня не было, и обеспокоенные братья-иноки зашли ко мне в келию. Они привели меня в чувство. Мой глаз был потерян. Но я не открыл истинной причины гибели глаза и сказал, что повредил глаз при падении. Не пошел я и к старцу-духовнику. Думая, что я действительно принес угодную жертву Богу, я снова стал усиленно молиться. И вот снова предстал предо мною ангел и сказал, что Богом принята моя жертва. Но для того, чтобы быть вполне Ему угодным, надо отдать и другой глаз. Как и в первый раз, у меня и тут не было сомнения, что действительно Бог хочет от меня полноты жертвы. Однако у меня не хватило сил лишить себя второго глаза. Я затосковал и не находил себе места. Братья заметили мое состояние, заметили и то, что я перестал посещать своего старца-духовника. Настойчиво они стали уговаривать меня пойти к старцу. Душа моя приближалась к отчаянию, и я внял их уговорам и пошел к старцу. Увидев меня, старец сказал мне: «Что это ты перестал посещать меня, и кто теперь руководит тобой?»

Уж не ангел ли стал наставлять тебя?» Поразили меня эти слова старца. Видя мое смущение, старец продолжал: «И как это ты глаз потерял, уж не по совету ли ангела?» Тут открылись мои духовные очи, я понял свое прельщение и, обливаясь слезами, упал в ноги старцу».

Другой характерный случай состояния прелести описывается в летописи Валаамского монастыря.

За одним старцем-отшельником стали замечать очень высокое мнение о себе за свои аскетические подвиги.

Однажды в начале зимы он должен был возвращаться из монастыря в свою пустынную келью.

Путь был по берегу озера, но его можно было сократить, идя по льду через залив. Лед только что стал.

Братья заметили, что старец собирался идти прямо через лед. «Смотри, отец, лед еще очень тонок», – предупреждали старца иноки.

«Ничего. Я теперь уже легок стал», – отвечал прельстившийся инок, забывший заповедь: «Не искушай Господа Бога твоего» (Лк. 4, 12).

Старец погиб, провалившись под лед на середине залива.

Одним из видов прелести является и стремление к благодатным душевным переживаниям, к вкушению во время молитвы духовной сладости и восторга или умиления.

Тогда также легко темной силе ложными явлениями обмануть прельстившегося. Вот остерегающие слова еп. Игнатия (Брянчанинова) к подобным сластолюбцам:

«Если в тебе кроется ожидание благодати – остерегись: ты в опасном положении. Такое ожидание свидетельствует о скрытном удостоении себя, а удостоение свидетельствует о таящемся самомнении, в котором гордость. За гордостью удобно последует и к ней прилепляется прелесть. Прелесть существует уже в самомнении, существует в удостоении себя, в самом ожидании благодати... Из ложных понятий и ощущений составляется самообольщение. К действию самообольщения присоединяется обольстительное действие демонов».

Как всякая добродетель, так и порок и страсть обычно растут постепенно, так и гордость и способность к прельщению также выявляются не сразу.

Вот один из характерных примеров к тому из истории древнего египетского монастыря. Этот монастырь был под управлением прп. Макария Великого.

Один инок стал пересуживать духовников и старцев и стал как бы разбираться в них. И стал говорить: и тот нехорош, и другой нехорош, и что только один старец Зосима является настоящим старцем. Так зарождались в его душе гордость и прелесть.

Через некоторое время он стал говорить, что у Зосимы есть недостатки, и только один Макарий является достойным старцем и руководителем. Прошло некоторое время, и прелесть стала пускать ростки. Он стал говорить: «Что такое Макарий? Только святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст являются достойными».

Еще дальше стала возрастать прелесть, и он возгордился против святителей вселенских, и затем против апостолов Петра и Павла. Прошло еще некоторое время, и он стал говорить, что только один Бог свят. Наконец он возгордился и против Бога и сошел с ума.

Как видно из приведенного рассказа, к росту гордости и состоянию прелесть послужило для инока пренебрежение авторитетом. Вначале он не стал слушаться старца-духовника и постепенно дошел до осуждения всякого церковного авторитета и до своей гибели. На наших глазах был подобный этому случай.

Молодой человек с высшим образованием загорелся Христовой верой. Он принял крещение сам, а с ним и его жена и ребенок.

К сожалению, в его характере сохранились самомнение и самоуверенность.

Он стал толковать текст «один у вас Учитель – Христос» (Мф. 23, 8) так, что ему ни у кого не надо учиться, ни советоваться, кроме Самого Господа. Поэтому он не слушал ни духовников, ни своих друзей, ни христиан. Он поступал

самовольно, делая много неправильного, не понимая как следует ни заповедей Христовых, ни учения Церкви.

Он разошелся со всеми друзьями из христиан и стоял одиноко. Кончил он печально: бросил жену с ребенком и заболел психически.

Нужно считать, что всякое пренебрежение авторитетом Церкви и непризнание общепринятых в Церкви основ религиозных понятий грозят увести христианина от истины и передать его под влияние темных сил и прелести.

Можно думать, что и все ересиархи и основатели расколов были в состоянии прелести.

Поскольку неверие базируется на гордости и самообольщении, то и все потерявшие веру атеисты являются также состоящими в обмане от темной силы, т. е. в прелести, и как больные душевно заслуживают горестного сочувствия в своем бедственном состоянии.

Но, повторяем, не только иноки и аскеты, самочинно берущие для себя подвиги, могут впадать в прелесть, но и для всякого христианина в миру, стоящего одиноко, без послушания духовным отцам, всегда имеется опасность впасть в прелесть в той или иной форме и в той или иной степени.

Еще более категорично о всеобщей порче и прелести говорит епископ Игнатий (Брянчанинов), который пишет:

«Прелесть, т. е. повреждение естества человеческого, есть состояние всех человек без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы – в прелести... Величайшая прелесть – признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиною».

То же утверждает и архиеп. Арсений (Чудовской):

«Уже каждый человек при своей немощной, греховной природе бывает в большей или меньшей степени подвержен прелести. Ты подумал, что хорошо сказал, хорошо сделал, – вот уже и прелесть. Размечтался о своих дарованиях, способностях – опять прелесть; принял похвалу, усладился ею – и это прелесть. Св. отцы различают при этом два рода духовной прелести в ее крайнем развитии. Первый вид – это

когда человек начинает воображать, что он видит Господа, Божию Матерь, ангелов, духов, и считает себя достойным таких видений. Второй род прелести – это когда человек возомнит о себе, что он высокой духовной жизни, что он необычайный постник, прозорливец, чудотворец, что он способен нести большие подвиги, что он призван учить и руководить людьми. Этот род прелести называется «мнением», потому что в этом случае человек мнит о себе. Всякий род духовной прелести есть, однако же, пагубнейшее состояние нашего духа. Оно основывается на духовной гордости человека. Чтобы избежать прелести, надо иметь покаянное чувство, смирение, соединенное со страхом Божиим».

Начало прелести можно узнать по следующим признакам:

1) Самонадеянность, самочиние, нежелание подчинять свою волю старцу или духовному отцу и авторитету церковного сознания.

2) Устремление на себя – «эгоцентризм» или «аутоэротизм» – эгоизм с отсутствием любви, мягкости и снисходительности к окружающим их (за исключением, может быть, наиболее близких по плоти родных).

3) Фиксация своего внимания на отдельных положениях (мыслях) из духовной области, которыми обольщенные преимущественно и руководствуются в жизни, пренебрегая основными заповедями Господа и учением Церкви. При этом эти мысли могут быть взяты и из Священного Писания, но в отрыве от общего духа Святого Евангелия. Они тогда уводят прельщенного от основных добродетелей – любви, смирения, послушания и кротости.

Как предохранить себя от прелести:

1) Очевидно, что самым радикальным средством является – быть в послушании старцу или духовному отцу и при невозможности иметь их руководствоваться мнением и советами тех из христиан, которые преуспели в духовной мудрости.

2) Вместе с тем каждому из христиан надо изучать Священное Писание и творения св. отцов Церкви.

3) Всем также надо очень опасаться того, чтобы иметь мнения, не согласные с общецерковным сознанием.

4) Всегда надо быть чуткими к мнению друзей и окружающих, быть внимательным к их суждениям и продумывать тщательно все свои разногласия с ними. Надо помнить, что Господь часто обличает нас устами наших близких.

Приложения к главам 7–12

Одна поэтесса с неочищенной и не возрожденной Святым Духом душой имела смелость глубоко и проникновенно заглянуть в свою душу. Что она нашла там, о том она откровенно пишет в нижеприведенном стихотворении:

В своей бессовестной и жалкой низости

Она, как пыль, сера, как прах земной!

И умираю я от этой близости,

От неразрывности ее со мной.

Она холодная, она колючая,

Она противная, она – змея...

Меня изранила шершаво-жгучая

Ее коленчатая чешуя.

О, если б острое почуял жало я!

Неповоротлива, нема, тупа –

Такая скучная, такая вялая.

И нет к ней доступа: она – глуха!

Своими кольцами она могучими

В меня впивается, меня душа...

Вот эта низкая, и эта жгучая,

И эта черная – моя душа!

Не будем думать, что здесь большое преувеличение. Даже премудрая подвижница благочестия схимонахиня Ардалиона из Усть-Медведицкого монастыря так говорила про себя:

«Самость моя, как змея какая: и убитая, а все поднимает свою голову».

«Самость моя, как змея какая: и убитая, а все поднимает свою голову».

«Нет к ней доступа», – читаем мы о душе в вышеприведенном стихотворении Гиппиус. И действительно,

нелегко увидеть свою душу и понять ее состояние. Немногим это даровано, и если даровано, то лишь отчасти.

О. Александр Ельчанинов пишет, что рассматривать душу надо под углом зрения ее эволюции развития в течение жизни.

Он считает, что в начале – у ребенка – она чиста и свята. Это та душа, которая была у Адама до грехопадения, и про которую Тертуллиан пишет, что «всякая человеческая душа по природе христианка».

По мере роста человека по законам наследственности и подражания к душе приражается грех, и развиваются страсти и пристрастия. Они как бы наслаиваются на чистое ядро души, заволакивают его постепенно оболочками, за которыми чаще всего чистое ядрышко часто уже совсем незаметно.

В результате образуются «параллельные личности», о которых так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Юношеская запутанность и сложность, гамлетизм обычно происходят из следующего: талантливый юноша (реже – девушка) с умом и фантазией, с сильной впечатлительностью под влиянием книг, примеров, людей, в результате работы ума и фантазии создает в себе параллельные личности, гардероб костюмов и масок, которые в конце концов, как лары (зловредные духи, по терминологии древних греков), утесняют основное ядро личности и паразитируют в нем. Отсюда – сложность, запутанность, неизбежная лживость, потеря своей личности».

Отсюда же, очевидно, происходит та раздвоенность души, о которой так говорил о. Александр Ельчанинов:

«Борьба с раздвоенностью нашей души – дело всей нашей жизни. Можно прожить, и живут многие всю жизнь слабой чьей-то тенью, копией. Самый первый и важнейший смысл существования – быть самим собой, возвышаясь до преобразования себя в «образ и подобие Божие».

Как говорит Священное Писание: «Весь мир лежит во зле» (1Ин. 5, 19), а истинных христиан лишь «малое стадо» (Лк. 12, 32).

Теперь же, в последние дни, наступили времена тяжкие (2Тим. 3, 1) и период отступления от веры, когда истинных

христиан становится все менее и менее.

Отсюда понятны те мрачные краски, которыми так описывает о. Александр Ельчанинов душу современного цивилизованного человека.

«Вот тип человека, часто встречающийся, – в нем соединение трех черт: 1) гордость, вера в свои силы, упоение (у некоторых) своим творчеством, 2) страстная любовь к жизни земной и 3) отсутствие чувства греха. Как такие люди могут подойти к Богу? Каков их путь? Возможно ли им измениться? Таковы, как они есть, они безнадежно изолированы от Бога, лишены даже потребности в Нем. И этот тип культивируется современной жизнью – воспитанием, литературой и т. д. Идея Бога вытравлена в его душе, и какие нужны катастрофы – очевидно, личные, – чтобы такой человек мог возродиться».

Отдавая должное законному пессимизму о. Александра в отношении современного духовного состояния человечества, надо все же помнить следующие ободряющие нас слова Священного Писания: «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5, 20) и слова Господа: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле (Мф. 28, 18); «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18); «Мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33).

Преображение «внешнего» и «душевного» человека во «внутреннего» и «духовного»

Глава 13. Зарождение «внутреннего», «духовного» человека

Должно вам родиться свыше. Ин. 3, 7

Верую вселиться Христу в сердца ваши. Еф. 3, 17

Слово Божие... проникает до разделения души и духа. Евр. 4, 12

Благодатью – силою и милостью Господа Иисуса Христа – и через покаяние человек может быть освобожден от власти первородного греха и обновлен душою. Это достигается зарождением в нем новой жизни через духовное рождение при посредстве благодати, подаваемой человеку в Таинстве крещения.

Господь говорил Никодиму: «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше» (Ин. 3, 5–7).

Здесь мы встречаемся с новым термином и с новым элементом души – «духом» человека, который, по словам Господа, «родится от Святого Духа». Но что такое этот «дух»? Как пишет еп. Феофан Затворник:

«Дух есть душа нашей души, призванный изнутри побуждать, двигать душу, крепко связанную с телом, к миру «горнему», небесному, вечному».

Когда дух начинает возрастать и подчинять себе душу, то она сама, по словам прп. Макария Великого, «превращается в дух – становится сопричастницей Божества».

В своем письме к Витамону св. Григорий Богослов говорит о трех видах рождения, которые должен пройти человек:

«После первого рождения – по плоти – человек умирает и плоть исчезает. После рождения от Духа Святого, на омытых водою при крещении приходит свыше просвещение. Третье же рождение через слезы покаяния и болезни очищает

в нас образ Божий, омраченный непотребностью греха. Если первое рождение – от отца, второе – от Бога, а в третьем человек сам себе родитель, чтобы явиться миру благим светом».

Зарождение новой – духовной – жизни в человеческой душе и рождение нового – «духовного», «внутреннего» – человека есть такой же таинственный процесс, как и зарождение физической жизни.

Как говорилось выше, это вместе с тем начало отображения душой христианина Христа при вселении в душу Святого Духа Божия; ап. Павел пишет: «Кто во Христе, тот новая тварь» (2Кор. 5, 17).

Иногда развитие духовной жизни начинается в христианине после крещения с детства вместе с развитием тела и души. Так развивалась духовная жизнь, например, у преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

В других случаях (при крещении взрослых) новая – духовная – жизнь начиналась уже в созревшем теле и душой человеке после дарования ему веры по благодати Божией в Таинстве крещения.

В третьих случаях духовная жизнь, зародившаяся во младенчестве при крещении, не имела соответствующей духовной среды для своего развития и поэтому замерла, не развиваясь. Только после какого-либо душевного потрясения или духовного пробуждения она получила по благодати Божией новый импульс и условия для своего развития.

После духовного рождения в душе человека начинает идти процесс отмирания «внешнего» человека с перерождением его во «внутреннего». Однако в первом случае этот процесс не так заметен, как для второго и третьего случаев.

Глава 14. Рост «внутреннего», «духовного» человека

Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа. 2Кор. 3, 18

При этом процессе преобразования, как пишет далее ап. Павел, «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2Кор. 4, 16).

А блж. Диадок сравнивает образ Божий в нас «с рисунком, на котором мы накладываем краски в течение жизни нашей, все более уподобляясь в приближении к Богу по мере стяжания нами Святого Духа Божия».

В этом процессе наблюдается близкая аналогия с таким природным процессом, как дыхание головастика у лягушки. Головастик некоторое время живет и в воде, и на воздухе, одновременно дышит еще не отмершими жабрами в воде и вместе с тем еще не вполне развившимися легкими – на воздухе. Также постепенно отмирает «внешний», «душевный» человек по мере роста «внутреннего», «духовного», переходя из сферы воды – мирских интересов – в сферу воздуха – жизни горним миром.

Так изменяется человеческая душа от примитивного животного состояния в невозрожденном человеке до обоженной природы святого, уподобившегося Христу.

Как происходит рост внутреннего человека? Господь сравнивает возрастание в душе Божьего Царства Духа Святого с ростом растения: «Царство Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе» (Мк. 4, 26–28).

Для христианина важно, чтобы этот рост совершался интенсивно, непрерывно, беспрепятственно.

Когда растение будет расти наиболее успешно? Тогда, когда корни его будут находить в земле достаточное количество нужных питательных веществ, когда листья будут постоянно поглощать из воздуха кислород и углекислоту, когда на нем не будет никаких вредителей, когда вовремя будут посылаться дождь и роса и, главное, – когда листья его будут находиться на солнце и поглощать его световую энергию.

Имеется аналогия с этим и для процесса возрастания в душе Духа Святого Божия. Господь говорил: «Не хлебом одним

будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 4). Итак, истина – слова, идущие от Бога через Иисуса Христа, – и есть наша пища – соки, питающие нашу душу.

Истину мы можем черпать из Священного Писания и из духовных книг. Поэтому духовное чтение является одним из важнейших условий роста в нас Духа Святого Божия. Отсюда: читать книги, содержащие истину, надо так же регулярно, как питать пищей наше тело.

Но это еще не полное питание: у растений углерод усваивается из воздуха при помощи солнечной энергии, в дополнение к растворам солей из земли. Господь сказал: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 53). Так, в дополнение к питанию себя истиной надо питать себя и Телом и Кровью Христовыми в Таинстве Причащения. Этим мы приобщимся к вечной жизни.

Растению постоянно нужен и кислород, которым оно дышит, как и животным. Дыхание души нашей, по словам святых отцов, – это молитва, которая, по заповеди Господа и святых апостолов, должна быть непрерывной.

В целом в растении совершается непрерывный рост его тканей за счет одновременного взаимодействия солей из земли, углерода и кислорода из воздуха и солнечной энергии.

Этот процесс таинственен. Что же удивительного, если еще таинственнее процесс «стяжания» в душе Духа Святого Божия под влиянием истины, принимаемой умом, Тела и Крови Господних, принимаемых телом, и молитвы, идущей из сердца.

Если почва заражена вредными солями, то на ней не могут расти растения. Таковы, например, почвы солончаков. Пересаженное на такую почву растение впитает вредные соки и погибнет. Гибнет и душа, впитавшая в себя вредные мысли – философию безбожия, гордости, безнравственности и т. д. Всякие идеи, искажающие истину, будут отравлять душу.

У растения прекратится рост, и оно захиреет и может даже умереть, если его заглушат плевелы, пыль закроет листья, а облака отделят от него солнце. Так все, что мешает нам в

соприкосновении с истиной и Церковью: суета, «заботы века сего, обольщения богатства и наслаждения житейские» (Лк. 8, 14; Мф. 13, 22) – все это глушит и приостанавливает рост души, препятствует стяжанию Духа Божия.

Наконец, если растение в какой-то мере будет лишено всех перечисленных здоровых условий роста, то на него нападают вредители – гусеницы, тля, грибки, плесень и т. п. Так на ушедшую от Бога-Солнца душу будет нападать темная сила, и в ней будут зарождаться страсти и пристрастия, способные ее погубить.

До сих пор мы находили полноту аналогии между ростом растения и стяжанием Святого Духа в душе христианина. Но между ними есть, конечно, и существенное отличие.

Царство Христа – царство Духа – неизмеримо выше царства растений и животных, и в нем есть и свои особые законы, которых нет в низшем растительном царстве.

Человек создан по образу и подобию Божию, и ему дана свободная воля, чего нет у растений и животных. Растениям подается все необходимое на том месте, где они растут.

Животные одарены инстинктом, который руководит ими для поддержания их жизни. Они не отходят от законов природы. Зная законы животного мира, человек может предсказывать, как будет вести себя то или иное животное в различных случаях. Для человека такое предсказание не всегда можно сделать.

Как же должна отражаться наша свободная воля на условиях духовного роста? Это прежде всего возможность выбора среды, чего нет у растений и животных.

Человеку в нормальных условиях жизни в той или иной мере этот выбор предоставляется Богом. В нашей воле – искать Бога и истину или интересоваться жизнью безбожного и суетного мира во всех ее направлениях. Мы сами выбираем книги, которые можем прочесть. Мы также выбираем тех, с кем добровольно сближаемся и общаемся в жизни. Мы сами распределяем свое свободное от работы время, на что его употребить.

Схождение Духа Святого в наше сердце зависит не от нас, но от наших усилий – очистить его посредством покаяния и тем

создать условия для этого схождения. Есть и еще одна особенность в росте всякого животного организма, в отличие от растений, – это закон упражнения. Только те члены тела развиваются, которые постоянно упражняются в работе. И все добродетели будут развиваться лишь при постоянном упражнении в них. Поэтому Господь говорит: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30). И еще: «Кто имеет, тому дано будет... а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13, 12).

Поэтому лишь при нашей внимательности к своему духовному росту, при заботе о постоянном упражнении в добродетели мы можем ждать успеха.

Надо помнить вместе с тем, что процесс развития «внутреннего» человека будет идти интенсивно лишь в том случае, когда одновременно быстро будет протекать в душе и другой процесс – процесс отмирания «внешнего», «душевного» человека.

Господь говорит: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 12, 24–25).

Если же не будут постепенно ослабляться путы внешнего мира страстей и пристрастий, то в душе не смогут развиваться добродетели.

Вот те основные условия для перерождения «внешнего» человека во «внутреннего».

Как говорилось уже выше, очищение, оздоровление и преображение души происходят не сразу, а постепенно, при многих испытаниях человека в его вере и твердости намерения его идти к Богу, в постоянстве стремлений его сердца к чистоте и прочности его любви к истине. Как пишет прп. Макарий Великий:

«Когда действие Божественной благодати приосеняет душу, по мере веры каждого, и душа приемлет помощь свыше, тогда благодать приосеняет ее только отчасти. И не думай, чтобы в ком-нибудь озарялась вся душа; внутри ее остается еще великая пажить пороку, и человеку потребны

великий труд и усилие, согласенные с действующей в нем благодатью. Посему-то Божественная благодать, которая в одно мгновение может человека очистить и сделать совершенным, начинает посещать душу постепенно, чтобы испытать человеческое произволение, – сохраняет ли она всецелую любовь к Богу, ни в чем не сдружаясь с лукавым, но всецело предавая себя благодати. Таким образом душа, в продолжение времени ничем не преогорчающая и не оскорбляющая благодать, в самой постепенности находит для себя пособие. Сама благодать овладевает пажитию в душах, и по мере того как душа многие годы оказывается благоискусною и согласною с благодатью, до глубочайших ее составов и помышлений пускает корни, пока вся душа не будет объята небесною благодатью, царствующею уже в этом сосуде. Так многие вводимы были в заблуждение самым действием в них благодати: они подумали, что достигли совершенства, и сказали: «Довольно с нас, не имеем ни в чем нужды». Но Господь бесконечен и непостижим. Христиане не смеют сказать, что постигли, но смиряются день и ночь. У души много членов, и глубина ее велика, и привзошедший в нее грех овладел всеми ее пажитиями и составами сердца. Потом, когда человек взывает благодати, она приходит к нему и овладевает двумя, может быть, составами души. А неопытный, утешаемый благодатью, думает, что пришедшая благодать овладела всеми составами души и грех искоренен. Но большая часть души во власти греха, одна же часть под благодатью. И человек обманывается и не знает сего».

Как пишет архимандрит Иоанн:

«Духовная жизнь не идет скачками. Лестница духа имеет свои ступени – видимые и невидимые. Преображение (души) совершается в органическом процессе вырастания Царства Божия (в душе человека) (Мк. 4, 27)».

Тот же процесс спасения каждого человека совершается при свете богообщения то скрытого, то явного. Сила Божия соединяется с силою человеческою, очищает человека от всякой

скверны и постепенно prepares в его душе обиталище для Господа.

Два периода в жизни духовной должен пройти человек: сначала – богообщения и потом – боговселения. В первом случае понимается как бы внешнее, неполное единение Духа Божия с духом человека.

Человек чувствует Божественную силу, которая ему помогает, чувствует, что и он поддерживается только этой Божеской силой.

Но, с другой стороны, также чувствует, что в душе его еще остаются греховные привычки – страсти; он, например, еще раздражается, сердится, судит людей, готов обмануть, гордиться.

Человек понимает, что и к Богу его душа стремится, и в мире земном ей многое еще нравится и тянет к себе. Он хочет любить теперь всей полнотой своего существа, а этого между тем еще нет, ибо сердце отчасти одновременно любит и греховное. Постепенно при богообщении греховные навыки, скверные привычки и страсти все умаляются, теряют власть над человеком, перестают тиранить его и вообще исчезают, уступая место добрым святым мыслям, чувствам и желаниям. Человек сам с удивлением замечает, что он стал совсем не тот, каким был полгода, год тому назад.

Появились мысли, которые ему никогда и в голову не приходили, появились чувствования, каких он никогда не знал и не подозревал даже. Начался период боговселения. А боговселение есть совершенный вид богообщения, когда Дух Святой совершенно вверяется человеку и поселяется в нем.

Естественно, что переход от первого периода богообщения ко второму – боговселению – происходит не внезапно, а постепенно; также и степени боговселения здесь, на земле, могут быть различны, как различны и степени святости.

Итак, длинен и узок путь преобразования души человеческой. Но великие цели требуют и больших усилий и жертв. Здесь не место «теплохладности», половинчатости и боязливости, лени и нерадению.

Как указывает и о. Н. Николаевский, христианин, растущий духовно, всегда может замечать в себе ход процесса перехода от «внешнего» ко «внутреннему» человеку.

Он может наблюдать, что его прежнее «я» как бы тает, заменяется кем-то другим. И этот другой – «внутренний», «духовный» человек – будет таинственным отображением Самого Христа. «Уже не я живу, а живет во мне Христос», – пишет галатам ап. Павел (Гал. 2, 20).

«Доколе не изобразится в вас Христос...» – говорит он там же (4, 19).

О подобном преображении человека свидетельствовал и старец Силуан, который говорил:

«Хранящие заповеди Господни похожи на Христа. Уподобление Христу может быть и большим, и меньшим, но пределов этому уподоблению не положено. Так непостижимо велико призвание человека, хотя по сущности своей человек остается тварью, но по благодати воистину становится подобен Богу, т. е. получает образ Божественного бытия».

О том же говорит и о. А. Ельчанинов, который пишет:

«Чем больше будет вырастать в Вас внутренний человек, тем больше Вы будете видеть света и в окружающем и в окружающих, пока не достигнете такой чистоты сердца, что все кругом будет вам казаться светлым и преображенным; это и есть пребывание в раю еще до смерти. В этом состоянии живут праведники и святые, которых много среди нас, но которых мы не видим по нечистоте наших глаз и сердца, – т. е. мы их видим, но они нам кажутся или совсем обыкновенными людьми, или чудаками и юродивыми».

История Церкви полна случаев преображения душ человеческих. Вот два ярких примера – с Марией Египетской и Моисеем Муриным. Что общего между блудницей Марией и святой, переходящей по воде, как по суше; или между разбойником и всеми почитаемым, исполненным ко всем любви и приветия святым отцом – пустынножителем Моисеем?

Про эту возможность коренного изменения своей души нужно всегда помнить всякому христианину, и особенно тем, кто

впадает в отчаяние или уныние при наблюдении закоренелости своих страстей, пороков, грехов и слабостей.

Глава 15. Особенности «внутреннего», «духовного» человека

Проверяйте себя всегда – в Духе ли вы Святом?*прп. Серафим Саровский*

Проверяйте себя всегда – в Духе ли вы Святом?

С внешней стороны «духовные», «внутренние» люди ведут обычную жизнь: работают, занимаются домашними делами, разговаривают с людьми и т. д. Однако они «умерли для мира» (Кол. 2, 20), у них «истлел внешний человек» (2Кор. 4, 16), они «возненавидели душу свою в мире сем». (Ин. 12, 25).

Они почувствовали охлаждение ко всем мирским привязанностям, интересам и в конце концов «возненавидели» их как препятствие на пути к жизни духа.: Они поняли мелочность и ничтожность всей той материальной стороны жизни, о которой думает и так беспокоится мир. Они научились пренебрегать им, не видеть и не слышать вокруг мирской суеты.

Вместо всего этого у них создан свой внутренний мир. В этом мире преимущественно живет их сердце.

Здесь у них особые радости и особые печали, не видимые никем достижения или падения, незримые бури и непогода или созерцание света незаходимого Духовного Солнца...

Внешняя жизнь если и интересуется их, то постольку, поскольку она влияет на внутреннюю. «Внутренний» человек бежит развлечений, в какой-то мере ему всегда необходимо уединение, чтобы уйти из внешнего мира, побыть с самим собой, погрузиться в свой внутренний мир.

Как пишет Франсуа Мориак:

««Внутренний» человек любит и свое одиночество, от которого страдают и бегают «внешние» люди. Однако он в этом одиночестве не одинок: он один и не один. Его утренняя молитва растет, светит и овладевает всем его существом. В душе его ощущается действие благодати, исполняющее его миром. Дух Святой, пребывающий в нем, заявляет о Себе

благодатным состоянием. Его верующее сердце наполняется радостью от сладостного сознания близости Бога. Это приносит душе полный мир, доверие, покой и отдых».

Такой человек хотя и любит людей, но далеко не со всеми хочет иметь общение: одних он избегает, с другими старается свести свои отношения к возможному минимуму. Однако иных он ищет: ищет тех, кто мог бы обогатить его внутренний мир.

Глаза «внутреннего» человека как бы закрыты на грехи, пороки и недостатки других (если он только не их духовный руководитель): можно ли думать о пожаре чужих домов, если он видит свой дом постоянно в огне страстей? Хорошо, если хватит сил и времени хотя бы справиться со своим собственным пожаром.

«Проверяйте себя всегда – в Духе ли вы Святом?» – говорит прп. Серафим. А прп. Симеон Новый Богослов пишет:

«Каждому надлежит распознать, получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, то тщится держать сие и хранить, а если еще не сподобился получить, то потщится посредством благих, благопотребных деланий и теплого покаяния скорее получить Его. Надо каждому уметь распознавать свое духовное состояние: в благодати ли оно или нет?»

Вот какой вопрос должен стоять перед «внутренним» человеком, и пусть он более всего в мире боится потерять, отпустить от себя Небесного Гостя.

«Здесь ли Он? Не оскорбил ли я Его каким-либо грехом или воздержанием, или небрежностью, или нескромностью, или пренебрежением какой-либо заповеди?» – постоянно спрашивает себя «внутренний» человек.

Если же волны душевного мира неясны, если муть поднялась с его глубины, если нет глади спокойной совести, то надо немедленно искать того гада, который возмутил море. И найдя его, надо убить его покаянием и смиренно и неотступно просить вновь вернуться Небесного Гостя.

Но вот горечь покаяния растворилась в умиление, на глаза выступили слезы.

«Он здесь. Он опять здесь, Дорогой Гость. Он простил. Он видит мою немощь, видит мое смирение, видит мое сердце и решимость не повторить греха. И в Божественном снисхождении Он вновь вернулся и озарил небесным светом опечаленную, смущенную душу».

Сравнительно мало друзей у «внутреннего» человека во внешнем мире. Но зато сколько их во внутреннем! Они так близки и дороги его душе и так всегда доступны, так легко обращаться с ними! В любой момент они готовы слушать обращенные к ним просьбы и так быстро и чудесно помогают.

Если «внутренний» человек захочет услышать их голос, насладиться беседой с ними, то и в этом в любой момент они доступны ему.

Вот перед ним полки с излюбленными книгами. Здесь целая сокровищница истины, света духовного и мудрости. Вот книги Священного Писания. Вот говорит он с

38-ю великими психологами «Добротолюбия»; вот голоса сонма торжествующей Церкви, раздающиеся из книг «Жития святых», и т. д.

«Как удобнее, приятнее, веселее и богаче устроить свою жизнь? Как обзавестись и запастись всем нужным для тела? Как обезопасить во всех отношениях жизнь тела и добиться от него полноты здоровья?» и т. п. – вот обычные думы и вопросы, занимающие душевного, «внешнего», мирского человека.

Не о том думает «внутренний»: «Какими грехами я грешу чаще всего? Какие страсти преимущественно владеют мною? Из чего состоят мои обычные искушения? В чем состоит тот мой крест, с которым я должен следовать за Христом? (Мк. 10, 21).

Как развить в себе христианские добродетели? Как стать ближе к Господу и от Него получить душевный мир и сердечную тишину? Как войти в то Царство Божие, которое «внутри нас есть»? (Лк. 17, 21), и т. д.».

Получает ли ответы на все эти вопросы «внутренний» человек?

Да, получает всегда – по обетованию Спасителя, что «всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7, 8).

И хотя человек еще не освободился от страстей, хотя «внешний человек и тлеет», но «внутренний со дня на день обновляется» (2Кор. 4, 16).

И хотя еще не полностью очищена душа, но Господь не гнушается ею, как не погнушался некогда снизойти с неба, чтобы возлечь в убогом вертепе.

Лишь бы не запираť дверей сердца, лишь бы не пропустить стука Великого Гостя: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20).

Велика награда труженику, работающему над очищением своего сердца: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», – говорит Господь (Мф. 5, 8). Как пишет прп. Макарий Великий:

«Христианин – это новая тварь. Он отличается от всех людей в мире обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесною приверженностью ко Господу и мыслию своею имеет жительство свое на небесах».

Глава 16. Внутреннее око и внутренний слух «духовного» человека

Если же око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло. Лк. 11, 34

Если же око твое будет чисто, то и все тело твое будет светло.

Кто сподобится увидеть самого себя, тот лучше сподобившегося видеть ангела. Прп. Исаак Сириянин

Кто сподобится увидеть самого себя, тот лучше сподобившегося видеть ангела.

Как пишет св. Макарий Великий:

«Всякий должен знать, что есть очи, которые внутреннее сих очей, и есть слух, который внутреннее сего слуха».

К чему ведет наличие у человека внутренних очей и слуха, об этом так говорит прп. Исаак Сириянин:

«Кто ежечасно назирает за душою своею, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю Духа».

Развитие этих-то особых «внутренних» органов является одним из показателей роста «духовного» человека.

Как пишет о. Иоанн С:

«У нас внутри есть духовное око, которым мы в миллион раз больше видим, чем телесным зрением, которое есть только орудие нашего духовного ока, проводник, через который душа или думает, или познает все видимые предметы. Какие предметы созерцания этого духовного ока? Явления мира духовного. Кроме видимого мира есть Бог – бесконечный Дух, бесконечный Ум, все сотворивший и творящий в мире вещественном, который есть осуществление Его мыслей (идей); и есть мир духовный, ангельский, бесчисленный, живущий в постоянном созерцании Божества и всех дел Его всемогущества и премудрости. Духовное око наше и относится больше всего ко Господу, и в этом случае действие Его называется созерцанием и богомыслием: это созерцание и богомыслие может простираться в бесконечность, как бесконечен Сам Бог и имеет свойство очищать душу от греха, усовершенствовать и приближать все больше и больше к Богу – источнику нашего света или нашей мысли и нашей жизни».

Итак, у «внутреннего» человека должна постепенно развиваться способность непрестанного внимания вовнутрь себя – на свои мысли и чувства, склонности, запросы и переживания.

Следует заметить, что эта способность наша слышать внутренним ухом и видеть духовными очами важнее для нас, чем зрение и слух физические. Про это говорит Сам Господь, Который скорбел за евреев из-за отсутствия у них внутренних глаз и ушей. Он говорил про евреев: «Они своими глазами смотрят и не видят; своими ушами слышат и не понимают» (Мк. 4, 12).

Как пишет преподобный Исаак Сириянин:

«Потщись войти во внутреннюю свою клеть – и узришь клеть небесную; потому что та и другая – одно и то же, и, входя в одну, видишь обе. Лестница того царствия внутри тебя сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха – и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить».

Как видно из слов прп. Исаака, наличие способности внутреннего зрения предопределяет возможность спасения души человека через покаяние. Спаситель говорит: «Светильник тела есть око; итак, если око твоё будет чисто, то и все тело твоё будет светло; а если оно будет худо, то и тело твоё будет темно. Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма? Если же тело твоё все светло и не имеет ни одной темной части, то будет светло все так, как бы светильник освещал тебя сиянием» (Лк. 11, 34–36).

Здесь Господь говорит о невещественном теле души и способности видеть её одеяние – или в грязь страстей и пристрастий, или в красоту добродетелей: любви, веры, смирения и т. д.

И если внутреннее «око чисто», если человек умеет видеть появляющиеся на одежде души его пятна греха, то он будет иметь возможность наиболее глубокого покаяния, а через покаяние – очищения и преображения.

При «худом» же оке, т. е. внутренней слепоте, у человека нет возможности видеть пятна греха на одежде души. Отсюда нет и возможности покаяния.

Следует, впрочем, оговориться, что развитие внутреннего зрения есть лишь медленный процесс, как и весь процесс преображения «внешнего» человека во «внутреннего».

Иначе душе человеческой было бы даже худо при внезапном полном просветлении внутренних очей. Об этом так говорит подвижник благочестия И. И. Троицкий:

«Не вдруг открывает Господь грехи человека ему самому: иначе он от страха не вынес бы и умер».

Важнейшим условием для приобретения способности внутреннего зрения – очей сердца – является, по словам прп.

Варсонофия Великого, наличие в человеке нищеты духа и смирения. Он пишет одному из своих учеников:

«По силе внутреннего человека трудись над тем, чтобы смирить свои помыслы, и тогда Бог откроет очи сердца твоего».

Как говорит прп. Макарий Великий:

«Как эти очи чувственно видят и распознают лице друга и любимого, так очи души достойной и верной, просвещенные Божественным светом, духовно видят и распознают истинного Друга, сладчайшего Жениха Господа, как скоро душа озарена Святым Духом. Таким образом, душа, мысленно созерцая единую и неизглаголанную красоту, уязвляется Божественной любовью, настраивается ко всем духовным добродетелям и вследствие сего приобретает беспредельную и неистощимую любовь к вожделенному для нее Господу».

Препятствием к развитию внутреннего зрения (своей души и ее состояния) является впечатлительность (т. е. сильное сердечное переживание внешних явлений – событий, рассказов, книг, разговоров и т. п.).

Как противодействовать этому?

Еп. Арсений (Чудовской) отвечает:

«Гляди больше внутрь себя: там ты увидишь всю свою скверну. Это вызовет другого рода впечатлительность – скорбь, плач, сожаление о своих грехах, результатом чего будет не беспокойство, которое порождается первого рода впечатлительностью, а внутреннее успокоение, умиротворение сердца».

Глубина познания себя и ведение глубины человеческой греховности является тем же, что и достижение духовной мудрости. И тогда, по словам архиепископа Иоанна, «мера мудрости человека определяется и мерой его евангельской ненависти к себе».

«Чистый сердцем, – по словам св. Григория Нисского, – не видит в себе ничего, кроме Бога».

Итак, «чистые сердцем» увидят Бога не только за гробом в Царстве Небесном, но еще и здесь, на земле, их внутренний

человек будет созерцать великую любовь к себе Бога, Его всегдашний неизменно благой Промысл, и понимать мудрость направления Им всех судеб – своей, близких и всех народов. И в мире со всем миром в его успокоенной душе всегда будут звучать слова св. Иоанна Златоустого: «Слава Богу за все!» – «Аллилуиа!»

Глава 17. Различие «внешнего» и «внутреннего» человека

Указанную выше характеристику «внутреннего» и «духовного» человека и его отличие от «внешнего» и «душевного» можно резюмировать следующей таблицей:

«Внешний», или «душевный», человек
«Внутренний», или «духовный», человек

1. Бог

Преимущественно лишь отвлеченное, абстрактное понятие. Бог далек. Если мысль и обращается к Нему, то холодно, лишь по привычке, при чтении молитвенного правила.

Бог – любящий, всеблагий, заботливый, как мать, всепрощающий при покаянии, а главное – близкий и во всех делах моей жизни (самых малейших) принимающий участие. Исполняет всякую просьбу, если она на пользу мне или ближнему.

2. Святые

Святые – где-то там, вне моей жизни.

Святые – близкие братья во Христе, которые молятся за нас всегда, заботятся о нас. Они чутки ко всякой просьбе и тотчас же передают ее Богу.

3. Цель

Есть текущая забота, суета, тягости, неприятности. Ум обычно не задается вопросом о цели жизни, не думает, что она не сегодня, так завтра оборвется.

Все подчиняется одному внутреннему требованию – как угодить Господу и стяжать Святого Духа, и тем сделать себя достойным для будущей, истинной вечной жизни. Каждый день

хочется провести так хорошо и собранно, как последний день жизни.

4. Таинства Церкви

В Таинствах покаяния (исповеди) и причащения Святых Таин или совсем не участвуют, или участвуют один раз в год, по обычаю, а не по потребности в них.

В Таинствах Церкви покаяния и причастия видят необходимейшее средство для поддержания жизни в духе и участвуют в них если не каждое воскресенье, то не реже раза в месяц. Наблюдают, запоминают или записывают свои грехи, тщательно готовясь к Таинствам.

5. Молитва

Если есть молитва, то в лучшем случае как «вычитывание» правила утром и вечером, обычно очень рассеянное, ум редко вникает в слова молитвы; в течение дня мысли о Боге теряются. Молитва не затрагивает чувств сердца и поэтому не приносит успокоения и мира душевного.

Молитва внимательная, сосредоточенная, мысли молитвы живо переживаются сердцем. Помимо «правила» мысли в течение дня все время обращаются к Богу то в непрестанной Иисусовой молитве, то за помощью перед началом дела, то с благодарением за полученную милость и помощь; то в молитве за ближнего, у которого неприятность или расстройство, то со славословием, покаянием и т. д.

6. Окружающие

Обычно не до них, а только до себя; интересы ближних далеки, к ним холодное чувство или даже вражда и неприязнь. Не хочется ни говорить, ни иметь с ними дела, за исключением самых близких: родных по плоти или близких по работе и светским интересам.

Все люди милы и любезны как братья и сестры во Христе или как «образы Божии» (даже из числа неверующих и далеких по миросозерцанию). Хочется сделать им приятное: скорбящих утешить, грустных развеселить, несчастным помочь и т. д. Думы не о себе, а о ближних – как им помочь, послужить, чем-либо скрасить их жизнь, чем-либо их обрадовать.

7. Обычное состояние души

Душа в томлении, беспокойстве, в неудовлетворенности жизнью и окружающей обстановкой. Часто унывает, бывает печальна или раздражена.

Дух светел, радостен, безмятежен, покоен, мирен, всем доволен, во всем видит благой Промысл Божий, за все благодарит Бога: «Слава Богу за все!»

8. Господствующие мысли

О том, что тяготит в жизни, что не удовлетворяет, что мешает, от чего хочется избавиться, чего человек боится, чего опасается, что страшит или беспокоит в будущем; или человек желает чего-либо страстно – во что бы то ни стало и т. д.

При безмятежности о будущем, при полном довольстве настоящим мысль обращается только к текущей задаче – как ее выполнить по воле Бога и в согласии с Его заповедями. Что сейчас поручает мне Господь? Не грешу ли я в чем-нибудь в чувствах и мыслях? А все будущее Господь Сам управит!

9. Мысли о себе

Все в жизни зависит от меня, моей предусмотрительности, ловкости и умения. Незачем с кем-либо советоваться – я сам все понимаю хорошо; только мое мнение правильно и безошибочно.

Все зависит от Промысла Божия; одни мои усилия ничего не значат. На все надо искать помощи у Бога и испрашивать ее в постоянной молитве; я – ничто, грешен, жалок, слеп и убог. Самое лучшее – во всем слушаться мудрого старца и духовного отца, через которых говорит Сам Бог. Кроме того, надо внимательно прислушиваться ко всем мнениям.

10. Досуг

Хочется развлечься, забыться. Книги нравятся занимательные, рисующие интересную жизнь, с замысловатой фабулой.

Хочется молиться, быть в уединении или задушевной беседе с близкими по духу; книги преимущественно духовные, очищающие душу и зажигающие огнем ревности в богоугождении.

11. А вот внешние признаки отличия непретворенного от духовного человека – по архиепископу Иоанну (Шаховскому):

«Лицо злого человека всегда колючее, неприветливое, и даже убийственно для окружающих».

«Сквозь лицо человека (особенно через его глаза) явственно видно бывает все доброе и светлое, что есть в нем; лицо доброго человека светится, как зеркало, отражающее внутренний мир правды Божией».

12. Все указанное свидетельствует о том, что:

Душа несвободна и находится в значительной мере во власти темной силы, которая цепко держит ее чувства, прививает страсти и пристрастия, посылает непреодолеваемые искушения и мысли.

Дух живет в Боге и стремится ко все более и более полному единению с Ним. Человек преображается ко всем любовью, смирением, душевным миром, совершенной радостью, иногда умилением и благодатными слезами и при высших ступенях – духовными озарениями.

Законы роста души человека

Глава 18. Влияние среды: передача чувств и подражание

Будьте подражателями мне, как я Христу. 1Кор. 11, 1

Будьте подражателями мне, как я Христу.

Спасайтесь от рода сего развращенного. Деян. 2, 40

Спасайтесь от рода сего развращенного.

При отношениях человека с другими людьми имеет место закон взаимного влияния – передачи чувств, как бы взаимного «резонанса», т. е. пробуждение в человеке того душевного переживания, которое он чувствует в другом.

Степень этого влияния зависит от идентичности (одинаковости, унисона) состояния соприкасающихся в чувстве душ. Сильна способность восприятия положительных эмоций у мягких сердцем, легко – восприимчивых, нежных, чувственных душ и слаба у душ с черствым сердцем – у «грубых натур». На основе этого закона возникают чувства ответной любви, жалости, сочувствия, сострадания.

Эта восприимчивость положительных эмоций особенно обострена у душ, исполненных Христовой любовью, и затихает по мере того, как человек приближается к состоянию эгоцентричности, или «автоэротизма» (обращенности на себя – эгоизма). Для последних будет, наоборот, характерно легкое восприятие от других уже отрицательных эмоций – гнева, раздражения, неприязни, озлобления, ненависти и т. п.

В связи с тем, что люди большей частью находятся в промежуточном состоянии между любовью и грубым эгоизмом и испорченностью, у людей под влиянием окружающих могут в какой-то мере последовательно зарождаться и положительные, и отрицательные эмоции.

Поскольку между душами человеческими существует тесная внутренняя связь, имеет место и закон взаимного подражания. Мы склонны перенимать манеры, привычки и обычаи

окружающих нас людей и проникаться их мыслями, стремлениями и желаниями.

На основе подражания передаются и вера, энтузиазм, мужество и т. п. Равно также заразительны противоположные качества – неверие, скептицизм, боязливость и т. д.

Как известно, заразительны также психические заболевания, и некоторые из медицинского персонала домов умалишенных кончают также сумасшествием.

Поэтому окружающая нас среда имеет для нас очень большое значение: она как бы формирует нашу психику, толкает наши мысли в определенном направлении, зарождает соответствующие ей чувства, пробуждает свойственные ей стремления.

Народная мудрость говорит: с кем поведешься, от того и наберешься. А премудрый Соломон писал: «Общающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми – развратится» (Притч. 13, 21).

Эта опасность настолько велика, что прп. Исаак Сириянин говорит:

«Лучше жить со зверями, чем с людьми худого поведения».

Как пишет архимандрит Иоанн:

«Основной закон духовного совершенства – окружение себя обстановкой, возвышающей, а не унижающей уровень души».

Как говорят св. отцы:

«С преподобным преподобен будешь, с мужем неповинным неповинен будешь, со избранным избран будешь, а со строптивым развратишься».

Старец о. Амвросий Оптинский приводит такой пример: «Когда дикая лошадь присмотрится, что прочие лошади идут спокойно, и сама пойдет в ряд. Так и человек», – добавляет старец.

Важным условием для проявления подражания является взаимная связь душ через любовь, симпатию или доверие. Эти чувства являются как бы проводником идей и стремлений от

одной души в другую. И наоборот, неприязнь и антипатия защищают душу от подражания.

Впрочем, и здесь, и из чужой для души среды, можно вынести привычки и обычаи; это будет касаться однако более внешних форм жизни, не затрагивая скрытых стремлений души и сердца.

Особенно сильное подражание себе могут вызвать люди с сильной целеустремленной волей и яркой индивидуальностью. Так объясняется влияние на общество народных вождей, виднейших писателей, ученых, артистов и т. п., а для христиан – подвижников, старцев, проповедников, духовных отцов и всех праведников.

Учитывая закон подражания, св. отцы единодушно дают указания о необходимости нашего теснейшего сближения с людьми с просветленной душой. Они дают такой совет:

«Если хочешь быть благочестивым, то найди человека, боящегося Бога и служащего Ему всей душой и живи с ним».

Прп. Иосиф Волоколамский добавляет к этому:

«Следуй ему во всем, внимай словам его, делай приятное ему: если ты нашел такого человека, будь покоен – ты нашел ключ к Царству Небесному».

По словам архиеп. Антония (Храповицкого), «та духовная сила, которая войдет в нас (при общении со старцами), просветит и примирит с жизнью, будет заключаться не столько в самом содержании ответа (на наши вопросы), сколько в том обстоятельстве, что светящаяся в облике и речи душа старца перельет и в вашу душу совершенно новое, дотоле вам неведомое, содержание».

Здесь следует, однако, оговориться, что, по словам схииархимандрита Софрония, «со святыми жить не всегда легко». Приводим его пояснение к этому заключению:

«Многие наивно думают, что со святыми приятно и радостно... Из отдельных встреч, которые исполняют нередко прежде печальную душу светлой надеждой и новыми силами, они готовы сделать заключение, что пребывание со святыми всегда так окрыляюще действует на душу. Это заблуждение. Никакой святой не может освободить от

необходимости личной борьбы с живущим в нас грехом. Он может содействовать молитвою, помогать словом и поучением, укреплять своим примером, но освободить от труда и подвига он не может. Когда же святой призывает и влечет нас жить по заповедям, тогда он может показаться «жестоким» (при наличии у нас лености и нерадения)».

Итак, общаясь со святыми и получая от них всякую духовную помощь, нам нельзя оставаться самым нерадивыми, и надо не забывать всегда, что «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» (Мф. 7, 14), хотя бы этот путь и был для нас совместен с ревнителями благочестия.

В Посланиях к Коринфянам ап. Павел пишет: «Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы» (1Кор. 15, 33), и далее: «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом» (2Кор. 6, 14–16).

«И потому выйдите из среды их и отделитесь, – говорит Господь, – и не прикасайтесь к нечистому, и Я приму вас» (Ис. 52, 11).

В другом послании ап. Павел пишет: «Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас», – и далее: «если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его» (2Фес. 3, 6, 14).

Поэтому, если двери дома христианина должны быть широко открыты для всех богомольцев, то они должны быть закрыты для людей безбожного мировоззрения. Должны быть закрыты они и для тех, кто, называя себя христианами, на деле распинает Христа, не гнушаясь смертными грехами.

Про это пишет ап. Павел: «Я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или

пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе... Итак, извергните развращенного из среды вас» (1Кор. 5, 11, 13). При этом ап. Павел допускает поверхностное общение с окружающим нехристианским миром. «Иначе, – пишет он, – надлежало бы вам выйти из мира» (1Кор. 5, 10). Очевидно здесь надо проводить резкую границу между вынужденным деловым отношением с людьми и добровольным тесным общением.

По существу близкое, душевное общение между людьми, живущими вне Бога и живущими в Боге, вообще невозможно. Различие их мирозозерцания, взглядов, чувств, интересов и направления воли настолько велико, что исключает взаимное понимание и сближение.

Прп. Симеон Новый Богослов пишет:

«Мертв для святых мир и люди мира. Поэтому как мирские, видя, не видят добрых дел святых мужей и слыша, не могут понять Божественных словес... так и духовные и святые мужи не могут видеть лукавых дел мирских людей и понять страстных речей их. Духовные люди, видя, не видят того, что в мире, и слыша о том, что касается мирских людей, находятся в таком Божественном состоянии и расположении, как бы не слушали, по неимению к тому чувства».

А старец Силуан пишет:

«Когда духовный человек встречается с недуховным, то обоим им скучно и тяжело общение».

И те люди, которые говорят, что они живут со Христом и тесно дружат с людьми безбожного мирозозерцания, сами этим обличают себя. Этой дружбой они доказывают, что их душа в какой-то мере близка к тому страстному устроению и философии безбожия, которые присущи людям мира.

Однако следует оговориться, что разделение людей на «добрых» и «злых» не может происходить только по формальным признакам «верующих» и «неверующих» (или тем более «православных» и «иноверцев»).

Иуда был апостолом, но стал предателем Христа. Савл был гонителем, но стал первоверховным апостолом Павлом. Можно

встретить в жизни людей неверующих, но любящих истину и чистоту души.

Эти люди обычно были воспитаны вне религии или не имели случая познать Христа и свет Его учения. Они являются как бы невыявленными христианами и часто стоят ближе к Богу, чем именующие себя верующими, но являющиеся людьми, далекими по духу от Христа.

Вместе с тем приходится встречать в жизни людей, посещающих храмы и соблюдающих постановления и обряды Церкви, но совершенно мертвых душой из-за отсутствия любви к людям (вспомним Иудушку Головлева из сочинения Салтыкова-Щедрина).

Поэтому в вопросах о сближении с людьми могут встретиться случаи, когда вопреки общим апостольским правилам (изложенным выше) христианину надо будет сблизиться с неверующим человеком в надежде, что он придет ко Христу.

С другой стороны, может быть, ему надо будет удалиться от тех, кто лишь по видимости участвует в жизни Церкви. Здесь нужна добродетель «рассудительности» и советы духовных отцов и старцев.

На основе закона подражания мы являемся в значительной степени производными окружавшей нас среды. Но этой средой являлись не только окружавшие нас люди, но и все личности, с которыми мы знакомились или через литературу, или через устные рассказы. При этом если эти образы были ярки и милы душе, то действие их, может быть, было сильнее, чем окружавших живых лиц.

Так влияют на формирование души писатели, в этом их ответственнейшая роль перед человечеством. Поэтому христианин всегда должен учитывать для себя не только влияние окружающей его среды живых людей, но и читаемой им литературы.

В силу этого он является в значительной мере сам кузнецом своего счастья: если выберет он себе среду положительных, добродетельных людей и будет читать питающие истиной и

формирующие душу книги, то благо ему – он предопределил себя ко спасению.

Из закона подражания вытекает сам собой и закон душевной наследственности – в какой-то мере общности души детей с их родителями или воспитателями. Об этом говорят и старцы, и народная мудрость: яблочко от яблони недалеко падает.

В частности, старец Леонид Оптинский предлагал при выборе жениха и невесты судить об их склонностях (еще, может быть, не вполне развившихся) по характеру их родителей, у которых эти склонности должны быть выявлены уже в полной мере (для жениха – по его отцу, для невесты – по ее матери).

Однако признаваемый старцами закон душевной наследственности верен лишь в качестве общего правила, при котором часто бывают и исключения. Мы знаем, что великомученица Варвара имела нечестивого отца, а прп. Феодосий Печерский совсем не походил по своему духовному устройению на свою мать. То же можно сказать про прп. Савву Освященного.

Все подобные исключения подпадают под закон духовной «прививки», имеющей аналогию с прививкой фруктовых деревьев.

На эту аналогию обращает внимание ап. Павел, когда он говорит о преображении души язычника и христианина, как о прививке ветки дикой маслины к корню культурной (Рим. 11, 17).

Действительно, изъятие души человеческой от влияния среды может произойти лишь при наличии духовной прививки – зарождения новых склонностей сердца. Эта прививка парализует влияние окружающей среды и дает душе как бы новую жизнь, новое содержание, новые привязанности и склонности. Ярким примером этого является преображение души царевича Иоасафа под влиянием старца Варлаама.

Зарождение же «внутреннего» человека есть перенос падшей (еще со времен Адама) человеческой души на новую основу роста, которой является Сам Христос. Господь так говорит об этом: «Я есмь лоза, а вы ветви» (Ин. 15, 5).

Естественно, что и к здоровому корню может быть сделана и дурная прививка; это все случаи потери веры и греховных падений молодежи, выраставшей ранее в духовно-здоровой среде.

Глава 19. Привычки

Бойся плохих привычек больше, чем врагов. Прп. Исаак Сириянин

Бойся плохих привычек больше, чем врагов.

Пословица говорит, что привычка есть вторая натура. И это глубокая истина. Человека можно соответствующим воспитанием и развитием добрых привычек сделать порядочным – честным, трудолюбивым, аккуратным, воздержанным.

Наоборот, даже в доброй натуре могут развиваться скверные и трудноискореняемые привычки, например: поздно вставать с постели, не уметь обслуживать самого себя, быть недисциплинированным, неряшливым и т. п.

Значение развития привычек чаще всего недооценивают при воспитании, а их значение в жизни необычайно велико.

О возникновении и значении привычек так пишет один пастырь:

«Привычка создает святых, но привычка же создает и осужденных на вечную муку».

Закон привычки – это закон духовной инерции. (Последняя определяется как «неспособность тел изменять самопроизвольное свое состояние покоя или движения».) Поэтому прочная привычка – это большая сила, которая легко преодолевает препятствия, но которую вместе с тем не так просто в себе выработать.

При наличии прочных, давно установившихся привычек соответствующие им действия совершаются человеком очень легко, полуавтоматически – почти без затраты волевых усилий. Поэтому хорошая привычка – это скопленный духовный капитал, процентами с которого можно жить всю жизнь. И наоборот, скверная привычка – это яд в крови, который постоянно отравляет человеческую жизнь.

Старец Силуан так пишет об этом:

«Жизнь свою я провел в добре и в грехах и узнал за шестьдесят лет, какую силу имеет привычка. И душа и ум могут приобрести привычку. К чему привыкнет человек, то так и делает. Если привыкнет ко греху, то так и будет постоянно тянуть ко греху, и бесы в том помогают; а если привыкнет к добру, то Бог ему в том содействует Своею благодатью. Так, если привыкнешь постоянно молиться, любить ближнего и плакать в молитве за весь мир, то так и будет влечься душа к молитве, слезам и любви. Если привыкнешь давать милостыню, быть послушным, откровенным на исповеди духовному отцу, то так и будешь всегда делать, и в этом найдешь ты покой в Боге».

Капитал добрых привычек может иметься как у отдельных личностей, так и у целых наций. Так, у англичан и у немцев имеются передаваемые по наследству привычки точности и аккуратности во всех житейских делах и работе; у восточных народов – обычай гостеприимства и т. п.

У русских, хотя и много доброго в душе, но, к сожалению, ряд плохих привычек был заимствован у татар (как, например, скверная ругань).

Как скопить себе духовный капитал добрых привычек? Нормально это должно быть дано воспитанием с детства. В этом одна из основных обязанностей родителей, воспитателей и учителей.

Но если это не было достигнуто в каких-либо отношениях в детстве, если человек имеет нужду перевоспитать себя в зрелом возрасте, то это потребует большого внимания и упорного и систематического труда.

Эта задача обычно бывает очень трудна. Недаром древние греки говорили, что «самая большая победа – это победа над самим собой». Для христианина она вполне возможна.

Как и во всяком деле, работу над собой по развитию добрых привычек христианин должен начать с усиленной о том молитвы, которая должна не ослабевать до тех пор, пока просимые привычки не будут прочно внедрены. И

соответствующие прошения и молитвы о том должны быть добавлены ко всем нашим обычным молитвенным прошениям.

Вместе с тем должны быть определены все те наши привычки, которые должны быть искоренены, и намечены те, которые должны быть развиты. Сделать это самим будет трудно, так как мы обычно бываем слепы на наши привычные недостатки. Здесь следует прибегнуть к совету духовных руководителей, не пренебрегая вместе с тем мнениями по этому вопросу и наших близких. Последние и без вопросов о том часто обличают и укоряют нас, только мы не всегда обращаем на их указания должное внимание.

Затем большую пользу может нам оказать изучение характеров и образа жизни тех подвижников благочестия, которые по образу жизни и положению в обществе нам близки. Так мы можем найти не только описание необходимых человеку положительных привычек, но и указание, как их приобрести, как встать на тот путь, который приводил великих людей к их достижениям.

В жизнеописании одного из великих писателей имеется рассказ о том, как достиг он привычки очень рано вставать по утрам. Чтобы добиться этого, он обещал своему слуге награду за каждое утро, когда тому удастся поднять его рано. В первый день слуге не удалось поднять писателя.

«Друг мой, – сказал тогда последний слуге, – и ты потерял награду, и я рабочее утро; будь настойчивым и не обращай внимания утром ни на мои просьбы, ни на угрозы». После этого слуга стал по утрам неумолимым, не оставляя писателя до тех пор, пока тот не вставал. «Этому слуге, – говорил про себя писатель, – я обязан многими томами своих сочинений».

Но как ни хороши могут быть найденные из опыта; других методика и приемы по развитию в себе добрых привычек, не в них главное условие успеха. «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его», – пишет псалмопевец (Пс. 126, 1).

Здесь, повторяем, залог успеха в помощи Божией, достигаемой усиленной молитвой. Эта помощь Божия скажется

в созидании тех условий жизни, при которых будут легко искореняться плохие и прочно насаждаться хорошие привычки.

В основном это будет создание для христианина такой жизненной обстановки, которая будет развивать его волю, приучая к преодолению всевозможных трудностей. Тем, кто просит о развитии в них добрых привычек, не будут посланы легкие пути. Сталь тверда лишь после закалки. Так должна быть закалена в лишениях и суровых условиях и душа христианина. Ему не полезно богатство. Усиленный труд разовьет в нем трудолюбие и отвращение к безделью и праздности. Умеренность в пище поможет развитию воздержания. Низкое положение в обществе будет способствовать привычке скромно держаться и т. д. Недаром в древности славилось суровое спартанское воспитание и общеизвестен вред баловства при воспитании детей у зажиточных родителей.

Итак, испытаниями, лишениями, скудостью Господь Сам помогает нам в развитии в нас добрых склонностей и привычек.

Очевидно, что вместе с другими лишениями и пост служит к закалке нашего духа и развитию добрых склонностей и привычек. И это одна из сторон благодетельного влияния поста на дух христианина.

Вместе с тем надо помнить, что изменения в росте духовного организма происходят постепенно и медленно, как и рост и изменения всякого организма из растительного и животного мира.

Господь Сам говорит об этой постепенности, когда сравнивает рост Царства Небесного в душе человека с медленным и постепенным ростом растения (Мк. 4, 26–32).

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Если привычка потребует чего однажды и требование ее не будет исполнено, то в другой раз найдешь ее слабою. Если же однажды исполнишь ее волю, то во второй раз найдешь, что нападает она на тебя с гораздо большею силою».

Итак, в развитии своих добрых привычек и добродетелей нельзя рассчитывать на внезапность перемены, но лишь на достижение результатов после постоянных усилий при постепенности в отношении трудности поставленных перед

собою задач. Характерным примером в этом отношении будет тот метод, каким прп. Дорофей приучал своего ученика Досифея к воздержанию в пище (приводится ниже в части 4).

Следует сказать, что закон привычки имеет силу и приложение преимущественно к человеку в период очищения его сердца. Созревший духовно человек обладает настолько сильной волей, что легко совершает все – включительно до великих подвигов, вне зависимости от наличия привычек. Ап. Павел говорит: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13).

Однако на всех ступенях духовной жизни наличие добрых привычек сильно облегчает жизнь в добродетели.

Цепь добрых привычек – это ограда нашего духа, стены крепости, которые должны быть целыми и нерушимыми во всех местах.

Прорыв в одном месте, одна брешь в стене уже предадут город неприятелю. Так и одна дурная привычка (праздности, осуждения, невоздержания, небрежности и т. д.) лишает христианина духовной устроенности – сопребывания в нем Духа Святого Божия.

Какие из добрых привычек прежде всего надо развить в себе христианину?

Ответ на этот вопрос будет даваться в ряде глав. Однако наиболее важные привычки следует подчеркнуть особо.

Так, в отношении молитвы нам следует:

1) Привыкнуть выполнять молитву тщательно, неторопливо, с наивысшим вниманием, что будет способствовать пробуждению в сердце тех чувств, которые соответствуют словам молитвы.

2) Приучить себя к по возможности частой – в течение всего дня – молитве.

3) Молитву, в особенности утреннюю, почитать особо важным делом дня.

В отношении к ближним следует приучить себя:

1) К тщательному сбережению своего мирного состояния духа, имея отвращение к спорам, раздражению, ссорам, упрекам, укорам и т. п.

2) К предпочтению, когда это возможно, воли ближнего, а не своей (в житейских делах).

3) По возможности к исполнению всех просьб ближних, не противоречащих совести или интересам других, ставя себе целью «успокоение» духа ближних.

4) Единодушных посетителей принимать, как посланных от Бога, оказывая им гостеприимство, радушие и всякую помощь.

В отношении слова надо приучить себя:

1) К скудости слов, не говоря ничего лишнего и ненужного («праздного»).

2) Иметь отвращение ко лжи и осуждению других.

3) В основе всех слов иметь любовь к ближним и поддержание в них бодрости духа.

4) К частому произношению слов: «прости», «благодарю», «пожалуйста».

Во всех делах надо приучить себя:

1) К проверке себя перед всяким делом – можно ли получить на него благословение Господа, поручается ли оно мне сейчас? И не есть ли это дело – та излишняя «заботливость» житейская, избегать которой велел Господь? (Лк. 21, 34.)

2) К неторопливому, тщательному и своевременному выполнению своих дел.

3) Не быть в праздности.

4) Приучить себя к возможно более раннему подъему с постели, сразу вставая с нее.

В отношении пищи надо приучить себя:

1) Принимать пищу только в определенное время.

2) Есть и пить мерю, не позволяя себе пресыщения.

3) Принимать пищу с молитвою и с благоговением, как Божий дар.

В области мыслей надо приучить себя не позволять себе мыслей маловерия, неприязни, осуждения и боязливости.

Глава 20. От внешнего к внутреннему

Приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне... а потом ешь и пей сам... Лк. 17, 8

Приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне... а потом ешь и пей сам...

Делайте, делайте внешнее, а за внешнее Господь даст и внутреннее. Один из подвижников

Делайте, делайте внешнее, а за внешнее Господь даст и внутреннее.

Когда мы читаем Священное Писание, жития святых и творения св. отцов, то перед нами открывается красота души человеческой. Эта красота озаряет образ Христа и всех, кто последовал за Ним.

Как прекрасный сад с благоухающими райскими цветами и разнообразными деревьями, отягощенными ароматными плодами, открывается тогда перед нашим взором душа преображенного Христом человека, украшенная всеми видами добродетелей и духовных даров.

Мы начинаем понимать, что Царство Божие действительно может открыться в душе человека – «ибо Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17, 21). И тогда и нам самим начинает хотеться приобщиться в какой-то степени к этой сокровищнице добродетелей.

Так некогда апостолы захотели иметь в себе одно из таких сокровищ духа – захотели иметь полноту веры. Они сказали Господу: «Умножь в нас веру». Ответ Его был таков: «Если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас. Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойді скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, а потом ешь и пей сам?» (Лк. 17, 5–9).

Как мы видим, Господь не исполнил просьбы апостолов, но Он объяснил им, почему их просьба неразумна. Во-первых, они не понимали, чего они просили. Они просили великого дара, всю ценность и значение которого они не признавали.

Дар веры – это дар всемогущества, дар такой силы, которая может «исторгнуть смоковницу» и «пересадить ее в

море» (Лк. 17, 5), и для человека, обладающим им, по словам Господа, «ничего не будет невозможного» (Мф. 17, 20).

Естественно, что такие дары даются не даром. И притча Христа о пашущем рабе объясняет это. Господь в этой притче говорит, что всякий раб сначала должен потрудиться и послужить своему господину, а потом уже может и рассчитывать на награду, на то, что будет сам отдыхать и насыщаться – «есть и пить сам».

Вот законный и очевидно единственный путь для приобретения сокровищ добродетелей – веры, любви, смирения и т. д. Эта мысль о необходимости предварительного тяжелого труда и преодоления трудностей пути, ведущего к сокровищам Царства Небесного, встречается во многих речах Господа (Мф. 7, 14; Лк. 13, 24). Не будем преуменьшать этих трудностей. Знаем ли мы, насколько мы беспомощны и бессильны по отношению к нашему сердцу?

Мы не можем волевым усилием ни подавить сразу в нем зародившейся страсти, ни пристрастия, или, наоборот, насадить в нем какую-либо добродетель; нельзя заставить себя полюбить кого-либо, не быть тщеславным, никогда не раздражаться и т. п. Также нельзя заставить себя быть смиренным в сердце, верить, надеяться и т. д.

Можно раздавать деньги или вещи, но оставаться, однако, алчным в душе, и тогда как немилосердному быть негодным к Царству Божию. Можно нести суровый пост, но быть все же чревоугодником. Можно бежать мира, т. е. мирских интересов, но продолжать любить его сердцем. Можно творить многие молитвы, но не любить еще Бога.

Всякий такой внешний подвиг не делает нас сразу пригодными для Царствия Божия, а лишь служит к тому, чтобы снискать милость Божию и получить через Его благодать очищение сердца от страстей и пороков и насаждение в нем взамен их соответствующих добродетелей.

Одного же нашего усилия недостаточно. Господь говорит: «Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» (Ин. 6, 36).

Старец Силуан пишет об этом так:

«Если бы все народы земли знали, как любит Господь человека, то все возлюбили бы Христа и Христово смирение и желали бы всем уподобиться Ему. Но самому человеку невозможно это, ибо только в Духе Святом становится человек подобен Христу. Падший человек покаянием очищается и обновляется благодатию Святого Духа, и делается во всем похожим на Господа».

Ни постижение истины, ни желание спасения души, ни самые добрые дела еще не решают жизненную задачу христианина, т. е. преобразования сердца через вселение в него Святого Духа Божия. Без действия благодати сердце останется черствым, эгоистичным и холодным и к Богу, и к людям, страсти в сердце – живыми, ум – гордым и самоуверенным.

Все доброе, все очищение сердца, искоренение страстей, снятие с человека «окамененного нечувствия» совершается благодатью Божией как награда за предварительные многие дела богоугождения. В этом отношении имеется полная аналогия с развитием тепла от горения. Одни дрова не дают тепла. Не дает его и кислород воздуха. Но соединение их дает огонь.

Так и преобразование сердца человеческого, просветление его Духом Святым совершается при наличии взаимодействия двух условий: 1) свободного произволения, усилий души человеческой и упорного длительного труда и 2) действия благодати Божией, искоряющей страсти и пороки сердца и насаждающей в нем добродетели.

Отсюда спасение в наших руках, потому что благодать всегда готова на спасение человеческого сердца, лишь бы человек сам приложил усилия для своего спасения.

Этот закон был так сформулирован одним из подвижников:

«Делайте, делайте внешнее, а за внешнее Господь даст и внутреннее; ибо внешнее принадлежит нам, а внутреннее Богу».

О том же пишет и еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Всякая евангельская добродетель избирается благим произволением, но даруется Христом произволяющему как дар».

В чем состоит наш труд для приобретения любой добродетели?

Мы должны проявлять внешние признаки добродетели, и тогда она появится в нас. Здесь как бы прием искусственного дыхания у человека, который сам не может дышать. После искусственного появляется и естественное дыхание.

Так, для развития любви нам надо пройти вначале через дела милосердия, когда мы с некоторым усилием будем принуждать себя помогать в нужде ближним. Так постепенно в нас будет расти вкус к делам милосердия, пока в сердце не засветится наконец огонек благодатной Христовой любви.

Таков же путь восхождения от молитвословия к молитве. Это путь от принуждения себя к терпеливому выстаиванию и вычитыванию молитв и тягостным для тела поклонам до переживаемой сладостной беседы с Господом, о которой поглощен ум, от которой горит сердце и текут слезы радости и умиления.

Таков же путь стяжания и развития смирения.

Об этом так пишет епископ Вениамин (Милов):

«Кто предупреждает приветствия других своим приветствием, выражает ко всем услужливость, почтительность, всех предпочитает всюду себе, молчаливо терпит разные огорчения и всемерно напрягается мысленно и практически в самоуничижении ради Христа, тот первое время переживает немало тяжелых и трудных для личной гордости минут. Но за безропотное и терпеливое исполнение заповеди Божией о смирении на него свыше изливается благодать Святого Духа, смягчает его сердце для искренней любви к Богу и к людям, и горькие переживания его сменяются сладостными. Так действиями любви без соответствующих чувств любви в конце концов вознаграждается человек изливанием в сердце небесной любви. Смирившийся начинает чувствовать в окружающих лицах родных во Христе и располагает к ним благожелательностью».

Точно так же должны мы восходить от исповедания Бога к вере. Здесь мы должны стяжать веру через труд исполнения заповедей Божиих. Через это будет усиливаться наша вера,

пока она не заблестит в душе, как путеводная звезда, и не сделается твердыней, о которую будут разбиваться, как волны о скалу, все искушения и соблазны.

К подобному труду нас призывает Сам Господь. В Своем призыве Он не зовет к Себе любящих Бога и ближнего, или чистых сердцем, смиренных, кротких и т. д. Он знает, что без Его благодати ничего этого в нас нет. Но Он зовет к себе «труждающихся» и «обремененных», предлагает взять «иго Его» (Мф. 11, 28) и тогда обещает «успокоить» нас.

Внешний труд – это законный путь развития всех добродетелей: всякая из них есть великое сокровище и истинное богатство души христианской и даром не может быть получена. За наши труды по ее стяжанию она будет дарована нам как великий дар от Господа. Он Сам входит тогда в наше сердце и от Его лица

бежит тот порок, который угнетал в нашем сердце добродетель.

А когда в сердце, как благоуханный цветок, расцветет добродетель, в нем расцветает и совершенная радость, и христианин приобщается к истинному счастью, которое достижимо еще здесь, на земле, – к стяжанию внутри себя неоценимого сокровища – Духа Святого Божия.

Нам надо помнить всегда, что человек состоит из тела и души. Они тесно связаны между собою и взаимно влияют друг на друга. Но тело гораздо доступнее для нас в смысле воздействия на него. Душа таинственна и не поддается нашему воздействию, если только через благодать нам не дано подчинить ее Духу Святому Божию.

Путь к душе идет через тело. Отсюда происходят и те внешние религиозные обычаи и обряды, которыми богата практика Церкви. Сюда будут относиться: наложение на себя крестного знамения, ношение на груди креста, поклоны и стояние на молитве, наполнение храмов и жилищ иконами, каждение, особые одежды священнослужителей, возжжение перед иконами лампад и свечей и т. д. и т. д.

Внешнее пробуждает в нас внутреннее, оживляет веру, настраивает благоговейно, заставляет чувствовать святость и

Божие присутствие.

Как пишет глубокий психолог и знаток человеческой души о. Александр Ельчанинов:

«Телесные и психические процессы тесно связаны между собой и взаимно влияют друг на друга, и ничего унижающего духовную жизнь нет в том, что не всякие, а святые и символические позы и жесты влияют на духовную жизнь; все наше тело в его формах и линиях не случайно – «образ есмь неизреченная Твоя слава», и священные и символические выражения и жесты влекут за собой Духовно высокие состояния в душе и духе».

Вместе с тем все освященные предметы имеют еще особую благодатную таинственную силу и действуют не только на нашу душу, но влияют и на тот космический мир, которым мы окружены, отгоняя от нас темные силы.

Указанный выше путь к приобретению добродетелей – «от внешнего к внутреннему» – не следует, однако, понимать так, что христианин может успокоиться на одном формальном выполнении духовных обрядов и внешней молитвы («вычитывания правил») без внимания к внутренней жизни и состоянию своего сердца.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Человек напрасно трудится во внешнем, если не будет заботиться о внутреннем... Ибо внутреннее делание с болезнью сердечной производит истинное безмолвие сердца; такое безмолвие производит смирение, а смирение делает человека селением Божиим. От вселения же Божия в человеке изгоняются лукавые демоны и начальник их диавол с постыдными их страстями, и человек делается храмом Божиим, освященным, просвещенным, очищенным и исполненным всякого благоговения, благости и радости. Человек сей делается богоносцем; даже более, он бывает богом, по сказанному: «Я сказал: вы боги, и сыны Всевышнего – все вы» (Пс. 81, 6)».

«Человек напрасно трудится во внешнем, если не будет заботиться о внутреннем...

Но одни религиозные обычаи, совершаемые только в силу привычки, не могут вызывать духовного совершенствования.

Более того, одни внешние подвиги иногда могут даже причинить вред душе. Это бывает в том случае, когда эти подвиги (поста, молитвы, милостыни и т. д.) совершаются по побуждению гордости, тщеславия и при самолюбовании. Тогда они будут лишь питать нашу гордость и губить нашу душу.

В одном факте внешнего подвига нет еще спасения души христианской, если только за ним не последует дара благодати – очищения от страсти и преображения нашего сердца.

А последнее может иметь место лишь тогда, когда каждый из подвигов совершается при великом смирении души христианской и когда, совершая их, говорят: «Мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17, 10).

Характерным примером, когда при отсутствии смирения внешние подвиги нимало не принесли пользы душе христианина, является следующий рассказ про одного инокa, взятый из святоотеческой литературы.

В один монастырь, строгий по своему уставу и по жизни иноков, поступил молодой отшельник. Как заметили опытные в духовной жизни старцы монастыря, этот монах отличался всегда необыкновенным спокойствием и никогда не раздражался, чего часто не могли достичь и более старые подвижники.

Таким он оставался и тогда, когда его обижали и делали что-либо ему неприятное. Все стали думать про него, что он уже в молодости достиг высокой степени совершенства.

Один из опытных в духовной жизни старцев монастыря однажды подошел к молодому иноку и спросил: «Брат, открой мне тайну твоей души – как достиг ты того, что никогда не теряешь спокойствия и не раздражаешься. Я уже стар, но и у меня иногда возникает раздражительность, а ты, такой юный, поборол ее».

Молодой подвижник тогда показал рукой на других иноков и сказал: «Мне ли раздражаться на этих псов».

Ужаснулся в душе старый подвижник той бездне гордости, которую он увидел в душе молодого инока, и, перекрестившись, молча отошел от него.

И если христианин не будет ощущать в себе веяния духовной жизни – смирения перед ближними, усердия в покаянии, усмотрения в себе грехов, ранее не замечаемых, по временам умиления и слез, теплого участия сердца к ближним, пожелания обличения, уменьшения осуждения ближнего, угасания интереса к миру, роста сосредоточенности в молитве и т. п., то пусть встревожится его душа.

Можно застыть во внешних формах религиозной жизни и уподобиться фарисеям, не идущим далее выполнения обрядов. Духовная жизнь должна реально ощущаться, и христианину надо уметь замечать ее изменения к лучшему, если, к несчастью, он не имеет опытного духовного отца или старца, способного постоянно руководить им в жизни духа.

Глава 21. Законченность

Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший. 1Кор. 12, 31

Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.

Верующих людей можно подразделить на две категории:

1. Люди, имеющие веру, но, однако, мертвые по духу. Это те люди, про которых Господь сказал: «Не всякий говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21–23).

Эти люди именуют себя христианами, но у них «вера без дел» (Иак. 2, 17), и они не имеют Христовых любви и смирения и самонадеянны. Таких, к сожалению, много и среди посещающих церкви и выполняющих христианские обряды.

2. Истинные христиане, живые члены Церкви, исполняющие заповеди Христа, любящие Бога и ближнего и творящие дела милосердия.

Этих последних необходимо, в свою очередь, подразделить на две группы: 1) растущие духовно и 2) находящиеся в

состоянии «законченности». Для пояснения этого приведем аналогию.

Человек, достигший зрелого возраста, обладает определенной мускульной силой, которая более не возрастает. У спортсмена же, постоянно упражняющего мускулы, эта сила все время возрастает и может намного превзойти силу обычного среднего здорового человека.

У всякого христианина имеется как ряд недостатков, так и наличие ряда добродетелей. Степень развития тех и других зависит от условий, обстановки и методов воспитания в период формирования человеческой души. Чаще всего при достижении известного возраста все эти способности стабилизируются, т. е. уже более не изменяются. Рост прекратился, и человеку остается как бы жить на проценты с его положительных (духовных) способностей и вместе с тем проявлять до конца жизни ряд недостатков, слабостей и несовершенства.

Христианин в этом случае как бы успокоился и подсознательно решил: «Хватит с меня тех достоинств, которые я имею». Он походит в этом случае на фарисея из Господней притчи, который, придя в храм, благодарил Господа за то, что он не грабитель и обидчик и что он постится и имеет возможность отдавать десятину (Лк. 18, 11–12).

Несмотря на то что у такого христианина есть и вера, и в какой-то мере добродетели христианские, все же наличие ряда недостатков, пристрастий и слабостей загрязняет его духовную одежду, ослабляет его подвиги, уменьшает дары благодати, отдаляет его от Христа. Подобного состояния христианин должен бояться.

Человек поднимается духовно по законам роста, и не страшно, если он только еще младенец по духовному возрасту. Но беда, если человек не будет расти, и в особенности в любви и смирении: это признак духовного неблагополучия, остановившегося роста или, что еще хуже, признак духовного умирания.

Св. отцы говорят, что «одна душа, ищущая совершенства, в глазах Господа дороже тысячи душ, не стремящихся к преображению своего сердца».

Поэтому для христианской души очень опасна остановка на пути совершенствования. Об этом так говорит мудрая игуменья Арсения:

«Самоуверенность и довольство своими поступками происходят от совершенного неведения своей души, что очень вредно, потому что ведет к законченности, закоренелости. Человек, удовлетворяющийся своими поступками, не сознающий всю недостаточность своих действий, не пойдет далеко».

О том же пишет и схиархимандрит Софроний:

«Часто встречается, что человек после некоторого опыта благодати не возрастает в ней, но теряет ее; религиозная жизнь его сосредоточивается в мозгу, как отвлеченное понимание. Пребывая в этом состоянии, он нередко мнит себя обладателем духовного ведения, не разумея, что подобное отвлеченное понимание, хотя бы и предваренное испытанием некоторой благодати, есть своеобразное извращение слова Божия, и Священное Писание по существу остается для него «книгой, запечатанной семью печатями»» (Откр. 5, 1).

О том же пишет и еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Утверждающие, что ныне невозможно христианину сделаться причастником Святого Духа, противоречат Священному Писанию и причиняют душам своим величайший вред. Они, не предполагая в христианстве никакой особенно высокой цели, не ведая о ней, не стараются, даже нисколько не помышляют о достижении ее, довольствуясь наружным исполнением некоторых добродетелей, лишают себя христианского совершенства. Что хуже всего – они, удовлетворяясь своим состоянием и признавая себя, по причине своего наружного поведения, восшедшими на верх духовного жительства, не только не могут иметь смирения, нищеты духовной и сердечного сокрушения, но и впадают в самомнение и в превозношение».

Как пишет игумен Иоанн:

«Жизненное шествие христианина должно быть непрерывным восхождением на гору Божию: и пусть при

этом не смущает нас то, что самый ревностный и сильный человек, опытный в восхождении, не избегает «отступок» и «падений»».

Поэтому нам надо в какой-то, каждому доступной мере подражать святым подвижникам в их подвигах и усилиях в духовном восхождении и бояться той самоуверенности и довольства собою, которые порождают законченность.

Хорошо, если мы будем иметь мудрых духовных руководителей, которые могли бы постоянно вскрывать наши недостатки и следили бы за нашим восхождением по ступенькам духовной «лестницы».

При отсутствии же таких руководителей необходимо внимательное изучение духовной литературы по вопросам духовного совершенствования и развития в себе способности к самонаблюдению через «внутреннее око» и чуткий духовный слух. Последний будет открывать нам в жизни Божии обличения и указания к исправлению через слова наших ближних, а также через обстоятельства жизни.

О последнем будем подробно говорить ниже в главе о послушании (часть 3).

К свойствам и способностям души

Глава 22. Слышание Божиего голоса – совесть

Будут все научены Богом. Ис. 54, 13; Ин. 6, 45

Будут все научены Богом.

Во всех делах своих, как светильником, пользуйся руководством совести. Прп. Нил Сорский

Во всех делах своих, как светильником, пользуйся руководством совести.

Когда Адам был безгрешен, он общался и беседовал с Богом.

С момента его падения человек лишен непосредственного общения с Богом и перестал слышать Его голос по своему недостоинству (за исключением Божиих избранников). Вместе с тем это было бы опасно и вредно для падшего человека: грех стал бы несравненно более тяжким, если бы он был прямым нарушением воли Божией, непосредственно возвещенной человеку. Только для святых, всегда исполняющих волю Господню, не существует этой опасности.

Но, прекратив Свое видимое и непосредственное общение с человеком, Господь не оставил его и продолжает постоянно учить и вразумлять его. Он вложил в него особую способность как бы прикровенно слышать Свой голос через голос нашей совести.

Как говорит авва Дорофей:

«Когда Бог сотворил человека, то Он всеял в него нечто Божественное, как бы некоторый помысел, имеющий в себе, подобно искре, и свет и тепло; помысел, который просвещает ум и подсказывает ему, что доброе и что злое; это есть естественный закон. Последуя этому закону, то есть совести, патриархи и все святые прежде написанного закона угодили Богу».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Что такое постоянное чувство неудовлетворенности, беспокойства – обычное наше чувство – как не заглушенный голос совести, говорящий в нас помимо нашего сознания и часто помимо нашей воли о неправде нашей жизни. И пока мы живем наперекор данному нам светлому закону, этот голос не умолкнет, так как это голос Самого Бога в нашей душе. Обратное же – то родное чувство полной удовлетворенности, полноты и радости – есть радость соединения Божественного начала нашей души с общей гармонией и Божественной сущностью мира... И если мы примем решение во всем всегда следовать голосу совести, так как это голос Божий в нас, то эта решимость разовьет в нас утерянный орган богообщения».

Итак, совесть есть голос Божий, улавливаемый человеческим внутренним ухом, который указывает человеку на всякое отклонение от добра, от исполнения воли и заповеди Божией.

Этот голос очень нежен, и способность его слышать легко потерять. Повторяющиеся грехи принижают нашу чувствительность к голосу совести. Когда человек не перестает совершать грехи и не кается в них, то голос совести замирает совсем. Про такого человека говорят, что у него «прожженная совесть».

Когда же человек старается замечать грехи, и кается в них, и наказывает себя за них, то это усиливает способность замечать и те грехи, которые раньше не замечались.

Чуткая совесть будет показывать не только грехи в делах или словах, но и малейшие оттенки греха в мыслях, как, например, мысли зависти, осуждения, недоброжелательства, злопамятности, ропота против Божьего Промысла и т. п.

«У нас есть достаточное руководство – совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь был лишен ее помощи», – говорит св. Иоанн Златоуст.

Голос совести слышится нами, когда мы внимательно проверяем состояние сердца. Есть ли в нем покой, мир, тишина? Не беспокоит ли его какой-либо из наших поступков или слов? Нет ли в нем какой-то подсознательной

неудовлетворенности или беспокойства? В мире ли оно со всеми людьми?

Ответы на эти вопросы дают показание о состоянии нашего духа, зависящего прежде всего от спокойствия совести.

Если нет этого спокойствия, нет мира и тишины на сердце, то надо немедленно искать причину, смутившую сердце. И когда причина, т. е. грех, найдена, то надо немедленно перед Господом очистить совесть покаянием.

Совесть не имеет связи с умом логики – она не зависит от этого ума.

Раскольников, герой произведения Достоевского «Преступление и наказание», был убежден логикой своего ума, что убийство старухи-ростовщицы, по его рассуждениям «паразита», будет хорошим делом, если отнятые у нее деньги употребить на добрые дела. Он поступил, как подсказывал ему его ум.

Но он не учел совести и законов Бога. Убив старуху, он вместе с тем нанес тягчайшую рану своей душе. А так как Раскольников не был по существу человеком с порочной душой и совесть и в нем была жива, то он не мог более спокойно жить из-за ее укоров.

Драма души его кончилась тем, что его высший разум и совесть победили, и он идет на публичное покаяние и ищет сам себе наказания, чтобы оживить свою тяжело раненную грехом душу. Так, через постоянные тайные призывы в душе Господь зовет к Себе погибающие в грехе души.

Но совесть не есть только наш обличитель: она есть и наш судья, как в этом, так и в будущем веке. Об этом так пишет св. Иоанн Златоуст:

«Нет, подлинно нет между людьми ни одного судьи столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судьи и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других средств, извращающих правду их суда. А судилище совести ничему такому не подчиняется, но хотя бы ты деньги давал, хотя бы льстил, хотя бы угрожал или другое что делал, она произнесет справедливый приговор против греховных помыслов и

соглашений, осуждает сама себя, хотя бы никто другой не обвинил ее».

«Поэтому. – пишет о. Сергей М., – совесть находится в исключительном положении, ибо никто так не знает наших грехов, никто не может следить за нами постоянно; в то же время мы имеем в себе самих такого блюстителя. В этом отношении совесть есть нечто неоценимое для нашего спасения, она есть некая Божественная искра, без которой не могли бы мы спастись.

Совесть – наш судья не только теперь, но и на Страшном Суде она будет нам первым и самым страшным судьей. Именно потому-то и будет страшен этот суд, что нельзя будет уже оправдаться, нельзя будет сказать то, что обвинитель неправ».

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Если можешь оправдаться сам в себе, в душе своей, то не заботься искать другого оправдания».

Вот почему Господь в притче Своей о «сопернике» (Мф. 5, 25–26), который и есть наша совесть, повелевает нам мириться с ним как можно скорее – «пока ты еще на пути с ним».

Но не надо думать, что голос Божий будет раздаваться внутри нас лишь для обличения нас в грехах. Господь неизмеримо милостив к Своим чадам, если только они действительно хотят быть Ему верными. Господь отвечает внутренним голосом на любой вопрос христианина, ищущего Его воли.

Он также предостерегает человека от всякого ложного, ошибочного шага, пути, решения или поступка. Как пишет авва Фаласий: «Учитель истинный есть совесть, которую слушающий пребывает непреткновенным».

А прп. Иоанн Лествичник говорит:

«Целью и правилом во всех случаях да поставляем по Богу совесть нашу и, узнавши, откуда веют ветры, по ее указанию распрострем паруса».

Нам надо лишь внимательно прислушиваться к внутреннему голосу в тишине уединения после молитвы. Когда же наступает внутреннее беспокойство, неудовлетворенность, какая-то неясность в чувствах, это говорит за то, что надо что-то

изменить или в жизни, или в своих планах, или в отношениях с людьми. Если неясно что-то – надо молиться; и тогда Господь откроет всегда Свою волю тем, кто хочет слушаться Его, кто волю Его ставит выше всего.

Пророк Исаия предсказал о том времени в истории человечества, когда *«все будут научены Богом»* (Ис. 54, 13).

Это время настало теперь – после пришествия Господа на землю, по свидетельству Самого Господа (Ин. 6, 45).

Христианину лишь надо приложить усилия к тому, чтобы воспринять этот дар – внутреннего духовного слуха. Надо стремиться к утончению этого слуха. И если только христианин будет тверд в исполнении получаемых от Господа повелений, то вся его жизнь будет неизменно руководиться от Самого Господа.

Так было с апостолами и теми из христиан всех веков, которые настойчиво стремились к постижению воли Господней и неуклонно исполняли ее.

Следует заметить, что, как для всякой добродетели, у способности внутреннего слышания голоса Божьего есть много ступеней.

У души, очистившейся от страстей и привыкшей к непрестанной молитве, этот слух настолько утончен, что она постоянно воспринимает голос Божий. Это ступень старцев и христиан с чистым сердцем.

То же бывает с ревностными к своему служению пастырями, по данной им от Бога благодати священства. Поэтому, когда они наставляют своих духовных чад, то их устами говорит Сам Господь.

Они единодушно свидетельствуют при этом, что необходимым условием слышания Божьего голоса является предварительная молитва о том, чтобы Господь послал им ведение Своей воли по данному вопросу. Тогда первая мысль после молитвы, по их свидетельству, бывает от Бога. Так говорили прп. Серафим и московский старец о. Алексей М.

Впрочем, здесь следует оговориться о тех случаях, когда пастырям приходится иметь дело с неверующими. Старец Варсонофий Оптинский говорит, что тогда Господь часто не открывает сердцу, что надо говорить ему на пользу посетителя.

Надо вспомнить, что Сам Господь, имея дело с неверующими в Него соотечественниками, *«не мог совершить там никакого чуда»* (Мк. 6, 5).

Как говорит прот. Валентин Свенцицкий:

«Всякая добродетель имеет свою черту, перейдя которую, она становится уже не добродетелью».

Так и у совести – ее крайнее обострение или, как говорят, «скрупулезная совесть» есть уже болезнь, и болезнь тяжелая и пагубная, по мнению старца Зосимы из Троице-Сергиевой Лавры.

В этих случаях нужно подобное состояние христианина называть уже «искушением», которое идет от лукавого. Последний старается всегда лишить христианина мира душевного и достигает это тем, что обостряет до болезненности, печали и уныния мысли христианина об упущениях, произвольных душевных ошибках или внушает ему сознание о гибели его души и т. д.

В таких случаях следует немедленно обратиться к старцу, духовному отцу, духовнику или христианину, духовно опытному и преуспевшему в изучении Священного Писания и св. отцов.

Глава 23. Сновидения

Старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. Деян. 2, 17
Старцы ваши сновидениями вразумляемы будут.

Душевная жизнь человека не прекращается и во сне. Да она и не может прекратиться, поскольку душа бессмертна. Только во сне отнята наша воля по отношению к телу, и вместо обычного сознания появляется так называемое подсознание.

Что жизнь души никогда не прекращается, доказывается снами. Следует заметить, что в течение сна нет момента, когда человек не видел бы внутренним взором каких-либо образов и не переживал бы тех или иных мысленных ощущений.

Кто хочет проверить это, пусть поставит себе целью в момент прекращения сна захватить умом конец сна. При некотором волевом усилии это удастся.

Итак, и во сне не прекращается душевная жизнь, только она приобретает другие формы.

Сонная жизнь души своеобразна: так, воспринятые нами слова во сне – это не слова, а мысли, которые приходят к нам откуда-то.

Чем можно объяснить нелепость снов и надо ли придавать снам значение?

Св. Симеон Новый Богослов пишет:

«Чем душа занята и о чем говорит наяву, о том мечтает или философствует она и во сне: проводит весь день в заботах о делах человеческих, о них же суетится она и в сновидениях; если же она все время поучается в вещах божественных и небесных, то и во время сна она входит в них же и умудряется видениями».

О том же так пишет и глубокий психолог о. Александр Ельчанинов:

«Во сне, когда гаснет наше нормальное сознание, исчезает контроль над собой; когда мы вполне искренни и ничего не стыдимся – тогда всплывают из глубин подсознательные первичные основы нашего существа, обнажаются самые глубокие пласты души, и мы больше, чем когда-либо, являемся самими собой. Типичные для наших снов образы, видения и душевные состояния есть самые верные, ничем не скрытые проявления нашей настоящей личности. Конечно, тут нужно различать и чисто психологические феномены (как молитвы и песнопения после длинных церковных служб), а также – просто влияние нашей физиологии, которой мы так подвластны, например кошмарные видения при болезни печени. Но при достаточно объективной и умелой оценке характер и сущность наших сновидений могут много помочь в познании себя и на многое в себе открыть глаза».

Таким образом, сны в известной степени могут характеризовать чистоту нашей души. Мы можем заметить, что наяву нам могут претить нечистота и какой-либо грех. Но вот мы с удивлением замечаем, что во сне мы можем грешить такими грехами, которых не может быть наяву. Это показатель того, что очищение нашей души еще поверхностно, а в глубине ее еще таится грех.

Св. отцы говорят, что лишь при совершенном очищении сердца и сновидения будут всегда чистыми и светлыми.

Итак, характер снов отвечает духовному состоянию человека наяву.

Если человек не живет Богом и не имеет в себе Его Духа, то он наяву находится во власти страстей, пристрастий, беспокойства и суеты. Иначе говоря, он находится во власти или под влиянием лукавого духа, который непрерывно всевает в него мысли и чувствования. То же продолжает делать злой дух с человеком и во сне. Здесь ему еще легче владеть душой, потому что воля человека ослаблена. Как бы насмехаясь над бедной, поработанной ему душой, злой дух заставляет ее переживать нелепые, иногда грязные положения в соответствии с той нечистотой мыслей и чувствований, которые допускала душа наяву.

Вот почему св. отцы в качестве общего правила запрещают придавать снам какое-либо значение и тем более рассказывать их другим, считая их за откровения из потустороннего мира.

Но не то значение будут иметь сны для людей, живущих живой верой и в бодрствовании стремящихся всегда удержать в себе Духа Святого Божия.

Когда ап. Петр говорил свою первую общенародную проповедь о Христе в день сошествия Святого Духа, то он характеризовал духовное состояние уверовавших во Христа следующими словами из книги пророка Иоилы: *«Излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут»* (Деян. 2, 17; Иоил. 2, 28–32).

Поэтому Симеон Новый Богослов приравнивает сновидения духоносных людей к истинным видениям и Божественным откровениям.

Св. Никита Стифат (ученик прп. Симеона Нового Богослова) разделяет сны на: 1) простые сны, 2) зрения и 3) откровения.

Простые сны бывают у людей обыкновенных, подверженных страстям; как говорилось уже выше, в этих снах много нечистого и обманчивого. Эти сны надо презирать.

Вот как говорит архиепископ Иоанн про сны невозрожденного «внешнего» человека:

«Через свои сны человек может убедиться, какая пустота и никчемность живут в его душе. Этой же суетностью (иногда и большей) заполняется явь людей... Люди не подозревают всей безблагодатности многих своих желаний, настроений, проектов и мыслительных комбинаций».

«Зрения» бывают людям, стремящимся к очищению своих душевных качеств. Этим людям Господь посылает сны для того, чтобы через зримое в сновидении они лучше постигали Божественную волю и стремились к духовному восхождению.

«Откровения» бывают людям совершенным, исполненным Святого Духа, которые крайним воздержанием достигли степени пророков Божиих.

При этом следует заметить, что у таких христиан сон не похож уже на наш обычный сон. Так, прпп. Варсонофий Великий и Иоанн пишут:

«Кто хранит стадо свое подобно Иакову, т. е. внимателен к своим чувствам и мыслям, от того отступает сон (Быт. 31, 40: «Сон мой убежал от глаз моих»). Когда же он и уснет немного, сон его бывает, как у иного бодрствование; ибо огонь сердечного горения не допускает его погрузиться в сон, и он воспевает с Давидом: «Просвети очи мои, да не усну я сном смертным» (Пс. 12, 4). Кто достиг такой веры и вкусил уже сладость ее, тот понимает сказанное; такой человек не упоится чувственным сном, а только пользуется естественным».

Для нас же, находящихся в значительной мере еще под влиянием лукавого духа, имеет приложение вышеупомянутое правило св. отцов – не придавать значения обычным снам.

Однако поскольку, по милости Божией, мы часто видим и чувствуем Божие вразумление себе наяву, то и над некоторыми снами следует, может быть, задумываться и попробовать их уяснить себе: не обличает ли Господь меня в этом сне в каком-либо грехе, пристрастии или слабости; не хочет ли Он в чем-либо вразумить меня или предостеречь от чего-либо?

Конечно, все свои сны мы должны сохранять в тайне. Лишь духовному отцу, или старцу, или опытному в духовной жизни лицу можно рассказывать сны для того, чтобы получить разъяснение тех из них, за которыми мы почувствуем особое значение.

Так некогда запрашивали значение своих снов: у праведного Иосифа – египетский фараон, а у пророка Даниила – царь Навуходоносор (Быт. 41; Дан. 4).

Как в отношении суждения о снах, являются ли они благодатными или от лукавого, так и в отношении вообще всех сверхъестественных явлений у иноков Старого Афона есть правило: не принимай и не отвергай.

Это мудрое правило спасает человека от гордости и превозношения, если такие явления он будет приписывать благодати, а также спасет и от хулы на благодать, если действительно имело место проявление благодати.

Глава 24. Слезы, плач и умиление

Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Мф. 5, 4

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

«Даждь ми слезы, память смертную и умиление», – читаем мы ежедневно в вечернем молитвенном правиле (из 24 прошений св. Иоанна Златоустого). Однако разные причины могут вызвать слезу, поэтому и слезы бывают разные.

Чаще всего в мире слезы вызываются сильным горем. Это «горькие слезы», их не ищут, но они могут явиться положительным фактором в деле спасения души человека: всякое страдание и горе, без ропота пережитое на земле человеком, смягчает над ним приговор Божьего суда для будущей жизни. А если эти страдания и горе переносятся с полной покорностью воле Божией, то они очищают и умягчают душу.

Есть еще слезы радости – слезы при встрече после долгой разлуки, при неожиданном радостном известии и т. п. Редки эти слезы в нашем скорбном мире.

Не всегда слезы идут от сердца, бывают и притворные слезы. Но эти слезы бывают лишь у людей, обладающих

артистическими талантами, т. е. способностью путем воображения развивать в себе те или иные чувства и переживания сердца. Это довольно редкий патологический случай, не относящийся к общим правилам.

Общим же случаем является положение, что слезы не произвольны, и мы не можем их вызвать по своему желанию. Поэтому обычно слезы есть свидетель сильного сердечного переживания.

Способность к слезам свойственна детскому «мягкому» сердцу, как говорилось уже ранее, и проявляется в большей мере у женщин, чем у мужчин.

Огрубление сердца происходит от развития в человеке страстей, порабощения греху, удаления от Бога. По мере удаления от детской чистоты наблюдается и постепенное уменьшение слез.

В переходном состоянии, когда сердце уже заражено страстями, но еще не огрубело совершенно, способность к слезам еще сохраняется. Но тогда слезы бывают и от досады, обиды, разочарования и т. п. Это слезы взрослых детей и женщин, у которых в сердце много мирских пристрастий; от подобных слез нет пользы для души.

Когда же человек через покаяние и очищение от страстей делается отзывчивым и чувствительным к скорби ближних, то его сердце «умягчается», тогда возвращается и утраченная ранее способность к слезам.

Итак, способность к слезам в большинстве случаев говорит о жизненности, чувствительности сердца.

Способность же умиляться – это начало размягчения сердца, признак его оживления, предтеча способности к слезам и к плачу о грехах своих. Последняя способность особенно важна для человека, и эти слезы – самые нужные для него.

О значимости для христианина слез так пишет в своем дневнике о. Александр Ельчанинов:

«Слезы так значительны, потому что они потрясают весь организм. В слезах, в страданиях истекает наша плоть земная и рождается тело духовное, плоть ангельская. Тело духовное создается слезами, постом, бодрствованием».

Как говорит о. Иоанн С:

«Слезы имеют силу очищать скверну сердца нашего, а страдания нужны потому, что через страдания спасительно стесняется греховная широта сердца, а от стеснения сердца всего легче льются слезы».

Этим слезами плакал ап. Петр после того, как трижды отрекся от Христа (Лк. 22, 62).

Это «слезы покаяния». К этим слезам прежде всего относится и вторая заповедь блаженства:

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

Таким образом, радость и утешение часто являются следствием предварительного плача о грехах своих. Поэтому святые плакали о грехах своих и этот плач считали необходимым для спасения своей души. Прп. Пимен Великий говорил:

«Плачьте – другого пути для спасения, кроме плача, нет».

Однако святоотеческий термин «плач» надо отличать от понятия «пролитие слез». И прпп. Варсонофий Великий и Иоанн говорят, что «не плач происходит от слез, а слезы от плача». Под «плачем» св. отцы понимают постоянное глубокое сердечное сокрушение о сделанных грехах и о своей греховности, не обращая внимания на чужие грехи.

Эти св. отцы давали и такой мудрый совет:

«Не вынуждать течения слез и не слишком домогаться внешнего плача. Эти слезы не будут спасительны: развлекая дух молящегося, они ослабляют его... Истинный дар слез – плод свободного внутреннего, благодатного движения духа...»

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн указывают и на показатель истинного духовного плача. Они пишут:

«Сокрушение же сердца состоит в том, чтобы хранить его и не допускать увлекаться бесполезными помышлениями».

А прп. Иоанн Лествичник давал такое определение плача:

«Плач есть укоренившаяся скорбь кающейся души».

Одни же физические слезы без духовного смирения, по мнению св. отцов, вообще не приносят душе никакой пользы. Об этом так пишет прп. Симеон Новый Богослов:

«Бывает плач без духовного смирения, и те, которые плачут таким образом, думают, что такой плач очищает грехи. Но они тщетно обманывают себя, потому что лишены бывают сладости Духа, таинственно порождающейся в мысленном сокровищехранилище души, и не вкушают благодати Божией. Поэтому таковые скоро воспламеняются гневом и не могут совершенно презреть мира».

Благо тем, кто познал слезы покаяния. Это сладкие слезы, потому что это слезы блудного сына в объятиях отца. Они говорят о глубине покаяния, о ненависти ко греху, о порыве с ним, о проснувшейся любви к истине и чистоте, об отвращении к запятнанной грехом одежде, говорят о смирении и нищете духа: «Сердца же сокрушенного и смиренного Бог не уничижит» (Пс. 50).

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Как иной человек, принеся великий дар царю, награждается от него ласковым взором, так и тому, кто имеет в молитве своей слезы, великий Царь веков Бог прощает всякую меру грехопадений и награждает его благоволительным взором».

А старец о. Алексей Зосимовский так говорил девочке, плакавшей на исповеди:

«Плачь, милая, плачь, это значит Христос тебя посещает, а Он нам самый бесценный гость».

Святые и подвижники, оживляя свою душу и очищая сердце, в полной мере восстанавливали в себе и способность к покаянным слезам. Они считают вместе с тем, что о самой полноте очищения можно судить по степени восстановления в себе этой способности. При достижении чистоты сердечной от страстей подвижники приобретают благодатную способность плакать, когда они захотят. Таким образом, они как бы приобретают власть над своим сердцем и его переживаниями, что не дано обычным грешным людям, находящимся во власти лукавого – страстей и пристрастий.

Про это состояние св. отцы говорят:

«Если получил ты этот благодатный дар слез, то будь покоен: ты переплыл уже море, отделяющее душу твою от спасения, ты уже у пристани».

В промежуточном состоянии – при еще не полном очищении сердца от страстей – слезы и умиление появляются лишь по временам, при внимательной глубокой молитве, иногда при чтении духовных книг и т. п. Но человек еще не владеет ими произвольно.

Каков же путь к тому, чтобы приобрести умиленное сердце и «дар слез», о котором мечтают иноки, искренно ищущие спасения своей души?

Это все тот же тесный путь духовного подвига, ведущий к очищению сердца, путь постоянного покаяния в своих грехах, путь напряженного внимания к своей внутренней жизни, путь «озлобления» по отношению к телу, путь внимательной молитвы, поста, отречения от самоволия, смирения себя всеми способами.

Об этом более подробно будет говориться ниже. Для тех, кто решительно пойдет этим путем, – для тех слезы являются реальным плодом их духовного подвига.

Св. Исаак Сириянин пишет:

«Будем молить Господа даровать нам плач. Ибо если получим эту благодать, лучшую и превосходнейшую прочих дарований, то при помощи ее достигаем чистоты. А как достигнем ее, то не отнимется уже она от нас до самого исхода нашего из жизни этой. Блаженны чистые сердцем, потому что нет времени, когда бы не усладились они сладостью слез, в которой они всегда видят и Господа. Пока еще слезы у них на глазах, они сподобляются зрению откровений Его на высоте молитвы своей, и нет у них молитвы без слез... Когда же монах сподобится с помощью слез пройти обитель страстей и вступить в равнину душевной чистоты, тогда встречает его утешение, которое плачущим дает Бог за чистоту их. Проливать слезы и плакать – дарование бесстрастных. Если слезы временно плачущего и сетующего могут сохранить его от страстей,

что сказать о тех, которые с ведением день и ночь упражняются в этом делании?»

Следует отметить, что у отдельных людей восстановление способности к слезам может происходить по-разному, в зависимости от индивидуальных особенностей. Поэтому св. отцы называют слезы «учителем», указывающим подвижнику, какое духовное делание для него наиболее полезно, наиболее быстро размягчает сердце.

Так, например, у прп. Кирилла Белозерского слезы приходили, когда он работал на монастырской кухне и смотрел на огонь, вспоминая о неугасимом огне для грешников.

Блаженны те, кто может оплакивать грехи свои в слезах покаяния.

Но еще более прекрасным будет особый вид слез, свойственный святым, – слезы сострадания. Этими слезами плакал Господь, когда смотрел на Иерусалим и провидел его будущее разорение (Лк. 19, 41). Этими слезами плакала Богоматерь, когда молилась о Константинополе во Влахернском храме в день Покрова (в видении Андрея юродивого).

«Плачьте с плачущими», – заповедует христианам ап. Павел (Рим. 12, 15). Хорошо, если и мы сможем в какой-то степени приобщиться и к этим слезам.

Пророк Иеремия говорит жителям Иерусалима: «Учите дочерей ваших плачу и одна другую – плачевным песням» (Иер. 9, 20).

Плач пророка Иеремии «На реках Вавилонских» над разоренным и опустошенным Иерусалимом – это, по учению св. отцов, символ плача христианина над своей поруганной грехом душой, над своим сердцем, поработанным страстями, над своими добродетелями и духовными дарованиями, отведенными в плен и обессиленными царем Вавилонским – лукавым духом. Такой плач необходим каждому христианину.

Один святой отец говорил, что надо считать тот день потерянным, в который не лились слезы покаяния.

Этому плачу необходимо научиться еще в этой жизни, еще на земле.

Может быть и слишком поздний плач. Это будет тот безнадежный плач в ином мире, о котором Господь сказал: «Там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8, 12).

Глава 25. Созерцание и постижение невидимого

Мы ходим верою, а не видением. 2Кор. 5, 7

Мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно. 2Кор. 4, 18

Милый друг, иль ты не видишь, Что все видимое нами – Только отблеск, только тени От незримого очами? Милый друг, иль ты не слышишь, Что житейский шум трескучий, Только отзвук искаженный Торжествующих созвучий? Вл. Соловьев

Как пишет пастырь о. Иоанн С:

«Невидимое играет первую роль во всем мире, во всех существах, и когда невидимое оставляет известное существо, это последнее теряет жизнь и разрушается, так что видимое в существах составляет без невидимого одну массу земли. Я и все люди живем невидимым началом».

Бог, создавший невидимую душу человеческую, одарил ее способностью отрываться от окружающей ее действительности и жить воспоминаниями или воображаемыми образами.

Как пишет проф. прот. В. Зеньковский:

«Воображение есть огромная творческая, но и жуткая и страшная сила души. Но нет другого способа овладеть им, как только давая верное движение ему. Подавлять работу воображения опасно, а часто и невозможно – его нужно лишь правильно развивать. Надо дать воображению чистое и светлое движение».

Эта способность может быть использована христианином целеустремленно, т. е. для достижения своей главной цели жизни.

Что же вместо окружающего мира должен видеть своими духовными очами христианин?

Для нас существует невидимый очами Бог и мир добрых духов. Существует также Небесное Царство и торжествующая

Церковь святых. Поскольку все это вечно, то и неизмеримо важно и должно жить в нашей душе, должно стоять в нашем мысленном зоре.

Если время есть направление четвертого измерения, то в этих четырех измерениях все реально и все существует сразу – и прошедшее, и настоящее, и будущее. Так всегда существует вселенная в очах у Господа Бога, для Которого не существует времени в нашем человеческом понятии.

«Сердце будущим живет...» – говорит поэт. И у христианина оно должно жить также будущим. Также ему должно быть близко то из прошедшего, которое важно для вечности.

В наших очах должен стоять тот опыт из прошлого человечества и его истории, на котором может строиться наше спасение – достижение нашей цели жизни.

Священное Писание и откровения святых рисуют нам картины из потустороннего мира – «рай» блаженства для святых и «неугасающий огонь» для грешников (Мк. 9, 44) и картины будущего «нового неба» и «новой земли».

И поэтому для христианина должны стираться грани пространства и времени. Пусть он не знает этих граней и живет вечными ценностями, т. е. вне времени. Пример такого отношения дает нам Господь. Вот Он входит в Иерусалим. Но не красоту его храмов, дворцов, башен видит Его глаза; не бьющая ключом жизнь большого города улавливается его слухом. Нет, перед Его очами другая картина – разрушения Иерусалима, и эта картина настолько реальна для Него и настолько печальна, что Господь плачет над нею (Лк. 19, 41).

Так для каждого предмета, явления и человека Господь видел не только то событие, которое было в настоящее время перед Его очами, но и то, которое было важнейшим в цепи событий и от которого зависела судьба и спасение народа, города или отдельного человека.

То же переживали и святые, обладавшие даром прозорливости и постижения как будущего, так и прошедшего. Несчастья постигали Иова одно за другим. Но за ними он мысленными очами видел всегда Промысл над ним Бога, и это

давало ему силы неизменно говорить: «Господь дал – Господь взял – да будет имя Господне благословенно!» (Иов. 1, 21).

Вот, мы видим вокруг себя злых людей и, может быть, подумаем, что от них нам надо отвращаться? Но не то видел вокруг себя ап. Павел, который сказал: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Если же за грехами людей мы увидим мысленным взором тех, кто ведет их к этому греху, то мы людей не осудим, всех грешников пожалеем и при желании им помочь вооружимся прежде всего молитвой.

Невидима для человека его душа, невидима до того, что материалисты даже отрицают ее существование.

Между тем она более всего должна привлекать наше внимание, и всю жизнь христианин должен наблюдать за нею, изучать ее по проявлению в себе переживаний сердца, чувств своих и мысленных потоков.

Благо ему, если он научится замечать и распознавать «прилоги» страстей и греховных мыслей и увидит свою греховность во всем ее безобразии или в неприглядности.

Пусть он никогда не оставит без внимания и ту свою невидимую «книгу» (Откр. 20, 12), которая будет раскрыта на Страшном Суде и по записям в которой будет судиться его душа.

Отрывая ум и сердце от окружающих нас «забот житейских» и моря суеты, заливающего душу, будем приобщаться к Церкви, и ее богослужебному кругу – церковному календарю, и к не умирающим в вечности духовным ценностям – событиям и лицам.

Здесь перед нашим внутренним взором проходит вся история взаимоотношений человечества с Богом.

Здесь мы можем пережить все знаменательные события человечества как Ветхого, так и Нового Заветов, включая явление на земле Сына Божия, Его жизнь и искупительную жертву.

Здесь наше сердце сможет почувствовать всю любовь Бога к людям, переживая крестные страдания Богочеловека. Здесь же мы знакомимся с теми, кто пошел по стопам Христа, отобразил в себе в какой-то мере Его красоту и стал гражданином Его нового вечного Царства.

Чем больше мы отрываемся от действительности, чем глубже входим сердцем в события жизни вечной, тем лучше для нас, тем легче нам будет идти в жизни, тем ближе будем мы к Небу, тем желаннее для нас будет переход к новой, вечной, блаженной жизни в Боге.

Здесь следует вместе с тем учесть, что при отсутствии веры в Бога для не познавших истину, воображение может повести человека ко злу, и тогда воображение будет проводником демонической энергии.

Тогда, по словам схиархимандрита Софрония, «демонические образы и образы, творимые самим человеком (в литературе), могут влиять на людей, видоизменяя или преображая их... Они будут извращать духовный образ человека, созданного по образу и подобию Божию... Воля человеческая может склоняться перед ними... и тогда формируется ими».

Глава 26. Восприятие имен и образов

Свято и страшно имя Его. Пс. 110, 9

Да защитит тебя имя Бога Иаковлева. Пс. 19, 2

Именем Моим будут изгонять бесов. Мк. 16, 17

Вероятно, многие не сознают, какое значение имеет произнесение вслух или в уме какого-либо имени. Вот, например, я произношу имя близкого и дорогого для меня человека.

В мгновение времени в моих глазах встает его образ, в уме воспроизводятся отличительные черты его характера и его жизненной истории, его взаимоотношение ко мне и его мирозерцание; в моем сердце просыпаются по отношению к нему чувства любви, симпатии, нежности, жалости, уважения и т. п.

Словом, воспоминание имени воспроизвело в моей душе его образ во всей совокупности его физической, душевной и духовной сущности, и моя душа как бы заполнилась этим образом, слилась с ним. Это невидимое единение меня с образом друга совершенно реально и в сильнейшей степени влияет на меня.

Положим, что друг, которого я вспомнил, отличался жизнерадостностью и всегда хорошо действовал на мою душу. И хотя я до воспоминания был расстроен, его образ влил в меня струйку жизнерадостности и моя печаль заменилась бодростью.

Как пишет о. Иоанн С:

«В имени человека – душа человека, например, в имени Ивана – душа Ивана. Итак, на призыв: Иван Ильич, – его душа сознает себя в этом имени и откликается на него».

Итак, имя вызывает образ, а образ в душе есть соприкосновение или даже единение души с этим образом. При этом первое или второе – т. е. соприкосновение или единение – будет зависеть от нашего отношения к этому образу. Если мы в любви тянемся к нему, то этот образ вливается в нашу душу, объединяется с нами и влияет на наши чувства и ощущения.

Но если образ антипатичен, то мы только соприкасаемся с ним и в душе переживаем чувство неприязни или безразличия. Мы стараемся тогда оттолкнуться в душе от этого образа, поскорее уйти и забыть его. Злые люди в этот момент воспоминаний будут мысленно поражать ненавистный им образ ударами, насмехаться над ним, презирать его.

М. В. Ладыженский передает рассказ про то, как один английский офицер погиб в Индии от взгляда ненависти факира, который был им наказан телесно. Этот взгляд преследовал офицера и свел его с ума. Здесь единственно мысленный образ мистически погубил человека.

Итак, произнесение имени ведет к общению нас с образом и отражается в той или иной степени на переживаниях ума и сердца. Глубина этих переживаний (положительных или отрицательных) зависит от отношения сердца к именуемому образу.

Совершенно аналогично на нас будут влиять и действовать понятия и предметы. Если мы слышим название постыдного порока, то наша душа наполняется отвращением. Нам называют дорогое для нас местечко или родину, и на сердце набегают волна умиления и т. д.

Как мы видим, наименование для нашей души есть в какой-то степени сама сущность личности, понятия, предмета и т. д. И отсюда к нему у нас и должно быть то же отношение, как к самой личности или предмету. Вот почему евреям была дана заповедь: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно». И для евреев и поныне имя Бога – Иеговы настолько священо, что они не смеют произносить его на своем языке, заменяя его в обиходе другими словами, характеризующими Бога («Вечный», «Всесильный» и т. д.). Такое отношение к имени Бога безусловно заслуживает уважения. Как пишет о. Иоанн С:

«С крайним благоговением произноси имя Божие, помня, что Богом все приведено из небытия в бытие и все существующее содержится в благобытии единственно по Его благодати, всемогущею силою и премудростью Его. С крайним благоговением произноси и имя Иисуса Христа, Сына Божия, через Которого все «начало быть» (Ин. 1, 3) и Которым все управляется.

Великие имена: Пресвятая Троица, или Отец, Сын и Святой Дух, или Отец, Слово и Святой Дух, призванные с живою сердечною верою и благоговением или воображенные в душе, суть Сам Бог и низводят в нашу душу Самого Бога в трех Лицах.

Также в имени Иисус Христос – весь Христос: душа и тело Его, соединенные с Божеством.

С благоговением произноси и имя Пречистой Матери Господа Иисуса Христа, Приснодевы Марии, породившей нам Его во спасение наше... С благоговением произноси имена апостолов Христовых, самовидцев и слуг Его, пронесших по всему миру Божественное учение Его, а также имена мучеников, преподобных, бесребреников и всех святых».

Свет не есть само солнце. Но для нас свет ближе солнца: он нас освещает, согревает и питает энергией и растительный, и животный мир. Имя – это как бы свет от сущности образа. Имя

же Бога имеет в духовном мире то же значение, что свет в физическом мире для растений и животных.

Так мы можем постигнуть освящающую, просвещающую и очищающую силу святых имен, действующих на нашу душу, на наш разум и сердце и через это – на всю нашу жизнь.

Как пишет схиархимандрит Софроний про старца Силуана:

«Имя Духа Святого, как и имя Господа и другие имена Божии неизменно вызывали в его душе живой отклик – чувство радости и любви».

Отсюда мы можем понять и значение и силу молитвословий, преисполненных святых имен и понятий. Понятны и слова Господа «именем Моим будут изгонять бесов» (Мк. 16, 17) и слова ап. Петра из Книги пророка Иоилы: «Всякий, кто призовет имя Господне – спасется» (Деян. 2, 21; Иоил. 2, 32).

Вот откуда сила Иисусовой молитвы, при которой непрерывное произнесение святого имени Господа Иисуса очищает и одухотворяет душу христианина, попаляя в ней страсти.

При этом естественно, чем глубже образ Христа западает в сердце христианина, творящего молитву, тем сильнее единение духа христианина с духом Господа, тем сильнее освящающая сила молитвы.

Если применить аналогию, то здесь как бы лечение лучами радия злокачественной опухоли. Лучами здесь будет имя Господне, а болезнь есть страсти – душевные язвы на сердце.

Подобно действию имени Бога, Господа Иисуса Христа, Святого Духа и Святой Троицы, будет действие имен и тех, в кого вселился Святой Дух, в душе которых «изобразился Христос» (Гал. 4, 19).

Поэтому целительный бальзам изливается на нашу душу и от «благоуханного» имени Божией Матери Приснодевы Марии, и от имени бесплотных служителей Бога – архангельских и ангельских чинов, от имени всех святых понятий – крест, святость, истина, правда, Христова любовь, смирение, вера, молитва, таинство и т. п.

Все они возвышают душу христианина и вводят его в обитель святости и праведности. Как пишет о. Иоанн С:

«Благодать присуща каждому церковному слову ради обитающего в Церкви ипостасного, вочеловечившегося Божия Слова, Которое есть Глава Церкви.

Да и всякое истинное доброе слово имеет соответствующую ему силу ради всенаполняющего простого Божия Слова. С каким же вниманием и благоговением надо произносить каждое слово, с какою верою. Ибо Слово есть Сам Зиждитель – Бог, и Словом от небытия в бытие все приведено».

Икона, изображение, картина, фотография и т. п., также воспроизводят в душе образ и объединяют душу с этим образом. При хорошем выполнении изображение будет объединять душу с образом еще сильнее, чем имя последнего. Говорят про некоторые картины, что они производят «сильное» впечатление. Это значит, что образы этих картин действительно владеют душами тех, кто на них смотрит.

Отсюда – хорошие изображения святых и светлых образов (Господа Иисуса Христа, Богоматери, святых и духовных людей) являются для христианина действительным сокровищем.

Как пишет о. Иоанн С:

«Бог во святых почивает и в самом имени их, в самом изображении их, только с верою надо употреблять их изображения, и они будут творить чудеса».

Одного старца спросили: «Как приблизить себя к Господу?» Старец дал такой ответ: «Достаньте хороший образ Иисуса Христа во весь рост и натуральную величину и поместите его в своей комнате».

Поэтому все святые изображения не должны лежать под спудом и прятаться, а помещаться так, чтобы быть всегда перед глазами.

Нет сомнения в том, что много легче настроить себя к молитве в православном храме, украшенном иконами, чем в протестантском с пустыми стенами.

Чем больше в наших комнатах хороших икон, священных изображений и картин, портретов духовных лиц, снимков с церквей, монастырей и т. п., тем полезнее будет для нашей души, тем легче ей будет бороться со своей нечистотой, легче подавлять страсти, искушения и соблазны, легче уноситься

душой ввысь, легче за видимым миром видеть свет горнего мира.

Среди образов особое место занимает знамение креста. Это символ и образ Самого распятого на нем Господа, символ Его страданий и искупительной жертвы. Поэтому кресту воздают поклонение, как Самому Спасителю, а знамению креста принадлежит сила Самого Господа, победившего сатану. Отсюда и обряд в Православной (и Католической) Церкви частого ознаменования на себе крестного знамения. Вот каково его значение.

Когда мы знаменуем себя крестом, то между нами и Отцом Небесным как бы висит на кресте распятый Спаситель наш.

Тогда Божественным взорам Всевышнего предстоит уже не наше позорное чело, покрытое греховным бесславием, но увенчанная тернием глава Богочеловека; не наше коварное сердце, исполненное всяких нечистот, но прободенные ребра Исккупителя нашего; не наши нечистые руки, непрестанно делающие беззакония, но пригвожденные ко кресту пречистые ладони Всеправедного и Всесвятого Господа Иисуса Христа («Маргарит» св. Иоанна Златоуста).

Следует упомянуть, что, по свидетельству Тертуллиана, «христиане первых веков полагали крестное знамение не только на своем челе, очах, устах и груди, но также осеняли им одежду, постель, пищу, стаканы, домашнюю утварь и жилище. Они делали его, если выходили из дома или снова возвращались домой, если начинали одеваться, садились за стол, ложились на постели, умывались или принимали баню». В действии на душу имени и изображений надо учитывать также еще следующую закономерность. Это закон «резонанса», т. е. отзывчивости души к определенным именам и образам на основе симпатии и тяготения сердца человеческого к этим именам и образам.

Если тянется сердце к духовному свету, то все светлые имена и образы будут сильно действовать на него, глубоко входить в душу и долго в ней жить.

Наоборот, все неприятное и несимпатичное сердцу не будет его затрагивать, ни занимать ума и лишь скользить в мыслях.

Вот почему образы и имена в молитве глубоко волнуют и умиляют очищенное сердце и не занимают мыслей у человека, сердце которого поработщено миром. Отсюда поток светлых образов и имен, которыми наполнена молитва, будет просветлять сердце лишь благоговейного христианина.

Естественно, что совершенно противоположно действие скверных имен. Упоминание «черного» имени, ругательство и всякие постыдные слова – все это ввергает душу в скверну, роднит и объединяет ее с темной силой.

Также порочит душу и пренебрежительное отношение человека к святым и светлым именам и святым изображениям. Через имя или изображение пренебрежение и неуважение восходят к самому святому и чистому первообразу. Всякое имя может человеком «святиться», «прославляться» или, наоборот, «хулиться» или «позориться».

По аналогии с именами все скверные, безнравственные изображения, изображения темной силы будут также вводить душу в соприкосновение с нечистотой.

Их нельзя даже хранить; христианин должен уничтожать такие изображения. Этим он будет сохранять от скверны все те души, которые когда-либо могут посмотреть на них.

Не в нашей силе уничтожить скверну имен, но скверные изображения мы уничтожать в силах и обязаны это делать. Этим мы также будем служить Господу, как некогда служили те ревнители по Богу, которые ниспровергали идолов и разрушали языческие капища.

Так поступал, например, подвижник милосердия доктор Гааз. Однажды он долго скапливал большую сумму денег только для того, чтобы купить одну безнравственную картину; купив ее, он тотчас же ее уничтожил как исполненную скверны и ведущую ко греху.

Приложение к главе 26-й

Вот как определяет значение имени Гизебрехт:

«Имя есть некоторое, от своего носителя сравнительно независимое, но для его благоденствия и несчастья высоковажное, параллельное к человеку существо, которое заражает своего носителя и влияет на него». О.

Павел Флоренский дополняет к этому: «Уже не имя – при человеке, но человек – при имени. Имя – особое существо, по преимуществу со всеми прочими живое, дающее жизнь, жизнеподательное, то благодетельное, то враждебное человеку... По своему происхождению имя – небесно. Оно – божественная сущность... В особенности Божественные имена – нечто божественное: они несут с собою благодать, преобразуют их носителей, влекут их по особым путям, куют их судьбы, охраняют и ограждают их».

Глава 27. Постигание и отображение красоты души

Одного просил я у Господа, только того ищу, чтобы пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм святой Его. Пс. 26, 4

Постигание красоты доступно лишь человеку. Она раскрывает гармонию в создании мира. Красота может проявляться во внешнем, сотворенном Богом мире и в его звуках. Назовем это условно земной красотой.

Особой формой красоты является внутренняя красота души человеческой. Ниже только о последней и будет идти речь.

Как пишет Н.:

«Красоте земной поклоняются не прозревшие красоты внутренней. Красота земная – не самоцель, а только еле приметная тропа к великой цели, и то для немногих. Немногие глубоко одаренные одиночки этой тропой обретают путь к бессмертию – внутренней красоте. Остальные идут широким проторенным путем искусства и его техники. Избранные идут к внутреннему служению, ко вниманию к своей душе, распинаят свою жизнь вожделений на красоте отрешенности».

«Мы на земле существуем для того, чтобы работать над красотой нашей души», – писал епископ Буго.

В Боге абсолютная красота и восприятие истинной красоты души есть один из путей к познанию Бога и приближения к Нему.

Как одно из свойств Божества красота не определяется, она постигается. Нельзя доказать то, что одно прекрасно, а другое безобразно: здесь бессильны разум, логика и диалектика.

Поэтому красота постигается не умом, а высшим разумом – интуицией. Она действует на сердце человека, облагораживает и очищает его.

Красота составляет как бы особый вид положительной духовной энергии. И если все обычные виды энергии неуничтожимы, то неуничтожима и красота.

Поэтому ничто истинно прекрасное не может уничтожиться, погибнуть и пройти бесследно. Все самые малые искорки и блески красоты живут в вечности как не уничтожаемый временем материал для гармоничного процесса мирозидания.

Хотите ли вы реально приобщить себя к вечности, включить себя как звено в строительство мировой гармонии (в Церкви Христовой)?

Если хотите, то приобщите себя к красоте, отобразите ее в какой-то, хотя бы в слабой, мере, в своей душе, жизни, поступках, словах, мыслях и намерениях. Тогда эти крупинки духовного «негибнущего золота» приобщат ваши души к бессмертию.

Но как сама истина, как голос совести (звуки Неба), так и постижение красоты бывает заглушено, затемнено и извращено в грешной человеческой душе. Язва греха коснулась и этой Божественной стороны нашей души. И в отношении понимания и признания красоты люди также спорят, как и об истине.

Прекрасны христианские добродетели души – бескорыстная любовь, смирение, кротость и т. д.

Но люди находят красоту и в гордости, говорят о «священной» ненависти и даже пробуют находить красоту в отвратительном для христианина образе сатаны (лермонтовский «Демон»).

Поэтому перед каждым из христиан стоит задача, наряду с восстановлением в себе чувства совести, также развития способности восприятия истинной красоты.

Путь к этому тот же, что и для познания истины и очищения сердца, – это чтение Священного Писания, дополнение его духовной литературой и изучение образов духоносных христиан из сонма торжествующей и воинствующей Церкви.

Из этих источников христианин прежде всего постигает образ абсолютной, неземной красоты Самого Бога в лице Его Сына Господа Иисуса Христа.

Изучая образы Богоматери и святых, христианин поймет, что в них разлита и светится та же красота Христа. Церковь и есть тело Христово, отображающая Его красоту в бесконечном разнообразии форм, образов, цветов и сочетаний (у святых).

«Прекрасен мир – творение великого Бога, но нет ничего прекраснее человека, подлинного человека – сына Божия», – говорит старец Силуан из Старого Афона. При этом очевидно, что здесь говорится о внутренней красоте души, хотя эта красота находит себе отображение и во внешности.

Так, по словам старца Варсонофия Оптинского, внутренняя красота души выступает и наружу – в выражении лица и даже во всех движениях человека.

Вот как рисует гармоничное сочетание добродетелей у старца Силуана схииерхимандрит Софроний:

«Редкая сила воли – без упрямства; простота, свобода, бесстрашие и мужество – с кротостью и мягкостью; смирение и послушание – без униженности и человекоугодия; это был подлинный человек, образ и подобие Бога».

Постичь, оценить и полюбить красоту есть то же, что понять безобразие греха и почувствовать отвращение к пороку. Это является могучим фактором укрепления христианина на пути к Богу, истине, просветлению разума и преображению сердца. По воле Бога человек (как и ангелы) мог бы быть создан так, чтобы не был в состоянии нарушить Его волю. Казалось бы, что, обладая при этом абсолютными добродетелями, люди были бы прекрасны. Но это не так. В них тогда отсутствовала бы свобода воли, свобода выбора и устремлений. А при отсутствии этого исчезла бы и красота подвига. Красота духовных добродетелей неотделима от полностью добровольных подвигов самопожертвования, самоотречения и самоограничения.

Венцом красоты Христа является Его крест – добровольные и не постижимые разумом страдания. Венцом красоты Богородицы – Ее смирение, беспредельное милосердие и материнская жертва, завершившаяся распятием Сына. Венцом красоты мучеников – их добровольная жертва жизнью ради исповедания Христа. Венцом красоты преподобных является полнота самоотречения, отдачи всего себя – и тела и души – Богу.

Красота святителей – в полноте жертвы всем ради служения Христу на пути пастырства и т. д. И во всем этом как основной элемент есть добровольный подвиг любви – «милости», но не «жертвы» (Мф. 9, 13).

Идя от малого к великому, тот же критерий может быть распространен и на все мелкие и житейские поступки человека. Цветы и блески красоты души может собирать каждый день в любой обстановке.

Вас несправедливо обидели, а вы кротко смолчали, чтобы не возбуждать ссоры, и в душе простили обидчика. И расцвел цветочек красоты духа. Вас просят помочь, и вы тотчас бросаете все свои прочие дела, чтобы успокоить дух просящего. Так блеснула искорка красоты любящей души. С вами случилось несчастье, а в ответ вы не ропщете, а благодарите Бога, выявляя Ему полноту покорности в красоте веры и т. д.

Так в «малом» вы творите прекрасное и собираете его в свою сокровищницу красоты для Царства Небесного. «Верность в малом» также высоко оценивается Господом (Лк. 16, 10). А тот, кто «во многом» бывает Ему верен, кто приобщается к красоте добродетельного подвига и ревностного богоугождения, тот получает и великие духовные дары еще здесь, на земле, а «в веке грядущем – жизнь вечную» (Мк. 10, 30).

Глава 28. Особые способности и возможности у человека

Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит. Ин. 14, 12

Не должны находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Втор. 18, 10–11

Помимо обычных у человека могут быть и особые способности, которые надо различать по их происхождению и значению для жизни души и вечности. Высшей степенью очищения сердца человеческого является святость.

Святым после совершения ими великих трудов и подвигов и по очищении их сердца даруются от Бога и необычайные способности.

Про это знают все, кто читал жизнеописания святых. Сюда относятся чтение чужих мыслей, дар пророчества (предсказание будущего), дар исцеления болезней, изгнание бесов из одержимых ими, хождение по водам и т. д. – включительно до воскрешения мертвых (телом).

Для верующих христиан в этом нет ничего удивительного, поскольку Спаситель говорил:

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17, 20). Также, если бы вы «сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас» (Лк. 17, в).

«Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16, 17–18).

Можно ли, однако, стремиться христианину к откровениям или к особым дарам благодати? Архиепископ Иоанн так отвечает на этот вопрос: «Не откровений надо искать, а верности. В откровениях Господь служит человеку, а в верности человек служит своему Господу».

Но помимо Бога существует и сатана – «князь мира сего» (Ин. 14, 30) – и подвластный ему темный космический мир злых духов.

По неисповедимым судьбам Божиим этому темному миру также дана возможность влиять на незащищенных благодатью

Божией людей и также давать им особые способности.

Сюда будут относиться умение и способность «колдовать», наводить «порчу», «заговаривать», гадать и т. д.

Горе миру от таких слуг сатаны. Они сеют зло вокруг себя, и, вероятно, мало кто знает, как много и теперь таких людей, как сильно вредят они людям и как многие гибнут от них и душой и телом.

Почитайте жития святых и подвижников благочестия, и вы найдете для этого массу примеров.

Да и всякий христианин, посещающий литургии, может сам наблюдать, как безобразно ведут себя «порченные» и «одержимые» в храмах, особенно во время чтения Евангелия и пения Херувимской (лай, мяуканье, крики и т. п.).

Совокупность приемов для того, чтобы общаться с потусторонним миром непросветленных духов, – спиритизм – также таит в себе для занимающихся этим много опасностей.

Через спиритизм можно соприкоснуться только с темными силами. Последние и здесь будут стараться всячески вредить людям, о чем имеется также много достоверных свидетельств (см. книгу Быкова «Спиритизм перед судом науки, общества и религии» и воспоминания протоиерея о. Константина Равинского).

Как Церковь Христова, так и закон Моисея категорически запрещают заниматься спиритизмом, «вызывать духов» и гадать (Втор. 18, 11).

Как пишет архимандрит Иоанн:

«С древних времен Откровение Божие говорит о недозволенности гаданий, гороскопов, узнаваний по рукам, картам или каким-либо другим образом своей судьбы. «Судьба» человека должна утонуть в послушании воле Божией, умереть целиком в ней, не вводить рядом с волей Отчей каких-либо созвездий, планет, линий рук или карточных мастей... Все это последнее есть непросветленное язычество, от которого должен совершенно отречься христианин. Если не отречется – окажется вероотступником, отступившим от своей святой, мудрой, чистой, единой спасающей евангельской веры. Демоны же

улавливают через своих слуг – хиромантов и гадалщиков – людей (даже верующих) в непослушании воле Божией, в порабощении стихиям мира сего. Как духи демоны знают более того, что знает человек, и хотят этими знаниями купить любопытную человеческую душу. Как нужно быть осторожным верующему человеку. Не продать свою святую Христову веру, веру преданности воле Божией, веру «незнания» ничего, кроме Христа Распятого и Его закона спасения (1Кор. 2, 2)».

Наконец, особые способности у человека могут быть развиты путем соответствующих специальных упражнений и многолетней тренировки некоторых душевных способностей, обычно таящихся в душе в скрытом, неразвитом виде.

Яркими представителями этого являются индийские факиры, йоги и их последователи – теософы и антропософы.

У йогов (или, что то же, – йогоinov) следует отметить следующие способности, приобретаемые ими после многих лет соответствующих усиленных упражнений и тренировки:

1) Способность приводить себя путем автогипноза в состояние летаргии. В этом состоянии ученики закапывают их в землю сроком до 20–40 дней. По истечении этого срока ученики приводят йога в чувство, согревая его тело различными способами.

2) Способность ходить голыми ступнями по пространству, покрытому раскаленными угольями, или держать руками раскаленное железо без малейшего признака ожога.

3) Лежа голыми на битом стекле, йоги способны выдерживать на себе огромные тяжести без малейших ран или царапин на теле.

4) Переносить души загипнотизированных ими людей в далекие места.

5) Сводить с ума людей взглядом ненависти и т. д.

Как у йогов, так и у теософов успех достигается при наличии сильной воли, целеустремленности и настойчивости в достижении поставленных себе целей. Но эти цели совсем иные, чем в христианстве.

В последнем вся воля христианина направлена на очищение сердца от страстей и развитие в душе христианских добродетелей при помощи благодати Божией.

У йогов и теософов при наличии особых, сверхчеловеческих, способностей остается черствое греховное сердце (отсутствие Христовой любви) и развивается до высокой степени гордость. Отсюда эти люди становятся близкими к темным духам.

Можно думать, что и особые достижения этих людей происходят в ряде случаев не без участия и помощи темной силы.

Здесь следует вспомнить про знаменитого индусского йога Гаридаса, жизнь и способности которого описаны в литературе. Он мог пребывать зарытым в земле до 40 дней.

Но слава у индусов как великого святого до того вскружила ему голову, что он начал вести распутную жизнь и был изгнан из своего племени (см. дополнительный выпуск «Большой энциклопедии» – слово «Йоги»).

Разность в мистике и подвиге христианском и мистике оккультной характеризуется так схииархимандритом Софронием:

«Монах пребывает в непрестанном подвиге, и нередко в чрезвычайно напряженном, но православный монах – не факир. Его совершенно не увлекает достижение посредством специальных упражнений своеобразного развития психических сил, что так импонирует многим невежественным искателям мистической жизни. Монах ведет сильную, крепкую, упорную брань. Некоторые из них, как отец Силуан, ведут титаническую неведомую миру борьбу за то, чтобы убить в себе гордого зверя, за то, чтобы стать человеком, подлинным человеком, по образу совершенного Человека Христа, т. е. кротким и смиренным».

К вышеизложенному близко мнение и еп. Игнатия (Брянчанинова):

«Легкомысленно покушающиеся нарушить порядок, установленный Богом, и вторгнуться самовольно в то, что Богом сокрыто от нас, признаются искусителями Бога и

изгоняются от лица Его в тьму кромешную, в которой не светит свет Божий».

О том же так говорит и о. Александр Ельчанинов:

«Занятия теософией, оккультизмом, спиритизмом вызываются у любопытствующих желанием заглянуть в закрытую дверь. Они приносят прямой вред для душевного здоровья. Мы должны смиренно признать существование Тайны и не забегать с заднего крыльца, не подслушивать у дверей. Кроме того нам дан верховный закон жизни, прямо ведущий нас к Богу, – любовь, путь трудный, тернистый, и по нему мы должны нести свой крест, не сворачивая на окольные дороги».

Часть третья. Раскрытие сокровищ и красот души

Предисловие

Человек может обладать или ложным – «неправедным» (Лк. 16, 9) богатством, или богатством «истинным» (Лк. 16, 11).

Первое богатство – это «маммона» (Мф. 6, 24): материальные блага, особые таланты, успехи в искусстве, науке и т. д., которые опасны и обольстительны и могут лишить христианина Царства Небесного (Лк. 18, 24).

Истинное богатство – это богатство души христианскими добродетелями, украшающими души, как цветы украшают сады.

Это сокровище бесценное, это есть дверь в вечное Царство Небесное, это тот «елей», о котором Господь говорит в притче о десяти девах и которым должны запастись еще при жизни «девы» – души христианские, чтобы светильники их горели и не гасли при встрече Жениха – грядущего во второй раз на землю Христа (Мф. 25, 31). Горе, если не хватит «елея».

Итак, приобретение и развитие в душе христианских добродетелей – это великое приобретение, не сравнимое со всеми сокровищами мира. Архимандрит (впоследствии Патриарх) Сергей говорит:

«Добродетель есть то блаженство, которого ищет себе христианин».

А пастырь отец Иоанн С. пишет:

«Хорошо, очень хорошо быть добродетельным. Добрый человек и сам покоен, и Богу приятен, и людям любезен. Добродетельный невольно привлекает к себе взоры всех. Отчего? Оттого, что благоухание невольно заставляет остановиться на себе внимание и подышать им. Посмотрите на самую наружность добродетельного, на его лицо – что это за лицо? Это – ангельский лик. Кротость и смирение разлиты по нему и пленяют всех своею красотой. Обратите внимание на речь его: от нее еще большее благоухания. Тут вы как бы лицом к лицу с его душой – и таете от его сладкой беседы».

Одна девушка-христианка имела счастье при жизни потерпеть за Христа. Она рано умерла и являлась во сне своей

подруге.

При одном из явлений она сказала: «Мне теперь хорошо, но я узнала и про более прекрасные обители Неба; но я туда не могу войти: у меня не хватает цветов добродетели"...

Итак, страдание за Христа спасло ее душу. Но полноты блаженства она не получила, так как в душе ее не расцвели в должной мере христианские добродетели.

Развитие этих добродетелей является вместе с тем и показателем духовной зрелости христианина, степени стяжания им Духа Святого Божия – степени его Обожения.

«Добродетель не вне Божества», – говорит св. Григорий Нисский, поэтому «идущий путем истинной добродетели не иного чего причастен, как Самого Бога; потому что Он есть всесовершенная добродетель».

Добродетели украшают невидимое и таинственное духовное сердце человека и направляют его волю. Но как «ложка дегтя портит всю бочку меда», так и наличие одного порока среди ряда добродетелей оскверняет человеческую душу.

Многогранен характер человека, сложна его душа. Основываясь на Священном Писании и мнении святых отцов, укажем в ней лишь ряд основных добродетелей.

Вопрос, однако, осложняется тем, что каждая из них имеет беспредельное количество ступеней – изменений своего состояния.

Вместе с тем наш лексикон так ограничен, что не позволяет достаточно точно определить состояние того или иного свойства души.

Более того, часто одним и тем же словом называются совершенно различные понятия. Так, например, словом «любовь» называют и чисто животное, физиологическое проявление, и вместе с тем и самое возвышенное духовное чувство.

Также и понятие «печаль» может говорить о чувстве при неудовлетворении страсти или прихоти, а также и о печали при совершенном грехе или о сочувствии при бедствии ближнего; в

основе той и другой печали имеются совершенно различные состояния души.

Ап. Павел пишет поэтому: «Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2Кор. 7, 10).

Поэтому чаще всего является необходимым к каждому слову, определяющему то или иное душевное состояние, добавлять эпитеты или пояснения, уточняющие понятие. Например, «естественная любовь к близким», «любовь Христова», «страх за существование», «страх перед Богом» и т. п.

Известные способности души простираются от одного положительного полюса (совершенной добродетели) до ее антипода – соответствующего ей порока.

Совершенствование – переход от порока к добродетели – может иметь для каждого свойства души два этапа: от глубины порока до «естественного» (берем этот термин условно) состояния еще не возрожденной души и от последнего до «сверхъестественной» (это также условный термин) добродетели в душе, освященной присутствием Святого Духа Божия. Для пояснения приводим примеры.

От глубины эгоизма и черствости сердца душа человека может при исправлении достигнуть благорасположения хотя бы к родным по плоти и близким людям. Это будет пока еще «душевный человек» (по терминологии ап. Павла, 1Кор. 2, 14).

Под действием Святого Духа Божия душа может достигнуть далее Христовой любви, которая при полноте развития будет изливаться на всех, включительно даже до врагов, и будет готова пожертвовать ради ближних и своею жизнью и даже блаженством Царства Небесного, как это было у пророков Моисея и ап. Павла (Исх. 32, 32; Рим. 9, 1–5).

От сатанинской гордости душа может подняться до естественной скромности и затем действием Духа Святого достигать Христова благодатного смирения, когда человек считает себя хуже всех, будучи сам в состоянии святости.

Ужас перед смертью у неверующего человека может смягчиться до спокойного к ней отношения – у святых же будет

стремление «разрешиться и быть со Христом», как это было у ап. Павла (Флп. 1, 23).

Полное рабство страстям и велениям своего тела может смягчиться до способности воздерживаться – у святых же будет стремление к суровому аскетизму.

Такие переходы имеют место для всякого порока и его «антипода» – соответствующей ему добродетели.

Обычные люди из неверующих находятся где-то на пространстве между пороком и состоянием естественной добродетели у душевного, не возрожденного человека.

Христиане, в какой-то степени освящающиеся Духом Святым, находятся на пути от естественных добродетелей к добродетелям «сверхъестественным» (Христовым), имея конечной целью своего пути уподобление Христу (Гал. 4, 19).

Итак, цель жизни каждого христианина состоит в том, чтобы направить развитие своих способностей по направлению положительного полюса – к совершенной добродетели, что достигается постоянным, напряженным вниманием к своему душевному состоянию и усилием воли человека в течение долгих лет при непременном содействии ему в этом Божией благодати. В этом вся сущность перерождения «внешнего» и «душевного» человека во «внутреннего» и «духовного».

В сложном душевном организме можно выявить первоначальные – основные – добродетели.

В основе спасения души лежит вера христианская (Мк. 16, 16). Затем следуют «корень благих – страх Господень» (Пс. 110, 10) и «память смертная» – яркое сознание мимолетности жизни и неизбежности ее конца.

Движение вперед будет невозможно без «трезвения», без «ревности» о спасении.

Далее следует необходимость приучения христианина к терпению и послушанию. Изучение Священного Писания, опыта Церкви и своей души помогают ему развить в себе добродетель рассудительности.

Исходя из духовного закона «от внешнего к внутреннему», христианин в то же время постоянно практикует самоуничтожение для развития нищеты духовной и смирения и

приучает себя к делам милосердия для стяжания Христовой любви.

Добродетели смирения и любви Христовой вместе с развитием мира душевного венчают совокупность добродетелей христианских.

Как веру, так и всякую добродетель христианскую надо лелеять, оберегать, взращивать, как цветочек, совершенствовать, как всякий талант, заботиться постоянно о ней, наблюдая за ней, беспокоиться при угасании, лечить при болезни и следить за тем, чтобы она была в наилучших условиях для развития. Без заботы и упражнений все способности человека умаляются и погибают: так умаляется и исчезает и всякая добродетель христианская.

Перечислим общие условия для развития каждой из добродетелей.

1. Усиленная молитва, совершенствование в ней.
2. Частая индивидуальная исповедь и причащение Святых Таин.
3. Регулярное чтение Священного Писания (Нового Завета), творений св. отцов и другой духовной литературы.
4. Постоянное упражнение в проявлении добродетели, т. е. подражание всем ее внешним признакам (по закону от «внешнего к внутреннему»).
5. Сосредоточенное внимание на внутренней жизни с учетом развития добродетелей и угасания противоположных им страстей, борьба с пристрастиями, привычными грехами и слабостями.
6. Сосредоточенная, нерассеянная жизнь, с отказом от потери времени для развлечений, светской литературы, пустых бесед и ненужного обращения с окружающими, не вызванного исполнением заповедей милосердия и помощи ближним – быть «всем слугою» (Мф. 20, 26).

Следует заметить, что различая по названиям добродетели, нельзя думать о них в резком разграничении.

Как пишет прп. Макарий Великий:

«Все добродетели между собой связаны, как звенья духовной цепи, одна от другой зависит».

То же нужно сказать и про связь пороков – противоположностей добродетелей.

Все добродетели христианские есть результат пребывания в душе Святого Духа Божия, имеют поэтому одно начало и лишь по различным проявлениям Святого Духа мы даем им различные наименования.

При своем высоком развитии добродетели начинают как бы сливаться: Христова любовь неотделима тогда от смирения, смирение неотделимо от кротости и послушания и все они – от мира душевного, который является их следствием и т. д.

Как говорилось выше, у каждой добродетели есть антипод – соответствующий ей порок: смирению противостоит гордость; любви – эгоизм и черствое сердце; воздержанию – распущенность, молчаливости – болтливость и т. д.

Можно было бы ставить вопрос: как победить пороки? Но здоровье исключает болезни. И если добиться душевного здоровья – расцвета добродетелей, то отпадут, уничтожатся и все пороки.

Поэтому ниже говорится преимущественно о путях развития добродетелей; при достижении же этой цели христианин искоренит и свои душевные пороки – страсти, пристрастия, недостатки и слабости.

Господь сказал: «Кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 2, 30). Поэтому христианину надо собирать, т. е. возвращать в душе своей цветник всех добродетелей христианских. Иначе горе нам: темные духи зла, найдя душу «пустой», по словам Господа, вернутся к ней вместе с новыми, злейшими духами (Мф. 12, 45).

Путь стяжания Святого Духа Божия, путь преображения души и развития добродетелей христианских в душе человека – нелегкий путь. На нем встречается человеку много опасностей и затруднений – увлечение мирскими интересами и пристрастиями. Склонность к первородному греху, неумеренные запросы тела, леность, нерадение, теплохладность, неразумие, а часто и невежество в духовных вопросах и отсутствие руководства и рассудительности тормозят, мешают человеку идти «узким» и «тесным» путем к Царствию Небесному.

Но, с другой стороны, и неумеренная ревность, надрыв в подвиге также очень опасны и могут увести с правильного пути гармоничного развития добродетелей.

Ниже будет излагаться опыт Церкви и описание достижений святых и христианских подвижников на этом пути и будут приведены примеры их высочайших достижений.

Но пусть эти вершины добродетелей не пугают нас своей высотой: святые были тоже люди. Пусть вместе с тем нетерпеливые ревнители не прельщаются возможностью быстрого приближения к совершенству: при крайней испорченности души человеческой нескоро будут замечаться успехи на этом «узком» пути, и многие годы пройдут в борьбе, и десятки лет понадобятся для заметного достижения успехов.

Здесь нельзя говорить о совершенном достижении Цели: она так далека, как далеко отстоит от нашей души совершенный Дух Богочеловека Иисуса Христа: «Доколе не изобразится в вас Христос» – так определяет конец достижений ап. Павел, а Господь через Евангелие повелевает нам: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48).

Наше духовное несовершенство можно сравнить с болезнью. И каждый из нас тяжело душевно болен. Но у каждого вместе с тем особые болезни, особые грехи – последствия наличия в нас тех или иных страстей в той или иной степени развития и наличия различных пристрастий, которые невозможно перечислить по их многочисленности и разнообразию.

Здесь очень важно знание своих душевных болезней, своего духовного возраста, знание своей веры, учет своего положения в обществе и знание той очередной ступени, на которую следует подняться христианину в первую очередь. Нельзя перепрыгивать через ступени, нельзя торопиться, чтобы не надорваться; но нельзя и отставать, чтобы не застыть в «законченности».

Поэтому и каждому из людей следовало бы «прописывать» особые для каждого «духовные лекарства» и назначать особый духовный режим.

Нельзя в миру стремиться к подвигам, свойственным монашеству, как иноку не положена жизнь, соответствующая мирянину. Также нельзя в браке или семье стремиться к тому, что свойственно жизни одиноких, и т. п.

Конечно, лучше всего было бы жить в послушании у опытного и просветленного отца или старца; но многие не могут иметь их, и тогда им в высшей степени нужна добродетель духовной рассудительности, чтобы ровным шагом идти средним «царским путем», не падая, не оступаясь и не сворачивая с этого пути ни направо, ни налево.

«Покажите в добродетели рассудительность», – учит нас первоверховный апостол Петр (2Пет. 1, 5).

И если кто от всего сердца захочет преображения своего сердца и неустанно будет молить о том Господа, то Он Сам укажет ему выход из затруднений и «отворит ему дверь» для спасения, как обещал Он открывать ее последним на земле христианам, находящимся в наиболее бедственном состоянии (Откр. 3, 20).

В наше время крайне затруднено и духовное руководство, и малодоступно учение отцов Церкви, раскрывающее правильное понимание евангельских заповедей.

Все ниженаписанное и ставит себе целью облегчить и помочь в достижении главной цели христианской жизни – преображении своей души, чтобы она была подготовлена к моменту смерти тела для вхождения в одну из тех многочисленных обителей Царства Небесного, которые обещал подготовить Своим ученикам уходящий с земли Христос (Ин. 14, 2).

Вера и надежда

Глава 1. Вера христианская

«Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1). Так определяет сущность веры ап. Павел.

Итак, вера есть, во-первых, та духовная сила в христианине, которая может обеспечить ему достижение желаемого, и, во-вторых, – уверенность в том, что не дано ему познавать непосредственно, через его внешние органы чувств.

По словам о. Валентина Свенцицкого:

«Вера есть высшая форма познания, особое восприятие, таинственное и непостижимое в нас, превышающее все остальные формы познания и включающая их в себя».

А К. Д. Ушинский пишет, что «вера есть небесное сокровище, которое вручено человеку Творцом, как рай Адаму, чтобы его «хранить и возделывать»».

Известный врач Н. И. Пирогов говорит:

«Веру я считаю такую психологическую способность человека, которая более других отличает его от животного».

Хорошей аналогией для понимания значения веры является проводник электричества.

Для того чтобы человек мог использовать электрическую энергию, нужен проводник. Так и для идущей к сердцу человеческого благодати, очищающей сердце и исполняющей его Святым Духом, нужен также проводник. И таким проводником является вера человека.

Вспомним, как Господь «не мог» совершать чудес в Назарете, так как не нашел веры в сердцах Своих соотечественников (Мк. 6, 5).

Бог не принуждает к вере. Она есть свободный подвиг любящей души. Вместе с тем она является великим сокровищем и единственным путем к совершенству. Об этом так говорил старец Захария из Троице-Сергиевой Лавры:

«Помните, что Бог дал нам свободу и насильно Он не берет к Себе никого. Надо проявлять усилие в воле своей, чтобы получить в сердце своем благодать Святого Духа. Если бы Бог не дал нам свободы, Он бы уничтожил путь веры и привел бы к Себе всех путем принудительного знания. Не говорите, как некоторые невежды говорят: «Докажите нам существование Бога, и тогда мы поверим...» Тогда не будет веры, если доказать, а будет принудительное знание, и не будет тогда дороги к спасению».

Поэтому не следует спорить с неверующими и пытаться доказывать истинность христианской веры. Однако следует привлекать к ней внимание и раскрывать всю ее ценность и красоту и указывать на нее как на единственный путь для разрешения всех недоумений для разума человеческого.

Но когда в свободном сердце совершится акт веры, тогда Бог дает такие доказательства истинности веры, которые несравненно выше всех научных доказательств.

Поэтому ап. Иоанн пишет: «Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом» (1Ин. 5, 10).

К сожалению, помимо спасительной христианской веры может быть и гибельная вера.

Так, «верующими» кроме христиан называют магометан, буддистов, идолопоклонников и т. д. А среди атеистов есть такие, которые «верят в человеческий гений», «верят в науку» и т. п.

Спасительная же вера, по определению ап. Павла, состоит в том, чтобы человек верил, что Бог (христианский) «есть, и ищущим Его воздает» (Евр. 11, 6). Вера же гибельная для человека (но точно так же не знание, а вера) состоит в том, что Бога нет, или нет возможности общения с Ним.

Итак, по отношению к Богу неправильно делить людей на «верующих» и «неверующих». И те, и другие только верят, а не знают; но среди них одни верят в бытие Бога, а другие в Его небытие.

То же и по отношению к личности Иисуса Христа. Одни верят, что Он жил на земле и был Сыном Божиим; другие верят, что Он был обыкновенным человеком; третьи верят, что Его

вообще не было. Но все только верят, но не знают достоверно. «Блаженны не видевшие и уверовавшие», – говорил Господь апостолу Фоме (Ин. 20, 29).

Следует упомянуть, однако, что помимо «верующих» и «неверующих» есть еще небольшая группа философски образованных людей, которые не причисляют себя ни к тем, ни к другим, называя себя «агностиками».

Сущность агностицизма в том, что это учение утверждает, что мы ничего не можем знать о действительной сущности вещей. Поэтому на вопрос «Существует ли Бог?» агностики отвечают: «Мы не знаем». Это, по крайней мере, много честнее, чем вопреки логике и здравому смыслу категорически отрицать существование Бога, ложно базируясь при этом будто бы на «доказательствах науки».

По существу, много труднее верить в то, что Бога нет, чем в то, что Он есть: здоровая логика не может мириться с бессмыслицей, что все сотворенное: материя, энергия, весь сложный до беспредельности мир, человек и управляющие мирозданием бесчисленные законы – все это могло произойти как-то случайно, из ничего, без Премудрого Творца.

И прав пророк Давид, называющий безумцами тех, кто утверждает, что «нет Бога» (Пс. 13, 1).

Причину наличия в человеке той или иной веры не следует искать в его своеобразных построениях ума, в его разумности, в его развитии, образовании и т. п. Верой движет сердце, и оно диктует уму, во что надо ему верить.

Сердце доброе, любящее, тянущееся к духовному свету, к красоте, правде, истине, хочет, чтобы Бог был, и ему даруется спасительная вера.

Как пишет о. Иоанн С:

«Вера есть ключ к сокровищнице Божией. Она обитает в простом, добром, любящем сердце».

И наоборот, как говорит блж. Августин:

«Никто не отрицает Бога, как только тот, кто заинтересован в том, чтобы Его не было».

А проф. П. Лепорский пишет:

«Истинный мотив отрицания Бога – вражда грешника на Бога. Представление о карающем суде Божиим мешает жить грешнику, как ему хочется. Чтобы грешить свободно, ему для своего успокоения необходимо сказать «в сердце своем: нет Бога» (Пс. 13, 1).

Что именно таково происхождение атеизма – в этом не может быть и сомнения. Как пишет В. С. Соловьев:

«Обыкновенно истины веры отвергаются заранее не по грубости ума, а по лукавству воли. Нет сердечного влечения к таким предметам, как Бог, спасение души, воскресение плоти, нет желания, чтобы эти истины действительно существовали, без них легче и проще, лучше о них не думать... Такое неверие озлоблено против тех предметов, существование которых оно отрицает, такое неверие недобросовестно... Но есть другого рода неверие, совершенно добросовестное, основанное... на особенности психического темперамента. Это неверие апостола Фомы... Если бы неверие Фомы происходило от грубого материализма, сводящего всю истину к чувственной очевидности, то, убедившись осязательно в факте воскресения, он придумал бы для него какое-нибудь материалистическое объяснение, а не воскликнул бы: «Господь мой и Бог мой!» Это неверие Фомы имеет все права на нравственное наше признание».

Абсурдно утверждение атеистов, что «наука не допускает веры в Бога». Опровержением этого является то, что множество из великих ученых верили в Бога. (Из последних наших ученых – Павлов, Филатов, Пирогов, Менделеев, Мичурин и др.).

Как говорил английский философ и ученый Бекон:

«Много знания приводит к Богу, а мало – удаляет от Него».

А Пастер пишет:

«Я верю, как бретонский крестьянин. Если бы я знал более, то верил бы, как бретонская крестьянка».

Вера спасительная есть дар человеку от Духа Святого Божия. Ап. Павел говорил: «Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1Кор. 12, 3).

Таинственен, непостижим дар спасительной веры, который отличает христианина от мертвого, невозрожденного человека. Здесь та же тайна, которая отличает живой и одушевленный мир от мертвой природы.

Безмерно высока ценность дара спасительной веры, которая приоткрывает душе человеческой дверь в Царство Небесное, которое «внутри вас есть» (Лк. 17, 21).

Как величайший из даров человеку христианская вера может быть дана лишь при наличии в человеке глубокого смирения и подвига покаяния – сознания своих грехов при горячем стремлении к очищению своего сердца от страстей и пристрастий. Про это так пишет старец Силуан:

«Горделивый человек своим умом и наукой хочет познать все, но ему не дается познать Бога, потому что Господь открывается только смиренным душам. Чтобы познать Господа, не надо иметь учености, но надо быть послушливым и воздержанным, иметь смиренный дух и любить ближнего, и Господь возлюбит такую душу и явит Себя душе, и будет учить ее любви и смирению, и все полезное даст ей, чтобы обрела покой в Боге. Если какой-либо неверующий спросил бы нас: «Как мне обрести веру?» – то надо ответить так: «Господи, если Ты есть, то просвети меня, и я послужу Тебе всем сердцем и душою». Вера не может быть дарована сердцам горделивым, эгоистичным, находящимся во власти страстей. Такие сердца не могут понести дар веры, так как вера обязывает ко многому. Прежде всего она обязывает к жертвенному подвигу любви».

Об этом пишет св. Иоанн Златоуст:

«Много есть таких, которые веруют словам Священного Писания, но изнемогают в исполнении написанного».

Вот почему истинная вера, соединенная с жизнью, т. е. с исполнением на деле заповедей Господа, редка, и Сам Господь говорил про Своих учеников как про «малое стадо» (Лк. 12, 32).

В чем сущность живой веры? При ней имеется уверенность в бытии Бога и в возможности с Ним общения: «Ищущим Его воздает» (Евр. 11, в). Но одной такой веры, однако, недостаточно.

Об этом так пишет игумения Арсения:

«Верить необходимо не только в существование Бога Творца и в спасение, дарованное нам через Иисуса Христа, но надо верить неизменно, во всех обстоятельствах жизни, как бы тяжело ни было, что Бог милосерд, хочет нашего спасения и, видя, зная не только в чем временное наше благо, но и вечное, ведет нас к нему, как любящий, но мудрый отец своих детей, направляя их с одинаковой любовью, лаской и строгостью. Поэтому надо принимать с упованием как милость Божию (прося только Его помощи) всякое испытание или искушение, извне ли оно приходит, от наших ли немощей или от людей – орудий Божиих для нашего спасения, и часто обоюдного».

Наличие живой веры в человеке проявляется, по словам игумена Иоанна, также в нижеследующем:

«Вера, спасающая человека, не есть лишь вера в существование на небе и в отвлеченности Бога... Нет, вера есть реальная покорность Живому Богу на земле, безоговорочное доверие во всей полноте Его откровению, устремление и следование Им указанным путем и истолкование решительно всего во славу Божию».

Для верующего, как пишет о. Александр Ельчанинов, «нет ничего случайного на свете. Тот, кто верит в случай – не верит в Бога».

По учению прп. Исаака Сириянина, по наличию или отсутствию живой веры в Бога можно различать два типа людей. Для каждого из них будет характерным и мирозерцание, и душевное состояние, и взаимоотношение с миром.

У людей, живущих без живой веры, по словам преподобного, бывает «голое ведение, которое ценит только богатство, тщеславие, убранство, телесный покой, мирскую мудрость, годную к управлению дел в мире и способную к светской науке, искусству, изобретениям и т. д.».

Это ведение приписывает все случающееся не Промыслу Божию, а заботе и способности самого человека. Вместе с тем «оно не может пребыть без непрестанного попечения и без

страха за тело, а потому овладевают им малодушие, печаль, отчаяние, боязнь от людей, страх от грабителей, страх от смерти, заботливость в болезни, тревога при скудости в недостатке потребного, страх страданий и все прочее.

Оно уподобляется морю, в котором ежечасно день и ночь мятутся и устремляются на пловцов волны, так как это ведение не умеет попечение о себе возвергать на Бога в уповании веры в Него.

А потому во всем, что касается до него самого, оно ухищряется в изыскании разных средств.

Когда же ухищрения его в одном каком-либо случае окажутся недействительными, таинственного же в сем

Промысла оно не усмотрит – тогда препирается с людьми, которые препятствуют и противятся ему.

Но если бы однажды вверил ты себя Господу, – говорит прп. Исаак про людей с христианской верой, – вседовлеющему для охранения твоего и смотрения о тебе, и если пойдешь вослед Его, то не заботься опять о чем-либо таковом, но тогда скажи душе своей: «На всякое дело довлеет для меня Того, Кому единожды я предал душу свою. Меня здесь нет, Господь это знает».

Тогда на деле увидишь чудеса Божии, увидишь, как во всякое время Бог близок, чтобы избавлять боящихся Его, и как Его Промысл окружает их. И хотя невидим телесными очами хранитель тот (Промысл), пребывающий с тобою, не должен ты сомневаться относительно Его, будто бы Его нет, ибо нередко открывается Он телесным очам, чтобы тебе иметь дерзновение».

Помимо уверенности в Промысле Божиим имеется и еще несколько условий, чтобы вера была спасительной.

Ап. Иаков говорит: «И бесы веруют и трепещут» (Иак. 2, 19). Однако бесы при этой вере и при ожидании себе возмездия («трепетании») все же остаются вне спасения. В чем же спасительная вера?

Ап. Иаков учит, что «вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иак. 2, 17).

Здесь он требует непременно добавления к вере дел богоугодения – исполнения воли Бога и Его заповедей.

Апостол Павел добавляет к этому: «Если я имею... всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто» (1Кор. 13, 2).

Нужно думать, что когда в притче о брачном пире (Мф. 22, 11–14) Господь говорил о человеке, присутствовавшем на пиру, но «одетом не в брачную одежду», то Он подразумевал тех, кто имеет веру, считает себя христианином (присутствие на пиру), но не имеет одежды милосердия и деятельной Христовой любви к ближним. По признакам наличия последних будет и оправдание на Страшном Суде (Мф. 25, 31–46). А все те, кто делает себя, а не ближних, центром жизни («эгоцентризм», или «автоэротизм»), по существу являются неверующими, хотя бы они и называли себя христианами. У них «вера мертва» как не имеющая следствием дел любви.

Итак, любовь и дела любви оживляют веру, мертвую без них. Поэтому ап. Павел ставит в основу спасения не одну способность к вере в Бога, но три способности человека – верить, надеяться и любить. Он говорит: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1Кор. 13, 13).

Вера может быть у человека с детства – как дар за благочестие его родителей. Но она может прийти и в зрелом возрасте как дар благодати за стремление сердца человеческого к любви, истине, красоте и подвигу. В последнем случае она особо оценивается Господом.

Вместе с тем, как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Вера, как и любовь, не дается сразу и легко; ее нужно искать, ее добиваться, и только со временем, после усиленного духовного делания, вера овладевает всем нашим внутренним существом и делается для нас жизненным нервом, целью нашего бытия».

На вопрос иудеев «Что нам делать?» Господь отвечал им: «Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал» (Ин. 6, 28–29). А сомневавшемуся апостолу Фоме Он сказал: «Блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 29).

Как возрастить в себе, укрепить веру и оберегать ее? Ап. Павел пишет: «Вера от слышания, а слышание от слова Божия» (Рим. 10, 17).

Итак, начало пути для стяжания и укрепления веры – это постоянное слушание слова Божия, проповеди богодухотных служителей Слова и чтение Священного Писания, творений св. отцов и жизнеописаний святых и подвижников благочестия и другой духовной литературы.

Если не удастся нам достаточно обращаться с носителями Духа Святого Божия, то тем более надо уделять время на духовное чтение, которое в наших руках. Кто наблюдал за собой, тот знает, как много помогает чтение укреплению веры и воспламенению духовной ревности.

Вера может потеряться (у сознательно не кающегося в своих грехах). Она будет слабеть, если человек будет добровольно и близко обращаться с неверующими людьми и читать литературу, написанную атеистами.

Особенно же вредно может отозваться на душе чтение антирелигиозной литературы: даже некоторые глубоко верующие христиане замечали для себя вред от чтения такой литературы.

Мы слышали от нескольких верующих людей такие слова: «Я никогда не прощу себе, что я позволил себе прочесть «Гаврилиаду» (написанную Марлинским, но некоторыми приписываемую А. Пушкину). Она навсегда мне отравила великий праздник Благовещения».

Что же касается людей со слабой верой или сомневающимися, то подобная литература может навсегда погубить и вытравить у них начатки веры.

Так, мы слышали следующее свидетельство от одной ранее веровавшей девушки:

«Я за одну ночь прочитала из сочинений Л. Толстого «В чем моя вера?» К утру я перестала быть верующей христианкой».

Надо вспомнить тот случай, когда великий из святых прп. Антоний Египетский мгновенно прекратил разговор и пустился бежать от одного собеседника, когда узнал в нем еретика.

Как и всякая другая добродетель, вера есть нежный цветок, если душу сравнивать с садом. Этот цветок надо взращивать, лелеять и вместе с тем тщательно оберегать от многих опасностей.

По существу всякий грех есть уже рана на теле души и вредит и вере в той или иной степени.

Грех лишает благодати Божией, а без нее вера гаснет и может даже умереть. Смертный грех убивает веру. Присмотритесь к жизни, и вы найдете женщин, которые теряли веру после первого аборта.

Как известно из Священного Писания, при конце существования человечества наступит «отступление», т. е. угасание веры во Христа (2 Фес. гл. 2–3).

Эта угасающая вера в последние времена идет по двум направлениям: там, где еще имеется свобода проповеди христианства, там под влиянием цивилизации, т. е. внешнего прогресса человечества: богатства, роскоши, комфорта, избалованности, праздности, общедоступности всевозможных развлечений (спорта, кино, радио, телевизоров) – там вера ослабляется, делается мертвой, не сопровождается любовью и делами любви. В этом теперь опасность особенно для западных христианских стран.

Там же, где прекращается проповедь о Христе, вера постепенно угасает. Однако если при этом народ не развращается от легкой комфортабельной жизни, если Господь не оставляет его Своими заботами, посылая ему как целительное средство народные бедствия, – там сохраняется условие для возрождения веры. И бывают случаи, когда веры нет в уме, но она горит в сердце, как это было с Альбином из стихотворения Надсона «Христианка»:

И, смерть Марии изрекая,
Дворца и Рима гордый сын,
Он сам, того не сознавая,
Уж был в душе христианин.

По свидетельству одного военного, принимавшего по радио сообщения от находившихся в бою летчиков (во Вторую

мировую войну), он часто слышал от них в моменты их гибели слова: «Господи! Приими мою душу!»

А это были военные, в обычное время ни в чем не проявлявшие своей веры в Бога.

Так, пройдя путь глубоких страданий, народная душа может вновь возродиться и загореться пламенем веры и благочестия.

Вера христианская – величайший из даров человеку от Господа. Как пишет Н.:

«Жить и умирать в самых страшных условиях с Богом в душе – веселее и легче, чем пребывать в покое и холе без надежды и веры в Бога. Воин с оторванными взрывом ногами, истекающий кровью, обратившийся к Богу, непременно получает столько помощи, и радости, и света, что ему должен позавидовать благополучно жуирующий материалист. Ведь даже не веря в Бога, невозможно не согласиться с верностью того факта, что человек переживает успокоение и полную радость, с верою обращаясь ко Христу. Ведь это опыт миллионов людей в любых условиях, этим опытом живет Церковь».

Приложения к главе 1-й

Для чего нужна вера?

Ни для чего! Если бы я сказал, что она нужна, чтобы быть хорошим человеком, чтобы помогать людям, чтобы познавать Бога, чтобы спасти свою душу, – все это означало бы корыстное и эгоистическое отношение к вере.

Мы верим не для чего-то, а потому что мы любим Бога, потому что Бог есть для нас (в Своем явлении на землю в качестве Богочеловека Христа) совокупность всего самого светлого, чистого, бесконечно прекрасного, короче – всего самого желанного. Любовь к Богу ведет за собой веру в Бога.

Когда вы ищете истины среди противоречивых философских систем – это потому, что вы любите Истину; если всякая земная красота только томит ваше сердце и никогда его не насыщает – это потому, что мы успокоимся только на Вечной Нетленной Красоте.

Если вы мучаетесь нечистотой вашего сердца – это потому, что, сами того не зная, вы жаждете абсолютной чистоты и

святости. Вера – от любви; любовь – от созерцания. Невозможно не любить Христа. Если бы мы Его увидели сейчас, мы бы не оторвали от Него глаз, мы бы «слушали Его с услаждением», мы теснились бы вокруг Него, как теснились евангельские толпы.

Надо только не противиться, Ему отдаться, созерцанию Его образа – в Евангелии, в святых, в Церкви – и Он возьмет в плен наше сердце. «Преображаемся в тот же образ, от славы в славу» (2Кор. 3, 18).

Суть веры и религиозной жизни не в принудительной очевидности, а в усилении и выборе. Вера – путь к Богу, опыт, который всегда удается. Праведники стремились к небу, и оно приняло их. «Приблизьтесь к Богу, и Бог приблизится к вам» (Иак. 4, 8).

Вот перед тобою «жизнь и смерть... благословение и проклятие. Избери жизнь, чтобы жил ты и потомство твое» (Втор. 30, 19).

Убедить кого-либо в существовании Бога совершенно невозможно, так как все, что можно словами сказать о вере, ни в какой степени не может передать того, что вообще не сказуемо и что в ней главное. Доводы веры не против разума, а помимо его.

Только в свете любви разум принимает видимые абсурды (антиномии) веры.

Те, кто хочет доказательства для своей веры, – на ложном пути. Вера – свободный выбор, и там, где есть хотя бы скрытое даже от самого себя желание доказательства, – нет веры. Знаки Божоявления не надо принимать как «доказательства» – этим мы снижаем, перечеркиваем подвиг веры.

Глубокую характеристику отличия верующего человека от неверующего дает о. Валентин Свенцицкий, который пишет:

«Верующие и неверующие люди только по внешнему своему виду одинаковы – на самом деле они два разных существа... «Не оставляю вас сиротами, приду к вам» (Ин. 14, 18). И воистину Господь приходит в сердце каждого верующего человека, воистину каждый верующий человек никогда не чувствует своего одиночества. Это постоянное

чувствование любви Божией воспламеняет и в наших сердцах любовь ко Христу, к миру как к созданию Божию, к людям, ко всей жизни. Страдания земные мы переживаем как спасительную Голгофу, и жизнь для нас – не беспорядочное чередование приятных и неприятных событий, а крестный путь, которым мы идем в вечное Царство Божие. Мы всегда имеем очи сердца нашего обращенными в вечность, и потому все земное само по себе не имеет для нас цены и кажется нам суетой. Все это делает нас свободными. Ибо где Дух Господень, там и свобода. А самое главное чувство наше, совершенно недоступное неверующим людям, – Воскресение Христа. Его можно сравнить с тем, что испытывает человек, приговоренный к смертной казни и неожиданно получивший освобождение. По-новому сияет для него небо, по-новому дышит его грудь, по-новому видит он всю окружающую жизнь. Мир во зле лежит, но мы торжествуем потому, что Христос победил мир. Жизнь – страдание, но мы радуемся потому, что Христос воскрес, и страдания больше не существует. Все умирает, все предается тлению, но мы ликуем, потому что уничтожена смерть и за преходящим тленным миром открывается вечная жизнь, новое небо, новая, преображенная земля».

Жить без веры человек вообще не может, как бы он ни уверял себя в своем безверии. Вот как пишет об этом архиепископ Иоанн: «Путь высокой веры есть направление, данное всем людям... Даже не верующие в Бога, сами того не понимая и не желая признавать, живут верой в своей жизни. Они верят свидетельству других; доверяют другим и в исторической, и в личной своей жизни.

Так мы, люди, не сомневаемся, что наша мать есть именно наша мать, хотя уверенность наша не покоится на опыте собственных знаний, а держится на вере, на доверии к близким людям...

Вера есть то, что живет Богом, а не собою. Вера есть некий новый воздух, через который предметы мира видны по-новому и все по-новому видится. Вера достовернее всякой реальности этого мира; она есть не только убеждение, но и состояние, и не

только состояние, но и восхождение «от славы в славу» (2Кор. 3, 18).

Вера есть добрая действительность, а неверие – дурной сон...

Неверием жить нельзя, как нельзя жить только настоящим на этой земле. И потому неверия, в сущности, нет. Есть только вера, и есть лжеверие.

«Человек ходит подобно призраку» (Пс. 38, 7). Прошедшего уже нет, будущего еще нет, а настоящее – где оно? Реальна только вера в истинную жизнь. «Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28, 20).

«Религия есть, или, по крайней мере, притязает быть художницей спасения, и ее дело – спасать. От чего же спасает нас религия? Она спасает нас от нас, спасает наш внутренний мир от таящегося в нем хаоса. Она одолевает геенну, которая в нас и языки которой, прорываясь сквозь трещины души, лижут сознание. Она поражает гадов «великого и пространного моря» подсознательной жизни, «им же нет числа» (прп. Макарий Великий), и разит гнездящегося там змия. Она улаживает душу. А водворяя мир в душе, она умиротворяет и целое общество, и всю природу.

Довольно философствовали над религией и о религии! Надо философствовать в религии, окунувшись в ее среду!

Глава 2. Высшие ступени веры христианской

Все возможно верующему. Мк. 9, 23

Все возможно верующему.

Как и у всякой добродетели, у веры есть много степеней развития: «В них открывается правда Божия от веры в веру», – пишет апостол Павел (Рим. 1, 17).

На известной ступени духовной жизни и стяжания Святого Духа Божия вера переходит в глубокую уверенность. Для человека становится в полной мере несомненным и достоверным и существование Бога, и Его Промысл над человеком как в великих, так и в самых малых вещах, и непостижимая степень любви Бога к людям, проявившаяся в особенности в Голгофской жертве.

Тогда человек реально переживает в душе многие новые, до того неведомые чувства особой радости, умиления, покаянных слез и т. д., начинается глубокое постижение сердцем и разумом любви и премудрости Божией и гармонии мирового здания. В то же время он часто дивится и чудесному исполнению своих молитвенных прошений.

Наконец, он начинает усматривать много чудесного и в мире, а иногда, по милости Божией, становится и свидетелем явных чудес. Тогда вера его становится настолько сильной, что он не боится уже исповедания ее, хотя бы за то ему грозили несчастья или даже смерть, как это было во времена мучеников.

К сожалению, наш язык так ограничен, что мы имеем всего только одно слово «вера», хотя она может быть совершенно различна как по своей сущности, так и в ее проявлениях, доходящих до всемогущества. Некогда апостолы захотели усиления своей веры и просили Господа: «Умножь в нас веру» (Лк. 17, 5). Но они не понимали, какого великого дара они просили, который очевидно не дается даром и который еще надо заслужить подвигами начальной веры.

В ответ на просьбу апостолов Господь объяснил им, что значит дар полноты истинной веры. Он сказал: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17, 20).

Почему же «все возможно верующему» (Мк. 9, 23)?

Кто истинно живет верою, тот в желаниях своих, даже в малейших, хочет творить лишь волю Господню. Поэтому он позволяет себе желать лишь того, в чем не сомневается, что это будет желанием и Господа. При такой ревности Господь Сам говорит сердцу христианина, что Ему угодно. Отсюда желания христианина будут и волей Господней. Поэтому они могут и должны исполняться, даже если это будет необычайно и сверхъестественно.

Господь дал такие признаки полноты веры у истинно уверовавшего в Него: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: Моим именем будут изгонять бесов, будут говорить

новыми языками; будут брать змей, и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных и они будут здоровы» (Мк. 16, 17–18).

Итак, в высшем своем проявлении – у святых и подвижников благочестия – вера является проявлением в них силы Божией: особым видом энергии, творящей великое и чудесное, как повествует о том Евангелие и ап. Павел в 1-й главе Послания к Евреям.

Можно ли и нам приобщиться к творению этого? Нет, потому что наше сердце остается нечистым и в нас нет той степени чистоты и полноты веры, при наличии которой мы всегда исполняли бы волю Божию и жили по Его заповедям, которые на деле мы постоянно нарушаем в делах, словах, чувствах и мыслях.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Кто, получая власть наступать на змий и на скорпионов, еще претерпевает от них вред и бывает ими обладаем? Испытай же сердце твое относительно всякого дела, и если найдешь, что древний змий может поколебать его хоть на мгновение, то знай, что ты далек еще от власти над ними (змиями и скорпионами)».

У святых сила веры свидетельствовалась не словами, а жизнью и делом. Сила веры святых мучеников засвидетельствована отдачей жизни ради веры во Христа.

Сила веры преподобных доказана тем, что они покидали близких, уходили в монастыри, в уединение, в пустыни, в затворы, изнуряли свое тело постом и свое время отдавали молитве за мир и близких и тем открывали себе путь для вхождения в Царство Небесное.

Сила веры юродивых во Христе заставляла их лишать себя крова и делать себя позорищем для мира, желая угодить Богу, и т. д.

В житиях святых имеется один рассказ о необычайной силе веры прп. Марка Афинского, проведенного в пустыне 95 лет (память 5 апреля ст. ст.).

Перед уходом преподобного из этого мира его посетил авва Серапион. В беседе с ним прп. Марк спросил: «Есть ли ныне

среди мира некоторые святые, творящие чудеса, как сказал Господь в Евангелии Своем: «Если будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет» (Мф. 17, 20)».

В то время, как святой произносил эти слова, гора сдвинулась с своего места приблизительно на пять тысяч локтей (около двух километров) и приблизилась к морю.

Святой Марк, приподнявшись и заметив, что гора движается, сказал, обратясь к ней: «Я тебе не приказывал сдвинуться с места, но я беседовал с братом; поэтому ты встань на место свое». И гора снова встала на свое место.

Затем, заметив страх аввы Серапиона, преподобный спросил его: «Разве ты не видывал таких чудес в течение дней жизни твоей?» – «Нет, отче», – ответил тот. Тогда прп. Марк, вздохнув, горько заплакал и сказал: «Горе земле, потому что христиане на ней только по имени называются, а на деле не таковы».

Откуда такая сила веры, которой, как говорил Господь, надо всего с «горчичное зерно», и тогда для христианина «ничего не будет невозможного» (Мф. 17, 20)?

Такая сила даруется при полноте веры, которая может быть лишь в сердце, совершенно свободном от страстей и пристрастий. В таком сердце безраздельно царствует Сам Господь Бог; а для Бога есть ли что невозможное?

Хорошей аналогией для понимания этого закона – возрастания силы от очищения – является процесс получения чистого элемента радия. Последний добывается из урановой смоляной руды, которая по своим физическим свойствам сравнительно мало чем отличается от многих других горных пород.

Длительной очисткой можно отделить радий от примесей, и тогда мы получим «малое зерно», всего 1 г из 7 т руды. Сила энергии полученного зерна необычайна. Оно испускает особые лучи, проникающие через материю, и заключает в себе количество тепловой энергии, которое может расплавить массу железа в 20 т веса.

Так и малое зернышко веры в очищенном сердце обладает могуществом и возможностями, которые несравнимы с силой веры и возможности обычных людей, у которых вера подавлена в сердце громадой душевного мусора – страстей, пристрастий и греховных склонностей.

Христианина, обладающего полнотой живой веры, так характеризует прп. Исаак Сириянин:

«Когда человек удостоверяется в промышлении о нем Божию, то просвещается любовью Его к твари и удивляется устройству существ разумных и великому о них попечению Божию. С этого начинается в нем сладость Божественная, воспламенение любви к Богу, возгорающейся в сердце и опаляющей душевные и телесные страсти. Поэтому, – говорит прп. Исаак, – проси у Бога, чтобы дал тебе прийти в меру веры совершенной. Если ощутишь в душе своей наслаждение ею, то нечему уже отвлечь тебя от Христа... Сподобишься же этого, если прежде с верою понудишь себя попечению свое возвергнуть на Бога и свою попечительность заменишь Его промышлением. Когда Бог усмотрит в тебе эту волю, что со всею чистотой мыслей доверился ты Самому Богу более, нежели себе самому, и понудил себя уповать на Бога более, нежели на душу свою, – тогда вселится в тебя та неведомая сила, и ощутительно почувствуешь, что с тобой несомненная сила, та сила, которую ощутив в себе, многие идут в огонь и не боятся и, ходя по водам, не колеблются в помысле своем опасением утонуть, потому что вера укрепляет душевные чувства и человек ощущает в себе, что как будто нечто невидимое убеждает его не внимать видению вещей страшных».

Люди живой, действительной веры в своих душевных основах являются противоположностью людям мира. С точки зрения мира они – безумцы. Ап. Павел так и говорит: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, то будь безумцем, чтобы быть мудрым» (1Кор. 3, 18). У таких «безумцев» смещены все обычные душевные устои людей мира.

Люди мира живут, надеясь на себя, и для себя. Люди веры – Богом и ради ближнего; те берегут и холят тело и боятся

смерти, а ученики Христа борются с плотью и на смерть смотрят как на избавление и начало вечной жизни в Боге и т. д. И только наличие живой веры позволяет христианину идти в своей жизни крестным путем, т. е. наперекор миру, не считаясь с его устоями, взглядами, обычаями.

Глава 3. Надежда

От опытности надежда, а надежда не постыжает. Рим. 5, 4–5

От опытности надежда, а надежда не постыжает.

Надежда для души есть как бы якорь безопасный и крепкий. Евр. 6, 19

Надежда для души есть как бы якорь безопасный и крепкий.

К вере близка надежда. Может быть, не всем ясно их различие?

Как пишет о. Иоанн С:

«Надеяться на Бога – значит поручить Ему свою жизнь, свою судьбу, всю свою будущность и с уверенностью ждать исполнения Его обетований. Надежда происходит от веры, как растение из семени, как ручей из источника».

Итак, надежда всецело основывается на вере, но вера в ней соединена с уверенностью в благодать, Промысл, милосердие и всепрощение Бога. Если в вере мы утверждаем, что Бог есть, то при надежде мы постигаем, что Он, Всеблагий, не оставит нас в нашей жизни и простит нам через покаяние наши грехи.

Как пишет старец Силуан:

«Нужно считать себя хуже всех и осудить себя в ад. Однако при этом не отчаиваться в милосердии и любви Божией».

«Что суть грехи наши против милосердия Божия? – говорит святитель Димитрий Ростовский. – Как паутина против ветра великого. Возрадуемся о Господе Спасителе нашем и будем мирны и радостны».

За пример надежды можно взять надежду блудного сына из евангельской притчи.

Сын тяжело согрешил: он порвал с отцом, ушел от него, расточил все данное ему отцом имение и жил распутно.

Когда он пришел в крайне бедственное состояние, не отчаяние ли должно было овладеть им? Но он знал своего отца. Он знал и его любовь, и его милосердие. И в надежде на его благость он черпает себе силу, чтобы порвать с прошлым, встать и идти к отцу за прощением.

«Поэтому, – как пишет митр. Филарет Московский, – печаль никогда не должна быть сильнее веры в Бога и надежды на Него. Что бы ни произошло, надобно веровать в Его милосердие и надеяться получить от Него помилование.

Чем подогревается надежда? Для сего надобно отвлекать мысль от предмета печали и занимать ум и сердце молитвою. Не должно смущаться тем, что в этих обстоятельствах молитва несовершенна. Приносите Богу намерение молитвы, а Он призрит и даст молитву молящемуся».

О значении наличия у человека твердой надежды на Бога так говорит прп. Серафим Саровский:

«Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света».

Однако преподобный предупреждает, что надежда на Бога может быть истинной и ложной.

Так, если человек из любви к Богу не имеет излишнего попечения о себе, зная, что Бог печется о нем, то такая надежда есть истинная и мудрая.

Но если человек все упование свое возлагает на свои силы, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет, по словам Господа: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33). Следует оговориться, что при наличии веры и надежды на милосердие и помощь Божию христианину все же надо быть благоразумным и помнить заповедь: «Не искушай Господа Бога твоего» (Мф. 4, 7).

Как пишет о. Иоанн С:

«Впрочем, при надежде мы не должны быть беспечны и праздны. Христианская надежда, по сущности своей, есть живое, деятельное и постоянное стремление к Высочайшему Благу и Источнику всех благ – Богу, с ненасытным желанием приблизиться к Нему и получить от Него и в Нем Царствие Небесное».

Старцы прпп. Варсонофий и Иоанн при вопросе к ним учеников «Надо ли остерегаться разбойников?» отвечали:

«Никому не следует произвольно вдаваться в искушение, но благодарно терпеть то, что постигнет его попущением Божиим».

Какие еще пути ведут к надежде?

На это так отвечает прп. Исаак Сириянин:

«Надежда на Бога является от злострадания за добродетели».

Как видно из этих слов преподобного, предпосылкой для развития надежды являются подвиги ради Христа, при наличии которых христианин получает надежду – уверенность в том, что Господь его никогда не оставит.

Собранность и мысли христианина

Глава 4. Страх господень

Начало премудрости – страх Господень. Притч. 9, 10

Начало премудрости – страх Господень.

«Господи, всели в мя корень благих, страх Твой в сердце мое», – читаем мы каждый день в вечернем молитвенном правиле. Что это за страх, который необходимо иметь христианину?

Как говорит епископ Вениамин (Миров), этот страх «занимает место в начале добродетелей, свидетельствует о внутренней живости человека для Бога и блистании благодати Святого Духа во мраке грешной души».

Как и всякая из добродетелей, страх Господень есть дар Божий христианину.

«Работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11). Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Этому научает нас Святой Дух; покорным Его велению Он говорит: «Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас» (Пс. 33, 12). Он возвещает обетование даровать страх Божий тем, которые истинно вознамериваются усвоиться Богу: «Страх Мой дам в сердце их, чтобы они не отступали от Меня» (Иер. 32, 40)».

Начало великой науки – деятельного богопознания – страх Божий. Эта наука называется в Священном Писании премудростью. «Начало премудрости – страх Господень» (Притч. 9, 10). Мы все будем некогда свидетелями Второго пришествия Христа на землю. Это пришествие начинается с суда, который Церковь называет «Страшным», потому что на нем будет решаться участь христианина для вечности. Пригодными для Царствия Божия будут признаны те, кто, живя на земле, проявил красоту души в жертвенных подвигах милосердия.

Но этот суд «страшен» еще не только потому, что мы должны дать там ответ за себя. Он «страшен» тем, что с нас

взыщутся грехи и нашего потомства (физического и духовного), если в них окажется и наша вина.

Как пишет еп. Аркадий (Лубенский):

«На Страшном Суде перед совестью каждого встанет все то, что он соделал не только сам, но в детях, внуках, правнуках и даже в поколениях, им наученных, получивших от него телесные и душевные наклонности, видевших и усвоивших себе пример его жизни; другими словами – плоды наших дел, слов, мыслей, не прекращавшихся до Страшного Суда».

Боимся ли мы этого величайшего из моментов будущности и можем ли мы быть уверены в достаточности наших дел милосердия и духовной заботы о нашем потомстве?

Когда наступило время кончины великого подвижника древности прп. Агафона, то он пробыл три дня в глубоком внимании к себе, не беседуя ни с кем. Братия спросила его: «Авва Агафон, где ты?» – «Я предстою суду Христову» – отвечал он. Братия сказали: «Неужели и ты, отец, боишься?» – Он ответил: «Я старался по силе моей сохранять заповеди, но я человек, и откуда знаю, были ли мои дела угодны Богу?»

Братия спросили: «Неужели ты не уповаешь на жительство твое, которое было сообразно воле Божией?» – «Не могу уповать, – отвечал он, – потому что иной суд человеческий, а иной суд Божий».

А этот угодник Божий во всем строго, постоянно наблюдал за собой и говорил, что без тщательного наблюдения за собой человеку невозможно достичь спасения.

Так думали о себе великие подвижники и сомневались в мысли об угодности их жизни Господу.

Итак, для спасения своей души человеку необходим страх – сознание необычайной опасности своего положения. Еп. Феофан Затворник говорит, что христианину «надо зажечь беду вокруг себя».

Эта загадочная формулировка еп. Феофана объясняется так: только чувство большой и рядом стоящей опасности может встряхнуть человека и побороть его косность, лень и благодушие.

Это чувство должно быть таким же сильным, как ощущение горящего дома, в котором человек находится: чтобы не погибнуть, надо немедленно все оставить и спастись из него, невзирая ни на усталость, ни на болезни или физическую слабость.

Это чувство, говорит еп. Феофан, «было у всех святых и никогда их не оставляло. Противное ему есть чувство довольства своим положением, которое успокаивает человека и погашает в нем всякую заботу о спасении: «Сыт – и что еще?»»

Спасительный страх должен сохраняться на всем пути у христианина-подвижника до достижения им совершенной любви. Об этом так пишет схиархимандрит Софроний:

«В основе пути к бесстрастию имеется вера, понимаемая не как логическое убеждение, а как чувство живого Бога: от веры рождается страх суда Божия; от страха – покаяние; от покаяния – молитва, исповедание, слезы. Покаяние, молитва и слезы, умножаясь и углубляясь, приводят сначала к частичному освобождению от страстей, откуда рождается надежда. Надежда умножает подвижнические труды, молитвы и слезы; утончает и углубляет чувство греха, в силу чего возрастает страх, переходящий в глубочайшее покаяние, которое преклоняет милосердие Божие, и душа удостоивается благодати Святого Духа, исполненной света Божественной любви. И вера есть любовь, но малая; и надежда есть любовь, но несовершенная. Каждый раз, когда душа восходит от меньшей меры любви к большей, она неизбежно проходит через страх. Любовь своим явлением изгоняет страх, но, изгнанный малой любовью, он при переходе души к большей любви снова возрождается и снова преодолевается любовью; и лишь совершенная любовь, по свидетельству великого апостола любви, совершенно изгоняет страх, т. е. тот страх, в котором есть мучение. Есть иной страх Божий, в котором нет муки, но радость и дыхание святой вечности».

Об этом страхе, который не должен оставлять человека в пределах земного бытия, старец Силуан говорит так:

«Пред Богом должно жить в страхе и любви. В страхе, потому что Он Господь; в страхе, чтобы не оскорбить Господа плохим помыслом; в любви, потому что Господь есть любовь».

Как видно из слов старца Силуана и схиархимандрита Софрония, у страха Божия, как и у всякой христианской добродетели, есть ряд степеней.

В основном они подразделяются на три вида:

- 1) страх раба,
- 2) страх слуги,
- 3) страх сына.

При первом виде страха человек лишь боится наказания за свои грехи и осуждения в ад на вечную муку.

Но хотя это и спасительный страх, он, однако, далеко не совершенен. В нем нет элемента любви к правде и истине. А ведь важно не только не грешить, но и иметь отвращение к греху. И Господь говорит: «Милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13).

Второй вид страха – страх слуги, при котором боятся упустить оплату за труд, т. е. христианину лишиться радостей Царства Небесного.

Поэтому человек силится делать добро и выполнять заповеди, хотя душа его еще далека от христианских добродетелей – Христовой любви, смирения и кротости. Здесь также еще далеко до совершенства: здесь пока еще труд наемника.

Сын уже не боится наказаний и не гонится за наградой. Он отдал сердце отцу и более всего боится его огорчить чем-либо, т. е. малейшим грехом и каким-либо невоздержанием. Высшая радость для него – делать приятное Небесному Отцу, хотя бы это стоило жертв, страданий или даже смерти тела...

В последнем сыновнем страхе есть, конечно, и свои степени, как об этом пишет схиархимандрит Софроний:

«По мере роста любви видоизменяется и чувство сыновнего страха. И лишь совершенная любовь, изгоняя всякий страх, заполняет душу «совершенной радостью» Христовой» (Ин. 15, 11).

Как говорит старец Силуан:

«Надо жить в страхе, потому что должно бояться, как бы не оскорбить Бога даже каким-либо плохим помыслом. ... Мы можем ничего не бояться, кроме греха, потому что из-за греха теряется благодать, а без благодати Божией погонит враг душу, как ветер гонит лист сухой или дым».

Глава 5. Преодоление боязливости и мужество

Будьте мужественны. 1Кор. 16, 13

Будьте мужественны.

Наряду со страхом Божиим христианин должен обладать и мужеством – бесстрашием за свою земную судьбу, основанном на глубокой вере в постоянный и благий Промысл над ним Бога. При этом он должен преодолеть житейскую боязливость и приступы уныния и сомнений.

Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Крайняя боязнь и малодушие недостойны христианина, верующего в Промысл Божий. Ты благоговей, молись Творцу мира и в то же время оставайся с чувством глубокой веры, что ты не один, а с Господом, под покровом Его, и надейся, что Он тебя помилует и сохранит».

Как говорит Господь в Откровении: «Боязливых же... участь в озере, горящем огнем и серою» (Откр. 21, 8).

Он говорит также, что христианин остается бесплодным, если соблазняется от скорби или гонения за слово.

Итак, боязливость перед исповеданием веры и исполнением заповедей Господних, ведущая к отступлению от них, есть порок, который должен преодолеваться мужеством.

Есть и еще одна опасность для ревнующих о спасении. Это мысль о трудности спасения и отчаяние в спасении.

Действительно, можно ли нам быть уверенными в этом, когда ап. Петр говорит, что и «праведник едва спасается» (1Пет. 4, 18).

Даже прп. Сисой Великий перед своей кончиной говорил: «Поистине не знаю о себе – положил ли я начало покаяния».

Поэтому путь христианина – узкий путь, и если лукавому не удастся столкнуть с него человека влево, он начинает толкать его вправо: т. е. если не удастся соблазнить человека злом, то он начинает соблазнять его добром – непосильными и несвоевременными подвигами.

Также, если лукавому не удастся победить бодрствования человека над собой и усиленного внимания к своему внутреннему устройству, то он начинает прививать ему мысль о чрезвычайной трудности или почти невозможности спасения.

Здесь следует вспомнить про явление бесов старцу Силуану, которые то говорили ему: «Ты святой», а то: «Ты не спасешься». Он спросил их, почему они говорят то так, то наоборот. Они с бесстыдством отвечали: «Мы вообще никогда не говорим правды».

Указывая на узость пути христианина – на трудность удержаться в действительно правильном состоянии духа, св. отцы рекомендуют следующее правило: проявляя мужество, не надо отчаиваться в спасении и унывать, но отнюдь не надо обольщаться и своей праведностью или заслугами.

Об этом так пишет схиархимандрит Софроний:

«Сердце христианина всего боится, вплоть до малейшего движения мысли или недоброго чувства; оно тревожится за все, о всем болит и печалится, и вместе с тем ничего, ничего не боится; хотя бы «небо столкнулось с землей», хотя бы горы с шумом пали на главы наши всей своей тяжестью, глубокое сердце христианина пребудет в бесстрашном покое».

Нам надо подражать поэтому ап. Павлу, который говорит: «Говорю так не потому, чтобы я уже достиг или усовершился: но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе» (Флп. 3, 12–14).

Итак, в душе христианина должен произойти особый синтез (соединение) двух состояний, которые могут показаться противоположными: мужества и надежды на искупительную жертву Христа и на милосердие Божие, и вместе с тем –

глубокого сознания своего недостойнства и незаслуженности этого милосердия.

При непрестанном и тщательном внимании к себе совесть человека должна постоянно свидетельствовать ему, что он делает все для спасения, что только может. От этого будет сознание, как у ап. Павла, что, «забывая заднее», я «простираюсь вперед». Следует сказать, что при приступах уныния могут оказаться полезными приемы, подобные нижеследующему.

Игуменья Арсения, будучи молодой монахиней, так боролась с унынием. Она приходила к своей старице, схимонахине Ардалионе, и говорила ей: «Матушка, похвалите меня за что-нибудь».

И мудрая Ардалиона начинала ее хвалить и тем вселяла ей мужество и разгоняла ее уныние.

Как пишет еп. Серафим (Звездинский):

«Господь особенно благословляет, особенно охраняет всех тех, кто воинствует во имя Его, или борясь со своими страстями, с диаволом, с миром сим прелюбодейным и злым, или встает на защиту имени Господа против врагов Его. Не любит Господь слабых духом, робких, вялых. Он требует от нас мужественного, стойкого исповедания Его. Церковь Божия прославляет святителей, праведных, преподобных, но особенно высокую награду Господь обещает мученикам, тем, которые испытали физические телесные муки за Него, или тем, которые переносят духовные муки – насмешки, гонения, преследования, клевету за прославление имени Его. Этим особенно прославляет Господь. Он и нас учит, чтобы мы без боязни стояли крепко на страже Его Церкви, не боясь страданий и преследований, защищали ее уставы, ее установления, ее догматы, мужественно переносили всякие искушения и напасти от врагов, особенно от слуг князя тьмы: стойко, настойчиво боролись с грехом и страстями своими. Таких крепких борцов Своей милостью особенно покрывает Господь, особенно промышляет о них, особенным вниманием и ласкою Его пользуются они. Как земной полководец заботится о своих воинах, знает каждого в лицо,

знает нужду каждого, так Господь воинств, Господь – Полководец небесный заботится и знает лицо каждого из Своих воинов. Его пророки, все Его апостолы были в то же время и его воины. Все они вынесли тяжелую борьбу и понесли подвиг мученичества за исповедание имени Его. И какой любовью, заботой, защитой обнимал Господь всех этих служителей, воинов Своих».

Надо знать и указание св. отцов: кто начал работать Господу, пусть приготовится встретить на этом пути многие искушения.

Мужество необходимо и при высоких степенях совершенства в христианских добродетелях, так как и при них темные силы продолжают всегда бороться с подвижниками всякими искушениями.

Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Ибо и те, у кого зрение здорово, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности по причине ужасов, ожидающих их в пути, и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками оной, между тем как очи у них полны слез и они в молитве и плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь».

Глава 6. Память смертная

Даждь ми, Господи... память смертную. Из вечерней молитвы свт. Иоанна Златоустого

Даждь ми, Господи... память смертную.

Помни последняя твоя и не согрешиши. Св. отцы, Сир. 7, 39.

Помни последняя твоя и не согрешиши.

Некоторые из христиан в своей жизни повторяют ошибку апостолов в период земной жизни Христа, которые ожидали Царство и славу Христа при их жизни еще здесь – на земле. И когда Он говорил им о Своем земном конце, мучениях и позорной смерти, то они не понимали Господа. И смерть Его тела вначале явилась для них катастрофой – крушением всех их чаяний.

Как и апостолы, некоторые христиане склонны забывать слова Господа о том, что «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18, 36) и что христианину подобает «собирать себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6, 20).

Умом мы знаем эти истины, но они чаще всего не лежат у нас на сердце и не господствуют над нами. Свою жизнь мы обычно стараемся устроить как можно удобнее и комфортабельнее, а на близких и любимых нами смотрим так, как будто бы мы с ними не должны никогда разлучаться и в этой жизни.

Мы забываем, что мы здесь, на земле, – только «странники и пришельцы» (Евр. 11, 13), любим земные блага и привязываем себя к земле, как тысячами нитей, своими земными пристрастиями и привязанностями.

В чем по существу состоит драма смерти тела, драма перехода от этой жизни к другой? Только в неподготовленности нашей души, в наличии в ней земных пристрастий и суетных потребностей, которые не могут более удовлетворяться в бесплотном мире. Последнее и является источником мучения в том мире.

Поэтому В. С. Соловьев предлагает ушедших с земли и не подготовленных к смерти тела называть не «покойниками», а «беспокойниками», так как при неподготовленности души к переходу в вечность она будет испытывать при переходе сильнейшее беспокойство, а может быть, страх и ужас.

Вся та суета, которая поглощала на земле ее внимание, теперь отнята. Она поставлена перед вопросом о своей пригодности к новой форме жизни, внезапно открывшейся перед ней.

Если же она не была готова к ней, то это будет служить источником если не мучений, то сожалений, переживания сознания упущенных возможностей и своей беспомощности, тоски от созерцания неизжитых пороков своей души – страстей и пристрастий и т. п.

Вот почему, когда мы молимся об усопших, то приносим о них обычно два прошения, которые повторяются во всех

молитвословиях о покойниках. Это о прощении им грехов и об «упокоении» их душ. Очевидно, что вкушение блаженства в вечности невозможно, когда душа не достигла покоя – мира.

И если она ушла из мира еще не совсем подготовленной для единения с Богом в вечности, то помимо оставления грехов она нуждается прежде всего в «умирении», в «упокоении», которое разлучит ее с земными пристрастиями и даст способность приобщения к жизни в Боге вне плоти.

Но когда душа научилась жить Богом, молитвой, изжила пристрастия и искала в мире лишь воли Божией, то она ничего не теряет при переходе в тот мир. Там ничто не будет ее рассеивать в молитве, плоть не будет мешать ей своей усталостью, болезнями и потребностями, не будет преградой между нею и Богом. И если она на земле соответствовала тексту заповедей блаженства, то в том мире она получит это обещанное ей блаженство.

Один из египетских старцев встретил толпу, которая следовала за разбойником, ведомым на казнь. В этой толпе он увидел одного инок: «Зачем ты идешь с ними? – спросил старец инок. – Разве тебе доставит удовольствие видеть мучения казнимого?»

«Нет, святой отец, – отвечал инок, – но я не имею памяти смертной и надеюсь, что, видя муки и смерть осужденного, я приобрету и память смертную».

Все святые и подвижники благочестия искали этой памяти и старались пользоваться всеми средствами, чтобы укрепить ее в себе.

Память о смерти, как и все другие добродетели, есть Божий дар душе, и усвоение ее есть великое приобретение для христианина. Насколько важна для нас память о смерти, говорят следующие слова прп. Исихия Иерусалимского:

«При непрестанной памяти о смерти в нас рождаются отложение всех забот и сует, хранение ума, непрестанная молитва, бесстрастие телесное и омерзение ко греху».

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«Первая мысль, которая по Божию человеколюбию западает в человека и руководствует душу к жизни, есть

западающая в сердце мысль об исходе сего естества. За этим помыслом естественно следует презрение к миру, и так начинается в человеке всякое доброе движение, ведущее его к жизни. И если человек эту сказанную нами мысль не угасит в себе житейскими связями и суесловием, но будет возвращать ее в безмолвии и пребудет в ней созерцанием и займется ею, то она поведет человека к глубокому созерцанию, которого никто не в состоянии изобразить словом».

О том же пишет и о. Александр Ельчанинов:

«Многое облегчилось бы для нас в жизни, многое стало бы на свое место, если бы мы почаще представляли себе всю мимолетность нашей жизни, полную возможность для нас смерти хоть сегодня. Тогда сами собой ушли бы все мелкие горести и многие пустяки, нас занимающие, и большее место заняли бы вещи первостепенные. Как мы жалки в нашей успокоенности этой жизнью. Хрупкий островок нашего «нормального» существования будет без остатка размыт в загробных мирах. Нельзя жить истинной и достойной жизнью здесь, не готовясь к смерти, не имея постоянно в душе мысли о смерти – о жизни вечной».

Схиархимандрит Софроний так пишет о развитии в душе памяти о смерти:

«Начинается смертная память с переживания краткости нашего земного существования; то ослабляясь, она по временам переходит в глубокое ощущение всего земного тленным и преходящим, изменяя тем самым отношение человека ко всему в мире; все, что не пребывает вечно, обесценивается в сознании, и появляется чувство бессмысленности всех стяжаний на земле».

Каждый день, читая вечернее молитвенное правило, мы просим у Бога: «Даждь ми память смертную...» Но действительно ли мы ищем эту память и не стараемся ли мы бегать от напоминаний о смерти? Не смотрят ли некоторые как на большую неприятность, когда им приходится иметь дело с покойниками – участвовать в похоронах родных и знакомых?

Христианину необходимо изменить подобное отношение к покойникам и не только не бегать от напоминаний о смерти, но искать памяти о ней, как делали все истинные христиане. Епископ Игнатий (Брянчанинов) перечисляет для этого такие средства:

«Полезно возбуждать в себе воспоминание о смерти посещением кладбища, посещением болящих, присутствием при кончине и погребении близких, частым рассматриванием и обновлением в памяти различных современных смертей, слышанных и виденных нами».

Способствует памяти о смерти и постоянная личная молитва об умерших наших близких и знакомых и присутствие на церковных богослужениях, посвященных молитве об умерших, – заупокойных всенощных, литургиях и родительских субботах, на панихидах и при отпевании усопших.

Помня о возможности каждодневной внезапной смерти, мы будем тогда, в согласии с советом святых отцов, проводить каждый день, как последний день нашей жизни, в страхе перед Богом и в служении ближним.

Обычно же человек гонит от себя мысль о физической смерти и, в сущности, почти каждый день живет так, как будто бы ему одному из всех людей было даровано физическое бессмертие. На пути жизни духа человек должен прежде всего окончательно преодолеть эту иллюзию и уметь всегда смотреть правде в глаза и верить лишь в бессмертие души. Чтобы оторваться душой от мира, полезно также приводить себе на память истину, что «мир во зле лежит» (1Ин. 5, 19) и исполнен обольщением, массовым безбожием, страстями и пороками, насилиями и неправдой, обманом, ложью, лицемерием, суетой.

Но не только о близости своей смерти должны мы думать: мы должны предполагать, что и наши ближние и друзья могут быть взяты смертью сегодня же или что мы видимся с ними последний раз в жизни.

Если мы это почувствуем сердцем, то мы будем относиться к ним всегда с неизменной любовью, лаской, нежностью, а когда надо – с терпением.

И не помнит ли каждый из нас о случаях в своей жизни, когда он был невнимателен и пренебрежителен к людям, которые затем внезапно ушли с земли? Такие случаи черствости сердца непоправимы и вспоминаются всегда с горьким сожалением.

Поэтому при сношениях с людьми – безразлично, близкими или дальними – надо всегда думать, что мы говорим с ними в последний раз, служим им перед самой их смертью и что следующая наша встреча будет уже пред Престолом Всевышнего Судии. И как важно, какова была у нас последняя встреча, под впечатлением которой наш ближний будет свидетельствовать о нашем к нему отношении.

Приобретению смертной памяти поможет нам и размягчение нашего сердца. Об этом так пишет старец Силуан со Старого Афона:

«Когда душа помнит смерть, то приходит в смирение, и вся предается воле Божией, и желает быть со всеми в мире и всех любить. И если душа будет постоянно говорить: «Пришел мой конец», – и будет готова к смерти, то уже не будет бояться смерти, но придет в смиренную молитву покаяния, и от покаянного духа очистится ум и уже не прельстится миром, а душа будет всех любить и слезы проливать за людей. Кто помнит смерть, тот бывает послушлив, воздержан; через это сохраняется в душе мир и приходит благодать Святого Духа».

Мы знаем также, что многие из святых и подвижников благочестия имели в конце жизни около себя приготовленный для себя гроб. А некоторые из них и спали в этом гробе. Так укрепляли они в себе память смертную.

Смерть, по существу, есть наказание за грех, и как наказание не может быть не страшной. О моменте разлучения души с телом Господь говорит как о «вкушении смерти» (Мф. 16, 28; Мк. 9, 1; Лк. 9, 27), указывая этим особые и неизвестные для нас переживания в это время. Поэтому смерть – великое и страшное таинство.

К часу смертному святые и праведники готовились как к самому важнейшему и решающему моменту жизни для

человеческой души. И если человек чувствует, что в нем еще силен грех, что над ним еще имеет власть темная сила, он не может не бояться смерти.

Однако по отношению к смерти можно наблюдать иногда бесстрашие и у тех, кто не верит в Бога.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) объясняет это тем, что всякий человек, не сознавая того, чувствует бессмертие своей души и поэтому подсознательно не считает смерть реальностью.

Бывают случаи, что вера вдруг вспыхивает, т. е. выходит из-под сознания, перед лицом смерти или тяжелого переживания.

Но если сердце живет любовью ко Христу, то смерть должна уже не пугать, а манить к себе: душа христианина, как невеста, должна стремиться к встрече со своим Женихом Христом. Она должна радоваться при надежде на скорое свидание и со своими любимыми покровителями из числа святых торжествующей Церкви и возможности увидеть их славу.

Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Человек, пока в нерадении, боится часа смертного, а когда близится к Богу, боится сретения суда; когда же всецело подвинется к Богу вперед, тогда любовью поглощается тот и другой страх. Почему же это? Потому что когда остается кто в ведении и житии телесном, ужасается он смерти; когда же бывает в ведении духовном и в житии добром, ум его всякий час бывает памятованием будущего суда, так как право стоит он по самому естеству, движется в духовном чине, пребывает в своем добром ведении и житии и так устрояется для него, чтобы приблизиться к Богу. Когда же физический страх смерти отступает перед мужеством, а страх вечного осуждения побежден любовью, вопрос о личной судьбе человека здесь, на земле, и за гробом перестает играть для него решающую роль. Тогда-то приоткрывается для него завеса над тайной смерти. Он узнает, что не должно бояться смерти потому, что Бог уготовал, чтобы соделаться такому человеку выше ее».

Так достигается бесстрашие в отношении смерти тела.

В литературе есть указание, что у одного старца память смертная была настолько развита, что он, когда отворялась дверь его келии, смотрел, не входит ли к нему ангел смерти.

Отношение христианина к приближению смерти является показателем его духовной зрелости. Как прискорбно бывает смотреть, когда умирающий христианин упорно не хочет примириться с сознанием приближающейся смерти – призывает одного доктора за другим, хватается за всевозможные лекарства и с отчаянием стремится лишь к тому, как бы продлить жизнь тела.

Как пишет еп. Аркадий (Лубенский):

«Смерть вместе с тем побуждает людей к нравственному совершенствованию: она напоминает ничтожество земной жизни и заставляет думать о загробной. Она побуждает готовиться к ответу на Страшном Суде, который у каждого из нас не за горами, а за плечами. Она муками умирающего дает нам некое представление о загробных страданиях непокаявшегося грешника. Готовься же к смерти тела, христианин, ибо никто ее не избежит. Помни, что она – дверь в страшную вечность. Не забывай, что после нее – Страшный Суд, на котором выявятся все дела, чувства и мысли наши. Да не пошлет тебя Праведный Судия в огонь вечный».

Бывают, однако, случаи, когда память смерти сопровождается такими чувствами, которые не полезны душе.

Об этом так пишет игуменья Арсения:

«Хорошо иметь память о смерти, но с разумом – когда она служит к отречению, к умирению, к сокрушению духа, к смирению. Если же она производит уныние, то и самая память смерти будет вести не ко спасению, а к гибели. Во время уныния полезнее иметь память милости Божией, Его благодати, Его дарований, туне нам посылаемых, – спасения, даруемого нам Им обстоятельствами жизни и самими нашими падениями. Все хорошо в свое время, а не вовремя и самое хорошее может послужить во вред».

Здесь, впрочем, говорится об редких исключениях. Основным же случаем является необходимость для всякого

христианина постоянной памяти о возможной близости смерти. Нужно знать, что этого не терпят наши враги – темные силы.

Об этом так пишет архиеп. Варлаам (Ряшенцев):

«Памяти смертной враг боится больше всего, больше, чем молитвы, и все свое лукавство употребляет на то, чтобы отвлечь человека от этой памяти, увлекая чем-либо земным».

Глава 7. Трезвение – духовное бодрствование

Говорю всем: бодрствуйте. Мк. 13, 37

Говорю всем: бодрствуйте.

Трезвитесь и бодрствуйте. 1Пет. 5, 8

Трезвитесь и бодрствуйте.

Одним из основных условий успеха на пути спасения души является и «трезвение», т. е. духовное бодрствование – постоянство внимания к своей внутренней жизни.

К этому призывает нас Господь на протяжении всей Своей проповеди.

Он говорит:

«Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи. И вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, придя, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препояшется и посадит их, и, подходя, станет служить им. И если придет во вторую стражу, и в третью стражу придет, и найдет их так, то блаженны рабы те»

(Лк. 12, 35–38).

«Смотрите, бодрствуйте и молитесь: ибо не знаете, когда наступит это время»

(Мк. 13, 33).

«А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте»

(Мк. 13, 37)

и т. д.

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить», – пишет и апостол Петр (1Пет. 5, 8).

Действительно, враг наш подстерегает нас повсюду и в каждое мгновение. Горе нам, если, забывшись хотя бы в каком-либо греховном невозддержании, хотя бы и незначительном, с точки зрения мира: раздражении, осуждении, черствости к ближнему, скупости, в праздном развлечении, объядении и т. п., – мы подпадаем под его власть.

Нам надо помнить слова Господа, переданные нам св. мч. Иустином Философом (ум. в 166 г.): «В чем найду вас, в том и судить буду». А ведь мы не знаем, когда застанет нас смерть и где.

Как тяжело видеть, когда верующие умирают перед телевизором (а теперь это часто случается с престарелыми), в состоянии вражды к ближним, в опьянении и т. п.

Поэтому христианин должен помнить, что он постоянно находится в «невидимой брани», и должен, как сторож, стоять у врат своего сердца и не допускать противнику своему прорываться туда со своими греховными соблазнами.

Как пишет о. Иоанн С:

«Жизнь христианина должна быть постоянным вниманием к себе самому, т. е. к своему сердцу, потому что каждую минуту невидимые враги готовы поглотить нас; каждую минуту зло кипит в них на нас. Поэтому следи за собой – за своими страстями, особенно в домашнем быту».

О необходимости постоянного внимания к своей внутренней жизни (т. е. «трезвения») пишет и о. Александр Ельчанинов:

«Удивительно мало сознательности в нашей жизни. Конечно, я говорю не о разъедающем самоанализе, не о болезненном самобичевании, не о самолюбивой оглядке на себя, а о внимательном, спокойном внимании к своей душе, о смотре внутрь себя, о работе над собой – о том, чтобы сознательно строить свою жизнь, а не быть влекому случайными чувствами или идеями. Мы меньше всего – господа самих себя. Нужны выучка, школа, внимательный и упорный труд над собой».

Вместе с тем достижения в жизни не даются в результате порыва или вспышки – броска в одном направлении.

Достижение требует упорного, длительного, повседневного труда. А труд наш над душой – это прежде всего напряженное внимание к ней, постоянный самоанализ своего состояния, внимание к совести, своим поступкам, словам, мыслям, взглядам, выявление искушений и оценка всего происходящего в душе с точки зрения вечных ценностей.

Пастырь о. Иоанн С. так пишет про себя:

«При непрестанных внутренних искушениях я должен был постоянно обращать душевное мое око внутрь себя, чтобы усматривать нападения внутренних врагов, и таким образом я приучил себя почти к непрерывному духовному созерцанию и тайной молитве».

Жизнь можно прожить как бы в полусне, не замечая и не понимая того, что происходит вокруг и внутри нас, не оберегая от бесплотных врагов ни себя, ни ближнего.

Но жизнь можно прожить и как сторож на страже, как часовой на посту, со вниманием к каждому звуку и к каждому чувству и движению сердца, к каждой появившейся мысли.

И лишь при таком бодрствовании и внимании – трезвении – может спастись христианин от искушений и не быть обманутым, усыпленным и погубленным своим злым врагом – лукавым духом.

Надо тщательно изучать свои духовные недостатки, бороться с ними, постоянно следить за тем, уменьшаются ли они.

При этом надо особенно внимательно относиться к обличениям и укорам ближних, так как чаще всего их устами обличает, учит и вразумляет нас Господь.

Вместе с тем надо молиться Господу, чтобы Он даровал нам видеть непосредственно или через близких все свои грехи, страсти, пристрастия, недостатки, дурные склонности и привычки, так как обычно мы бываем слепы, чтобы видеть в себе все это.

Как говорит прп. Исаак Сириянин:

«Непрестанно сам в себя смотри: какие твои страсти изнемогли, какие из них совершенно отступили от тебя вследствие душевного твоего здоровья, а не вследствие удаления того, что смущало тебя. Обрати также внимание на то, начал ли в тебе увеличиваться душевный мир. Находишь ли ты, что разумная часть души начала очищаться? Парение мыслей в уме проходит ли в час молитвы? Какая страсть смущает ум во время молитвы? Ощущаешь ли в себе, что душа приосеняется кротостью, тишиною и миром, который необычным образом рождается в уме? Восхищается ли непрестанно ум без участия воли к понятиям о бесплотном? Если же не начал ты усматривать в душе своей, брат, что все это имеет место, то труды твои и скорби – бесполезное отягощение себя. И если чудеса совершаются руками твоими, не идет то в сравнение с этим; и немедленно со слезами умоляй Спасающего всех отнять завесу от двери сердца твоего и омрачение бурей страстей уничтожить, да не будешь ты как мертвец, вечно пребывающий в омрачении».

Обрати также внимание на то, начал ли в тебе увеличиваться душевный мир. Находишь ли ты, что разумная часть души начала очищаться? Парение мыслей в уме проходит ли в час молитвы? Какая страсть смущает ум во время молитвы? Ощущаешь ли в себе, что душа приосеняется кротостью, тишиною и миром, который необычным образом рождается в уме? Восхищается ли непрестанно ум без участия воли к понятиям о бесплотном? Если же не начал ты усматривать в душе своей, брат, что все это имеет место, то труды твои и скорби – бесполезное отягощение себя.

И если чудеса совершаются руками твоими, не идет то в сравнение с этим; и немедленно со слезами умоляй Спасающего всех отнять завесу от двери сердца твоего и омрачение бурей страстей уничтожить, да не будешь ты как мертвец, вечно пребывающий в омрачении».

В духовном бодрствовании христианина, в трезвении, в работе над совершенствованием своей души есть одна особенность, отличающая ее от обычной работы или ремесла.

В последней можно достичь известного результата и успокоиться, удовлетвориться достигнутым. То же в значительной мере и в достижениях научных, и в искусстве. В духовной же работе в течение всей жизни нужно постоянное напряжение и непрерывность усилий. Об этом так пишет о. Иоанн С:

«В обыкновенных познаниях человеческих – узнал раз хорошо какой-либо предмет, и часто на всю жизнь знаешь его хорошо, без помрачения познания о нем. А в вере не так. Раз познал, ощутил, осязал, думаешь: всегда так будет ясен, осязателен, любим предмет веры для души моей. Но нет: тысячу раз он будет потемняться для тебя, Удаляться от тебя и как бы исчезать для тебя, и что ты прежде любил, чем жил и дышал, к тому по временам будешь чувствовать совершенное равнодушие, и надо иногда воздыханием и слезами прочищать себе дорогу, чтобы увидеть его, схватить и обнять сердцем. Это от греха, т. е. от непрерывных нападков на нас лукавого духа и постоянной вражды его к нам».

Глава 8. Ревность о спасении

Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его. Мф. 11, 12

Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его.

Входите тесными вратами. Мф. 7, 13

Входите тесными вратами.

Смерть и жизнь наша в наших руках. Прп. Варсонофий Великий

Смерть и жизнь наша в наших руках.

Истинная ревность безжалостна к себе. Еп. Феофан Затворник

Истинная ревность безжалостна к себе.

Вот рука Господня коснулась сердца человеческого. Вспыхнул огонек веры. Ум преклонился перед непостижимым величием Голгофской жертвы, а сердце познало любовь и благодать Творца.

Вся душа христианина всколыхнулась, потянулась к свету, затосковала о чистоте; проснулась обличающая совесть и потребовала покаяния.

Но на деле – в практике жизни – идти к цели не хватает воли, порывы покаяния гаснут, узкий крестный путь кажется тяжким, из сердца не уходят страсти и мирские пристрастия, ум заполняется тучей суетных, лукавых, маловерных и праздных мыслей, а на душу, как мрачное облако, надвигаются лень, нерадение, расслабление, оцепенение «окамененного нечувствия».

Где же найти силы для достижения цели? В молитве? Но для молитвы также нужно постоянство огня веры, нужны воля и усилия. А их как раз и недостает.

Где же выход из этого тупика? Как разбить эти цепи, сковывающие благое пожелание и держащие нас в рабстве лукавого духа?

Этот выход находится в развитии добродетели – ревности ко спасению души, которая и является после веры, страха Господня, страха смерти и трезвения первоочередною из необходимых для христианина добродетелей.

Ревность – это двигатель на пути спасения и залог успеха на долгом и узком пути к стяжанию Святого Духа Божия – к открытию в душе своей Царства Господа нашего Иисуса Христа.

Как развить в себе ревность?

Для развития этого цветка из букета христианских добродетелей нужен прежде всего зажигающий сердце пример. Этот пример может быть взят из окружающей среды христиан живой веры. Сильные положительные чувства: любовь, вера, энтузиазм к добру, целеустремленность – создают красоту духа. А красота – великая сила. Она сильнее всего действует на сердце и по закону подражания зовет идти по тому же пути.

Душа стремится сама приобщиться к тому радостному чувству и переживаниям, которые она почувствовала в том, кто твердо верит, умеет горячо любить и с горячностью идет, не отвлекаясь, к ясно осознанной и прекрасной цели своего существования.

Часто в жизни мы не сумеем найти около себя подобных людей. Тогда наше спасение в том, что мы познаем их через книги. Поэтому хорошая духовная литература является самым доступным для всех средством для возбуждения в себе ревности.

Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) в своем дневнике говорит, что чтение жизнеописаний святых имело для него решающее значение в отношении развития в нем духовной ревности. Он пишет (обращаясь к Богу):

«Твои Пимены, Сисои и Макарии пленили мою душу».

Так владеют душой и возбуждают ревность прекрасные образы святых, наших старших братьев из торжествующей Церкви.

Для достижения той же цели прп. Антоний Великий велел своим ученикам всегда помнить о смерти и думать, что этот день, который мы переживаем, есть последний. Преподобный говорил также, что возбуждает ревность и закрепляет ее «ощущение сладости жизни в Боге». Сильнейшим же возбудителем он считал возгревание в христианине любви к Богу.

Для утверждения ревности старец Силуан дает такой совет:

«Чтобы сохранить ревность, нужно непрестанно помнить Господа и думать: пришел мой конец, и теперь я должен явиться на суд Божий».

Кого зовет к Себе Господь? Он говорит: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные» (Мф. 11, 28).

И св. отцы свидетельствуют, что только упорным трудом: усердной молитвой, ущемлением слишком здоровой плоти, при горячем желании спасения души и глубокой преданности Богу и Его заповедям, при преодолении многих испытаний – даруются христианам Божии милости.

Как говорит о. Иоанн С:

«Я должен непременно с каждым днем, с каждым годом становиться несравненно выше, лучше и лучше, совершеннее и совершеннее, должен подвигаться вперед по пути к Царству Небесному, или к Отцу Небесному, силою Господа Иисуса Христа и Духа Его, во мне живущего и действующего».

А схиархимандрит Софроний пишет:

«Нет христианина не подвижника – лишь непрерывным подвигом удерживается подвижник от того снижения, к которому своею тяжестью постоянно влечет его плоть. Без добровольного же подвига, носимого с любовью ради Христа, нет красоты, а отсюда нет и надежды на вхождение в то Царство Небесное, которое «внутри вас есть». «Хлеб небесный» возможно вкушать лишь с «потом лица» (Быт. 3, 19), – говорят подвижники».

О том же говорит и о. Александр Ельчанинов:

«Начало духовной жизни – выход из своей субъективности, из самого себя, перерастание самого себя в общение с высшим началом, с Богом. Однако только первые шаги приближения к Богу легки; окрыленность и восторг явного приближения к Богу сменяются постоянно охлаждением, сомнением, и для поддержания своей веры нужны усилия, борьба, отстаивание ее. Поэтому жить надо не «слегка», а с возможной напряженностью всех сил, и физических и духовных. Тратя максимум сил, мы не «истощаем» себя, а умножаем источники сил. Будем стараться, чтобы все наши поступки, вся наша жизнь были не сонным прозябанием, а возможно более сильным и полным раскрытием всех наших возможностей, – и все это не когда-нибудь, а теперь, сейчас, всякую минуту. Иначе от слабой, неряшливой жизни неизбежно появятся бессилие, дряблость души, неспособность к вере, к сильным чувствам, попусту будет растрачена жизнь, и ее холодную накупь мы уже не сможем преодолеть».

И если христианин встречает в жизни трудности, то не роптать он должен, а благодарить за них Бога: только преодолевая эти трудности молитвой, усилием, терпением, самозабвением в служении ближним и т. п., может христианин достигнуть возвышенных духовных радостей, соприсущих Царству Небесному, – быть достойным соучастником общества святых.

«Надо прежде труды и поты подъять, потом уже начнут показываться плоды, – говорится у еп. Феофана Затворника.

– Условие неотложное – не жалеть себя. Не жалеть себя – не значит горы на себя наваливать, а ту же жизнь тянуть, не допуская ослаблений ни в чем. Позвольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до закрытия глаз ко сну, все время, должно так вести дела, чтобы весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения и все – Господа ради, перед лицом Его, во славу Его. Акты самоотвержения не огромное что суть, а идут среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть при всяком слове, взгляде, движении, при всякой мелочи. Отличительная черта их – не допускать самоугодия и во всем идти наперекор себе (начинаешь ли сердиться или осуждать ближнего, или засматриваться на женщину, или есть лишнее – сейчас же нужно запретить себе). Садитесь, например, на диван, приходит желание развалиться или посибаритничать – откажите и приведите члены в напряжение, в струнку. Заводится ли разговор с осуждением кого-нибудь – тотчас остановите готовую сорваться с языка фразу с вашим оттенком осуждения и внутренне начните сопротивляться разговору. Подобно этому и во всем. Мелочь это, но из полушек рубль составляется. Навыкни в мелочах – и на большом тем охотнее будешь делать».

Один мирянин говорил:

«Хотел бы побольше сил иметь, а Бог не дает».

«И не ждите, чтобы дал, – говорит еп. Феофан. – Силы уже даны и в теле, и в душе, и в духе. Но они не совсем сильны и требуют пособия. Это пособие и помощь и подается Богом, не в запас, а на всякое текущее дело.

Усиливается человек сделать что – не одолевая, взывает о помощи, и помощь приходит; помогши, опять отходит, и человек остается все тем же бессильным. Опять потребовалась помощь – опять воззвал человек – и получил – и после дела опять остался бессильным.

Отсюда выходит, что кто не желает и не пускает в ход всех своих сил и не трудится до восчувствования бессилия и в этом чувстве не взывает о помощи, тот и не получит ее, и пусть не

ждет; равно кто, сделавши, себе приписывает дело, тот себя обманывает; и в другой раз, бросившись на то же дело с мыслью: вот-де для нас это ничего не стоит, – не силен бывает сделать это и хотя воззовет к Богу наконец, не всегда получит от Него помощь в наказание и поучение. Извольте же так действовать: в чувстве бессилия взывайте о помощи... И сделав что, оставайтесь в том же чувстве бессилия».

Как видно из слов еп. Феофана, христианин может успевать лишь при непрестанной молитве о помощи к Богу и лишь с этой помощью достигает успеха. Однако помощь эта никогда не придет к ленивому и нерадивому. Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Если у человека постоянное попечение о Боге, то и Бог говорит о нем: «С ним есмь в скорби, изму его, и прослаблю его; долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое» (Пс. 90). Но расслабленный и ленивый к делу Его не может иметь такой надежды».

Итак, всегда нам необходимы усилия. И так до самой смерти, и это для всех – даже для самых преуспевших в подвигах и благочестии.

Как говорит прп. Исаак Сириянин:

«Твердо положим в мысли своей и то, что пока мы в мире сем и оставлены во плоти, хотя бы вознеслись до небесного свода, не можем оставаться без дел и труда... Путь Божий есть ежедневный крест. Никто не восходил на небо, живя прохладно... Если и каждый день будем принимать по тысяче ударов, то да не малодушествуем... Мир этот есть состязание, и время это есть время борьбы».

«Энергично понуждайте себя ко всему доброму, идите по узкой святой дорожке добродетелей, которая приведет вас в Царство Небесное. Надо проявлять усилие в воле своей, чтобы получить в сердце своем благодать Святого Духа», – говорил своим духовным детям и старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры.

Хорошей аналогией для духовной ревности о спасении является работа хозяйки над чистотой и убранством своего дома.

Последний неизбежно постоянно засоряется, все в нем грязнится и покрывается пылью. Трудолюбивая хозяйка не допускает запустения и загрязнения: она вовремя производит уборку, чистку, стирку, сметает пыль, метет комнату и т. п.

Душа христианина – это тоже дом. Она постоянно подвергается опасности загрязнений от страстей, пристрастий и греховной грязи, небрежения, лени и невоздержания. Но за всем этим надо всегда внимательно наблюдать и, замечая греховную грязь, очищать ее в молитве искренним и своевременным покаянием и последующим причащением Святых Таин.

Тогда наш душевный дом будет поддерживаться в чистоте, порядке и красоте. В нем, как в чистой горнице, будет жить Дух Святой, освящая его Своим присутствием и включая его хозяина-христианина в число «народа святого» и «царственного священства» (1Пет. 2, 9).

Опасности для христианина

Глава 9. Опасность теплохладности

Но так как ты тепл... то извергну тебя из уст Моих. Откр. 3, 16

Но так как ты тепл... то извергну тебя из уст Моих.

Вот что писал еп. Феофан Затворник одной девушке:

«Из вас может выйти ни то, ни се – ни духовная, ни мирская, ни христианка, ни язычница. Это будет, когда вы, храня благочестивые порядки, в которых выросли, не будете, однако, блюсти сердца своего от сочувствия к порядкам светской жизни. Я разумею сочувствие, а не участие, которое бывает иногда необходимо. Что же вам за это будет? То же, что присудил уже Господь ангелу Лаодикийской Церкви: «Извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 16). Надо быть горящей к Богу и всему Божественному и холодною ко всему светскому и мирскому».

И действительно, Священное Писание предупреждает о невозможности для христианина срединного состояния в мире – между добром и злом, между жизнью безбожного мира и жизнью в истинной вере, между святостью и грехом, между Христом и сатаною. Нельзя остановиться на программе маленькой обывательской жизни с максимумом развлечений и минимумом духовной жизни.

Господь говорит нам: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 62). «Кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 27).

Итак, одна вера во Христа без несения «своего креста» еще не спасет человека, вот и тогда он даже не может считаться христианином.

Об отвержении мира ради любви к Богу говорят нам и апостолы Христовы.

«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть

очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего», – пишет апостол Иоанн (1Ин. 2, 15–16).

Поэтому христианин не должен сердцем жить мирскою жизнью с ее развлечениями, с пристрастием к материальным благам, невоздержанием, легкомыслием в словах и человекоугодием.

Между тем мы склонны поддаваться влиянию среды и окружающего общества, которое уводит нас от Бога и увлекает ко греху. Об этом так пишет еп. Антоний (Храповицкий):

«Человек, добровольно поддающийся общему течению, а таких большинство, меняется по возрастам жизни, по временам календарного года, наконец, по часам дня. В воскресенье утром он – молящийся христианин, в послеобеденное время – светский сплетник; вечером в театре – непринужденный поклонник искусства, а после театра – нередко грубый циник...»

Как много из христиан причастны к слабости – в какой-то мере растворяться в окружающей среде, которая так часто бывает греховной и порочной. Помним ли мы предупреждающие слова Господа:

«Горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лк. 6, 25–26).

И тот, кто считает возможным какой-то компромисс между «широким путем» мирской жизни и «узким путем» жизни во Христе, тот не знает Его учения, не понял Евангелия, не понял Христа.

«Кто близ Меня, тот близ огня», – говорит Господь, согласно одной из древних рукописей. А в Евангелии Господь говорит: «Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12, 49).

Огонь – это символ святости, символ преображения и очищения. И тот, кто во Христе, тот в огне, тот должен гореть духом: «Духом пламенейте, Господу служите», – призывает ап. Павел.

«Никто не восходил на небо, живя прохладно», – говорит прп. Исаак Сириянин.

Как пишет архиепископ Иоанн:

«Кто не торопится сделать добро, тот его не сделает. Добро требует горячности, теплохладные не сотворят добра. Бесчувствие и равнодушие хотят связать нас по рукам и ногам, прежде нежели мы подумаем о добре. Добро могут сделать только пламенные, искренние, горячие. Истинно добрым может быть только молниеносно добрый человек. И чем дальше идет жизнь, тем более молниеносности нужно человеку для добра. Эта молниеносность есть выражение духовной силы и светлой веры».

Поэтому для души христианина бывает губительно потворство телесной изнеженности. Еп. Феофан Затворник говорит:

«Надо, не жалея себя, работать Господу... Отчего, например, вам не хочется встать вдруг? Себя жаль. Отчего не хочется стать на молитву? Себя жаль. Отчего не хочется отказать себе в той или иной пище? Себя жаль. И много, много подобного. Тело начинает кричать, как будто его ведут на виселицу. Покой тела – наш враг. Прогоните его. Рассердитесь на тело и помучьте его немного. Вот кто одолеет его, тот ревностно угождает Богу – и это можно каждую минуту, отказывая себе, без жалости к себе».

Посмотрим на прославленных Церковью святых из тех, кто уже удостоился Царствия Божия. Можно ли встретить у них теплохладность? Не характерной ли чертой для всех них является горение духом и подвиг во Христе?

Пусть эти подвиги различны у святых, но они есть у всех без исключения. У одних это мученичество за Христа, у других, преподобных, это добровольный подвиг – подвижничество в молитве, посте и уединении; у третьих, живущих в миру, – подвиги милосердия и т. п.

Господь говорит: «Царствие Божие благовестуется и всякий усилием входит в него» (Лк. 16, 16).

«Не думай, что спасение – дело беструдное; оно требует много потов, труда и понуждения», – пишет прп. Варсонофий Великий.

Поэтому, где не будет усилий, там невозможно достигнуть Царствия Божия. Отсюда и стадо истинных, горящих духом учеников Христовых было, есть и будет лишь «малое стадо» (Лк. 12, 32).

И далеко не все те, кто считает себя верующими и христианами, будут удостоены Царствия Небесного. Господь предупреждает:

«Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного».

Неизмерима любовь Бога к падшему человеку. За него Он отдал на позор, тягчайшие мучения и крестную смерть Своего возлюбленного Сына. И Бог не хочет мириться с половинчатостью и теплохладностью в отношении к Нему человека. Он не будет жить в том сердце, которое в какой-то мере отдано миру, подвластному сатане.

Бог требует всего человека, всего его сердца, исполнения всех Его заповедей, ибо «кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном» (Мф. 5, 19).

«В деле веры нельзя останавливаться на полпути», – говорил один из духовных руководителей.

Итак, горение духа и подвиг во Христе, «несение креста» (Лк. 14, 27) необходимы каждому, кто хочет быть достойным Царствия Небесного. Господь не терпит теплохладности и предупреждает христиан: «Ты ни холоден, ни горяч... Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное» (Откр. 3, 15–18).

Как пишет Поварнин:

«Где цель, там и жертва. Где страстное стремление к мирам иным, там и аскетизм. И никто не выразил этого так чудно и просто, как выразил Сам Спаситель в притчах о жемчужине и сокровище, скрытом на поле. Ведь надо продать

все, что имеешь, чтобы приобрести «драгоценную жемчужину» или «сокровище на поле»».

Существует мудрая народная поговорка: человек сам кузнец своего счастья. И когда к прп. Антонию Великому пришел один монах, у которого не хватало ревности для своего спасения, и просил прп. Антония помолиться о нем, тот ответил: «Ни я, ни Бог не сжалятся над тобой, если ты не будешь заботиться сам о себе и молиться Богу».

Архиепископ Арсений (Чудовской) пишет:

«Как опасно пренебрегать религиозными обязанностями! Сначала простая лень, нежелание потрудиться, пойти лишний раз в храм, затем охлаждение, отчуждение от всего церковного, религиозного и, наконец, полная индифферентность в деле веры, забвение Церкви и ее установлений, когда человек уже не дорожит своею верою. И как постепенно идет охлаждение в вере, так и, наоборот, вера возвращается с большим трудом. А это-то и страшно! Безверие начинает беспокоить, томить, мучить человека. Временами вспоминается счастливое время веры и пробуждается желание снова верить, но нелегко веру вернуть...»

Премудрый Соломон пишет: «Немного поспишь, немного подремлешь, немного сложа руки полежишь, и придет, как прохожий, бедность твоя» (Притч. 6, 10–11).

Придет бедность в любви, смирении, мире душевном и в других добродетелях христианских – бедность в Духе Святом Божиим.

Однако и при нашей немощи и слабости не надо нам отчаиваться и сомневаться в возможности достижений.

Господь – и Всемогущий и Многомилостивый, и слышит всякую молитву и простирает руку помощи всякому, как простер некогда утопающему апостолу Петру. Будем помнить также, что жизнь всякого человека всегда исполнена бед, скорбей, печалей и трудностей – всякому человеку неизбежно нести тяжесть и бремя земной жизни.

Но самое легкое из них – это «иго Христово». И не только легко оно, но с помощью Божией оно радостно для сердца, дает

свет очам и мир душе. Кто пойдет за Христом, тот на опыте узнает истинность обетования Христа: «Возьмите иго Мое на себя... и найдете покой душам вашим» (Мф. 11, 29).

Господу следуют и Его истинные ученики – св. отцы и старцы. Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн пишут:

«Отцы ничего не назначают тяжкого или вредного, будучи учениками Того, Который сказал: «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 30)».

Глава 10. Пребывание во внешнем христианстве и фарисейство

Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное. Мф. 5, 20

Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

Очисти прежде внутренность, чтобы чиста была и внешность. Мф. 23, 26

Очисти прежде внутренность, чтобы чиста была и внешность.

Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. 1Кор. 13, 3

Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Буква убивает, а дух животворит. 2Кор. 3, 6

Буква убивает, а дух животворит.

Ранее (см. часть 1) уже говорилось о том, что внешние дела богоугождения в христианстве (пост, молитвословия, милостыня и т. д.) служат лишь как средство для достижения цели: очищения и преображения души – уподобления христианина Христу путем стяжания Святого Духа Божия и развития в себе христианских добродетелей.

Как многие из христиан не понимают этого и, не зная цели христианских подвигов, в них одних думают найти спасение.

Нам нужно провести отчетливую грань между внешним и внутренним (истинным) христианством, между «фарисейством» и настоящей праведностью, между духом Ветхого и духом Нового Заветов и предупредить еще раз всех тех, кто в одних внешних делах богоугождения думает найти спасение и наследовать Царство Небесное. Надо вспомнить слова Господа апп. Иоанну и Иакову, когда те хотели низвести огонь с неба (в подражание пророку Илии) на самарян, не принявших Господа. Он сказал апостолам: «не знаете, какого вы духа» (Лк. 9, 55; 4Цар. 1, 10).

Действительно, дух Нового Завета – Царствия Божия в душе христианина – другой, чем дух Ветхого Завета.

Для последнего было характерным внешнее выполнение закона – всей совокупности правил Моисея. И тех, кто выполнял их, считали уже только за это праведниками. А в этих законах и правилах было так много несовершенного, как например: «око за око, зуб за зуб» (Лев. 24, 20), позволение бросать жен и разводиться с ними (Втор. 24, 1) и т. д.

В самых великих праведниках Ветхого Завета было еще несовершенство. Патриархи и цари жили в многоженстве: множество языческих жен было у Соломона; Моисей, защищая еврея, счел возможным убить египтянина; величайший из пророков Илия низводил огонь с неба, чтобы поглотить 100 воинов, посланных за ним (4Цар. 1, 10–12) и сам лично умертвил пророков Вааловых (3Цар. 18, 19–40).

Праотец Господа – царь, пророк и великий псалмопевец Давид – имел много жен, пролил реки крови и согрешил сразу двумя смертными грехами: прелюбодеянием и убийством и т. д.

Вот почему Господь так отличал дух Ветхого от Нового Заветов и указывал на необходимость внутреннего совершенствования (Мф. 23, 26), на необходимость развития способности видеть состояние своей души «внутренним оком».

Стремясь к этому, праведники Нового Завета получали после искупления «благодать на благодать» (Ин. 1, 16) и достигали высочайших степеней добродетелей христианских – любви, смирения, кротости и т. д.

К величайшему сожалению, в христианстве наряду с наличием духа Нового Завета сохранился в сильной степени и дух Ветхого.

Вспомним преследование иудействующими христианами ап. Павла, не считавшего нужным предписывать крещеным из язычников исполнения обрядов из Моисеева закона.

И до настоящего времени у некоторых из христиан наблюдается непонимание духа Христа, духа «закона свободы», духа внутреннего совершенствования. Культ (если так можно сказать) внешнего обряда и теперь господствует у многих христиан и пастырей Церкви Христовой.

Не являются ли они последователями тех бездушных израильтян, которых так обличал пророк Исаия: «Ибо все заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило, тут немного и там немного» (Ис. 28, 10)?

Так, некоторые пастыри считают, что их обязанность ограничивается лишь совершением богослужений и выполнением треб. Думают ли пастыри о внимательном и постоянном духовном руководстве пасомых, знают ли их духовное состояние и сами имеют ли ясное представление о внутреннем духовном совершенствовании в согласии с учением святых отцов и стремятся ли сами к этому совершенствованию?

Среди же массы верующих, посещающих храмы, у многих господствует убеждение, что быть христианином – это значит иногда посещать храм и соблюдать в какой-то мере обряды Церкви. И все. Многие ли из них знают о цели жизни христианина – стяжании Святого Духа Божия и развитии в себе всех христианских добродетелей?

Как часто некоторые из иноков и мирских христиан стремятся спасти свою душу одними аскетическими подвигами, пренебрегая смирением, кротостью и Христовой любовью. И в этих случаях они часто впадают или в явную прелесть, или становятся ханжами и бывают жестоки, черствы, требовательны и суровы к ближним при отсутствии Христовой любви.

По существу все такие также находятся в прелести (т. е. во власти темной силы), только менее явной: гордость,

самоуверждение, самоочинение, самоутверждение, самонадеянность – все это свидетельствует о глубоких пороках души.

Как часто христианские родители, пренебрегая большой и трудной работой по духовному воспитанию детей, считают достаточным лишь крестить их, а с возрастом – заставлять ходить в Церковь для совершения обряда венчания. Они не понимают, что одно выполнение обрядов не спасет души их детей, если только они сами (родители) в течение всей своей жизни не жалели усилий, чтобы воспитать своих детей духовно.

По существу, одно только наружное – внешнее – христианство есть то фарисейство, которое так резко обличал Господь, будучи на земле:

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их. Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония»

(Мф. 23, 25–28).

Не надо думать, что книжники и фарисеи времени Христа были все какими-то явно порочными людьми. Сам Господь говорил об их праведности (Мф. 5, 20), однако считал ее совершенно недостаточной для вхождения в Его Царство. И действительно, многие из книжников и фарисеев были исполнены веры, исполняли законы Моисея и принятые обычаи, много молились в храме и дома, соблюдали посты, «отделяли десятины» от своего дохода на храм и нищих и т. д.

Словом, они обладали такими внешними добродетелями, каких, может быть, не смогут заметить в себе многие из нас. И, однако, повторяем, всех этих добродетелей совершенно недостаточно, по словам Господа, для наследования Царства Небесного.

Как пишет епископ Таврический Михаил:

«Господь, обличая фарисеев, указывал, что у них соблюдение мелких обычаев служит лишь отводом глаз, лишь лицемерным прикрытием, чтобы нарушить главнейшее и существеннейшее, т. е. необходимость прежде всего проявления любви и милосердия к ближним».

«Всякая внешность без внутренности ничто же есть», – писал святитель Тихон Задонский про некоторых из современных ему христиан конца XVIII века. Он говорит:

«Все такие не хранят обетов своих, они творят беззаконие и против совести поступают. Сюда принадлежат блудники, прелюбодеи и всякие осквернители, хищники, тати, грабители, хитрецы, лукавцы, обманщики, прелестники, ругатели и злоречивые, пьяницы, укорители, ненавистники и злобники, в гордости и пышности мира сего живущие и все не боящиеся Бога: все таковые солгали Богу и обетов своих не хранят, и вне Церкви Святой находятся, хотя и в храмы ходят и молятся, и Таин причащаются, и храмы создают и украшают их, и прочие христианские знаки показывают».

О том же пишет и отец Иоанн С:

«Мы видим людей, которые по одному имени христиане, а по делам совершенные язычники».

Разбирая тип мнимого христианина из произведений Салтыкова-Щедрина – Иудушки Головлева, Ф. пишет:

«Всякое сохранение внешних признаков религиозности без внутреннего содержания есть состояние страшное и отвратительное».

А основатель русской педагогики К. Д. Ушинский считает, что религиозный лицемер хуже и вреднее всякого атеиста и позорит имя христианина и что «для христианской религии нет ничего опаснее невежества, потому что оно может превратить ее в сердце человека в идолопоклонство».

Итак, горе тем мнимым христианам, у которых рвение к внешней обрядности не сочетается с любовью к ближним и смирением, которые не видят несчастий ближних, не думают о них, имея черствое, холодное, «окаменелое» сердце.

Не будем обольщаться и одними делами милосердия. Как пишет о. Иоанн С:

«Милостыня хороша и спасительна, когда соединяется с исправлением сердца от гордости, злобы, зависти, праздности, лености, чревоугодия, блуда, лжи и обмана и прочих грехов. А если человек не заботится об исправлении сердца своего, надеясь на свою милостыню, то он мало получит пользы от нее, ибо что одною рукою созидает, то другою разрушает».

До каких чудовищных размеров может доходить замена истинного христианства традиционной обрядностью при духовном невежестве, служит следующий случай из старой русской судебной практики.

Голодный крестьянин убил девочку, взял у нее запас съестного и съел его весь, кроме яиц.

На суде ему был задан вопрос: «Почему ты съел всю пищу, но оставил яйца?»

«Потому что это был день постный», – объяснил убийца.

Повторяем: подобный случай зверства при унаследованной обрядности исключителен и чудовищен по своим размерам. Но в меньших степенях это духовное невежество традиционного христианства встречается довольно часто. Сам Господь предупреждал нас от того фарисейства, в котором «оцеживают комара, а верблюда поглощают» (Мф. 23, 24).

Утро, день, вечер. К вечеру свет меркнет.

То же в человечестве и для света христианской веры. Господь говорил: «Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18, 8).

Почему же это?

Один христианин так ответил на этот вопрос:

«Насмешки и насилия безбожников не могут поколебать веры. Ее поколеблют лишь недостойные поступки верующих. Страшно это слово. С кого больше спросится за оскудение веры, за разрушение храмов – с безумных ли, говорящих «нет Бога», или с тех, кто, именуясь христианами, был чужд Его духу, кто покрывал высокими словами низкие свои деяния?»

Приложения к главе 10-й

Как писал еп. Герман:

«Видение и самооценка своих духовных подвигов есть гниль на духовном цветке (души христианской), сердечная ложь, слепота и гордыня; эта самооценка умаляет нашу всецелую надежду на единое милосердие Божие: дескать, я потрудился, а потому и помилуй. Самое же верное и приятное Богу от нас следующее: «Господи, ничего не имею, не смею и очей поднять, помилуй меня по великой Твоей милости». И милость будет тем больше, чем больше будет сокрушения и упования на Бога, не на дела и что-либо свое».

Письмо еп. Варлаама (Ряшенцева):

«Вы пишете: «Хочу быть праведницей». Но Господь пришел для грешников, и «об, одном грешнике кающемся на небе бывает больше радости, чем о десяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии». Праведники, увы, по настроению фарисеи. Ни один святой не высказывал желания быть праведником. Тут сразу слышатся самоцен, тщеславие и гордость – а желали истинные праведники для себя, считая себя первейшими грешниками, лишь быть помилованными. Раз я искренно сознаю себя грешником, то вполне естественно и справедливо молиться о помиловании, а не мечтать в ослеплении самоисправности и самоцена о праведности. У грешника и мысль не дерзнет подняться сюда. Не делайте перегиба в сторону дел и вообще не оценивайте их, они в оправдание сами по себе не идут. «Благодатью вы спасены через веру», и сие не от себя, а Божий дар, не от дел, да никто не похвалится делами. Живая вера при помощи благодати Божией, а не своих гнилых усилий, произведет много дел, так сказать, на Божий капитал, а потому и гордиться ими нельзя и засматриваться на них нечего. Сердце наше должно быть занято в чувствах веры, смирения, покаяния и любви, беседой с Господом, живым и блаженным общением с Ним, а не отвлекаться от Него в горделивое, самостное и Богу ненавистное рассматривание своих дел и подвигов, сделанных за Божий счет. Если в голове какого-нибудь подвига или делаемого добра не лежит смирение, то добро не добро, вредно нам и чуждо Богу».

Большинство (христиан) ищет пассивной спасенности – приобретения даров духовной жизни без самой жизни.

Всегда и везде большинство рассчитывает купить Святого Духа: в одном случае думают отделаться просто деньгами, а в другом – выполненными делами того или другого закона, или внешним поведением, или, наконец, тем или иным причинением себе ущерба или неприятности.

Конечно, все это в известном соотношении внутренних движений может быть свято и благоуханно перед Богом как необходимое выражение любви или преданности или как сознательный путь к внутренней ясности.

Но все это – «закон дел» – чаще всего определяется не любовью к истине, а расчетом ради себя самого, и рассматривается как средство приобрести желанное, как дешевая плата, за которую кто-то обязан дать вечную жизнь.

Тогда это средство, эта плата поработщает – конечно, не Бога, Которого хотят поработить, а самого покупателя. На эту плату он возлагает все свое упование и, естественным порядком, видит в ней некую самоцель, нечто столь достойное, что Сам Бог не может не считаться с ней, его дело становится для него взамен Бога.

Добродетель терпения

Глава 11. Причины скорбей

Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое.
Рим 2, 9

Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое.
Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.
Деян. 14, 22

Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.
После грехопадения жизнь человеческая заполнилась трудом, болезнями и страданиями. И поэтому добродетель терпения является совершенно необходимой христианину (понимая под совершенным терпением благодушное перенесение скорбей и страданий).

Страдание имеет много видов, причин и целей: помимо страданий, посылаемых Богом, бывают и самопроизвольные страдания, и надо уметь разбираться в своих страданиях.

Скорби и страдания могут поражать и тело, и душу, и дух. Тело они поражают болезнями, голодом, холодом, непосильным трудом и скудостью во всем необходимом. Душу они поражают печалью, сердечной тоской, страданием и от заключения, от разлуки и т. п. Наконец, дух может страдать от мучений совести, состраданием горю близких, печалью за их грехи и т. д.

Есть много причин, по которым нам посылаются скорби и страдания. При этом никогда нельзя думать, что посылаемые страдания, несчастья и беды могут идти от людей: все кресты идут от Господа Бога, как беспредельно Милостивого, так и беспредельно Премудрого. Одной из основных причин посылаемых нам страданий является наша греховность. В этом случае страдания посылаются нам как средство, противодействующее тому вреду, который приносится душе нашей грехом и наличием в ней страстей и пристрастий.

Как пишет о. Иоанн С:

«Пока в нас страсти будут действовать, пока ветхий человек в нас будет жить и не умрет, до тех пор нам

придется много скорбеть от различных искушений в жизни, от борьбы ветхого человека с новым».

Страдание можно рассматривать как духовное лекарство от греховного вреда. Страдание (например, в форме болезни) часто приостанавливает действие греха: «Страдающий плотию перестает грешить», – пишет ап. Петр (1Пет. 4, 1).

Страдание за грех есть голос Божий, вразумление грешащему человеку: это удар по руке, творящей беззаконие.

Вместе с тем страдания смягчают вину греха, уравнивают в какой-то мере вину, по закону возмездия и справедливости.

Отсюда очевидно, что страдающих в этом мире, вообще говоря, ожидает более благоприятная участь в будущем веке, чем живущих легкой жизнью. Об этом говорит Сам Господь в притче о богатом и Лазаре (Лк. 16, 19–31).

Поэтому надо более печалиться о тех, кто имеет здесь полное житейское благополучие, довольство, комфорт и ведет рассеянную жизнь и – менее за тех, кто идет здесь тяжким путем нужды и страданий.

Может быть, возникает сомнение в необходимости страданий как искупительного фактора, если жертва Христа достаточна, чтобы покрыть вину грехов всего мира?

Действительно, спасение от Господа дается «даром» (Рим. 3, 24). Но оно дается тем, кто по своему произволению ищет его, и не спасет всех людей как бы автоматически.

И если человек не идет сердцем ко Христу за помощью и за прощением грехов и живет рассеянной жизнью, не обращая внимания на заповеди Христа, то его не спасет искупительная жертва Христа: он сам как бы отказывается от нее, отказывается от предлагаемого лекарства и не получает оставления грехов, пренебрегая Таинством покаяния.

Об этом так пишет ап. Павел колоссянам:

«Вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою, если только

пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования»

(Кол. 1, 21–22).

Как видно отсюда, сила искупления распространяется на нас лишь при условии нашей «непоколебимости в вере и надежде благовествования».

А так как мы все недостаточно внимательны к своим грехам, не ищем и не пользуемся в полной мере Таинством покаяния, то и всем нам нужно страдание для смягчения последствий нашего греха.

Вот почему о необходимости христианину страданий и скорбей говорили и Господь: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33), – и апостолы и все святые отцы: «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие», – говорил ап. Павел (Деян. 14, 22).

«Нет скорбей – нет и спасения», – говорил прп. Серафим. А прп. Симеон Новый Богослов учит: «Как одежду, измазанную грязью и всю оскверненную какой-либо нечистотой, невозможно очистить, если не мыть в воде и не стирать ее долго, так и ризу душевную, оскверненную тиною и гноем греховных страстей, иначе отмыть нельзя, как только многими слезами и перенесением искушений и скорбей».

По словам св. Иоанна Златоустого, для христианина имеется три степени для спасения: а) не грешить; б) согрешивши, каяться; в) кто плохо кается, тому терпеть находящие скорби. А кто же может сказать, что он кается достаточно усердно?

Отсюда путь избавления от страданий за свои грехи есть покаяние. Сила покаяния должна быть соразмерна степени греха.

Покаяние, как и произвольные страдания (самолюбия при исповеди), примиряет с Богом и снимает непроизвольное страдание. Если же нет достаточного сознания греха, нет силы нести деятельное, глубокое покаяние, то надо в смирении принимать посылаемые страдания и благодарить за них как за милость, как за признак заботы о нас Бога.

Старец Варсонофий Оптинский говорил:

«Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признак особого Божия промысления о человеке».

Вот почему страдания и несчастья люди духовные называют «посещением Божиим».

А когда грешник живет легкой спокойной жизнью, они видят в этом оставление Богом человека, которому грозит страшная участь в загробной жизни.

Как часто страждущие души просят у Господа о прекращении страданий!

Но о том ли надо просить? Не грех ли живет в основе страданий? И если бы он был устранен искренним покаянием, то устранилось бы и страдание.

Когда к Господу принесли расслабленного, то Он прежде всего простил ему грехи, и потом уже как следствие прощения даровал и исцеление (Мф. 9, 2–8). В другом случае страдания посылаются не за грех, а чтобы предохранить от греха или направить христианина от легкой и рассеянной жизни на жизнь сосредоточенную и жизнь в Боге. В таких случаях посылаются длительная болезнь, ссылка, заточение и т. п. Это совершенно изменяет жизнь, дает человеку возможность задуматься о ней, для некоторых – побыть в уединении.

Подобные страдальцы, которые вначале часто тяжело переносили изменение своей судьбы, впоследствии или под конец жизни горячо благодарили Господа за посланную им некогда тяжелую перемену в жизни (см. например, жизнеописания схимонахини Нектарии, князя Меншикова и др.).

Про третью причину посылаемых людям страданий так говорит прп. Макарий Великий:

«Бог знает немощь человеческую, что человек скоро превозносится; поэтому останавливает его и попускает ему быть в непрестанном упражнении и волнении... Бог, зная твою немощь, по смотрению Своему посылает тебе скорби, чтобы стал ты смиренным и ревностнее взыскал Бога»..

О том же пишет епископ Вениамин (Милов):

«Скорби глубоко смиряют человеческую гордыню и выбивают у человека опоры себялюбия и надмения. Много пострадавший перестает грешить. Он чувствует свое

ничтожество и невольно ищет утверждения своего в силе Божией и раскрывает молитвою себя для принятия благодати от Бога. Скорбь переплавляет человеческое настроение из греховного, самозамкнутого в святое и открытое к Богу и возвращает всякого грешного блудного сына в Отчий Божий дом».

В четвертом случае христиане испытываются в вере и праведности.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Муж, не испытанный искушениями, не искусен».

Адам после создания был первое время безгрешен и как чистый сердцем видел Бога и беседовал с Ним. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8). Но мы знаем, что он не был тверд в добродетели и впал в грех.

Дети также первое время бывают чисты сердцем, но затем все бывают подвержены греху. Поэтому одна чистота сердца, без испытания ее прочности, не имеет полной ценности. Вот почему в мире допущены Богом соблазны. Господь и говорит: «Ибо надобно придти соблазнам» (Мф. 18, 7).

Прп. Антоний Великий пишет:

«Никто без искушений не может войти в Царство Небесное; не будь искушений, никто бы и не спасся».

О том же так свидетельствует схиархимандрит Софроний:

«Путь человека к Богу исполнен великих борений. Дух подвижника, стремящегося к вечной Божественной любви, чтобы стать воистину разумным и способным к этой любви, неизбежно проходит через долгий ряд испытаний».

Как пишет игумен Иоанн:

«Земная жизнь не есть ли одно испытание? Это непрерывный ряд испытаний, экзаменов нашей любви к Богу и к человеку, нашей веры, нашей чистоты, нашей правды – растворенности в воле Божией, созгармоничности Царству Божьему. И только те, кто испытан в соблазнах, кто имел духовную силу преодолеть их (хотя бы и не сразу), те могут считаться достигшими духовной зрелости».

Как пишет о. Иоанн С:

«Многоразличные греховные привязанности сердца нашего Господь испытывает различным образом: иного (скупого) испытывает потерю денег или какой-либо части из собственности, попускает вора обкрадывать; иного – пожаром, иного – напрасными издержками по неудавшимся делам; иного – болезнями и издержками на врачей; иного – потерю близких, иного – бесчестьем. Всех испытывает всячески, да откроются в каждом его слабые, болезненные стороны сердца и научится каждый исправлять себя. Весьма у многих душу проходит оружие, чтобы открылись помышления их сердец. Потому какой бы ни случился убыток из твоего имения, верь, что на то есть воля Господня, и говори: «Господь дал, Господь и взял, да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1, 21)».

«Купи у меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться», – говорит Господь в Откровении (3, 18).

Ап. Петр пишет:

«О сем радуйтесь, поскорбевши теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота»

(1 Пет., 6–7).

Один инок изнемогал в сильной борьбе с искушениями. Его старец спросил его: «Хочешь ли, я помолюсь Господу, чтобы было снято с тебя искушение?» – «Нет, отче, – отвечал мудрый инок, – помолись лишь о том, чтобы Господь укрепил меня в борьбе с искушением. Если же оно будет снято с меня, то я не получу той духовной пользы, которую я вижу в моей борьбе».

Пятой причиной страданий может явиться невыполнение человеком Божьего призыва, уклонение от того пути или поручения, которые предназначены человеку от Бога. Это страдание пророка Ионы во чреве кита. Кончатся эти страдания тогда, когда христианин поймет, что требует от него Господь и в чем состоит его уклонение от предназначенного ему пути.

Эти страдания часто посылаются к избранникам Божиим, когда они вступают на путь, не предназначенный для них Богом.

Посылаются они им и тогда, когда у них появляется пристрастие и увлечение чем-либо земным или наблюдается ослабление в них огня ревности, угасание любви к Богу, отход от начатого служения.

Все эти страдания кончаются, когда христианин оставляет пристрастие, возвращается на прежний путь служения или снова возгорается огнем духовной ревности.

По мнению старца Амвросия Оптинского:

«Когда человек идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны».

Глава 12. Скорби праведников

Вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него. Флп. 1, 29

Вам дано ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него.

Где Дух Святой, там, как тень, следуют гонения и брань. Прп. Макарий Великий

Где Дух Святой, там, как тень, следуют гонения и брань.

Не нужно думать, что страдания – это только удел грешных, нетвердых в добре и отступающих от воли Господней.

Старец о. Алексей Зосимовский так говорил об этом:

«Кто тебе сказал, что Бог наказывает кого-либо за грехи, как принято у нас часто говорить при виде ближнего, впавшего в какую-либо беду или болезнь? Нет, пути Господни неисповедимы. Нам грешным не дано знать, почему Всесильный Господь допускает на свете часто уму человеческому непостижимые как бы несправедливости. Господь все видит, все допускает, а вот почему Он допускает, нам грешным знать и бесполезно».

Действительно, опыт жизни показывает, что скорби сопутствуют людям и праведной жизни, и святым.

Более того, по мнению блж. Августина:

«Христианам положено страдать более, чем прочим людям; праведникам необходимо страдать еще более; а святым неизбежно переносить великие страдания. И чем ближе человек к Богу, тем большее количество крестов ему посылается».

По словам старца Варсонофия Оптинского, праведность вообще неразрывна со скорбями. Он говорит, что «если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а если начинаешь жить хорошо – сразу скорби, искушения, оскорбления».

Если мы посмотрим на жизнь святых, то увидим, что все они были проверены в огне испытаний и искушений, – в этом сила их духа и красота подвига. За победу они и были увенчаны от Господа.

Так был испытан страданиями ветхозаветный Иов для последующего награждения его за стойкость в перенесении испытаний.

Патриарх Авраам был испытан тем, что ему было повелено принести в жертву своего единственного сына.

Иосиф был возвеличен, но лишь после того, как потерпел длительное рабство в Египте, клеветание и тюремное заключение.

Царь Давид, хотя и был помазан, но до воцарения он перенес много обид, гонений, трудов и опасностей.

Та же цель была и в испытаниях прп. Антония Великого, когда он был мучим бесами. Вспомним ответ Господа на вопрос Антония: «Почему Ты не приходил ранее, чтобы избавить меня от страданий?» – «Антоний, Я был все время здесь, но ждал, желая видеть твое мужество».

Преподобные отцы получали великие дары чудотворений, но лишь после того как они великими подвигами и глубочайшим смирением доказывали свою веру и любовь к Богу.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Всякий человек, о котором особенно печется Господь, познается по непрестанно посылаемым ему скорбям... Когда на пути своем находишь неизменный мир, тогда бойся, потому что далеко отстоишь от прямого пути, протоптанного страдальческими стопами святых. Так как

пока ты еще на пути, признаком приближения твоего ко граду Божию для тебя да будет следующее: встречаются тебя сильные искушения, и чем ближе приближаешься и преуспеваешь, тем более умножаются находящие на тебя искушения. В какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований. И если возбранен к ней доступ великим искушениям (скорбям), то возбраняются ей и великие дарования, потому что Бог не дает великого дарования без великого искушения».

В какой мере не имеет душа достаточных сил для великих искушений, в такой же она недостаточна и для великих дарований. И если возбранен к ней доступ великим искушениям (скорбям), то возбраняются ей и великие дарования, потому что Бог не дает великого дарования без великого искушения».

Сила испытаний для святых была такова, что прп. Варсонофий Великий так писал про них:

«Если я напишу тебе о тех искушениях, которые я претерпел, то, верно, и не понесет слух твой, а может быть, и ничей в настоящее время»

(Отв. 13).

Итак, испытаний не может миновать ни один христианин. И когда он впадает в искушения, пусть не удивляется им, не уклоняется от них, а благодарит за них Господа как бы за благо и за внимание к нему.

Как говорил один праведник:

«Когда Господь делает избрание души и предназначает ее для больших дел, Он отмечает ее Своей печатью: эта Господня печать – крест».

В ином случае страдания посылаются также добродетельным людям для того, чтобы особо увенчать их в Царстве Божиим за невинное страдание и подвиг безропотного терпения. Характерный пример такого безвинного страдания имеется в жизнеописании новгородского святого прп. Варлаама Хутынского (память 6 ноября).

Преподобный шел по новгородскому мосту в то время, когда с моста в Волхов бросали какого-то преступника: это была

форма новгородской смертной казни.

Преступник, увидев почитаемого всеми новгородцами игумена, стал просить преподобного спасти его. Преподобный предложил взять преступника к себе в монастырь за свое поручительство и получил на это согласие. Провинившийся закончил свои дни в монастыре как исправный монах.

В другой раз преподобный шел по мосту, и снова в Волхов бросали преступника. Ученики стали просить преподобного спасти и этого человека, но преподобный не стал просить на этот раз, и казнь совершилась.

«Почему, отче, ты на этот раз не спас человека?» – спросили ученики прп. Варлаама.

Тот ответил им: «В первый раз казнили действительного преступника, который не раскаялся еще и не был готов к смерти. Для этого я и просил его к себе в монастырь, чтобы покаянием в остаток жизни он мог спасти свою душу. На этот же раз казнили невинного человека, и я видел венец, который был приготовлен ему как невинному страдальцу. Как же мог я отнять у него этот венец?»

У людей праведных к страданиям ведет и совершенное исполнение второй заповеди о любви: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12, 31).

Чем горячее эта любовь, тем глубже скорби ближних входят в сердце христианина, тем больше он страдает за ближних и в особенности за их грехи и страсти, за их падения, пристрастия и несовершенства.

Для особо избранных имеет место и особый случай посылаемых от Бога страданий – это страдания ради Христа и за веру во Христа. «Если Меня гнали, будут гнать и вас», – говорил Господь Своим ученикам (Ин. 15, 20).

«Он [Христос] положил за нас душу Свою, и мы должны полагать души свои за братьев», – пишет ап. Иоанн (1Ин. 3, 16).

А прп. Макарий Великий пишет:

«Где Дух Святой, там, как тень, следуют гонения и брань... истине необходимо быть гонимой».

Это самые блаженные и радостные из страданий, которых удостаиваются только те избранные, которых Господь особенно

хочет наградить в Царстве Небесном. Вспомним, что заповеди блаженства завершаются словами Господа: «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5, 10–12).

Это – страдание исповедников и мучеников и всех тех, кто терпит в мире ради исповедания и исполнения заповедей и повелений Христа. Господь подчеркивает исключительность награды за подобные страдания. «Радуйтесь и веселитесь, – говорит Он таким страдальцам, – ибо велика ваша награда на небесах».

Когда на христианина приходят подобные страдания, то не как на несчастье он должен смотреть на них, а как на особую милость Божию к нему. Конечно, христианин не может уклоняться от подобных страданий, как нельзя уклониться от особой почести.

Как говорит прп. Исаак Сириянин:

«Более всякой молитвы и жертвы драгоценны пред Господом скорби за Него и ради Него, и более всех благоуханный запах пота их».

А апостолы пишут:

«Возлюбленные! Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного. Но, как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете»

(1Пет. 4, 12–13).

«Мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться. Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас»

(Рим. 8, 16–18).

У близких к совершенству христиан страдания могут иметь характер и искупительной жертвы – соучастие в страданиях Христовых; это положение основывается на словах ап. Павла:

«Восполняю недостаток во плоти моей скорбей Христовых за тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24).

И те из христиан, которые принимают участие в таких почетных страданиях, как бы продолжают и завершают великое дело Христа – искупление грехов, совершаемых членами воинствующей Церкви Христовой.

К написанному можно добавить еще ряд причин страданий, указанных св. Иоанном Златоустом и относящихся при этом только к праведникам. Св. Иоанн пишет:

«Я могу указать восемь причин всякого рода и вида бедствий святых, поэтому усиленно напрягите ваше внимание, зная, что нам не будет уже никакого извинения и оправдания, если мы будем соблазняться приключаящимися бедствиями. Первая причина состоит в том, что Бог попускает им терпеть беды, чтобы они вследствие величия своих заслуг и чудес не впадали в гордость. Вторая – чтобы другие не думали о них больше, чем свойственно человеческой природе, и не полагали, будто они боги, а не люди. Третья причина – чтобы сила Божия являлась могущественной, побеждающей и умножающей проповедь через людей слабых и связуемых узами. Четвертая – чтобы яснее обнаружилось терпение их самих как людей, которые служат Богу не из-за награды, а являют такое богомыслие, что и после великих бедствий обнаруживают любовь к Нему. Пятая – чтобы мы размышляли о воскресении... Когда ты увидишь, что человек праведный терпит без конца бедствия и так уходит из этого мира... то, очевидно, Бог не захочет отпустить неувенчанными тех, кто столько потрудился, и лишить их воздаяния за труды. Поэтому необходимо должно быть время после здешней смерти, в которое они и получают воздаяние. Шестая причина в том, чтобы все подвергающиеся несчастьям имели достаточно утешения и облегчения, взирая на них (т. е. бедствующих праведников) и помня о случившихся с ними бедствиях. Седьмая – чтобы, когда мы призываем вас подражать праведным делам их, вы, по причине чрезмерной высоты их заслуг, не подумали бы, что они были люди иной породы, и не отказались бы боязливо от

подражания. Восьмая – чтобы, когда нужно ублажать и сожалеть, мы знали, кого нужно почитать блаженным, а кого жалким и несчастным...»

Как пишет и прп. Исаак Сириянин:

«Невозможно, чтобы когда идем путем правды, не встретилась с нами печаль, тело не изнемогало бы в болезнях и страданиях и пребывало бы неизменным, если только возлюбим жить в добродетели».

Арсения Великого один из иноков спросил: «Почему некоторые добрые люди перед смертью подвергаются великой скорби от телесной болезни?»

«Потому, – отвечал старец, – чтобы мы, как бы солью осолившись здесь, отошли туда чистыми».

Приложение к главе 12-й

(Из сочинения арх. Сергия)

Всякий человек, даже самый нравственно высокий, не лишен недостатков и греховных предрасположений, и никто не может избежать их проявлений в той или иной форме: то в виде недостатков характера, то в виде неумения жить осторожно и т. Д.

Эти обнаружения человеческих слабостей нередко задевают слабые стороны других людей, больно действуют на них, раздражают.

Враг же рода человеческого пользуется этим раздражением против праведника и поднимает бурю гонений на него.

Господь попускает разразиться этой буре, и в горниле страдания дух праведника как бы перегорает и очищается от своих греховных немощей. В скорби душа человека глубже сосредоточивается в себе, теснее соединяется с Господом и просвещается Господом.

Путем молитвы она ясно начинает видеть свои черты, лучше понимает тот путь, какой она прошла и проходит к ясному сознанию, что сама была поводом разразившихся скорбей.

Когда же праведник сознает свою причинность в постигших его скорбях, он познает и свою виновность в этом как человек, который не сумел побережь немощного брата. Из сознания

своей виновной причастности истекает и извинение врага, соединенное с молитвой за него. Когда же человек поймет все это, душа его исполняется всепрощением и благодарным миром.

Опыт уже получен, и оттоле душа та впредь становится осмотрительною, сострадательною, твердою, чистою и несокрушимою в своем святом стремлении ко Христу. Тогда отнимается и страдание; чаша скорбей отъемлется потому, что такой человек уже спострадал Христу, сораспялся Ему, распяв свою плоть со страстями и похотями. Такой человек уже становится подобен апостолу, который говорил: я сораспялся Христу и умер для мира.

Борьба у такого человека, конечно, не прекращается до его кончины, но перелом нравственный в нем уже совершился, и после такого перелома человек и может быть избранным орудием Промысла Божия в деле спасения людей, способным к служению чистому, совершенному и твердому.

Чаша страдания относится ангелом, а на такого раба Божия изливаются дары благодати Божией. Такой путь неизбежен каждому. Различие только в степени и времени. Чем больший жребий дарован от Господа кому и чем более и дольше кто должен послужить ближним, тем суровее испытание, тем ранее в жизни приходится тому испытать чашу очистительных скорбей.

Глава 13. Самопроизвольные страдания

Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради. Старец о. Алексий Зосимовский

Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради.

Все вышеперечисленные виды страданий посылались человеку от Бога. Другим источником страданий может быть сам человек. В этом случае страдания будут самопроизвольными. Следует заметить, что в числе подобных страданий есть такие, которые не приносят нам пользы и за которые нас не могут пожалеть ни Бог, ни люди. Это те страдания, в основе которых лежат наши страсти и пристрастия.

Таковы, например, страдания от зависти, от неудовлетворения тщеславия или алчности, страдания от неудовлетворения своих прихотей, например от невозможности красиво одеваться, от отсутствия комфорта в жилище и пр. Поистине горе тем, кто так страдает.

Часто в жизни можно встретить страдания и от неприязни, от вражды, распрей и т. п. Причиной последних является отсутствие любви к ближним, нежелание послужить им, уступать им, сносить их недостатки и т. п.

Пусть христианин в этих случаях внимательно рассмотрит сам себя. Он всегда найдет, что он виноват и сам является источником распрей, ссор и вражды.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Множество недоумений современных христиан разрешилось бы, если бы мы действительно были христианами, в прямо евангельском смысле, разрешился бы в том числе вопрос о смысле страданий: «Как Господь терпит"... И многое другое. При нашей жадной, без оглядки, привязанности к благам этого мира, когда сама эта привязанность родит множество страданий, о каком религиозном смысле нашей жизни, и в том числе и наших страданий, мы можем говорить?»

Следует отметить, что, по мнению о. Александра Ельчанинова, к страданиям, основанным на эгоизме, относятся и страдания при смерти близких.

О. Александр пишет:

«Самая острая скорбь об умершем есть скорбь о себе, эгоистичная, личная боль. Праведные, смиренные, святые в этом случае не скорбят».

Таково самопроизвольное страдание людей мира. Иными будут страдания по своей воле у людей, живущих Духом Святым. Наивысшим и прекраснейшим из этих страданий является добровольное мученичество за Христа.

Как говорил старец о. Алексей Зосимовский:

«Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради».

Так же прекрасен подвиг страдания.

Ап. Павел говорит: «Плачьте с плачущими» (Рим. 12, 15). А тех, кто по состраданию к несчастным их кормит, одевает, посещает в тюрьме и больнице, Господь обещает поставить на Страшном Суде по правую руку от Себя, в среде праведников.

Также благодетельны для души и страдания покаяния. Зная свой грех, христианин сам наказывает себя и произвольными страданиями избавляет себя совершенно или частично от страданий непроизвольных.

Ап. Павел пишет: «Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1Кор. 11, 31–32).

Старец Парфений из Киевской лавры как-то спросил митрополита Филарета Киевского:

«Я имею сомнения, Владыко, в правильности пути, по которому иду. Апостолы говорят, что все живущие во Христе будут гонимы, а я не знаю никаких гонений».

«Зачем же тебя гнать, если ты сам себя гонишь?» – отвечал старцу-аскету митрополит Филарет.

И этим путем «самогонения» шли преподобные, постники, юродивые, столпники, затворники, пустынники и другие подвижники во Христе: идя путем «озлобления» своего тела, они спасали свои души. Благо тем мудрым христианам, которые имеют силу и ревность в какой-то мере идти за ними путем произвольного страдания.

Эти страдания рано или поздно неизменно перерождаются в великую духовную радость – в благодатные слезы, умиление, тишину и радость на сердце, покой духа. За эти страдания они получают духовные дары: в них расцветают, как благоуханные цветы, добродетели веры, любви, надежды, смирения, кротости и т. д.

Они вместе с тем получают способность благодушествовать на тесных путях жизни христианской, пребывая, по словам ап. Павла, «в великом терпении, в бедствиях и нуждах, в тесных обстоятельствах. Под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах... в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах... нас наказывают, но мы не умираем, нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих

обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем» (2Кор. 6, 4–10).

Глава 14. Целесообразность скорбей

Если терпим, то с Ним и царствовать будем. 2Тим. 2, 12

Если терпим, то с Ним и царствовать будем.

Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу. 2Кор. 4, 17

Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу.

Скорби и искушения признаются Священным Писанием и св. отцами величайшим даром Божиим. Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Скорби и искушения признаются Священным Писанием и св. отцами величайшим даром Божиим.

Страдания – благодатный ветер, надувающий паруса нашего духа. О. Александр Ельчанинов

Страдания – благодатный ветер, надувающий паруса нашего духа.

Какова бы ни была причина посылаемых нам страданий, все они неизменно служат нам на пользу – спасению нашей души, к прощению наших грехов, а при невинности христианина – к получению за страдания венца в Царстве Небесном.

Как говорят старцы Варсонофий Великий и Иоанн:

«Все, что ни случается с человеком, служит к испытанию и спасению его, чтобы он потерпел и во всем укорял себя как недостойного. Добрый знак, что ты скорбишь: разве ты не знаешь, что когда кто просит отцов молиться о нем или молит Бога подать ему помощь, тогда умножаются скорби и искушения к испытанию его? Итак, не ищи покоя телесного, если не посылает его тебе Господь, ибо мерзок пред Господом покой телесный и Господь сказал: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33). Знай, что те, которые желают покоя во всем, услышат некогда: «Ты получил уже доброе свое в жизни своей» (Лк. 16, 25). Если кто не переносит досад, не узрит и славы. Разве не знаешь, что «многи скорби праведным» (Пс. 33, 20) и ими они испытываются, как золото огнем? Поэтому,

если мы праведны, то будем испытаны скорбями; если же, напротив, грешны, то потерпим скорби как достойные того, ибо «от терпения опытность» (Рим. 5, 4). Приведем себе на память всех святых и вспомним, что они терпели, делая благое... Они были ненавидимы и оскорбляемы людьми до самой кончины их... Возлюби скорби во всем, чтобы быть сыном святых, и будешь ли ты в скорбях или нуждах, или в угнетениях, или в болезнях и трудах телесных, за все, постигшее тебя, благодари Бога».

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Не благоволил Бог, чтобы возлюбленные Его покоились, пока они в теле, но более восхотел, чтобы они, пока в мире, пребывали в скорби, в тяготе, в трудах, в скудости, в одиночестве, нужде, болезни, в оскорблениях, в сердечном сокрушении, в утружденном теле. Господь знает, что живущим в телесном покое невозможно пребывать в любви Его. Когда же болезнь, скудость, истощение тела и боязнь вредного для тела возмущают мысль твою и препятствуют радости упования твоего и попечению о Господе, тогда знай, что живет в тебе тело, а не Христос. Поэтому о всяком скорбном для нас приключении, встречающемся с тобою явно или тайно, со всею осторожностью, далекою от самомнения, находи, что по справедливости и по суду приблизилось к тебе все это. И за все принеси благодарение».

Итак, во всех случаях страдания целесообразны. Но можно говорить не только о целесообразности, но и о необходимости для человека страданий. Об этом так пишет Н. Н. Фиолетов:

«Душа человека, ничего не пострадавшего, не испытывавшего ни бурь, ни волнений и борьбы, часто сама покрывается корой суетности, пошлости, самодовольства, перед ней появляется опасность погрузиться в состояние инерции и мертвенного покоя. В повседневных примерах мы можем видеть, как часто люди, ничего не испытывавшие, не могут понять переживаний других людей, являются безразличными к их страданиям, как часто теряется перед ними сознание высшей цели и смысла жизни и они погружаются в тину мелочей. Это состояние полного

самодовольства и тупости часто смешивается в мещанском обывательском сознании со счастьем».

«Душа человека, ничего не пострадавшего, не испытывавшего ни бурь, ни волнений и борьбы, часто сама покрывается корой суетности, пошлости, самодовольства, перед ней появляется опасность погрузиться в состояние инерции и мертвенного покоя.

В повседневных примерах мы можем видеть, как часто люди, ничего не испытывавшие, не могут понять переживаний других людей, являются безразличными к их страданиям, как часто теряется перед ними сознание высшей цели и смысла жизни и они погружаются в тину мелочей. Это состояние полного самодовольства и тупости часто смешивается в мещанском обывательском сознании со счастьем».

Таким образом, от Бога посылаемые страдания не есть нарушение мировой гармонии, а наоборот, утверждение ее, восстановление справедливости и устранение греха. Во всех случаях страдания людей есть одна из форм проявления неусыпного о них Промысла Божия, доказательства любви и милосердия Бога к падшему человечеству.

При благодати и мудрости Божией иначе, конечно, и быть не может. Поэтому задонская подвижница Матрона Наумовна говорила так: «Горе в жизни – это гостинцы, посылаемые нам из рая».

А епископ Буго писал:

«Величие и красота души расположены по ступенькам, по силе страданий. Кто не видел на множестве примеров, что часто житейское счастье не только не полезно для нравственного развития человека, но прямо губит его?»

По существу, христианин должен отказаться от житейского понятия слова «несчастье», так как «всякая скорбь, соединенная с терпением, хороша и полезна», – пишет прп. Петр Дамаскин.

«Несчастья» нет в мире, где господствует и царствует Благий Господь Бог, и то, что люди называют несчастьем, есть милостивое наставление, вразумление от Бога Отца или испытание Им веры христианина.

Как пишет ап. Павел, в христианине «от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает» (Рим. 5, 3–5).

Святитель Иоанн Тобольский так говорит об этом же:

«Если бы воля человека была направлена к добродетели и была бы истинно покорна и согласна с волей Божией, то труды, болезни, скорби и другие неприятности, которые встречаются каждому человеку в жизни, не были бы для него наказанием, ибо он переносил бы их с радостным и благодушным сердцем по любви к Богу, рассуждая и твердо веря, что они постигли его по воле Божией и ее попущению для неизвестной ему, но доброй цели».

Более того, святые и праведники достигли того, что, понимая благодетельное значение скорбей для души человеческой, они переживали их не только благодушно, без ропота и смущения, но радостно, и начинали стремиться к ним и искать их. Так, мудрая игуменья Арсения пишет:

«После того как Господь поможет отрешиться от страстей, тогда для души составляют отраду жизни скорби; она выше их, она не чувствует, а только сознает, и видит, и чувствует великую помощь Божию, укрепляющую дух в скорбях и искушениях жизни; видит великую премудрость Его путей, ведущих человека к свободе через скорби и в самих скорбях очищающую его, выводящую из неправильного положения и ставящую всегда на правильный путь. Тогда душа чувствует и силу и радость и благодарит Бога за скорби, и кажутся они ей ничтожными в сравнении с теми благами, которые Он даровал ей через скорби».

Вот почему одна праведница говорила:

«В мире радостей всех выше – это радости страданий».

А праведник священник Иоанн пишет:

«Мы имеем все основания жаловаться, когда не имеем страданий, так как ничто не делает нас подобными Господу, как несение Его креста».

Отсюда понятен будет и афоризм духовного философа Экхарта:

«Тихая и покойная жизнь, проведенная в Боге, – хорошо; жизнь, полная бурь, прожитая с терпением – лучше; но найти покой в жизни, полной боли, – наилучшее».

Однако мы всегда должны помнить, что благодушное перенесение страданий возможно лишь с помощью Божией и есть дар христианину от Бога. Об этом так пишет прп. Петр Дамаскин:

«Терпеть обиды с радостью и незлобливо, делать добро врагам, полагать душу свою за ближнего и подобное есть дары Божии, посылаемые стремящимся к ним, чтобы их получить от Бога своим страданием».

Итак, лишь тот может тяготиться «несчастьями» и «бедами», кто не доверяет Богу, не сознает своей греховности, не чувствует необходимости очищения своего сердца, спасения своей души и не знает своего бессилия достичь этого своими усилиями.

Как пишет старец Силуан:

«Если постигает тебя неудача, то думай: «Господь видит мое сердце, и если Ему угодно, то будет хорошо и мне, и другим», – и так душа твоя всегда будет в мире. А если кто будет роптать: «Это не так, а это нехорошо», – то никогда не будет мира в душе, хотя бы он и пост держал, и много молился. Иной много страдает от бедности и болезней, но не смиряется, и потому без пользы страдает... Смирись, ты увидишь, что твои беды превратятся в покой, так что ты и сам увидишь и скажешь: почему же я раньше так мучился и скорбел? Но теперь ты радуешься, потому что смирился, и пришла благодать Божия».

Тот же старец говорит и о том, что «скорби неизбежно сопутствуют любви и возрастают в душе по мере того как растет в душе Христова любовь. Это и понятно: любовь Христова (в душе христианина) объемлет весь мир и горячо и больно переживает скорби всего мира, как их переживал и Христос, когда Он плакал, глядя на Иерусалим, провидя все будущие его бедствия» (Лк. 19, 41).

Поэтому, как пишет схиархимандрит Софроний:

«Любящий Бога проходит через такие страдания, которых не имеющий глубокой веры в Бога не выдерживает и заболевает душевно».

Но «из глубокой веры и любви рождается и великое мужество».

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому отверста дверь гордости».

Но Господня забота и помощь человеку в развитии в нем смирения повсюду разлиты в мире. И, как говорит игумен Иоанн:

«Все обстоятельства и факты земной жизни предназначены, чтобы смирать человека, измалывать его, стирать гордыню его чувств и разума, просвещая его сознанием милости Божией или бия его по самодостаточности, самостоятельности, самодовольству. Здесь все блаженство жизни, все жизненные удачи и здесь (с другой стороны) смысл всех бесчисленных болезней, признаков смерти, нравственных унижений, бедности, зависимости, чувства своего бессилия как в отношении прошедшего, так и будущего и настоящего... Здесь зарождение благодарности Богу и здесь (с другой стороны) – крушение всех тщетных вер, всех суетных надежд и ложных идеалов... Какой бы ужасающей гордыни исполнился человек, если бы его не смиряло все то, что его теперь смиряет на земле: смерть, болезни, физические страдания, беспомощность (во множестве случаев), слабость, душевные муки и томления, унижения, труд, необходимость претрудного учения во всех областях, невежество, неразумие, безобразное проявление внутренних страстей, суд совести...»

А епископ Варлаам (Ряшенцев) дополняет к этому:

«Нам тогда только начинается некоторая оценка на небе, когда мы что-нибудь невинно терпим со всяким смирением, безропотно, как Божие попущение и испытание. Этим очищается душа от духовного растления. Без невинного и глубокого страдания, без креста никто не войдет в рай. Путь Божий есть ежедневный крест».

О том же пишет и о. Александр Ельчанинов:

«Мне часто кажется, что все шипы и тернии нашего жизненного положения точно устроены Богом для уврачевания именно нашей души. Скорбями потребляются грехи наши: «Нет скорбей – нет и спасения» (слова прп. Серафима). Не только страдания, посылаемые Богом, но всякое духовное усилие, всякое добровольное лишение, всякий отказ, жертва немедленно размениваются на духовные богатства внутри нас: чем больше мы теряем, тем больше приобретаем. Вот почему «трудно богатым войти в Царство Небесное» – потому что в них не совершается этого размена благ земных, временных, тленных на блага небесные, нетленные. Отсюда горе счастливым, сытым, смеющимся – они оскудеют до полной духовной нищеты. Мужественные души инстинктом ищут жертвы, страданий и духовно крепнут в испытаниях. Многочисленные подтверждения этого в Евангелии и у апостолов. Особенно много об этом у ап. Павла. Это знают даже внехристианские религии: как истязают себя факиры, йоги, дервиши; у них это точный расчет. Мы должны просить Бога, чтобы Он дал нам испытания, и почаще печалиться, когда живем благополучно. Дети, выросшие в тепле, неге, и сытости, вырастают духовно пустыми. Наоборот, прошедшие через болезни, нищету вырастают духом, «ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2Кор. 4, 17). Господь бесконечно жалеет нас, но посылает нам страдания: только если нас поражают несчастия и катастрофы, мы можем дать какие-то искры, какой-то святой огонь. Поэтому будь терпелив в своих скорбях: без страдания не живут даже низшие существа, а чем выше человек, тем больше он страдает. Многому научила меня болезнь. Еще больше утвердила в мысли, что если со Христом – то и со страданиями и что нет христианину иного пути, как через боль внутреннюю и внешнюю. И, думая о бесконечном множестве страданий в мире, я думал, что вот такими ничем не заслуженными безвинными страданиями строится невидимое Царство

Божие, создается и собирается Его страдающее тело – Церковь Христова. Велики очищающая сила страданий и смысл их. Духовный наш рост зависит главным образом от того, как мы переносим страдания. Мужество перед ними, готовность на них – вот знак «правильной» души. Но не надо искать их и выдумывать».

Часто Господь посылает великие страдания перед смертью тела. Здесь также видна особая целесообразность таких страданий: чем больше страдания оставила душа на земле при переходе в тот мир, тем выше радость в том мире «блаженного упокоения».

Здесь надо вспомнить и слова Господа: «Горе вам, богатые, ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне, ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне, ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6, 24–25).

Вот почему духовные люди так жалеют тех, кто в мире грешит, не кается в грехах и живет легкой, рассеянной жизнью, полной развлечений и удовольствий. Про них говорят: «Оставил их Господь». А про терпящих бедствия говорят: «Их посетил Господь».

Как писал П. Иванов («Смирение во Христе»):

«К кому идет счастье (житейское), тот теряет компас жизни, тот самый несчастный человек: личная жизнь его в опасности. Поэтому мудрецы, и древние и новые, не только христиане, вовсе избегали быть счастливыми, и у них чувство иного мира превалирует над всем видимым и чувство ответственности за жизнь было необычайно развито... Мудрые люди не стараются поудобнее устроиться на своем жизненном поприще, чтобы не заснуть и не прозевать Грядущего Жениха в полночи».

Не должен разум христианина смущаться и при виде страданий невинных детей. Здесь также неизменно присутствуют Божия премудрость, благодать и целесообразность. Чаще всего Господь хочет через страдания невинных детей вразумить их родителей или близких, отвратить этих последних от пути греха и поставить на путь покаяния.

Сами же дети будут впоследствии (может быть, за гробом) утешены Богом в неизмеримо большей степени по сравнению с их кратковременным страданием.

Здесь вместе с тем надо вспомнить и о словах Господа прп. Антонию Великому.

Прп. Антоний однажды долго размышлял о множестве бедствий и искушений, постигающих людей, о страданиях невинных детей и о других труднопостижимых для человеческого ума вопросах. Тогда он услышал: «Антоний, это судьбы Божии. Исследовать их душевредно. Себе внимай».

Приложение к главе 14-й

Как пишет иеромонах (а впоследствии архиепископ) Иоанн:

«Не в физическом здоровье и не в тленном богатстве быстротекущей жизни смысл бытия человеческого на земле: венец милости к человеку – в вечности. Венец в том, что Господь усыновляет человека и причисляет его к Своему крестному пути правды в ветхом мире, и страдая за рабов Своих, страдает в сынах, распространяет пределы Своего страждущего Богочеловеческого Тела на тела всех сынов Своих и страдания Богочеловеческой Души Своей на их души. Так рождается новый мир. Это великая тайна строительства Церкви, Нового Мира на крови Агнца и агнцев. Но не для всех одинаково раскрывается в мире эта тайна, ибо она не может быть ни понятна, ни принята во всем ее благословении, вне чистых путей усыновления Богу, вне великой к Богу любви. Лишь эта любовь (пусть юная, пусть молчаливая) раскроет до конца и оправдает все страдания. То, к чему мы идем, слишком велико. То, что мы здесь оставляем, слишком ничтожно. В этом мире ничтожны все наши добродетели, ничтожно все наше понимание истины. И поэтому нет на земле высшей красоты, чем страдание правды, нет большего сияния, чем сияние безвинного страдания».

Глава 15. ВОСПРИЯТИЕ СКОРБЕЙ ХРИСТИАНИНОМ

Долготерпение – мать всех благ. Прп. Варсонофий Великий

Долготерпение – мать всех благ.

Встречаясь со скорбями, может ли христианин молить Бога об избавлении от них или просить других молиться за него?

На этот вопрос прпп. Варсонофий Великий и Иоанн отвечают так:

«Совершенные не отстраняют от себя гнев Божий, потому что всю надежду возлагают на Бога; но мы как плотские и нуждающиеся еще в земных вещах будем осуждать самих себя как согрешающих в том и отстраним от себя гнев Божий молитвою и псалмопением, моля Бога, да простит Он нас, и впредь будем стараться благодарить Бога. Ибо после, как это пройдет, грехи наши навлекут на нас еще худшее, и без покаяния и милостыни невозможно прекратить постигающие нас бедствия».

Как видно из ответа преподобных, здесь может быть два случая. Для более слабых духом необходимо молиться и каяться в грехах (хотя бы и не осознанных), чтобы смягчить гнев Божий и отстранить от себя, может быть, еще новые и более тяжелые скорби.

Но наиболее сильные духом христиане не считают возможным уклоняться от скорбей как от воли Божией – всегда благой, в чем бы она ни проявилась.

Прп. Антоний Великий пишет про это:

«Как неуместно не благодарить врачей за оздоровление тела и тогда, когда они дают нам врачевства горькие и неприятные, так неуместно и оставаться неблагодарными к Богу за то, что кажется нам нерадостным, – не разумея, что все бывает по Его промыслению и на пользу нам».

А прп. Исаак Сириянин так говорит про праведника:

«Если встретятся ему скорби, то он как бы уверен и точно знает, что скорби доставят ему венец, и терпит их со всякою радостью, принимает их с веселием и радованием. Ибо знает, что Сам Бог по причинам, полезным ему, предназначает их в Своем неявном промыслении о неведомом для нас».

Вот один из примеров этого.

Один из иноков приходил к келье великого старца и крал у него жизненные припасы. Старец видел это, но не обличал брата, а занимался более усердно рукоделием, говоря: думаю, этот брат нуждается. И нес старец тяжкую скорбь, терпя большой недостаток в хлебе.

Когда старец кончался, братия окружили его. Он, увидев между ними брата, который постоянно крал у него хлеб, сказал ему: «Подойди ко мне, брат». Когда брат подошел, старец схватил руки его и начал целовать их, говоря: «Благодарю эти руки, при посредстве их я надеюсь войти в Царство Небесное». Инок умилился, принес покаяние и сделался строгим монахом.

Так покорность воле Божией в посылаемой скорби послужила на великую пользу и самому старцу, и согрешившему иноку.

Как говорит французский христианин Даниель-Роп:

«Если ты не можешь принести Господу ничего другого, то принеси Ему свой жизненный крест и свои страдания».

Поэтому в тех случаях, когда христианина постигает какое-либо несчастье или скорбь, святые отцы всегда предлагают понести ее терпеливо, благодушно и не отвращаться от нее и в смирении считать себя достойным еще больших несчастий, чем посланное.

К старцу Леониду Оптинскому пришел горшечник, один из его духовных детей, у которого украли колеса от повозки, на которой он отвозил на базар приготавливаемые им горшки. Он сказал старцу, что знает вора и может отыскать колеса.

«Оставь, Семенушка, не гонись за своими колесами, – ответил старец, – это Бог тебя наказал, ты и понеси Божье наказание, и тогда малою скорбью избавишься от больших. А если не захочешь потерпеть этого малого искушения, то больше будешь наказан».

Горшечник послушал старца и, по его свидетельству, затем ему грозили большие несчастия, но Господь всегда уже избавлял его от них.

Нельзя при скорбях надеяться отвратить их без молитвы и покаяния, посредством каких-либо святынь, ища от них

спасения, подобно тому как язычники применяют талисман.

Так, в одном семействе повторялись семейные несчастья. Супруги приехали в Оптину пустынь и обратились за помощью к своему земляку – иеромонаху Гавриилу. Тот вздумал было помочь их горю херувимским ладаном, но предварительно пошел с этим делом за благословением к старцу Леониду.

«Чудак ты, – сказал ему старец, – поможет ли тут херувимский ладан? Где гнев Божий, там Господь не щадит и Своей святыни. Тут потребно искреннее раскаяние в грехах, за которые послан гнев Божий, и исправление».

И когда беды являются следствием греха, то единственным средством избавления от них является покаяние и понесение произвольного наказания – епитимий.

Вместе с тем, как говорит свт. Игнатий (Брянчанинов):

«Во время напастей не ищи помощи человеческой. Не трать драгоценного времени, не истощай сил души твоей на искание этой бессильной помощи. Ожидай помощи от Бога: по Его мановению в свое время придут люди и помогут тебе».

Когда не хватает силы терпеть, св. отцы рекомендуют нам различные способы для приобретения терпения в страданиях. Для этого надо вспомнить самые трудные и тяжкие минуты своей жизни и сравнить с ними тяжесть, которую переносишь. Также можно приводить себе на ум те сильные страдания и несчастья, которые терпят другие люди (например, в темницах, на одре неизлечимой и тяжелой болезни, при умирании от голода и т. д.), и тогда свои личные страдания могут показаться незначительными.

Как говорит прп. Исаак Сириянин:

«Содержи всегда в уме тягчайшие скорби скорбящих и озлобленных, чтобы самому тебе воздавать должное благодарение за малые и ничтожные скорби, бывающие у тебя, и быть в состоянии переносить их с радостью».

«Вместе с тем, – как пишет о. Александр Ельчанинов, – нет другого утешения в страданиях, как рассматривать их на фоне «того мира»; это и по существу единственная точка зрения верная. Если есть только этот мир, то все в нем сплошь бессмыслица: разлука, болезни, страдания невинных,

смерть. Все это осмысливается в свете океана жизни невидимой, омывающей маленький островок нашей земной жизни. Кто не испытывал дуновений «оттуда» в снах, в молитве? Когда человек находит в себе силы согласиться на испытание, посылаемое Богом, он делает этим огромный шаг вперед в своей жизни. Наши трудности и горести, если мы их несем добровольно – соглашаемся на них, питают и укрепляют душу, они непосредственно превращаются в богатства духовные: «кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2Кор. 4, 17); это благодатный ветер, надувающий паруса нашего духа... И в тот момент, когда человек с благодарностью примет от Бога посланные ему страдания, он сразу войдет из них в такой мир и счастье, что всем кругом него станет светло и радостно. Лишь бы пожелать этого – и Бог пошлет. Поэтому мужественная душа инстинктивно ищет жертвы, случая пострадать и духовно крепнет в испытаниях. Мы должны просить Бога, чтобы Он дал нам испытания, и почти печалиться, когда живем благополучно. Дети, выросшие в тепле, неге и сытости, вырастают духовно пустыми. Наоборот, прошедшие через болезни, нищету – вырастают духом».

Вместе с тем христианин должен помнить о том, что как радости, так и скорби в мире часто бывают кратковременными и одна сменяет другую. Об этом так пишет митрополит Московский Филарет:

«Почему вы думаете, что далеко радость? Она близко: позади скорби, как в Песне песней – «Жених за стеною близ невесты», «Вечер водворится плач, а заутро радость».

Вместе с тем, как пишет митрополит:

«Плач святых о временном лишении не назван благоприятною жертвою Богу, а наше продолжительное и тяжкое сетование не только не богоугодно, но даже бывает грешно. Нам сказано: «Не скорбите, как прочие, не имущие упования». Наше дело – нести налагаемые кресты с любовью, детским смирением и христианским терпением, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в

лишениях, а бодрствовать над собою и крепиться, дабы, изнемогши, не лишиться уготованной награды. Поэтому – если терпишь скорби безвинно, благодари Бога. В слове «безвинно» есть сильное врачевство против скорби».

Как говорит еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Упражнение в самоукорении вводит в навык укорять себя. Когда стяжавшего этот навык постигает какая-либо скорбь, тотчас в нем является действие навыка и скорбь принимается как заслуженная».

А как пишет еп. Феофан Затворник:

«За всякую неприятность благодари Бога, помня, что она послана ради твоей пользы».

«Главная причина всякого смущения, – говорит прп. авва Дорофей, – если мы тщательно исследуем, есть то, что мы не укоряем себя. Отсюда проистекает всякое расстройство: по этой причине мы никогда не находим спокойствия».

«Укоряющий себя, куда бы ни пошел, – сказал и св. Пимен Великий, – что бы с ним ни случилось, вред ли, или бесчестие, или какая скорбь, уже предварительно считает себя достойным всего неприятного и никогда не смущается. Может ли быть что спокойнее этого состояния?»

Здесь вместе с тем следует предупредить, что укорение себя должно быть только в грехах, но отнюдь не за какие-нибудь житейские ошибки или промахи, вызвавшие те или иные несчастья.

Про это так пишет старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры:

«Несчастья и горести посылаются нам Провидением для испытания нас, для укрепления нас в жизни подвижнической. Величайший подвиг – терпеть без ропота до конца дней своих все, что ниспосылается нам в этой земной жизни, полной печали и слез. «Претерпевший до конца, тот спасен будет». Однако никогда не нужно приписывать себе тяжелых случаев, бывших с тобою и близкими тебе. Нет, все это не от себя, а ниспосылается тебе как крест. Неси же его благодушно, воодушевленный светлой надеждой и твердой верой, что там, «идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание»,

там, в вечной жизни, скорбь, перенесенная здесь с упованием и терпением, даст тебе и твоим близким такую радость и такую близость к совершенной Любви и Истине, которую и вообразить себе человек не может. Если ты несешь скорбь с терпением, этим ты свидетельствуешь свою верность Христу, свою преданность Спасителю и свою любовь к Воскресшему из мертвых и нас всех к Себе зовущему».

Переживая скорбь, никогда нельзя считать виновным в ней своего ближнего.

Об этом так пишет архиеп. Варлаам (Ряшенцев):

«Терпи обиды, неприятности, несправедливости, не дерзай по гордости винить в них твоего ближнего. Вина лежит в тебе, а не в нем: Господь желает очистить твои грехи, вот и посылает тебе как бы незаслуженную обиду и скорбь, но она заслужена тобою, твоими разными грехами, другими, прежними. И прими скорбь с радостью как лекарство очистительное от Самого Господа, а обидчика считай небесным другом, целителем твоей души. Бойся судить обидчика, укорять и т. д. – он твой благодетель, допущен Богом для очищения твоих грехов, для твоего смирения и терпения».

Итак, при перенесении страданий и невзгод для христианина ропот и выражение недовольства совершенно недопустимы.

Св. отцы запрещают даже жаловаться на погоду, говоря, что «слишком холодно» или «слишком жарко».

Будем помнить также, что Господь не оставляет нас никогда. И он с нами в самые скорбные, безотрадные минуты. Будем помнить слова из псалма: «Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби... Избавлю его... И явлю ему спасение Мое» (Пс. 90, 15–16).

О том же пишет и апостол Павел: «По мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2Кор. 1, 5).

И действительно, прп. Исаак Сириянин свидетельствует:

«Когда душа упоена радостью надежды своей и веселием Божиим, тогда тело не чувствует скорбей, хотя и немощно;

несет сугубую тяготу – и не изнемогает, но наслаждается и содействует наслаждению души, хотя и немощно. Так бывает, когда душа входит в оную радость Духа».

Великое приобретение для христианина, когда он научится в жизни одинаково принимать от Господа все, что ему посылается, – сладкое и горькое, легкое или тяжелое, радостное или печальное – и с неизменной благодарностью к Богу говорит себе: «Я и той доли не стою, которую в настоящее время наградил меня Господь».

Вот еще что про восприятие страданий писала одна христианка:

«Господь со мной. Он меня любит. Чего мне бояться? Сколько радости, и утешения, и силы несут с собой эти слова. 1) Господь все знает и любит меня. Он покроет мою ошибку, если так лучше для меня. 2) Я больна, меня ждут большие страдания. Но Господь все знает и любит меня. Если Он мне посылает страдания, то Он с заботливостью матери пошлет помощь, а страдать не даст выше сил. 3) Господь все знает и любит меня, и если нужно, пошлет мне хоть одну отзывчивую душу. Слова эти применимы во всех обстоятельствах жизни, во всех состояниях души. Но для этого нужна чистая и крепкая связь души с Господом».

Однако, по словам старца Силуана, страдание от бедности и болезней не принесет пользы, если человек не смирится.

Как пишет и о. Александр Ельчанинов:

«Постоянное явление (у не кающихся грешников), что страдания не обращают души к Богу, что они бесплодно раздавливают ее и являются таким образом безрезультатными. Тогда человек под влиянием несчастий как-то грубеет. И это ясно, отчего, – человек жадно кидается на жизнь, на счастье, ставит его выше всего, вне Церкви, Бога, любви ко Христу. И обрушивается несчастье, застаёт его врасплох, озлобляет, огрубляет его. Пот, слезы, кровь... Если проливается пот с внутренним противлением, злобой, проклятием; если слезы – от обиды, злобы; если кровь (болезнь) – без веры, то ничего доброго душа не приобретает... Почему так спасительны были

страдания блудного сына? Почему он, «войдя в себя», нашел путь спасения? Потому что он вспомнил дом отца, потому что он твердо знал, что есть этот дом; потому что он любил его, потому что (оставив язык образов) грешник этот верил в Бога. Вот что спасает нас в страданиях. Вот что открывает нам врата небесного чертога, единственные врата, в которые стоит стучаться. Поэтому страдания, с точки зрения духовного роста, ценны не сами по себе, а только по своим результатам. Отнимая земное счастье, они ставят человека лицом к лицу с высшими ценностями, заставляют его открыть глаза на себя и мир, обращают его к Богу. Отсюда следует, что земное счастье, связанное со всегдашней памятью о Боге, не исключающее напряженности духовной жизни, есть безусловное добро; равно как страдания, если они озлобляют или принижают человека, не преображая его, не давая благотворной реакции, – только сугубое зло. Это в ответ на очень распространенное убеждение, что Церковь и Евангелие осуждают всякое земное счастье и зовут к страданиям ради их самих».

Отсюда можно также заключить, что характер восприятия человеком скорбей является показателем его близости к Богу и наличия в нем основных христианских добродетелей – веры, смирения и покорности Промыслу Божию о нем.

Послушание

Глава 16. Послушание и его значение

Христос смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Флп. 2, 8

Христос смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной.

Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте. Мф. 23, 3

Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте.

Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе. Втор. 32, 7

Спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе.

Без совета ничего не делай. Сир. 32, 21

Без совета ничего не делай.

Сам Господь влагает в уста вопрошаемого, что сказать, ради смирения и правоты сердца вопрошающего. Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн

Сам Господь влагает в уста вопрошаемого, что сказать, ради смирения и правоты сердца вопрошающего.

Человек создан для свободной воли. Но значит ли это, что человек совершенно свободен в своих желаниях, намерениях, решениях и поступках? И законны ли его самоволие и самочиние?

Нет, по Божиим законам, на которых зиждется мироздание, человеческая воля была ограничена. Бог указывал Адаму, что ему дозволяется и что запрещается.

Не позволяя вкушать с древа «познания добра и зла», Бог предупреждает Адама о наказании. И это наказание самое страшное, которое только могло постичь человека, – лишение его жизни (Быт. 2, 16–17). Когда же Адам вступил на путь самоволия, то этим вверг в бездну нечестия и себя, и весь род человеческий – всех своих потомков, «целого Адама».

Итак, не будем думать, что мы созданы и призваны к свободной воле в смысле постоянного, неразумного и

беспринципного выполнения своих желаний. Последние законны лишь тогда, когда они находятся в согласии с законами, установленными Богом для человеческой души. Наше спасение и счастье в том, чтобы мы знали и послушно выполняли эти законы.

Как пишет игумен Иоанн:

«Жизненно отвергаемая воля Божия есть ад для человека. Принимаемая – есть неизреченное блаженство, хлеб райский. Потерявший во Христе свою волю находит ее полноту и истинную свободу. И тогда Господь будет исполнять даже неосознанные и даже будущие желания человека».

Как говорит старец Силуан со Старого Афона:

«Чтобы стать свободным, нужно прежде всего себя связать. Чем больше сам себя будешь связывать, тем большую свободу будет иметь твой дух...»

Поэтому послушание – это важнейшая добродетель христианина вместе со смирением и любовью.

Прп. Варсонофий Великий так говорит своему ученику:

«Держись же послушания, которое возводит на небо и приобретших его делает подобными Сыну Божию».

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Послушание есть тайна, которая открывается только Духом Святым, и вместе она есть таинство и жизнь в Церкви... Без послушания невозможно достигнуть чистоты ума, т. е. господства над мысленным морем суетных помышлений, и без него поэтому и нет монашества... Послушание есть лучший путь к победе над последствиями первородного греха в нас – над самостью и эгоизмом».

Однако, как говорит схиархимандрит Софроний, в добродетели послушания можно совершенствоваться лишь в том случае, когда христианин убеждается в несовершенстве своего ума-рассудка. Убедиться в этом – важный этап в жизни христианина-подвижника.

Через недоверие своему уму-рассудку христианин-подвижник освобождается от того кошмара, в котором живет все человечество.

В акте отвержения своей воли и рассудка ради пребывания в путях воли Божией, превосходящей всякую человеческую премудрость, христианин-подвижник, в сущности, отрекается не от чего другого, как только от страстного, самостного (эгоистического) своеволия и своего маленького, беспомощного умишка-рассудка, и тем проявляет и подлинную мудрость, и редкой силы волю особого, высшего порядка.

По словам прп. Иоанна Лествичника:

«Послушник, продающий себя в добровольное рабство, т. е. в послушание, взамен получает истинную свободу».

По терминологии некоторых святых отцов, послушание есть то же самое, что и благочестие. Так, прп. Антоний Великий пишет:

«Быть благочестивым есть не что иное, как исполнять волю Божию, а это и значит знать Бога, т. е. когда старается кто быть независтливым, целомудренным, кротким, щедрым по силе, общительным, нелюбопретельным и делать все, что угодно воле Божией, то он отворит волю Божию».

Св. отцы говорят, что воля – это единственно, что действительно принадлежит нам, а все остальное – дары от Господа Бога. Поэтому отречение от своей воли ценнее многих других добрых дел.

Как пишет старец Силуан со Старого Афона:

«Редко кто знает тайну послушания. Послушливый велик перед Богом. Он подражатель Христу, Который дал нам в Себе образ послушания. Послушливую душу любит Господь и дает ей Свой мир, и тогда все хорошо, и ко всем она чувствует любовь. Послушание нужно не только монахам, но и всякому человеку. Все ищут покоя и радости, но мало кто знает, что они достигаются послушанием. Без послушания даже от подвигов рождается тщеславие. Идущий путем послушания скоро и легко получает дар великой милости Божией, а своевольные и своедумные, как бы ни были они учены и остроумны, могут убивать себя суровыми подвигами, аскетическими и научно-богословскими и, однако, лишь едва-едва будут питаться крохами, падающими от Престола

Милосердия, и будут жить, воображая себя обладателями богатств, не будучи таковыми в действительности».

О том, что добродетель послушания дает мир душе, пишет так и прп. Варсонофий Великий:

«Возложи на Бога всякий помысел, говоря: Бог знает полезное, – и успокоишься, и мало-помалу получишь силу терпеть».

Пример совершенного послушания дает нам Сам Господь, Который говорит: «Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего меня Отца» (Ин. 6, 38).

Весь строй христианской Церкви зиждется на строгом послушании: Господа Иисуса – Богу Отцу; апостолов и их преемников епископов – Духу Святому (Деян. 16, 7; 15, 28), пресвитеров (священников) – епископам; всех христиан – священникам, духовным отцам, старцам и друг другу. Ап. Павел пишет про последнее: «Повинуйтесь друг другу в страхе Божиим» (Еф. 5, 21).

Строгое послушание является основой иночества, где сложилась поговорка: послушание паче (т. е. важнее) поста и молитвы. И св. Симеон Новый Богослов пишет, что для инока «лучше быть учеником ученика, чем идти путем самочиния». А авва Исидор говорит: «Не столько страшны демоны, сколько страшно следование собственному сердцу».

Старцы Варсонофий Великий и Иоанн говорят по этому поводу: «Если человек не попросит совета у отцов касательно дела, которое кажется добрым, то последствия сего будут худые и человек тот преступит заповедь, которая говорит: «Сын, с советом все твори» (Сир. 32, 21), и еще: «Вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе» (Втор. 32, 7)». И нигде не найдешь, чтобы Писание повелевало кому-нибудь делать что-либо самому по себе; не просить совета означает гордость, и такой человек оказывается врагом Божиим, ибо «если над кощунниками Он посмеивается, то смиренным дает благодать» (Притч. 3, 34).

Если в послушании был Сам Господь и оно необходимо и пастырям Церкви и инокам, то очевидно: оно тем более

необходимо всем христианам, т. е. и живущим в миру. Почему же оно всем так нужно?

Наша природа крайне испорчена, мы находимся во власти страстей, мы немощны, слабы, убоги, неразумны и слепы духовно; отсюда наш путь ко спасению – это путь слепого, которого ведут за руку для того, чтобы привести его к цели и он не погиб по дороге, «упав в яму» (Мф. 15, 14), или от другой опасности.

Кто же думает, что он зрячий и видит духовно, что он может идти один самостоятельно, без духовного руководства, тот самый слепой из слепых, тот во власти гордости (самой опасной и губительной из страстей), тот в обольщении, т. е. «в прелести».

Отсюда самоволие, самочиние, самоуверенность – самые опасные пороки. Нет тогда у человека более злого врага, чем он сам себе.

При самоволии человек не ищет воли Господней, всегда благой, посылающей наилучшее для человека. И как отвергающий наилучшее он сам идет к худшему, сам портит, уродует свою жизнь, сам уходит с того спасительного пути, который может повести его к Богу. Истинный мудрец должен ненавидеть свою волю. Самый мудрый из мудрецов – премудрый Соломон – писал: «Не полагайся на разум твой» (Притч. 3, 5). Очевидно, что первоочередная задача для всякого христианина – научиться слушаться не себя, а Господних повелений. Чистые сердцем могут узнавать их непосредственно через внутреннее восприятие их от Бога через ангела хранителя.

Но нам, при греховности нашей, чаще всего это не дано, и мы тогда должны стремиться подчинять свою волю другому человеку – старцу, духовному отцу, единомышленному брату или просто ближнему. Пусть даже они ошибутся в своем указании (не затрагивающем нашей совести) – мы все равно получим пользу от послушания как победившие свою волю и свою самость.

Добродетель полного послушания награждается Богом, по словам прп. Симеона Нового Богослова, как мученичество.

Итак, для того чтобы спасти свою душу, надо пройти школу послушания, школу умения отсекал свою волю.

История Церкви свидетельствует, что духовное преуспевание и спасение невозможны без теснейшего духовного руководства немощных и молодых духовно от преуспевших и высоких духом. Там, где христианин стоял одиноко, без духовного руководства и подчинения своей воли духовным отцам, там чаще всего следовали падения, заблуждения и прелесть.

Это случалось даже с самыми ревностными из подвижников Христовых, чему много примеров имеется в житиях святых и подвижников благочестия. Здесь мы находим случаи, когда подвижники, будучи обольщенными, погибали в сумасшествии, от самоубийства и т. п. (см. жизнеописание старца Феостирикта, творца Параклиса, житие печерского подвижника Исаакия и др.).

И чем чище, смиреннее и святее становится душа христианина, тем дальше уходит она от самочиния и самоволия, тем менее доверяет себе.

Св. Макарий Великий пишет:

«Самомнение – мерзость перед Господом».

А прп. Пимен Великий говорит:

«Своя воля есть медная стена между Богом и человеком».

Все святые и праведники не доверяли себе и тщательно искали проверки своих решений – насколько они согласны с волей Божией.

Некоторые отцы считали, что в тех случаях, когда с ними б не было их духовных руководителей, то лучше спросить простеца или ребенка, чем поверить своему решению. Они верили, что за их смирение и отвержение своей воли Господь скорее пошлет верное решение дела через дитя, чем если бы они стали доверять себе.

Прпп. Варсонофий и Иоанн говорят по этому поводу:

«Сам Господь влагает в уста вопрошаемого, что сказать, ради смирения и правоты сердца вопрошающего».

Даже такой великий святой и мудрец, как прп. Антоний Великий, считал необходимым проверять свои решения у своего ученика прп. Павла Препростого. Так, получив от св. Константина Великого приглашение приехать в

Константинополь, он спрашивает об этом прп. Павла; тот отвечал: «Если поедешь, то будешь Антоний, а если не поедешь, то будешь авва Антоний». Св. Антоний не поехал, послав Константину Великому письмо. Из ответа прп. Павла он понял, что призван быть не советником императоров, а наставником иноков. К одному отшельнику пришли иноки, отчего он принужден был разделить с ними трапезу ранее, не в обычное время. По окончании трапезы братия сказали ему: «Ты скорбил, авва, что сегодня вкусил пищу не в обычный час твой?» Он ответил: «Я прихожу в смущение лишь тогда, когда поступаю по своей воле».

Когда только можно и позволяет совесть, надо предпочитать мнение и волю ближнего перед своими. Этим мы приблизимся к исполнению воли Божией и привыкнем к послушанию.

Следовать добродетели послушания особенно полезно христианину тогда, когда он будет поступать наперекор себе – с большим принуждением себя.

При этом Оптинские старцы указывали:

«Во внешнем (житейских делах) надо проявлять полное повиновение, без рассуждения, т. е. исполнять, что скажут».

Поэтому, по мнению о. Александра Ельчанинова, «послушание – это подвиг, и подвиг труднейший, требующий, может быть, большей силы воли (как это ни звучит парадоксально), чем жить по-своему».

К каким результатам приводит послушание ближним, говорит следующий рассказ из записок старца Силуана со Старого Афона:

«Пришел ко мне со Старого Русика отец Пантелеимон. Я спросил его, как он поживает, а он с радостным лицом отвечает: «Очень я радуюсь». – Почему же ты радуешься? – спрашиваю его. – Все братья меня любят. – За что же они тебя любят? – Я всех слушаюсь, когда меня кто куда пошлет, – говорит он. И подумал я: легко ему в пути к Царству Божию. Он обрел покой через послушание, которое творит ради Бога, и потому на душе его хорошо».

Как говорит праведник-священник из города Дара:

«Мы ничего не имеем своего, кроме нашей воли; это единственная вещь, которую мы можем употребить из нашего фонда, чтобы получить награду от Господа. Поэтому уже один акт отречения от своей воли особенно приятен Богу. Всякий раз, когда мы можем отказаться от своей воли, чтобы исполнить волю других (когда она не противоречит Божиим заповедям), мы приобретаем большие заслуги, которые известны одному Богу. Что значит вести жизнь религиозную? Это отказываться в каждую минуту от своей воли; это постоянное умерщвление того, что у нас наиболее живуче».

Отказавшийся от своей воли получает от Бога необычайную помощь во всех делах и мир души. Об этом так пишет прп. Петр Дамаскин:

«Если человек ради Бога отсекает свои желания, то Бог Сам с неизреченной благостью приведет его к достижению совершенства, без его ведома. Замечая это, человек весьма удивляется, как отовсюду начинают изливаться на него радость и познание, и от всякого дела получает он пользу, и царствует в нем Бог как в не имущем своей воли, так как покоряется Его святой воле и бывает, как царь. Если задумает он что-либо, то без труда получает он это от Бога, о нем особо пекущегося. Это есть вера, о которой Господь сказал: «Если вы будете иметь веру с зерно горчичное... ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17, 20)».

По словам схимонаха Силуана:

«Если ты отсецешь свою волю, то победил врага, и в награду получишь мир души, а если сотворишь свою волю, то ты побежден врагом, и уныние будет мучить душу твою. Но когда нет добрых наставников, то должно предаваться воле Божией в смирении, и тогда Господь Своею благодатью будет умудрять».

Физический огонь обычно возникает из другого огня: так и духовная мудрость передается от одной души к другой. И хотя здесь и имеются очень редкие исключения (например, обращение ап. Павла и непосредственные откровения ему от

Господа), но мы никогда не в праве строить свою жизнь и спасение на исключениях, а не на законе и правилах, освященных многовековым опытом Церкви.

Вот почему общее правило состоит в том, чтобы иметь своего духовного отца (или старца-руководителя) и находиться к нему в полном подчинении, слушаясь его воли, как Самого Господа.

При этом лучше «совсем не спрашивать совета старца, чем не исполнять его совета», говорил о. Алексей Зосимовский.

К чему приводит беспрекословное послушание старцу, показывает следующий рассказ из жизни св. Симеона Нового Богослова.

Описанный случай был тогда, когда он был еще юным послушником у св. Симеона Благоговейного.

Св. Симеон в юности горел духом и стремился к посту и молитве, стремясь к Божественному озарению, о котором он слышал от своего старца. Оно и было даровано св. Симеону, но не как следствие его поста и молитвы, а как следствие совершенного послушания старцу. Однажды вечером после многотрудного дня они сели за трапезу. Будучи голоден, прп. Симеон не хотел есть, думая, что, покушавши, он не сможет как следует помолиться. Но его старец велел ему есть досыта; а отпуская, благословил прочесть на ночь только одно Трисвятое. Начав читать эту молитву, прп. Симеон удостоился чудесного озарения, которое он описывает такими словами:

«Возсиял мысленно во мне великий свет и взял к себе весь мой ум и всю мою душу. Изумился я такому чуду внезапному и стал как вне себя, забыв и место, в котором стоял, и что такое я, и где я, – вопиял только: «Господи, помилуй», как догадался, когда пришел в себя».

Приложение к главе 16-й

О том, к чему приводит истинное послушание, так говорит протоиерей Валентин Свенцицкий:

«Истинное послушание все сделает спасительным для послушника. Послушник до конца – вне опасности. Послушание все покроет и все претворит во благо. Самое неразумное и вредное превратит в мудрое и полезное. Ибо послушание –

это смирение, самоотречение, бесстрастие и любовь. А эти добродетели есть всегда верный путь спасения. Послушание не есть преданность человеку, отречение от своей воли в пользу воли человеческой, хотя по внешнему оно и таково. Послушание есть преданность Богу и отречение от своей воли во имя воли Божией и на своих высших ступенях состоит в полном отказе от своей самости... Святые отцы заповедали нам быть послушниками духовных отцов наших во всем и без всякого рассуждения, даже если бы казалось, что требования их идут вразрез с пользой в деле нашего спасения (авва Дорофей), и нарушат обет послушания лишь тогда, когда духовный отец будет учить противному учению Церкви (св. Антоний Великий). В послушании, как в огне, сгорают все мирские привычки, самонадеянность, самоутверждение, самовозношение. Послушание освобождает сердце от того мирского своеволия, которое рабство страстям выдает за свободу, и открывает путь к тому истинному состоянию свободы, которое дается лишь благодатию Божией смиренным рабам Его... Св. отцы называют послушание добровольным мученичеством. На этом пути христианин распинает свою волю, свое самолюбие, свою гордыню. Разум, желания, чувства – все отдается в послушание. Послушание – это не согласие с авторитетным мнением и не подчинение из принципа, это – внутренний отказ от всякого самостоятельного действия. Отказ не потому, что «надо слушаться, хотя и не согласен», а потому, что не может быть никакого несогласия, ибо я ничего не знаю, а все знает, что мне надлежит делать, духовный мой отец».

Глава 17. Выбор духовного отца и рассудительность в послушании

Ищите и найдете. Мф. 7, 7

Ищите и найдете.

Может ли всякий христианин рассчитывать на то, что он найдет себе старца – духовного руководителя?

На этот вопрос так отвечает схииерхимандрит Софроний:

«По наставлению прп. Симеона Нового Богослова и других отцов: кто истинно и смиренно, со многою молитвою ищет себе наставника в путях Божественной жизни, тот, по слову Христа «Ищите и обрящете», найдет такового».

Вместе с тем надо помнить, что выбор себе духовного отца есть очень важный и ответственный шаг на пути духовной жизни христианина. Поэтому кроме усиленной молитвы здесь надо проявить и наибольшую осторожность.

Как мы знаем из посланий ап. Павла, кроме апостолов были и «лжеапостолы и лукавые делатели, принимающие вид апостолов Христовых» (2Кор. 11, 13).

Про некоторых из монахов иноки говорят: «Свят, но не рассудителен», – т. е. не опытен в духовном руководстве.

У старца о. Алексия были случаи, когда он снимал или облегчал послушание (в молитвах, посте и других духовных подвигах) у некоторых обратившихся к нему христиан (как мирских, так и иноков), которые жили в миру и не могли понести в мирских условиях того, что монастырские старцы наложили на них.

Поэтому христианин, не обладая еще достаточной рассудительностью, много должен помолиться, со многими духовными людьми посоветоваться, прежде чем решится на выбор руководителя. Надо до выбора хорошо приглядеться к нему и постичь наличие в нем любви Христовой, смирения и духовной опытности.

«Будем, – как говорит св. Иоанн Лествичник, – искать наставников не предведущих, не прозорливых, но паче всего точно смиренномудрых, наиболее соответствующих как объемлющему нас недугу, так и по нравственности своей и по месту жительства».

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобой образа жизни, хотя он и очень мудр. Доверь помысл свой лучше человеку неученому, но опытно изведавшему дело, нежели ученому философу, который рассуждает по своим исследованиям, не испытав на деле».

Как и во всякой добродетели, и в послушании нужна также рассудительность.

Способность к рассудительности нужна христианину особенно в тех случаях, когда дело идет о решении чисто духовных вопросов. И в этих случаях Опти́нские старцы указывают на необходимость советы даже духовника проверять через Священное Писание и творения св. отцов. И если не будет согласия с ними, то можно отказаться в выполнении сказанного.

Отсюда – полнота послушания достижима лишь при наличии опытного духовного отца, или старца, или опытного духовного руководителя.

Указание Опти́нских старцев подтверждается мнением прп. Симеона Нового Богослова, который говорит, что полнота послушания духовному отцу, однако, не исключает разумной осторожности и некоторой критичности в отношении ученика к духовному отцу своему, именно: сличение его учений и наставлений со Священным Писанием и особенно с деятельными писаниями св. отцов, чтобы «видеть, насколько они согласны между собою, и затем согласное с Писаниями усвоить и удерживать в мысли, а несогласное, рассудив добре, отлагать, чтобы не прельститься».

Указанный совет прп. Симеона и мнение Опти́нских старцев может относиться, однако, лишь к тем из христиан, которые хорошо знакомы как со Священным Писанием, так и с учением св. отцов о путях спасения.

Очевидно, от необходимости их изучения не освобождается ни один христианин.

Что же касается взаимного повиновения христиан друг другу, то надо вспомнить случай, когда сами апостолы оказали неповиновение своим начальникам иудейским, когда те потребовали от них прекращения проповеди о Христе.

Они отвечали начальникам: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам (Деян. 5, 29).

Отсюда – христианин не должен быть послушным и должен отказывать ближним в их просьбах и требованиях, если последние будут противоречить заповедям Божиим, его голосу

совести или вести к духовному вреду для самого христианина или его близких.

И еще одно указание следует дать всем христианам, относящимся к старцам и духовным детям. Оно касается необходимости чутко воспринимать первые слова старца по каждому вопросу и опасности возражений на его указания.

Как пишет старец Силуан:

«Ради веры вопрошающего, ответ старца или духовника всегда будет добрым, полезным, богоугодным, так как духовник, совершая служение свое, дает ответ на вопрос, будучи свободным в тот момент от действия страсти, под влиянием которой находится вопрошающий, и в силу этого он яснее видит вещи и легче доступен воздействию Божией благодати. Идя к старцу или духовнику за указанием, надо помолиться, чтобы Господь через Своего служителя открыл Свою волю и путь ко спасению. И надо ловить первое слово старца, его первый намек. В этом мудрость и тайна послушания. Такое духовное послушание без возражений и сопротивления не только выраженных, но и внутренних, невыраженных, является вообще единственным условием восприятия живого предания. Если же кто воспротивится духовнику, то тот как человек может отступить».

Как добавляет старец:

«Дух Божий не терпит ни насилия, ни спора, и это великое дело – воля Божия».

Вышеизложенное согласуется со словами прп. Серафима Саровского, который говорил:

«Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство и я, не поверив его воле Божией, подчиняю своему разуму, думая, что это возможно решить своим умом, не прибегая к Богу, – в таких случаях всегда делаются ошибки».

Вместе с тем не всем может дать ответ старец. Когда спрашивали старца Силуана, то он «иногда с верою и

определенно говорил спрашивающему, что воля Божия, чтобы он сделал так-то, а иногда отвечал, что не знает воли Божией о нем. Он говорил, что Господь иногда не открывает Своей воли даже святым, потому что обратившийся к ним обратился с неверием и лукавым сердцем».

Усвоение высшего разума

Глава 18. «Богонаучение» по Святым Отцам

И будут все научены Богом. Ин. 6, 45

У пророков написано: и будут все научены Богом. Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне.

Епископ Михаил Таврический так поясняет эти слова Господа:

«Итак, теоретически все будут богонаучены. Всякий, кто услышит в этом богонаучении голос живого Отца, кто познает Его радость и силу и навыйнет в этом, тот придет ко Христу. В этом смысл истинного христианского и научного прогресса. Однако услышать живого Бога среди вихря современных познаний не было бы возможно, если бы в глубине нашего собственного духа не лежала творческая печать Самого Отца... Чтобы уловить тихое дыхание живого Бога в шумном вихре механического знания и устоять перед бурным натиском последнего, нужно держать сознание под прямым воздействием говорящего там Отца... Внутренний мир человека велик, и широк, и глубок, сознанию легко затеряться в его бесконечных лабиринтах. Доказательство к тому – эпохи (ложного) мистицизма и всяких суеверий... Среди шума мира и нашей природы нужно очень энергично и настойчиво напрягать свой внутренний слух, чтобы услышать тихий, как дыхание эфира, голос Отца. Кто живет во Христе, у того все должно быть вдохновенно, все должно вытекать из воздействия на него Святого Духа. Такому последователю Христа не нужно мучить себя предварительными расчетами и предугадывать, что и как в данную предстоящую минуту сказать. Когда наступит эта минута, Дух Святой подскажет, как действовать и что сказать. Эта вера во вдохновение, эта надежда на Святого Духа, Который в каждую минуту настоящего озарит мысли и укрепит волю, должны быть постоянно у истинно верующего во Христа и живущего в Нем».

Как свидетельствует пастырь о. Иоанн С:

«В душе благочестивого, богобоящегося человека происходит невидимо духовное общение с Богом. Как отец или как строгий наставник, Господь Бог то одобряет, то осуждает наши мысли, желания и намерения. То говорит, что это – хорошо, а это худо, и за добро награждает, а за зло наказывает; и все это так ясно для души тут же, на месте».

«Однако для такого вдохновения – пишет еп. Михаил Таврический, – для такой свободы во Христе должна быть известная душевная почва. Если в душе полный хаос, полная неопределенность мыслей и поверхность чувств, отсутствие крепких привычек воли, то что может сделать с ним даже и вдохновение свыше? Как мы можем понять голос Бога, услышать и облечь его в ряд определенных мыслей? Чем мы можем почувствовать Его тишайшее и глубочайшее дыхание?»

«Неудивительно потому, – пишет игумен Иоанн, – что верующее человечество с трепетом припадает к тайне узнавания воли Божией и всячески стремится услышать ее или хотя бы подслушать – уловить хотя несколько знаков этой всеобъемлющей и столь иногда сокровенной воли. Люди ищут ее следы: «находка в вечность» – неоценимый вклад, сокровища высшей Жизни». Вместе с тем игумен Иоанн заверяет, что «душа подлинно верующая и устремленная к любви Божией, алчущая и жаждущая Божественного мира может находить множество малейших и реальнейших знаков – указаний Божиих в своей жизни.

Эти указания окружают человека. Через них более всего ангелы хранители и Сам Господь говорят человеку. Что говорят? Говорят о лучшем пути его на земле, наиболее безопасном.

Небо закрыто, ангелы не видны телесным очам. Но они делаются видны очам веры и любви, очам просвещенного взгляда на окружающий и сопутствующий человеку мир. Через окружающих людей, через обстоятельства, даже малейшие, слышится язык ангелов.

Даже злые духи и злые люди помимо своей воли и желания могут послужить орудием Божественной истины. Одержимый духом ненависти человек бранит нехорошими словами другого

человека. По-Божьи приняв это, второй человек находит в себе новую глубину смирения и даже узнает некоторые свои недостатки, о которых раньше не думал. Так «любящим Бога все содействует ко благу» (Рим. 8, 28).

Сколь более все нейтральное в жизни может указывать, поучать, вразумлять... Все факты могут быть живыми в жизни человека. У верующей души перед глазами оживает мир предметов нейтральных, безразличных отношений человеческих. Через все просвечивает воля Божия, небесная рука, ведущая, поучающая и предостерегающая...

Нельзя не посоветовать человеку обращать пристальное внимание не только на «случайные совпадения», но и на самые простые факты в своей жизни, как в их последовательности, так и в их параллельности определенным духовным состояниям».

Будучи впоследствии уже архиепископом, Иоанн (Шаховской) добавляет к вышеизложенному:

«Большинство людей (даже верующих) не подозревают, что можно вообще быть выше вразумляемым не только через видение или сновидение, но и через видение обычной действительности человеческой. Это видение обычного, но в новом свете, именуется «внутренним поучением», и есть одно из самых распространенных – и потому одно из самых пренебрегаемых людьми – явлений Божьего Откровения. Человек видит вокруг себя то, что он всегда видит, и то, что все видят, но внутренне. Кроме того, видит еще сокровенный смысл данного предмета... Из видения востекает к ведению».

К изложенному следует добавить указания по этому поводу старца Силуана со Старого Афона о том, что при всякой беде или внезапном затруднении следует немедленно обратиться с молитвой к Господу с просьбой об указании, как поступить. Старец пишет так об этом:

«Есть люди, и даже великие, которые, когда приходят в недоумение, не спрашивают у Господа... Но если есть у тебя недоумение, то сделай три поклона и скажи: «Господи, я человек грешный и не разумею, как должно, но Ты, Милостивый, вразуми меня, как нужно поступить». Милостивый Господь не хочет, чтобы душа наша была в

смущении от врага, и Господь непременно вразумляет и внушает, что надо делать и чего не делать, потому что Он очень близок к нам. В жизни своей я много раз в час беды спрашивал Господа и всегда получал ответ... Быть может, кто-нибудь скажет, что так бывает только со святыми, но я говорю, что и самых грешных любит Господь и дает Свои милости, лишь бы отвратилась душа от греха. Всегда и во всем надо иметь от Бога вразумление, что и как нужно сделать или сказать. Для этого надо, чтобы всякий христианин, а особенно епископ или священник, стоящий перед необходимостью найти в том или ином случае решение, согласное с волей Божией, внутренне отказывался от всех своих познаний, предвзятых мыслей, желаний, планов и, свободный от всего «своего», внимательно в сердце молился бы Богу, и первое, что родится в душе после этой молитвы, принимал как указание свыше. Подобное искание познания воли Божией через непосредственное обращение к Богу с молитвой, особенно в нужде и скорби, приводит к тому, что человек в душе своей слышит ответ от Бога и научается понимать руководство Божие... Так всем надо учиться познавать волю Божию; а если не будем учиться, то никогда не познаем этого пути. Делание это в более совершенной форме предваряется навыком постоянно молиться, держа внимание в сердце. Но чтобы достовернее услышать голос Божий в себе, человек должен совлечься своей воли и быть готовым на всякую жертву... Вступивший на этот путь преуспевает, если только на опыте познал он, как действует благодать Святого Духа в человеке, и если в сердце его укрепилось гневное самоотречение, т. е. решительный отказ от своей маленькой индивидуальной воли ради достижения и совершения святой воли Божией. Однако только тогда, – добавляет старец, – когда душа всецело предалась на волю Божию, тогда Сам Господь начинает руководить ею, и душа непосредственно учится от Бога, а раньше наставлялась учителями и Писанием. Но это редко бывает, чтобы Учитель душе был Сам Господь, Своею

благодатью Святого Духа, и мало кто знает об этом, а только тот, кто живет по воле Божией».

Почему это так, объясняет прп. Иоанн Лествичник, который пишет:

«Бог потому не открывает нам воли Своей, чтобы мы, познавши ее, не ослушались и не подверглись большому осуждению. Только тот может познать волю Божию, кто умрет всему миру и откажется от своей воли во всем».

Последнее утверждение формулируется св. отцами и следующим образом:

«Предоставь Богу ум нагим – и привлечешь невидимую Божественную помощь».

«Предоставь Богу ум нагим – и привлечешь невидимую Божественную помощь».

Это довольно таинственное изречение надо понимать так: при всяком жизненном (и духовном в том числе) вопросе или затруднении следует отрешиться всецело и от своей воли, и от всякого желания в отношении направления дела, поступка и решения. И тогда на абсолютно бесстрастное сердце и отказавшийся от себя ум Господь пошлет Свое решение вопроса или недоумения. Конечно, для нашего сердца, чаще всего обуреваемого страстями и пристрастиями, очень трудно полностью освободиться от своего желания. Поэтому-то часто и не приходит решение вопроса от Господа, которое может быть принято лишь сердцем совершенно свободным от собственного затаенного в глубине сердца пристрастия или желания. При этом, как пишет старец Силуан со Старого Афона:

«...Если ты скорбишь о какой-либо вещи, то, значит, не вполне предался воле Божией, хотя тебе, быть может, и кажется, что ты живешь по воле Божией».

Глава 19. Постижение воли Божией

Испытывайте, что благоугодно Богу. Еф. 5, 10.

Испытывайте, что благоугодно Богу.

В практике жизни могут встретиться случаи, когда христианин будет лишен руководства или временно разлучен со своим духовным отцом или руководителем.

Вместе с тем и при наличии духовного отца не всегда явится возможность спросить его, как надо поступить в отдельных случаях, требующих быстрого решения.

Да и кроме того, в жизни встречаются постоянно незначительные вопросы, с которыми не всегда возможно или удобно обратиться к духовному отцу, считаясь с ограниченным временем у последнего.

Вместе с тем надо учитывать, что для мирян не существует таких удобных условий для послушания, какие имеются у иноков. Игумения Арсения пишет поэтому так:

«Затворник видит волю Божию в свете слова Божия. Послушник – в воле своего духовного руководителя. Мирской человек – в обстоятельствах жизни».

Как в таких случаях поступить христианину, чтобы избежать своеволия и познавать волю Божию для того или иного случая?

Очевидно, что прежде всего всякое решение должно быть сделано при полном спокойствии духа. Святые отцы советуют, чтобы никогда не принимать никакого решения во время душевного смущения.

Игумения Арсения пишет:

«Когда мы духом смущены, то не можем правильно и здраво рассуждать, а тем менее можем чистою совестью и сердцем мирным познать волю Божию. И сердце и дух смущены, и Солнце Правды закрыто от взора души».

Затем надо руководиться следующими положениями.

Во-первых, надо сообразоваться с заповедями Божиими.

Во-вторых, в более затруднительных случаях сообразоваться с тем, как в подобных случаях поступали святые, подвижники благочестия или известные нам люди, преуспевшие духовно. Вот почему мы должны хорошо знать жития святых и подвижников благочестия.

Как говорят старцы (см. предыдущую главу), показателем воли Божией являются и внешние признаки, т. е. как бы само собой складывающееся направление наших дел.

«Случайностей нет в жизни, но каждое обстоятельство имеет высший духовный смысл, ведет к познанию Бога, т. е. воли Божией», – говорит игумения Арсения.

И если христианин молится о том, чтобы Господь Сам вел его по Своей воле, Сам выбирал для него путь во всех делах, больших и малых, и искренне не хочет своеволия, то он может быть спокоен и во всех тех случаях, когда прошение молитвы его не исполнилось и дело совершилось не так, как он просил и как бы он хотел.

Бывают, однако, случаи и такие, когда внешних признаков решения дела не будет и надо решать по внутреннему чувству.

Для такого случая прпп. Варсонофий Великий и Иоанн дают такие указания:

«Когда не можешь спросить своего старца, то надо трижды помолиться о всяком деле. При этом, если имеешь свободное время, помолись три раза в течение трех дней. Если же случится крайняя надобность, как во время предания Спасителя, то прими в образец, что Он отходил трижды от молитвы, и, молясь, трижды произносил одни и те же слова (Мф. 26, 44). После окончания молитв смотри, куда преклонилось сердце хотя на волос, так и поступи, ибо извещение бывает заметно и всячески понятно сердцу. Если же после третьей молитвы не получишь извещения, то знай, что ты сам виноват в том; и если не познаешь своего согрешения, укори себя, и Бог помилует тебя».

Те же старцы утверждают вместе с тем, что при усиленной молитве Господь всегда дает сердцу ясность о Своей воле для всякого дела. Они говорят:

«Когда тебе кажется, что какое-нибудь дело будет по Богу, а противоположный помысел сопротивляется ему, то помолись Богу. Если в то время, когда мы молимся, сердце наше утверждается в благом и уверенность в его благодати возрастает, а не умаляется, то этим мы познаем, что дело это угодно Богу, хотя бы оставался и противоположный помысел. Ибо благое непременно сопровождается скорбью от зависти диавольской, однако при молитве уверенность в благом умножается».

Отсюда поведение христианина, хотящего быть в полном послушании воле Божией, будет таково: надо усердно помолиться о всяком деле, а потом поступать в зависимости от

того, как сложится дело вне зависимости от воли христианина (т. е. по воле Господней). Так многие дела будут отпадать, а другие возникать без воли и желания христианина.

Тем, кто привык наблюдать за своим внутренним состоянием и узнавать сопребывание с собою Духа Святого Божия, тем волю Господню можно узнавать и по состоянию его сердца.

Об этом так говорит прп. Серафим Саровский:

«Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что это от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его небесное, ибо ощущает в себе плоды Духа Святого: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание».

Когда человек делает что-либо не так, как угодно Господу, то Дух Святой покидает человека. Тогда человек теряет покой и мир души, и пробуждается какое-то беспокойство, томление духа и теряется ощущение радости.

Поэтому все решения можно принимать (как уже говорилось выше) лишь при полном спокойствии духа, с миром на сердце, при проверке решения временем, с промежуточными молитвами.

В тех же случаях, когда воля Господня неясна, а дело важное, то надо подождать с решением, пока на душе христианина не будет вполне ясного сознания, как должно поступить, имея одну цель – познание, «что есть воля Божия благая, угодная и совершенная» (Рим. 12, 2).

Во всех житейских делах лучше подчинить свою волю кому-нибудь из ближних, достаточно практичному и знающему в данной отрасли дел, и во всех случаях руководствоваться его указаниями и решениями. Так, например, все мелкие хозяйственные дела в семье должна решать преимущественно жена, а муж и дети слушаться ее. А все дела важные и духовные или имеющие большое значение для семьи должен решать преимущественно муж как глава семьи (Еф. 5, 23).

Здесь, однако, могут быть и исключения в зависимости от индивидуальных качеств супругов.

Общим же правилом для всякого христианина остается приучить себя не доверять себе, и когда только можно, надо предпочитать волю ближнего своей собственной. Так, например, я делаю что-то, а ближний просит ему помочь или исполнить его поручение; надо немедленно оставить свое дело и исполнить волю ближнего. Ближний выбирает одно время для выполнения какого-либо общего дела, а мне было бы удобнее другое: надо выбирать время, предлагаемое ближним. И ко всем указаниям, советам и предложениям ближних надо относиться с полным вниманием, думая, что через них нами руководит Сам Бог.

Когда мы не хотим послушаться близких, то это чаще всего бывает в тех случаях, когда мы не хотим пожертвовать своими интересами, не хотим проявить терпение, снисходительность, великодушие и уступчивость.

При искании Божией воли через ближних христианину не надо проявлять маловерия.

Прп. Варсонофий Великий дает для такого случая следующее указание:

«Надо вопрошать того, к кому имеешь веру, и знаешь, что он может понести помыслы, и веруешь ему, как Богу, а вопрошать другого о том же помысле есть дело неверия и пытливости. Если веришь, что Бог говорил через святого Своего, то к чему здесь испытание, или какая надобность искушать Бога, вопрошая другого о том же самом?»

Нужно думать, что ни один из христиан не обманется в своем уповании получать указания от Бога для своей жизни, если только он решится от всего сердца исполнять только волю Божию.

Господь Всемогуц – у Него бесконечное число путей сделать понятной нам Его волю, хотя бы мы и были недостойны для непосредственных откровений; лишь бы мы только искали Его волю, ненавидя свою. Он говорит нам через уста наших старцев и духовных отцов. При отсутствии их Господь учит нас устами окружающих нас людей, обстоятельствами жизни и т. д., о чем уже подробно говорилось выше.

И если христианин горячо ищет Божией воли, то всегда ее узнает по ряду признаков, открываемых его сердцу.

Вместе с тем нам надо помнить, что, по словам схиархимандрита Софрония, «всякий христианин, стоящий перед необходимостью найти решение, согласное с волей Божией, внутренне отказывается от всех своих познаний, предвзятых мыслей, желаний, планов и, свободный от всего «своего» внимательно в сердце молится Богу, и первое, что рождается в душе после этой молитвы, принимает как указание свыше».

Как советует старец Парфений Киевский:

«Никогда не должно скоро последовать своему помыслу, хотя бы он и благ являлся, но испытать его временем. Ибо враг во все наше доброе всевает свои плевелы. И нам крайне опасно последовать своим мыслям и рассуждению в деле спасения. Наш ум – ограниченное око плоти, которое может видеть и распределять только дела внешние и вещественные».

При затруднительных случаях, когда нельзя откладывать решение и невозможно спросить указаний духовного отца, старец Анатолий из Оптиной пустыни давал и такой совет своим духовным детям:

«Если нет старца и не у кого спросить, то можно после усердной молитвы открыть святое Евангелие или Псалтирь и прочесть первое попавшееся на глаза место. Однако это применять можно не часто и только в действительно очень нужных случаях. Возможность испрашивать Божью волю этим путем подтверждается и следующим случаем из истории Церкви. В одном семействе перед началом одного дела испрашивали волю Божию открытием Нового Завета после молитвы. Три раза получался отрицательный ответ. Не доверяя ему, пошли за решением к блаженному Николаю Читинскому (жил в первой половине 20-го столетия), не говоря ему о том, что им открывалось. Прозорливый блаженный ответил: «Три раза Господь вам указывал, что не надо начинать этого дела. Зачем же вы в четвертый раз пришли испытывать Его волю?»

Познавая волю Господню и творя только ее, христианин приобретает наибольшее количество «талантов» на выданные

ему от Господа (Мф. 25, 20), а доброе семя слова Божия принесет в его душе наибольший, «историчный» урожай (Мф. 13, 23).

Как пишет схииерхимандрит Софроний:

«Искание воли Божией есть самое важное дело нашей жизни, так как, попадая на путь ее, человек включается в вечную Божественную жизнь».

Приложение к главе 19-й

Некоторые христиане для определения Божией воли прибегают к жребию, помолившись о том, чтобы Господь побудил вынуть удобное Ему решение.

Так сделали апостолы при выборе апостола Матфия вместо Иуды (Деян. 1, 23–26).

Здесь следует предупредить, что это допустимо делать лишь в тех случаях, когда число записок соответствует количеству возможных вариантов решения вопроса.

Но если вариантов решения больше, чем записок, то может быть случай, когда Господу будет угодно то решение, которое не записано. Приведем пример.

Девушка хочет знать, за кого ей выходить замуж: за Петра или за Ивана, – и кладет две записки с их именами. А Господь хочет отвергнуть и того и другого. Здесь, очевидно, надо положить и третью записку – «Не выбирать из них никого».

К такому способу решения вопросов можно прибегать, очевидно, вместе с усиленной молитвой, лишь в тех крайних случаях, когда нет ни старца, ни духовного отца, которым можно было бы доверить решение, и вместе с тем христианин не чувствует достаточно очевидной для него воли Божией в решении данного вопроса.

Старцы вообще не рекомендуют прибегать к жребию, а уж если кто прибегнет, то надо прилежно молиться и не менее трех раз, через известные промежутки времени.

И уж если выпал жребий, то надо его исполнять.

«С этим шутить нельзя, а то попадешь из огня да в полымя», – говорил еп. Герман.

Насколько важно в этом случае исполнение вынутого жребия как воли Божией, доказывает следующий случай из

истории Церкви.

Архимандрит Агафангел, настоятель Александре-Свирского монастыря, когда был еще простым иноком, вынул жребий, что ему следует оставаться в Веркольском монастыре, а не идти на Валаам, куда ему захотелось.

Три года оставался он затем в Верколе, но наконец, все же ушел на Валаам вопреки жребию.

Но на Валааме о. Агафангел не нашел покоя – его мучила совесть за нарушение Божьего указания.

Терзаемый своей совестью, он пришел к игумену Валаамского монастыря о. Дамаскину и стоял перед ним, не имея сил что-либо сказать.

Посмотрев на него, о. Дамаскин, склонив голову, минут пять сидел в глубокой задумчивости.

Потом с радостным видом встал и сказал: «Ну, чадо, Всемиловитая Пречистая Богородица и праведный Артемий прощают тебя, что ушел».

Боговдохновенный и прозорливый старец снял с него вину, которая была очень серьезной как прямое нарушение Божией воли.

Глава 20. Рассудительность

Покажите... в добродетели рассудительность. 2Пет. 1, 5

Покажите... в добродетели рассудительность.

Чтобы вы исполнились познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном. Кол. 1, 9

Чтобы вы исполнились познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном.

Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным. Прп. Исаак Сириянин

Всякую вещь красит мера. Без меры обращается во вред и почитаемое прекрасным.

Как пишет протоиерей о. Валентин Свенцицкий:

«Все доброе в нас имеет некую черту, перейдя которую, незаметно обращается во зло».

Вот почему прп. Исаак Сириянин говорит:

«Всякое дело, если делаешь его без размышления и исследования, знай, что оно суетно, хотя и благоприлично, потому что Бог вменяет правду по рассудительности, а не по действованию нерассудительному».

А старец Силуан советует:

«Надо понуждать себя на добро, но умеренно, и знать свою меру. Надо изучать свою душу, что ей полезно».

Вот почему как апостол Петр, так и святые отцы, включая Антония Великого, считали совершенно необходимым наличие в христианине рассудительности.

«Рассуждение есть признак выхода человеческой души из дурного ее младенчества... Оно есть венец любви, есть небесная мудрость в жизни, духовный разум любви, который не отнимает ее силу, но дает ей соль»

(архим. Иоанн).

Можно ли думать, что для приобретения рассудительности лишь достаточно знать заповеди Господни?

Нет, недостаточно. Надо еще хорошо знать, какие заповеди наивысшие и какими можно по нужде пренебрегать, при необходимости исполнить наивысшую заповедь.

Господь Сам располагал заповеди в известной последовательности, чтобы дать нам возможность оценивать их относительное значение для нас в деле богоугождения. «Возлюби Господа Бога твоего... сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37–39).

По существу, и вторую заповедь о любви к ближнему надо расчленить на две. Господь говорит: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10, 28).

Таким образом, надо различать безопасность и пользу для души и то же для тела.

Таким образом, основные заповеди христианина надо расположить в такой последовательности:

1) Любовь к Богу.

2) Любовь к ближнему, проявляемая в заботе о душе ближнего.

3) Любовь к ближнему, проявляемая в заботе о теле ближнего и его материальных нуждах.

И при всяком деле надо поступать так, чтобы исполнялась прежде всего наивысшая из заповедей.

При этом ради исполнения более высокой заповеди можно, по нужде, пренебрегать низшей.

Так, Господь говорит, что «кто оставит... братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей... ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29). Здесь пренебрежение второй заповедью – любви к ближнему ради исполнения первой – любви к Богу.

Когда свв. мученицам Вере, Надежде и Любви надлежало или умереть, или принести жертву языческим богам, то захотела ли мать их София спасти их тела? Нет – ради спасения души она ободряла их и укрепляла в подвиге. Спасая их души, она пренебрегла спасением их тела.

Господь сказал: «Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду. И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5, 40–42).

Однако в исполнении и этой заповеди также нужна рассудительность, и к исполнению просьб ближних нельзя относиться формально, т. е. без рассудительности исполнять все просьбы.

Так, совершенно очевидно, что христианин должен отвечать отказом на такие просьбы, как помочь обидеть ближнего, самоубийце – достать яд или пьянице – водки и т. п.

Случаи отказов в просьбах мы знаем и из жизни святых. Так, например, в житии Иоанна Златоустого имеется описание такого случая.

Императрица Евдокия позвала к себе богатого гражданина Феодорика и просила его дать займы денег, объясняя свою просьбу потребностью больших расходов на войско и для раздачи неимущим. Зная, что просьба царицы продиктована ее сребролюбием, Феодорик не исполнил ее просьбы, а обратился за советом и помощью к св. Иоанну. Последнему удалось защитить Феодорика от притязания царицы. После этого

Феодорик свое богатство пожертвовал на пропитание странников, бедных и больных, что вызвало гнев и озлобление царицы на св. Иоанна.

Мы знаем также, что Господь отказал в просьбе одному из народа – рассудить его с братом в вопросе о наследстве (Лк. 12, 13–14).

У прп. Варсонофия Великого мы находим и такой совет:

«Также, если знаешь, что просящий просит без нужды, не давай ему, но скажи: «Мне дана заповедь от аввы ничего не давать не имущему нужды». И это не будет жестокость. Из двух вредных вещей, которых избежать нельзя, должно выбирать менее вредную. Поэтому лучше отказать просящему, чем причинить ему душевный вред».

«Смотри, не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое», – пишет и прп. Симеон Новый Богослов.

В истории Церкви можно найти случаи, когда святые пренебрегали установившимися в общежитиях обычаями и законами. В жизнеописаниях святых, блаженных и юродивых можно встретить много случаев, когда их поступки соблазняли окружающих их (см. например, жизнеописание св. Василия Блаженного).

Здесь мы встречаемся с проявлением той высшей мудрости, которая непонятна миру. Но так и должно быть. По Своей абсолютности Бог не может быть ограничен человеческими законами. И определения и действия Божии могут не согласовываться с обычаями и понятными понятиями человеческими.

Святые в своих поступках руководятся Духом Божиим. Отсюда и их действия могут иногда противоречить обычным представлениям людей. И тогда их высшая мудрость будет в противоречии с представлениями мира.

Хотя старец Амвросий Оптинский и говорил, что «всякий подвиг человека, предпринимаемый им ради спасения своей души, принимается Господом в умиловительную жертву», но здесь, очевидно, надо сделать одно исключение: подвиг не

может быть угодным Богу, если он сопровождается вредом или беспокойством для кого-либо из ближних.

Рассудительность нужна и при совершении всякого благого дела, и при всяком добром начинании.

Здесь надо вспомнить указания Господа о необходимости знания своих сил в притчах о строящейся башне без расчета наличного материала и о царе, не имущем достаточно войска для преодоления противника (Лк. 14, 28–32).

Нам надо учитывать и правило св. отцов – в мере подвига избегать крайностей и держаться «золотого серединного пути».

По этому поводу так говорят прпп. Варсонофий Великий и Иоанн:

«Кто трудится выше силы своей и понуждает себя на излишний труд, у того образуется естественное уныние от бессилия телесного: должно испытывать свою силу и упокоить тело по страху Божию. Будь осторожен, рассмотри, с какой стороны хочет враг уловить тебя... Все делающееся со смущением и беспокойством и излишнее происходит от демонов. Потому лучше сделаем немного со страхом Божиим, чем многое со смущением вражьим. Говорю это на тот случай, когда помыслы наносят нам беспокойство, понуждая сделать что-либо безвременно».

Вот какое указание об этом дает и мудрая старица, игумения Арсения (Усть-Медведицкого монастыря) в своем письме к престарелому П. А. Брянчанинову (брату еп. Игнатия):

«Вы все пишете о нечувствии и сонливости. Я думаю, что Вы мало даете себе покоя. Когда вы утомлены, Вам не следует себя нудить. Если не будете давать телу своему покоя, и во время утомления будете понуждать себя к молитве, или собирать помыслы, или искать в сердце покаянного чувства, – то Вы никогда не будете иметь мира душевного, напротив, всегда будете в смущении помыслов и в отягощении духа».

Св. Василий Великий говорит:

«Если покой вредит молодому и здоровому телу, то несравненно больше приносит вреда чрезмерный труд больному и слабому телу».

А одна подвижница благочестия пишет:

«Без смущения давайте себе побольше покоя, чтобы иметь часы или хотя минуты бодрого духа, свежего чувства и ясной мысли. Иначе можно дойти до омрачения. Господу так мало нужно от нас – только смиренного духа, а нам Он все дает Своею благодатию. Как часто случается – от непосильных подвигов сначала устают, потом истощаются, потом себя убивают, а затем приходит искушение. Разрушенный организм требует заботы: сердце утесняется и расслабляется... или начинает возмущаться – это неизбежный закон реакции».

Поэтому нам нужно знание своей силы, своей меры и своей степени достижения. Плохо, если мы будем стоять ниже уже достигнутого, но превышение меры еще опаснее. Оно поведет к надрыву, унынию, расслаблению и даже к совершенному прекращению духовного подвига.

Итак, мы видим, как много надо в жизни христианину рассудительности, чтобы правильно выбрать свой путь, правильно решать свои жизненные вопросы, правильно ориентироваться во всех внешних обстоятельствах жизни, чтобы по ним узнавать волю Божию и чтобы избегать не только искушения страстями или злом, но и искушений тем неумеренным «добром», которое по существу также таит козни лукавого.

Вот еще несколько советов еп. Германа о рассудительности:

«Придавая известную ценность подвигам, нельзя ревновать о них сверх меры и сверх сил: отсюда мысли о сухоядении, недосыпании, отсюда переутомление головы, ног, полусонная молитва. Все это нуждается в исправлении и замене простым посильным режимом без утомления головы и ног, с сокращением правил, с молитвой сидя и лежа – и св. пророк Давид умилялся на ложе. Все же свое внимание должно быть устремлено на терпение, сокрушение, безгневие, сочувствие всем, неосуждение и помощь ближним (особенно духовную). К сожалению, исправность во внешних подвигах (пост, молитвы, церковные службы) часто соединяется и

уживается с раздражительностью, сильным гневом, злобой, унынием, ропотом, высокой оценкой себя».

Характеризуя необходимость постоянной осторожности, прп. Варсонофий Великий приводит такой замечательный совет одного из святых:

«Когда увидишь, что кто-нибудь утопает в реке, не давай ему руки твоей, чтобы он и тебя не увлек с собою, но подай ему жезл твой, и если сможешь спасти его посредством жезла, то хорошо будет; если же нет, топусти жезл, чтоб и тебе не погибнуть вместе с утопающим».

Надо думать, что под «жезлом» св. отец понимал мудрое отдаление и обособление себя от окружающего мира, в котором мы обязаны проявлять милосердие. Пусть помогает христианин «утопающему» и, может быть, гибнущему от грехов, но он должен отделить свою душу от них как бы духовной стеной, боясь греховной заразы. И общение с такими людьми надо свести к самому необходимому минимуму, чтобы не поколебать своего собственного духовного устроения.

Вот поистине та мудрость, которую не знают многие пылкие и увлекающиеся души, стремящиеся спасти и помогать тем, кто губит потом своих легкомысленных благодетелей. Сюда относятся браки «из жалости», прием в семью человека, чуждого по духу, тесное общение с некаяющимся грешником и т. Д.

Вот как характеризует подобное искушение добром св. Исаак Сириянин:

«Сделаем, чтобы за появляющимся в нас добрым желанием следовали частые молитвы, и будем просить Бога, чтобы не только оказал нам помощь, но дал и различить, послужит ли это к угождению воле Божией или нет. Не всякое благое желание входит в сердце от Бога. От Бога входит желание, приносящее пользу. Иногда человек желает доброго, но Бог не помогает ему, ибо и от диавола приходят некоторые желания, имеющие подобие добрых, и считаются полезными, но не соответствуют мере человека. Диавол, умышляя сделать человеку зло, приносит желание и понуждает усиленно стремиться к исполнению его, между

тем как человек не достиг еще соответствующего жительствова, или то желание чуждо принятому человеком образу (жизни), или, опять, не наступило время, в которое можно было бы исполнить и начать исполнение его; или для исполнения его человек недостаточен по разуму или по телу; или не способствуют к тому обстоятельства времени. Дьявол всяким способом под личиною доброго дела или смущает человека, или наносит вред его телу, или скрывает сети в уме его. Поэтому, когда дело для тебя не по силам и будешь принуждать себя к нему, тогда в душу твою влагаешь омрачение за омрачением и вносишь в нее большое смущение».

Как говорила старица Ардалиона (Усть-Медведицкого монастыря):

«Все хорошее – в свое время и на своем месте; а не во время и самое хорошее вредно. Такое-то человеческое добро: то, что вчера нас спасало, сегодня губит».

О том же пишет и о. Иоанн С:

«Будь умерен во всех решающих делах, ибо и добродетель в миру соответственно своим силам, обстоятельствам времени, места, трудам предшествовавшим есть благоразумие. Хорошо, например, молиться от чистого сердца, но коль скоро нет соответствия молитвы с своими силами, различными обстоятельствами, местом и временем, с предшествовавшим трудом, то она уже будет не добродетель».

Сюда же относятся и случаи «ревности не по разуму», про которую духовные отцы говорят так: «Если иной монах слишком сильно стремится к небу, то надо держать его за ноги или даже стащить на землю».

Одной девушке с плохим здоровьем старец о. Алексей Зосимовский сказал так:

«Вижу, А. В., что Вы очень благочестивы; но как бы Вы живой не попали на небо. Вас надо держать за ноги. Вам необходимо руководство, советую обратиться к А. Л. Вам нужно спать 10 часов, приходить лишь к концу Божественной литургии и усилить питание».

Ту же девушку он упрекнул за то, что она неосмотрительно пустила в свой номер монастырской гостиницы еще других богомолков, отчего провела ночь плохо и почти без сна. Он сказал: «Они могли бы переночевать в общей».

О необходимости рассудительности так говорит и Петр Дамаскин:

«Страстным вовсе не полезно совершать дела или иметь помышления, свойственные бесстрастным, как и младенцам мало полезна твердая пища, весьма полезная совершеннолетним. С рассудительностью надобно желать и уклоняться по своему недостойнству: по нерадению и лени не отвращаться благодати, когда она придет, но и по дерзости не искать чего-либо прежде времени».

О том же так пишет старец Силуан:

«При подвиге надо знать свою меру, чтобы не перетрудить свою душу. Изучай себя и давай душе подвиг по силе ее... И нельзя самому выдумывать себе подвиги. Вот для этого несколько примеров. Один из молодых иноков Старого Афона мечтал о мученичестве за Христа, т. е. идти к туркам и исповедывать у них христианство. Его старец указывал ему, что этот подвиг не по его силам, но инок не соглашался с мнением старца. Тогда старец сказал иноку: «Проверь свою способность к мученичеству следующим образом: не чешись, когда тебя будут кусать блохи». Через некоторое время инок пришел смирившийся: «Ты прав, отче, – сказал он старцу, – я так слаб, что не могу даже воздержаться от того, чтобы не чесаться». Подобный же случай был и в Оптиной пустыни во времена старца Леонида. Один из братьев также изъявил старцу свое сильное желание мученичества. Старец неоднократно увещевал брата, чтобы тот оставил этот помысел и что небезопасно вдаваться самопроизвольно в великие искушения. Но брат оставался непреклонным. Тогда старец поступил так. В одну глухую зимнюю бурную ночь он призывает пожелавшего мученичества брата и поручает ему сходить из скита в монастырь через густой дремучий лес (расстояние от скита до монастыря около полукилометра). Но брат начал

отказываться, объясняя это тем, что страшно идти лесом в такую ужасную погоду, да еще ночью. – Несчастный, – сказал старец, – ты желал мученичества, и тебе, может быть, уже готовился от Господа мученический венец, потому что по воле Божией в ответ на твое желание волки могли растерзать твое тело. И верь, что это вменилось бы тебе в мученичество, потому что ты пошел бы в монастырь за святое послушание». Стыдно и горько стало брату за свою слабость и с тех пор он не смел уже никогда высказывать желание мученичества. Другой брат приходил к тому же старцу о. Леониду за дозволением надеть на себя вериги. Старец отказывал брату в своем благословении и говорил, что не в веригах спасение. Но брат продолжал упорствовать в своем желании. Тогда старец призвал к себе монастырского кузнеца и сказал ему: «Когда придет к тебе такой-то брат и будет просить тебя сделать ему вериги, дай ему хорошую пощечину». При следующей просьбе брата о веригах старец разрешает ему идти к кузнецу и просить изготовить себе вериги. Но как только услышал кузнец о просьбе брата, тот получил от кузнеца пощечину. Не стерпел брат и также ответил кузнецу пощечиной, после чего оба пошли на суд к старцу. «Куда же ты лезешь носить вериги, – сказал старец сконфуженному брату, – когда и одной пощечины не смог потерпеть».

Особенно нужна рассудительность духовным руководителям и тем из христиан, которые наставляют других. Здесь много вреда может принести непонимание состояния и меры для ближних и суждение о других только по себе самому (субъективно). Как пишет Поварнин:

«Быть сильным часто значит не понимать слабых, значит мерить силы их своими силами, налагать на них требования, какие налагаем на себя. Так часто и богатыри духа в величии своем не понимают нашей слабости. Они прилагают свой масштаб к нам, требуют, чтобы мы жертвовали теми ценностями, которыми они в силах пожертвовать, шли по тем путям, по которым они идут. Заветы их величавы, строги, суровы. Но ведь и слабый

приносит посильные жертвы в стремлении к горным высотам. И если приходит сильный и отвергает жертвы его как недостойные, и те ценности, которые кажутся слабому высокими, считает за уметы, – скорбит человек и теряет силы. Ибо он знает, что делал хорошо по мере сил своих, и суровость непосильных для него требований отталкивает его от подвига. Но и слабые часто в самообольщении меряют своими силами и цели сильных. Они думают нередко, что то, что они не в силах сделать, не в силах совершить никто, что всякая попытка к этому есть гордость духа, самообман, бесполезное, ненужное, может быть, безумное напряжение. Там и здесь, и у сильных и у слабых, одна и та же всегдашняя ошибка человечества: неумение понять других, стремление к нивелировке в духовном отношении, стремление подогнать всех под одну мерку. Орел хочет заставить ласточек летать под облаками; ласточки хотят, чтобы орел летал над землею, как они».

Как приобрести рассудительность?

Как и всякая добродетель, она дается не даром и не сразу.

О даровании ее надо молиться и ей надо учиться по Священному Писанию и опыту святых и подвижников благочестия. Однако чтение книг знакомит только еще с теорией; разумение истины прочно закладывается в сердце, когда оно постигается из личного жизненного опыта.

Вместе с тем и при выборе для этого книг для себя или для ближних также нужна рассудительность.

Как пишет прп. Симеон Новый Богослов:

«Кто толкует о последних степенях совершенства новоначальным и особенно более ленивым из них, тот не только не приносит им пользы, но еще делает так, что они возвращаются назад».

Есть и еще одно неперемное условие достижения рассудительности: это стяжание чистоты сердечной. Святой Дух вселяется лишь в чистое сердце, а с Его вселением в сердце водворяются и Божественные добродетели, в числе которых находится и рассудительность.

Поэтому св. авва Сисой так говорил одному брату, скорбевшему, что он плохо запоминает мудрые изречения из книг:

«Это не нужно. Нужно стяжать чистоту ума и говорить из этой чистоты, положившись на Бога».

Это и является источником мудрости пустынников и неграмотных простецов, не изучавших писаний и духовных книг.

Как дар Святого Духа рассудительность надо заработать трудами и подвигами, и ее нельзя ожидать у духовно молодой христианской души.

При этом духовную рассудительность надо отличать от просто ума. Как говорил старец Варсонофий из Оптиной пустыни:

«Одно дело – ум, другое – рассуждение. Рассуждение есть дар Божий, как и все вообще у нас дар Божий. Но рассуждение выше других даров и приобретается не сразу. Человек может быть очень умным, но совершенно нерассудительным».

А еп. Игнатий (Брянчанинов) говорит:

«Духовное рассуждение есть достижение совершенных христиан... чуждо оно новоначальных и неопытных, хотя бы они были по телесному возрасту и старцы».

Поэтому новоначальным необходимо недоверие к себе, отсечение своей воли и послушание своему духовному руководителю – старцу или духовному отцу. Это спасет неопытную душу от ошибок. Здесь мы пришли к тому же выводу, о котором говорилось уже ранее.

Если разум не просвещен истиною Христовой, то рассуждением человека руководит преимущественно лукавый. В частности, лукавый часто внушает мысль, что ради благой цели могут быть допущены недобрые средства. Это являлось не записанным, но на практике очень часто применявшимся принципом иезуитов: «цель оправдывает средства». Трудно передать, как был велик поток зла, изливавшийся на все народы мира во все века от тех, кто придерживался этого принципа. В частности, он ложился в основу многих войн между народами, в том числе между христианами и с христианскими правителями.

К сожалению, этим принципом руководствуются и в настоящее время правители многих стран и политические партии (например, фашисты и нацисты).

Как писал славянофил А. С. Хомяков:

«В числе законов, правящих умственным миром, есть один, для которого Божественная строгая правда не допускает исключений, – тот закон, что зло порождает зло».

А старец Силуан (со Старого Афона) говорил, что о том, что хорошо или нет то или другое дело, надо судить по тому, какие средства применены для его достижения. И если средства были нехороши, то и дело это было злом – шло не от Бога и не для Бога, а от лукавого.

Смирение

Глава 21. Нищета духа

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
Мф. 5, 3

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Чувство своего ничтожества носи в сердце своем. Еп.
Феофан Затворник

Чувство своего ничтожества носи в сердце своем.

К одному старцу однажды пришел его ученик и с большой радостью сообщил ему: «Отче, я достиг того, что когда я молюсь, то мысленными очами вижу всегда перед собой Господа».

«Не велико твое достижение и напрасно ты так радуешься, – отвечал ему старец, – вот если бы ты стал видеть свои грехи, то это было бы для тебя великим приобретением».

То же утверждали и многие из великих святых.

Так, св. Антоний Великий говорил:

«Не великое дело – творить чудеса, не великое дело – видеть ангелов; великое дело – видеть собственные грехи свои».

Один египетский инок сказал преподобному Сисою Великому: «Вижу, что во мне пребывает непрестанная память Божия». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя при Боге, – велико увидеть себя ниже всей твари».

О том же говорит и прп. Варсонофий Великий:

«Блажен ты, брат, если действительно ощущаешь, что имеешь грехи, ибо кто ощущает их, тот гнушается ими и всячески удаляется от них».

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«Восчувствовавший свой грех выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых».

Так же пишет и о. Иоанн Сергиев:

«Видеть свои грехи и их множество и во всей их гнусности – действительно есть дар Божий, подаваемый вследствие усердной молитвы».

К сожалению, нужно сказать, что этот дар Божий, даже среди христиан, с внешней стороны благочестивых, встречается далеко не часто.

Как пишет о том о. Александр Ельчанинов:

«Люди многое способны понять в жизни, многое тонко подмечают в чужой душе – но какое редкое, почти несуществующее явление, чтобы человек умел видеть самого себя. Тут самые зоркие глаза становятся слепы и пристрастны. Мы бесконечно снисходительны ко всякому злу и безмерно преувеличиваем всякий проблеск добра в себе. Я не говорю уже о том, чтобы быть к себе строже, чем к другим (что, собственно, и требуется), но если бы мы приложили к себе хотя бы те же мерки, как к другим, – и то как на многое это открыло бы нам глаза. Но мы безнадежно не хотим этого, да и не умеем уже видеть себя, и так и живем в слепой успокоенности. Слепота к своим грехам, невидение их – естественное состояние природы падшего человека. Мы бессознательно утаиваем от себя наши грехи, забываем их, потому что так легче жить. А наша духовная жизнь даже и не начиналась и не может начаться, пока мы не сойдем с этой ложной позиции».

Итак, лишь с возникновения у нас способности видеть свои грехи начинается просветление наших внутренних очей, начинается зарождение нищеты духа – основы нашего покаяния и спасения.

Как пишет П. В. Никольский:

«Самые незначительные проступки и даже малейшие движения душевные, на которые и внимания не обращает мирской человек, в сознании строгого к себе христианина возрастают до степени преступлений, тогда как все его достоинства бывают ему невидимы при созерцании вечной красоты нравственного идеала, осуществить который он призван».

Глубокая нищета духа может даже заменить у христианина телесные подвиги (поста, поклонов, длительных молитвословий), если христианин по немощи тела неспособен к ним.

Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Сердце, исполненное печали о немощи и бессилии в подвигах телесных, заменяет собой все телесные подвиги. Подвиги телесные без печали ума – то же, что и тело неодушевленное».

Нищета духовная есть совершенно ясное осознание своей греховности и глубины своего падения. Это чувство нищего, одетого в жалкое и грязное рубище, когда он видит рядом других в прекрасных и чистых одеждах. Вместе с тем это чувство своего бессилия, своей беспомощности, слабости и ограниченности.

Как говорит прп. Петр Дамаскин:

«Нет ничего лучше, как знать свою немощь и неведение, и ничего хуже, как не знать этого. Когда ум начинает видеть свои согрешения – как песок морской, лишь тогда начинается просвещение души и начинается ее выздоровление».

«Главное величие человека заключается в том, что он сознает себя жалким», – пишет Блез Паскаль.

То же утверждает еп. Феофан Затворник:

«Преуспеяние в духовной жизни означает все большим и большим сознанием своей негодности».

А прп. Варсонофий Великий заповедует своим ученикам:

«Унижай себя день и ночь, понуждая себя ниже всякого человека увидеть. Это есть истинный путь, и кроме него, нет другого желающему спастись»

(Отв. 447).

Как пишет о. Иоанн С:

«Нищий есть тот, кто ничего своего не имеет, кто всего ожидает только от милосердия других: хлеба, крова, денег, одежды. А если кто имеет одежду, то ветхую, грязную, негодную... От всех он в пренебрежении. Нищий духом признает себя духовным бедняком, всего ожидает от милосердия Божия: он убежден, что он не может ни помыслить, ни пожелать ничего доброго, если Бог не даст ему ни мысли благой, ни желания доброго; он считает себя грешнее всех, всегда себя укоряет и никого не осуждает. Он просит Спасителя просветить одеяние души его, он

непрестанно прибегает под кров крыл Божиих; все свое состояние он считает Божиим дарованием».

Нищета духовная, однако, не должна вести к унынию, об этом так пишет митрополит Филарет Московский:

«Чувство собственной немощи не на то употреблять должно, чтобы тяготиться и упасть духом, но чтобы оставлять надежду на себя и через молитву о помощи переходить к надежде на Бога».

Глава 22. Сущность смирения

Смирение есть одеяние Божества. Прп. Исаак Сириянин

Смирение есть одеяние Божества.

Простоте и смирению наиболее является Бог. Прп. Иоанн Лествичник

Простоте и смирению наиболее является Бог.

На основе нищеты духа в христианине зарождается и начинает вырастать – как Божий дар – добродетель смирения.

Что такое смирение? Этот вопрос задавал многим духовным отцам св. Иоанн Лествичник, игумен горы Синайской. И в ответ на этот вопрос св. Иоанн получил от отцов ряд определений смирения.

Один сказал: «Смирение состоит в постоянном забвении о своих добрых делах». Другой – «В признании себя из всех последним и всех более грешным». Третий – «В мысленном признании своей немощи и бессилия». Четвертый – «В чувстве души сокрушенной и отречении от собственной воли» и др.

Но ни одно из полученных определений не удовлетворило св. Иоанна, и он дал свое следующее решение этого вопроса:

«Смирение есть не именуемая благодать в душе, теми только именуемая, которые извели ее опытом. Это – неизреченное богатство, Божие именование и подаяние».

По существу, св. Иоанн и сам не дал полного объяснения, в чем заключается смирение, но он указал, что, по его мнению, этого нельзя сделать, поскольку оно является Божиим именованием.

Близко к этому определению и определение смирения, данное прп. Исааком Сириянином. Он пишет:

«Смирение есть одеяние Божества: в него облеклось вочеловечившееся Слово и через него приобщилось нам в теле нашем. И всякий, облеченный в смирение, уподобляется нисшедшему с высоты Своей... Смирение есть некая таинственная сила, которую по совершении всего Божественного бытия, воспринимают совершенно святые. И не иначе, как только одним совершенным в добродетели, сила эта дается силою благодати, поскольку они естеством могут принять ее по определению Божию, потому что добродетель эта заключает в себе все. Как тень следует за телом, так и милость Божия за смирением».

Из других формулировок сущности смирения ниже приведем определение епископа Вениамина (Милова):

«Смирение есть радостно-печальное самоуничижение души перед Богом и людьми по благодати Святой Троицы, выражаемое мысленно молитвою и зрением грехов своих, сердечно-сокрушенными чувствами, действенно всецелой покорностью Божией воле и усердным служением людям ради Бога. Смиренные удивительно смягчаются сердечно, имеют согретость души и теплоту любви ко всем людям без исключения по какому-то дару свыше».

Старец Силуан, видевший Господа еще при жизни, так пишет про смирение Христово:

«Когда душа увидит Господа, как Он кроток и смирен, тогда она и сама смиряется до конца, и ничего так не желает, как смирения Христова; и сколько бы ни жила душа на земле, она все будет желать и искать это непостижимое смирение, которое невозможно забыть. Смирение есть великое благо, с ним легко и радостно жить, и все бывает мило сердцу. Только смиренным являет Себя Господь Духом Святым, и если не смиримся, то Бога не узрим. Смирение есть свет, в котором мы можем узреть свет Бога, как поется: «Во свете Твоем узрим и свет». Смиренная душа, хотя бы Господь брал ее на небо каждый день и показывал всю небесную славу, в которой пребывает Он, и любовь серафимов и херувимов и всех святых, – то и тогда, наученная опытом, будет говорить: «Ты, Господи,

показываешь мне Свою славу, потому что Ты любишь создание Свое, но мне дай плач и силу благодарить Тебя. Тебе подобает слава на небе и на земле, а мне подобает плакать о грехах моих». Иначе не сохранишь благодать Святого Духа, которую дал Господь туне, по милости Своей. Господь много пожалел меня и дал мне разуместь, что всю жизнь надо плакать. Таков путь Господень. В смирении Христовом и любовь есть, и мир, и кротость, и воздержание, и послушание, и долготерпение заключены в нем. «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1Пет. 5, 5). И чем больше смиришь себя, тем больше получишь дар от Бога. И вот теперь пишу, жалея тех людей, которые подобно мне горделивы и потому страдают. Пишу, чтобы усилились в смирении и обрели покой в Боге. Так как мы страдаем только до тех пор, пока не смиримся, а как только смиримся, так конец скорбям, ибо Дух Божий за смирение извещает душу, что она спасена. За один смиренный помысел опять приходит благодать».

Бог в лице Иисуса Христа – второго Лица Святой Троицы – призывает нас учиться смирению от Него Самого: «Придите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 28–29).

Поскольку смирение есть свойство Христа, то вместе со смирением Он Сам вселяется в душу христианина, или смирение лишь тогда воцарится в душе, когда в ней «изобразится Христос» (Гал. 4, 19).

Всеми святыми отцами смирение почитается как основа всех добродетелей. При наличии смирения в душе легко развиваются все другие добродетели. Но если нет смирения, то добродетель перестает быть добродетелью; святость переходит в прелесть; дела милосердия, подвиги поста, умерщвления плоти и т. д. совершаются из-за тщеславия и т. п.

Как говорит архиепископ Иоанн:

«Смиренность духа человеческого есть не слабость, а необычайная сила человека». Эту истину подтверждает рассказ Тургенева «Живые мощи».

О том же пишет о. Александр Ельчанинов:

«Как велика сила смирения! Как обессиливает отсутствие его! Если в проповеднике, ораторе чувствуется хоть тень самодовольства – это не только зачеркивает все его действительные достоинства, но и вооружает против него. Наоборот, смиренный, даже при отсутствии большого ума, талантов, берет в плен все сердца. Сущность гордости – замкнуться для Бога, сущность смирения – дать Богу жить в себе».

Вместе с тем, как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Смирение и без подвигов многие прегрешения делает простительными. Напротив того, без смирения и подвиги бесполезны, даже уготовляют нам много худого. Смирением содейлай беззакония твои простительными. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели; оно может сокрушить крепость многих грехов. К приобретению смирения надо стремиться непрестанно. И если приобретаем его, то смирение соделает нас сынами Божиими, и без добрых дел представит Богу, потому что без смирения напрасны все дела наши, всякие добродетели и всякое делание».

Об этом в истории Церкви имеется следующий рассказ: одна христианка попала на необитаемый остров и там пробыла сорок лет в подвигах молитвы, поста и всяких лишений. С приставшим к острову кораблем она вернулась на материк. Найдя одного из великих старцев, она рассказала ему про свои пустынные подвиги.

Выслушав, старец спросил ее: «А можешь ли ты принимать поношения, как благовония?» – «Нет, отче», – ответила смущенная подвижница. – «Тогда ты ничего не приобрела за все 40 лет твоих подвигов».

«Смирение и одно может ввести нас в Царствие Божие, хотя и медленно», – пишет и прп. авва Дорофей.

В связи с этим утверждением П. Иванов пишет:

«Силой, необходимой для совершения больших подвигов, обладает не всякий, а смирение может иметь каждый христианин. В этом смысле сказано об уподоблении в совершенстве Отцу Небесному. Ведь и Он беспредельно

смиряет Себя, чтобы снизить до нас, до каждого нашего дела. Поэтому неправы те, которые думают, что христианский идеал непостижим, так как требует Божественного совершенства. Он требует совершенства смирения, а не совершенства дел, что было бы, действительно, невозможно».

При отсутствии же смирения даже дарования могут быть во вред христианину. Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Дарование без искушений – гибель для приемлющих его. Если делаешь доброе дело пред Богом и Он даст тебе дарование, умоли Его дать тебе познание или взять у тебя дарование, чтобы оно не было для тебя причиною гибели. Ибо не для всех безвредно хранить богатство».

Имеется рассказ об одном из отцов, что он в течение семи лет просил Бога о некоем даре, и ему он был дан. После этого он пошел к одному великому старцу и возвестил его о даре. Старец, услышав, опечалился, говоря: «Великий труд». И сказал ему: «Подиди другие семь лет моли Бога, чтобы дар твой был отнят у тебя: он тебе не полезен». Пошедши, тот сделал так, пока дар не был отнят у него.

Прп. Антоний Великий говорил:

«Если не будет в человеке крайнего смирения, смирения всем сердцем, всем умом, всею душою и телом – то он Царствия Божия не наследует».

Смирение ненавистно диаволу как свойство Иисуса Христа, и он не выносит его, как и крест Господень.

Про Оптинского старца Макария имеется такой рассказ. В Оптину привезли бесноватого и пригласили к нему старца. Больной, не слыхавший о старце никогда, стал беспокоиться и заговорил: «Макарий идет, Макарий идет». Как только вошел старец, больной бросился и ударил его по щеке. Старец употребил против него сильнейшее оружие – смирение – и подставил другую щеку. Больной упал в оцепенении, долго лежал у ног старца, а потом встал совершенно здоровым, не помня о своем поступке.

Отсюда понятно, что прп. Исаак Сириянин пишет:

«Приближается ли смиренный к людям – и внимают ему, как Господу. И что говорю о людях? Даже демоны, при всей наглости и злобе своей, при всей высокомерности гордыни своей, приближаясь к нему, делаются, как прах; вся злоба их теряет силу, разрушаются козни их, бедственными остаются злоухищрения их».

Духовным очам прп. Антония Великого были открыты все сети дьявола, которые он распростер над миром для уловления и соблазна ко греху людей.

Ужаснулся преподобный этому множеству соблазнов и спросил Бога: «Кто же избегает этих сетей?» – и услышал голос: «Смирение избегает их – они даже и не прикасаются к нему».

Итак, наличие в человеке одного только смирения совершенно освобождает его от нападок и соблазнов и власти лукавого духа.

Глубокую характеристику значения для человека смирения дает игумения Арсения Усть-Медведицкого монастыря:

«Смирение есть единственное состояние духа, через которое входят в человека все духовные дарования. Оно есть дверь, которая открывает сердце и делает его способным к духовным ощущениям. Смирение доставляет человеку невозмутимый покой, уму – мир, помыслам – немечтательность. Смирение есть сила, объемлющая сердце, отчуждающая его от всякого земного, дающая ему понятие о том ощущении вечной жизни, которое не может взойти на сердце плотского человека. Смирение дает ему его первоначальную чистоту. Он ясно начинает видеть различие добра и зла, а в себе всякому своему состоянию и движению душевному знает имя, как первозданный Адам нарекал имена животным по тем свойствам, которые усматривал в них. Смирением налагается печать безмолвия на все, что есть в человеке человеческого, и дух человека в этом безмолвии, предстоя Господу в молитве, внемлет Его вещаниям... До ощущения сердцем смирения не может быть чистоты духовной молитвы. Мир и радость – это плоды смирения. Вот пристань, где находили свой покой все добрые

подвижники, все скорбящие душой, все жаждущие спасения. Не бойтесь потерять все для получения смирения. Смирение – единственный выход и успокоение при всяком смущении и искушении. Только этою стезею приходит душа к истине все разрешающей, к теплоте врачующей. Если потеряешь эту стезю, то окружают душу мрак и теснота».

Как говорила игумении Арсении ее старица, схимонахиня Ардалиона:

«Смирение – это та земля, на которую зерно должно упасть, чтобы умереть, – умереть, чтобы жить во Христе и оплодотвориться духом. Душа получает свое совершенство во Христе, а не в себе самой. Тогда радоваться будет душа своей немощи. И захочет ли такая душа показать себя чем-то великим пред людьми? Напротив, она хочет, чтобы все видели ее немощь, ее низость, ее убожество и ничтожество».

Вот как говорит о всех плодах смирения архиепископ Арсений:

«Возлюби смирение, ибо посмотри, как оно велико. Смирение привлекает благодать Божию. Смирение убивает гнев и раздражительность. Смирение избавляет душу от всякой страсти и всякого искушения. Смирение дает возможность спокойно переносить скорби и несчастия. Смирение облегчает самые тяжелые труды. Смирение возгревает молитвенный дар. Смирение предохраняет от нравственного падения и подвигает от падения тех, кто имел несчастье пасть. Смирение ведет к покаянию. Смирение – это корень для духовного преуспевания: оно воодушевляет к добродетели и умножает ее. Смирение располагает к себе людей. Смирение разрушает самомнение и бесовскую прелесть. Смирение порождает все дары Святого Духа: духовную опытность, мудрость, воздержание, терпение, любовь, благоразумие, обходительность, искренность, чистосердечие, милосердие. Смирение – путь к святости. Смирение наполняет душу радостью и покоем о Господе».

А Достоевский пишет:

«Смирись, гордый человек... Победишь себя, и усмиришь себя, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя».

Глава 23. Признаки смирения

Через смирение входят в человека все духовные дарования. Игуменья Арсения

Через смирение входят в человека все духовные дарования.

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Смирение – жизнь небесная на земле, благодатное, дивное видение величия Божия и бесчисленных благодеяний Божиих человеку; благодатное познание Искупителя, последование Ему в самоотвержении, видение погибельной бездны, в которую ниспал род человеческий, – вот невидимые признаки смирения, вот первоначальные чертоги этой духовной палаты, созданной Богочеловеком. Смирение не видит себя смиренным. Напротив того, оно видит в себе множество гордости. Оно заботится о том, чтобы отыскать все ее ветви, отыскивая их, усматривает, что и еще надо искать очень многое. Водимый смирением чем более богатеет добродетелями и духовными дарованиями, тем делается скуднее, ничтожнее перед собственными взорами».

О том же пишет и о. Александр Ельчанинов:

«Все добродетели ничто без смирения. Пример: фарисеи. Вся сумма добродетелей при отсутствии смирения – «кораблекрушение у пристани». Признаки смиренных – не верить своим достоинствам, не знать даже о них (смирennemудрие), не осуждать, радоваться унижению. И им – блаженство на первой же ступени».

Когда надо дать оценку духовной высоты человека, надо прежде всего оценить степень его смирения.

Обычно по наличию смирения иноки различают великих подвижников – кто они: святые или находятся в прелести. Так некогда отцы пустыnnики испытывали богоугодность прп. Симеона Столпника. Соблазняясь необычностью и новизной его подвига – стоянием на столпе – и боясь того, что этот подвиг

прп. Симеон несет самовольно, отцы послали к нему свое решение: чтобы он сошел со столпа и последовал бы жизни других пустынников.

Вместе с тем посланным было сказано, что если прп. Симеон послушает их, т. е. проявит смирение, то они должны оставить его стоять на столпе.

Когда преподобный узнал о решении собора отцов пустынников, он тотчас же стал сходить со столпа.

Так наличие смирения засвидетельствовало богоугодность подвига преподобного.

Как и у всяких добродетелей, у смирения есть несколько ступеней.

Святой Иоанн Лествичник говорит, что степень смирения человека можно видеть из отношения его к осуждению других.

Он пишет:

«Один каждый день судит других; другой не судит других, но не осуждает и самого себя; третий не заслуживает осуждения, всегда сам себя осуждает».

А архимандрит Иоанн говорит:

«Иногда человек не хочет видеть чужих грехов, это доброе праведное состояние, но это еще не смирение. Смирение – это когда человек не может видеть чужих грехов. Слишком видит свои, слишком зрит перед собой Бога».

Последнее говорит о совершенном развитии смирения. Итак, смирение связано органически с постоянным укорением себя за все грехи, прегрешения, упущения, леность, нерадение, малодушие, маловерие, боязливость и все недолжные чувства, слова, мысли, дела и даже взгляды, в том числе самые малейшие проявления раздражительности и осуждения.

Как пишет прп. Варсонофий Великий:

«Признавший себя грешником и виновником многих зол никому не противоречит, ни с кем не ссорится, ни на кого не гневается, но почитает всех лучшими и разумнейшими себя. Совершенное же смирение состоит в том, чтобы сносить укоризны и поношения и прочее, что сносил Учитель наш Господь Иисус».

О признаках полноты смирения пишет так и прп. Исаак Сириянин:

«В смиренном нигде не бывает поспешности, торопливости, смущения, горячих и легких мыслей, но во всякое время пребывает он в покое. Ничего нет, что могло бы его изумить, привести в ужас, потому что ни в печалях не ужасается он и не изменяется, ни в веселии не приходит в удивление. Но все его веселие и радование в том, что угодно Владыке его. Смиранный не смеет и Богу помолиться или просить чего-либо и не знает, о чем молиться, но только молчит всеми своими чувствами, ожидая одной милости и того изволения, какое изыдет о нем от Лица достопоклоняемого Величия... И осмеливается только так говорить и молиться: «По воле Твоей, Господи, да будет со мною».

«Где глубокое смирение, там и слезы обильные, – говорит прп. Симеон Новый Богослов, – а где слезы, там и посещение Святого Духа. А в том, что начинает быть под действием Его, появляется всякая чистота и святость, и он видит Бога, и Бог призывает на него... Ведай, чадо, что Бог не благоволит так ни к посту, ни к бдению, ни к другому какому телесному труду и не являет Себя никому другому, как к смиренной, непытливой и благой душе и сердцу».

Ряд признаков совершенного смирения указывает епископ Вениамин (Миров):

«На лице смиренного отблеск радости, незлобия и красоты. Он приветлив и ласков ко всем, неподражаемо прост и готов оказывать всякие услуги и уважение окружающим. Кротость смиренного часто похожа на детскую нежную наивность... Кроткая любовь невинного привлекает к смиренному сердца окружающих. Все его взаимно любят, как ангела, услаждаются его смиренномудрой беседой и радостно отвечают на его приветствия. К нему расположены даже своевольные люди за редкостное совмещение им в себе преизобильной любви, тихости, простоты и общедоступности. Смиранный назидает окружающих с любовью, запрещает с тихостью и без конца долготерпит

согрешающих в надежде на их исправление. Благодаря обильному сиянию в душе смиренного невестественного света благодати он ясно видит всегда свои недостатки и грехи. Самоукорению его и снисходительности к другим нет меры. Он оправдывает, извиняет немощи окружающих безгранично, а о себе говорит: «Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь», как авва Сисой говорит: «Не знаю, начал ли я еще покаяние»; как преподобный Памва говорит: «Чувствую, что я еще не начинал служить Богу»; как прп. Силуан, ученик Пахомия Великого, говорит: «Я вижу неизменность моих грехов и готов отдать жизнь, только бы получить прощение». Смиренные не терпят никакого отличия себя от других, во власти своей над другими видят только знак обязанности служить их спасению, ставят себя ниже подвластных во мнении о себе и обращении».

Как говорит старец Силуан со Старого Афона:

«Кто стяжал Христово смирение, тот всегда желает укорять себя, и радуется поношениям, и скорбит, когда его хвалят. Но это еще первоначальное смирение, а когда душа познает Господа Духом Святым – какой Он смиренный и кроткий, тогда видит себя хуже всех и рада сидеть на гноище, как Иов, в худых одеждах, а людей видеть в Духе Святом, сияющими и похожими на Христа».

Старец Силуан предупреждает при этом, что «благодать легко теряется и за тщеславие, и за один гордый помысел. Много можно поститься, много молиться и много делать добра, но если при этом будем тщеславиться, то будем подобны бубну, который гремит, а внутри пустой. Тщеславие опустошает душу, и много надо опыта, нужна долгая борьба, чтобы победить его... И теперь день и ночь прошу у Господа Христова смирения...

Борьба упорна, но только для гордых. Смиренным же легко: благодати Святого Духа, даруемой смиренным от Господа, боятся наши враги, ибо она их опалает».

О признаках смирения так пишет и П. Иванов:

«Никто не должен делать выше своих сил, это бесполезно. Но всегда должно быть недовольство своими делами. Постоянное сознание: мало, мало я делаю. Плох я,

несовершенен. Это сознание и есть наша непрерывность в стремлении к Богу. Беспредельное совершенствование. Не видения и не чудеса служат мерилom правильности, ибо видения и чудеса доступны также и демонам, – но смирение и послушание. Самая основа праведности заключается именно в сознании себя ничем: все Бог, без Него я ничто. Чтобы удержаться с Богом, продолжать делать Божье дело, я должен смирять себя беспредельно. Душа истинно христолюбивая хотя бы совершила тысячи праведных дел по ненасытному стремлению своему ко Господу, думает о себе, будто бы ничего еще она не сделала, хотя бы изнурила тело свое постом и бдениями, при таких чувствованиях остается, будто бы не начала еще трудиться для добродетелей. Где же предел этому правдивому смирению? Его нет. Нет такого состояния праведности, когда мог бы человек остановиться в приятном сознании достигнутых результатов. Сколько бы ни сделал, все-таки должно считать себя грешнее всех людей. Всегда, как мытарь, а не как фарисей, – никогда не обращать внимания на чужие грехи, а только на себя, на свои. Смирение говорит: «Все, что имеешь, – это от Бога, и все, что делаешь хорошего, – это от Бога; чем меньше будешь полагаться на свои силы (прося у Бога помощи), тем лучше. Христианский идеал – совершенный отказ от самого себя. Вручить себя, свою жизнь, всякое свое дело, каждую свою минуту Богу. Не мы делаем, а Бог через нас делает – вот христианское осознание, выше какого нет».

Как пишет еп. Герман:

«Смирeнный ни с кем себя не сравнивает, всех видит лучше себя и ближе к Богу, себя же в некоторых отношениях считает хуже демонов».

Глава 24. Смирeннoмудрие и пути к приобретению смирения

Придите.... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем. Мф. 11, 28–29

Придите.... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем.

В писаниях святых отцов кроме слова «смирение» встречается также слово «смиреномудрие». Есть ли между ними разница?

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Смиреномудрие есть образ мыслей, заимствованный всецело из Евангелия, от Христа. Смирение есть сердечное чувство, есть залог сердечный, соответствующий смиреномудрию. По мере упражнения в смиреномудрии, душа приобретает смирение, потому что состояние сердца всегда зависит от мыслей, усвоившихся уму».

Отсюда будем считать, что «смиреномудрием» называют начальную стадию смирения – мудрость в том, чтобы искать смирения, состояние души, стремящейся к смирению, но еще не получившей его в полной мере как дар от Господа. Тот, кто хочет получить дар смирения, должен во всем подражать смиренным по закону от «внешнего к внутреннему». Тогда, при непрестанных и усиленных трудах, в смиреномудром будет возрастать и добродетель смирения.

Итак, христианину, чтобы приобрести смирение, надо понуждать себя к смирению в мыслях и чувствах, к самоуничижению в действиях и к постоянной памяти о совершенных им в жизни грехах.

Необходимо начать с прохождения известной школы, как это нужно, например, для развития музыкального или художественного таланта или приобретения навыка в каком-либо искусстве или ремесле.

Тщательную заботу о развитии смирения среди своих братьев проявляют духовно благоустроенные монастыри. Обычными средствами для развития смирения там являются следующие.

Вновь поступающим инокам вначале поручается наименее почетная, часто грязная, черная работа. Затем их приучают безропотно переносить публичные обличения и оскорбления, хотя бы они ни в чем не были виноваты. И если в новоприбывшем можно заметить склонность ценить себя по

причине какого-либо дарования, то стараются с корнем вытравить его самомнение.

Вот как, например, испытывалось и насаждалось смирение св. Иоанна Дамаскина, знаменитого творца церковных песнопений.

Первый вельможа Дамаска Иоанн пришел в обитель Саввы Освященного с просьбой принять его в иноки, когда по всему православному миру гремела о нем слава. О нем говорили как о ревностном защитнике Православия, получившем от Богоматери чудесное исцеление своей отрубленной руки, писавшей обличения иконоборцев.

Дар писателя и песнопевца был велик у Иоанна. Но иноки-старцы не этот дар хотели видеть во вновь пришедшем к ним брате. Они хотели видеть в нем прежде всего спасительное для всех смирение. Поэтому были закрыты уста песнотворца со строгим запрещением: ничего не творить. Вероятно, это испытание для Иоанна было наиболее трудным из всех, которые можно было придумать.

Однако Иоанн смирился и стал незаметным иноком обители. Много лет были закрыты уста Иоанна. Вот один из тех уроков, которые вели его к смирению.

Послушанием Иоанна было плетение корзин. Его старец велит ему взять корзины, снести в Дамаск и там продать их по цене, которая значительно превышала обычную. И вот соправитель дамасского князя стоит в убогом рубище на дамасской площади и продает корзины. Но все, кто хочет купить их, справившись о цене, смеются над Иоанном.

Так долго стоял Иоанн под насмешками толпы, не смея нарушить приказания старца и сбавить цену, пока Господь Сам не послал избавление рабу Своему. Один из старых слуг Иоанна узнает его и, желая избавить его от насмешек и поношения толпы, покупает все корзины по назначенной цене.

Затем Иоанн тяжело провинился перед своим старцем. Один из братьев попросил его облегчить его скорбь об умершем родном брате и сложить для него умилительную надгробную песнь. Так появился ряд погребальных песнопений, которые и ныне поются в церкви. Узнав об ослушании Иоанна, старец

сильно разгневался, отлучил его от общения с собой и выгнал из келии.

В горе ищет Иоанн заступничество у отцов лавры. На просьбы последних сжалиться над Иоанном, старец налагает на него епитимью – очистить все смрадные места лавры. Ужаснулись отцы суровости наказания и не смеют передать о нем Иоанну: как рука Иоанна, исцеленная Богоматерью и слагающая божественные песнопения, будет выполнять такую грязную работу?

Но Иоанн упрашивает их сказать ему решение старца. Когда Иоанн узнал о нем, то, к удивлению старцев, весьма возрадовался и немедленно пошел выполнять приказание старца.

Узнав о смирении ученика, старец прощает Иоанна. После этого по повелению Богоматери, явившейся старцу в видении, открываются уста Иоанна, и остаток своих дней он посвящает творчеству церковных песнопений и духовных сочинений.

Здесь уместно вспомнить, что, по свидетельству игумена Антония Оптинского, преодолению его гордости и исправлению характера много способствовали послушания – очищение отхожих мест и собирание навоза по дорогам для удобрения огородов.

Вот еще рассказ св. Иоанна Лествичника о том, как старцы насаждали смирение в тех, кто в миру был сильно подвержен гордости.

Рука Господня касается сердца градоправителя Александрии – жестокого и надменного Исидора. Исидор идет в монастырь с просьбой принять его в иноки. Игумен, зная гордость Исидора, назначает ему суровое и тяжелое послушание: быть привратником, стоять у ворот обители, кланяться в землю каждому входящему и выходящему из обители и говорить: «Помолись о мне, отец, я в падучей болезни».

Исидор принимает послушание и за семь лет достигает полного смирения и очищения души.

Вот как рассказывает сам Исидор о постепенном размягчении его сердца и развитии смирения:

«Вначале я рассуждал, что продан за грехи мои, и потому со всей горестью, с принуждением, как бы с пролитием крови делал поклон. По прошествии же года сердце мое не чувствовало уже скорби, ожидая от Самого Бога награды за терпение. А когда минул еще один год, тогда уже с сердечным чувством стал я почитать себя недостойным и пребывания в обители, и лицезрения отцов, и встречи с ними, и причащения Святых Таин и не смел смотреть в лицо кому-либо... И тогда уже искренно испрашивал молитв у входящих и выходящих».

Как развить в себе смирение, живя в миру, где нет таких школ, как монастыри, насаждающие смирение, и где последнее совсем не пользуется таким уважением, как в монастырях? Господь призвал нас учиться смирению у Него Самого: «Придите... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 28–29).

Господь указал нам следующий путь ко смирению: «Когда ты будешь позван кем на брак, не садись на первое место, чтобы не случился кто из званых им почетнее тебя, и звавший тебя и его, подойдя, не сказал бы тебе: уступи ему место; и тогда со стыдом должен будешь занять последнее место. Но когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: друг! пересядь выше; тогда будет тебе честь пред сидящими с тобою, ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 14, 8–11).

Итак, Господь заповедовал нам смирать себя во всех случаях жизни и перед всяким человеком – всякого почитать высшим себя.

Если даже мы видим кого-либо из ближних в чем-либо недостаточным, то и тогда мы от всего сердца можем почитать его высшим себя, думая так: «Может быть, на данное ему малое число талантов он все же принесет сколько-то новых, а я на большее число ничего еще не принес».

Господь повелел нам всем быть слугою, смирая себя пред всеми (Мф. 20, 26). И Он не только говорил об этом, но и Сам подал пример этому, когда «встал с вечери, снял с Себя

верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем» (Ин. 13, 4–5).

А эту обязанность – умывать гостям ноги – на Востоке обычно исполняли самые младшие из слуг.

И если посмотреть на истинных учеников Христовых – святых и подвижников, то все они старались не допускать других служить себе, стараясь во всех домашних делах сами обслуживать себя.

Так, св. Иулиания Лазаревская, будучи женой воеводы и имея много слуг, не только не позволяла им обслуживать себя, но сама ухаживала за больными слугами. Святые вообще старались не упускать случая, когда они могли бы смирить себя и в чем-то послужить ближним, предпочитая при этом простую черную работу, которая всегда смиряет душу человека.

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн говорят:

«Люби особенно искушающих тебя: если вникнешь, то найдешь, что они-то и приводят нас к преуспеянию».

А прп. Никодим Святогорец пишет:

«Люби слушать Божественные словеса, священные песни и псалмы и все, что честно, свято, премудро и душеполезно. Но особенно же люби слушать поношения и укоры, когда кто осыпает тебя ими».

Поэтому будем бегать, бояться и отвращаться от тех, кто хвалит, льстит и почитает нас, и вместе с тем будем стараться подражать той мудрой женщине, о которой так рассказывается в житии св. Афанасия Великого.

К нему пришла одна почтенная гражданка города Александрии и обратилась со следующей просьбой. Ей хотелось бы взять на свое попечение и заботу какую-либо немощную старушку из числа тех, которые были в ведении святителя.

Св. Афанасий благословил ее благое намерение и велел смотрительнице богадельни выбрать старушку кроткого и тихого нрава.

Несколько времени спустя благотворительница снова пришла к святителю. «Довольна ли ты той старицей, которую выделили на твое попечение?» – спросил ее святитель.

«Нет, Владыко, – откровенно отвечала женщина, – я намереваюсь упокоить какую-либо старицу, а моя старица сама себя покоит».

«Ну, тогда я пришлю другую», – отвечал святитель, понявший высокие духовные запросы просительницы.

И велел он смотрительнице выбрать самую сварливую и злую старуху из своей богадельни и послать ее к женщине. Эта старуха подчас была свою благодетельницу.

«Довольна ли ты теперь своей старицей?» – вновь спросил ее св. Афанасий через некоторое время.

«Да, Владыко, очень довольна, я получаю от нее большую духовную пользу».

Будем же и мы искать тех, кто помог бы нам смирить себя и вытравлять у нас нашу гордость.

Вместе с тем будем пользоваться каждым случаем, чтобы смирить свою гордость перед людьми, когда Господу будет угодно давать нам такие случаи. Пример этого дает нам праотец Господа – царь и пророк Давид.

Когда Давид был свержен с престола и изгнан сыном Авессаломом, он встретился на пути с одним человеком из рода Саула по имени Семей. Семей стал бросать в него камни и злословить, называя «убийцей, беззаконником и кровопийцей».

Сопровождавшие царя приближенные просили разрешения у Давида убить Семейя за его оскорбления. Но Давид им ответил: «Что мне и вам, сыны Саруины? Пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида» (2Цар. 16, 10).

Так принял Давид унижение от человека, считая его как посланного ему в наказание за грех от Самого Господа.

Господь сказал в одном из Своих откровений прп. Симеону Новому Богослову:

«Ты – созданный Мною нагим, кроме произволения своего, что другое имеешь ты или имел когда-либо собственного твоего?»

Действительно – чем нам гордиться? Что мы имеем, чего не получили от Бога? Все способности, дарования, таланты, вся возможность их развития и применения – все идет от Творца и Промыслителя. Если помогаем другим, то ведь избыток

посылается нам от Бога; трудимся – но силы и крепость даются только Богом; молимся по вере, но вера опять-таки даруется Богом и т. д. (Еф. 2, 8–9).

Если бы даже что-либо и было совершено нами доброго, то мы не знаем, не погубили ли мы это доброе нашими страстями и погрешностями: дела милосердия – тщеславием и гордостью; служение ближним – их осуждением; молитву – рассеянностью и небрежностью; пост – самолюбованием и самодовольством и т. п.

Поэтому нам никогда не надо обольщаться тем, что мы сделали или делаем что-то доброе, помня слова Господа Своим ученикам: «Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк. 17, 10).

Вспомним здесь и смиренные слова божественного ап. Павла: «Я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1Кор. 15, 10). «Не верь себе, пока находишься в теле сем, – говорил Антоний Великий, – и ничего своего не считай вполне угодным Богу».

В итоге каждый христианин должен вычеркнуть из своей памяти все то, что кажется ему добрым из совершенного им в жизни и почитать себя еще ничего не достигшим. И если нужна нам надежда на спасение, чтобы не впасть в отчаяние, то эта надежда должна основываться более всего на искупительной жертве Христа, Кровию Своей омывшего грехи всего мира, и на Божиим милосердием.

Это, конечно, не исключает необходимости наших усилий, чтобы усердным исполнением Господних заповедей снискать это Божие милосердие, так нам необходимое.

Всем талантливым, способным, сильным и богатым надо не столько гордиться, сколько страшиться ответа перед Богом за надлежащее использование данных и многих талантов – ведь «от всякого, кому дано много, много и потребуется» (Лк. 12, 48).

Архиепископ Антоний (Храповицкий) пишет:

«Насколько христианин просвещеннее в духовной жизни, настолько глубже и яснее сознает свою собственную греховную слабость».

Для приобретения смирения надо также помнить о грехах своих, совершенных в течение всей своей жизни.

Смирению способствует и память смертная. Оно приобретается также подвигами уничижения себя перед другими, как, например, первым делать поклон при встрече, уступать всем без спроса; молчаливо терпеть обиды и замечания; первым просить прощения, быть скромным и во всем обиходе жизни безропотно терпеть скорби и, как говорит старец Силуан, «считать себя хуже всех».

Смирение в мыслях и перед людьми часто несет христианину и благодатное внутреннее утешение.

Вот как пишет об этом еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Однажды ставил я блюдо с пищею на последний стол, за которым сидели послушники, и мыслю говорил: «Примите от меня, рабы Божии, это убогое служение». Внезапно в грудь мою впало такое утешение, что я даже пошатнулся; утешение продолжалось многие дни, около месяца. Другой раз случилось зайти в просфорню; не знаю с чего, по какому-то влечению, я поклонился братиям, трудившимся в просфорне, очень низко – и внезапно так воздействовала во мне молитва, что я поспешил уйти в келию и лег на постель по причине слабости, произведенной во всем теле молитвенным действием».

При оскорблениях не надо повторять в памяти и помнить оскорбительных и резких слов. При неприязни к кому-либо надо принуждать себя делать ему что-то доброе.

Одним из способов, служащих к приобретению нами смирения, является также скромность в одежде. Святые не любили и не одевали дорогих и нарядных одежд (за исключением того, когда этого требовал сан). Они помнили, что Господь не одобрял тех, кто любил носить «мягкие одежды» (Мф. 11, 8). Поэтому все они предпочитали самые простые и грубые одежды.

Про прп. Феодосия Печерского и Сергия Радонежского имеются рассказы о том, что благодаря бедности их одежд их нельзя было отличить от прочих иноков. Вновь пришедшие в монастырь простолюдины не верили тому, что видят перед

собой тех знаменитых игуменов, перед которыми преклонялись и которых высоко чтили самые великие князья.

Скромность во всем, стремление быть незаметными, скрывать свои подвиги и ничем не отличаться от окружающих являются вообще верным признаком высокой степени смирения. Вот как пишет об этом П. Иванов:

«В примерах святой жизни на первый план выдвигается не высота подвига, а то смирение праведника, с которым он совершает свое дело: незаметность, умаление себя. О многом, что делали праведники, мы не знаем, но всегда знаем, что они были людьми прячущимися, скрывающими все свои дела, убегающими от людской молвы. Напоказ они ничего не делали. И жития св. отцов составлялись случайно; только то становилось известно, что Господь как бы насильно, помимо их желания, через других людей открывал из их подвигов. Жизнь праведника никогда не была известна в подробностях. О некоторых святых мы даже не знаем ничего, кроме того, что они имели блаженную кончину».

Величайшие дела совершаются как бы «с глазу на глаз» с Богом. Человек словно не помнит того, что сделал. Встретил, положим, в большой толпе расслабленного, исцелил его и тотчас затерялся в толпе и сам потерял из памяти свое чудо.

То, чего достиг подвижник и что он может, знает один Бог, и святой страшится выдать эту свою высоту перед кем-либо. Вот что читаем в патерике – сборнике событий и изречений христианских подвижников:

«Брат пришел к келье о. Арсения и посмотрел в окно, и увидел старца как бы огненным (он молился), и когда постучал брат, вышел старец и, увидев брата, в ужасе говорит ему: долго ли ты стучался и не видел ли чего? Тот сказал: нет. И успокоился старец».

Но не только скрывают свои дела святые угодники, но еще и принимают на себя поношения как заслуженные и, если кто обвиняет их, то не оправдываются. О таких непонятных уму житейского человека поступках существует много свидетельств.

Последними особенно богаты жизнеописания святых из юродивых. Они поистине были велики в своих подвигах,

скрывая их под личиной юродства при стремлении стать ниже всех и свою духовную высоту скрыть за поношениями и бесчестиями от мира.

Поэтому одним из средств к приобретению смирения является знакомство с великими святыми. Изучение их жизни и меры их подвига не может не смирить нас, показав нам наглядно нашу собственную духовную нищету. Поэтому духовное чтение есть одно из средств развития в нас смирения – основы добродетелей.

Одна праведница советовала еще так:

«Просись (в молитве) к Богу лишь на черную работу, а Бог уж распорядится».

Поэтому пособиями к приобретению смирения является, по указанию прп. Исаака Сириянина, «охотно принимать на себя дела самые последние и уничижающие, не быть непослушным, сохранять молчание, не любить ходить в собрания, желать оставаться неизвестным и ни во что не избираемым, не удерживать никакой вещи в полном собственном распоряжении, ненавидеть беседу с многими лицами... не быть таким человеком, которого руки были бы на всех, а на котором были бы руки всех».

В некоторых католических монастырях есть такой обычай: когда инок, пройдя известный курс духовных занятий, оставляет группу братьев, в которую был включен для духовного обучения, то каждый из братьев обязан указать ему все недостатки, которые он замечал в нем. О. Александр Ельчанинов дает и такие советы:

«Самое радикальное средство от гордости – быть в послушании (родителям, друзьям, отцу духовному). Принуждать себя выслушивать и быть внимательным к чужому мнению. Не торопиться верить в истинность открытых тобою мыслей. Не умеющим видеть свои грехи рекомендуется обращать внимание, какие грехи видят в них близкие люди, в чем упрекают. Почти всегда это будет верное указание на наши действительные недостатки».

Не будем же нерадивы и мы в старании получить благодать смирения. Оно необходимо нам прежде всего. Путь к нему

нелегко при обычном наличии в нас гордости и тщеславия.

Для получения дара смирения необходимо, как говорилось уже выше, прежде всего терпеливое несение укоризны и обличений, и что еще лучше – перенесение досаждений, поношений, насмешек, брани. Тех людей, кто так относится к нам, будем считать нашими благодетелями и, подражая св. Андрею юродивому, будем молиться за них, чтобы Господь не вменил им в грех поношений и досаждений нам; ведь через последнее будет очищаться и наша душа от ржавчины на ней – гордости и тщеславия.

Как пишет прп. Петр Дамаскин:

«В смиренномудрии, когда кто бывает оскорблен, порицает и обвиняет только себя самого, а не другого кого-либо, и поэтому терпит». Вместе с тем надо помнить, что, как говорит прп. Иоанн Лествичник, «отвергающий обличение обнаруживает страсть гордости».

Идя этим «узким» путем вслед за Христом, мы можем надеяться получить одну из самых драгоценных жемчужин ожерелья добродетелей – красот души: благодать святого смирения. А со смирением в сердце наше войдет и Дух Святой со всеми плодами Своего пребывания – «любовью, радостью, миром» (Гал. 5, 22) и всеми другими добродетелями.

Глава 25. Смирение святых

Измельитесь в жерновах смирения, да будете Богу, как хлеб сладкий. Прп. Евфросиния

Измельитесь в жерновах смирения, да будете Богу, как хлеб сладкий.

Как пишет прп. Макарий Великий:

«Душа истинно боголюбивая и христоролюбивая хотя бы совершила тысячи праведных дел, по ненасытному стремлению своему ко Господу думает о себе, будто бы она ничего не сделала; хотя бы изнурила свое тело постами и бдениями, при таких остается чувствованиях, будто бы и не начинала еще трудиться для добродетелей; хотя бы сподобилась достигнуть различных духовных дарований или откровений и небесных тайн, по безмерной и ненасытной

любви своей ко Господу сама в себе находит, будто бы ничего еще не приобрела, а напротив того, ежедневно алкая и жаждая, с верою и любовью пребывая в молитве, не может насытиться благодатными тайнами и благоустроением себя ко всякой добродетели. Она уязвлена любовью небесного Духа, при помощи благодати непрестанно возбуждает в себе пламенное стремление к Небесному Жениху, вожделевает совершенно сподобиться таинственного и неизреченного общения с Ним в святыне Духа. И, будучи драгоценными перед Богом, не таковы они сами по себе: при своем преуспейании и ведении Бога признают себя сами как ничего не знающими и, богатые перед Богом, сами для себя кажутся бедными. Если же увидишь, что кто-нибудь превозносится и надмевается тем, что он причастник благодати, то хотя бы и знамения творил он и мертвых воскрешал, но если не признает души своей бесчестною и униженною и себя нищим по духу и мерзким, скрадывается он злобою и сам не знает того. Если и знамения творит он, не должно ему верить, потому что признак христианства и того, кто благоискусен перед Богом, – стараться таить сие от людей, и если имеет у себя все сокровища царя – скрывает их и говорит: «Не мое это сокровище, другой положил его у меня, а я – нищий; когда положивший захочет, возьмет у меня». Если же кто говорит: «Богат я, довольно с меня и того, что приобрел, больше не надо», – то таковой не христианин, а сосуд прелести и диавола. Ибо наслаждение Богом ненасыσιμο, и в какой мере вкушает и причащается кто, в такой делается более алчущим. Такие люди имеют горячность и неудержимую любовь к Богу; чем более стараются они преуспевать и приобретать, тем более признают себя нищими, как во всем скудных и ничего не приобретших. Они говорят: «Недостойн я, чтобы солнце озаряло меня». Это признак христианства – это смирение».

О том же пишет прп. Исаак Сириянин:

«Совершенно же смирен тот, кто не имеет нужды мудрствованием своим изобретать способы быть смиренным, но во всем этом совершенно и естественно

имеет смирение без труда; хотя принял он в себе некое дарование великое и превышающее всю тварь и природу, но на себя смотрит как на грешника, на человека, ничего не знающего и презренного в собственных своих глазах. И хотя вошел он в тайны всех духовных существ и во всей полноте совершен стал в мудрости всей твари, сам себя признает ничего не знающим. Этот не ухищренно, но без принуждения таков в сердце своем. Истинно смирен тот, кто имеет в сокровенности нечто достойное гордости, но не гордится и в помысле своем вменяет это в прах».

Действительно, все святые ни во что не вменяли все совершенные ими подвиги. Чем чище становилось на сердце, тем более они возрастали в смирении. Для мирских людей это правило (чем святее, тем смиреннее) является парадоксом: как можно возрастать в смирении, если человек видит себя преуспевающим в добродетелях?

Наглядное объяснение этому находится у прп. аввы Дорофея в рассказе о его беседах со знатным гражданином из города Газы, не понимавшим упомянутого выше парадокса.

Авва спросил его: «За кого ты считаешь себя в своем городе?» Гражданин ответил: «За первого в городе». – «А если пойдешь в Кесарию, за кого будешь считать себя там?» – «За последнего из тамошних вельмож. – «Если ты придешь в Антиохию, за кого ты будешь там себя считать?» – продолжал спрашивать авва Дорофей.

«Там, – ответил гражданин, – буду считать себя за одного из простолюдинов.

«Если же ты придешь в Константинополь и явишься в царский дворец, за кого ты тогда станешь считать себя?»

«Почти за нищего», – отвечал озадаченный провинциал.

«Вот так и святые, – пояснил ему авва Дорофей, – чем больше они приближаются к Богу, тем более видят себя грешными».

Отсюда: чем чище становится сердце, чем яснее внутреннее око, тем лучше видит человек свою склонность ко греху, лукавство, небрежность и нерадение, недостаточность в добродетелях любви, свое бессилие и ничтожность – видит

малейшую нечистоту на одеянии души. Пылинка малейшего несовершенства делается в глазах святых величиной с гору.

Вот почему святость связана с нищетой духа и смирением. Вот почему пророк Исаия говорит: «Вся праведность наша – как запачканная одежда» (Ис. 64, 6), а ветхозаветный патриарх Авраам и за ним прп. Серафим называли себя «прахом и пеплом» (Быт. 18, 27). Вот почему царь, пророк и псалмопевец Давид говорил про себя: «Я же червь, а не человек, поношение у людей» (Пс. 21, 7). А прп. Варсонофий Великий называл себя «чадом преступления Адамова».

«Только тот и знает себя наилучшим образом, кто думает о себе, что он ничто», – говорит св. Иоанн Златоуст.

Когда же святые слышали похвалу, они отвергались от нее, говоря: «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей» (Пс. 113, 9).

Антоний Великий был послан Богом к александрийскому сапожнику учиться смирению. От сапожника он научился помышлять: «Все спасутся, один я погибну».

Один из глубочайших восточно-христианских мистиков св. Симеон Новый Богослов (986–1043) пишет, что в своей душе он открывает такую бездну греховности, что остается в нем лишь чувство удивления перед тем, что земля еще может носить на себе такого грешника и не разверзнется, чтобы поглотить его («Божественные гимны»).

Другой из святых, думая так же, молился, чтобы Бог не наказывал тех деревень, где он проходил.

А св. Мартин приписывал своим грехам все народные бедствия, которые происходили в его время.

Для святых уже тень греха кажется чудовищной и самое малое небрежение – преступлением. Вот секрет обилия слез у святых и оплакивания своих грехов, их чрезмерных покаянных трудов и именования себя грешниками, недостойными жить на земле.

В истории Христовой Церкви можно найти большое количество примеров совершенного смирения.

Прп. Серафим еще в конце своей жизни так смиренно держал себя с посетителями, что целовал их руки и многим

кланялся при приветствии в ноги. Прп. Герасим Болдинский за управляемых им иноков молот рожь ручными жерновами, мыл их свитки, прислуживал им в болезнях.

Прп. Ефрем Перекопский во время отдыха братии носил воду, колот дрова, молот рожь.

Прп. Тихон Луховской, едва передвигавший ноги от болезни желудка, не переставал впрягаться в соху.

Римский папа Григорий Двоеслов Великий, по смирению, имел обыкновение при встрече с епископами и пресвитерами кланяться им в ноги, так что те избегали встречаться с ним на улице.

Св. Иоанн Милостивый, Патриарх Александрийский, перед богослужением падал в ноги перед обиженными клириками, испрашивая у них себе прощение.

Валаамский духовник иеромонах Евфимий приветствовал каждого мирского посетителя и всякого послушника земным поклоном.

Иеромонах Анатолий Оптинский наставления старца Амвросия выслушивал всегда на коленях.

Иеромонах Василий из Белобережской пустыни отвечал на хулы, оплевания и клеветы земными поклонами обидчикам.

Глинский старец о. Феодор Левченко с незлобием переносил побои веревкой, ногой или руками от монастырского повара.

Некогда прп. Арсений Великий пришел из царского дворца к египетским пустынноикам и просил принять его в иноки. Тогда он был испытан прп. Иоанном Коловым следующим образом.

Когда Арсений пришел первый раз за трапезу, никто не пригласил его садиться: братия вкушали пищу, а Арсений стоял, опустив голову вниз.

Тогда прп. Иоанн, испытывая до конца смирение Арсения, взял один из сухарей, и бросив его Арсению, сказал: «Ешь, если хочешь». Прп. Арсений подумал про себя так: «Этот старец – ангел Божий и прозорливец, потому что он знает, что я хуже пса, поэтому и сухарь бросил он мне, как псу. По той же причине и я должен съесть его, как пес». Наклонившись до земли, он пошел к сухарю на четвереньках, как четвероногое животное, взял его

прямо ртом, затем отошел с ним в угол и там его съел, лежа на земле.

Видя это, Иоанн уверенно сказал про Арсения: «Он будет великим подвижником».

Когда умирал египетский подвижник Сисой Великий, он сказал: «Вот ангелы пришли взять меня, и прошу, чтобы позволили мне покаяться немного».

Говорят ему старцы: «Не имеешь ты нужды каяться, отче». Он же сказал: «Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаяния».

Преподобный Макарий Великий, проходя воздушные пространства, не переставал смирять себя. Когда уже издали кричали ему бесы, что он избежал их, он ответил, что еще не избежал. Так отвечал он потому, что привык держать ум свой во аде и тем действительно избежал бесов.

А вот один из примеров смирения святых. Одного старца спросили: «Кто суть козлица в Евангелии, а кто – агнцы?» Старец сказал: «Козлица – это я, агнцев знает Бог».

Наибольшую ревность к приобретению смирения проявляли из святых юродивые и блаженные. Для этого они решительно порывали с гордостью и тщеславием и путем юродства вызывали к себе презрение мира, насмешки, поношения и побои.

Мир издевался над ними, а они радовались тому, получая то, к чему стремились, чего искали – святое смирение. Через свое высокое смирение они восходили на высоту добродетели, делаясь своими Богу.

К первой старице дивеевской блаженной Пелагее Ивановне, преемнице прп. Серафима по духовному окормлению дивеевских инокинь, первое время была приставлена очень суровая послушница – Матрена Васильевна. Очень беспокойно вела себя блаженная первые годы жительства в Дивееве: безумствовала, бегала по монастырю, бросала камни, била стекла в кельях и т. п. За все это время Матрена била блаженную так сильно, что в конце концов сестры Дивеевского монастыря не вытерпели и упросили игумению о том, чтобы блаженная была взята от Матрены.

К Пелагее Ивановне приставили добрую девушку Варвару. Не возлюбилась блаженной добрая и кроткая Варвара, и Пелагея Ивановна уже сама стала бить ее, всячески старалась отделаться от нее и прогоняла ее от себя, пока не добила ее удаления.

Почему так отнеслась блаженная к кроткой Варваре? Потому что в лице суровой Матрены потеряла ту, кто смирял ее и этим открывал ей путь к Царствию Небесному. Кроткая же Варвара лишала ее подвига смирения.

Этот пример из жизни Пелагеи Ивановны очень поучителен для нас. И нам, когда мы видим от ближних почитание себе, ублажение нас, потворствование нашим слабостям и духовным немощам, не следует радоваться этому. Все это бесполезно для нас.

Для нас полезнее, когда нас учат, обличают, вразумляют и бранят нас. И будем почитать как благодетелей людей, которые так относятся к нам.

Глава 26. Кротость

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Мф. 5, 5

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

В нетленной красоте кроткого и молчаливого духа. 1Пет. 3, 4

В нетленной красоте кроткого и молчаливого духа.

Смирение, о котором говорилось выше, тесно связано с кротостью.

Вот как определяет ее сущность прп. Исаак Сириянин:

«За смирением следует кротость и собранность себя, т. е. целомудрие чувств, соразмерность голоса, немногословие, бедная одежда, скромная походка, наклонение очей вниз, сердце сокрушенное, неспособность к раздражению, бедность, скромные потребности, перенесение лишений, безбоязненность, бесстрашие перед смертью, терпение в искушениях, серьезность в мыслях, хранение тайн, стыдливость, благоговение и всегдашнее почитание себя ничтожеством».

Как видно из этого определения, понятие «кротость» трудно отделить от понятия «смирение», поскольку признаки их в

значительной мере совпадают.

Как говорит прп. Иоанн Лествичник (слово 24):

«Кротость есть такое состояние ума, когда он непоколебим пребывает и в чести, и в бесчестии. Кротость есть недвижимая скала, возвышающаяся над морем раздражительности... вместилище Духа Святого, подательница радости, подражание Христу... Кротость есть спокойная решимость на всякую скорбь и даже на смерть».

Отсюда можно полагать, что для кротости особенно характерно наличие в человеке смирения и покорности воле Божией. Оптинский старец о. Макарий объясняет происхождение слова «кротость» от «короткости». Кроток тот, кто в смирении укоротил свою волю – отказался от нее, заменив ее волей Божией и волей ближних.

Поэтому кроткий человек ни с кем не спорит и охотно и с любовью выполняет все просьбы окружающих, если только они не противоречат его совести.

Как пишет Московский митрополит Филарет:

«На порицание лучше отвечать кротостью, нежели порицанием. Чистой водою надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь».

Кротость есть украшение человеческого характера. Ап. Петр говорит христианским женщинам: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1Пет. 3, 3–4). Христос – символ абсолютной красоты души. Поэтому и Он обладал кротостью, хотя Ему как Богу более подобало бы властвовать людьми, и наряду со смирением Он велит учиться у Него и кротости (Мф. 11, 29).

Как пишет еп. Герман:

«Кроткое терпение чужих грехов хотя самое трудное дело, но зато и самое прибыльное (для души) и верное».

И все святые неизменно проявляли кротость к людям. В обращении с людьми они, как и Христос, не проявляли ни малейшего оттенка духовного насилия. Они бережно относились к свободе воли человека и не хотели переламявать

ее даже тогда, когда это было бы полезно для человека. Они ждали свободного доброго произволения сердца человеческого, что только и ценно в очах Бога («Милости хочу, а не жертвы») (Мф. 9, 13).

В кротости – вся глубина разницы в управлении мира Богом (через Господа Иисуса Христа) и мирскими властями.

Последние властвуют и силой заставляют подчиниться себе. Господь ждет добровольного, любовного подчинения Себе воли человеческой, проявляя долготерпение и кротость, которая характеризуется нежностью в обращении с человеческой волей без малейшего оттенка принуждения.

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Бог бережет свободу человека как самое драгоценное начало в нем. Следуя за Христом, и святые, обладая силою, достаточною для господствования над людьми, над массами, идут обратным путем: они себя поработщают брату и через то приобретают себе такую любовь, которая по самой сущности своей нетленна. На этом пути они одерживают победу, которая пребудет во веки, тогда как победа силою никогда не бывает прочна и по роду своему является не столько славой, сколько позором человечества».

О том же пишет так и о. Александр Ельчанинов:

«Люди чисто практически не заметили до сих пор, что враждой и злом никогда еще ничего достигнуто не было, а кротость и незлобие всегда достигают всего. Я говорю, конечно, о достижениях в области моральной и духовной, но уверен, что это также самый верный путь и в области обыденной жизни».

Противоположная кротости черта характера – сварливость – является, очевидно, тяжелым пороком души и ведет к гибели ее, по словам ап. Иакова: «Ибо где зависть и сварливость, там неустройство и все худое» (Иак. 3, 16).

Св. Иоанн Лествичник дает такое всеобъемлющее определение сущности значения в человеке кротости:

«Кротость есть такое состояние души, когда она неколебимой пребывает и в чести, и в бесчестии. Кротость есть недвижная скала, возвышающаяся над морем

раздражительности... утверждение терпения; дверь и даже мать любви; дерзновение в молитве, вместилище Духа Святого, узда неистовству, подательница радости, подражание Христу».

Глава 27. Смиреннословие

Смиренномудрый не должен высказывать свое смирение на словах. Прп. Варсонофий Великий

Смиренномудрый не должен высказывать свое смирение на словах.

Кроме драгоценного бриллианта (из алмаза) бывают подделки его из стекла, ничего не стоящие по сравнению с настоящим бриллиантом. Неопытному глазу не отличить поддельный бриллиант от настоящего.

Так кроме истинного смирения бывает и поддельное, напускное смирение.

Так, прп. Симеон Новый Богослов предупреждает нас:

«Есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености. Истинное смирение не выказывает себя и не говорит смиренных слов, и не только прячет все свои добродетели, но хочет вообще никак не выказывать себя и не говорить о себе».

Как говорит прп. Варсонофий Великий:

«Смиренномудрый не должен высказывать свое смирение на словах; смирение на словах есть порождение гордости и беспорядочно рождает через них мать свою – тщеславие».

Игнатий (Брянчанинов) пишет:

«Господь заповедал совершать все добродетели втайне (Мф. 6, 1–18), а смиреннословие есть вынаружение смирения напоказ человекам. Оно – притворство, обман, во-первых, себя, потом других, потому что утаение своих добродетелей составляет одно из свойств смирения, а смиреннословием и смиреннообразием это-то утаение и уничтожается».

«Находясь между братиею своею, – говорит св. Иоанн Лествичник, – наблюдай за собою, чтобы тебе никак не выказаться в чем-нибудь праведнее их. В противном случае

сделаешь двойное зло: братий уязвишь твоим лицемерством и притворством, в себе же непременно зародишь самомнение».

Напускное и мнимое смирение старец Макарий Оптинский называл «кошачьим» смирением.

При таком устроении духа люди действительно уподобляются кошке: пока ее гладят по шерстке, она довольна, ласкается, мурлычет. Но стоит только погладить ее против шерстки, как она сейчас же оцетинится и зафыркает. Так и люди, обладающие мнимым смирением, не выносят обличений и указаний на их недостатки: они будут оправдываться, спорить, раздражаться и сердиться и охладят по отношению к своим обличителям.

Поэтому от истинного смирения надо хорошо отличать «смиреннословие» – склонность выказывать свое смирение в словах самоуничижения.

К смиреннословию прибегают и некоторые из тех христиан, которые искренно ищут своего самоуничижения. Но проявление в словах своего смирения является ли доказательством действительного наличия нищеты духа?

Смиреннословие всегда может показаться только притворством и рисовкой своей добродетели смирения. Но если даже действительно за словами есть истинное смирение, то хорошо ли хвалиться и напоказ выставять свою добродетель? Если нельзя хвалиться своей красотой, талантами или добрыми делами, то можно ли хвалиться наличием смирения?

Итак, в обоих случаях смиреннословие предосудительно в устах христианина, и его обычно не слышно из уст воистину смиренных христиан.

Чтобы избегать смиреннословия, святые отцы рекомендуют христианам молчать и при похвалах: возражение и в этом случае будет только смиреннословием.

И если мы действительно смиренны, нищи духом и считаем себя за ничто (т. е. за ничтожество), то это мы можем открывать лишь в молитвах Господу Богу: Он один знает нас совершенно. Он примет и наше самоуничижение, если оно искренно, а если оно даже не вполне соответствует действительной мере нашей нищеты духовной, то и здесь Он снизойдет к нашей немощи и

наше преувеличение в самоуничижении расценит как стремление к совершенству.

Чаще всего смиреннословие перед людьми является только рисовкой, маскирующей тщеславие. Здесь смирение бывает «паче гордости».

Один инок сильно злоупотреблял смиреннословием. Его решили исправить. Однажды, когда он сидел за трапезой, один из старших иноков сказал с резкостью: «Как ты смеешь сидеть здесь со святыми отцами?» – «Потому что я тоже святой отец», – отвечал обиженный инок, забыв свое смиреннословие.

Однако, как говорится, нет правил без исключения. Смиреннословие встречается и в псалмах Давида (Пс. 21, 7) и у ап. Павла (напр. 1Кор. 15, 9), и в творениях ряда святых отцов, включая Антония и Варсонофия Великих. Но все они действительно были смиренны и, зная, что их почитают люди как за великих, хотели показать всем примеры смирения. И что было уместно у великих, то не к лицу рядовым христианам, которым надо соблюдать незаметность, скромность, молчаливость и отнюдь не выставлять на вид свое показное смирение.

Глава 28. Отсутствие смирения – гордость

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Иак. 4, 6.

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

Насколько приятно Богу смирение в человеке, настолько неприятен Ему порок, противоположный смирению, – гордость, самая страшная душевная болезнь человечества, необычайно трудная для излечения.

Гордость – это семя сатаны, это самый глубокий из корней греха, бич человечества, оторвавший людей от Бога и погрузивший мир в неисчислимые беды и страдания и породивший безумие безбожия и самообожения.

Как пишет прп. Антоний Великий:

«Все грехи мерзки пред Богом, но всех мерзостнее – гордость сердца».

О губительном действии гордости так пишет и схииархимандрит Софроний:

«Враг пал гордостью. Гордость – начало греха, в ней заключены все виды зла: тщеславие, славолюбие, властолюбие, холодность, жестокость, безразличие к страданиям ближнего, мечтательность ума; усиленное действие воображения, демоническое выражение глаз, демонический характер всего облика; мрачность, тоска, отчаяние, ненависть, зависть, приниженность; у многих срыв в плотскую похоть, томительное внутреннее беспокойство, боязнь смерти или, наоборот, искание покончить жизнь и, наконец, что нередко, – сумасшествие. Это все признаки демонической духовности, но доколе они не проявляются ярко, для многих остаются незамеченными».

Благо тем, кто может понять и прочувствовать это. Как говорил о. Иоанн С:

«Когда придет тебе в голову безрассудная мысль – сосчитать какие-либо добрые дела свои, тотчас же поправься в этой ошибке и скорее считай свои грехи, свои непрерывные бесчисленные оскорбления Всеблагого и Праведного Владыки и найдешь, что их у тебя – как песка морского, а добродетелей сравнительно с ними все равно что нет».

Надо вспомнить, что прп. Марк Фраческий был задержан на мытарствах на один час за то, что, умирая, вспомнил свои добрые дела и подвиги.

Господь хочет, чтобы избранные Им были совершенно чужды гордости.

«Вместе с тем гордость нелегко распознать в себе, – пишет старец Силуан, – но гордого Господь оставляет помучиться своим бессилием до тех пор, пока не смирится».

Для этого, как говорит прп. Антоний Великий, «Господь так ведет нас внутренне, что скрывает от нас наше добро, чтобы удержать в смиренных о себе чувствах».

Вместе с тем Своим избранным Он посылает испытания, чтобы искоренить у них следы гордости.

Так был испытан тот же Симеон Столпник: сатана в виде светлого ангела приблизился к его столпу на огненной

колеснице и сказал: «Симеон, Господь послал меня к тебе, чтобы я взял тебя, подобно Илии, на небо, ибо ты достиг такой чести за святость жития твоего, и пришел уже час принять тебе венец похвалы от руки Господней...»

Не распознал святой сразу вражеского прельщения и сказал: «Господи, меня ли грешника хочешь взять на небо?» И поднял Симеон правую ногу, чтобы ступить на колесницу, но вместе с тем осенил себя крестным знаменiem. Исчез от последнего сатана вместе с колесницею, а прп. Симеон казнил себя потом в течение года, стоя на одной и той же ноге, которую поднял.

Господь иногда попускает для Своих рабов искушение хульными мыслями, если видит их впадающими в гордость.

Даже падения и такие тяжкие грехи, как например пьянство, попускаются Господом (отнимающим в этих случаях защищающую людей благодать), лишь бы избавить людей от самого тяжелого порока – гордости.

Оптинские старцы говорили поэтому, что «лучше смиренный грешник, чем гордый праведник» (т. е. лучше быть смиренным при видимости некоторого несовершенства, чем иметь гордость при внешнем наличии добрых дел или подвигов, совершаемых по тщеславию).

Полнота нищеты духовной нужна всем христианам и даже великим подвижникам. И в тех случаях, когда подвижники, достигшие уже полноты совершенства и имевшие дары чудотворения, теряли эту нищету духовную и в них зарождалась гордость, то с нею они теряли и осенявшую их благодать. От этого они затем иногда впадали в величайшие грехи.

Характерным примером этого является житие св. Иакова Постника (память 4 марта). Святой жил в пустыне с юношества 50 лет и был уже прославлен тем, что совершал многие исцеления и изгонял бесов. Но когда Бог усмотрел в его сердце превозношение, то отступил от него Своею благодатью. Тогда по козням лукавого он впал в тяжкие грехи.

Однако диавол не смог до конца возобладать Иаковом и привести его в отчаяние: святой заключил себя на остаток дней своих в мрачную, наполненную костями пещеру. Через десять

лет новых подвигов Господь не только простил Иакову его тяжкие грехи, но и вернул ему и все дары чудотворения.

И всегда, когда христианин увидит себя впавшим в грех, который был ранее чужд ему, то он должен, по мнению св. отцов, искать причиной тому впадение в гордость.

Характерным признаком гордости является наличие в человеке мнительности, осуждения других, трудность просить прощения и в особенности неспособность сносить обличения, вразумления, обиды и досаждения. О последнем так пишет прп. Симеон Новый Богослов:

«Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болеет от этого сердцем, о том человеке ведомо да будет, что он носит древнего змия (гордость) в недрах своих. Если он станет молча переносить обиды, то сделает змия этого немощным и расслабленным. А если будет противоречить с гордостью и говорить с дерзостью, то придаст силы змию излить яд в сердце его и немилосердно пожирать внутренности его».

Как зарождается и как развивается в человеке гордость, об этом так говорит архимандрит Борис К.:

«Прп. авва Дорофей говорит, что начальная стадия гордости заключается в том, что человек начинает закрывать глаза на свои недостатки. У каждого из нас есть какие-нибудь недостатки. Мы бесконечно виноваты не только перед Богом, но и друг перед другом. Человек начинает как бы умалять свою вину или отрицать, а свои способности и добродетели начинает переоценивать, и таким путем в своих глазах возрастает. А ближнего начинает осуждать, а потом презирать и гнушаться им... Если человек закоснеет в таком состоянии гордости, то гордость переходит в более высокую стадию, и человек начинает свои способности и добродетели приписывать себе. Он начинает думать, что Бог ему не нужен, что он своими силами может устроить свою жизнь и может приобрести все для него нужное. Эти мысли подобны тем, которые зародились у того ангела, который стал дьяволом. Человек, который заразился этими мыслями, перестает молиться. Если он и молится, то

неискренно, без сокрушенного сердца. Если человек думает, что он не зависит от Бога, то это уже признак безумия...»

Итак, отсутствие нищеты духовной и смирения ведет к порокам самомнения и гордости. При наличии последних человек крайне переоценивает свои знания, опыт, способности и душевные качества и не считает более нужным учиться у других и быть в послушании у старца или духовного отца.

Одним из тяжелых последствий наличия гордости является «прелесть», т. е. всецелое подчинение человека внушениям лукавого духа. Многочисленные рассказы об этом имеются в житиях святых и подвижников благочестия.

Как распознать в себе гордость? На этот вопрос так отвечает архиепископ Иаков Нижегородский:

«Чтобы познать, ощутить ее, замечай, как ты себя будешь чувствовать, когда окружающие тебя сделают что-либо не по-твоему, вопреки твоей воле. Если в тебе рождается прежде не мысль кротко исправить ошибку, другими допущенную, а неудовольствие и гневливость, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если и малейшие неуспехи в твоих делах тебя печаливают и наводят скуку и тяжесть, так что и мысль о Промысле Божиим, участвующем в делах наших, тебя не веселит, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если ты горяч к собственным нуждам и холоден к нуждам других, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если при виде неблагополучия других, хотя бы то врагов твоих, тебе весело, а при виде неожиданного счастья близких твоих грустно, то знай, что ты горд, и горд глубоко. Если для тебя оскорбительны и скромные замечания о твоих недостатках, а похвалы о небывалых в тебе достоинствах для тебя приятны, восхитительны, то знай, что ты горд, и горд глубоко».

Вот совет архиепископа Арсения, как бороться с гордостью:

«У тебя не должно быть сознания, что ты преуспел. Трудись, борись со грехом и больше ничего, а за твои подвиги Господь даст тебе блаженное состояние духа, когда ты будешь чувствовать мир, отраду в душе, а не сознание того, что ты преуспел».

Приложение к главе 28-й

(Выдержки из записок о. Александра Ельчанинова)

И гордость, и самолюбие, и тщеславие, сюда можно прибавить высокомерие, надменность, чванство – все это разные виды одного основного явления – «обращенности на себя», или «аутоэротизма», начало всякого греха.

Из всех этих слов наиболее твердым смыслом отличаются два: тщеславие и гордость, они, по Лествице (прп. Иоанна, игумена Синайского), «как отрок и муж, как зерно и хлеб, начало и конец».

Симптомы тщеславия, этого начального греха: нетерпение упреков, жажда похвал, искание легких путей, непрерывное ориентирование на других – что они скажут? Как это покажется? Что подумают? Тщеславие (по «Лествице») «издали видит приближающегося зрителя и гневливых делает ласковыми, легкомысленных – серьезными, рассеянных – сосредоточенными, обжорливых – воздержанными» и т. д.

«Бес тщеславия радуется, – говорит прп. Иоанн Лествичник, – видя умножение наших добродетелей: чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия. Когда я храню пост, я тщеславлюсь. Когда же для утаения подвига моего скрываю это – тщеславлюсь о своем благоразумии. Если я красиво одеваюсь, я тщеславлюсь, и переодевшись в худую одежду, тщеславлюсь еще больше. Говорить ли стану – тщеславию обладаю, соблюдаю молчание – паки оному предаюсь. Куда сие терние ни поверни, все станет оно вверх своими спицами...»

Усилившееся тщеславие рождает гордость. Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи, «демонская твердыня». Она – медная стена между нами и Богом (авва Пимен); она – вражда к Богу, начало всякого греха, она – во всяком грехе. Ведь всякий грех есть вольная отдача себя своей страсти, сознательное попрание Божьего закона, дерзость против Бога, хотя «гордости подверженный как раз имеет крайнюю нужду в Боге, ибо люди спасти такого не могут» (Лествица).

Гордый глух и слеп к миру, мира он не видит, а только свое во всем отражение.

Гордость – одиночество, тьма крошечная. Гордость – отсюда самолюбие, отсюда пристрастность, неспособность самооценки, отсюда глупость. Каждый гордец глуп в своих оценках, хотя бы от природы имел гениальный разум. Но гордый обычно не видит своего греха.

«Некий разумный старец увещал на духу одного брата, чтобы тот не гордился, а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «Да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом».

Богатство материальное порабощает нас, обостряет наш эгоизм, смущает наше сердце, гнетет нас заботами, страхами, требует жертв себе, как ненасытимый демон. Не оно служит нам, а мы обычно служим ему.

Но не то же ли с богатствами здоровья, силы, молодости, красоты, таланта? Не так ли и они усиливают нашу гордость, берут в плен наше сердце, отводя его от Бога?»

Да, поистине блаженны нищие в смысле имущества – как легко им приобрести евангельскую легкость духа и свободу от земных пут; но блаженны и не имеющие здоровья и молодости (потому что «страдающие плотию перестают грешить»), блаженны некрасивые, неталантливые, неудачники: они не имеют в себе главного греха – гордости, так как им нечем гордиться...

Болезнь гордости часто начинается... от успеха, удачи, постоянного упражнения своего таланта.

Часто это так называемый «темпераментный» человек, «увлекающийся», «страстный», «талантливый». Это

своего рода извергающийся гейзер, своей непрерывной активностью мешающий и Богу, и людям подойти к нему. Он полон, поглощен, упоен собой. Он ничего не видит и не чувствует, кроме своего горения, таланта, которым наслаждается, от которого получает полное счастье и удовлетворение. Едва ли можно сделать что-нибудь с такими людьми, пока они сами не выдохнутся, пока вулкан не погаснет.

В этом опасность всякой одаренности, всякого таланта. Эти качества должны быть уравновешены полной, глубокой духовностью.

Также «неврастения», «нервность» и т. п., мне кажется, – просто виды греха, и именно греха гордости. Самый главный неврастеник – диавол.

Можно ли представить себе неврастеником человека смиренного, доброго, терпеливого? И обратно – почему неврастения выражается непременно в злобе, раздражительности, осуждении всех, кроме себя, нетерпимости, ненависти к людям, крайней чувствительности ко всему личному?

В начале гордости – только занятость собой, почти нормальная, сопровождаемая хорошим настроением, переходящим часто в легкомыслие. Человек доволен собой, часто хохочет, напевает, прищелкивает пальцами. Любит казаться оригинальным, острить, проявляет особые вкусы, капризен в еде. Охотно дает советы и вмешивается по-дружески в чужие дела. Невольно обнаруживает свой исключительный интерес к себе такими фразами (перебивая чужую речь): «Нет, что я вам расскажу», или: «Нет, я знаю лучше случай», или: «У меня обыкновенно...», или: «Я придерживаюсь правила», «Я имею привычку предпочитать» (у Тургенева).

Говоря о чужом горе, бессознательно говорят о себе: «Я так была потрясена, что до сих пор не могу прийти в себя».

Одновременно – огромная зависимость от чужого одобрения, в зависимости от которого человек то внезапно расцветает, то вянет и «скисает». Но, в общем, в этой стадии настроение остается светлым. Этот вид эгоцентризма очень свойственен юности, хотя встречается и в зрелом возрасте.

Счастье человеку, если на этой стадии встретят его серьезные заботы, особенно о других (женитьба, семья), работа, труд. Или пленит его религиозный путь, и он, привлеченный красотой духовного подвига, увидит свою нищету и убожество и возжелает благодатной помощи. Если этого не случится, болезнь развивается дальше.

Является искренняя уверенность в своем превосходстве. Часто это выражается в неудержимом многословии. Ведь что такое болтливость, как, с одной стороны, отсутствие скромности, а с другой – самоуслаждение примитивным процессом самообнаружения.

Эгоистическая природа многословия ничуть не уменьшается от того, что это многословие иногда на серьезную тему: гордый человек может толковать о смирении и молчании, прославлять пост, дебатировать вопрос, что выше: добрые дела или молитва.

Уверенность в себе скоро переходит в страсть командования; он посягает на чужую волю (не вынося ни малейшего посягания на свою). Распоряжается чужим вниманием, временем, силами, становится нагл и нахален. Свое дело – важно, чужое – пустяки. Он берется за все, во все вмешивается.

В этой стадии настроение гордого портится. В своей агрессивности он, естественно, встречает противодействие, отпор; является раздражительность, упрямство, сварливость; он убежден, что никто его не понимает, даже его духовник; столкновения с «миром» обостряются, и гордец окончательно делает выбор: «я» против людей, но еще не против Бога.

Душа становится темной и холодной, и в ней поселяются надменность, презрение, злоба, ненависть. Помрачается ум, различие добра и зла делается спутанным, т. е. оно заменяется различием «моего» и «не моего». Он выходит из всякого повиновения, невыносим во всяком обществе; его цель – вести свою линию, посрамить, поразить других.

Если он монах, то бросает монастырь, где ему все невыносимо, и ищет собственных путей. Иногда эта сила самоутверждения направлена на материальное стяжание, на карьеру, общественную и политическую деятельность, иногда, если есть талант, – на творчество, и тут гордец может иметь благодаря своему напору некоторые победы. На этой же почве создаются расколы и ереси.

Наконец на последней ступеньке человек разрывает и с Богом... Теперь он разрешает себе все: грех его не мучит, он

делается его привычкой; если в этой стадии ему может быть легко, то ему легче с дьяволом и на темных путях, состояние души мрачное, беспросветное, одиночество полное, но вместе с тем искреннее убеждение в правоте своего пути и чувство полной безопасности в то время, как черные крылья мчат его к гибели.

Собственно говоря, такое состояние мало чем отличается от помешательства. Гордый и в этой жизни пребывает в состоянии почти полной изоляции (тьма крошечная). Посмотреть, как он беседует и спорит! Он или вовсе не слышит того, что ему говорят, или слышит только то, что совпадает с его взглядами. Если же ему говорят что-либо несогласное с его мнениями, он злится, как от личной обиды, издевается и яростно отрицает. В окружающих он видит только те свойства, которые он сам им навязал, так что даже и в похвалах своих он остается гордым, в себе замкнутым, непроницаемым для объективного.

Характерно, что наиболее распространенные формы душевной болезни – мания величия и мания преследования – вытекают из «повышенного самоощущения» и совершенно немыслимы для смиренных, простых, забывающих себя людей.

Ведь и психиатры считают, что к душевной болезни (паранойя) ведут главным образом преувеличенное чувство собственной личности, враждебное отношение к людям, потеря нормальной способности приспособления, извращенность суждений. Классический параноик никогда не критикует себя, он всегда прав в своих глазах и остро недоволен окружающими людьми и условиями своей жизни. Вот где выясняется глубина определения прп. Иоанна Лествичника: «Гордость есть крайнее души убожество».

Гордый терпит поражение на всех фронтах.

Психологически – тоска, мрак, бесплодие.

Морально – одиночество, иссякание любви, злоба.

С богословской точки зрения – смерть души, предваряющая смерть телесную, гниение еще при жизни.

Гносеологически – солипсизм (внимание обращено только на себя).

Физиологически и патологически – нервная и душевная болезнь.

Милосердие

Глава 29. Притча «о неверном управителе»

Похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил. Лк. 16, 8

Похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил.

«Один человек был богат и имел управителя, на которого донесено было ему, что расточает имение его. И, призвав его, сказал ему: что это я слышу о тебе? Дай отчет в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять. Тогда управитель сказал сам в себе: что мне делать? Господин мой отнимает у меня управление домом; копать не могу, просить стыжусь. Знаю, что сделать, чтобы приняли меня в дома свои, когда отставлен буду от управления домом. И, призвав должников господина своего, каждого порознь, сказал первому: сколько ты должен господину моему? Он сказал: сто мер масла. И сказал ему: возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят. Потом другому сказал: а ты сколько должен? Он отвечал: сто мер пшеницы. И сказал: возьми твою расписку и напиши: восемьдесят. И похвалил господин управителя неверного, что догадливо поступил; ибо сыны века сего догадливее сынов света в своём роде. И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители. Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?»

(Лк. 16, 1–12).

Эту притчу можно пояснить следующим рассказом.

К одному богатому раскольнику пришел его погоревший односельчанин с просьбой о помощи.

«Бог тебя наказал, – отвечал богач, и не захотел помиловать: Разве я могу быть милостивее Бога, или противиться Его воле?» – и отказался богач помочь бедняку.

На первый взгляд, раскольник рассуждал правильно: можно ли человеку быть милостивее Самого Бога? Но он забыл о приведенной выше притче о расточительном домоуправителе.

Эту притчу не все понимают. Должники господина – это люди, страдающие за грехи свои; каждый из нас грешен и каждый должен Господу. Кто «сто мер масла», «кто сто мер пшеницы». Всем нам при отсутствии у нас надлежащего покаяния надлежит пострадать за свои грехи, т. е. выплачивать по распискам страданиями.

Но когда мы так страдаем – в нужде, холоде, голоде, болезни и т. п., состоятельные люди, богатые материальным богатством, могут своею помощью облегчить наши физические страдания, как бы переписать расписки со ста на «пятьдесят» или на «восемьдесят». Они не в силах вовсе устранить страдания своею помощью, т. е. разорвать «расписку», но лишь уменьшить их, т. е. облегчить страдания.

Надо было бы полагать, что господин должен был разгневаться на домоуправителя, позволившего себе незаконные действия. Но у Господа закон милосердия выше закона справедливости. Поэтому мы призваны к тому, чтобы делами милосердия облегчить страдания согрешивших, как бы переписывая их расписки на меньшие суммы выплаты господину своему.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Милосердие противоположно правосудию. Правосудие есть уравнивание точной меры, потому что каждому дает, чего он достиг, и при воздаянии не допускает склонения на одну сторону, или лицепрятия. А милосердие есть печаль, возбуждаемая благодатью, и ко всем сострадательно преклоняется: кто достоин зла, тому не воздает (злом), и кто достоин добра, того преисполняет с избытком».

По существу нет никаких заслуг у того, кто переписывает настоящие (не аллегорические) чужие расписки, уменьшая выплату долга. И, очевидно, также сравнительно мало заслуг и у тех, кто помогает нуждающимся лишь от избытка своего имени.

Но эта притча говорит о том, что и в последнем случае душе благотворителя будет польза за молитвы тех, кому он благодетельствует. Поэтому всем состоятельным людям надо помнить завет Господа: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители».

В притче Господь материальное богатство называет «неправедным» и «чужим» (Лк. 16, 11–12) и противопоставляет ему «истинное» и «ваше».

Что понимать под этими обозначениями разного вида богатства? Нужно вспомнить, что Господь в Евангелии предупреждает об опасности материального богатства: «Горе вам, богатые. Ибо вы уже получили свое утешение» (Лк. 6, 24). И «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23). Богатство Господь далее называет «маммоной», как бы кумиром, которому люди часто поклоняются, отдавая ему свои сердца.

Но вместе с тем Господь не говорил, что все богатые погибнут, и на вопрос учеников: «Кто может спастись?» – отвечал: «Человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26).

Как известно, среди учеников Христа были и состоятельные люди – «женщины, которые служили Ему именем своим» (Лк. 8, 3), Иосиф Аримафейский и др. Среди прославленных Церковью святых также имеются люди, обладавшие большими богатствами, как например императоры и князья (св. равноапостольный Константин Великий, св. равноапостольный князь Владимир, св. княгиня Ольга и др.).

Здесь, очевидно, надо судить не по формальному признаку – наличие большого материального достатка, а по приверженности сердца христианина Богу, или – в противоположности – «маммоне». И если свои материальные ценности христианин обращает на дела милосердия, сам ведя скромную жизнь, далекую от роскоши, комфорта и расточительности для своих прихотей, то в этом случае наличие у него богатства не закрывает для него дверей Царства Небесного.

Об этом так пишет старец Силуан:

«В ком живет Дух Святой, тому богатство не вредит, ибо душа его вся в Боге, от Бога изменилась и забыла свое богатство».

Однако всем состоятельным людям надо помнить о том, что богатство материальное является большим соблазном для души человека, против которого устаивают, по словам Господа, лишь немногие (Мф. 19, 23).

Человек должен смотреть на все материальное как на принадлежащее не ему, а только Самому Господу.

По словам прп. Варсонофия Великого, «все, что ни имеет христианин, есть Божие и общее всех христиан, и никто не имеет собственного своего» (Отв. 484). Поэтому и всякий избыток материальных благ он должен возвращать Богу в лице Его меньших братьев – всех несчастных и нуждающихся.

Чтобы яснее пояснить всю малоценность и призрачность «неправедного» (т. е. материального) богатства, Господь указывает на то, что помимо этого богатства имеется другое – «истинное», которое по праву может стать «вашим» (Лк. 16).

Здесь, очевидно, Господь говорит о душевном богатстве человека добродетелями (любовь, вера, смирение, кротость, мир души, мудрость или рассудительность и т. п.), которые даруются Господом только после подвига и по заслугам и обладание которыми перейдет и в новую, вечную жизнь в Небесном Царстве.

Нам в жизни надо бояться подражать упомянутому выше раскольнику в его немилосердии. А мы иногда думаем: «Сама себя раба бьет, коль нечисто жнет», – и обвиняем людей в том, что они сами виноваты в своих несчастьях, бедах и неудачах, и бессердечно отказываем поэтому им в помощи.

Здесь мы совершаем сразу два греха: осуждаем и проявляем немилосердие. Все люди – должники перед Богом, все страдают за свои грехи, безгрешных ангелов на земле нет. Тем не менее все мы должны помогать, ко всем иметь милостивое сердце – у всех «переписывать расписки».

Прямая зависимость нашего спасения от наших близких указывается и в притче о талантах (Мф. 25, 14–30). В ней

человек не сам приумножает таланты, а «отдает серебро (Господне) торгующим», т. е. нуждающимся (стих 27), от которых и зависит приумножить таланты.

В этих двух притчах говорится и о том, как мало заслуг мы можем приписать себе, делая добро. «Таланты» даруются нам от Господа; приумножаются они не нами, а нашими близкими, которым мы вверяем их. Это, очевидно, так же нетрудно для нас, как «переписывать» у ближних их «расписки».

Глава 30. Милосердие внешнее и сердечное

Если я раздам все имение мое.... а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. 1Кор. 13, 3

Если я раздам все имение мое.... а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

Милосердие надо отличать от внешней благотворительности. В делах благотворительности сердце может и не участвовать, как в делах милосердия, которые совершаются по велению милующего сердца. При благотворительности «благие», т. е. хорошие дела, могут совершаться и из-за различных низменных побуждений, т. е. по тщеславию, по гордости – ради самолюбования, чтобы отвязаться от просителя и т. п. В этих случаях один факт «благотворения» еще ничего не говорит о пользе от него душе.

Какой может быть взят признак для суждения о том, какие дела милосердия наиболее угодны Богу?

Евангельская вдова, положившая в сокровищницу всего две лепты, положила больше всех, по словам Христа, потому что в этих двух лептах было все ее пропитание (Лк. 21, 2–4).

Итак, сравнительно мало пользы от благотворения богачам, которые дают по видимости более других, а по существу (в процентах от дохода) значительно менее других. У них иногда так много материального добра, что их милостыня не отразится на том, как они будут питать или одевать себя. А если так, то они почти ничем и не жертвуют, а поэтому сравнительно мало приобретают духовно.

Не будем обольщаться и мы при наших делах благотворительности, что мы делаем действительно что-то

такое, за что нас надо удостоить Царства Небесного. Часто мы отдаем лишь наши излишки, или, по пословице, «охотно мы все то товарищу дарим, что нам не надобно самим».

По закону Моисея (в Ветхом Завете) часть, уделяемая на благотворение, «на содержание» левиту (т. е. священнослужителю), пришельцу, сироте и вдове (Втор. 26, 12), равнялась 10 процентам от урожая, от своего заработка или дохода.

Очевидно, что в Новом Завете к этому вопросу нельзя подходить так формально. Здесь дело не в проценте, а в том, чтобы христианин стремился к наиболее совершенному выполнению заповедей Господних и его любящее сердце стремилось к делам милосердия.

Прп. Серафим говорил, что только те дела служат для стяжания в душе Духа Святого Божия, которые совершаются человеком ради Христа, т. е. ради исполнения Его воли и Его заповедей.

Поэтому помощь ближним должна основываться на исполнении заповедей Господних о милосердии и должна непременно сопровождаться любовью. Ап. Павел пишет: «Если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1Кор. 13, 3).

Как говорит прп. Исаак Сириянин:

«Если даешь что нуждающемуся, то пусть веселость лица твоего предваряет деяние твое, и добрым словом утешь скорбь его. Когда сделаешь это, тогда твоя веселость в его сознании побеждает твое деяние, т. е. она выше удовлетворения потребности тела».

Горячо советует всем христианам непременно соединить милосердие с любовью о. Иоанн С. Он пишет в своем дневнике:

«Будьте внимательны к себе, когда бедный человек, нуждающийся в помощи, будет просить вас об ней; враг постарается в это время обдать сердце ваше холодом, равнодушием и даже пренебрежением к нуждающемуся. Преодолейте в себе эти нехристианские и нечеловеческие расположения, возбудите в сердце своем сострадательную любовь к подобному вам во всем человеку, к этому члену

Христову – к этому храму Духа Святого, чтобы и Христос Бог возлюбил вас. И о чем попросит вас нуждающийся – по силе исполните его просьбу. «Просящему у тебя дай, и от хотящего у тебя занять не отвращайся» (Мф. 5, 42). Благовтори бедному доброхотно, без мнительности, сомнения и мелочной пытливости, памятуя, что ты в лице бедного благовторишь Самому Христу, по писанному: «Понеже сотвористе единому от сих братий Моих меньших, Мне сотвористе» (Мф. 25, 40). Знай, что милостыня твоя всегда ничтожна в сравнении с человеком, этим чадом Божиим. Знай, что твоя милостыня есть земля и прах; знай, что с вещественной милостью непременно должна об руку следовать духовная; ласковое, братское, с чистосердечной любовью обращение с ближним: не давай ему заметить, что ты одолжаешь его, не покажи гордого вида...Все жертвы и милостыни не заменяют любви к ближнему, если нет ее в сердце; потому при подавании милостыни всегда нужно заботиться о том, чтобы она подаваема была с любовью, от искреннего сердца, охотно, а не с досадою и огорчением на них. Самое слово «милостыня» показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца и подаваема с умилением или сожалением о бедственном состоянии нищего. Любви свойственно радоваться при оказании помощи любимому. Те, которые подают алчущим хлеб или деньги с сожалением, с лукавым оком и черствым сердцем, – все равно, что кладут яд в свой хлеб или в свою милостыню, хотя этот яд духовный, невидимый. Господи! Научи меня подавать милостыню охотно, с ласкою, с радостью и верить, что, подавая ее, я не теряю, а приобретаю бесконечно больше того, что подаю».

Глава 31. Пути к милосердию и значение его

Будьте милосерды, как и Отец, ваш милосерд. Лк. 6, 36.

Будьте милосерды, как и Отец, ваш милосерд.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Мф. 5, 7

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блажен, кто помышляет о бедном (и нищем). В день бедствия избавит его Господь. Пс. 40, 2

Блажен, кто помышляет о бедном (и нищем). В день бедствия избавит его Господь.

Как нам приучать себя к милосердию? По тому же закону постепенности, как при обучении всякой науке и искусству, переходя от легкого к более трудному.

Положим, что у нас есть пороки сребролюбия, скупости и жадности, которые мешают делам милосердия. Нам надо начать с того, чтобы отдавать все то, что не нужно нам самим.

То удовлетворение, которое мы получим, и наблюдение радости одаряемых помогут нам в следующий раз давать уже с небольшой жертвой для себя. Так будем восходить мы от «внешнего» к «внутреннему», от «благотворительности» к истинному «милосердию», когда тот, кому мы «благотворим» будет мил сердцу нашему.

Внутри нас произойдет постепенно перемена: если мы вначале совершали дела благотворения с чувством жертвы, борясь со своим сребролюбием и с желанием заpastись и сберечь блага для себя, то потом мы будем дарить все легко и получать от своих дел милосердия чистую, сердечную радость.

Здесь следует вспомнить жизнеописание доктора Гааза – покровителя заключенных и великого праведника.

Не сразу сделался Гааз таким. В начале своей работы он имел большую и прибыльную практику, ездил на шестерке лошадей, имел имение и суконную фабрику.

По мере того как разгоралось его сердце великою любовью ко всем несчастным, он постепенно стал употреблять на помощь им не только все свои заработки и все свое богатство, но и все свое имущество. Когда он умер, то его пришлось хоронить на средства полиции.

Добродетель милосердия занимает особое место среди всех других добродетелей. Суд Господень при конце мира будет происходить по признаку проявления человеком милосердия (Мф. 25, 34–46).

Поэтому, как говорят св. отцы, враг человеческий особенно ненавидит милосердие.

Дела милосердия неизменно вызывают милость Божию еще при жизни и тем, кто их творит. По словам еп. Вениамина

(Милова):

«Бог хранит каждое благодеяние как зеницу ока, любит человека за доброту более, нежели мать – сына... Долг угодников Божиих – не пропускать делать добро и совершать его неистощимо с полной любовью».

Между тем кумир мира – «маммона» – вместе с маловерием (Мф. 6, 24) часто господствует в какой-то мере и в наших сердцах. При этом мы забываем слова Господа: «Не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф. 6, 34), и от этого, может быть, ограничиваем ту помощь, которую мы могли бы оказать ближним в нужде. У нас недостает веры в слова апостола: «Кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2Кор. 9, 6) и обетование Божие: «Давайте и дастся вам; мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо какую мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лк. 6, 38).

А как часто это обетование сбывалось чудесным образом! Вот св. Филарет Милостивый отдает нуждающемуся последних волов и нищим – последние запасы взятого в долг зерна. Став же сам нищим, он становится затем тестем Константинопольского императора.

Вот прп. Савва Освященный, прп. Сергей Радонежский и другие милостивые игумены раздают голодным последние запасы монастырского продовольствия и тем вызывают нарекания и ропот братьев. Но Господь же никогда не посрамляет Своих верных рабов: тотчас же после подаваний монастырские запасы по Промыслу Божию пополнялись вновь в избытке.

О том, как достигали наивысших ступеней милосердия простые русские крестьяне, пишет в своих записках старец Силуан:

«Когда у тебя отнимают имущество, то ты отдай, ибо любовь Божия не может отказать; а кто не познал любви, тот не может быть милостивым, потому что нет у него в душе радости Святого Духа... Меня этому еще родной отец научил. Когда случалась в доме беда, он оставался спокоен. Однажды мы шли мимо нашего поля, и я сказал ему: «Смотри, у нас воруют снопы». А он мне говорит: «Э, сынок, Господь

уродил хлеба, нам хватит, а кто ворует, стало быть, у него нужда есть»»».

Доля, отдаваемая неимущим в церкви, как бы освящает весь доход.

Когда же случалось, что христианин пожалел что-либо или уменьшил сумму дара, Господь часто показывал, как много он терял от этого.

Интересен в этом отношении один рассказ из жизнеописания прп. Серафима.

При посещении преподобного одним военным последний дал преподобному три рубля. Уходя от преподобного, военный стал смущаться, думая: «Зачем святому отцу деньги?» Однако он понял, что это было искушение, и вернулся к преподобному, чтобы покаяться в нем.

Предваряя его рассказ, преподобный сказал ему: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на святой храм, и молитвами Святой Церкви Господь спас ее. Ты пойми это хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах».

Так малое наше доброе дело может иметь очень важное для нас последствие.

А вот и другой пример тому, как много можно достичь через милосердие.

Одной петербургской вдове необходимо было устроить сына в учебное заведение с интернатом, что не удалось ей сделать, несмотря на усиленные хлопоты. Тогда она обратилась к известному тогда духовному отцу с просьбой помочь ей в этом деле. Он обещал, но сказал, что потребуются для этого деньги. Думая, что деньги пойдут на подарки влиятельным лицам, вдова дала довольно крупную сумму.

На другой день к вечеру ей было сообщено, что дело должно наладиться. Действительно, в следующий за этим день она очень легко устроила сына. Она поехала поблагодарить духовное лицо и поинтересовалась, кто непосредственно помог ей. На свой вопрос она получила следующий неожиданный для нее ответ: «Получив от тебя деньги, я разменял их на мелочь и

целый день ездил по церквам и местам, где собирались нищие, раздавая деньги и прося помолиться за твоего сына. Мои «господа» (так называл нищих св. Филарет Милостивый) все обещали молиться, и видишь: Господь не посрамил наше упование».

Здесь оправдалось указание старца прп. Иоанна (сподвижника прп. Варсонофия Великого), который писал: «Купите заступление бессмертного и нетленного Царя Бога через нищих, ибо Он сделанное нищим воспринимает на Себя: «Алкал Я и вы дали Мне есть» (Мф. 25, 35)».

Мы слышали рассказ про одну рабу Божию, сидевшую в тюрьме. Она получала на день лишь небольшой ломтик хлеба, но каждый день она все же отделяла от него кусочек, чтобы отдать кому-либо из больных и голодных. «Если я не сделаю этого, – говорила она, – то я и потеряю этот день жизни и, вероятно, и сама буду голодать при своей пайке».

Так же думал и старец Зосима из Троице-Сергиевой Лавры, который говорил:

«Пропал для вечности тот день, в который ты не сотворил милости. Милостыня помогает нам получить благодать Святого Духа».

Если милосердие низводит на проявляющих его Божие благословение, то, с другой стороны, немилосердные поступки христианина влекут за собой оставление его Божией благодатью.

Об этом так пишет прп. Исаак Сириянин:

«Посему будем непрестанно понуждать себя во всякое время внутренне быть милосердными ко всякому разумному естеству. Ибо так внушает нам учение Господне. И надобно не только сохранять это внутреннее наше милосердие, но когда потребуют самые обстоятельства дел и нужда, не вознерадеть и о том, чтобы доказать любовь свою к ближнему явно. Ибо мы знаем, что без любви к ближнему ум не может просвещаться Божественною беседою и любовью».

Характерным примером этого является случай из взаимоотношений Московского митрополита Филарета и доктора Ф. П. Гааза.

Вот как описывает А. Ф. Кони этот случай:

«Митрополиту Филарету (он был председателем комитета по помощи заключенным) наскучило постоянное и, может быть, не всегда строго проверенное, но вполне понятное ходатайство Гааза о представительстве комитета за «невинно осужденных» арестантов. «Вы все говорите, Федор Павлович, – сказал митрополит Филарет, – о невинно осужденных... Таких нет. Если человек подвергся каре – значит, есть за ним вина». Вспыльчивый и сангвинистический Гааз вскочил со своего места. «Да вы о Христе позабыли, Владыко!» – воскликнул он, указывая тем и на черствость подобного заявления в устах архипастыря, и на евангельское событие – осуждение невинного Христа. Все смутились и замерли на месте: таких вещей митрополиту Филарету, стоявшему в исключительно влиятельном положении, никогда и никто еще не дерзал говорить. Но глубина ума митрополита Филарета была равносильна сердечной глубине Гааза. Он поник головой и замолчал, а затем, после нескольких минут томительной тишины встал и сказал: «Нет, Федор Павлович. Когда я произносил мои поспешные слова, не я о Христе позабыл – Христос меня позабыл»»».

Так был наказан благочестивейший митрополит оставлением его Божией благодатью за проявление немилосердия.

«Не бедные имеют нужду в богатых, а богатые в бедных», – пишет св. Иоанн Златоуст.

А другой праведник, священник из города Дара, говорил:

«Мы должны быть счастливы, если бедные приходят у нас просить. Если бы они это не делали, нам пришлось бы разыскивать их».

И у этого праведника было стремление как можно более дарить и отдавать все другим тотчас же, как только он сам получал что-либо в подарок.

О. Иоанн С. давал такой совет:

«Просто, без больших трудов приходят к тебе деньги – просто, не думая много, и раздавай их щедро... Если нищие

преследуют тебя, это значит – милость Божия непрестанно преследует тебя».

У духовно возросших христиан, исполненных милосердия, последнее дано им в такой мере, что оно изливается на всех встречаемых и окружающих. Об этом так говорит прп. Исаак Сириянин:

«Тот милостив, кто в мысли своей не отличает одного от другого, но милует всех».

О том, насколько для нас важно «миловать всех» и насколько духовно обогащает милосердие самого дающего, о. Александр Ельчанинов пишет так:

«Почему надо подавать всякому нищему, не входя в рассмотрение его достоинства, и даже, если знаешь, что он недостойнейший человек? Кроме того, что дающий обогащает себя духовно, а запирающий свое сердце и кошелек грабит самого себя, – кроме этого, отказывая в милостыне, особенно у самых врат церковных, мы наносим тяжкий вред просящему, поселяем у него злобу, убиваем веру, возбуждая ненависть к богатым, сытым, религиозным. Кто дает волю доброму движению своего сердца, тот обогащается прежде всего сам – в его душу входят светлая целительная сила, радость, мир, врачующие все болезни и язвы нашей души. Жестокосердный – наоборот: он сжимает свое сердце, он впускает в него холод, вражду, смерть. Быть добрым – это не значит натащить себя на добрые поступки, а накопить тепло благодати в своем сердце, и прежде всего – очищением и молитвой. Как не простудиться на морозе? Быть внутренне согретым. Как не охладеть в мире? Обложить сердце теплотой благодати Духа Святого. Наше немилосердие, неумолимость, беспощадность к людям есть непроходимая завеса между нами и Богом. Это как если бы мы закрыли растение черным колпаком, а затем стали бы сетовать на то, что оно гибнет без солнечных лучей».

Глава 32. Формы милосердия и рассудительность в нем

Покажите в добродетели рассудительность. 2Пет. 1, 5

Покажите в добродетели рассудительность.

Милосердие проявляется не только в материальной помощи нуждающимся.

В притче о раненом разбойнике и самарянине Господь показал нам пример милосердия. Самарянин отвлекся от своего пути, постарался облегчить страдания раненого, перевязывая ему раны, издержал на него свои запасы вина и масла, уступил ему своего осла, позаботился о помещении его в гостиницу, и подумал о будущей помощи ему, обещав гостинику заплатить все последующие издержки. Здесь мы видим сердечную заботу, внимательность и предусмотрительность.

И все это было оказано не другу, даже не соотечественнику, а иноплеменнику, с которым, по принятому у самарян обычаю, даже нельзя было общаться, т. е. почти врагу.

Исходя из этого примера, всякий, у кого есть силы, может служить ближним и дальним и быть милосердным.

Надо вспомнить о том, что святитель Иоасаф Белгородский не только тратил все свои доходы на бедных, но, будучи уже епископом, сам колол дрова, купленные им для бедных вдов и сирот. На Страшном Суде Господь обещал милость не только тем, кто напоил, накормил и одел, но также и тем, кто посетил находящихся в темнице или больных, т. е. утешил их. А это могут делать многие.

Здесь уместно вспомнить рассказ из жизни русского писателя И. С. Тургенева.

Он встретил нищего с протянутой рукой, но в своих карманах не нашел денег. Тургенев руку нищего пожал и сказал: «Прости, брат, ничего у меня нет».

Нищий разрыдался. Тогда Тургенев стал утешать его и извиняться и уверять, что действительно у него нет денег. Нищий же сказал: «Нет, барин, я плачу не потому, что вы мне не подали денег, а потому, что вы мне оказали такую милостыню, какой давно я ни от кого не получал: вы назвали меня, нищего, «братом», и не побрезговали пожать мне руку... Когда я получал такую милостыню?»

Ачинский старец Даниил говорил:

«Милость может оказать неимущий: помоги бедному поработать, утешь его словами, помолись о нем Богу, через все это можно оказать любовь к ближнему».

В последующем случае старец Даниил указывает на такую форму милосердия, которая доступна для всех, – ею мы можем оказывать помощь и ближним и дальним, живым и умершим, будучи в богатстве и силах или в нищете и расслаблении. Молитва как за живых, так и умерших – это тоже, по существу, «переписывание расписок» тех, за кого молимся мы: нашей молитвой мы приклоняем Бога к милосердию от закона возмездия и справедливости.

Часто бывает, что мы бываем не в состоянии устранять скорбные обстоятельства у ближнего.

В этом случае надо последовать следующему указанию архиепископа Арсения (Чудовского):

«Не в силах ты помочь ближнему в скорби, несчастии, беде – прими всю его скорбь в свое сердце и с ним поплачь; этим облегчишь его душевную тягу».

В практике проявления разных форм милосердия, может быть, иногда придется преодолевать и свою стеснительность и пренебрегать некоторыми условностями и светским этикетом. Об этом так пишет преуспевший в своем милосердии праведник доктор Ф. П. Гааз:

«Не смущайтесь пустыми условиями и суетными правилами светской жизни. Пусть требование блага ближнего одно направляет ваши шаги. Если нет собственных средств для помощи, просите кротко, но настойчиво у тех, у кого они есть. Не бойтесь возможности унижения, не пугайтесь отказа... ТОРОПИТЕСЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО. Умейте прощать, желайте примирения, побеждайте зло добром. Не стесняйтесь малым размером помощи, которую вы можете оказать в том или ином случае. Пусть она выразится подачею стакана воды, дружеским приветом, словом утешения, сочувствия, сострадания – и то хорошо. Старайтесь поднять упавшего, смягчить озлобленного, исправить нравственно разрушенное».

Преподобному Варсонофию Великому был задан вопрос: «Если кто-либо богат и имеет более, чем ему надобно, не имеет ли и он нужды в рассудительности?» Старец отвечал: «Да, он имеет нужду в рассудительности, чтобы не следовать сверх силы своему помыслу и после не раскаиваться в том, что сделал».

Итак, как во всякой добродетели, так и в милосердии надо все же иметь и рассудительность. Апостол Павел пишет: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтобы была равномерность» (2Кор. 8, 13).

В ряде случаев необходимо отказывать в материальной помощи ближнему. Причиной отказа может явиться и забота о его духовной пользе, и знание своей меры, своего положения и своего духовного возраста.

Как пишет о. Иоанн С:

«Если мы знаем о некоторых, что они бедны от праздности и лености, таким мы не должны уделять от своих трудовых заработков. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2Фес. 3, 10)».

А прпп. Варсофоний Великий и Иоанн говорят:

«Бог не хочет, чтобы человек делал что-либо выше силы своей».

О том же пишет св. авва Исаия:

«Если просимая у тебя вещь не лишняя, и ты имеешь в ней необходимую нужду, то не отдавай ее, чтобы из-за этого не расстроилось твое безмолвие. Лучше потерять один член, нежели все жительство».

Точно так же говорят и прпп. Варсофоний Великий и Иоанн. Они пишут:

«Если кто имеет необходимо нужное для него самого, то сего не должен издерживать на милостыню, чтобы после при собственном недостатке не скорбеть, не в силах будучи понести скудости. А когда просящий будет докучать ему и он скажет: «Прости меня, мне нечего дать тебе», – то это будет не ложь, потому что тот, у кого есть только необходимое, нужное для него самого, не имеет что дать».

другому. Пусть скажет просящему: «Прости меня, я имею только то, что необходимо нужно себе самому»».

Однако этот ответ надо отнести к еще не совершенно возросшим духовно. Некоторые из святых считали за правило отдавать все, что у них просили или требовали.

Имеются рассказы о том, как старцы-пустынники догоняли ограбивших их разбойников, принося им вещи, которые те забыли взять. Это уже, конечно, мера совершенных.

Следует знать также, что прп. Варсонофий Великий не рекомендовал занимать в долг, чтобы удовлетворить какую-либо материальную нужду ближнего. В таких случаях надо отказывать в просимом (Отв. 626).

Об этом так пишет и прп. Исаак Сириянин:

«Если угодно сеять в нищих, то сей из собственного. А если вознамеришься сеять из чужого, то знай: это самые горькие плевелы».

В Своих словах о Страшном Суде Господь среди дел милосердия упоминает о посещении болящих (Мф. 25, 36). Однако и здесь нужна рассудительность.

Есть такие тяжело больные (после операции, сильно изнуренные болезнью, с переутомлением нервной системы), которые тяготятся посещениями и страдают, когда к ним обращаются с расспросами, вопросами и вообще разговорами.

Поэтому прежде чем посетить больного, нужно предварительно узнать от близких к нему, будет ли приятно их посещение болящему.

Господь велит быть добрым ко всем и даже велит: «Благотворите ненавидящим вас» (Мф. 5, 40). Но это не значит, что христианин должен быть совершенно безразличен к выбору тех, которым помогает.

Ап. Павел дает такое указание: «Будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Гал. 6, 10).

Итак, в первую очередь и более всего надо думать о нуждающихся христианах. И хотя Бог милостив ко всем и «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45), но,

однако, по словам ап. Павла, Бог есть «Спаситель всех человеков, а наипаче верных» (1Тим. 4, 10).

За помощь нуждающимся из верных (праведников) Бог посылает особые награды: «Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника... И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. 10, 41–42).

Подобно молитве и дела милосердия должны совершаться христианами втайне. Господь говорит: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного» (Мф. 6, 1).

Наше милосердие, явное для всех, может даже принести нам вред, если оно будет развивать в нас тщеславие и гордость и, вызывая почитание людей, развивать самомнение и самодовольство, что покажет нас ничтожными в очах Бога.

Поэтому надо приложить усилие, чтобы скрывать наши дела милосердия, даже по возможности и от близких к нам людей. «Пусть левая рука не знает, что делает правая» (Мф. 6, 3). Давая что-либо от себя, лучше говорить: «Меня просили передать вам».

Чтобы сохранить в тайне свое милосердие, в некоторых случаях, может быть, придется передавать нуждающимся что-либо через третьи руки. Пусть тогда деятель не боится того, что его дар не дойдет по назначению. Об этом так пишет о. Иоанн С:

«С радостью расточай стяжания свои и жертву Господу и святым Его; если через чьи-либо руки пересылаешь их, верь, что они дойдут до принадлежности».

Любовь Христова

Глава 33. Любовь и полнота единения

Уже не я живу, но живет во мне Христос. Гал. 2, 20

Уже не я живу, но живет во мне Христос.

Современная официальная психология делает ошибку, резко разграничивая наше душевное «я» от обособленной внешности – «не я».

Эта ошибка происходит оттого, что свои наблюдения психология строит над душой человека, находящейся в состоянии резко выраженной греховности.

Действительно, грубый эгоизм и себялюбие заставляют человека отделять себя от окружающей среды и противопоставлять себя всем окружающим. Но уже душа нормальной матери не является обособленным духовным организмом и в какой-то мере соединена с душами детей. И каждый обычный семейный человек не есть уже только «я», но в значительной степени «Я и МОЯ СЕМЬЯ». Как говорит блаженный Августин: «Душа уподобляется тому, кого (или что) она любит». Эта связь всего сильнее проявляется у христиан, живущих верою, в сердце которых живут Бог и многие из ближних.

Наконец, для близких к совершенству учеников Христовых наблюдается значительное смягчение сознания обособленности своего «я»: «я» простирается к Богу и к ближним.

По словам схиархимандрита Софрония:

«Любовь усваивает жизнь любимого. Любящий Бога включается в жизнь Божества: любящий брата включает в свое ипостасное бытие жизнь брата; любящий весь мир духом объемлет весь мир».

Подобное глубочайшее единение нашего «я» с Богом и близкими производит наличие в душе Христовой любви, в которой достигается полнота самоотречения. Присутствие Христовой любви в человеке и познается по способности его жить не собою, ценить не свою личность и свои интересы, утверждать внимание не на себе, но на тех, кого он любит.

Между любимыми душами стирается разделяющая их грань индивидуальности в силу сильнейшего взаимного обмена господствующих идей и стремлений.

Душа человека (или ангела), поглощенная любовью, сознает себя уже не одинокой самодовлеющей личностью. Она как бы сливается с любимыми и живет, действует вместе с ними. Так Господь Иисус Христос объединял Себя с Богом Отцом: «Я и Отец – одно» (Ин. 10, 30), «Отец во Мне и Я в Нем» (Ин. 10, 38).

Там, где любовь, там нет разделения воли, потому что любовь заставляет взаимно подчинять свою волю. Поэтому Господь всегда исполнял волю Отца, как и Отец исполнял все просьбы Сына.

Только постигая в какой-то мере сущность любви, можно приблизиться к постижению антиномии – христианского догмата о Троичности Единого Бога. Святая Троица «Неслиянна», потому что у каждой Ипостаси есть Свое лицо, есть Своя индивидуальность; но Она же и «Нераздельна» по непостижимой силе взаимной любви, связывающей Ипостаси. Также и святые в любви простираются к Богу и Господу Иисусу Христу, и как они всегда творили Его волю, так и Господь исполняет их прошения. Вот почему и у ап. Павла уже как бы стиралась своя воля и своя личность, и он говорит: «Уже не я живу, но живет во мне Христос».

«Кто стяжал любовь Христову, тот облачается в Самого Бога», – говорит и прп. Исаак Сириянин.

Единение своей воли с волей Божией можно заметить и в других великих святых. Так, прп. Варсонофий Великий в наставлениях своим ученикам часто указывает на подобное единение его воли с волей Божией: «Да будет мир тебе от меня, точнее же сказать – от Бога» (Отв. 28). «Напиши слова мои, точнее же сказать – слова Божии» (Отв. 31). «Через меня, малейшего, говорит тебе Бог» (Отв. 226) и т. д.

Таинственное и теснейшее сближение очищенной души христианской с Господом в таких словах изображается прп. Макарием Великим:

«Господь Собственный образ неизреченного света Божества Своего положил в теле ее [т. е. души христианской]. Он служит ей во граде тела, и она служит Ему во граде небесном. Душа соделалась наследницею Его в небесах, и Он принял ее в наследие на земле. Ибо Господь делается наследием души и душа наследием Господа. Душа, с которой покрывало тьмы снято силою Духа Святого, и когда умные очи ее просвещены небесным светом, и когда она совершенно избавлена от страстей бесчестия и соделалась чистою по благодати – тогда она всецело на небесах служит Господу духом, и всецело служит Ему телом, и столь расширяется мыслию, что бывает повсюду и где хочет и когда хочет служит Христу».

Итак, если у нас возрастает любовь ко Христу, то возрастает единение с Ним, возрастает подчинение нашей воли Его воле, а также взаимно возрастает и исполнение Им прошений христианина. «Кто возлюбил, – говорит св. Григорий Богослов, – тот будет возлюблен, а кто возлюблен, в том обитает Бог. А в ком Бог, тому невозможно не сподобиться света; первое же преимущество света: познавать самый свет. Так любовь доставляет ведение».

Путь единения и слияния души с Богом и ближними наглядно представлен св. аввой Дорофеем в его знаменитой геометрической схеме. Она представляет центр с концентрически описанными вокруг него окружностями, состоящими из точек. Центр – это Бог, а точки на окружности – люди. Как можно душой сближаться с людьми? Только идя к центру – к Богу. Тогда окружности становятся все теснее, и все точки на них сливаются друг с другом.

Итак, сердце человека будет тогда сердцем истинного христианина, когда, обладаемое Христовой любовью, оно вместит в себя Бога и ближних. Для этого оно должно быть «расширено».

К этому призывал коринфских христиан апостол Павел, упрекая их, что в их сердцах «тесно», т. е. нет в них Христовой любви (2Кор. 6, 11–12).

Лишь при подобном расширении сердца христианина оно поистине вмещает в себя своих близких и в полной мере способно и сострадать им. Об этом так пишет архиеп. Гурий (Степанов):

«Любовь переводит содержание страждущей души в сердце страдающей. Совершается великое таинство восприятия другой души. Душа эта воспринимается со всей ее немощью, и ее страдания становятся страданием души страдающей».

Глава 34. Любовь Христова и любовь к ближним по плоти и к себе

В каких язвах наша любовь естественная. Свт. Игнатий (Брянчанинов)

В каких язвах наша любовь естественная.

Господь сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 37–39). И кроме того: «Любите врагов ваших» (Мф. 5, 44).

Вместе с тем Господь говорит: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником. И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26–27).

Если Господь велит любить даже врагов, то как же Он велит приходящим к Нему ненавидеть отца, мать, детей и всех ближних?

Чтобы понять это кажущееся противоречие, надо вспомнить о пути, который должна пройти всякая душа христианина до смерти тела.

После зарождения (или оживления) веры в Бога в душе человека должен произойти процесс, который так описывается схииерхимандритом Софронием:

«Христианин отходит от мира; в «эгоистической» (как думают многие) заботе о своем спасении он все оставляет

как «ненужное», он «ненавидит» отца своего, и мать, и детей, если они есть; он отвергает всякую плотскую связь; в своем устремлении к Богу он «ненавидит мир» и всецело уходит в глубину своего сердца. И когда действительно войдет туда, чтобы сотворить там брань с сатаной, чтобы очистить сердце от всякой духовной страсти, тогда в том же сердце своем, в глубине его, он встречается с Богом, и в Боге начинает видеть себя неразрывно связанным со всем бытием мира, и нет тогда для него чуждого, постороннего. Порывая вначале с миром, он через Христа снова обретет его в себе, но уже совершенно иным образом, и становится связанным с ним «союзом любви» на всю вечность. Тогда всякий человек, независимо от удаленности места или исторической эпохи, когда он жил, включается через молитву в его вечную жизнь, и нет тогда для него чуждого человека, но каждого он любит, как заповедал Христос. Кончает христианин желанием душу свою положить за Христа и за други и недруги своя... Итак, все отвергая, со всеми порывая, все «ненавидя», христианин получает от Бога дар вечной духовной любви ко всем и ко всему».

Поэтому архиепископ Иоанн (Шаховской) пишет:

«Мера мудрости человека определяется и мерой его евангельской ненависти к себе».

Как видно из вышеуказанного, чувства, обозначающиеся одним словом «любовь», могут разнообразиться беспредельно, как беспредельно число ступеней перехода от природной, естественной любви до совершенной любви Христовой.

Наличие же естественной любви не составляет заслуги и даже не свидетельствует о высоких достоинствах души: так материнская любовь, общая у человека со многими высшими животными, может быть и у очень порочных натур, таких, например, как мать императора Нерона, побудившая его даже на убийство своего брата Британика.

Как пишет Н. Н. Фиолетов:

«Извращенная форма любви – слепая любовь – пристрастие (распространенная, в частности, в обывательских семейных отношениях). Эта любовь носит

чисто душевный характер и видит в любимом человеке только душевную и плотскую его стороны; она не проникает в его духовную сторону, составляющую самый центр личности, и не заботится о ней. Движимый этой слепой любовью с пристрастием заботится лишь о внешних благах для любимого, о внешнем его «устроении», внешних успехах, не различая дурного и хорошего, одинаково принимая и поощряя все, что тот делает. Такая слепая душевная привязанность не думает о подлинном благе для души любимого, о том, что должно быть главным смыслом его жизни, и часто приносит прямой вред его душе. Такая любовь может быть страстной и сильной, но неглубокой по содержанию, не захватывающей самого главного в человеке – образа и подобия Божия в нем. В ней также содержатся скрытые эгоистические мотивы; любящий здесь выше всего ставит свое собственное чувство и привязанность».

О том же говорит и еп. Игнатий (Брянчанинов):

«В каких язвах наша любовь естественная. Какая тяжкая на ней язва – пристрастие. Обладаемое пристрастием сердце способно ко всякой несправедливости, ко всякому беззаконию, лишь бы удовлетворить болезненной любви своей».

Итак, плохо, если у христианина к Христовой любви примешивается хотя малое пристрастие ко внешнему человеку.

О той же опасности предупреждает и Московский митрополит Филарет, который пишет:

«Сердце чувствительное и любящее надобно возвысить от любви естественной к духовной, чтобы оно, погружаясь в связи семейные, не погрязло совсем в одной естественной любви».

Вместо естественной любви в христианине должна возрасти и расцвести Христова любовь, которая не ограничивается только родными и близкими, а простирается на всех окружающих, включительно до врагов (Мф. 5, 44).

Епископ Вениамин (Милов) дает такое сравнение естественной любви со Христовой:

«Если сравнить душевную, природную любовь со Христовой – благодатной и сверхъестественной, то первая узка, эгоистична, временна, часто изменчива, граничит иногда с жестокостью и забвением Бога и в конечных своих целях часто чувственна. Вторая – безгранично широка и самоотреченна, вечна, духовна, чиста и необъятно сильна».

Прп. Исаак Сириянин говорит:

«Прекрасна и похвальна любовь к ближнему – но лишь в том случае, когда попечения ее не отвлекают нас от любви Божией».

А прп. Никодим Святгорец пишет:

«Любовь к Богу не имеет меры, как любимый Бог – предела и ограничения. Но любовь к ближним должна иметь свой предел и ограничения. Если ты не будешь держать ее в подобных ограничениях, то она может удалить тебя от любви к Богу, причинить тебе большой вред, ввергнуть тебя в пагубу. Воистину должен ты любить ближнего, но так, чтобы чрез то не причинить вреда душе своей. Одна цель – благоугождение Богу – охранит тебя в делах любви к ближним от всяких неверных шагов».

Итак, «всею крепостью» любить надо одного Бога, а людей надо любить уже ради Его заповеди о любви и к ближнему. Здесь, однако, степень и проявление любви будет иметь бесконечное число особенностей в зависимости от того, насколько далеко стоит наш ближний от Бога.

Совершенно естественно, что чувства у христианина будут совершенно различны, когда он соприкоснется с христианином, сияющим Святым Духом Божиим, и в противоположность с этим – с человеком богоборческого мирозерцания. Однако и к последнему христианин должен проявлять все внешние признаки любви.

Вместе с тем следует указать, что Христова любовь слепа, как любовь по плоти.

Об этом так пишет архиепископ Иоанн (Шаховской):

«Можно ли человека любить и ему не доверять?.. Можно. Истинная любовь к человеку совсем не означает обоготворение всех его качеств и преклонение пред всеми его

действиями. Истинная любовь может замечать и недостатки человека столь же остро, как и злоба, даже еще острее. Но любовь... бережет и спасает человеческую душу для вечности, злоба же топит, убивает. Любовь любит самого человека, не его грехи, не его безумие, не его слепоту... Подвиг прозорливости духовной – видеть все грехи и судить все зло и при этом не осудить никого... Только свыше озаренный человек способен на такую любовь».

Препятствием к любви Христовой может служить извращенное самолюбие. Но только извращенное, так как любовь к себе не есть грех или порок и вложена в человека Богом.

Когда Господь велит любить ближнего, то велит любить его «как самого себя». Но себя можно любить по-разному. Можно любить себя эгоистично, потворствуя своим греховным склонностям и стремлению к телесным наслаждениям. И к этому относятся слова Христа: «Любящий душу свою погубит ее» (Ин. 12, 25).

Здесь надо вспомнить и слова прп. Серафима Саровского: «Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога».

Но есть и разумная любовь к себе – желание спасти душу для жизни и вечности. И эта любовь законна, так как Господь говорит: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16, 26).

Душа наша есть дар нам от Господа, чистоту которого мы должны беречь, и обязаны хранить ее очищенной (т. е. стяжавшей Духа Святого) – «таланты», или «мины», или «елей» отдать в руки Господа после смерти тела; этим путем шли все праведники и идут все христиане живой веры.

Однако и при устремлении сил человека к спасению своей души это спасение будет невозможно, если в его душе не будет гореть Христова любовь как к Богу, так и к ближним.

Как пишет проф. прот. В. Зеньковский:

«Тайна каждой личности есть тайна того, как, с какой глубиной ищет любви и любит человек».

Глава 35. Сущность и признаки Христовой Любви

Бог есть любовь. 1Ин. 4, 8.

Бог есть любовь.

Господь называл Своих учеников «солью земли» (Мф. 5, 13).

Как мы знаем, уже очень небольшое количество соли, добавленное в пищу, делает ее вкусною и приятною. Так и наличие в обществе истинных христиан облагораживает общество – поднимает в нем мораль и нравственность, дает прекрасные образцы для подражания.

Однако Господь предупреждает Своих учеников, что соль «может потерять силу», т. е. свою соленость – способность придавать вкус пище. В этом случае, по словам Господа, «она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на погребение людям» (Мф. 5, 13).

Так и те из верующих во Христа, которые не будут иметь Христовой любви и дел милосердия, не могут уже считаться христианами и, очевидно, «не годятся» для Царствия Божия.

О том же говорит и ап. Павел в своем гимне любви – 13-й главе Послания к Коринфянам, где им дается следующая исчерпывающая характеристика Христовой любви: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви – то я ничто. И если я раздам все имение свое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею – нет мне в том никакой пользы» (1Кор. 13).

Как видно из слов ап. Павла, без любви не идут на пользу человеку его таланты – ни великое ораторское дарование, ни богатства разума, ни даже дар пламенной веры. Даже дела милосердия или героизма не приносят никакой пользы человеку, если они делаются без любви; без нее они могут совершаться лишь по расчету, из гордости. Таковы будут мнимые добрые

дела людей последнего времени, когда, по словам Господа, «во многих охладее любовь» (Мф. 24, 12).

Апостол Павел говорит нам и о том, как можем быть далеки мы от истинной любви, перечисляя такие признаки любви во Христе: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1Кор. 13, 4–7).

Этот анализ признаков истинной любви указывает нам, что мы ее не имеем, если раздражаемся на ближних, подозрительны к ним, если не способны смиряться перед ними и перенести от них укор или обличение, не способны снисходить к их слабостям и погрешностям. Итак, можно иметь горячую ревность о спасении своей души, можно творить подвиги поста, бдения, молитвословий, злостраданий – и, однако, быть далеко от спасения. Не имея любви Христовой, душа будет оставаться черствой, сухой, безучастной к людям и их страданиям. При видимости благочестия такой человек мертв духом и далек от Царствия Небесного, в котором царствует Бог – Любовь.

Как говорил старец схимонах Зосима:

«Кто Царства Небесного желает, тот богатства Божьего желает, а не Самого еще любит Бога».

Примером этого может служить следующий рассказ. Один христианин, ищущий спасения своей души, решил для этой цели взять к себе на иждивение калеку нищего, лежащего в притворе храма. Он взял его в свое жилище и стал кормить и заботиться о нем. Но все это он делал с холодной душой и с равнодушием к душе калеки. В калекe он видел не брата, не живую душу, ищущую не только пропитания, но и любви, а только средство для спасения своей собственной души. Душе калеки стало тяжело от такого отношения, и он потребовал, чтобы его обратно отнесли в притвор храма.

О признаках Христовой любви пишет так и епископ Вениамин (Милов):

«Любовь имеет потребность предаваться другим безгранично и до самозабвения. Любовь воспринимает

любимых не как людей, а как детей Божиих, дорожит ими христоподражательно, ревнует об очищении в них образа Божия, содействует возвышению их богоподобия и безраздельного единения с Богом. Любящие Бога по закону контраста ненавидят путь греха, лжи и человеческие вымыслы и одновременно всем сердцем обращены ко всему сопредельному в Сослужении Богу. Например, они любят Божии храмы, даже камни и прах их, благоговеют перед святынями, богослужением и церковно-богослужебным языком, усиливающим наши теплые чувства к Богу».

Признаком наличия любви Христовой, по словам прп. Исаака Сириянина, является наличие у человека дара слез. Он пишет:

«Любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы. А пребывающий в любви Божией никогда не лишается слез, потому что никогда не имеет недостатка в том, что питает в нас памятование о Боге; почему и во сне своем беседует с Богом. Ибо любви обычно производить что-либо подобное, и она есть совершенство людей в этой жизни».

Как говорит еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, который приготовил себя чистотою сердца, ума и тела. Чем больше приготовил себя, тем больше и степень дара, потому что Господь Бог и в милости Своей правосуден».

О неизмеримой ценности этого дара так пишет священник Павел Флоренский:

«Любовь – значит наслаждаться счастьем другого и счастье чужого признавать за свое... Любовь – вот тот талант, отданный в рост (Мф. 25, 16), посредством которого каждый обогащает и растит себя, впитывая в себя другого. Каким же образом? – Через отдачу себя. Человек получает по мере того как отдает себя; и когда в любви всецело отдает себя, тогда получает себя же, но утвержденным, углубленным в другом, т. е. удваивает свое бытие. Так получивший пять талантов прибавил к ним еще столько же, а получивший два – прибавил к полученному не более и не менее два же таланта (Мф. 25, 16–17). «Если не

будет у вас любви к близким и друг ко другу, то все ваше духовное делание бесполезно», – говорил своим духовным детям старец Аристоклий с Афонского подворья. В любви происходит взаимное восполнение. «Когда я ненавижу, – говорит Шиллер устами своего Юлия, – я нечто отнимаю от себя; когда я люблю, я обогащаюсь тем, кого люблю». Любовь обогащает. Бог, имеющий совершенную любовь, – Он Богатый, Он богат Сыном Своим, Которого любит. Он – полнота».

Итак, и в подвигах и в заботах о своей душе христианин должен жить не собою, думать не о себе, но о ближних, жить их жизнью и их интересами. Словом, и в самом главном – спасении души – у настоящего христианина на первом месте должен стоять не он сам, а его ближние.

В жизни часто можно встретить верующих и считающих себя христианами, но находящихся в жалком состоянии. Им никто не нужен, и они никому не нужны, никто им не близок, не дорог. Они все внимание свое употребляют на себя – на свои интересы, свои болезни, свои неудачи в жизни и т. п.

Некоторые из них имеют какое-то пристрастие, которое поглощает все их чувство, оставляя сердце холодным к людям (за исключением, может быть, самых близких родных). Они не замечают и не видят вокруг себя ни бедных, ни голодных, ни несчастных – им только до себя. Это те «бесплодные смоковницы», которые обречены Господом на увядание (Мф. 21, 19–21). Это уроды в семье христиан, они не имеют самого главного, что надо иметь христианину, – Христовой любви.

Люди, не горящие любовью, обычно чувствуют себя несчастными, обездоленными, обиженными – они не в мире с Богом, или судьбой, на которую они ропщут, ни с людьми, ни с самим собой. Они часто не могут найти цели в жизни, у них нет живого интереса к ней.

Некоторых из них, особенно из числа неверующих, тоска и отвращение к жизни доводят до самоубийства. Здесь: полнота отсутствия любви – полнота душевного уродства.

Как пишет Г. Друммонд:

«Зачем вам нужно жить завтра? Потому что есть люди, которых вы хотите видеть завтра, с которыми хотите быть, которые вас любят и которых вы тоже хотите любить. Другой причины у нас и быть не может для желания жить, как та, что нас любят и мы любим. Когда человека никто не любит и он никого не любит, он решается на самоубийство. Пока у него есть друзья, люди любимые и любящие, он будет жить, потому что жить – значит любить. Будь то привязанность собаки, и то он не умрет, но прекратись эта привязанность, эта связь с жизнью – и жить не для чего... Жизнь не перестает, пока есть любовь. Погибнуть – значит жить невозрожденным, нелюбящим, нелюбимым; спастись – значит любить... На Страшном Суде ни в чем, кроме недостатка любви нас не будут обвинять... Всякое добро вне любви – только призрак. Но дела любви, о которых никто не знает и знать не может, – они одни остаются навсегда... Основа религии – в любви».

Поэтому, если люди не знают любви, но называют себя христианами и «верующими», – то они на деле не знают Бога, не понимают Христа.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Всегда в жизни прав тот, кто опирается не на логику, на здравый смысл, а тот, кто исходит из одного верховного закона – закона любви. Все остальные законы – ничто перед любовью, которая не только руководит сердцами, но «движет солнце и другие звезды». В ком есть этот закон, тот живет; кто же руководствуется только философией, политикой, разумом – тот умирает. Наша любовь к Богу уже есть для нас лично, в нашем опыте – его утверждение. Наша любовь к Богу – Сам Бог в нас. И, субъективно ощутив эту любовь к себе, – мы уже этим самым признали Бога. Этот опыт любви – единственный путь, верный и самоочевидный. До этого движения сердца человек глух, слеп ко всему, даже к чуду. После же ощущения Бога в себе ему не нужны и чудеса – чудо уже совершилось в нем самом. Если бы у нас было больше любви к Богу, с какой легкостью мы доверили бы ему себя и весь мир со всеми его антиномиями и непонятностями. Все

трудности – от недостатка любви к Богу и все трудности среди людей – от недостатка любви между ними. Если есть любовь – трудностей быть не может».

Приводим характеристику человека, озаренного Христовой любовью, которую дает Поварнин:

«От такого человека льется как бы тихий свет, как бы волны тепла льются в ваши души. Он только войдет, он только взглянет – и вы уже почувствовали влияние его любви... Душа потянулась к нему доверчиво и беспомощно, как дитя, жалкая душа, иззябшая в вечном одиночестве и озлоблении жизни. Слезы просятся на глаза, сердце раскрывает свои раны... Мы чувствуем: он не оттолкнет, он не осудит. И любовь его как Божественная, всеисцеляющая сила освежит и исцелит измученную душу».

Загоревшись любовью к Богу, сердце человека переполняется любовью и жалостью и ко всем творениям Божиим. «Что есть сердце милующее? – говорит прп. Исаак Сириянин. – Это возгорение сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого терпения умиляется сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемой тварью».

Подобное милосердие и жалость к демонам проявилась у о. Алексия М. Одна из духовных дочерей как-то сказала ему: «А что, батюшка, на лукавого, мне думается, напрасно все валят. Ведь часто, батюшка, сами люди бывают виноваты, а в оправдание себя на него говорят».

Батюшка ласково взглянул на нее, улыбнулся и сказал: «Да, я тоже так думаю. Он, бедный, часто не виноват. Не всегда по его вине случается, что люди делают зло, а он, бедный, страдает – его ругают всячески».

Ей стало весело, что у батюшки столько жалости, что хватает даже на диавола.

Наличие в душе горячего чувства любви к Богу и к людям есть вместе с тем условие для пребывания души христианской

в счастливой и деятельной жизни.

Кто не имеет этого огня любви, тот не живет, а прозябает.

Как пишет архиепископ Иоанн (Шаховской):

«Для существа доброго творить добро всем – это радость, а не творить добра – мучение; смысл всей жизни – в бесконечной, переливающей через край любви».

Любовь обостряет восприятие и глубокое понимание души ближнего.

Об этом так говорит И. Н. Фиолетов:

«Для любящего взгляда всегда открыты такие глубины, которые недоступны простому холодному восприятию. Любовь дает возможность понимать и чувствовать движения другой души. По-настоящему познать что-то можно, только полюбив его, воспринимая его не чуждым себя. Любящий переживает жизнь любимого, радуется и сострадает с ним, делает его жизнь своей, воспринимает внутреннее содержание чужой души. Вместе с тем любовь есть путь к познанию религиозных истин, недоступных внешним приемам. Бог открывается только любящему сердцу. «Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1Кор. 8, 2–3)».

Любовь есть вместе с тем и проводник, связующий души невидимыми нитями. Хотите ли вы оказать влияние на других, или чтобы они слушали вас? Для этого один путь – любите их так горячо, чтобы зажглась в них ответная любовь к вам, и тогда они будут и слушаться вас, и повиноваться вам.

Господь сказал, что на заповедях о любви «утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 40). Действительно, тому, кто имеет любовь ко Христу и к ближним, уже излишне помнить все остальные заповеди.

Св. Амвросий Медиоланский говорил: «Люби – и делай, что хочешь». Поэтому тот, кто любит, не может уже грешить – так как в душе его живет Сам Бог, который есть любовь (1Ин. 4, 8).

Св. отцы утверждают, что хотя бы одно внешнее подражание делам любви может уже повести ко спасению. Так, один монах пришел спросить авву Иосифа, ученика прп.

Антония Великого, как ему спастись, потому что он не мог ничего выносить, не мог работать, не имел чем подавать милостыню.

Авва Иосиф ответил ему:

«Если же не можешь исполнять ничего такого, старайся, по крайней мере, не делать ничего, нарушающего любовь к ближнему, и я верую, что Господь смилуетя над тобой».

Прп. Варсонофий Великий устанавливает такой закон в любви:

«Если человек искренно любит ближнего, то он может рассчитывать и на любовь ближнего к себе. И наоборот. Поэтому любовь ближнего к нам в наших руках: она зависит всецело от силы и глубины нашей любви к ближнему».

Поэтому наличие в душе любви Христовой дарует человеку духовное могущество в отношении к окружающим. У человека две стороны души, из которых одна тянется к добру, другая ко злу. Если подходить к человеку с Христовой любовью, то он обращается тогда всей своей доброй стороной, отвечает сам любовью и готов проявить со своей стороны все хорошее. Поэтому вокруг любящего все делается хорошим. Он является как бы просветителем душ, пробуждающим в них все доброе и утверждающим их в добродетели.

У одного поселянина спросили: «Почему все жители вашего поселка отличаются от других таким примерным благочестием и поведением?»

Поселянин ответил: «У нас в церкви поистине святой настоятель. Нам просто стыдно было бы перед ним, если бы мы вели себя иначе».

Про те радость и счастье, которые дает христианину любовь, так пишет о. Иоанн С:

«Боже мой, как Христова любовь и искреннее сочувствие к нам ближнего улаживают наше сердце. Кто опишет это блаженство сердца, проникнутого чувством любви ко мне других и моей любви к другим? Это неопишимо. Если здесь, на земле, взаимная любовь так улаживает нас, то какую сладостью любви будем мы преисполнены на небесах, в сожителстве с Богом, с Богоматерью, с небесными силами,

со святыми Божиими человеками? Кто может вообразить и описать это блаженство и чем временным, земным мы должны пожертвовать для получения такого неизреченного блаженства небесной любви? Боже, имя Тебе – Любовь, научи Ты меня истинной любви, как смерть крепкой. Вот я преизобильно вкушал сладости ее от общения в духе веры в Тебя с верными рабами и рабынями Твоими, и преизобильно умиротворен и оживотворен ею. Утверди, Боже, это, что соделал во мне. О, если бы это так было во все дни. Даруй мне чаще иметь общение с верными рабами Твоими, с храмами Твоими, с Церковью Твоею, с членами Твоими».

Очевидно, что главным критерием истинного спасения души (а отсюда и счастья, мира и удовлетворенности жизнью) является направление внимания не на себя, а через любовь на счастье ближних. Этот критерий относится одинаково к мирянам и инокам. Эгоист – не любящий – всегда несчастен и неудовлетворен жизнью, а истинный христианин, хотя бы и «трудящийся и обремененный» (Мф. 11, 28) будет всегда в мире и духовной радости.

Там, где имеется любовь к Богу, там исполнение заповедей совершается как бы само собой – совершенно легко и непринужденно. Разве можно оскорбить любимого невыполнением его просьб и повелений? И не сладко ли все делать так, чтобы любимый был доволен? Поэтому Господь говорит: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди» (Ин. 14, 15).

Стяжание христианином любви Христовой является и залогом сопребывания с ним Божией благодати. Об этом так пишет прп. Макарий Великий:

«Кто достигает совершенной любви, тот делается уже узником и пленником благодати. А кто приближается постепенно к совершенной мере любви, но не дошел еще до того, чтобы стать узником любви, тот находится еще под страхом, ему угрожают брань и падения».

Как и у всякой добродетели, у Христовой любви есть свои степени развития. Как пишет старец схимонах Силуан:

«Кто боится Бога, чтобы Его чем-нибудь не оскорбить, – это первая любовь. Кто имеет ум чистый от помыслов – это вторая любовь, больше первой. Кто ощутимо имеет благодать в душе своей – это третья любовь, еще большая. Четвертая, совершенная любовь к Богу – это когда кто имеет благодать Святого Духа и в душе, и в теле. У того освящается тело и будут мощи. Так бывает у великих святых, мучеников, у преподобных. Кто в этой мере, тот неприкосновенен для плотской любви. Любовь Божия сильнее, чем любовь девицы, к которой влечется весь мир, кроме тех, кто имеет благодать Божию в полноте, ибо сладость Духа Святого перерождает всего человека... При полноте любви Божией душа не прикасается миру... Хотя и живет человек на земле среди других, но от любви Божией забывает все в мире. И горе наше в том, что по гордости ума своего мы не стоим в этой благодати».

Кто любит – тот становится близким, родным, своим Богу. Он свободен от всех заповедей и законов, кроме одного – закона любви, которая есть «исполнение закона» (Рим. 13, 10) и «совокупность совершенства» (Кол. 3, 14). Он счастлив истинным счастьем, так как любовь несет награду в себе самой. Его Отец – Бог, его близкие друзья – святые торжествующей Церкви. Он никого не судит и не осуждает, но на всех изливает свою любовь, ибо Отец его «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45).

Кто любит, тот просвещен совершенной мудростью, ибо, как говорит ап. Павел: «Кто любит Бога, тому дано знание от Него» (1Кор. 8, 3).

Кто в Боге – те в огне любви, и живут не собою и не ради себя, а ради Бога и ближних, ими наполняют жизнь и через это вместе с любовью наполняют сердца свои миром и совершенной радостью.

Приложения к главе 35-й

(Из книги П. В. Никольского «Вопросы жизни при свете вечности»)

Любовь вообще возможна только между существами, чем-либо похожими друг на друга.

Невозможно любить то, что не имеет для человека какого-нибудь значения. Мы любим и можем любить только то, что отвечает на наши запросы, составляет, так сказать, часть нашего существа. Такова супружеская любовь, такова любовь музыканта к музыке, такова же любовь сребролюбца к деньгам и т. д.

Если христианин любит Бога, то потому, что в себе самом он находит искру Божию. И если он любит Бога больше всего, то потому, что искра Божия, таящаяся в нем, для него дороже всего на свете.

Христианин заботится только о приобретении Бога, т. е. о том, чтобы путем нравственного усовершенствования, путем возгревания в себе искры Божией приобщиться к живому, личному и вечному Богу.

Таким образом, в христианском нравоучении любовь к Богу идет рука об руку с любовью христианина к самому себе. Чем больше и возвышеннее христианин любит Бога, тем больше и лучше он любит самого себя. Но эта любовь простирается только на ту искру Божию, на то вечное существо, которое призвано к вечному соцарствованию со Христом.

Вместе с тем христианин должен освободиться, как от тормоза, стесняющего совершенствование, от своего личного стремления ко всему, что отвлекает человека от его вечного совершенствования...

Христианин должен любить ближнего не за его поступки, а прежде всего за его идеальную природу, не за то, что есть человек в своей жизни, а за то, что он должен быть, за вечное достоинство его природы...

Сам Господь отдал Своего Единородного Сына за вечное блаженство всех людей. После этого ближний сделался существом неизмеримой ценности и значения...

Поэтому христианская любовь простирается на всех людей, каковы бы они ни были по своим нравственным совершенствам...

Не равнодушием и не презрением проникается христианин при виде грешника, а печалью о нем... Христианин любит в ближнем вечное и только то, что помогает ему достигнуть вечной жизни. Он сорадуется только истинному благу ближнего, а не всему, что считается последним за благо...

Пусть наш ближний грешник даже преступник, но пока он живет с нами, для него остается возможность исправиться и удостоиться вечной жизни (Лк. 13, 6–9).

(Из писем о. Александра Ельчанинова)

Как говорилось уже выше, следствием отсутствия Христовой любви в человеке является его эгоизм – обращенность на себя, или «аутоэротизм», как называет этот глубокий порок души о. Александр Ельчанинов. Какие горькие последствия для души проистекают из этого порока при забвении Бога и ближних, видно из нижеприведенного письма о. Александра к одной из его духовных дочерей.

«...Вы пишете о «холоде и одиночестве» Вашей жизни. Мне так хотелось бы утешить Вас. Но неужели молитвы, друзья, работа не выводят Вас из одиночества и не согревают Ваше сердце? Я уверен, что да, и что Ваши слова надо понимать в том смысле, что иногда, может быть, даже часто вам бывает холодно и одиноко; часто, но не всегда. Конечно, большую роль в этом одиночестве играют обстоятельства Вашей жизни, но будем мужественными и признаем, что немалое значение, может быть, даже главнейшее, принадлежит Вам самим. Вы пишете сами, что Вам «трудно выходить из себя», т. е. что в Вас есть некоторая обращенность на себя, а это грех, и не какой-нибудь, а коренной и первичный грех нашей человеческой природы. «Люди впали в самовожделение, предпочитая собственное созерцание Божественному» (Св. Афанасий Великий). Выход отсюда, из собственной обращенности на себя, – в раскрытии себя навстречу Объективному (Богу). Стремитесь к блаженной простоте и молитесь о ней, о той святой простоте, которая дается забвением себя и полной, без остатка, обращенностью к свету Божественному, к миру, братьям. Тогда в Вашу душу снизойдут полный мир, и

радость, и покой. А путь к ним – послушание быстрое, добровольное, не рассуждающее. Вы спросите: кому послушание? – Первому встречному, близким, голосу совести, уставам Церкви, духовному отцу. Замкнутость Ваша всегда грех, но только не всегда нам личный грех; часто это порок всего рода, семьи, предков. Но тогда тем больше побуждений бороться с грехом для спасения всего своего рода. Ведь всякое личное приобретение духовное таинственным путем сообщается всем нашим родным, живым и умершим. Господь явно покажет это на Вашем опыте, если Вы преуспеете на этом пути. В Вашей семье вам дано понимать больше всех, и если Вы вымолите у Бога для себя кротость, душевный мир, терпение, то Вы обратите на духовный путь всю Вашу семью, и не проповедью, не поучениями, а молчаливым совершенствованием в добре... С участием и сочувствием прочел длинный список Ваших душевных горестей и огорчился вместе с Вами. Но я все же верю в основную доброкачественность вашей души. Дело в том, что жить по совести очень трудно, а жить как все – очень легко и выходит как-то само собой. Есть хорошая русская поговорка: Богово – дорого, бесово – дешево, и вот на это дешевое все и бросаются. Как легко жить без усилий, в непрерывном кинематографе встреч, разговоров, не неся никаких обязанностей, ни к чему себя не принуждая, питая свое тщеславие, лень, лежачесть, легкомыслие. Но я твердо знаю, что в глубине души Вам противна такая жизнь, что Вы хотели бы быть доброй, внимательной ко всем, светлой, чистой».

К изложенному выше можно добавить следующие слова В. С. Соловьева:

«Утверждая себя вне всего другого, человек тем самым лишает смысла свое собственное существование, отнимает у себя истинное содержание жизни и превращает свою индивидуальность в пустую форму. Таким образом, эгоизм никак не есть самосознание и самоутверждение индивидуальности, а напротив, самоотрицание и гибель».

Глава 36. Любовь Христова у святых

Любовь... есть совокупность совершенства. Кол. 3, 14

Любовь... есть совокупность совершенства.

Господь на Тайной вечере говорил апостолам: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 13, 34). Что же тут нового в этой высшей и последней степени любви?

Господь поясняет: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Господня же любовь была горяча до смерти крестной за всех людей, за весь мир.

Вот тот предел любви, к которой призывается всякий христианин.

Глубоко и труднопостигаемо умом понятие «любовь Христова» для высших ее степеней. Как говорит старец Силуан:

«1) чем больше любовь, тем больше страданий душе; 2) чем полнее любовь, тем полнее познание; 3) чем горячее любовь, тем пламеннее молитва; 4) чем совершеннее любовь, тем святее жизнь.

Когда с душою благодать хотя бы малая, тогда душа любит Господа и ближнего и имеет мир в себе, но есть большая любовь – тогда душа забывает весь мир.

Нет большего счастья, как любить Бога всем умом и сердцем, всей душою, как заповедовал Господь, и ближнего, как самого себя. И когда эта любовь есть в душе, тогда все радует душу, и когда она теряется, то человек не обретает покоя, и смущается, и обвиняет других в

том, что будто они его обидели, а не понимает, что сам виноват – потерял любовь к Богу и осудил или возненавидел брата.

Любовь Христова – великий благодатный дар душе человеческой; ее происхождение Божественно. Она приобщает человека к райской жизни еще здесь, на земле. Любовь Христова горяча и не дает помнить землю. Кто испытал ее, тот неутомимо день и ночь ищет ее и влечется к ней. Она теряется нами за гордость и тщеславие, за неприязнь к брату, за осуждение брата, за зависть: она оставляет нас за блудную мысль, за пристрастие к земным вещам – за все это уходит

благодать, и опустошенная и унылая душа скучает тогда о Боге, как скучал отец наш Адам по изгнании из рая. Тяжело жить без любви к Богу; душе мрачно и скучно. Но когда приходит любовь, тогда невозможно описать радость души. Таково свойство большой любви Христовой, что она не терпит снижения до плотских наслаждений вообще».

У христианина-подвижника всякого рода чувственные наслаждения, будь то зрительные, вкусовые, слуховые, осязания или обоняния, отвлекают душу от того, что безмерно выше и неизмеримо драгоценнее, лишая ее дерзновения в молитве, тогда как страдательное состояние плоти, наоборот, очень часто содействует очищению ума и восхождению его к созерцанию.

Господь говорил: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк. 12, 49).

Этот огонь есть любовь Христова – это солнце для душ человеческих: она согревает и разжигает души, ею душа живет и без нее умирает.

Сила любви, степень ее напряжения или горячность ее пламени могут измеряться степенью той жертвы, которую она способна принести ради любимого.

Сила пламени любви Бога к человеку сказала в неизмеримости Его жертвы – жертвы Своим Единородным Сыном, отданным на жесточайшие страдания, позор и крестную смерть. Также и сила любви святых к Богу засвидетельствована тем, что святые жертвовали ради Бога всем: они покидали близких, отдавали все свое имущество, предавались всевозможным подвигам, а мученики приносили Богу самую жизнь свою.

Вероятно, многие видели картину «Христианка». На ней мы видим девушку, которая держит в руках свечу и идет на казнь за исповедание Христа. Ее глаза устремлены на пламень свечи, и как будто бы вместе с этим пламенем горит ярким огнем и ее душа. Она не видит ничего вокруг, не видит и свечи и ее пламени.

Взор ее устремлен внутрь. Она что-то так глубоко и ярко переживает, что ничто окружающее не достигает ее внимания.

Еще несколько минут, и она будет с Женихом ее души – со Христом. Он Сам выйдет навстречу Своей невесте. Ведь она все в мире оставила ради Него, и сейчас она отдает Ему последнее, что у нее осталось, – свою земную жизнь. Душа ее уже не здесь, а там, где встречает ее Жених. Вот почему румянец играет на ее щеках и блестят ее глаза, а ее лицо отражает неземную радость перед лицом смерти.

Прп. Варсонофий Великий говорил:

«Бог есть огонь, согревающий и разжигающий сердца и утробы. И если мы ощущаем в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол холоден, то призовем Господа, и Он, пришедши, согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближнему. И от лица теплоты изгонится холод доброненавистника».

А вот как характеризует человека, загоревшегося любовью к Богу, прп. Исаак Сириянин:

«Лицо человека как бы горит и делается радостным; его тело также согревается. Его оставляет страх, и он делается восторженным и изумленным. Страшная смерть делается для него желанной, и у него не бывает никакого отступления в размышлениях о небесном. Не замечает он окружающего материального мира и все житейские дела делает как бы машинально; его разум всегда погружен в созерцание, и мысль его беседует с кем-то другим. Когда достигаем такой любви, тогда достигли мы Бога и путь наш совершен».

Георгий, затворник Задонского монастыря, так пишет в одном письме:

«Хочу сказать несколько слов о сущности любви. Это – самый тончайший огонь, превосходящий всякий ум и легчайший всякого ума. Действия этого огня быстры и чудны; они священы и изливаются на душу от Святого Вездесущего Духа. Этот огонь лишь коснется сердца – и всякое помышление и чувство беспокойные мгновенно перелазгаются в тишину, в смирение, в радость, в сладость, превосходящую все. О многом относительно себя я был откровенен с вами, намереваюсь и еще быть откровенным. Я

провел здесь, в моем уединении, кажется, уже шесть лет, когда Господу было угодно привести мое сердце в совершенное сокрушение. Тогда думал, что уже пропал и что гнев Божий пожжет мою законопреступную душу, унывающую и нерадеющую... Я впал в великое изнеможение и едва дышал, но непрестанно повторял в сердце: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Вдруг в одно мгновение вся немощь отпала и огонь чистой любви коснулся моего сердца: я весь исполнился силы, чувств, приятности и радости неизъяснимой. Я до такой степени был восхищен, что уже желал, чтобы меня мучили, терзали, ругались надо мной. Желал этого, чтобы удержать в себе сладкий огонь любви ко всем. Он настолько силен и сладок, что нет ни горести, ни оскорбления, которого бы он не претворил в сладость. Чем больше подкладывают дров в огонь, тем огонь сильнее: так действуют на нас скорби и горести, наносимые человеками. Чем более нападений, тем более сердце разгорается святою любовью. И какая свобода, какой свет. Нет слов к изъяснению: радовался бы, если бы кто лишил меня очей моих, чтобы не видеть суетного света; рад был бы, если бы кто взял меня, как преступника, и заклал в стену, чтобы мне не слышать голоса, не видеть тени человеческой...»

Особенно ярко встает наша нищета в этой основной добродетели, когда мы знакомимся с характерами святых, когда читаем об их жизни во Христе и постигаем силу развития в них Христовой любви.

Вот примеры любви, «не ищущей своего».

Когда народ израильский тяжко согрешил перед Господом, сделав себе идола – золотого тельца, пророк Моисей стал умолять Бога: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32, 32).

Такова же любовь к заблуждающемуся народу еврейскому, не принявшему Христа, и у ап. Павла, который пишет: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от

Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть израильтян» (Рим. 9, 1–4).

Как мы видим, любовь Моисея и ап. Павла к еврейскому народу такова, что они готовы были пожертвовать для его спасения даже вечным блаженством.

«Любовь Христова, – говорит св. Иоанн Златоуст, – так одушевляла ап. Павла, что если бы ему предложено было потерпеть для Христа и вечные наказания, то он не отказался бы и от этого: ведь он служил Христу не так, как мы, наемники, по страху геенны и по желанию Царствия, – нет, объятый какою-то другою, несравненно лучшею и блаженнейшею любовью, он терпел и делал все не для иного чего, как для того, чтобы только удовлетворить этой любви, которую он питал ко Христу...

Христос составлял для апостолов все: ни неба, ни Царства Небесного не предпочитали они Возлюбленному. Но спросишь: как можно возлюбить так? Если представим себе, сколько раз оскорбляли мы Бога после

бесчисленных благ, от Него полученных, и Он не переставал умолять нас; сколько раз удалялись мы от Бога, и Он не покидал нас, но Сам прибегает к нам и зовет, и влечет нас к Себе, – если размыслим о всем этом и тому подобном, то можем возжечь и в себе такую любовь».

Но пусть величие и красоты этой меры любви не приводят нас в уныние от мысли о нашей собственной нищете в любви. Те, кто показал великую меру этой добродетели, также были людьми, и все же эта огненная любовь оказалась для них доступной.

И мы, если не будем нерадивы и ленивы, тоже можем приобщиться Христовой любви, хотя и не в тех степенях, как величайшие из святых.

Приложение к главе 36-й

Что это за сокровище – любовь к Богу – и как нелегко оно даруется христианину, свидетельствует нижеприведенное письмо схиархимандрита Гавриила Спасо-Елеазаровской пустыни (скончался 24 сентября 1915 г.), взятое из его жизнеописания, составленного архимандритом Симеоном.

Это письмо было написано старцем Гавриилом незадолго до своей смерти одному из своих духовных детей. В этом письме говорится о 30-летнем стремлении его души к боголюбию.

«Господи, благослови и спаси нас! Боголюбивейший батюшка, начну с Боголюбия. Быть может, по науке, по способности ума вашего вы знаете о Боголюбии несравненно более, нежели я, убогий. Слава Богу! Но если бы вы были уязвлены сердцем этим Боголюбием, а оно во вне и внутри освящало, сжигало и переплавляло все, то, конечно, ни воспоминаний сладострастных, ни других каких-либо теней не было бы в вашем сердце и ничем оно не могло бы услаждаться, кроме Боголюбия. Прости, мой любимче, и не подумай, что я хочу упрекнуть тебя в чем-либо. Нет, совсем нет. Мне желалось бы выяснить тебе как ближайшему другу и брату о Христе чувство Боголюбия – то чувство, которое и сам так долго и так сильно желал получить и не получил. Эти желания были муками моего духовного рождения, и эти муки были весьма длинны, около тридцати лет с небольшим. Думаю, что борьба с грехом за радость единения с Господом и Творцом была во мне двух родов. Одна – моя природная, другая – Божия, но все это было таинственно и сокрыто по высшему усмотрению, что я мог кое-как уразуметь уже впоследствии. Я изнемогал в борьбе с собою, с порывами страстей моей плоти, но при этом во мне пребывало желание, высшее и лучшее, нежели все греховные порывы. Оно окрыляло мой дух, я чувствовал, что только оно меня удовлетворит и более ничего на свете – эта вечная творческая сила, сила неумирающая, дарованная Творцом, – любовь к Богу. Я жаждал любить Бога всем сердцем. Но как любить? Если любить Бога – нужно быть достойным Бога, а я видел себя не только грешником, но и коснеющим в грехах своих. Желание любить Бога крепло, возрастало до горения, а как любить, чтобы сердце удовлетворилось в своем желании, я не знал. Что делать для этого, я не мог придумать. Все способы испытал, на которые указывают, т. е. делать все доброе, быть милосердным к ближним. Я эту добродетель

исчерпал до дна. Не раз оставался чуть прикрытым, раздавая все нуждающимся, терпел голод и холод, скрывал это от других, обиды терпел, не мстил за обиды, старался любить врагов и любил их, как это повелено Господом. Но самой любви-то к Богу я в себе не ощущал, да и страсти мои явно говорили, что я чужд этой Божественной любви. А мысль не оставляла меня, и сердце горело еще большим желанием любить Бога, но на деле я этого не достигал. Я чувствовал, что сила жизни – в любви к Богу, сила творческая, благодатная; я думал, что если буду иметь в себе эту любовь, то оковы моих страстей спадут сами собой, следы их растают и перегорят от огня Божественной любви. Я был убежден в этом тогда и теперь удостоверяю, что иначе и быть не может. Это та самая истина, о которой сказано Самим Спасителем нашим Богом: «Истина освободит вас, и вы поистине будете свободны». И вот не стало терпения долго ждать. Я взываю ежеминутно, да когда же Господь удостоит меня этой любви к Нему. Ведь Он сказал: «Без Мене не можете творить ничесоже». Господи, прииди и вселися в ны: научи меня творить волю Твою, научи и любить Тебя, как подобает любить. Ведь Тебе, Всесильному, нетрудно это сотворить со мной. Господи, хоть удостой меня: ненадолго всели эту любовь в меня и поживи во мне, я пойму, узнав Тебя; тогда удались от меня, я буду уже по ведению стремиться к Тебе, буду страдать сознательно, зная, за что страдаю, для чего живу. И вот Господу моему было угодно, чтобы я заболел, и я заболел, а любви этой еще не испытал в себе, заболел и сильно плакал во время болезни о том, что остался побежденным в грехах моих – грехом, а любви-то еще не имею. Спешу каяться не раз и не два: очень много каюсь и получаю радость, ибо вижу, что грех начинает терять надо мною силу, так как греховного наслаждения не стало в душе, помысл греховный не возникал в сердце, а покаяние соединилось с благодарностью к Богу. Чем более я страдал, тем легче я себя чувствовал. Я ощущал сильную потребность причащаться, и меня причащали. По причащении Святых Таин мой дух окрылялся неизреченной

надеждой на Бога, а сердце переполнялось благодарностью ко Господу Иисусу Христу. Здесь-то мне убогому и открылась в необъятной полноте любовь Божия к миру в искуплении человеческого рода. Эта любовь заговорила как бы во мне, внутри всего моего существа с такой силой ко Господу, что я не чувствовал и своих страданий. Я не могу оторваться ни мыслями, ни чувствами сердца от любви ко Господу. Воспоминания о всей Его земной жизни, о всех явлениях и действиях на земле производили во мне радостный трепет, обновление внутреннее моей души и сердца. Сердце было полно надеждой на спасение. Ничто не могло дать повода к отчаянию в милосердии Божию. Господь был близ, душа жила Им и чувствовала только Его безграничную любовь. Каждый шаг земной жизни Спасителя ясно отпечатлевался в сознании как совершенный для спасения, для освящения человека. Им было посвящено для меня все: и окружающий воздух, которым я дышал, и вода, которую я пил, и самый одр, на котором лежал, и гроб, в который готовился сойти. Все это было залогом моего спасения, воскресения из омертвения плоти и прославления с Господом, и я чувствовал, что это творится не по моей заслуге, а единственно по бесконечному милосердию Божию. Я признавал себя глубоко грешным, но в то же время горячая надежда на спасающую любовь и милосердие Господне неизменно окрыляла мой дух. Слезы умиления лились из очей, а что переживало при этом сердце, я не могу и описать. Я не чувствовал потребности в пище, тяготился, когда меня посещали другие. Я блаженствовал, уязвленный любовью ко Господу, желал остаться хотя бы навечно один и страдать – но только с Господом и в любви к Нему. Вот что такое Боголюбие, и вот что оно делает с душой человека. Ради того я и назвал вас боголюбивейшим, ибо Боголюбие необходимо для всех и каждого в отдельности. Оно есть богатство неокрадомое и есть всемогущая сила творческая, сила вечной жизни. Если кто водрузил эту силу в сердце – тот и душу свою оживит ею. Боголюбивый не пожелает любления мира сего, ибо любить мир будет уже разрывом любви Божией и враждой Богу. Боголюбие есть жизненная сила сердца

человека, созданного по образу Божию. Через него человек вновь водворяется в рай, к нему приходят Царствие Божие и сила. Нужно любить Бога и жить Им, вдыхать и выдыхать духом любви Божией».

Глава 37. Пути к стяжанию Христовой Любви и рассудительность в ней

Если хочешь иметь любовь, то делай дела любви, хотя сначала и без любви.

Старец Амвросий Оптинский

Хотя первая заповедь говорит о любви к Богу, а вторая – к человеку, порядок выполнения их обратный, и надо начинать со второй как наиболее легкой и доступной.

Ап. Иоанн говорит в послании:

«Не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит».

Св. отцы всегда предупреждали иноков, ищущих безмолвия (для того, чтобы приблизиться к Богу), о необходимости предварительно приобрести любовь к братьям и уметь в совершенстве служить им.

Так учил своих духовных детей старец Алексей М. Он говорил, что «нельзя брать духовную жизнь сверху (т. е. с исполнения наивысших и более трудных заповедей), а нужно брать ее снизу: сначала очистить душу от страстей, приобрести терпение, смирение и т. п., потом полюбить ближнего, а затем уже Бога.

Как приобрести и возрастить в себе Христову любовь, как «расширить свое сердце» (2Кор. 6, 11)?

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Любовь есть плод молитвы, когда ум пребывает в молитве без уныния и человек молится пламенно и с горячностью, стремясь получить дар любви. Терпеливо пребывать в молитве значит отречься человеку от самого себя: при самоотвержении же достигается любовь Божия».

А старец о. Алексей М. давал такой совет на тот же вопрос:

«Любовь приобретается путем работы над собой, путем насилия над собой и путем молитвы... Посылает Господь какого-нибудь человека – надо отнестись к нему внимательно, подойти к нему, войти в его положение, посвятить ему уголок своего сердца. Так постепенно все новые и новые люди будут входить в наше сердце, и наше сердце будет все расширяться и расширяться. Мы должны подражать любви Божией. Случай сделать добро кому-либо есть милость Божия к нам. Поэтому мы должны бежать – стремиться всей душой послужить другим. А после всякого дела любви так радостно, так спокойно на душе, чувствуешь, что так и нужно делать; хочется еще и еще делать добро. После этого будешь искать, как бы кого еще обласкать, утешить, ободрить. А потом в сердце такого человека вселится Сам Господь: «Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23)».

Итак, путь для стяжания любви, как и для всякой добродетели, – это постоянное упражнение во внешнем ее проявлении и подражание тем, кто обладает этой добродетелью.

Старец Амвросий Оптинский пишет в своем письме:

«Если хочешь иметь любовь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твое желание и старание и вложит в сердце твое любовь».

Развитию любви способствует, как пишет епископ Аркадий (Лубенский), и «общение с людьми глубоко верующими, кроткими, любвеобильными, чтобы от их сердечных костров любви зажигать и свои притухшие сердечные свечечки».

Возрастанию Христовой любви способствуют также дела, от которых возрастает смирение. Как пишет епископ Вениамин (Миров):

«Даже безотносительно к людям смирение в одежде, утаение добрых дел своих, выполнение самых черных работ, отказ от блистания в обществе какими-либо преимуществами чудно и неизъяснимо умножают в душе любовь к Богу и к людям».

Путь стяжания любви к Богу – это приобщение себя к жертве. Бог возлюбляется постольку, поскольку человек начинает жертвовать всем ради Бога.

Для этого надо научиться жертвовать своим временем, отдавая его молитве; жертвовать силами, не жалея их при молитвенном бодрствовании, стоянии и поклонах; жертвовать привычкой есть сладко, вкусно и досыта – при упражнении себя в посте и воздержании; жертвовать склонностью развлекаться, жертвовать комфортом, приучая себя к скудости, жертвовать нарядами – стремясь одеваться по возможности скромнее и т. д.

Пусть каждый день приносятся жертвы Богу: от этого будет вложен новый камешек в наше сердечное здание любви.

По мнению же старца Парфения Киевского:

«Любовь к Богу можно возжечь в душе только одною постоянною молитвой».

«Чтобы любить Бога, – говорит о. Иоанн С, – всем сердцем, надо непременно все земное считать за сор и ничем не прельщаться. Чтобы любить себя как ближнего, надо пренебрегать деньгами, не прельщаться лакомствами, нарядами, отличиями, чинами, похвалами или мнением людским».

А вот и еще какие советы о возгревании в себе Христовой любви дает о. Александр Ельчанинов:

«Вся наша внутренняя жизнь движется любовью к Богу. Но откуда взять эту любовь? Всякая наша любовь питается впечатлениями от любимого объекта (к миру, родным). Как может удержаться и не завянуть наша любовь, а с нею и наша вера, если она не питается никакими впечатлениями? Но какие же впечатления от Бога, Которого «никто никогда не видел» (1Ин. 4, 12)? Мы имеем Христа. Размышление о Нем, молитва, чтение Евангелия – вот пища, питающая нашу любовь к Нему. Но бывает, и очень часто, что для этого сердце наше оказывается слишком грубым, невосприимчивым. Тогда надо попытаться обратиться к житиям святых, к писаниям отцов – у них тот же свет Христов, но в

смягченном, ослабленном виде, уже прошедший сквозь призму хотя и святой, но человеческой души».

Как пишет о. Валентин Свенцицкий:

«Все доброе в нас имеет некую черту, перейдя которую, незаметно обращается в зло».

В жизни случается, что этот закон имеет приложение даже к такой добродетели, как любовь.

Выше уже говорилось про часто неразумную любовь естественную – материнскую и родственную.

Но даже и в такой любви, которая, казалось бы, имеет в основе исполнение Христовой заповеди о любви к ближнему, бывают случаи, когда к любви примешивается злое по неразумию и нерассудительности.

Вот несколько примеров тому, которые были на наших глазах. Две уже престарелые сестры жили вместе, и обе по духу были истинные христианки-подвижницы, горячо любившие друг друга. Одна из них была серьезно больна – раком коленной чашечки – и лежала, страдая от сильнейших болей. Время было трудное и в продовольственном отношении. Здоровая сестра приносила больной пищу, которой хватало лишь для одной. Больная в этих случаях отказывалась от принесенной пищи, считая, что и сестра ее тоже голодна. Начинался спор между сестрами – и никто не хотел уступать и скушать принесенное. Взаимные уговоры переходили в слезы. Часто кончалось тем, что пища так и не была съедена, портилась и выбрасывалась.

Здесь при наличии горячей взаимной любви недоставало рассудительности на то, чтобы, например, разделить пищу пополам и несколько уступить друг другу.

В другом случае умирал престарелый старец – иеромонах. За ним ухаживали его духовные дети, тоже старушки. Перед самой смертью совсем уже ослабевший старец отказывался от приема лекарства и только просил оставить его в покое.

Старушки знали, что никто уже не поможет старцу. Тем не менее они не слушали его просьб, насильно разжимали ему рот и вливали прописанные докторами лекарства, чем доставляли мучения умирающему старцу.

Третий случай. Жили две христианки – старушка и более молодая вдова. Старушка сильно занемогла и единственное, чего желала, – это только покоя. Но вдова, из чисто христианского чувства сострадания, считала своим долгом всячески заботиться о больной, не считаясь с ее желаниями, склонностями и привычками. Она приглашала сама докторов, которых не хотела принимать старушка, беспокоила ее всякими предложениями и советами. Не умевшая себя сдерживать больная раздражалась, обижалась и подчас выходила из себя из-за назойливости не в меру рьяной в своих заботах сестры во Христе и даже заподозрила ее в намерении лекарствами приблизить к ней смерть... Так отравлялись взаимные отношения христианок из-за неумения у вдовы найти правильную норму отношения к больной и положить предел своей заботливости.

Может быть, у кого-нибудь возникает вопрос: что важнее – молитва или дело любви?

На этот вопрос так отвечает прп. Иоанн Лествичник:

«Бывает, что когда стоим на молитве, встречается дело благодетельства, не допускающее промедления. В таком случае надо предпочесть дело любви. Ибо любовь больше молитвы, так как молитва есть добродетель частная, а любовь объемлет все добродетели».

Поэтому дела любви выше молитвы, но, конечно, еще лучше, когда они сочетаются с непрестанною молитвой.

Приложение к главе 37-й

Можно ли человека любить и ему не доверять? Можно. Истинная любовь к человеку совсем не означает обоготворения всех его качеств и преклонения перед всеми его действиями. Истинная любовь может замечать и недостатки человека столь же остро, как и злоба. Даже еще острее. Но любовь не как злоба, а по-своему, по любовному относится к недостаткам человека. Любовь бережет и спасает человеческую душу для вечности; злоба же топит, убивает. Любовь любит самого человека – не его грехи, не его безумие, не его слепоту... И более остро, чем злоба, видит все несовершенство этого мира.

Подвиг прозорливости духовной – видеть все грехи людей и судить все зло, и при том не осудить никого... Только свыше озаренный человек способен на такую любовь.

Да, можно любить – и не доверять. Но не есть ли доверие признак души открытой и не есть ли открытость – свойство любви? Нет, любовь шире открытости. И без открытости души, в этом мире может быть любовь...

Старец Амвросий Оптинский или прп. Серафим любили людей пламенной любовью и в Духе служили им. Однако не всем открывались, и открывались мало; хранили душу свою от людских взоров, проникая своим взором в души людские. Духовник на исповеди совсем не открывает своей души исповедующемуся. Но душа истинного духовника открыта – не обнаружением, но любовью – и через любовь обнаруживается в мире.

Старец не всегда и не всем открывает все, что знает от Бога. Но, сообразуясь с состоянием каждого, к каждому подходит соответственно.

Мать, которая не все, что приходит ей на мысль, говорит своему ребенку, не по нелюбви скрывает, но по любви не доверяет, а являет именно ребенку свою любовь, сокрывая от него все ему бесполезное, до чего не дорос он еще, что не может принять в свое незрелое тело и в свою незрелую душу.

Не-искренность, не-непосредственность, не-простота, как и «недоверчивость» – могут быть благими... Врач не все открывает больному, начальник – подчиненному, учитель – ученику.

Состояние и возраст, вместимость и приготовленность определяют предмет и истину, являемую в миру.

Кораблю подобна человеческая душа. Корабль имеет подвижную часть, и душа должна иметь невидимое для мира сознание. Не «подсознание», но укрываемое – ради блага истины – сознание.

Злое утаивать надо, чтобы никого не замарать. Доброе утаивать надо, чтобы не расплескать. Утаивать надо ради пользы всех. Скрывание душой своего зла иногда бывает

необходимостью духовной; скрывание своего добра почти всегда бывает мудростью и праведностью.

Не всякая «не-прямота» есть неправда, и не всякое «недоверие» есть измена последнему доверию.

Последнее доверие можно иметь лишь к Богу Триединому и ко всем Его законам и словам. Недоверие же к себе есть всегда мудрость, и всякое подлинное, положительное недоверие, по любви, к другим есть продолжающееся святое недоверие к самому себе. Ибо не волен бывает подчас в своих делах и словах человек, мятется во зле и сам не отдает себе в этом отчета.

Не во всем доверять себе – это имеет глубокий смысл и спасительный. Свой опыт, свой ум, свое сердце, своя мысль, свое настроение... Все это шатко, бедно и неопределенно, здесь нет абсолютного предмета для доверия... А от недоверия ко всему шаткому проистекает всесовершенное и безграничное доверие к Богу Триединому.

Ближним столь же нельзя доверять (и столь же можно), как себе, а себе – лишь по мере своей согласованности с Откровением Божиим, с волей Христовой, открытой в мире и открывающейся в душе.

Лишь духовным отцам и руководителям – истинным и испытанным – во Христе можно всецело доверять себя более, чем себе, и предавать свой слух и свою душу, как Богу, во имя Бога.

Ближний же мой, друг мой, есть лишь частица меня самого (ибо он частица всего человечества, коего я – частица). Следствие первородного греха – страсти – присущи и ему, и мне. Конечно, в разной мере и в различных оттенках, но как он, так и я – мы имеем основание – не доверять своей пока еще двойственной природе и непретворенной воле.

Мы действуем почти всегда «по страсти», с примесью греховного, а не «бесстрастно»: не свободно – во Христе.

Я действительно изменчив, непостоянен; колеблюсь различными «приражениями» лукавого, и чистота глубины души моей то и дело замутняется поднимающимся со дна ее илом.

Ближний мой так же изменчив, как я, и столь же способен на доброе, как и на злое.

Я нуждаюсь в постоянной проверке себя, и ближний мой – также. Я должен без устали проверять свои действия в мире: «по Богу» ли они? Проверки требует не только злое и «доброе» мое, ибо злое часто бывает очевидно, тогда как доброе лишь кажется «добрым», а на самом деле бывает злым. Впрочем, и злое нуждается в проверке; и злему нельзя доверять, по первому признаку «злого». Людям потемненным (каковы мы) и хорошее представляется плохим, если оно сопряжено с болью, тягостью и оскорблением нашего самолюбия.

Не о злой подозрительности здесь речь, а о благом творческом недоверии к себе и ко всему, что окружает нас в мире.

Грех нам всегда представляется чем-то «сладким» – не нужно доверять этой сладости, ибо она есть горчайшая горечь и страдание. Страдание же (например, в борьбе за чистоту тела и души) представляется невыносимым и отвратительным, не нужно доверять и этому выводу: за благом страданием следует мир, который превыше всякой радости.

Люди часто и много подолгу говорят, и как будто идеи их должны служить благу; но сколько неверного, соблазнительного и пустого льется из их уст. Не нужно доверять всем словам людей... Люди часто сами страдают за те слова, которые они сами сказали, и раскаиваются в них...

Да, не все, что исходит от человека (даже при самых благородных его намерениях), есть благо. Много бывает ненужно, напрасно, греховно, и таковым является не только

для того, кто это ненужное изводит, но и для того, кто его неосторожно принимает.

Углубляя свою любовь к людям, никогда не надо забывать, что все люди больны и необходимо жить среди них в постоянном трезвении, не только в отношении себя, но и в отношении всех окружающих... Лишь при первом бывает плодоносно последнее.

Не к самому человеку надо, конечно, иметь недоверие, но к данному его состоянию. Степень доверия следует всегда

менять соразмерно состоянию просветленности человека в Боге. Если человек, которого мы любим и кому всегда до сих пор доверяли, вдруг явится перед нами нетрезвым и начнет нам давать какие-нибудь советы, – исчезнет ли наша любовь к этому человеку? Если мы глубоко его любим, любовь наша не исчезнет и даже не ослабеет. Но доверие исчезнет, не только к словам, но и к чувствам этого человека, пока он в таком состоянии.

Опьянение вином реже бывает у людей, чем опьянение какой-либо страстью; гневом, злопамятством, похотью, деньголюбием, славолубием... Страсти, как вино, действуют на разум и на волю человека и извращают всю его душу. Опьяненный какой-либо страстью не владеет собой, перестает быть самим собой, делается «игралищем бесов», даже тот, который в свободное от страсти время бывает исполнен подлинной глубины и чистоты Христовой, насколько она возможна в пределах нашей земной, личной и наследственной греховности.

Более светлому состоянию человека принадлежит и более совершенное доверие... Например, я хочу произнести слово или принять Святые Тайны, но чувствую, что душа моя полна смятения и страсти... Я должен в этом случае поступить по Евангелию, т. е., «оставив свой дар у жертвенника», пойти помириться с душою, «с моим братом», иначе сказать – умиротвориться, войти в небесную жизнь. Вот образец праведного и благого недоверия к себе во имя Христовой любви к самому себе. Эгоистическая любовь моя, напротив, желала бы презреть, не заметить моих недостатков и сочла бы душу мою «достойной», несправедливо доверила бы ей и позволила бы ее греховному состоянию излиться на мир или беспokoянно приблизиться к Богу, к Его горячей купине. Дозволила бы – не по заповедям Божиим (которые суть: «Иззуй сапоги твои», т. е. греховное состояние души), а по своеволию... И опечалился бы я непреложными законами Божьей чистоты.

Несомненно, что я должен беспристрастно относиться к себе и другим. Но не будет ли это значить, что я «творю суд» над кем-нибудь вопреки слову: «Не судите, да не судимы

будете»? Нисколько. Рассуждение есть признак выхода человеческой души из дурного ее младенчества. Рассуждение – это мудрость, про которую сказано: «Будьте мудры, как змии». Рассуждение есть венец любви, и св. учителя Церкви даже считают его выше любви, выше, конечно, «человеческой», неразумной, часто даже погибельной любви. Рассуждение есть небесная мудрость в жизни, духовный разум любви, который не отнимает ее силу, но дает ей соль.

«Не мечите бисера вашего...» – это не отсутствие любви (слово Божие учит нас лишь одной любви), но мудрость любви, знание высших законов Неба...

«Не мечите бисера вашего...» – есть заповедь о недоверии в любви, заповедь, ведущая к любви, оберегающая любовь.

«Да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя».

...Я постоянно хочу осуществить в себе, и во всем эту любовь – упразднить «царство свое» и открыть – Божие. Не доверять, не принимать ничего «своего», «человеческого», греховного и полугреховного... Открыть свой слух и свое сердце (всю его глубину) лишь Божьему, чистому, светлому...

«Да приидет Царствие Твое». Я – до смерти – не хочу успокоиться в алкании его – во всем. Я молюсь, и. не холодно слетают слова эти с уст моих – они исторгаются из всего существа моего и заставляют меня томиться, как в пустыне.

Сладок суд Божий, совершающийся в моем сердце над моим сердцем... Сладостно мне пришествие Христово. Я встречаю Господа везде. Не везде является мне Господь, но я встречаю Его в каждом слове и в каждом дыхании... в разговорах, намерениях и действиях человеческих.

Я хочу лишь Его. И ненависть хочу иметь ко всякой не Его правде. Я все хочу лишь о Нем, без Него мне ничего не надо, все мне бесконечно тяжело и мучительно. Он свет сердца моего, Я бы не сделал ничего доброго, если бы знал, что это доброе Ему неужгодно. Я знаю всегда – и ночью и днем, что Он близ меня, но не всегда я слышу Его горячее дыхание, ибо не всегда я сам устремлен к Нему и хочу Его более всего другого. В этом своем переживании я чувствую такую немощь, такую слабость и нищету, что ни в чем земном не могу успокоиться,

ничто не может поддержать меня. Лишь Он, сказавший: «МИР МОЙ ДАЮ ВАМ»...

Глава 38. Великодушие и всепрощение

Прощайте, и прощены будете. Лк. 6, 37

Прощайте, и прощены будете.

Прямым следствием развития любви, помимо сердечного милосердия, является также проявление великодушия и всепрощения. И то и другое есть способность любви не позволять появляться в душе злым чувствам, даже при явной вине против нас. Господь велит отпускать вины до «седмиды семидесяти раз» (Мф. 18, 22) и прощать «от сердца» (Мф. 18, 35), т. е. совершенно. Он ставит в зависимость от полноты прощения наших близких их вины против нас и Свое прощение наших грехов: «Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших» (Мк. 11, 26).

Следует заметить, что часто мы не замечаем в душе нашей гнездящегося там змея непощения, т. е. злопамятности. Мы склонны часто напоминать нашим близким их прежние проступки против нас и укорять их за старую вину: это глубокий порок души – грех против любви, отвращающий от нас милость Божию, лишаящий даров Духа Святого. Мы должны хорошо помнить притчу о немилосердном займодавце, которому было прощено 10 000 талантов, и потребовавшему уплату себе 100 динариев. Этому займодавцу вновь был восстановлен счет всего ранее прощенного ему огромного долга.

И когда мы имеем еще на сердце воспоминания о зле, сделанном нам, и смеем упоминать о нем, или укорять им, или просто думать с неприязнью о человеке, то мы ставим себя по отношению к Богу в положение евангельского злого займодавца, который не заслуживает никакой милости, и потеряем и благодать Божию, и при нас останутся и все грехи, ранее прощенные нам.

Непощение и злопамятность порождают вражду. А к чему может привести непримиримая вражда – об этом рассказывается в житии св. мч. Никифора (память 9 февраля ст. ст.).

Святой мч. Никифор жил в первой половине III века. У Никифора был друг, которого звали Саприкием. Они были близкие друзья, но диавол, который ненавидит мир между людьми, внес в их взаимоотношения ненависть. Сначала они поссорились; эта злоба углубилась, дошло до того, что они не хотели не только разговаривать, но и видеть друг друга.

Первым пришел в себя Никифор. Он пришел к Саприкию и говорит: «Я виноват перед тобою, прости меня, давай жить как раньше». Но Саприкий не хотел разговаривать, и Никифор должен был уйти огорченный.

Через некоторое время Христианская Церковь подверглась гонению. Саприкий как христианин был взят и заключен в темницу, и подвергнут многообразным пыткам. Его принуждали отречься от Христа, но он выдержал все пытки и не отрекся от Христа. Тогда язычники приговорили его к смерти.

Никифор узнал об этом. Когда Саприкия вывели из темничных ворот, он подошел, поклонился и говорит: «Мученик Христов, я виноват пред тобою, давай помиримся». Но в сердце Саприкия сохранилась злоба. Он вспомнил о прошлой обиде, отвернулся от Никифора и

пошел дальше. Никифор следовал за ним. Пришли на место казни, и опять Никифор подошел к нему, опять поклонился и сказал: «Прости». Тот опять вспомнил прежнюю обиду и не захотел смотреть на него.

Поскольку Саприкий не изгнал злопамятства, то благодать Божия, которая помогала Саприкию переносить и тяжести темницы, и пытки, оставила его.

И когда на месте казни Саприкий увидел палача и орудие казни, он спросил: «За что хотят меня умертвить, что хотят от меня?» Тот говорит: «Чтобы ты отрекся от Христа».

В это мгновение Никифор подошел к Саприкию и сказал:

«Ты уже сделал все: претерпел и темничное заключение, и пытки – осталась только казнь, и ты будешь на небе, не отрекайся от Христа».

Но поскольку благодать Божия оставила Саприкия, то он, потеряв веру, сказал язычникам: «Я отрекаюсь от Христа».

А Никифор в это время выступил перед язычниками, сказал: «Я христианин», – и был казнен.

Как говорил старец Парфений Киевский:

«От памятозлобного отвращается Бог, молящемуся и питающему злобу на ближнего вместо ангелов соприсутствуют демоны, и молитва его бывает в грех».

Итак, прощать надо один раз навеки и всем всегда, не оставляя в сердце ни малейшего оттенка неприязни и осуждения. Только тогда наше сердце будет чисто перед Богом и мы с дерзновением можем произнести прошение молитвы Господней: «И остави нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим».

У всепрощения, как и всякой добродетели, есть несколько ступеней.

Прп. Иоанн Лествичник приводит рассказ про трех воинов, которые вместе претерпевали бесчестие:

«Один из них был угрызаем скорбью, но смолчал; другой порадовался за себя, но опечалился за оскорбившего его; третий же, думая единственно о вреде для ближнего, пролил теплые слезы. Тут видны делатели страха, мздовоздаяния и любви».

Будем же подражать тому третьему иноку в его подвиге всепрощения, забывая здесь о себе, а думая лишь о пользе для ближнего.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Норма отношений к нашим близким – прощать без конца, так как мы сами бесконечно нуждаемся в прощении. Главное – не забывать, что доброе, что мы ранее ценили в ближнем, – оно остается у него, а грех всегда тоже был, только мы его не замечали».

Про праведника о. Матфея (Гомилевского) рассказывали, что когда его невинного обвиняли, то он не считал возможным оправдываться, боясь впасть в грех отмщения и самооправдания.

Как пишет архиепископ Иоанн:

«Во всяком обижаемом, если он не обижается, есть неотмирное величие, ответ Христовых страданий».

Глава 39. Благость и любовь к врагам

Плод же духа – любовь, благость и милосердие. Гал. 5, 22
Любите врагов ваших. Мф. 5, 44

Люби грешника, но ненавидь дела его. Прп. Исаак Сирин

Среди плодов Святого Духа апостол Павел упоминает также о «благости» (Гал. 5, 22). Господь говорит: «Никто не благ, как только один Бог» (Мф. 19, 17).

Таким образом, «благость» – это свойство Самого Бога.

Но Господь говорил также: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 48), и христианину заповедано отображать в своем сердце и эту высшую добродетель «благости» (Гал. 5, 22).

Благость есть неизменно благое расположение сердца ко всем близким и дальним, своим и чужим, добрым и злым, друзьям и врагам.

Это есть исполнение заповеди Господа: «Любите врагов ваших, благословляйте проклиняющих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44).

Здесь может встать естественный вопрос: как можно среди врагов любить и тех, кто, например, занимается убийствами и оскорбляет и попирает то, что для нас свято, кощунствует, истязает детей, совращает ко греху невинных, обманывает и губит девушек и т. д.?

Прежде чем ответить на этот вопрос: надо указать на бедность нашего лексикона – крайнюю ограниченность нашего языка. Для бесконечной гаммы взаимных чувств между людьми у нас в распоряжении имеется всего несколько слов.

Что же касается «любви», то это слово вмещает много понятий, и нам необходимо всегда уточнять это слово добавлением эпитетов к нему: семейная, родственная любовь, любовь брачная (супругов), любовь друзей и, наконец, совсем особая Христова любовь.

Часто слово «любовь» ставят и там, где надо было бы употребить слово «пристрастие», например: пристрастие к

разным вещам, животным, развлечениям, искусству, науке и т. д.?

Что же касается «Христовой любви», то и в ней имеется много оттенков. Естественно, что у христианина будут самые различные чувства к благочестивому брату во Христе и какому-либо лицу, кощунственно относящемуся к религии. И это вполне законно.

И у Христа было различное отношение к людям: был ближайший к Нему апостол любви – Иоанн, «которого любил Иисус» и который «возлежал у груди Иисуса» (Ин. 13, 23), были затем два других наиболее близких ученика – Петр и Иаков, затем были еще девять близких апостолов и, наконец, еще 70 апостолов (Лк. 10, 1). Конечно, Господь имел к ним иные чувства, чем к тем гордым лицемерным фарисеям, на которых Он смотрел «с гневом» (Мк. 3, 5).

Итак, повторяем, различие чувств к окружающим законно для христианина. Об этом говорит и Сам Христос из Евангелия: «Если же [брат твой] и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь» (Мф. 18, 17).

С язычниками же евреям вообще не полагалось сближаться, а мытарей (сборщиков податей) все чуждались за их нечестность и корыстолюбие.

Возвращаясь к тексту Евангелия: «Любите врагов ваших», можно из дальнейших слов Господа найти указание, в какой форме должна проявляться у нас эта любовь к врагам.

Если это враги, «проклинающие нас», то Господь велит нам их «благословить». Это мы, конечно, всегда в силах сделать своими устами. Если эти враги «ненавидят» нас, то Господь велит им «благодетельствовать». И это всегда в нашей возможности – за зло платить им добром. Если эти враги «обижают» и «гонят» нас, то Господь повелевает нам «молиться за них» (Мф. 5, 44). И это мы также всегда можем делать – пусть с принуждением, но усердно и правильно молиться устами, хотя бы в сердце и не было к ним любви в высоком значении этого всеобъемлющего слова. Об этом же говорит и указание ап. Павла: «Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его» (Рим. 12, 20).

Праведник и пастырь о. Иоанн С. так пишет в книге «Моя жизнь во Христе»:

«Дивное дело. Душа чувствует при столкновении с неверующим и хладным к Богу человеком отвращение к нему» (стр. 139, т. 2, изд. Ступина, 1894 г.).

И это у великого праведника, молитвенника и пастыря. Где же тут любовь, и разве о. Иоанн не знал заповедь Христа о любви к ним? Конечно, знал, но у него то чувство к чуждым людям, которое бывает у людей без веры, сопровождается другим чувством, которое он описывает далее и которое надо понимать как особого вида любовь – «любовь к врагам», по заповеди Христа.

О. Иоанн пишет об этом так:

«Диавол старается обратить это несправедливое нерасположение и негодование в злобу к нему (неверующему). Чтобы не питать злобы и не служить диаволу, надо сказать себе: я нерасположен и хладен к брату за его нерасположение и хладность к Богу, но не питаю в сердце своем ненависти и злобы к нему, ибо терплю его, как свой больной член, и хочу врачевать его с кротостью – «не даст ли ему Бог покаяния к познанию истины» (2Тим. 2, 25). Если он обратится к Богу, и я обращусь к нему с сердечной любовью... Впрочем, терпи любовно всякого и смотри более сам на себя: каков ты сам, не хладен ли к Богу и к ближнему? Если же так, то незачем бросать камень на брата, когда этот камень надо обратить на себя».

Повторяем, изменить внутри сердца какое-либо чувство не в нашей возможности: это может сделать с нашим сердцем лишь благодать Божия. Но в нашей возможности проявить к любому человеку внешние признаки чувства, в том числе и милосердие. И это не будет лицемерием, а преоборением себя – ради исполнения воли Господней.

Может быть, и с таким пояснением о сущности выполнения заповеди «любви к врагам» эта заповедь будет все же казаться трудноисполнимой для тех, чьего сердца не касалось веяние Святого Духа. Но там, где это имеет место и где в сердце

зародилась любовь Христова, там эта заповедь легко исполнима!

Об этом так пишет о. Александр Ельчанинов:

«Как любить врагов? Мы неуязвимы для зла, когда мы в панцире Духа, когда зло людей до нас дойти не может, когда мы с жалостью и любовью смотрим на причиняющих нам зло. Это так же, как не страшно быть на морозе с запасом тепла внутри, например после пробега на лыжах. Однако не надо смешивать это состояние беззлобия с самодовольной бронированностью от мира. В очищенном сердце вообще не может более жить ненависть или осуждение кого-либо. И тот, кто бережет свое устроение, дорожит сопребыванием Духа Святого, тот должен быть кротким со всеми. Если он видит вражду к себе или ненависть, то какое еще средство он может употребить для устранения их, как не усиленную молитву за тех, кто относится к нему враждебно? Он прежде всего бережет душу свою, бережет чистоту сердца, и это делает невозможным для него иное отношение ко всем людям – без различия – как неизмеримо милосердное и благостное».

Как пишет старец Силуан:

«Дух Святой учит любить врагов так, как будет жалеть душа родных детей. Есть люди, которые желают своим врагам или врагам Церкви гибели в адском огне; так мыслят они потому, что не научились любви Божией от Духа Святого, ибо тот, кто научился, будет проливать слезы за весь мир. Ты говоришь: как любить врагов, когда они делают зло? Или как любить тех, кто гонит Церковь святую? Когда Господь шел в Иерусалим и самаряне не приняли Его, то апостолы Иоанн и Иаков готовы были свести огонь с неба и истребить их за это – но Господь им милостиво сказал: «Я пришел не губить, а спасти» (Лк. 9, 54–56). Так и мы должны иметь одну мысль: чтобы все спаслось. Душа жалеет врагов и молится за них, что они заблудились от истины и идут в ад. Это есть любовь к врагам. Когда Иуда задумал предать Господа, то Господь милостиво вразумлял его; так и мы милостиво должны поступать с теми, кто заблуждается, и тогда спасемся милосердием Божиим».

Вместе с тем старец Силуан пишет, что «нет большего чуда, как любить грешника в его падении. Любить врагов вне Единого Истинного Бога – невозможно. Но носитель такой любви причастен вечной жизни, несомненное свидетельство о том имея в душе своей. Он – жилище Духа Святого и Духом Святым знает Отца и Сына, знает подлинным и живоносным знанием, а в Духе Святом он брат и друг Христа, он сын Божий и бог по благодати».

О том, как проверить себя: имеем ли мы любовь к врагу, так говорит епископ Аркадий (Лубенский):

«Хочешь знать, есть ли у тебя любовь к врагам, – проверь себя. Если ты спокойно встретишь своего обидчика, поклонись ему, несмотря на то, что он гневается на тебя; имея над ним власть, не причиняешь ему зла и даже не покажешь ему своей над ним силы; если ты без злости можешь думать о своем враге, искренно молиться о нем, защищать его перед другими – значит, ты познал великую, святую любовь. Что нужно делать, чтобы приобрести такую любовь? Она приобретается: 1. Смирением. Кто считает себя великим грешником, не заслуживающим ни любви, ни уважения, тот ни на кого не будет обижаться, принимая все как воздаяние за грех. 2. Пониманием того, что у нас есть только враг – диавол, толкающий нас на грех. После диавола другим врагом является сам человек для себя, соизволением себе на соблазн и грех. Те же люди, которые делают нам так называемое зло, есть лишь орудия нашего спасения – и отсюда наши благодетели, так как а) отнимая материальные блага, они развязывают нас от опасного для нас богатства, часто освобождают от ненужных забот и очищают сердце от пристрастия к материальным благам; б) лишая нас доброй славы, они ведут нас к смирению и побуждают трудиться не из тщеславия, а ради угождения Господу; в) подвергая нас насмешкам, гонениям, посылая в темницы и т. п., они готовят нам венцы исповедничества и награды за мученичество. Умей только пользоваться искушениями, и они вознесут тебя от земли и приблизят к небу».

К словам епископа Аркадия можно добавить такое же указание старца Варсонофия Оптинского:

«Враги наши, желая нам досадить и сделать что-либо злое, делают это по своему нерасположению к нам, но по большей части своим злом пресекают большее зло, которое грозило нам, хотя это последнее зло мы тогда и не знали, и только через много лет, может быть, его поняли. Поэтому они – истинно наши благодетели, за которых нам надо молиться».

Как пишет схиархимандрит Софроний про старца Силуана:

«Молитву за врагов и за весь мир он ощущал как вечную жизнь, как Божественное действие в душе человека, как неизведанную благодать и дар Святого Духа... И как бы ни был человек и мудр, и умен, и благообразен, но если он не любит врагов, т. е. всякого сочеловека, Бога он не достиг».

Кого понимал старец Силуан под словом «враги» – характеризует следующая строчка из его записок:

«Господь научил меня любить врагов. Без благодати Божией не можем мы любить врагов, но Дух Святой научает любви, и тогда будет жаль даже и бесов, что они отпали от добра, потеряли смирение и любовь к Богу. Молю вас, испытайте – если кто вас оскорбляет или бесчестит, или отнимает, что ваше, или гонит Церковь, то молитесь Господу, говоря: «Господи, все мы – создание Твое, пожалей рабов Твоих и обрати их на покаяние», – и тогда ощутишь носить в душе своей благодать. Сначала принудь сердце твое любить врагов, и Господь, видя доброе желание твое, поможет тебе во всем и сам опыт покажет тебе. А кто помышляет злое о врагах, в том нет любви Божией, и не познал он Бога».

Мир души

Глава 40. Корни мира и пути к нему

Мир вам... Ин. 20, 19, 21, 26

Мир вам...

Следствием развития в христианине смирения и любви, в нем зарождается и душевный мир. Об этом так пишет старец Силуан из Старого Афона:

«Не может душа иметь мира, если не будет всеми силами просить у Господа дара любить всех людей».

Апостол Павел пишет: «Плод же духа: любовь, радость, мир...» (Гал. 5, 22). Итак, мир вместе с тем является плодом сопребывания с человеком Святого Духа и является также тем духовным сокровищем, которого должен искать всякий христианин.

При решении вопроса о нашем состоянии: «В духе ли мы?» – наличие мира на душе является одним из важнейших показателей. Мир в душе христианина должен царствовать постоянно, не нарушаясь ни при каких обстоятельствах и переживаниях.

Еп. Игнатий (Брянчанинов) так характеризует значение мира для христианина:

«Дверь в страну духа – мир Божий, превосходящий всякий ум, потопляющий все помышления человека в несказанной сладости своей. Этот мир Христов уничтожает все смущения и страхи, так сильно действующие на человека плотского... Есть действие от крови, кажущееся для неопытных действием благим, духовным, а оно не благое и не духовное, оно из падшего естества нашего и познается по тому, что порывисто, горячо нарушает мир в себе и ближних. Действие духовное рождается из мира и рождает мир».

Насколько важно для христианина сохранение всегда духовного мира, видно из слов старца о. Алексия Зосимовского, которые он сказал одной паре только что поженившихся супругов (из своих духовных детей):

«Я вам не желаю ни богатства, ни славы, ни успеха, ни даже здоровья, а лишь мира душевного. Это самое главное. Если у вас будет мир – вы будете счастливы».

Тот же старец утверждал, что «тогда только ты обрящешь мир, когда будешь верить в Промысл Божий».

Как говорил Оптинский старец Варсонофий:

«У кого в душе мир, тому и на каторге рай».

Итак, мир есть такое сокровище, ради которого надо жертвовать всем житейским. Авва Дорофей велит оставлять всякое дело, если оно грозит потерей «устроения», т. е. мира души.

Как зарождается в душе мир? На этот вопрос ответ дает Сам Господь. Он говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11, 28–29).

Итак, при последовании за Христом в Его кротости и смирении христианин получает здесь, на земле, награду – покой души. И наличие покоя есть вместе с тем показатель того, что человек действительно следует за Христом и в нем Святой Дух. Наоборот, состояние раздражения говорит о болезни души и об отсутствии в ней Святого Духа.

Как победить раздражение? Об этом св. Паисий Великий спросил Господа. Господь сказал ему: «Если хочешь не раздражаться, то ничего не пожелай, никого не осуди и не возненавидь – и не будешь раздражаться».

Здесь под понятием «ничего не пожелай» следует понимать: не пожелай даже того, что кажется тебе добрым и совершенно необходимым. Человек часто ошибается в том, чего хочет от него Господь, и считает за доброе то, что противоречит в данный момент воле Господней.

О причинах раздражительности и потери мира душевного так пишет архиепископ Арсений (Чудовской):

«Иногда вдруг у тебя появляется какая-то раздражительность, недовольство окружающими тебя людьми, а то и просто дурное, угнетенное состояние духа, тоска, разочарование. Малейший повод – и твое настроение

испортилось. Отчего это? Очевидно, ранее душевная твоя почва была подготовлена к такому настроению. Раздражительность, недовольство людьми вызываются завистью, недоброжелательством к ним. Тоска, уныние, угнетенное состояние духа вызываются предшествующими греховными помыслами, чувствами, делами. Благодать Божия, как утренняя роса, прогоняет все это, освежая сердце и все внутреннее существо человека. Счастлив тот, кто умеет или, лучше сказать, способен быстро привлекать к себе эту благодать Божию: тот легко освобождается от тех душевных страданий, о которых мы говорим».

Какими путями надо идти к миру душевному? Преподобный Святгорец Никодим говорит, что «смирение, мир сердечный и кротость так тесно соединены между собой, что где есть одно, там есть и другое». Поэтому мир душевный является прямым следствием развития в христианине смирения и кротости.

А прпп. Варсонофий и Иоанн так отвечают на этот вопрос:

«Считай себя самым грешным и последним из всех, и будешь иметь покой»

(Отв. 696).

И еще:

«Узнай, что служит к успокоению брата, делай это и получишь и ты покой от Бога».

Говоря о способности стяжания мира душевного, нужно вспомнить и следующие слова прп. Серафима Саровского:

«Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание, и сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая – с другими».

Что понимал преподобный под «непрестанною беседой с собою», поясняют его следующие слова:

«Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем».

А чтобы замечать в себе ненормальность душевного состояния, преподобный давал такой совет: «К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?» (т. е. анализировать свое душевное состояние в данный момент).

На этот же вопрос: как сохранять душевный мир? – старец Силуан из Старого Афона дает следующий подробный ответ:

«Невозможно сохранять мир душевный, если не будем следить за умом, т. е. если не будем отгонять мысли, неудобные Богу и, наоборот, держаться мыслей, удобных Богу. Надо умом смотреть в сердце, что там делается: мирно или нет. Если нет, то рассмотрим, чем согрешил. Для мира душевного нужно быть воздержанным, потому что и от нашего тела теряется мир. Не должно быть любопытным, не нужно читать ни газет, ни мирских книг, которые опустошают душу и приносят уныние и смущение. Не осуждай других, потому что часто случается, что, не зная человека, говорят о нем плохо, а он по душе подобен ангелам. Не старайся знать чужих дел, кроме своего; заботься только о том, что тебе поручено... И тогда за послушание Господь будет помогать тебе Своею благодатью, и ты увидишь в душе своей плоды послушания: мир и постоянную молитву... Если брат твой нанесет тебе оскорбление и ты в эту минуту примешь на него гневный помысл, или осудишь его, или возненавидишь, то почувствуешь, что благодать ушла и мир пропал. Для мира душевного нужно душу свою приучить, чтобы она любила оскорбившего и сразу молилась за него. Не может душа иметь мира, если не будет всеми силами просить у Господа дара любить всех людей. Господь сказал: «Любите врагов ваших» – и если не будем любить врагов, то и мира в душе не будет. Необходимо надо стяжевать послушание, смирение и любовь, а то все наши большие подвиги и бдения пропадут даром».

Старец Силуан утверждал, что мир души у постоянно молящегося не зависит от внешней обстановки. Он рассказывал про о. Иоанна С, что когда тот выходил из храма, то «его окружал народ, ища благословения, и в такой сутолоке душа его постоянно пребывала в Боге, и в такой толпе он не рассеивался и не терял душевного покоя, потому что любил народ и не переставал за него молиться Богу».

По словам о. Александра Ельчанинова:

«Чем больше человек будет, забывая о себе и свое, отдавать свое сердце Богу, делу и людям, тем легче будет ему становиться, пока он не достигнет мира, тишины и радости – удела простых и смиренных душ».

А подвижник благочестия И. И. Троицкий так говорил о возможностях у христианина сохранить мир в любой обстановке:

«Истинные христиане и с бесами могут ужиться».

В некоторых случаях мир души христианина нарушается из-за беспокойства о близких. И хотя такое беспокойство и свидетельствует о любви христианина к близким, но и здесь нужна «рассудительность» в добродетели.

Надобно иметь такую веру, чтобы предавать благому Промыслу Божию не только себя, но и судьбу своих близких.

По этому поводу прп. Никодим Святгорец дает такой совет:

«Надлежит тебе осмотрительно умерять горячность ревности о других, да сохранит тебя Господь в мире и покое душевном. Смотри, не потерпела бы душа твоя ущерба в своем главном – в мире сердца – от неразумных забот о пользе других».

Средством же к восстановлению мира душевного при временной утрате является нерассеянная продолжительная молитва. Даже при невзгодах и трудности жизни такая молитва всегда несет в душе успокоение и умиротворение. К миру душевному может повести и глубокое изучение Священного Писания и по нему – судеб человеческих. Тогда христианин может понять и слова архиепископа Иоанна (Шаховского):

«Лишь глубокое метафизическое недовольство этой жизнью может дать человеку душевный мир. Человек – сын великой любви, и ничто малое ему не свойственно».

Как говорит старец Силуан:

«Когда мир Христов придет в душу, тогда она рада сидеть, как Иов, на гноище, а других видеть в славе... От любви душа всякому человеку хочет больше добра, чем себе, и радуется, когда видит, что другим лучше, и скорбит, когда видит, что они мучаются».

Мир души – это великое сокровище христианского сердца; это стальная броня против всех невзгод, несчастий и бедствий мира, которые бессильны разбить ее и проникнуть в сердце христианина.

«Плод же правды в мире сеется у тех, которые хранят мир», – пишет ап. Иаков (Иак. 3, 18).

Умиренный духом христианин все находит в мире целесообразным и нужным, во всем видит благость Промысла Божия, он в мире с Богом, со всеми людьми, своей совестью – он в мире со всем миром. Более того, при достижении мира и «устроении тихом», по словам прп. Варсонофия Великого, «в христианине почивает Бог».

Как говорил Оптинский старец Никон:

«Когда на душе спокойно, тогда чего же еще искать?»

В дополнение к вышеизложенному мы рекомендуем прочитать главы «Дар спокойствия» и «Секрет мира душевного» из замечательной книги Миллера «Обычный день жизни».

Приложение к главе 40-й

Как пишет архиепископ Арсений (Чудовской):

«В духовной жизни большое значение имеет самоукорение. Оно облегчает прежде всего нести скорби. Случилось со мной что-либо скорбное – если я не стану укорять никого, возлагать вину на другого, а сам себя обвиню, внутренне скажу, что я достоин всего скорбного, то этим самым обличу себя и без смущения, с некоторым спокойствием, перенесу для меня трудное, тяжелое, так что можно сказать: укорение себя доставляет успокоение, умиротворение нашего духа. Самоукорением подавляются, так сказать, притупляются наши страсти, наши грехи. Самоукорение для страсти то же, что вода для огня: водой заливается огонь, самоукорением – страсти. Самоукорение развивает тонкость различения нравственно доброго от скверного, дурного, так что у кого нет самоукорения, у того притуплено познание доброго. Самоукорение развивает, укрепляет смирение, ибо кто укоряет себя, тот все, что ни случается с ним доброго, будет считать делом Божия Промысла, а злое – за грехи наши. Самоукорение ведет к взаимному миру. Если бы все

укоряли себя, то водворился бы мир, все бы мирствовало друг с другом и, наоборот, – укоряя друг друга, посеваем вражду и неприязнь. Самоукорение дает нам спокойно переносить оскорбления, не чувствовать их. Самоукорение есть узда, сдерживающая проявление, движение в нас всего дурного. Самоукорению противоположно самооправдание, которое развивает в нас тщеславие, самомнение и гордость».

Глава 41. Миротворчество

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Мф. 5, 9

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Человек, стяжавший мир на душе, – это богач. Но это богатство не преходящее, а вечное, духовное – «истинное» (Лк. 16, 11). Он может не только сам пользоваться этим богатством, но и без ущерба для себя делиться им с окружающими – может стать миротворцем. Но пусть не обольщает нас легкость служения Христу на этом пути.

Господь сказал ученикам Своим: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его» (Мф. 10, 34–36).

Эти слова Христа иногда приводятся атеистами как пример бессмыслицы в Евангелии, как противоречие с общим учением Христа. Действительно, разве Христос пришел возмутить землю и озлобить друг на друга членов одной семьи?

Конечно, намерение Христа было обратным – Он хотел принести на землю мир и любовь не только к ближним, но и к врагам. Но в мире действует не только благая воля Бога, но и противодействующая ей злая воля лукавого и тех, кто идет за последним.

Сущность происходящего на земле Ф. М. Достоевский определил такими словами:

«В мире диавол со Христом борется, а поле битвы – сердца людей».

О неизбежности этой борьбы и разделения мира на два лагеря – сторонников Бога и сторонников сатаны – и говорил Христос Своим ученикам.

С пришествием Христа борьба обострилась, и около трех веков сатана воздвигал на христиан кровавые гонения. Да и после прекращения гонений – в период христианских правителей и признания христианства господствующей религией – сатана где только мог восставал против рабов Христовых и тех, кто носил название христиан, но был фактически подчинен сатане.

Хотя и в меньшем количестве, чем в период гонения, но ученики, страдальцы за Христа, были всегда (например, св. Иоанн Златоуст, св. мчч. и князя Борис и Глеб, митрополит Филипп, дивеевская блаженная Пелагея Ивановна, посаженная на цепь своими родными; в инославных вероисповеданиях здесь можно упомянуть Иоанна Гуса, Савонароллу, невинных жертв инквизиции и т. д. Вот о чем предупреждает Господь Своих учеников, говоря о разделении даже в семье и о наличии у христиан врагов даже среди домашних.

Однако водворение на земле мира было одной из целей пришествия Христа на землю. Он заповедовал Своим ученикам: «Мир имейте между собою» (Мк. 9, 50), – и, уходя с земли, говорил им: «Чтобы вы имели во Мне мир» (Ин. 16, 33) и «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27).

А тем, кто брал на себя задачу последовать Ему в Его миротворчестве, тем присваивал самое почетное из званий для сынов человеческих – звание сынов Божиих: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9).

Сердце одного инока было пленено этой заповедью, и он оставил монастырь и ушел в мир, чтобы насаждать там мир между людьми. Недолго он оставался в миру и скоро возвратился обратно в монастырь с глубоким разочарованием: ему не удалось примирить ни одной ссоры, ни погасить вражды в сердце хотя бы у одного человека.

О подобном же опыте рассказывает в своих записках старец Силуан. Он пишет:

«Господь говорит: «Блаженны миротворцы». И я подумал: частью буду безмолвствовать, а частью людей умиротворять. И поселился близ одного расстроенного брата, схимонаха... И стал, беседуя с ним, уговаривать его, чтобы он жил в мире со всеми и всем прощал. Он немного потерпел, а потом так восстал на меня, что я келию бросил и едва бежал от него, и много я плакал перед Богом, что мир не сохранился. И понял я, что надо искать волю Божию и жить так, как хочет Господь, а не самому выдумывать себе подвиги».

Как тот инок, так прежде и старец Силуан, очевидно, не знали трудности взятой на себя задачи: они не учли того, что миротворчество помещено Господом лишь в конце заповедей блаженства и под силу лишь совершенным христианам. В этой лестнице восхождения по ступеням добродетели миротворчество стоит на седьмом месте и следует после заповеди: «Блаженны чистые сердцем...», т. е. его можно достигнуть только после стяжания бесстрастия.

Вот почему старцы Варсонофий Великий и Иоанн на вопрос: «Хорошо ли стараться о мире всех?» – отвечали: «Лучше умиротворить собственное свое сердце: это каждому прилично, и блажен, кто это делает. А примирять ссорящихся не всем возможно, но только тем, которые могут это предпринимать без всякого вреда для самих себя».

А преподобный Серафим говорит:

«Стяжите дух мирен, и около вас спасутся тысячи».

Таким образом, влияние христианина на окружающих начинается лишь после того, как у него самого вместе со смирением, кротостью и любовью прочно в сердце водворяется мир, т. е. свобода от страстей и пристрастий и невозмутимость совести.

Не следует кроме того задачу миротворца понимать слишком узко, как упомянутый выше инок. Миротворец – это тот человек, который творит мир около себя, успокаивает сердце, умиротворяет души, внушает окружающим веру и надежду, примиряет с Богом, жизнью, миром и людьми.

Миротворец как бы пленяет других своим мирным настроем, умиротворением своего духа, и внушает окружающим начало своего бодрого, радостного мирозерцания. Все это возможно, конечно, лишь при полноте духовного здоровья самого миротворца.

Мирить же ссоры – это частный случай. При этом лишь немного достигается простым единичным примирением враждующих: здесь необходимо радикальное исцеление души ссорящихся, развитие в них взаимной любви, снисходительности, терпения и т. д. Это задача длительного лечения души, а не устранения единичного случая припадка вражды.

Часто бывают, однако, случаи в жизни, когда и у не достигшего совершенства христианина будет нужда примирить с собою враждующего с ним человека или примирить близких, находящихся в ссоре между собой.

В первом случае надо прежде всего до глубины смирять себя перед восстающим на тебя человеком, просить у него искренно прощения, беря на себя всю вину.

Во-вторых, надо воспользоваться нашим главным орудием во всех делах наших – молитвою.

Надо просить о примирении Матерь Божию как Матерь всех христиан, а также святого, имя которого носит враждебно настроенный к нам.

Один из боголюбцев рассказывал, что он добился примирения тем, что каждый день подавал просфоры за враждующего на него человека. Частички этих просфор омывались постоянно Кровию Христовой из Святой Чаши, и это омыло и душу от вражды. К той же цели приведет и заказывание в церкви за враждующего сорокоуста. То же средство, т. е. усиленная молитва, поможет и при примирении ссорящихся близких.

К ней прибегала всегда св. Иулиания Лазаревская, когда имела нужду устранить вражду и ссоры среди своей семьи и домочадцев.

Поэтому молитву христианина можно рассматривать как надежное духовное оружие, которое всегда имеется в его

распоряжении и может быть направлено им на погашение бушующих кругом душевных пожаров гнева, злобы, ненависти, ссор и т. п.

Глава 42. Ступени совершенствования и девять заповедей блаженства

Укажи мне, Господи, пути Твои, и научи меня стезям Твоим.
Пс. 24, 4

Укажи мне, Господи, пути Твои, и научи меня стезям Твоим. Священное Писание и опыт Церкви указывают нам на несколько периодов жизни христианина, идущего путем стяжания Святого Духа Божия.

С начала сознательной и длительной духовной жизни христианин идет путем выполнения внешнего подвига (молитвословия, поста, послушания, милостыни и т. д.), имея целью преодоление в душе своей первородного греха – страстей и пристрастий.

Здесь душа христианина еще очень далека от добродетели, сердце его еще в значительной мере гордо и черство. Много усилий надо употребить человеку, чтобы за свое «доброе произволение» через благодать Божию наступило заметное зарождение в сердце добродетелей христианских.

Игуменья Арсения в раннем возрасте оставила мир и поступила в монастырь, где ревностно проходила все послушания, руководствуясь наставлениями мудрой старицы – схимонахини Ардалионы. Думая, что старания и труды ее небезуспешны, она иногда спрашивала Ардалиону: «Матушка, на какой ступени духовной лестницы находится теперь моя душа?» – и в ответ слышала неутешительные слова: «Пока еще ни на какой».

Она тогда не понимала, что все внешние подвиги и подражание признакам добродетелей еще очень мало говорят о глубоких изменениях сердца человеческого и о метаморфозе (изменении) «душевного» человека в «духовного».

Велика была ревность ко спасению души у св. Иоанна Дамаскина, когда он оставил должность царедворца и ушел в

монастырь. Но сердце его еще не было преображено, и поэтому, как всегда при поступлении в монастырь, и на него были на долгие годы наложены искус обычных послушаний для новоначальных и запрещение писания песнопений.

За труды первого периода благодать Божия начинает касаться сердца человеческого, и тогда наступает второй период духовной жизни христианина. Тогда у него приоткрываются духовные очи, и он в состоянии постепенно постигать в истинном свете состояние своего сердца и замечать не только свои явные грехи, но и все греховные порочные склонности, постигать свою гордость и черствость сердца и замечать свои грехи в словах и мыслях. Так начинается период восхождения по ступеням совершенства девяти заповедей блаженства.

«Блаженство», которое обещал Господь верующим в Него и исполняющим Его заповеди, надо отличать от понятия «радости».

Блаженство – это особая и в значительной мере будущая радость, которая будет у христианина в загробной жизни – в Царствии Небесном. Это видно из евангельских текстов, когда Господь обещает блаженство «плачущим» (Мф. 5; 4, 11). Последним Господь обещает, что «велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 12).

Так же говорили о блаженстве и апостолы. «Блажен человек, который переносит искушение», – пишет ап. Иаков в своем послании (1, 12). «Если и страдаете за правду, то вы блаженны»; «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны», – пишет ап. Петр (1Пет. 3, 14; 4, 14).

О том, что понятие «блаженство» следует относить преимущественно к радостям будущего века, так пишет праведник пастырь о. Иоанн С:

«Жизнь человека – истинного христианина – впереди, в будущем веке; там откроются для него все радости, полное блаженство. А здесь он изгнанник и под наказанием, здесь иногда вся природа вооружается на него за грех, не говоря об истинном враге, который «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1Пет. 5, 8). Итак, не смущайтесь тем, отчего в

мире везде радости и довольство, а во мне часто нет радости и я смотрю угрюмо на радость и простор Божиих тварей. У меня есть плач за грех: этот плач всегда со мною и бьет меня. Но и для меня настанут радости, только не здесь, а в другом мире...»

Поскольку земная жизнь есть миг по сравнению с вечностью, то отсюда и счастье блаженства вечности несравнимо выше земной радости. Поэтому-то некоторые из святых молили Господа, чтобы Он не давал им здесь, на земле, счастья и радостей, но приберег их для будущей жизни (если только они окажутся достойными этого). Да и практика жизни Церкви Христовой показывает, что сравнительно малое число воистину последовавших за Христом начинали вкушать радости блаженства уже здесь, на земле.

Только великие святые после особых подвигов и стараний начинали переживать в конце дней своих блаженство будущего. Из немногих примеров для этого можно указать на прп. Серафима Саровского, «пасхального святого», как называют его по последним годам его жизни: в течение всего лета он тогда пел пасхальные песнопения.

Как общее же правило до конца дней своих святые несли великие подвиги, страдали или принимали мученическую смерть. Но и при этих подвигах и страданиях святые были не оставлены Господом и подкреплялись при жизни особой совершенной радостью, которая чужда людям безбожного мира. Об этой радости ап. Павел пишет так: «Нас огорчают, а мы всегда радуемся» (2Кор. 6, 10).

При стяжании Святого Духа Божия душа христианина озаряется «невечерним светом», украшающим душу всеми христианскими добродетелями.

Свет солнечный – один, но с помощью призмы он может быть разложен на гамму цветов. Так и духовный свет – христианское совершенство души – может представляться нами в виде гармонической гаммы христианских добродетелей. Пользуясь имеющейся на человеческом языке терминологией, Господь перечисляет эти добродетели в Своих девяти заповедях блаженства.

Когда Господь произносил эти заповеди (Мф. 5, 3–12), то очевидно поставил их очередность по известной закономерности.

Они начинаются с нищеты духовной, которая проявляется в развитии добродетели смирения и является фундаментом – основой всех остальных добродетелей.

Поэтому-то приобретшим нищету духа как залог всех остальных добродетелей и обещается сразу же в первой заповеди «Царствие Небесное».

Вместе с тем, поставив впереди всех добродетелей «нищету духа», Господь показал, что нельзя восходить к остальным добродетелям без нищеты духа – глубочайшего смирения, как нельзя восходить на вторую ступень, миновав первую. И тем, кто не достиг нищеты духовной, нельзя надеяться найти свое спасение ни в аскетических подвигах, ни в делах милосердия, ни в служении «миротворчества», ни в каком-либо ином подвиге.

Вот почему прославленному горячему защитнику икон и творцу церковных песнопений Иоанну Дамаскину были на многие годы закрыты уста, пока в его душе полностью не распустился цветок смирения.

Те же, кто не приобрел его, но стремится к спасению души путем иных подвигов, не принесут плодов Духа Святого. Они будут находиться в обольщении (если не в «прелести»), или, в лучшем случае, в состоянии той «законченности», об опасности которой предупреждает мудрая игуменья Арсения. Поэтому христианам всегда следует проверять, достигли ли они в какой-то степени нищеты духа по тем признакам, о которых говорилось выше в главе 23 (перенесение с покорностью обличений, оскорблений и унижений, считая своих обличителей и оскорбителей за благодетелей и молясь за них).

Как следствие «нищеты духа» идет покаяние – глубокое сокрушение о своей греховности в настоящем и плач о совершенных грехах в прошлом (вторая заповедь). В этом плаче проявляется наивысшая ступень нищеты духа.

Здесь – глубина сокрушения, полнота понимания падения души человеческой, полнота сознания своей немощи,

ничтожности, склонности к падениям; здесь – способность замечать на своей духовной одежде малейшие пятнышки грехов не только в делах, но и мыслях, чувствах и намерениях.

Здесь – сосредоточение внимания только на язвах своей души и прекращение осуждения ближних.

Здесь – душевный плач над своим «внутренним мертвецом» и слезные мольбы о его воскресении. Плачущим так Господь обещает «утешение», т. е., очевидно, прощение грехов и приобщение в будущем (и в какой-то мере и в настоящем веке) к радостям Царства Небесного.

От нищеты духа, смирения и сокрушения о грехах в человеке рождается кротость – добродетель христианская, укрощающая характер человека, делающая его милым и приятным для всех окружающих (третья заповедь). По достижении этой третьей ступени, кротости, следует включение христианина в число избранных Божиих – граждан будущего Нового Иерусалима, Царства Небесного, ибо «кроткие наследуют землю».

Всякая христианская душа стремится и тоскует по той правде Божией, которую ей трудно видеть на земле. Перед ее очами «мир лежит во зле» (1Ин. 5, 19). Но когда христианская душа достигает кротости, то на следующей ступени совершенствования ей постепенно открывается предвечная гармония мироздания.

За видимым злом ей становится видна тайна домостроительства мироздания и благого Промысла Бога, исполненного непостижимой любви и разума. Зло и страдания венчают преодолевших их мученическими венцами. Расширение же духовного кругозора и вера в вечность уничтожает мнимые несправедливости земной жизни, открывая взору блаженство в вечности.

Вспомним о том, как прп. Варлаам Хутынский отклонил просьбу своих учеников спасти невинно осужденного, видя над головой его приготовленные венцы мученичества.

В душе христианской тогда начинают всегда звучать слова Господа: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18), «Я победил мир» (Ин. 16, 33) и «Господь царствует, да

радуется земля» (Пс. 96, 1). Здесь полнота того духовного «насыщения», которое обещается «алчущим и жаждущим правды», преодолевшим зло верою без сомнения и недоумения о недостатках и планах мироздания.

Будем изучать Священное Писание и творения св. отцов Церкви, и они помогут нам преодолеть те препятствия, которые мешают нам в достижении четвертой ступени (в заповедях блаженств).

Следом за этим в душе христианина начинает распускаться из букета добродетелей благоухающий цветок милосердия – любви и сострадания к ближним, несущий с собой «помилование» христианина и полноту прощения ему всех грехов и погрешностей (пятая заповедь).

Если в предыдущих заповедях говорилось преимущественно о процессе очищения души от первородного зла и подготовки ее к служению Господу, то с пятой заповедью начинается это полноценное служение «меньшим братьям» Христовым (Мф. 25, 40).

Следствием же этого наступает и приобщение человека к тому стаду Христовых овец, которые станут на Страшном Суде по Его правую сторону. Им выпадает счастье услышать от Него радостные для них слова: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25, 34).

Однако нельзя думать, что при достижении этой ступени христианином уже достигнута полнота чистоты сердца от всех страстей и пристрастий. Нет, она достигается только на следующей, шестой ступени.

Сердце человеческое прп. Макарий Великий сравнивает с глубоким морем, с неисчислимым количеством всяких гадов, которые гнездятся там, плохо замеченные внутренним человеком: это остатки страстей и разных пристрастий. Господь говорит: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26).

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«Когда всех людей видит кто хорошими, и никто не представляется ему нечистым и оскверненным, тогда подлинно чист он сердцем».

Вот предел для очищения сердца от всех следов житейских пристрастий. Его нелегко достичь, и многие из ревнителей совершенства уходили для восхождения на эту ступень чистоты не только в монастыри, но и в пустыни и затворы (прп. Антоний и Макарий Великие, прп. Сергей Радонежский и Серафим Саровский и множество других). Подобное удаление совершалось вместе с тем и не ранее, как достигалась полнота любви к ближним.

Игуменья Арсения говорит:

«Когда скорби ближнего тебе станут больны, как свои, тогда ты можешь уйти в затвор. Ты понесешь туда с собою любовь к ближнему».

В тишине, при непрестанной молитве о всем мире, при всяческом воздержании, при глубочайшем внимании к своей внутренней жизни подвижник достигает полноты очищения своей души от греха, страстей и пристрастий и часто получает и особые духовные дары для дальнейшего служения ближним.

Описанные выше периоды духовного пути, по мнению схиархимандрита Софрония, требуют около 30 лет подвижнических трудов, что равняется и возрасту Господа Иисуса Христа, вышедшему на служение миру лишь в 30-летнем возрасте (Лк. 3, 23).

После этих периодов начинается новый – служение миру в полноте духовных даров. Так, например, вышли на служение миру после периода полного уединения прп. Антоний Великий, прп. Сергей Радонежский, прп. Серафим Саровский и многие другие святые.

Здесь следует указать, что в отношении пастырского служения надо сделать оговорку. При посвящении пастырям подается особая благодать как для совершения Таинств, так и для проповеди Евангелия и духовного окормления паствы, и этим восполняется их духовная незрелость («Восполняющи оскудевающая» – из чина посвящения).

Но для рядовых христиан, как мирских, так и иноков, следует помнить о последовательных этапах подготовки (деятельного и созерцательного) и о длительности подвижнического пути для достаточной полноты духовного созревания. Можно думать, что ранее этого срока надо соблюдать указание ап. Иакова: «Не многие делайтесь учителями» (Иак. 3,1). Здесь также можно вспомнить и слова ап. Павла, что «судя по времени, вам надлежало быть учителями» (Евр. 5, 12).

Естественно, что мирянам много труднее, чем инокам, создать себе подходящие условия для духовной (созерцательной) жизни второго периода. Здесь во всяком случае надо стремиться к возможно замкнутой, не рассеянной жизни при наибольшем внимании к своей душе и возможно больше уделять времени молитве, духовному чтению и богомыслию, при всяческом воздержании (возможно достижимом) и отстранении себя от мира, его суеты в связи с мирскими людьми.

Так душа христианина достигает великой ступени «чистоты сердца» – освобождения от страстей и пристрастий, пленивших через Адама весь человеческий род. Этим снимается преграда между человеком и Богом, и, как первородный Адам до падения, христианин сердцем своим на земле и непосредственно в Царстве Небесном «Бога узрит» (шестая заповедь).

После этого для немногих избранных святых, достигших 6-й ступени заповеди блаженства, начинаются новые периоды полноты служения миру в ореоле многих духовных даров, полученных ими за великую ревность и подвиги. Начинается период «миротворчества» в высоком звании «сынов Божиих» (седьмая заповедь).

Действительно, только обладая особыми дарами, они могут «водворять душевный мир» путем просвещения человеческих душ верою, утешения сокрушенных сердцем и плачущих, исцелением недужных, молитвенным заступлением в бедах и напастьях, изгнанием бесов из одержимых ими и т. п.

Но это еще не полнота достижений для христианина в служении Господу. На большой высоте начинается уже соучастие христианина в Христовых страданиях за проповедь истины, подобно ап. Павлу, который так пишет про себя: «Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол. 1, 24).

Блажен такой христианин: если он будет «изгнан за правду» Христову (подвиг исповедничества), то за это сразу же открываются ему двери Царства Небесного.

Наконец, верх блаженства обещается тем, кто вкусит в полноте страдания за Христа: их будут «поносить и гнать и всячески злословить» за Господа – за Его исповедание и проповедь о Нем. Господь обещает таким всю полноту воздаяния, провозглашая их торжество: «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (девятая заповедь).

Итак, в зависимости от подготовленности души христианской и пройденного ею пути совершенствования обещается и степень блаженства ей в том мире.

Однако следует оговориться, что этот путь не измеряется (как полагают католики) количеством добрых дел и подвига.

Совершение последних могло быть для христианина почему-либо уже невозможно (например, разбойник на кресте).

Прп. Макарий Египетский пишет:

«Человек будет наслаждаться обетованием в такой мере, в какой, уверовав, полюбил Бога, а не в такой мере, в какой трудился. Поскольку дары велики безмерно, то невозможно найти достойных трудов».

Итак, степень будущего блаженства более всего зависит от степени горячности любви христианина.

О том так говорит и архимандрит Сергей (впоследствии Патриарх):

«Господь Бог ищет не внешних поступков, не заслуг со стороны человека; но чтобы недаром уступить ему блаженство в вечном общении с Собой – ищет только способности к восприятию общения с Ним и дает его, не

сколько Сам может или хочет дать, а сколько человек может вместить».

Это, конечно, не исключает необходимости фактического подвига ради Христа для тех, кто его может совершить и, конечно, будет совершать при наличии горячей любви к Господу – ведь «вера без дел мертва» (Иак. 2, 20). Но, как говорилось уже выше, не все имеют возможность в практике жизни проявить горячность своей любви к Богу фактическим подвигом ради Христа.

Приложение к главе 42-й

Путь к этому блаженству сопряжен с крестом, с борьбой против своего и окружающего зла... Некоторые понимают крест как что-то непонятно-тягостное, извне приходящее. Это неверно. Взятие креста Христова есть готовность и окрыленность свободной воли самого человека на борьбу за Божию правду и в своей душе, и в мире. Крест есть свободное человеческое согласие на борьбу за любовь и правду в этом мире.

Нелегко человеку бороться за любовь, правду и чистоту на этой земле. Все словно осуждает, срывает, обессиливает наш порыв к добру, и внутри нас и вовне... Но человек верующий несет этот порыв через всю свою жизнь. Это и есть его крест. Не только его, но и Христов Крест в нем. И тот, кто отказывается нести светлый, спасающий крест Христовой правды, чистоты и любви, принужден нести безнадежный разбойничий крест того левого разбойника, распятого со Христом на Голгофе, но не покаявшегося пред Христом, не осознавшего своей греховности и – отвергнувшего Христа.

Нелегка жизнь человека в этом земном преходящем мире. Частью своего существа ему надо быть в этом мире, творить честно свое земное дело для ближних, для своего народа, для человечества. Но последней глубиной духа ему надо дышать уже горним воздухом вечности. Туда, в эту чистую высь бытия, он уходит после своего земного испытания. Религиозным можно назвать человека, ценности которого не только на земле, но и на небе.

Такой человек может быть хирургом, как Пирогов, писателем, как Достоевский, ученым, как Ньютон, и исследователем земли, как Семенов Тянь-Шанский; повсюду, во всех путях мира он будет осуществлять высокую человечность, Христову правду. Среди всех условий земли мы можем сохраняться от зла и греха. В этом чудо жизни во Христе. Христос совершает это в нас по вере нашей. Не своей, а Божьей силой мы спасаемся. «Невозможно человеку – возможно Богу». И мы верим и знаем, что Господь не только около нас, но Он и в нас. И Его любовь к нам и наша любовь к Нему есть самая великая сила мира».

Часть четвертая. Пути к Отчему дому

Встану, пойду к отцу моему.

Лк. 15, 18

Предисловие

Господь говорил Своим ученикам: «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал» (Ин. 15, 16).

Это положение смущает некоторых: «Как же я могу спастись, если я не избран?»

Но надо помнить, что, по словам ап. Павла, Господь «есть Спаситель всех человеков» (1Тим. 4, 10). И если только сам человек захочет спасения и будет деятельно стремиться к этому в жизни, то по благодати Божией он попадет в число спасенных, а потому и «избранных».

Человеку, «блудному сыну», надо лишь встать и идти в «Отчий дом» с покаянием, а Отец встретит нас уже тогда, когда мы будем от дома «еще далеко» (Лк. 15, 20). Отсюда и верная поговорка: человек сам кузнец своего счастья.

Итак, лишь бы человек захотел спасения и деятельно стремился к нему по тому пути, который указан Господом и Его Церковью.

По слову Господа «Я есмь путь» (Ин. 14, 6) у христианина может быть лишь один путь – это Сам Господь.

Но на этом «узком» (Мф. 7, 14) пути христианину надо еще много труда, знания и соответствующих усилий для преодоления всех трудностей его.

Из этих условий на первом месте стоит исполнение заповеди о милосердии, по выполнению которой Господь будет судить людей на Страшном Суде (Мф. 25, 31–46).

Святая Церковь указывает нам для спасения и еще ряд средств и условий, которые взаимно дополняют друг друга.

Из этих средств наиболее действенным (по словам прп. Серафима) является молитва, доступная для всех – «слабых и сильных, богатых и бедных, больных и здоровых».

Вместе с тем, по словам святых отцов, молитва не является самоцелью, а только средством к чистой и совершенной самоотдаче человеческой души в руки Творца.

Св. отцы в понятие о молитве вкладывают обширное содержание.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«Всякая беседа к Богу, совершаемая втайне, всякое попечение доброго ума о Боге, всякое размышление о духовном принадлежит к молитве и нарицается именем молитвы, и под этим именем сводится воедино – будешь ли разуметь различные чтения (молитвенные), или глас уст в славословии Богу, или заботливую печаль о Господе, или телесные поклоны, или псалмопения, или все прочее, из чего составляется весь чин подлинной молитвы, от которой рождается любовь Божия».

А прп. Варсонофий Великий говорил, что «если не произнесешь в сердце имени Божия, а только вспомнишь о Боге, то это еще скорее призывания и достаточно в помощь тебе».

Однако ниже будет говориться преимущественно о том виде молитвы, который состоит из произнесения христианином устно или в уме соответствующих молитвословий или из личных обращений к Господу, Божией Матери и святым.

Молитва

Глава 1. Значение молитвы

Мир стоит молитвою. И когда ослабеет молитва, тогда мир погибнет.

Схимонах Силуан

Человек молящийся и не молящийся – это люди двух разных миров.

О. Валентин Свенцицкий

Молитва – барометр духовной жизни.

Еп. Феофан Затворник

Молитва – это вдыхание в себя благодати Божией.

О. Павел Флоренский

Неизмеримо значение молитвы для христианина. Она является наиболее действенным из средств для достижения цели жизни христианина – стяжания им Духа Святого Божия.

Прп. Серафим так говорит про это:

«Всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает блага Духа Святого, но более всего их дает молитва. Ибо, например, захотели в церковь к службе Божественной сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели вы нищему милостыню подать, да либо нищего нет, либо нечего дать; захотели вы девство или целомудрие соблюсти, да по сложению вашему или по усилию вражескому и по собственному бессилию и немощи человеческой – сил нет им противостоять; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сотворить, да тоже или сил нет, или случая сыскать не могли. А до молитвы это уже никак не относится; на нее всегда возможность есть и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику».

Вместе с тем молитва является и путем и средством для всех достижений христианина.

«Молитва – источник всего и всякого преуспевания», – утверждает еп. Феофан Затворник.

А прп. Исаак Сириянин пишет:

«Всякую вещь, малую и великую, должно нам в молитве испрашивать себе у Создателя своего».

Поэтому молитву надо считать самым важным из своих дел дня (если не считать дел милосердия), и, как говорил игумен Антоний Оптинский, «на молитву должно вставать поспешно, как на пожар».

По словам старца Захарии из Троице-Сергиевой Лавры

«Молитва – это начало вечной жизни, это дверь, через которую мы входим в Царство Небесное, это дорога, которая ведет нас и соединяет с Ним. Без молитвы человек не живет, а постоянно умирает, хотя и не сознает этого. Ничего из дел на земле нет более важного, чем молитва. Молитва рождает прочие добродетели».

Как говорит схиархимандрит Софроний:

«Молитва есть вершина всех аскетических деланий: она есть центр, от которого всякое иное действие черпает свою силу и утверждение».

«Не может быть неудачно дело, начатое с молитвой, потому что оно начато с любовью, надеждой, верой», – пишет о. Александр Ельчанинов.

А Московский митрополит Филарет утверждает, что «душа, постоянно ищущая Господа и молящаяся, принадлежит Ему, несмотря на то, что нижняя чувственная область ее, иногда против ее воли, волнуется приражением и действием несродных ей сил».

И тот, кто хочет достигать в мире поставленных себе целей, тот не должен ослабевать в постоянной молитве.

Нам надо помнить всегда случай из жизни пророка Моисея: когда он держал свои руки поднятыми в молитве к Богу, то израильтяне побеждали амаликитян. Когда же его руки ослабевали и он опускал их, то начинали побеждать амаликитяне (Исх. 17, 11).

Да и каждый христианин, имеющий молитвенный опыт, знает, что за ослаблением молитвы всегда следуют недобрые последствия.

Как говорил старец Силуан:

«Если человек не будет понуждать себя на (молитвенное) делание, то потеряет благодать, а если проявит свое произволение, то благодать возлюбит его и уже не будет оставлять. Без молитвы как можно любить Господа? Но душа молящегося знает Духа Святого. Молитвою приходят к Богу... Молитва есть лучшее дело для души. Ею испрашивается смирение, терпение и всякое благо... Все святые и одной секунды не оставались без молитвы. Когда не будет на земле молитвенников за весь мир, то пойдут великие бедствия и мир кончится».

Итак, кто хочет от всего сердца служить Господу, Его Церкви и ближним, все это он может сделать реально уже одной молитвой.

В том мире вечные мученья будут у людей от сознания, что они могли бы получить блаженство, если бы при жизни усердно молились и не дали бы себя увлечь рассеянию и мирской суете.

Молитва является и ограждением нашей веры. Как говорит о. Иоанн С:

«Люди впали в безверие оттого, что потеряли совершенно дух молитвы, или вовсе не имели и не имеют его, короче – оттого, что не молятся. Боголюбивая душа не может жить без молитвы, как мы не можем жить без воздуха, и любит ею заниматься более, чем каким-либо иным занятием. Сердце наше ежедневно умирает духовною смертью. Теплая слезная молитва есть оживление его, начинающееся дыхание его. Если не молиться ежедневно с теплотою духовною, то легко скоро умереть духовно».

А епископ Михаил Таврический пишет:

«Опыт молитвенного единения с Богом – столь неоценимое человеческое сокровище, что беречь его, охранять в себе и углублять есть первейшая задача личной нравственной жизни... Душа человека получает силу святой жизни только при условии молитвенного единения с Богом и пребывания в Нем умом и сердцем».

То же утверждает и о. Валентин Свенцицкий, который пишет:

«Молитва должна быть главным делом жизни, остальное приложится».

Поэтому Оптинские старцы говорили:

«Если пришло время молиться, то оставь всякое другое дело: молитва важнее всего».

Как пишет архимандрит Иоанн:

«Казалось бы, какой трепет подлинной радости должно было бы вызывать сознание возможности непосредственного обращения в молитве к Единому, Истинному Царю неба и земли... Но мало и очень глухо сознают люди эту близость Божию».

Между тем, как говорит св. авва Евагрий:

«Как тело наше по удалении души бывает мертво и смрадно, так и душа, в которой не действует молитва, мертва и смрадна... Бога надо вспоминать чаще, нежели дышать».

Схимонах Силуан говорит, что лишь с помощью молитвы можно достигнуть исполнения заповедей Божиих, так как *«человек сам бессилён их исполнить».*

Как мы знаем, одним из основных проявлений энергии христианина является борьба со злом как внутри себя, так и вне себя. И в этом случае главным оружием христианина является молитва. Об этом так пишет схиархимандрит Софроний:

«В пределах земной жизни, в этой сфере, предоставленной Богом для выявления не только положительных, но и отрицательных возможностей свободы, никто и ничто не может совершенно остановить проявление зла, однако молитва любви сильна весьма много изменить в ходе событий и сократить размеры зла может... Все благое, что исходит от Бога и возвращается к Богу, – неуничтожимо. Молитва есть одна из высочайших форм благого бытия, неуничтожимого, вечного. Эта та «благая часть, которая не отнимается» (Лк. 10, 42)».

По мнению схиархимандрита Софрония, значение молитвы в деле обращения к Богу может быть даже выше, чем проповеди.

Он пишет:

«Кто познал на опыте величие и трудность христианского пути, тот раздирается двумя чувствами: одно из них – горячее желание всем познания Истинного Бога и света вечного бытия; другое – страх, а что если призванные не понесут тяготы испытаний? Вот почему он в большей мере обращается к Богу с молитвой о спасении всех и каждого, чем к проповеди».

Прп. Иоанн Лествичник дает такое всеобъемлющее определение значения молитвы:

«Молитва, по качеству своему, есть общение и единение человека с Богом; а по действию своему – утверждение мира, примирение человека с Богом; мать и вместе с тем дочь слез (покаяния и умиления), очищение от грехов. Молитва – мост, проводящий через искушения; преграда для скорбей, прекращение напастей; ангельское занятие, пища всех бесплотных духов; будущая радость, бесконечное делание. Молитва есть источник добродетелей, подательница дарований, невидимое преуспевание (духовное); пища души, просвещение ума, прекращение отчаяния, показатель надежды, конец для печали, богатство иноков, сокровище безмолвников. Молитва – уменьшение раздражительности; зеркало для (духовного) возрастания; показатель (духовного) возраста; обнаружение состояния (духовного), указание будущего и путь к постижению будущей славы. Молитва истинно молящегося есть предвкушение будущего суда Господня и величия престола Его».

А вот и еще глубокое определение молитвы, данное великим молитвенником о. Иоанном С:

«Молитва есть возношение ума и сердца к Богу, созерцание Бога, дерзновенная беседа твари с Творцом, благоговейное стояние души пред Ним как пред Царем и самой Жизнью, дающей всем жизнь; забвение для Него всего окружающего. Молитва – пища души, воздух, свет, животворящая теплота ее, очищение грехов – благое иго Христово, легкое бремя Его. Молитва – постоянное чувство своей немощи, или нищеты духовной, освящение души, предвкушение будущего блаженства, блаженство ангельское,

небесный дождь, освежающий, наполняющий и оплодотворяющий землю души, сила и крепость души и тела, очищение и освежение мысленного воздуха. Молитва – просвещение лица, веселие духа, золотая связь, соединяющая тварь с Творцом, бодрость и мужество при всех скорбях и искушениях жизни, светильник жизни, успех в делах, равноангельское достоинство, утверждение веры, надежды и любви. Молитва – сообщество с ангелами и святыми, от века Богу угодившими. Молитва – исправление жизни, мать сердечного сокрушения и слез; сильное побуждение к делам милосердия. Молитва – безопасность жизни; уничтожение страха смертного; пренебрежение земными сокровищами; желание небесных благ; ожидание всемирного Судии, общего воскресения, жизни будущего века; усиленное старание избавиться от вечных мучений. Молитва – непрестанное искание милости (помилования) у Владыки; хождение перед очами Божиими; блаженное исчезновение пред Всесоздавшим и Всеисполняющим Творцом; живая вода души. Молитва – вмещение в сердце всех людей любви; низведение неба в душу; вмещение в сердце Пресвятыя Троицы, по сказанному: «К нему придем и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23)».

Об исключительном значении молитвы так говорит и современный нам богослов – архиепископ Иоанн (Шаховской):

«Свободной, честной мыслию своей, верой как высшей духовной интуицией и молитвою человек может пройти мгновенно все то расстояние, которое отделяет его от Бога. Молитва есть истинное питание духа и оживление бессмертного существа в человеке. Она есть высшее просвещение человека. Кто хочет молиться Богу, тот найдет молитву, и кто найдет ее, никогда не оставит, потому что нет большего блага и счастья для человека, как говорить с Господом, – осознавать и чувствовать свое живое, личное общение с Творцом, бесконечной Любовью и Правдой. По Его любви и правде томится всякий человек, не угасивший до конца своего духа».

Глава 2. Внешняя обстановка и подготовка для молитвы

Свече нельзя гореть на ветре и дожде, так нельзя затеплиться молитве при приливе впечатлений совне.

Прп. Никодим Святогорец

Как пишет епископ Вениамин (Милов):

«Богоугодность молитв зависит от создания в себе человеком, путем особой подготовки, соответствующего настроения. «Прежде нежели начнешь молиться, – учит Иисус, Сын Сирахов, – приготовь себя, и не будь, как человек, искушающий Бога» (Сир. 18, 23). Подготовка людей к молитве составляет семя, из которого развивается само молитвенное настроение».

Поэтому прежде всего для личной молитвы очень важно уединение и окружающая тишина. При этих условиях наиболее легко могут быть достигнуты сосредоточенность в молитве и полнота отданности ей и ума и сердца. Поэтому утреннюю молитву лучше всего совершать, пока в доме все еще спят.

К молитве должны быть подготовлены душа, разум и тело. Хорошо, когда душа спокойна, разум свободен от впечатлений и тело бодро и не в изнеможении.

Невозможна также теплая молитва при обремененном желудке.

Поэтому св. отцы и рекомендуют есть всегда не досыта, но «оставлять место Духу Святому Божию».

Поэтому более всего организм подготовлен для утренней молитвы, которая может и должна быть более длительной по сравнению с другими молитвенными правилами дня.

Так как мы стоим в молитве пред Царем царей и Владыкою Вселенной, то и во внешнем нашем одеянии не должно быть никакой небрежности: обычная скромная одежда христианина должна быть в порядке и быть чистой, лицо и руки умыты. Древние христиане специально мыли перед молитвой руки.

До начала молитвы надо несколько времени постоять молча, чтобы собрать свои мысли, вспомнить, перед Кем ты стоишь, и постараться почувствовать все неизмеримое величие,

могущество, благодать и красоту того Духа, внимание Которого мы хотим привлечь на себя через несколько мгновений.

Окружающая обстановка может помочь нам в собранности мыслей и чувств.

Большие, хорошо написанные иконы помогают нашему ощущению близости Господа и святых. Во время молитвы перед иконами хорошо зажигать лампы: они озаряют иконы и как бы восполняют недостаток нашего внутреннего горения.

Чтобы обеспечить себе успех молитвенного подвига, многие св. отцы рекомендуют христианам начать свои молитвы со специального обращения к Богу о помощи для достижения достойной молитвы. Так, прп. Исаак Сириянин дает для этого случая следующую молитву:

«Ты, Господи Иисусе, Боже мой, призывающий на тварь Свою, Ты, Которому ясны страсти мои и немощь естества нашего и сила противника нашего, Ты Сам укрой меня от злобы его, потому что сила его могущественна... Сохрани меня от мятеха помыслов и от потопа страстей и сделай меня достойным сей святой службы, чтобы мне страстями своими не растлить ее сладости и не оказаться перед Тобою бесстыдным и дерзким».

В первые века во время молитвы христиане поднимали руки – знак усиленной просьбы.

Поднимать руки во время молитвы рекомендует и апостол Павел, который пишет Тимофею: «Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (1Тим. 2, 8). Впоследствии этот обычай вышел из употребления при общих молитвах и сохранился у православных лишь в молитве священнослужителей.

Но когда христианин молится один и хочет особенно сердечно помолиться, он может усилить свою молитву поднятием рук.

Из тех же соображений молитва, особенно у молодых и здоровых, должна сопровождаться поклонами земными и поясными и стоянием на коленях.

«Молитва неразлучна с поклонами. Поклоны – след внутренней молитвы», – говорит еп. Феофан Затворник.

«Поклоны смиряют гордость», – добавляет о. Иоанн С. У поклонов есть и та хорошая особенность, что их качество не понижается от нашей рассеянности и посторонних мыслей, как это имеет место для самой молитвы. Однако количество поклонов должно быть соразмерено с силами и состоянием здоровья. Для вполне здоровых возможно, что после молитвы будет чувствоваться некоторая физическая усталость. Некоторые святые отцы говорят даже, что молитва еще не закончена, если несколько не утруждено тело. Один из подвижников для достижения достойной молитвы имел обыкновение «разогревать свое тело и дух частыми поклонами».

Однако и здесь надо проявлять рассудительность. Еп. Феофан Затворник пишет:

«На молитве, когда почувствуешь усталость, то лучше отдохни».

Следует указать, что в тех случаях, когда молитва идет от сердца, если душа стоит перед Господом и человек всем существом переживает единение с Ним и молитвенные мысли текут невозмутимо, как ручеек, насыщая и умиляя душу, то движения тела могут мешать и рассеивать: в этих случаях поклоны могут быть излишни.

Как в поклонах, так и во всем, что связано с молитвой, должна проявляться неторопливость, внимательность и усердие. Перед каждым поклоном, как и в начале каждой молитвы, следует сделать неторопливое, широкое и точно выполненное крестное знамение, которое является сильнейшим оружием против лукавого, рассеивающего наши мысли при молитве.

Про значение и силу крестного знамения так пишет о. Иоанн С:

«Непостижимо, как Сам Христос соединяется со знаменiem крестным и дает ему чудесную силу прогонять страсти, демонов и успокаивать возмущенную душу. В крестном знамении Господь Иисус Христос как Живой и Животворящий, всегда с нами и всегда действует

различными силами ко спасению нашему, верую в Него, нашего Бога и Спасителя».

При этом следует следить за тем, чтобы крестное знамение совершалось до поклона: крестным знамением мы как бы ставим перед собою изображение креста и затем творим поклон распятому на нем Господу. Если же крестное знамение творится вместе с поклоном, то мы будем как бы бросать крест на землю (хотя бы и не сознательно).

Все новоначальные должны безусловно практиковать устную – гласную молитву. Молитва про себя, или «умная», как называют ее св. отцы, – это молитва совершенных, и у новоначальных может допускаться лишь при нужде – в присутствии других.

Когда мы слышим слова молитвы, это помогает нам лучше улавливать их смысл, легче сосредоточиться.

Когда христианин молится один, он должен стараться вкладывать в слова соответствующие чувства. Пусть это будет носить отпечаток даже некоторой искусственности, пусть сами чувства будут еще спать, но здесь мы опять-таки от внешнего можем приближаться к внутреннему.

Бог не осудит нас за одно только внешнее проявление чувства: Он знает наше бессилие по отношению к внутреннему и оценит наше усердие, хотя бы во внешнем. Мы поистине здесь отдаем нашу «лепту вдовы», отдаем Богу то, что имеем, т. е. то, что еще в нашей власти, – наше усердие.

Когда Господь давал нам пример образцовой покаянной молитвы мытаря, Он упомянул про ее подробности – ударение себя в грудь как признак раскаяния. Очевидно, мы можем считаться с этим указанием Самого Господа, когда будем творить покаянное молитвословие. По словам Господа, мытарь стоял при этом с низко опущенной головой – «не смел даже поднять глаза на небо» (Лк. 18, 13).

Сила голоса должна соответствовать характеру молитвы: славословия должны быть произнесены достаточно громко и радостно; просьба – смиренно и скромно, а покаяние – с чувством сокрушения, как бы стыдясь грязи греха и безобразия наших духовных одеяний, которые мы открываем в этот момент

перед очами Господа. Конечно, все эти внешние проявления чувств должны быть далеки от экзальтации или экстаза и быть скромными и умеренными.

Благоговению в молитве учил своих духовных детей старец о. Алексей М. Он заповедывал:

«На молитве непрестанно чувствовать себя перед лицом Божиим, отдавать Ему всего себя – и тело, и душу, видеть и чувствовать только Его Одного».

Он требовал от своих духовных детей на молитве стоять собранно и телесно и духовно – стоять прямо, не поворачивая головы в сторону, ничем не отвлекаясь от великого таинства молитвы.

О том же пишет в своем дневнике и архиеп. Арсений (Чудовской):

«Ты молишься лениво, невнимательно, рассеянно и даже с внешним неприличием, например облокотясь, передвигая ногами и т. п. Спроси себя: зачем ты так молишься? Неужели, так молясь, мнишь даже получить что-либо от щедродательного Владыки? Знай же: не пользу, а вред себе ты приносишь такою молитвою, ибо, стоя перед Тем, Которому ангелы служат со страхом и трепетом, ты обнаруживаешь неуважение, дерзость, обман, нечистоту, презорство, оскорбляешь величие Божие, а через это, конечно, навлекаешь на себя осуждение и гнев Божий. Бойся такой молитвы и исправляйся!»

Так же учит и еп. Феофан Затворник, который пишет:

«На молитве хорошо стоять в струнку, не распуская лениво и беспечно членов и держа всех их в некотором напряжении».

В некоторых случаях жизни, может быть, придется молиться при других, скрывая от них молитву. В этих случаях можно молиться и сидя, может быть, положив перед собою какую-нибудь книгу, чтобы не привлекать на себя внимание.

Следует упомянуть, что по указанию Оптинского старца Варсонофия молитвенные правила при нужде можно выполнять и в пути; для этого, конечно, надо знать их на память.

При болезни и слабости можно молиться и сидя, и даже лежа в постели. Господь не будет взыскивать, если все это делается по необходимости: важно – лишь бы молитва шла от сердца.

Святитель Филарет Московский говорил, что «лучше думать о Боге сидя, чем о ногах стоя».

Даже тогда, когда внешняя обстановка, окружающая христианина, совсем не будет соответствовать молитве, все же христианину нужно молиться.

Старец о. Алексей М. так учил одну свою духовную дочь:

«Нам нужно с вами учиться молиться, когда рядом играет граммофон, танцуют и кругом будет, как на шумной улице».

Как пишет про молитву святитель Тихон Задонский:

«Мы можем к Богу приступать с прошением нашим в церкви, в доме, в собрании, на пути, на деле (на работе), на ложе, ходя и сидя, трудясь и почивая, и во всякое время. Ибо везде и всегда можем ум и сердце к Нему возводить и прошение сердца Ему предлагать... И к Богу не ногами, но сердцем приступать».

Вместе с тем надо помнить, что никогда нельзя пренебрегать служением ближним, хотя бы это служение и затрудняло и рассеивало молитву. Об этом так пишет еп. Герман:

«Сравнительно спокойная жизнь, хотя бы и с добрым молитвенным настроением, все-таки ниже беспокойной с плохим молитвенным настроением».

Глава 3. Собранность и внимательность в молитве

В мире нет ничего труднее молитвы.

Схиархимандрит Софроний

Среди музыкантов существует понятие о «постановке рук», среди певцов – «о постановке голоса», среди писателей – о «выработке стиля».

В отношении молитвы также можно говорить о ее «постановке» и ее «стиле». И здесь существует опасность неправильного начала и плохой привычки в отношении небрежности и торопливости в молитве и привычки лишь «вычитывать» ее.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Молитва – искусство; неправильно поставленная молитва усиливает внутренний хаос, особенно у нервно неустойчивых людей».

Молитва – это таинство, священнодействие души, к ней надо приступать с трепетом, с глубочайшим вниманием к внутренним переживаниям и к состоянию сердца.

Отец Иоанн С. так говорил пастырям (из числа своих духовных детей): «Не привыкайте служить». Он этим заповедовал совершение церковных богослужений производить не по привычке – формально и без чувства, но всегда как бы впервые с глубоким благоговением предстоять перед Богом.

Этот завет можно свести и к каждому молящемуся: «Не привыкайте к молитве», т. е. не твердите ее по привычке, равнодушно, со стремлением как-нибудь «вычитать» правило.

Как говорит прп. Варсонофий Великий:

«Совершенная молитва состоит в том, чтобы беседовать с Богом, не рассеиваясь мыслями, собирая все помыслы и чувства. Человек входит в такое состояние, когда умрет для всех людей, для мира и для всего, что в нем находится».

А прп. Макарий Великий пишет:

«Если не обленимся и не дадим у себя пажити бесчинным, порочным помыслам, но волею своею привлечем ум, понуждая помыслы устремляться к Богу, то, без сомнения, Господь Своею волею придет к нам и действительно соберет нас к Себе, потому что все благо-угождение и блужение зависит от помышлений... Ибо в какой мере собираешь ты ум свой, в такой и еще в большей мере понуждается Он собственным Своим благоустроением и благостью Своею к тебе и успокоить тебя. Стоит Он и рассматривает твой ум, помышления и движения мыслей, называет: как ищет Его, от всей ли души

твоей, не с леностью ли, не с нерадением ли? И когда увидит рачительность твою и искание Его, тогда явится и откроется тебе, подаст помощь Свою, уготовит тебе победу, избавит тебя от врагов твоих... И даст тебе истинную молитву, истинную любовь, а это Он Сам, Который соделывается в тебе всем и есть для тебя рай, и древо жизни, и вода живая»

(Беседа 31).

О том же пишет епископ Вениамин (Милов):

«Молитва есть обнаружение любви к Богу всем умом, всем сердцем, всею крепостию и стоянием перед Ним в простоте сердца. Единство, целостность, устремление души к Богу хотя и есть дар благодати, но дар, влагаемый свыше в личный труд самособранности или в борьбу с собственной рассеянностью».

Поэтому необходимым условием для молитвы являются бодрость, усердие – напряженность как ума и внимания, так и тела.

Старец Силуан посмотрел на одного молящегося военного и заметил, что «по движению тела его было видно, как весь он погружался в Бога».

А старец о. Алексей Мечев когда молился, то, по отзывам видевших его, «горел на молитве, внимал каждому слову молитвы жадно, словно боясь упустить миг духовного восторга».

Чтобы «постановка» молитвы была правильной, надо, чтобы произнесение слов молитвы было совершенно отчетливым. Каждое слово должно выговариваться тщательно до конца, не проглатывая и не комкая последних слогов. Что особенно важно для новоначальных – это, по возможности, абсолютная неторопливость при молитве.

Таким образом, если говорить об идеале молитвы для новоначального, это будет еще тщательная внешняя отделка, как чеканка драгоценной вещи искусным мастером. Тогда, снисходя к проявленному усердию, Господь поможет и вниманию ума, и пробудит и теплоту сердечную.

Здесь следует учитывать психологический закон, что наше внимание воспринимает сильнее и глубже все то, что проходит перед ним медленно.

Быстро произносимые слова скользят по поверхности сознания и чувства и не кладут на сердце должного отпечатка.

Как пишет о. Иоанн С:

«На молитве нужно во всякое мгновение принуждать себя выговаривать каждое слово с силою, истово, от сердца. ... Когда убедительны для тебя самого будут молитвенные слова, тогда они будут убедительны и для Бога, а без убеждения себя не думай твоею молитвою убедить Бога даровать тебе какое-либо благо. Бог дает по сердцу нашему (Пс. 19, 5): чем больше искренности, сердечного жара в молитве, тем щедрее дар. Особенно молитву Господню («Отче наш...») читай с благоговением, мирно, не торопясь».

Лишь для духовно окрепших христиан при достижении ими сердечной молитвы (см. о последней ниже), темп ее может ускориться. Об этом так пишет о. Иоанн С:

«Можно ли молиться с поспешностью, не вредя своей молитве? Можно тем, которые научились внутренней молитве, чистым сердцем. В молитве надобно, чтобы сердце искренно желало того, о чем говорит, – а чистое сердце имеет это как бы в природе своей. Поэтому оно может молиться и с поспешностью, и в то же время богоугодно, так как поспешность не вредит истине (искренности) молитвы. Но не стяжавшим сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы. А это не всегда скоро дается человеку, не привыкшему к молитвенному созерцанию. Поэтому редкое произношение слов молитвы для таких людей должно быть положено за неперемнное правило. Ожидай, пока каждое слово отдастся в сердце свойственным ему отголоском. При молитве держись того правила, что лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьмы слов языком. Когда заметишь, что сердце твое холодно и молится неохотно, остановись, согрей свое сердце каким-нибудь живым представлением: например своего окаянства, своей

духовной бедности, нищеты и слепоты или представлением великих, ежеминутных благодеяний Божиих к тебе и роду человеческому, особенно же к христианам, и потом молись не торопясь, с теплым чувством. Если и не успеешь прочесть всех молитв по времени, беды нет, а пользы – от теплой и неспешной молитвы – получишь несравненно больше, чем если бы прочитал все молитвы, но спешно, без сочувствия».

Надо помнить, что в молитве Бог оценивает чувства сердца больше всего и прежде всего – они нужнее, чем произнесение слов молитвы: евангельская блудница без одного слова получила отпущение грехов, когда она целовала ноги Господа, мазала их миром и отирала волосами своими (Лк. 7, 38). Господь спрашивает от христианина прежде всего сердца: «Сын Мой, отдай Мне сердце твое» (Притч. 23, 26).

Основное усилие христианин направляет при молитве на то, чтобы мысль постигала слова молитвы. Как уже говорилось, этому помогает тщательность дикции и внешнее проявление чувств, соответствующих словам молитвы.

Неторопливость при этом должна простираться до того, что в отдельных местах молитвы могут делаться остановки, чтобы глубже понять значение произносимых слов. Надо, чтобы соответствующие понятия не скользили по нашему воображению, а проникали в нас, сливаясь с нами, владели нашим умом и из него проникали в сердце. Еп. Игнатий (Брянчанинов) говорит, что «верный свидетель истинной молитвы – это внимание», т. е. когда ум вполне заключается в слова молитвы, не принимая никакого мечтания (т. е. никаких посторонних мыслей).

Поэтому не так важно то, что мы успеем закончить наше молитвенное правило, – не в этом дело, но важно, чтобы мы действительно приобщались к истинной молитве и единению нашего духа с Духом Божиим.

Прп. Варсонофий Великий советует при этом:

«Если уклонишься мыслию в рассеяние, то возвратись и начни с тех слов молитвы, которые удержались в памяти».

Тем христианам, которые имеют и время и силы, следует исполнять это указание преподобного. Однако, как советуют

старцы, «не всегда и не всем надо так возвращаться к тому месту, которое сохранилось в памяти».

Для слабых духом или телом это может повести к тому, что не все обычные молитвы в данном случае могут быть прочитаны, отчего наступает смущение и печаль.

Можно в этом случае сделать поклон, мысленно попросить у Бога прощения за рассеянность и в спокойствии духа далее продолжать молитвы, стараясь быть внимательным.

Следует заметить, что тот, кто привык внимательно молиться, тот уже не захочет молиться иначе. Иное произнесение молитвы уже не может удовлетворить его: как вкушивший сладкого он более не захочет пить горького. Он испытал веяние благодати при тщательной молитве (в слезах, и умилении, в горении сердца). И когда этого веяния не будет, это будет для него большой потерей.

Не будем вместе с тем смущаться нашей рассеянностью на первых ступенях нашего молитвенного труда – лишь бы проявили прилежание к молитве.

Как говорят св. отцы, уже самые святыя слова молитвы являются оружием против лукавого – служат к очищению сердца и ума.

Совершенно очевидно, что рассеянная жизнь мешает духовной жизни христианина, не позволяет ему внутренне сосредоточиться. Такая жизнь особенно вредно отражается и на молитве. Защитой себя от суеты мира является возможно достижимое воздержание от всех мирских впечатлений.

Старец Силуан пишет по этому поводу:

«Кто хочет чисто молиться, тот не должен знать никаких газетных новостей, не должен читать плохих (светских) книг или любопытно знать что-либо из жизни других. Все это приносит в ум много нечистых мыслей, и когда человек хочет в них разобраться, то они все больше и больше запутывают и томят душу».

И тогда, как подтверждает схииерхимандрит Софроний:

«В час внутренней, умной молитвы все отпечатлевшееся неудержимой стеной идет на сердце и производит смятение».

Поэтому Софроний делает вывод, что для достижения нерассеянной сердечной молитвы надо «постоянно стремиться к тому, чтобы число внешних впечатлений довести до последнего возможного минимума».

При современных условиях жизни многим это, вероятно, будет труднодостижимо. Но имеющим возможность в какой-то мере ограничивать рассеянность своей жизни надо приложить к этому свое старание.

Опыт показал, что в час молитвы не должно останавливаться даже на добрых по виду мыслях, потому что при этом ум непременно встретится с иными помыслами. Потеря чистоты молитвы – ничем не вознаграждаемый ущерб.

Конечно, не всегда и не у всех может оказаться подходящая обстановка для молитвы, особенно для молитвы днем. Не всегда можно произносить молитву вслух. В таких случаях приходится молитву шептать. Если и шептать нельзя, то молитва творится в уме. Такую молитву творить труднее: труднее бывает сосредоточиться, труднее затронуть молитвой свое сердце. Но и здесь все наше спасение от рассеянности заключается в возможном темпе молитвы с прочувствованием каждого из ее слов.

Однако надо иметь в виду, что обращение к Богу даже при плохом восприятии сердцем значения слов молитвы все же есть молитва. Старцу Иоанну (сподвижнику Варсонофия Великого) был задан вопрос: «Когда молюсь или упражняюсь в псалмопении и не ощущаю силы произносимых слов, по причине сердечного нечувствия, то какая мне польза от сего моления?»

Старец ответил: «Хотя ты и не ощущаешь (силы того, что произносишь), но бесы ощущают ее, слышат и трепещут. Итак, не переставай упражняться в псалмопении и молитве, и мало-помалу, помощью Божией, нечувствие твоё преложится в мягкость» (Отв. 718).

Св. отцы (в том числе Симеон Новый Богослов) предостерегают при молитве от воображения. Так, для сосредоточия в молитве казалось бы полезным мысленно рисовать себе образы Христа, Богоматери, святых и ангелов.

Хотя под влиянием воображаемых светлых образов сердце может несколько разогреться и христианин найдет некоторую сладость в молитве, но надо знать, что этот образ творения молитвы таит в себе опасности.

Идя этим путем, христианин может впасть в «прелесть», т. е. в нарушение своего нормального духовного состояния под влиянием лукавого духа. Бедные души прельстившихся услаждаются сладостными видениями, которые ранее воображались, а затем начинают появляться перед их глазами уже помимо их воли. Эти видения прельстившиеся принимают за благодатные, посылаемые им за их ревность и духовные подвиги.

Будучи еще очень далекими от чистоты сердечной, они начинают себя почитать за очистившихся – за святых, которым Бог видимым и чудесным образом оказывает милость. Так развиваются в прельстившихся самообольщение и гордость, которые передают их во власть лукавого духа.

Как пишет старец Силуан:

«Отцы говорят, что при вражеском видении душа почувствует смущение. Но это только смиренная душа, которая не считает себя достойной видения, при вражеском действии почувствует смущение или страх, а тщеславный может не испытывать ни страха, ни даже смущения и считает себя достойным, и поэтому враг легко обманывает его».

Также опасна восторженность в молитвах.

Про подобные молитвы так пишет еп. Феофан Затворник:

«Восторги, сильные движения с волнениями суть просто кровавые душевные движения от распаленного воображения... Доходят до этих восторгов и думают, что дошли до больших степеней, а между тем все это мыльные пузыри. Настоящая молитва тиха, мирна; и такова она на всех ступенях».

Приложение к главе 3-й

Насколько далека торопливая и рассеянная молитва от истинной, показывает следующий случай из жизни старца Захарии из Троице-Сергиевой Лавры.

Однажды, сидя в своей келии, старец взглянул на свой святой угол, на иконы. Посмотрел и ужаснулся перед иконами стоит бес с отвратительной страшной головой, формой кокосового ореха. Стоит и быстро-быстро бормочет псалмы Давида.

– Что это ты, неужели молишься? – спросил старец.

– Нет, я надругаюсь над молитвой, а не молюсь, – пробормотал бес и исчез.

Старец остерегал нас, чтобы мы не молились как-нибудь, сами не слыша даже слов молитвы и сердцем погружаясь в немолитвенные чувства и мыслями блуждая, кто где хочет. Он говорил: «Молитва – это не механическое делание, а предстояние перед Богом, беседа с Ним. Молитесь же смиренно, со страхом Божиим, боясь, чтобы молитва ваша не была отринута Богом».

Здесь уместно вспомнить и следующие слова великого пастыря о. Иоанна С:

«Молитвою часто называют то, что вовсе не есть молитва, – сходил в церковь, постоял, посмотрел на иконы, или прежде на людей, на их лица, наряды, говорит: «Помолился Богу»; постоял дома перед иконами, покивал головой, проговорил заученные слова без понимания и сочувствия, говорит: «Помолился Богу», – хотя мыслями и сердцем вовсе не молился, а был где-либо в другом месте, с другими лицами и вещами, а не с Богом».

Глава 4. Длительность молитвы

«Господь дает молитву молящемуся», – так свидетельствуют св. отцы. Иначе говоря, молитва делается тем совершеннее и благодатнее, чем больше молится христианин. Вот путь и для очищения сердца, и для развития чистой молитвы. Он таков же, как и для всякой науки, искусства и ремесла: трудись и упражняйся в них неустанно, и успех не замедлит последовать.

«Молитва, – пишет св. Исаак Сириянин, – требует обучения, чтобы долговременным пребыванием в ней ум упрямудрился (молиться как должно). По нестяжанию, избавляющем наши

помышления от уз, молитва нуждается в долговременном пребывании в ней, ибо от продолжительного пребывания в ней ум приемлет обучение, познает способы отгонять от себя помыслы, научается многим опытом своим тому, чего не может принять от иного».

Как говорит прп. Иоанн Лествичник:

«Будем молиться очень много. Количество служит причиной качества. Господь дает чистую молитву тому, кто молится безленостно, много и постоянно, хотя и оскверняемую развлечением молитвою».

Может показаться, что длительная молитва будет противоречить словам Господа: «Молясь, не говорите лишнего, как язычники: ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им» (Мф. 6, 7). Но Господь Сам показывал пример длительных молитв. Евангелист Лука пишет про Него: «Пробыл всю ночь в молитве к Богу» (Лк. 6, 12).

Можно думать, что под «многословием» Господь здесь понимал перечисление прошений о всяких житейских нуждах. Он добавляет к Своим словам о «многословии» разъяснение: «Ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6, 8).

Но Он дал нам пример повторения Своего прошения: так в Своей молитве в Гефсиманском саду Он повторял Свою просьбу три раза – «сказал то же слово» (Мф. 26, 44).

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Многословие в молитве хотя бы тем уже хорошо, что наше сознание дольше привязано к святым словам. Если при этом нет даже полной погруженности в смысл произносимых слов, а только отвлечение от пустяков, суеты, забот, нечистых мыслей, и то это очень много. А если к этому – переживание хоть 1/100 читаемого, то душа приобретает этим неисчислимые сокровища».

Однако при молитве, конечно, надо учитывать и свои силы, ибо и здесь, как говорят св. отцы, «всякую добродетель красит мера».

Так, только при неторопливой молитве можно надеяться на то, что ум будет постигать, если уж не все, то хотя бы большую

часть мыслей из молитвы. Поэтому никогда не надо задаваться слишком большим количеством молитв и их число соразмерять так, чтобы неторопливо прочесть их в то время, которое мы можем уделять молитве.

Нам надо помнить, что, по словам еп. Феофана Затворника, «молитвенное правило не в количестве, а в качестве, все в сердце, в благоговеинстве... нужно быть господином, а не рабом правила».

Старец Силуан пишет:

«Молитва дороже всего. Но непрестанно пламенно молиться душа не имеет сил. И поэтому надо давать ей отдых от труда молитвенного; тогда можно читать, или размышлять, или писать о Боге. Кому как внушает Господь».

Могут быть и другие случаи, когда длительность молитвы будет даже во вред. Это тогда, когда молящийся, по словам архиеп. Антония (Храповицкого), «услаждается не содержанием молитвы, а только продолжительностью, видя в ней доказательство силы своей воли и взирая на молитву, как на заслугу перед Богом, вопреки словам Христовым».

В такой молитве отсутствует смирение и горделивое самолюбование портит и отравляет молитвенный подвиг, как, впрочем, и всякое другое доброе дело и всякую добродетель. Это исключение, однако, отнюдь не меняет общей установки о необходимости для смиренной христианской души посвящать молитве достаточное время.

Одним из серьезных препятствий к истинной молитве является также наша привычка относиться к ней формально. Мы часто считаем, что вполне достаточно, если мы выстоим перед иконами определенное время и «вычитаем» молитвенное «правило».

Такое понимание молитвы, как «вычитывание» правила или «выстаивание» известного времени при плохом понимании смысла молитвы, без участия в ней не только сердца, но и ума, далеки от истинной молитвы. Такую молитву св. отцы называют «подневольным трудом», «рабским» деланием.

Некоторые духовные наставники говорят даже, что при лишь формальном выполнении правила мы в этом случае

более походим на «молитвенные шарманки» буддистов из Тибета, чем на людей, общающихся в духе с Богом.

При стремлении во что бы то ни стало исполнить молитвенное «правило» мы впадаем в другую опасность – смущение или уныние, когда это правило нам почему-либо не удастся выполнить.

В этом отношении прпп. Варсонофий Великий и Иоанн дают такое указание:

«Отнюдь ничего не назначай себе в правило, ибо через это ты подвергнешь себя смущению и заботам; но со страхом Божиим испытывай, что подобает выполнить в данное время, и ничего не делай по рвению».

А архиепископ Варлаам (Ряшенцев) дает такой совет:

«Твори всякую молитву от сердца, не как урок и правило, а как вопль твоего сердца, скорбящего болезненно, ищущего Господа и Его животворящей благодати».

Иногда можно и один псалом читать и перечитывать целый час и наплакаться вдоволь; это и будет настоящая молитва и заменит все «правило».

Физическая усталость или болезнь не благоприятствуют сосредоточенной, нерассеянной, сердечной молитве. И тогда не нужна длительность молитвы, но лишь возможная глубина ее.

Есть мнение у св. отцов, что Господу в таком случае (при изнурении тела) неужодна длительность молитвы.

Здесь надо вспомнить случай, когда св. Симеон Благоговейный велел усталому и еще молодому св. Симеону Новому Богослову сократить все вечернее правило до одного «Трисвятого».

И как раз после этого св. Симеона посетило Божественное озарение.

Прпп. Варсонофий Великий и Иоанн говорят по этому поводу:

«Лучше сделать немного со страхом Божиим, чем многое со смущением вражиим. Ежели ты будешь совершать псалмопение и молитву сидя, но с умилением, это не препятствует тому, чтобы служение твое было угодно Богу:

ибо кто и стоя совершает его, но рассеянно, труд того вменяется ни во что».

И в тех случаях, когда мало сил или времени, Господь, очевидно, многое и не спросит. Он говорит: «Милости хочу, а не жертвы». Поэтому при отсутствии физических сил или достаточного времени следует сократить обычное правило до такого размера, чтобы оно все же читалось неторопливо и внимательно. Как пишет прп. Исаак Сириянин: «И если опять будет смущать и стеснять тебя помысл, оставь стихословие, преклони колена на молитву и скажи: «Желаю не слова вычитать, но обителей достигнуть»».

Как пишет о. Иоанн С: «В болезни и вообще в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовью, потому что в скорби и болезни сердце болит, а вера и любовь требуют здорового сердца, покойного сердца; поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и скорби мы не можем, как бы следовало, веровать в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всеу время. Иногда и молиться – неблагоприятное время».

«Посильное служение ближним – выше поста и молитвы», – пишет еп. Герман.

Поэтому, когда необходимо послужить ближним и это возможно лишь при сокращении молитвы, то надо ее сократить и этим не смущаться: служение ближним важнее полноты выполнения молитвенного правила.

При этом старцы считают, что полнота выполнения молитвенного правила более важна для новоначальных в молитве, которым важно приучить себя к молитве. Когда уже появился навык к ней, то количество молитвы должно соответствовать количеству свободного времени.

Глава 5. Внутренняя подготовка к молитве

Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне. Мф 6, 6

Последуем за этим призывом Господа. Уйдем из этого шумного, рассеянного мира и войдем во внутреннюю клеть

своего существа, осветим ее светом веры, проникнем к миру, который не видим вещественными глазами.

Не забудем затворить дверь своего сердца за собою, чтобы в тот невидимый мир не проникли за нами волнения и страсти этого гибнущего, суетного мира. И тогда мы можем приобщиться к тайне, к величайшей, сладостнейшей тайне единения души человеческой с Всеблагим, Любящим Небесным Отцом и с ликом святых торжествующей Церкви.

Из земных существ лишь человеку дан дар веры и молитвы, дар постижения непостижимого, ведение невидимого, проникновение верою за грани трех измерений видимого мира, дар разрывать оболочки временного, суетного и смертного и приобщиться к вечному, бессмертному, вневременному.

Что нам сказать Небесному Отцу нашему, допустившему нас к общению с Собою в благостном снисхождении к Своему творению?

Не будем пробовать измышлять нашим поврежденным умом каких-либо умных речей – перед нами Предвечный Непостижимый Разум.

Господь сказал: «Если... не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное» (Мф. 18, 3). Поэтому старец Силуан пишет: «Молись просто, как дитя, и Господь услышит твою молитву».

Будем же сердцем, как самые малые дети. И будем учиться тем молитвам, которые были угодны Господу, будем учиться, как молиться, чтобы эти молитвы были не отринуты как недостойные Небесным Отцом.

Итак, молитва есть общение человека с Богом, основанная на вере в то, что Бог как всемогущий и вездесущий Дух не только слышит наши слова, но и знает все наши помышления и все чувства сердца.

Слово «общение» не раскрывает, конечно, всю сущность молитвы, которая постигается лишь на опыте. Это раскрытие может совершаться лишь постепенно, по мере роста внутреннего человека; молитва совершенствуется по мере стяжания Святого Духа Божия.

Отсюда форма молитвы будет неизбежно меняться в зависимости от духовного роста человека, и, таким образом,

молитва имеет много ступеней. Идеал молитвы – это общение с Богом не только ума, но и сердца человека.

Каковы же условия для достижения наиболее совершенной молитвы и что может мешать молитве?

Прежде всего, как пишет епископ Вениамин (Милов), «слова молящегося должны быть наполнены чувством глубокой убежденности в соприсутствии ему Бога и проникнуты сокрушением, смирением, всепрощением, глубочайшим благоговением и горячим желанием удалиться от зла».

Главным препятствием для единения души с Богом является наличие в душе человека нераскаянных грехов, страстей, пристрастий и маловерия. Все это стеной стоит перед человеком, отделяет его от Бога и мешает теплоте и чистоте молитвы.

Поэтому основным условием действенной молитвы является подготовка духовной одежды христианина – очищение сердца и совести. Если последняя неспокойна и есть грехи, за которые еще не принесено покаяние, то молитва не может быть сердечной и теплой. Поэтому у невнимательных к своей жизни не может быть настоящей молитвы. Только при искреннем покаянии во всяком замеченном грехе и постоянном спокойствии совести может быть достигнута и настоящая молитва.

«Кто не почитает себя грешником, того молитва не приемлется Господом», – говорит прп. Исаак Сириянин.

Итак, непременно условием для действенной молитвы есть покаяние.

Поэтому старец о. Алексей Зосимовский говорил, что до начала молитвы «надо согреть в себе чувство своего недостойнства, сознавание совершенных ранее грехов, огорчивших Господа, и отсюда глубокое чувство раскаяния в них. Иначе говоря, перед молитвой надо облечь свою душу в ризу сокрушения, нищеты духа и глубочайшего смирения и почувствовать себя недостойнее и хуже всех».

Второе условие чистоты духовного одеяния – это полнота примирения со всеми и прощение всем и от всего сердца всякой обиды, оскорбления, несправедливости и т. п. Как видно

из молитвы Господней («Отче наш...»), только при этом условии могут быть прощены Богом и наши грехи.

«Быть злопамятным и молиться значит то же, что сеять в море – и ждать жатвы», – пишет прп. Исаак Сириянин.

Третье условие чистоты духовной одежды – это отрешение сердца христианина от страстей и пристрастий.

Прп. Макарий Великий говорит:

«К чему привязано сердце человека и к чему влечет его пожелание, то и бывает для него Богом. Поэтому, приступая к молитве, обращая внимание на сердце свое и на ум, желай, чтобы чистая молитва воссылалась тобой к Богу, преимущественно же смотри при этом, нет ли чего, препятствующего молитве, чиста ли молитва, занят ли ум твой Господом так же, как у земледельца – земледелием, у мужа – женою, у купца – торговлею; и когда преклоняешь колена свои на молитву – не расхищают ли помыслов твоих другие. И если кто принуждает себя к одной только молитве, но не принуждает себя к кротости, смирennemудрию и любви и исполнению прочих заповедей Господних, – тот, если и приемлет вначале благодать молитвенную, то утрачивает ее вскоре по приятии и падает от высокоумия, потому что не предаёт себя от всего произволения исполнению заповедей Господних».

Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Страсти – эти нравственные недуги человека – служат основною причиною развращения при молитве. Соответственно ослаблению страстей уменьшается развращение».

Отсюда часто во время молитвы сердца наши бывают отданы не Предвечному Богу, а страсти или жалкому божку – нашему пристрастию, которое полновластно владеет нашим сердцем.

Как-то св. Василий Блаженный, будучи с Иоанном Грозным, сказал, что не видел его на богослужении. Царь отвечал блаженному: «Разве ты не видел, что я вместе с тобой молился в соборе?» – «Нет, – отвечал блаженный, – ты в это время занимался постройкой дворца на Воробьевых горах». Этими

словами блаженный обличил Иоанна и указал ему на то пристрастие, которое владело его сердцем во время молитвы.

И если, молясь, мы приглашаем Царя, Творца вселенной в наши внутренние чертоги души, то позаботимся же о том, чтобы Он, войдя, не нашел в них грязи и сора – наших страстей и земных пристрастий.

Четвертое, что также будет оскорблять Господа, – это наше маловерие, суетные беспокойные мысли и заботы об устройстве всех наших внешних дел. Эти мысли мешают молитве и приходят оттого, что мы не хотим вверить себя и все наши дела в руки Господа. Мы исповедуем Господа устами, но сердце наше как бы не доверяет Ему, и мы страдаем от этого и в жизни, и при молитве.

Надо помнить, что все отвлекающие нас от молитвы посторонние мысли внушаются нам темной силой и есть следствие отсутствия в нас веры, ревности к богоугождению и любви к Богу.

Пятое условие чистоты духовной одежды – это примирение нашей души с Самим Богом.

Как будто бы неразумно ссориться с Самим Владыкой Вселенной, но мы часто, не замечая того, не находимся с Ним в мире. Точнее – мы ропщем на Него, протестуем против Его определений, не согласны с Ним в направлении Им всех дел нашей жизни.

Мы бываем недовольны жизнью, судьбой, тем, как складываются наши дела, тяготимся болезнями, ропщем в скорбях и т. д. Все это ропот – на Бога, оскорбление Его, недоверие к Его мудрости и управлению нашей жизнью, непонимание Его неизменной благодати. Поэтому, вставая на молитву, душа должна быть настроена так, чтобы от всего сердца говорить: «Да будет воля Твоя – слава Богу за все».

Молитва есть таинство, это нежная песнь сердца человеческого, исполненная смирения и любви к своему Создателю и Искупителю.

Поэтому-то при молитве и нужно уединение – «затворенные двери», нужно более чувства сердца, чем мысли ума; нужно смиренное сознание своей греховности и ничтожества; нужно

глубокое благоговение перед Тем, к Кому мы мысленно простираем руки, нужна боязнь за то, чтобы небрежностью, торопливостью и невнимательностью не оскорбить одновременно и Благостного, но вместе с тем и страшного по Своему могуществу Духа. Человек – это ничтожная пылинка перед создавшим его Творцом. И поэтому беседа человека с Богом – это величайшее из дерзновений; дерзновение – неперемнная принадлежность молитвы. Как его приобрести?

Св. отцы дают определенный ответ: только через подвиг ради Христа.

Прп. Исаак Сириянин говорит:

«В какой мере вступил кто в подвиг ради Бога, в такой сердце его приемлет дерзновение».

Всех перечисленных выше условий: чистоты сердца, наличия живой веры и покоя души, подвига и дерзновения, – естественно, может и не быть у несовершенного еще христианина. Но, конечно, это не значит, что не надо становиться на молитву. Мы уже говорили ранее, что надо начинать с внешнего – с молитвословия, и от него начать восхождение по лестнице приближения к истинной молитве.

Когда можно считать, что молитва достигла своей цели? На этот вопрос так отвечает еп. Вениамин (Миров):

«Божий ответ на молитву приходит к нам в действии Святого Духа... Дух успокаивает взволнованные сердца молящихся, озаряя их светом радости, холодность сменяется согреванием, сетование – ликованием, беззащитность – чувством осененности крылами Божиими, сердечное стеснение – чувством широты... Бог возвращает молящемуся утраченное – радость спасения... Горячо молившийся переживает прилив бодрости и духовного мужества».

Но если человеком продолжают владеть раздражение, беспокойство, печаль, ропот, неприязнь к кому-либо и т. п. – это признак того, что к молитве христианин подошел не так, как этого хочет Бог. Можно думать, что в этом случае не было принесено покаяния, не было проявлено смирения и

всепрощения и что духовные одежды христианина при молитве были нечисты и его сердцем владели страсти и пристрастия.

Про недостаточность рассеянной молитвы так говорит пастырь о. Иоанн С:

«Молитву старается лукавый рассыпать, как песчаную насыпь, слова хочет сделать, как сухой песок, без связи, без влаги, т. е. без теплоты сердечной. Молитва то бывает домом на песке, то – домом на камне. На песке строят те, которые молятся без веры, рассеянно, с холодностью, – такая молитва не приносит пользы молящемуся; на камне строят те, которые во все продолжение молитвы имеют очи, устремленные ко Господу, и молятся Ему как живому – лицом к лицу беседующему с ними».

О. Иоанн предупреждает также о недостаточности той молитвы, когда человек стоит на ней не как «сын свободы», а как «раб необходимости и долга».

Вместе с тем надо помнить, что молитва далеко не всегда бывает тихой беседой с Богом или горним миром, и у новоначальных особенно она чаще всего есть подвиг усердия, терпения и тяжелой борьбы со злым духом, всеми средствами старающимся помешать нашей молитве, рассеять внимание, положить какую-либо преграду между Богом и молящимся. И по причине великой злобы, которую имеет на нас лукавый бес, эта борьба бывает часто очень тяжела.

Поэтому к молитве нужно понуждать себя и тогда, когда нет к ней расположения. Св. отцы говорят, что молитва насильственная, вынужденная, исторгнутая, весьма приемлема и угодна Богу.

Молитва является нелегким трудом даже и для подвижников, преуспевших в ней: авва Агафон Египетский говорил:

«Молитва до последнего издыхания сопряжена с трудом тяжелой борьбы».

А старец Варсонофий из Оптиной пустыни пишет: «Рассеянность бывает в молитве даже и у старых иноков. Но все-таки и эта ваша рассеянная молитва запишется на небе».

Как говорит архиепископ Иоанн:

«Никогда не бывает, чтобы совсем нас не слушал Господь».

А о. Иоанн С. пишет:

«Не обращай внимания на омрачение, огонь и тесноту вражью во время совершения молитвы, и твердо положишь сердцем на самые слова молитвы, с уверенностью, что в них сокрыты сокровища Духа Святого: истина, свет, животворящий огонь, прощение грехов, пространство, покой и радость сердца, жизнь и блаженство».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«О ненужности делать усилия в молитве (т. е. в любви к Богу) могут говорить только люди, не имевшие опыта в этом. Всякое, даже самое слабое, даже вынужденное устремление к Богу дает живой и неопровержимый опыт в Его любви. Тот, кто имел этот опыт, уже его не забудет».

Не будем же оставлять молитвы, хотя бы сухость наполняла сердце и мысленное море бушевало и бросало, как щепку, нашу ладью – наше внимание. Господь оценит наш труд, наше прилежание, нашу настойчивость в поисках Его. И если Ему бывает угодно, то Он повелит отступить от нас лукавому духу и утешит разбушевавшееся мысленное море. Почему же Он часто медлит делать это?

Ответ на этот вопрос можно найти в рассказах о подвигах прп. Антония Великого.

По попущению Божию прп. Антоний был жестоко избит бесами. Но преподобный не оставил своего подвига. Несколько оправившись от побоев, он велел отнести себя снова в свою уединенную пещеру. Не имея более сил стоять на ногах, он продолжал молиться лежа и молитвою отгонял не оставлявших его бесов. Видя его подвиг, Господь утешил раба Своего. Однажды, подняв кверху свой взор, прп. Антоний увидел, что свод пещеры раскрылся и к нему нисходит светлый луч. С появлением света исчезли окружавшие его дотоле бесы и мгновенно утихла телесная боль. Уразумев в этом посещение Господне, преподобный воскликнул с лицом, обращенным к свету: «Где Ты был, Милосердный Иисусе? Где был Ты и почему с самого начала не явился исцелить мои раны?» – и был к нему

голос: «Антоний, Я был здесь, но ждал, желая видеть твое мужество. Теперь же, после того как ты твердо выдержал борьбу, Я буду всегда помогать тебе и прославлю тебя во всем мире».

Так были вознаграждены мужество и терпение прп. Антония.

Вознаградит Господь за молитвенный подвиг и всякого верного раба Своего, если только тот не ослабеет в своем усердии.

И тогда период сухой, напряженной молитвы сменится сердечной радостью и умилением.

Следует помнить, что чередование периодов сухой и теплой молитвы естественны не только для новоначальных в духовной жизни.

Господь попускает сухость и тяжесть, чтобы приучить труженика на Его ниве к терпению и мужественному перенесению тяжести молитвенного труда. Видя же труд и терпение, Он ободряет затем умилением и теплотой сердечной, а затем снова отнимает их, чтобы возвести подвижника на высшую ступень.

Приступая к каждой молитве, христианину надо помнить, что, по словам еп. Игнатия (Брянчанинова), «молитва – это огонь, и не может не согреваться молящийся».

Поэтому, как бы тягостна и рассеянна ни была молитва вначале, но при усердии она постепенно преображается. И очень часто уже вскоре после начала она делается легче, дух мирнее, ум начинает сосредоточиваться в словах молитвы. Постепенно умягчается сердце, появляется умиление.

Когда же кончает христианин усердную молитву, он отходит от нее совершенно успокоенным, унося в сердце своем огонек Духа Святого, который будет после этого просвещать и согревать его.

Бывает тоже, что и томление и изнеможение тела также исчезают после молитвы, и человек отходит от нее окрепшим и обновленным не только духом, но и телом.

Глава 6. Ступени в молитве

Сын Мой, отдай сердце твое Мне. Притч. 23, 26

Как пишет схииерхимандрит Софроний:

«Молитва может быть бесконечно разнообразною и по форме, и по своему достоинству».

В основном же св. отцы различают три ступени в качестве молитвы – устную, ума и сердечную, между которыми есть, конечно, много промежуточных положений.

Восхождение по этим ступеням зависит от очищения сердца, от перерождения «внешнего» и «душевного» человека во «внутреннего» и «духовного» человека, от стяжания Святого Духа Божия, от возрастания любви к Богу и от развития в душе христианских добродетелей.

Первая ступень у новоначальных в этом молитвенном труде христиан является молитва устная, когда христианин, говоря слова молитвы, не может еще справиться с рассеянностью мысли.

Однако молящемуся не надо впадать в уныние от трудности борьбы с посторонними помыслами во время молитвы. Старец о. Алексей М. не велел своим духовным детям смущаться от этого и говорил, что помыслы не от молящегося, а от его врага – лукавого, и надо лишь не сочувствовать им, а стараться усиливать внимание к произнесенным устами словам и молиться не спеша, с возможной собранностью.

Самое важное для преодоления рассеянности – это сознание, что надо как можно глубже понять и почувствовать те слова молитвы, которые сейчас произносишь, надо приучить себя не переходить к следующим словам и мыслям молитвы, пока не будет сознания, что только что произнесенные слова глубоко поняты, осознаны.

Старец Силуан предупреждает:

«Кто молится Господу, а думает о другом, то такой молитвы не послушает Господь».

Эти помыслы старец предлагает преодолевать усердием. Он говорит:

«Кто молится по привычке, у того нет перемены в молитве, а кто усердно молится, у того много перемен в молитве: бывает борьба с врагом, борьба с самим собою, со

страстями, борьба с людьми, и во всем надо быть мужественным».

Не надо бояться, что не будет «вычитано все правило». Если мало времени или силы, то лучше сократить это правило наполовину, до одной трети или даже более, но лишь произносить слова молитвы с полнотой их восприятия.

Тогда христианин достигает второй ступени – молитвы ума, когда разум обладает уже способностью к сосредоточенности и вполне улавливает смысл произносимых молитвословий, а сердце постепенно начинает переживать слова молитвы.

Третьей ступенью является молитва сердечная, или духовная, – когда не только ум принимает участие в молитве, но и сердце глубоко переживает те чувства, которые соответствуют вложенным в молитву мыслям. Размышление о Боге захватывает душу, молитва творится с умилением, ничем не прерывается, христианин ни о чем и ни о ком не думает и никого не ощущает, кроме слушающего его Бога.

Как пишет прп. Никифор:

«Когда ум соединится с сердцем, то исполняется неизреченной сладости и веселия. Тогда видится ему, как воистину «Царство Небесное внутри нас есть»».

Старец Силуан утверждает:

«Кто послушлив и во всем воздержан – в пище, в слове, в движениях, – тому Сам Господь дает молитву, и она легко совершается в сердце. Если молитва наша угодна Господу, то Дух Божий свидетельствует в душе; он приятный и тихий, а раньше я не знал, принял ли Господь молитву или нет, и по чему можно узнать... Кто молится в душе, для того душа – храм Божий».

«Близость же сердца к Богу в молитве свидетельствуется сладостью Божьего присутствия в душе», – говорит о. Иоанн С. Поэтому он советует: «Молясь, всемерно старайся о том, чтобы чувствовать сердцем истину или силу слов молитвы, питаясь ими как нетленною пищею; напой ими, как росой, сердце свое, согревайся, как благодатным огнем».

Как пишет архиепископ Иоанн:

«Сердце – вне пространства и времени. Соединение его с Господом не зависит ни от каких условий этого мира. Лишь от внутреннего состояния веры, правды, чистоты и смирения человеческого зависит радость соединения человека с Богом (в молитве)».

По словам св. Григория Паламы, молитвой достигается «возвращение ума к себе и восхождение его к Богу... Когда кто пребудет в этой собранности ума и в таком простирании его к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь».

Как пишет схиархимандрит Софроний:

«Через истинную молитву совершается наше вхождение в Божественное бытие силою Духа Святого. Чистая молитва влечет ум внутрь сердца и воедино собирает всего человека, даже и тело и ум. Плач умиления при молитве есть верный показатель того, что ум соединился с сердцем и что настоящая молитва нашла свое первое место, первую ступень восхождения к Богу. Ум, погружаясь в сердце, отходит от образов мира, и душа, всеми силами устремленная к Богу, во внутренней молитве, при свете, восходящем от Бога, видит себя совершенно особым образом. Видит она при этом не внешние явления и условия жизни, а себя самое обнаженною в своем естестве и раскрытою в своей глубине. При всей безвидности, простоте и «стянутости» этого созерцания, направленного к истокам жизни, к Богу, в нем открываются пределы, между которыми движется бытие всего тварного духовного мира, и душа, оторвавшись от бесконечной множественности и раздробленности явлений мира, ничего не видя, всей силой обратившись к Богу, в Боге видит весь мир и созерцает свое единство с Ним, молясь за него. В сердечной молитве чувство личного Бога очищает молитву от воображения и отвлеченных рассуждений, переводя все в некий невидимый центр живого внутреннего общения. Сосредоточиваясь вовнутрь, молитва перестает быть «взыванием в

пространство» и ум становится весь внимание и слух. Ради достижения чистой молитвы христианин-подвижник оставляет все прочее как бы позади себя... Призывая имя Божие: Отче, Господи и др., старец Силуан пребывал в таком состоянии, которого «нельзя пересказать» (2Кор. 12, 4), но кто сам испытывал присутствие Живого Бога, тот поймет... Молящийся часто ум просвещается от Господа».

И если обычное состояние человеческого ума, заполненного потоком суетливых мыслей, не есть истинное бытие, то часто молящийся ум, по словам схииерхимандрита Софрония, «есть самое бытие в его действительности, не укладывающееся в узкие рамки отвлеченных понятий». Лишь в такой молитве чрезвычайно глубоко и опытное познание человеческой свободы.

Как говорилось выше, одним из признаков третьей ступени – сердечной духовной молитвы – есть «умиление». Преподобный Серафим Саровский так раскрывает его сущность:

«Умиление есть благочестивое чувство, соединяющее в себе печаль о грехах с тихим и кротким утешением».

Отсюда и слезы в моменты умиления являются вместе и горькими (от скорби о грехах), и сладкими от тайного утешения кающегося благодатью Духа Святого.

Умиление при молитве имеет и другие благодатные последствия. Как пишет еп. Игнатий (Брянчанинов):

«Если кто при молитве своей сподобляется умиления, которое рождается от внимательной молитвы, тот опытно знает, что именно в драгоценные минуты умиления являются в нем помыслы смиренномудрия, преподающие ощущение смирения. Особенно совершается это тогда, когда умиление сопровождается слезами... когда молящийся ощутит обильно присутствие Божие, присутствие Само-Жизни, Жизни необъятной и непостижимой: тогда его собственная жизнь представляется ему мельчайшей каплей, сравниваемой с беспредельным океаном».

Как говорит старец Парфений Киевский:

«Истинную молитву стяжать неизреченно трудно. Для стяжания ее великий потребен подвиг умственный и

телесный. Не раз душа за подвиг сей приблизится ко вратам смертным. Молитва истинная есть та, которая совершается духом и вросла в душу, и ничто не изменит ее».

Приложения к главе 6-й

Как говорилось уже выше, наиболее совершенным видом является «сердечная» молитва.

У некоторых св. отцов имеются описания этой молитвы, которые могут быть неправильно поняты.

Так, прп. Симеон Новый Богослов дает такое указание: «Быть в сердце – отличительная черта сего третьего образа молитвы. Ум да хранит сердце в то время, когда молится, и внутри его да пребывает неисходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. В этом все – трудись так, пока не вкусишь Господа». Что значит «быть в сердце» или «хранить сердце»? Очевидно, чтобы достичь этого, нам необходимо наши усилия направить на то, чтобы найти способы воздействия на наше «душевное» сердце и для этого найти пути, ведущие к нему, или, как говорят духовные отцы – «найти вход сердечный». Но они же и предупреждают, что это нелегко сделать, а преосвященный Игнатий (Брянчанинов) даже запрещает раньше времени искание «сердечного входа».

Старец схимонах Силуан так пишет о попытках найти «сердечный вход»:

«Некоторые повредили себе сердце (физическое), потому что усиливались умом творить молитву в сердце и дошли до того, что потом и устами не могли ее произносить. Но знай порядок духовной жизни: дары даются простой, смиренной, послушливой душе... И если ум твой хочет молиться в сердце и не может, то читай молитву устами и держи ум в словах молитвы, как говорит «Лествица». Со временем Господь даст тебе сердечную молитву без помыслов, и будешь долго молиться».

Считаясь с мнениями св. отцов, под термином «сердечный вход» надо понимать следующее состояние христианина во время молитвы.

Слова молитвы произносятся так медленно, что содержание их совершенно ясно сознается умом.

При этом христианин ярко переживает присутствие Господа, и сердце живо переживает чувства, соответствующие словам молитвы: глубину преклонения перед Господом при славословии и величании Его; глубину признательности при благодарении: глубину нищеты духовной – при покаянии; горячность чувства любви к ближним – при прошениях за них; при прошениях за себя – полноту смирения и преданности воле Господней, добавляя к каждому из прошений: «Но не как я хочу, а так как Ты изволишь решить по безмерной премудрости и благодати Твоей...». При такой молитве безразлично, произносятся ли слова устами или молитва творится в уме.

Однако повторяем, всем новоначальным легче достичь сердечной молитвы при устном произношении слов.

Опять-таки повторяем: всем новоначальным надо обратить особое внимание на медленность произнесения слов молитвы – при таком произнесении легче сосредоточить внимание.

При потере же «сердечного входа», чтобы вновь обрести его, надо также сильно замедлить произнесение слов молитвы и вновь постараться проникнуться тем чувством, которое соответствует словам молитвы.

Следует упомянуть также, что помимо трех видов молитвы, указанных выше: устной – волевой, умной и сердечной, – у очень немногих избранников Божиих, достигших высоких ступеней совершенства, бывает также особый, сверхъестественный, образ молитвы.

Схимонах Силуан пишет:

«Молитва эта бывает тогда, когда душа от наполнения сердца размышлениями о Боге так возносится, что расширяется за пределы естества и понимает о Боге более, чем может понять по своему естеству, и не может того изъяснить. Никто не достигает сердечной молитвы, если ранее не было молитвы ума, и не даруется сверхъестественная без молитвы ума и сердца».

Вот как описывает схиархимандрит Софроний возникновение сверхъестественной молитвы из сердечной и сущность последней у старца Силуана:

«Слова этих молитв произносятся очень медленно, одно за другим. Каждое слово с силой, глубоко захватывает все существо человека. Весь человек собирается воедино; собирается весь даже физически. Дыхание изменяется, делается стесненным, или, лучше сказать, затаенным, чтобы своею «дерзостью» не нарушить устремления и внимания духа. Весь разум, все сердце, все тело до костей – все собирается воедино. Ум безвидно мыслит мир; сердце безвидно живет страданиями мира, и в нем самом страдание достигает последнего предела. Сердце, вернее – все существо, объято плачем, погружено глубоко в плач. Немногословны молитвы старца, но они продолжались очень подолгу. Часто молитва идет без слов: ум в особом акте синтеза (соединения) мыслит все сразу. Душа при этом стоит на той грани, когда каждую минуту может потерять всякое ощущение мира и тела своего, когда ум прекращает мыслить в отдельных понятиях; когда дух человека невидимо будет видеть только Бога; тогда забывает он мир, прекращается молитва, и лишь в безмолвном изумлении пребывает он в Боге. «Когда ум весь в Боге, то мир забыт совершенно, – говорил старец, – когда же кончится это пребывание в Боге по причине, неведомой человеку, то уже нет молитвы, но в душе мир, любовь и глубокий покой, вместе и некая тонкая печаль, что отошел Господь, потому что душа хотела бы вечно пребывать с Ним. Душа тогда живет остатком созерцания»»».

Глава 7. Периоды в молитве

Жди удара вражия после посещения благодати.

Архиеп. Варлаам (Ряшенцев)

Св. отцы часто указывают на наличие трех периодов в молитве, соответствующих периодам духовного возрастания души.

Первый период – это период благодатной молитвы; обычно он бывает у новоначальных в духовной жизни. Бог Сам помогает новому труженику на духовной ниве и утешает его молитвенной теплотой и умилением. Молитва идет легко, непринужденно, и

поэтому новоначальные имеют склонность все более и более увеличивать свои «правила» и количество поклонов.

Но вот наступает второй период. Господь дал вкушать сладости молитвы новонаначальному и хочет, чтобы тот потрудился сам, без Его помощи. Благодать отнимается и все изменяется: небо словно закрывается и становится глухим ко всем молениям.

Ранее теплая молитва, умилявшая сердце, становится сухой, тяготит молящегося, кажется ему долгой и трудной. Природа, обстоятельства, люди – все обращается против него.

Но, конечно, Господь не отступает от молящегося, но как бы стоит рядом и наблюдает, как трудится молящийся сам и терпеливо преодолевает тягость и сухость молитвы.

Во второй период молитвы прежние «правила» начинают казаться слишком длинными и возникает большое желание их сократить. Поклоны, ранее делаемые легко, в большом количестве, также становятся тягостными, даже при их небольшом количестве.

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Бог допускает перебои в нашей молитве, потому что Он не хочет лишать нас бодрости (наши восхождения), ни питать нашу гордость (наши падения)».

Предоставим нашему сердцу идти так, как Бог его ведет.

Правда, эти перемены – тяжелое испытание; но нам полезно узнать на своем опыте, что моменты духовного подъема не зависят от нас, а есть дар Божий, который Он от нас отнимает, когда Ему это заблагорассудится.

Если бы этот дар Божий всегда был с нами, то мы не чувствовали бы ни тяжести креста нашего, ни бессилия нашего, испытания наши не были бы настоящими испытаниями, наши добрые дела не имели бы цены.

Поэтому будем переносить терпеливо периоды упадка и сухости сердечной. Они учат нас смирению и недоверию к самим себе; они дают нам почувствовать, насколько непрочна и слаба наша духовная жизнь, они заставляют нас прибегать к помощи Божией.

В этом состоянии сердечной сухости и бесчувствия, при отсутствии горячей молитвы, надо беречься прерывать наши духовные упражнения, оставлять нашу ежедневную молитву. Этим мы нанесли бы себе величайший вред.

Мы склонны думать, что раз мы не ощущаем определенного удовлетворения в молитве, то не стоит и молиться.

Чтобы в этом разубедиться, достаточно вспомнить, что молитва и любовь к Богу – одно и то же. Существо молитвы не состоит только в тех радостных ощущениях, которыми она иногда сопровождается. Любовь-молитва может существовать и без них, и это более очищенный и бескорыстный вид ее, так как, будучи лишеной радости духовной, она имеет целью только Бога.

Молиться горячо – от Бога. Молиться принужденно – в нашей власти; вот эту слабую, недостаточную, сухую молитву и принесем в дар Богу как единственное, на что мы способны, как медные копейки евангельской вдовы.

И, как пишет Марк Подвижник:

«Божья сила изольется на твою немощь, и молитва сухая и рассеянная, но частая и постоянная обретет навык, ставши твоей второй природой, сделается молитвой долгожданной, светлой, пламенной».

Зная наступление второго – испытательного – периода, св. отцы предлагают поэтому новоначальным брать на себя не слишком большое правило и не обольщаться благодатными ощущениями первого периода молитвы.

Второй период может длиться долго, пока Господь не испытает своего раба в труде, терпении и постоянстве. Третий период – период вновь благодатной, теплой нерассеянной молитвы, когда Господь вновь пребывает в сердце молящегося благодатными утешениями, награждая его за победу над перенесенными искушениями.

Благодать уже обычно более не отходит от христианина (если, конечно, он не оскорбит ее каким-либо грехом, при отсутствии покаяния и потери нищеты духа и смирения).

Здесь, впрочем, надо заметить, что время перехода к благодатной, теплой молитве может наступить, минуя

длительность второго периода. Здесь все зависит от отданности Богу человеческого сердца.

Об этом так пишет прп. Макарий Великий:

«Нередко человек несведущий приступает к молитве, преклоняя колена, и ум его входит в покой, и в какой мере подкапывает он противостоящую стену злобы (лукавого) и углубляется под нее, в такой разрушается она, человек доходит до ведения и мудрости, до чего не достигаются сильные или мудрые, или витии, и они не могут постигнуть или познать тонкость ума его, потому что занят он Божественными тайнами и сердце его исполняется Божественной действительности. Душа веселится с Господом, как невеста с женихом, по слову пророка Исаии, который говорит: «Якоже радуется жених о невесте, тако возрадуется Господь о тебе» (Ис. 62, 5). Иногда, во весь день чем-нибудь занятый, на один час посвящает себя молитве – и внутренний его человек с великим услаждением восхищается в молитвенное состояние, в бесконечную глубину оною века, так что всецело устремляется туда парящий и восхищенный ум. На это время происходит в помыслах забвение о земном мудровании, потому что помыслы насыщены и пленены Божественным, небесным, беспредельным, непостижимым и чем-то чудным, чего человеческими устами сказать невозможно. В этот час человек молится и говорит: «О, если бы душа моя отошла вместе с молитвою»».

Вместе с тем нам надо помнить, что христианин не должен сам домогаться в молитве приятных ощущений и духовного наслаждения.

От этого так предостерегает молящихся архиепископ Варлаам (Ряшенцев):

«Не ищи на молитве приятных ощущений и высокой радости и не услаждайся, если бы это и явилось: цель молитвы – смиренная беседа с Господом и припадение к Нему в чувстве покаяния и умиления, но вовсе не услада, так сказать, духовными яствами, т. е. процессом молитвы. Погрешительно и крайне пагубно искать духовного наслаждения. При таком искании оно явится, но с «левой»

стороны – от демона похоти и блуда: он ищет сластолюбцев, которые любят сласть, а не Господа и Его заповеди. Такая прелесть вражия находит на гордого и самонадеянного человека, ищущего от молитвы не мира душевного и познания своих немощей, не страха Божия, терпения и сокрушения, а приятных ощущений. Считай все радостное, высокое, что посетит тебя сверх ожидания на молитве, недостойным для себя; не теряй из вида, что ты ищешь очищения души, покаяния, а не прельстительных радостей. Божия радость бывает неизреченно тиха, ясна, светоносна и чиста. Тогда все телесные чувства совершенно засыпают, и в теле бывает не возбуждение крови, а неземная тихость и чистота. Длится это обычно недолго, как ласка. Отчая за смирение и покаяние, и после нее еще больше смирись. Это милость, не заслуженная тобой, и поэтому жди удара вражия после посещения благодати...»

Необходимо упомянуть и о тех случаях, когда творящие молитвы уподобляются «посеявшему при дороге» в притче Господней о сеятеле (Мф. 13, 4). В этом случае «приходит лукавый и похищает посеянное» (Мф. 13, 19).

Молящихся так о. Иоанн С. называет лицемерами и пишет о них так:

«До лицемерия человек доходит не вдруг, а постепенно. Сначала он, может быть, молился от сердца, но потом, так как молиться всегда сердцем составляет значительный труд, к которому надо всегда принуждать себя, так как «Царство Небесное усилием берется» (Мф. 11, 12), – он начинает молиться более устами, поверхностно, а не из глубины души, так как это гораздо легче. Наконец, при усиленной борьбе (против него) плоти и дьявола, человек молится только устами, не доводя до сердца силы слов молитвенных. Таких людей очень много. Господь говорит об них: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком своим: сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15, 8)».

Нам кажется, что суровое обличение о. Иоанном так молящихся (а их «очень много», по словам о. Иоанна) может

быть несколько смягчено следующими мыслями, взятыми из дневника о. Александра Ельчанинова:

«Важна молитва всякая, даже невнимательная. Сила и действие слова не зависят от психологии говорящего. Если бранное, грязное слово осквернит и ранит душу произносящего и даже слушающего, то святые слова молитв, даже рассеянно повторяемые, тонкими штрихами покрывают нашу память, ум, сердце и производят над ними благую работу, нам неведомую».

При болезнях и скорбях следует учитывать и следующее предупреждение о. Иоанна С:

«В болезни и вообще в немощи телесной, равно как и в скорби, человек поначалу не может гореть к Богу верою и любовью, потому что в скорби и болезни – сердце болит, а вера и любовь требуют здорового сердца; поэтому и не надо очень скорбеть о том, что в болезни и скорби мы не можем, как бы следовало, веровать в Бога, любить Его и усердно молиться Ему. Всеу время. Иногда и молиться неблагоприятное время».

Глава 8. Содержание молитвы

И все, что ни попросите в молитве с верою, получите. Мф. 21, 22

Какими молитвами молиться? Этот вопрос решает сама душа христианина.

В Православной Церкви имеется множество чудных боговдохновенных молитв, написанных св. отцами, носителями Духа Святого Божия.

Из таких молитв составлены и обычные утренние и вечерние правила, рекомендуемые Церковью для домашнего чтения.

Для того, чтобы церковные молитвы были нам ближе и понятнее, надо знать их авторов и для некоторых из них историю их происхождения (например: «Святый Боже»⁵, «Достойно есть», «Дева днесь» и т. д.) От этого мы будем глубже переживать чувства, вложенные в молитвы, а их авторы

будут нам ближе и как бы сами участвовать с нами в наших молитвословиях.

В тех случаях, когда христианин дополняет обычные правила другими молитвами или дополнительно составляет себе правило, следует руководствоваться следующим порядком молитв, который рекомендуют св. Василий Великий и прп. Иоанн Лествичник.

Вначале христианину подобает творить молитвы славословия и благодарения, затем покаяния и уже под конец помещать свои прошения.

Можно ли молиться своими молитвами?

На этот вопрос так отвечает еп. Феофан Затворник:

«Хорошо молиться своими молитвами, они скорее могут исходить из сердца, и дело молитве именно в сердце».

Как считает архиепископ Иоанн:

«Молитва по книге (молитвеннику) изображает удаленность человека от Бога. Молитва без книги «своими словами» есть образ близости человека к Отцу».

Молитву можно сравнить с музыкой, в которой имеются классические, безукоризненные, всеми признанные как превосходные, образцы, и может быть исполнение свободных импровизаций. Последние будут более отвечать потребностям души христианина – автора их, однако других они не будут удовлетворять. А поэтому своими молитвами молиться можно и нужно, но одному.

Старец о. Алексей Мечев рекомендовал молитву личную, свою беседу и обращение ко Господу, как средство надежное и спасительное для укрепления себя в вере в Промысл Божий.

О том же пишет и о. Иоанн С:

«Хорошо иногда на молитве сказать несколько слов своих, дышащих горячей верой и любовью ко Господу. Да, не все чужими словами беседовать с Богом, не все быть детьми в вере и надежде, а надо показать и свой ум – сказать от сердца и свое благое слово; к чужим же словам мы как-то привыкаем и хладеем. И так приятен бывает Господу этот наш собственный лепет, исходящий прямо от верующего, любящего и благодарного сердца – пересказать нельзя:

надобно только то сказать, что душа при своих словах к Богу трепещет радостью, вся разгорячается, оживляется, блаженствует. Несколько слов скажешь, а блаженства вкусишь столько, что не получишь его в такой мере от самых длинных и трогательных чужих молитв, по привычке и неискренно произносимых. Кроме того, в молитвах церковных (т. е. по молитвеннику) часто не бывает упомянуто о тех грехах, которыми мы связали себя: надо непременно самому перечислять их на молитве с ясным сознанием их важности, с чувством смирения и с сердечным сокрушением».

Свои молитвы надо произносить с детской простотой и безыскусственностью. Прп. Исаак Сириянин пишет об этом так:

«Когда предстанешь в молитве перед Богом, сделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся на земле, как бы пиявкою и как бы ребенком лепечущим. Не говори Богу чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему».

Как бы ни казались мы себе мудрыми, наши слова будут пред лицом Бога лишь детским лепетом. Но это не важно. Важно, чтобы слова шли от самого сердца. О значении наивысшей простоты в молитве говорится в нижеприведенном рассказе одного епископа.

«Когда я был мальчиком, моя мать часто посылала меня давать хлеб проходящим к нам нищим. Однажды одна нищенка, приняв от меня кусок хлеба, спросила меня: – Ты молишься, дитя мое? – Да, конечно, я молюсь с матерью. – Хочешь, я научу тебя молиться, и ты будешь потом благодарен мне всю жизнь? Так вот, когда ты молишься, разговаривай со Спасителем так, как ты разговариваешь со своей матерью, которую ты крепко любишь. Рассказывай Ему все свои горести и радости, как рассказываешь их матери, и постепенно Христос станет твоим Другом на всю твою жизнь. Твою мать у тебя возьмет могила. А Спаситель останется с тобой. С Ним ты будешь счастлив и в земной жизни, и в будущей. Я потом без конца изучал богословие, – говорил ученый епископ, – но лучшего образца и способа

молитвы, чем тот, который мне указала бедная женщина, я не встречал».

Здесь уместно также вспомнить отрывок из арабской легенды Джалаледдина.

Однажды пророк Моисей встретил в пустыне пастуха, который усердно молился Богу, говоря: «О Господи, Боже мой, как бы мне знать, где найти Тебя и стать Твоим рабом. Как бы хотелось мне надевать Тебе сандалии, и расчесывать Тебе волосы, и мыть платье Твое, и целовать ноги Твои, и убирать жилище Твое, и подавать Тебе молоко от стада моего: как Тебя желает сердце мое». Разгневался пророк на такие слова и сказал пастуху: «Ты богохульствуешь: бестелесен Всевышний Бог; не нужны Ему ни платья, ни жилища, ни услуги. Что ты говоришь, безумный?» Омрачилось сердце пастуха, так как не мог он представить себе образа бестелесной формы и без нужд телесных. Он предался отчаянию и отстал молиться Богу. Но Бог сказал Моисею: «Для чего ты отогнал от Меня раба Моего? Всякий человек принял от Меня образ бытия своего и склад языка своего. Что у тебя зло, то другому добро: тебе яд, а иному мед сладкий. Слова ничего не значат: Я взираю на сердце человека».

При обращении к Богу с личной просьбой ее следует предварительно обдумать, чтобы не быть неразумным.

Прп. Исаак Сириянин говорит по этому поводу:

«Не будь несмыслен в прошениях своих, чтобы не оскорбить тебе Бога малостью своего ведения».

А прп. Серафим говорил Н. А. Мотовилову:

«Опасайся, ваше боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем крайней нужды иметь не будете; ибо хотя за вашу православную веру в Христа Спасителя и в том не откажет Господь, и волю раба Своего... сотворит неукоснительно, однако взыщет с него: зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего весьма удобно бы обойтись мог».

А архиеп. Арсений (Чудовской) пишет:

«Молиться нужно с разбором, чтобы не оскорблять величия Божия. Молитва твоя должна быть исполнена святости, любви, преданности и веры в Господа и совпадать с Промыслом Божиим».

Поэтому пусть совесть молящегося скажет ему, насколько необходимо обратиться с какой-либо личной просьбой к Богу.

Вместе с тем следует помнить, что ап. Павел без особых оговорок предлагает христианам: «Открывайте свои желания перед Богом» (Фил. 4, 6).

И мы знаем примеры из жизни святых и подвижников благочестия, когда Господь исполнял и те желания, которые не относились к категории действительной нужды. Вспомним, как Господь разрешил идти апостолу Петру по воде, хотя в этом не было никакой необходимости для Петра (Мф. 14, 28–29).

Из жизни подвижников благочестия, близких к святости, можно привести две просьбы к Богу старца схиархимандрита Захарии из Троице-Сергиевой Лавры.

Старец как-то собирал в лесу грибы вместе со своими духовными детьми, которых было двенадцать. Грибы не попадались.

Тогда старец сказал: «Господи! Пошли нам двенадцать белых грибочков». И что же – немного спустя они находят большой белый гриб, а около него рядом еще двенадцать белых грибов меньшего размера, и все они были совершенно свежими.

Уже в возрасте около восьмидесяти лет тот же старец посетил Саровский монастырь.

Придя к источнику преподобного Серафима, где окачивались водой, старец также захотел облиться из целебного источника. Но его смущала холодность воды, которая имела всего четыре градуса. Старец тогда обратился к Господу с такой просьбой: «Господи! Я стар и слаб и боюсь простудиться в такой холодной воде. Прошу Тебя – согрей для меня воду!» Когда он встал под почти ледяной душ, то вода в нем оказалась теплой.

В некоторых случаях нужно принять во внимание и наличие вопроса: к кому надо обращаться христианину за помощью – к Богу или к людям?

Один подвижник благочестия говорит так: «Если ты откроешь свою нужду людям, то не ищи помощи у Бога. Бог как бы обижен тобою – почему об этой нужде ты не просил помощи у Него Самого».

Прп. Варсонофий Великий пишет:

«Я еще никогда, нуждаясь в какой-либо вещи, не говорил никому «дай мне», но когда Бог видит, что я имею в чем-либо нужду, то внушает кому-нибудь, и тот приносит; я же принимаю. А когда я сам попрошу, то это будет не нужда, а пожелание».

Здесь уместно вспомнить о Георге Мюллере, который известен тем, что основал в Англии несколько больших и благоустроенных приютов для сотен сирот и беспризорных детей.

Когда он задумывал новое богоугодное дело, то не обращался к людям с просьбами о помощи, а начинал усиленно молиться Богу о совершении задуманного дела. И обычно появлялись необходимые средства для совершения дела.

При личных прошениях к Богу следует особенно предостеречь от молитв о каких-либо земных благах, которые Господь подает без всяких прошений всем ищущим Царствия Божия: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33).

Вместе с тем и при скорбях надо проявлять прежде всего терпение, что выше, чем молитва об их избавлении.

Один из больных иноков просил прп. Варсонофия Великого помолиться о том, чтобы «мне самому исполнять мои потребности, чтобы братьям не приходилось носить мои тяготы».

Преподобный обладал великими духовными дарами, так что мог и «демонов изгонять и неизлечимые болезни исцелять и (даже) мертвых воскрешать». Но он ответил иноку: «Возможно быть и тому, чего ты желаешь... Но Господь Иисус Христос лучше нас знает, что полезно человеку и что ему помогает, чтобы одному получить награду за терпение, а другим – за послушание... Не проси же ничего у Бога через рабов Его, кроме помощи и терпения... Или ты не знаешь, что Господь сказал ап.

Павлу, когда он просил освобождения от скорбей?» (2Кор. 12, 9)¹»

В другом случае один послушник Оптинского монастыря спрашивал старца Варсонофия, можно ли ему молиться, чтобы Господь избавил его от военной службы.

Старец дал такой ответ: «Нельзя! Это надо всецело предоставить воле Божией, ибо, прежде всего, это законно. И потом, мы не знаем, будет ли для нас полезно это. Молиться об этом равносильно тому, чтобы молиться об избавлении от послушания. Нет, уж лучше предоставим это воле Божией».

При личных молитвах нам надо помнить и о словах Господа, что «знает Отец наш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6, 8). Поэтому не следует усложнять и удлинять молитв подробным перечислением всех наших нужд и прошений.

На вопрос ученика «Когда я молюсь о многих предметах, должно ли о каждом из них упоминать в молитве?» прп. Варсонофий дал такой ответ:

«Если хочешь молиться о многих предметах, то, поскольку Бог знает, в чем мы имеем нужду, молись так: «Владыко Господи Иисусе Христе, настави меня по воле Твоей». А когда об искушениях, говори: «Ты знаешь полезное мне, помоги мне в моей немощи и даруй мне, по воле Твоей, избавление от искушений»».

Очевидно, что подобную краткость формулирования мы должны сохранить и при испрошении помощи от Бога для наших близких. Все вышеизложенное не исключает, однако, возможности просить у Бога (или Божией Матери и святых) помощи при бедах, несчастьях, скорбях и действительных нуждах в чем-либо.

В этих случаях свои прошения христианину следует присоединить к своим обычным молитвенным правилам.

Так, например, старец о. Алексей Зосимовский рекомендовал одной девушке, страдавшей от безработицы, присоединять к своим молитвам еще следующее:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Пресвятая Богородица и св. мученик Трифон, пошлите мне благой и

честный труд во славу Божию и на пользу ближних моих».

Свои прошения христианин может (да и должен) излагать в самой простой форме.

Примером этого может служить молитва старца Гавриила из Елеазаровской пустыни.

В то время монастырь, где жил старец, очень нуждался в лесе, который был необходим для монастырских построек. Монастырь стоял в лесу, но у монастыря не было права на порубку.

Как-то старец подошел к окошку и, смотря на лес, произнес: «Господи! Ты знаешь, как нам нужен лес! Наломал бы Ты нам леску для постройки!»

Вскоре после этого налетел ураган и около монастыря было свалено девять больших деревьев, которых вполне хватило для монастырской постройки.

А вот еще пример простодушной молитвы одной больной инокини, жившей в миру. Во время большого недостатка в пище она стала молиться апостолу Иоанну Богослову:

«Угодниче Божий, любимый ученик Господа, ты ведь был рыбак, пошли мне рыбки».

И в тот же день к ней стучится крестьянин и говорит: «Здесь болящая, я принес ей рыбки...»

При всяком прошении у Господа чего-либо в молитве христианину необходима крепкая вера в возможность выполнения прошения Господом.

Пастырь о. Иоанн С. пишет:

«Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение... Сомнение – хула на Господа... Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: «Веруешь ли, что Я могу это сделать?» Тогда ты должен из глубины сердца ответить: «Да, верую, Господи» (Мф. 9, 28). И тогда будет по вере твоей».

Более всего для себя нам следует испрашивать у Бога прощения грехов и очищения сердца.

Старец о. Алексей М. говорил, что Господа надо просить в отношении себя лишь о том, «чтобы Господь помиловал тебя,

просить у Него прощения в грехах, просить научить, как надо любить Его, просить Его дать силы жить богоугодно, дать силы исправиться и служить Ему так, как Он того желает, а также благодарить Его непрестанно за Его великое долготерпение и милосердие... И все.

Просить же себе радостей душевных, облегчения в жизненных трудностях и вообще просить себе всяких душевных и телесных благ не следует.

И как в жизни нужно забыть себя и жить для других, и жизнью других, так и в молитве нужно забыть себя, свою душу, и просить только у Господа силы служить Ему и исполнять Его повеления на земле».

При наших прошениях не следует смущаться, если не последует исполнения какого-либо из наших прошений: возможно, что исполнение его не принесло бы духовной пользы.

Как пишет архимандрит Иоанн:

«Велика сила всякой смиренной молитвы. Нет случая, чтобы она не исполнилась, хотя и не всегда так, как того хотят люди, но – еще лучше... Неисполненную просьбу человеческую Господь заменяет Своими дарами, которые суть самое главное и самое нужное благо для человека. Ибо лишь Господь один знает, что важно и что нужно каждому. Человек же в своих прошениях иногда уподобляется ребенку, просящему пламя свечи...»

Поэтому все просьбы наши мы должны заканчивать так, как заканчивал Свою молитву Господь в Гефсиманском саду: «Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42).

О других случаях неисполнения наших прошений так говорит о. Иоанн С:

«Ты желаешь себе или другому кому-либо или всем какого-либо духовного блага, а Господь давно, давно, прежде тебя того желает тебе и другим и готов даровать, только бы была готовность к принятию Божественного дара, только бы были сколько-нибудь достойны того имеющие принять».

Поэтому все наши прошения не должны сопровождаться сильным желанием, чтобы они были выполнены во что бы то ни

стало. Здесь уместно вспомнить рассказ из сочинений архиепископа Луки.

«Однажды ангел сказал одной из пламенно молившихся: «Что в самом деле ты делаешь? Ты колеблешь чертог небесный, и там ничего не слышно, кроме твоих криков». А эта душа не произносила ни слова: только ее сердце так волновалось, что ее невидимого чувства было достаточно, чтобы поколебать высоту небесную».

Может возникнуть также вопрос: зачем же просить, если Господь безмерно Благ и знает все лучше нас и поступит так, как лучше для нас?

Когда мы имеем какое-либо желание, то можем впасть в уныние от того, что оно не исполнится... Если же мы принесем его Господу, то этого не случится.

Если даже это желание и не будет исполнено, то мы получим твердость духа и полноту веры, что дело совершится по воле Божией так, как для всех будет лучше.

В некоторых случаях Господь не отказывает, а медлит с исполнением молитвы (Лк. 18, 7).

Поэтому, помолившись, нельзя унывать, не получая тотчас просимого. Как говорят об этом Оптиные старцы:

«Между сеянием и жатвой должно пройти известное время».

Господь, может быть, в некоторых случаях испытывает веру молящихся для того, чтобы приучить их к терпению и впоследствии вознаградить за труд и настойчивость в молитве.

Как пишет св. Иоанн Златоуст:

«Не огорчайся, если не получишь сразу того, о чем просишь. Бог хочет даровать тебе большее благо через твое постоянство в молитве».

Следует упомянуть, что у многих христиан, возросших духовно, наступает такой период, когда они более не знают, как им молиться за себя? Они твердо верят, что Премудрый Господь Промыслитель несравненно лучше их знает, что им полезно и что им надо послать в жизни. Вот пример подобного обращения – молитва митрополита Московского Филарета:

«Господи! Не знаю, что мне просить у Тебя. Ты один знаешь, что мне нужно. Ты любишь меня больше, нежели я сам умею любить себя. Отче! Дай рабу Твоему то, о чем я Тебя и просить не умею. Не смею просить ни Креста, ни утешения, только стою перед Тобю. Сердце мое Тебе открыто, Ты зришь нужды мои, которых я не знаю: зри и сотвори по милости Твоей. Порази и исцели, низложи и подыми мя. Благоговею и безмолвствую перед Твоей Святой волей и непостижимыми для меня судьбами Твоими. Весь я предаюсь Тебе. Нет у меня иного желания, кроме желания исполнить волю Твою. Научи меня молиться. Сам во мне молись. Аминь».

Приложения к главе 8-й

Господи, Боже мой, удостой меня быть орудием мира Твоего,

Чтобы я вносил любовь туда, где ненависть,
Чтобы я прощал, где обижают,
Чтобы я соединял, где есть ссора,
Чтобы я говорил правду, где господствует заблуждение,
Чтобы я воздвигал веру, где давит сомнение,
Чтобы я возбуждал надежду, где мучает отчаяние,
Чтобы я вносил свет во тьму,
Чтобы я возбуждал радость, где горе живет.
Господи, Боже мой, удостой,
Не чтобы меня утешали, но чтобы я утешал,
Не чтобы меня понимали, но чтобы я других понимал.
Не чтобы меня любили, но чтобы я других любил.
Ибо кто дает – тот получает,
Кто забывает себя – тот обретает,
Кто прощает – тот простится,
Кто умирает – тот просыпается к вечной жизни.

Это – небесная арфа... Чистые, светлые аккорды в нем заключены. Утренние, вечерние молитвы, каноны Иисусу Сладчайшему, Пресвятой Богородице, Ангелу-Хранителю, силам небесным, Иоанну Крестителю, Честному Кресту, апостолам. Покаянный канон и акафисты – два византийских

акафиста тысячелетней музыки слова... Молитвы ко причащению и по причащении. Одна молитва принадлежит Василию Великому, другая Макарию Египетскому, третья Амвросию Медиоланскому, четвертая Симеону огненному – Новому Богослову...

Глубина премудрости и ведения, звук тихого сокращенного и ликующе-победного предстояния. Полнота славы и исповедания. Читаешь, перечитываешь, останавливаешься, созерцаешь, пьешь – и опять успокаиваешься словом и ведением. «Коль сладки гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим» (Пс. 118). Поистине, читаешь и словно струны перебираешь. И на струнах играешь скрытую в них мелодию, и ангелы в сердце тебе поют. Умолкнешь – и снова струны трогаешь, и ангелы песнь тебе поют. Закроешься от ангелов и сам запоешь правильник – арфу в руках держишь, даже не трогая струн, говоришь с Богом, и снова слышишь звучание каждой струны, даже не тронутой. Безмолвно, углубленно слушаешь песнь, скрытую в сердце.

Некоторые говорят, что «сухо» им читать правильник – наш церковный правильник со старинными славянскими молитвами... В нашем сердце сухо бывает, а не в правильнике. Выучиться надо чтению и пению молитвенному, проникнуть в эти «крюки» славянских слов и строк. И оживятся, запоют, задышат молитвенные страницы.

Неверно читают те, которые правильник читают, словно книгу. Правильник – не книга, это арфа и в ней живущие аккорды звуков и мелодий небесных. Не всякий прочтет ноты и земной симфонии, не всякий проникнет в глубину правильника. Это глубина – бездна многая, неисчерпаемый кладезь вечно новых переживаний.

Так нужно, чтобы человек, отходя от сна к своему дневному труду или возвращаясь к покою от своих дневных забот, брал в руки правильник и погружался в его мелодию. «Утренние молитвы"... «Вечерние"... От сладкого утреннего пения может на весь день в сердце остаться свет и направить все слова и поступки человека к свету. Вечернее пение сердца, представшего после трудов дневных своему Творцу, может

снять всю пыль греха, осевшую на сердце за день, и уготовить человеку сон мира. Придет день, когда этот день будет последним. И так нужно для человека, чтобы этот день был свят. А святым он будет, лишь если начнется с молитвы.

Иногда люди, как дети, трогают одну или другую страницу – струну арфы молитвенника, не произнося никакой мелодии. Труд нужен, терпение и стремление, вера и надежда. Без них не раскрыть мелодии, таящейся в струнах. И не только в минуты предстояний, но и в самой жизни.

Каждую минуту хождения по земле «непрестанной молитвой в душе подготовляйся к предстоянию твоего моления и вскоре преуспеешь» (св. Иоанн Лествичник). Ищи эту небесную мелодию в своих чувствах, мыслях, устремлениях, в течение всего дня, и ночью, во сне – и «преуспеешь»: поймешь и прочтешь свои молитвы, когда восстанешь пред Лицом Владыки. Откроются очи твои для зрения сокровенности слов, и отверзнутся вместилища твои для слышания небесных тайн.

(Найдена в шинели солдата, убитого на Финском фронте в Великую Отечественную войну)

Послушай, Бог... Еще ни разу в жизни
С Тобой не говорил я. Но сегодня
Мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь... с детских лет всегда мне говорили,
Что нет Тебя... и я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
Из кратера, что выбила граната,
На небо звездное, что было надо мной;
Я понял вдруг, любуясь мерцаньем,
Каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку?
Но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь.
Не странно ль, что среди ужаснейшего ада
Мне вдруг открылся свет, и я узнал Тебя.
А кроме этого, мне нечего сказать.
Вот только что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,

Но мне не страшно. Ты на нас глядишь.
Сигнал... Ну, что ж, я должен отправляться...
Мне было хорошо с Тобой... Еще хочу сказать,
Что, как Ты знаешь, битва будет злая,
И, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор я не был Твоим другом,
Позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу, Боже мой, Ты видишь,
Со мной случилось то, что ныне я прозрел.
Прощай, мой Бог... иду... и вряд ли уж вернусь,
Как странно – но теперь я смерти не боюсь.

Прочтя эту «свою», неподражаемо искреннюю и простую молитву, кто может сомневаться в том, что Бог «его поймет», «даст ему руку», и «позволит войти» в Его светлое Небесное Царство и этому русскому воину, отдавшему жизнь ради Родины.

Глава 9. Молитва за ближних и усопших

Молитесь друг за друга. Иак. 5, 16

Не столько за себя, сколько за ближних и страждущих должен усердно молиться христианин. К молитве за других призывают апостолы: «Молитесь друг за друга», – пишет ап. Иаков (5, 16), а ап. Павел так поучает ефесских христиан: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых» (Еф. 6, 18).

Игумения Арсения пишет:

«Так хорошо чувствуется, когда помолишься о спасении кого-либо и отдашь спасение этого человека в руки Божии».

То же советует и о. Иоанн С:

«Когда видишь в ближнем недостатки – моли Бога от всего сердца об их исправлении».

Как пишет митрополит Московский Филарет:

«Душа усиленно молящегося не входит ли в общение с тем, за кого молится? В сем общении не простирается ли иногда ток силы к душе, ищущей помощи!»

О том же пишет архиепископ Иоанн:

«Через молитву мы соединяемся с другим человеком все по-новому и все по-лучшему... Молитва очищает бывшие, настоящие и будущие отношения».

А праведник-священник Иоанн из города Дара, говорит:

«Мы, может быть, думаем, что мы не можем изменить сердцем своих ближних и отвести их от порока, страсти и греха? Но св. отцы говорят, что в этом очень трудном деле мы не бессильны. Мы многое можем сделать с сердцами ближних, если мы будем усиленно молиться за них сами, просить о том Церковь (подача просфор за них) и совершать другие подвиги, угодные Богу. Если мы не сделали всего этого, то нельзя думать, что мы сделали все возможное для нас ради ближних».

Совершенно очевидно, что действенность наших прошений зависит от нашей близости к Богу – подвига ради богоугождения и наличия у нас чистоты сердечной и христианских добродетелей.

Как пишет прп. Исаак Сириянин:

«В какой мере вступил кто в подвиг ради Бога, в такой сердце его приемлет дерзновение в молитве его».

О. Иоанн С. говорит по этому поводу:

«Если ты живешь верою и добродетельно, особенно кротостью, смирением и милосердием соединен с Богом, то проси у Него чего хочешь, чему научит тебя просить Дух Святой, и будет тебе – или скоро, во мгновение, в один час, или через некоторое время, по усмотрению премудрости Божией».

Однако и при чувстве своего недостойнства нельзя оставлять молитв как за себя, так и за ближних, и как бы ни были мы нищи Духом, как бы ни слаба была наша молитва, все же надо верить, что и мы своею молитвою можем много помочь ближним, и это будет самой действенной и надежной помощью.

Старец Силуан так говорит об этом:

«Раньше я думал, что Господь творит чудеса только по молитвам святых, но теперь узнал, что и грешнику сотворит Господь чудо, как только смирится душа его, ибо когда человек научится смирению, тогда Господь слушает его».

молитвы. Многие по неопытности говорят, что такой-то святой сделал чудо, но я узнал, что это Дух Святой, Который живет в человеке, творит чудеса. Господь хочет, чтобы все спаслись и вечно были с Ним, и поэтому слушает молитвы грешного человека ради пользы других или самого того, кто молится».

Здесь следует вспомнить из жития святых следующий рассказ, на который обратил внимание Н. А. Мотовилова прп. Серафим (см. беседу «О цели христианской жизни»).

Одна блудница, христианка по крещению, встретила с женщиной-язычницей, находившейся в отчаянии из-за смерти единственного сына. В страшном горе своем мать стала умолять блудницу, чтобы та помолилась о воскрешении ее сына.

Зная свое недостойнство, блудница ужаснулась в душе этой просьбе матери, но, видя отчаяние последней и ее веру и будучи не в силах видеть ее горе, она возопила ко Господу: «Не ради меня, грешницы окаянной, но слез ради матери, отчаянно скорбящей о сыне своем, но в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, твердо уверенной, воскреси, Господи, сына ее». И Господь воскресил сына.

Каждому христианину будут встречаться случаи, когда и его будут просить помолиться о чем-либо. Конечно, всегда надо исполнять такие просьбы, но вместе с тем в смирении надо считать себя недостойными представлять в молитве за других. В таких случаях надо исполнять такой совет о. Иоанна С:

«Когда тебя попросят помолиться о спасении кого-либо от какого-либо бедствия, то скажи в себе: «Буди благословенна вера ваша, по вере вашей да даст Господь исполнение моей недостойной, маловерной молитвы и да приложит мне веру»».

Опыт жизни говорит, что и в тех случаях, когда мы хотели бы исправить недостатки наших ближних, самым действенным средством для этого является не увещание их, а молитва за них.

Увещевание может действовать лишь при наличии у нас кротости и великой любви к ближним, а также наличия у ближних нашего авторитета; этого чаще всего у нас недостает, и поэтому увещевания вызывают у ближних большей частью лишь раздражение и враждебность.

Отец Силуан учил, что «молиться надо и за раздражительного и недоброго начальника, как молятся за больного; молиться надо также за подчиненных и за тех, кто тебя обидел, чтобы на душе были всегда мир и любовь». Молиться за ближних надо так горячо, как бы «кровь проливать», по выражению старца.

Последнее подтверждается из молитвенного опыта о. Иоанна С, описанного ниже.

«Девять раз я ходил молиться о смертельно больных младенцах с дерзновенным упованием, что Бог призрит на труд мой, на ходьбу мою, на молитвы и коленопреклонения, на дерзновение мое, на упование мое... Прихожу в десятый раз – младенцы здоровы».

Один христианин из наблюдавших молитву о. Иоанна около постели безнадежно больного так описывает ее:

«Он просил с непреодолимой силой любви к ближнему. Он стучал все громче и громче в заветную, обетованную дверь. Он весь преобразился, черты его лица светились, глаза таинственно блестели, трепет пробежал по его телу, капли пота струились по лбу его. Наконец мольба его была услышана. Он почувствовал, как влилась в него светлая, дивная могучая сила. Ему уже давно знакомо было это ощущение. Он поднялся с колен и направился к кровати... И положил больному руку на голову. «Встань и помолимся вместе», – тихо сказал он. – Я не могу шевельнуться. О. Иоанн еще раз возложил на него руку и еще раз повторил: «Встань и помолимся вместе». И больной встал с кровати».

Почему же не все молитвы за ближних исполняются и каковы условия для надежды на благоприятные последствия молитвы? На этот вопрос так отвечает старец Силуан:

«Когда хочет Господь кого-нибудь помиловать, то внушает другим желание за него молиться и помогает в

этой молитве. Поэтому должно знать, что когда приходит желание молиться за кого-либо, то это значит, что Сам Господь хочет помиловать ту душу и милостиво слушает твои молитвы. Но не должно смешивать желание молиться, которое внушает Господь, с желанием, которое рождается по пристрастию к тому, о ком молишься».

Очевидно, что в последнем случае молитва не всегда так исполняется Господом, как в первом случае, когда молятся по внушению от Господа.

Один из иноков спросил прп. Варсонофия Великого: «Могут ли одни молитвы святых испросить прощения грехов без покаяния самого согрешившего?» Преподобный ответил:

«Если человек сам не потрудится по силе своей и не присоединит собственного труда к молитвам святых, то никакой не получит пользы от того, что святые будут за него молиться.

Когда они будут поститься и молиться за него, а он будет сластолюбствовать и вести себя беспорядочно, то какую пользу принесет молитва о нем? Ибо здесь сбывается сказанное в Писании: «Когда один строит, а другой разрушает, то что они получают для себя, кроме утомления?» (Сир. 34, 23).

Если бы возможно было, что человек, о котором молятся святые, спасался, ни мало не внимая себе, то что препятствовало бы святым спасать таким образом всех грешных мира сего?»

Поэтому епископ Феофан Затворник пишет:

«Молитва других о нас бывает сильна только тогда, когда есть и наша собственная молитва».

Однако следует заметить, что из общего правила бывают и исключения. Эти исключения бывают тогда, когда горячность любви ближнего и его неотступность в молитве за согрешающего бывают очень сильны. Вот несколько примеров об этом из истории Церкви Христовой.

1. Блаженный Августин был в молодости соvrащен в ересь манихеев и вел далеко не добродетельную жизнь. Его благочестивая мать Моника горячо молилась о спасении его души и много плакала о сыне.

«Такие слезы и молитвы не будут отринуты Богом», – предсказал ей один епископ. И действительно, ее молитвы были услышаны, и Августин стал одним из великих учителей древней христианской Церкви.

2. Два инока жили в пустыне. Один из них не вынес искушений и сказал: «Я иду в мир».

Заплакал второй инок и сказал: «Я пойду за тобою». Когда первый бывал в домах греха, второй слезно молился Богу о спасении души брата.

И вот однажды ночью он увидел ангела, который сказал ему: «За твою горячую любовь и молитвы о погибшем брате Господь дарит тебе его душу». На утро соблазненный брат сказал инок: «Брат, води меня в пустыню».

3. В жизнеописании старца о. Алексия М. рассказывается о случае, когда по его молитвам и по неотступным молитвам его духовной дочери муж последней, не веровавший в течение своей жизни, уверовал на смертном одре, покался и причастился Святых Таин.

Следует сказать, что этот человек с симпатией относился к старцу о. Алексию, принимал посылаемые ему просфорки, которые ел за чаем.

4. В жизнеописании итальянской праведницы Джеммы Гальгани рассказывается про нее следующее.

К ней приходили родные тех лиц, которые вели греховную жизнь. Джемму просили об обращении к Богу этих заблудившихся душ.

Джемма начинала усердно молиться, добавляя к молитве следующее: «Обрати их к вере и истине, а от меня возьми, ради их спасения, сколько нужно лет моей жизни».

Эти лица действительно каялись и исправляли свою жизнь. Джемма же умерла в раннем возрасте...

Иногда у христианина может возникнуть также вопрос: достаточно ли одной его молитвы при какой-либо серьезной просьбе к Господу? На это так отвечает прп. Варсонофий Великий:

«Хотя грешный и потрудился несколько сам, он имеет нужду в молитве праведного. Ибо апостол говорит: «Много

может усиленная молитва праведного» (Иак. 5, 16). Но когда святой и праведный молятся за грешного, то и грешный, по силе своей, должен содействовать молению святых покаянием; будучи сам собою недостаточен к уплате долгов своих, он принесет малое, а молитвы святых – многое. Например, кому-нибудь надобно перенести десять мер пшеницы, а он не может понести и двух, но найдет богобоязненного человека, который понесет за него девять мер, а ему оставит только одну и таким образом даст ему возможность спастись».

Молитва за ближних приносит большую пользу: она привлекает к ним помощь и милость Божию, а молящегося делает как бы другом Божиим.

О. Иоанн С. говорит по этому поводу:

«Не ленись молиться усердно о других по прошению их, или сам собою, или вместе с ними: сам получишь милость от Бога – благодать Божию в сердце, улаждающую и укрепляющую тебя в вере и любви к Богу и ближнему. Будешь милостив к ближним – и к тебе будет милостив Бог, равно и все ангелы и святые: будешь молиться за других, а за тебя все небо будет ходатайствовать. Отчего искренняя наша молитва друг за друга имеет великую силу на других? Оттого, что я прилепляюсь во время молитвы к Богу, делаюсь един дух с Ним, а тех, за которых я молюсь, соединяю с собою верою и любовью, потому что Дух Божий, действующий во мне, действует в то же время и в них, как «все исполняющий», так как «мы многие одно тело, ибо все причащаемся от одного хлеба» (1Кор. 10, 17; Еф. 4, 4)».

Как мы видим из слов о. Иоанна, молитва не о себе, а о ближних, страдающих, в беде сущих, а также о Церкви и Родине имеет безусловное преимущество перед молитвой о себе и о своих нуждах. Последняя диктуется заботой о себе. Не лучше ли всю заботу о себе вверить в руки Премудрого и Премилосердного нашего Отца Небесного, а все свои силы отдавать помощи ближним? Из видов же помощи не самая ли доступная, надежная и мудрая – это молитвенная помощь?!

И если мы будем так трудиться, подражая Самому Господу и Его святым, то Его милость изольется и на нас и притом в несравненно большей степени, чем при выпрашивании у Господа милостей только для себя.

Кроме ближних, есть еще категория людей, за которых необходимо всегда молиться христианину.

Это те люди, с которыми мы не можем более почему-либо встретиться, но перед которыми мы остались виновными – или в обиде их, оскорблении, несправедливости или, может быть, даже в соблазне их ко греху и к неверию.

Все они будут свидетельствовать о нашем недостоинстве на Страшном Суде. И единственный способ смягчить нашу вину перед ними – это молитва за них, молитва о спасении их души.

В равной мере надо усердно молиться и за тех, которые нас оскорбляли, гнали, поносили или так или иначе вредили нам.

Как говорил о том Созоновский затворник Иоанн, подобные люди «не враги, а благодетели наши, ибо волею Божиею они способствуют нам преуспевать в терпении и получать небесные награды».

А по указанию аввы Зинона:

«Кто хочет, чтобы Бог услышал его молитву, тот, прежде всякой другой молитвы, да принесет молитву о врагах своих, ради этого Бог услышит всякую молитву его».

Чем чище становится душа христианина, тем больше он молится за других и меньше за себя.

Но за всех ли без исключения нужно и можно молиться?

Здесь надо вспомнить одно указание св. апостола Иоанна Богослова: «Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, то пусть молится, и Бог даст ему жизнь, то есть согрешающему грехом не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился» (1Ин. 5, 16).

Здесь, нужно думать, запрещается молиться о житейском благополучии для такого брата, но не исключаются прошения о том, чтобы такой брат покался в своем грехе, обратился к Богу и пошел путем истины.

Вспомним, что в церковном утреннем молитвенном правиле имеется прошение об «отступивших от православной веры...» и

о присоединении их к Апостольской Соборной Церкви.

Особенную нужду в наших молитвах имеют усопшие. В церковной истории имеются многочисленные свидетельства о том, какое большое значение для умерших телом имеют молитвы о них живых. Вместе с тем при усердной молитве за умерших последние сами становятся ходатаями к Богу за живых.

В описании жизни митрополита московского Филарета имеется такой случай.

Митрополиту была подана на подпись бумага о запрещении священнослужения одному священнику, злоупотреблявшему вином.

Почему-то замедлил подписать эту бумагу митрополит Филарет. Ночью видит он сон, что обступили его какие-то странные, оборванные и несчастные люди и просят за провинившегося священника, называя его своим благодетелем.

Три раза вновь повторялся этот сон. Наутро митрополит позвал виновного и стал расспрашивать о его жизни и спросил, за кого он молится.

«Ничего достойного нет во мне, Владыко, – смиренно отвечал иерей. – Единственное, что на сердце у меня лежит, – это молитва за всех нечаянно погибших, утонувших, без погребения умерших и безродных. Когда я служу, я стараюсь усердно молиться о таких лицах».

– Ну, благодари их, – сказал провинившемуся митрополит Филарет и, разорвав бумагу о запрещении служения провинившемуся иерею, отпустил его лишь с увещеваниями оставить свою слабость.

Как говорилось уже выше, всегда надо предпочитать молитву за других молитве о себе. Так, старец Силуан имел обильный дар слез, пока молился за умерших.

По совету одного подвижника он стал более заниматься «плачем о себе». Но тогда слезы прекратились. Они вернулись вновь, когда он стал снова усердно молиться за умерших.

Вот как говорит о значении молитвы за усопших архиепископ Иоанн (Шаховской):

«Молитва за ушедших с этой земли очищает и сердце самого молящегося от всех ненужных осадков в отношении этих усопших. Молитва за живущих на земле может быть и корыстна, и своевольна. Молитва же за усопших такой не бывает, она всегда источает небесную, очищенную любовь, истинный воздух вечности».

Примечание к главе 9-й

У лютеран нет молитвы за умерших. Может быть, для некоторых непонятно: как могут живущие повлиять на судьбу уже умерших?

Здесь следует вспомнить притчу об «управителе неверном» (Лк. 16, 1–12). В этой притче управитель самовольно переписывал долговые расписки – со ста на восемьдесят и пятьдесят, и господин похвалил за это управителя.

Так и всякий может своей молитвой облегчить участь как живущих, так и умерших. Его молитва всегда снимет какую-то часть того греховного долга, который на том свете, может быть, еще тяготит умершую телом душу.

Глава 10. Молитва благодарения

За все благодарите. 1Фес. 5, 18

Уста, всегда благодарящие, приемлют благословение от Бога. Прп. Исаак Сириянин

Мы все, конечно, помним о десяти евангельских прокаженных, исцеленных Господом, из которых лишь один – самарянин – вернулся, чтобы воздать Ему благодарение (Лк. 17, 12–19). Вспомним и о том, как строго осудил Господь неблагодарность остальных девяти исцеленных.

Наличие в сердце человека чувства благодарности говорит о благородстве, мягкости и живости сердца человека.

И, наоборот, проявление «черной неблагодарности» (как ее принято называть) свидетельствует о крайней испорченности и черствости сердца, говорит о господстве над человеком темной силы.

Поэтому христианину нужно проявить большую заботу о развитии у себя этой добродетели. Здесь надо начать с укоренения прочной привычки проявления всех внешних

признаков наличия добродетели – благодарности. Конечно, форма этих проявлений будет различна в зависимости от того, к кому будет проявляться благодарность, – к Богу или к людям.

Богу мы обязаны всем: нашей жизнью и всеми ее благами, промыслом о нас, неисчислимым милосердием, долготерпением наших грехов, страстей, пристрастий, нерадения, слабостей.

Как пишет о. Иоанн С:

«Наша жизнь есть непрерывный ток неизреченных милостей Божиих: отсюда она должна быть непрерывным благодарением и славословием Богу Творцу и Благодетелю».

Но можем ли мы, в силах ли мы достойно отблагодарить Господа за Его непостижимую любовь к нам, за Его тягчайшие страдания и крестную смерть, поднятые ради нашего спасения и искупления наших грехов?

На этот вопрос прп. Варсонофий Великий отвечает так:

«Знай же, что мы никогда не достигнем того, чтобы по достоинству благодарить Его; однако будем приносить Ему посильное благодарение устами и сердцем, и Он по человеколюбию Своему может сравнить оное с двумя лептами (евангельской вдовицы).»

Поэтому в наших молитвах благодарение и славословие Господа должно занимать преимущественное место, вместе с покаянием.

Поскольку Господь наш неизменно Благ и посылает нам всегда лишь только полезное для нас, то за все полученное нами от Него надо неизменно благодарить включительно до того, что мы называем «бедами», «несчастьями», «напастями», «бедствиями» и т. п.

Все это есть лишь промыслительные и целительные средства для спасения нашей души.

Как пишет архиеп. Арсений (Чудовской):

«Надо благодарить Господа и за искушения и скорби, ибо в них мы испытываемся в любви ко Господу, ближе становимся к Нему, а в этом вся цель жизни христианина – шествовать ко Христу Спасителю нашему».

Поэтому-то ап. Павел и повелевает: «За все благодарите» (1Фес. 5, 18), т. е. благодарите искренне, от всего сердца за все, что бы с вами ни случилось, включительно до самого тяжелого и горестного (в житейском смысле).

Как говорит прп. Варсонофий Великий:

«Будешь ли ты в скорбях, или нуждах, или в утеснениях, или в болезнях, и трудах телесных, – за все, постигающее тебя, благодари Бога».

Об этом так же пишет Исаак Сириянин:

«Шествующим путем Божиим надлежит благодарить Бога за все, приключаящееся с нами, укорять же и осыпать упреками душу свою и знать, что попущено это Промыслителем не иначе, как по собственному его какому-нибудь нерадению для того, чтобы пробудился ум его, или потому, что он возгордился».

Вспомним и любимые слова св. Иоанна Златоустого: «Слава Богу за все», – и будем стараться приучать себя в подражании ему в этом.

Есть и еще одна важная особенность в постоянном обращении к Богу с благодарственными молитвами.

При нашей духовной слабости мы часто находимся в подавленном состоянии духа из-за каких-либо жизненных тягостей или неприятностей.

Мы часто бессознательно протестуем при этом сердцем против определений Богом наших дел и нашей судьбы.

Этот неосознанный, а иногда и сознательный ропот удаляет от нас Духа Святого Божия, и отсюда ввергает нас в уныние и тоску.

Тогда надежным верным средством изменить к лучшему наше плачевное душевное состояние являются благодарственные молитвы.

Пусть христианин вспомнит тогда неизменную благость Божию, все благодеяния, полученные им от Господа в течение своей жизни, и пусть, пересиливая свое маловерие и уныние, вознесет – хотя бы более устами, чем сердцем – благодарственные молитвы.

Темная сила не потерпит этого, отступит от христианина, и прежнее мрачное состояние его души изменится: на сердце почувствуется мир, оживятся вера и надежда и рассеятся, как дым, печальные мысли. В обновленную молитвою душу вернулся Небесный Гость – Дух Святой.

Как говорит прп. Варсонофий Великий:

«Благодарение за все Богу ходатайствует пред Ним о немощи человеческой».

Насколько велико значение благодарственных молитв у христианина при перенесении им каких-либо скорбей, свидетельствует так тот же Варсонофий Великий:

«Если потерпишь и будешь благодарить Бога, то благодарение вменится тебе вместо подвигов».

Как пишет о. Александр Ельчанинов:

«Добродетель благодарности, как и все другие наши добродетели, как подвиги поста, молитвы, нужны прежде всего нам самим. Само наличие в нас чувства благодарности свидетельствует о том, что в нас действительно живет несомневающаяся вера и любовь к Богу. Благодарность наша – удостоверение о правильно установленной религиозной душе. Все мы умеем просить. Даже неверующие в крайне тяжкие моменты иногда прибегают к Богу, но благодарить мы не умеем. Благодарственная молитва – знак высоко поднявшейся души. Хорошо вспомнить Бога в несчастье; но не забыть Его в радости – знак души, утвердившейся в Боге. Молитва просительная может уживаться в сердце с нашим эгоизмом, гордостью, злобой. Молитва благодарения несовместима с такими чувствами. Будем же прибегать к Богу в наших бедах и обстоятельствах, не потщимся взойти и на более высокую ступень – благодарственной молитвы».

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.
Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,

Благодарим ли с умилением,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Приложения к главам 8–10-й

Кажется, нет большей скорби у христианина, как видеть своих ближних, утопающих в неверии, грехе или небрежении о спасении своей души.

Слова, убеждения и даже слезы всего чаще не помогают, и душа ближнего пребывает мертвой духовно.

Остается лишь надежда на Бога и на молитву о душевно погибающем.

Но как часто долго и очень долго не замечается успех от таких молитв.

Ниже приводятся слова ободрения для подобных случаев, когда как будто бы нет результатов от молитвы за погибающих (перевод с французского неизвестного автора).

«Бедные матери и жены, идите и скажите дома на молитве Господу все то, что не решаетесь сказать вашим ближним и любимым, огорчающим вас своим неверием. Несите ваше бремя ко Христу, как когда-то к Нему несли разбитого параличом, который сам не мог или не хотел идти к Благому Пастырю. Идите и просите за овцу заблудшую и скажите просто: «Господи, пожалей еще эту душу». Пусть Господь будет для вас Свотильником, Ему доверьте все ваше беспокойство, подчас отчаяние. У Него спросите, что надо делать и как надо говорить с погибающим. Одно слово, пришедшее во время молитвы, стоит больше, чем все наши человеческие измышления. И это слово, помимо вас, в час, когда мы того не ждем, западет в любимую душу, останется в ней и в тиши сдѣлает свое дело. Вы удивляетесь, что результаты так малы после многих лет усиленных молитв. Это оттого, что вы не умеете смотреть, да и не можете знать всего. Если любимая заблудшая душа совершила хотя бы одним грехом меньше – уже хорошо. Если поделится она с вами своей тревогой, если будет меньше осуждать ваши набожные навыки, не будет насмешки – это уже достижение. Пока вы молитесь на коленях за эту дорогую вам душу, вы не

видите, что происходит в этой душе, не видите ее борьбы и угрызений совести, хотя бы подавляемых. Если бы вы видели, как Сам Господь старается ее вернуть к Себе, повлиять на ее волю, вы бы продолжали молиться без конца. Лишь бы у вас хватило терпения, чтобы ожидать, и постоянства, чтобы не бросать начатого. Не умея ждать, набожная мать или жена бывает требовательной. Ей хочется торопить дело обращения, а это как раз действует в обратном направлении. Нет постоянства, и оттого работу приходится начинать сначала. Не теряйте мужества. Почва тяжелая для работы, но каждая молитва для нее – капля благодатной росы».

В Евангелии от Матфея, в главе 18-й, ст. 19–20, читаем следующие слова Спасителя: «Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни просили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

На основе этого указания в Православной Церкви практикуется так называемая «молитва по соглашению», когда при каком-либо тяжелом положении: болезни, несчастии, бедствии и т. п. – двое или более христиан соглашаются вместе усиленно молиться за избавление кого-либо от постигшей его беды.

Такую молитву практиковали, в частности, о. Иоанн С. и один из московских пастырей – о. Константин Равинский. По свидетельству последнего (см. его воспоминания), ему приходилось быть свидетелем многочисленных и чудесных случаев действенности такой молитвы: выздоравливали больные, приговоренные врачами к смерти, возвращалось потерянное зрение, возвращалась способность ходить, прекращались упорные приступы ненависти и т. п.

О том же свидетельствует и о. Иоанн С, который пишет в своей книге «Моя жизнь во Христе»: «На своем личном опыте я убедился, что как скоро слышит Бог молитву двоих и троих, молящихся от сердца вместе».

При молитве по соглашению о. Константин Равинский читал в этих случаях четыре раза в день (утром, днем, вечером и

ночью) нижеприведенную молитву, которую также читали и те лица, с кем он соглашался молиться, до тех пор, пока не наступало, по милости Господней, исполнение просимого в молитве.

Ниже приводится примерный текст молитвы по соглашению: «Господи Боже наш, Иисусе Христе, Пречистыми Твоими устами Ты сказал нам: «Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то чего бы ни попросили, будет вам от Отца Моего Небесного».

С глубокой верой в непреложность слов Твоих и безмерное милосердие Твое просим Тебя услышать рабов Твоих (называются имена просящих), согласившихся смиренно просить Тебя о бедствующем (болящем, заблудшем и т. д.) рабе Твоем (его имя), – да подаждь ему (ей)... (следует изложение просьбы). Однако не как мы хотим, а как Ты, Господи: да будет на все воля Твоя святая. Аминь».

Конечно, текст молитвы может быть по желанию видоизменен. Лишь бы молитва шла от любящих сердец и с твердою верою, что Господь слышит ее и по премудрости Своей сотворит так, как будет всего лучше для того или для тех, о ком молятся. В зависимости от усердия молящихся и состояния того, о ком молятся, определяется и число раз произношения молитвы в течение дня.

Что такое молитва? Это – разговор с Богом. Люди почитают себя счастливыми и всю жизнь помнят случаи, когда им удается поговорить с каким-либо выдающимся, высоким по своему положению или таланту человеком, с мировым именем. Сколь более, казалось бы, должны люди ценить разговор с Тем, Кто создал всякую высоту и значительность в мире. Казалось бы, какой трепет подлинной радости должно было бы вызвать осознание возможности непосредственно обращения к Единому Истинному Хозяину неба и земли. Но мало и очень глухо сознают люди эту близость Божию.

Что обычно ценится в молитве? Ценят возможность попросить что-нибудь у Хозяина всего. Избежать болезней, страданий, опасности, смерти – своей или близких людей. Ценят возможность получить какое-нибудь осязаемое благо,

ценимое в мире: так называемое жизненное счастье – мирную семью, близкого человека, хороших детей, удачно сложившуюся обстановку, приятную работу, здоровье, то или другое дело.

Но не только земные нужды одолевают человека и влекут к предстоянию пред Богом. Многие люди понимают, что все материальное надо крепко предавать в руки Божии, не слишком заботясь – даже в молитвах – о нем, выполняя лишь свои высшие задачи. Остальное все «приложится», сказал Господь. И, веря в это, многие люди верующие ищут и просят в молитве только ценностей духовных: самой молитвы, терпения, любви, кротости, смирения, веры, чистоты, правды. Просят узнать и услышать волю Божию и, услышав, исполнить ее. Во многом уже, зная волю Божию, просят сил себе благодатных на исполнение этой воли. Достойна всякого почитания высокая, не материальная цель молитвы. Особенно молитвы за других. Но и в материальных своих простых запросах люди, прибегающие к молитве, как дети, получают ее плод, хотя и не всегда тот, который они просят.

Самая же высокая молитва, которую не знаешь, какими словами и восхвалять, – это молитва, когда человек забывает все цели свои, даже самые высокие, горя одним желанием – как можно ближе придвинуться к Господу, положить к ногам Его голову свою, отдать все сердце свое. Это есть совершенная любовь и совершенная молитва: когда хочется лишь Господом дышать, только Им жить, Его любить, укрываться в Его близости, в Его неизреченной любви.

Священным бескорыстием, исканием молитвы ради самой молитвы может быть наполнено всякое человеческое прошение к Богу, одухотворена и оправдана всякая молитва. Земной повод к ней есть лишь второстепенное, превосходящее обстоятельство. Сердцем же и волей молитвы остается радость – поговорить, пообщаться, излить все тревоги, все сомнения, все радости свои Единому, Вселюбящему, Премудрому и Всезнающему Богу.

Лепет ребенка угоден Ему. Господь принимает все прошения человеческие, как бы малы и ничтожны они ни были, если сердце человеческое радуется и трепещет, предстоя пред

Лицом Владыки. Все малое усовершенствуется в этом предстоянии. Все несовершенное делается великим.

Не смущайтесь величиною или ничтожеством ваших прошений, но ищите прежде всего не то, что вы хотите просить, а Того, Кого вы хотите просить. Недостойны просьбы лишь тех, которые Господа меньше любят, чем ту вещь или дело, о которых они просят. Если же вы любите Господа больше всего, то благословенно всякое прошение ваше, и великое и малое, и всякая просьба ваша исполнится, а та, которая не исполнится, принесет большее благо, чем та, которая исполнится.

Представьте себе, что вы не видите очень близкого и любимого вами человека, общение с которым есть всегда радость для вас. Вы хотите его видеть, и возможно чаще, но обратиться к нему не можете, только если у вас есть какая-нибудь к нему просьба. Вы очень хотите его видеть, гораздо более, чем получить что-либо от него. И чтобы его видеть, вы обращаетесь к нему с просьбой... В глубине сердца вашего вам все равно, исполнит или нет он ваше прошение, но вам дороги общение с ним, возможность говорить и слушать его. Вы уходите из его дома, совершенно не помышляя о подарке, дал ли он вам его или не дал. Ваше сердце наполнено им самим... И вот что значит человеческая любовь.

Если человека мы можем так любить, сколько более – Бога. Ведь радостно всякое наше прошение пред Ним. Плод великий всегда остается в нашей душе от молитвы – мы восходим на небо, к Творцу светов, и падает на наше сердце Божественный уголь серафимовой благодати...

Глава 11. Молитвы евангельские

Молитесь же так: «Отче наш, сущий на небесах!..Мф. 6, 9

Из всех молитв, которым учит нас Церковь, наибольшее значение имеют те молитвы, на которые указывает Евангелие. В этих молитвах мы должны до глубины продумать те мысли, которые в них вложены.

Совершенно особой из этих молитв является молитва «Отче наш», которая дана была Господом апостолам как

образец в ответ на их просьбу «Научи нас молиться» и которую считают за «сокращенное Евангелие».

Эта молитва начинается словами: «Отче наш, сущий на небесах» (Лк. 11, 2).

В речах Господа слово «Отец» встречается чаще, чем какое-либо другое. Господь как бы жил Отцом и поэтому говорил постоянно про Отца.

К такой же близости к Небесному Отцу Он хочет привести и Своих учеников. И не только привести, но и внушить им, что Его Отец есть и их Отец, что также, как Он, они имеют право считать себя детьми Божиими и дерзновенно обращаться к Богу как к своему Отцу: «Восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему» (Ин. 20, 17).

Он даже запрещает ученикам Своим слово «Отец» применять к кому-либо на земле, а повелевает считать Отцом себе исключительно Его Небесного Отца. Он говорит: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо Один у вас Отец, Который на небесах» (Мф. 23, 9).

Господь хочет, чтобы и Его ученики любили бы Его Отца так же, как Он, – «всем сердцем, всею душою, всею крепостью и всем разумением своим» (Лк. 10, 27).

При произнесении слов «Отче наш, сущий на небесах» Господь хочет, чтобы наше сердце оторвалось от земли, приобщилось небу и сразу же отдалось Богу Отцу – Духу непостижимого величия, красоты и благодати... Отдалось бы так, как отдается сердце ребенка своему земному отцу в тот момент, когда чувствует особую нужду в его любви, защите и помощи.

О. Иоанн восклицает:

«Все силы небесные с любовью взирают на тебя за то, что ты с верою и любовью и подобающим благоговением призываешь общего их и нашего Отца, Творца Вседержителя и Господа... О, какое высокое счастье и блаженство, какое величие, какое достоинство – призывать Вечного Отца».

Следует обратить внимание и на слово «наш». Господь не ставит здесь слово «мой» для того, чтобы приучить нас думать при молитве не только о себе, но и о всей семье детей Божиих –

о Христианской Церкви в ее целом; Он учит нас и здесь любви к ближним и учит и для них испрашивать у Него благ небесных и прощения грехов.

Слова молитвы «сущий на небесах», конечно, не надо понимать буквально, т. е. о пребывании Бога где-то в физическом небе. В Библии «небом» называется весь нематериальный, духовный мир, включающий кроме Бога все ангельские силы и души людей, удостоенных Царства Небесного.

Далее следуют прошения в форме восклицаний, которые представляют одно целое.

Первое из этих прошений – «Да святится имя Твое». Что значит «святится»? Слово «святость» – неземное слово, и понимать его легче сердцем, чем умом. Гораздо доступнее всем слово «красота».

Через красоту мы можем постичь и «святость» как абсолютную красоту духа. Нашему сердцу и разуму свойственно преклоняться перед красотой. Господь хочет, чтобы мы в начале молитвы преклонялись перед Богом Отцом как перед образом абсолютной красоты, света и истины.

Может быть, мы думаем, что образ Бога всегда для нас неизмеримо высок и мы неизменно полны преклонения перед Его благодатью и мудростью? Казалось бы, незачем просить тогда и о том, чтобы этот образ нами «святился»? Это не так.

Образ Бога далеко не всегда святится в душах и тех, кто считает себя христианином. Как говорилось уже ранее, мы очень часто ропщем на Бога – ропщем при несчастьях, скорбях, болезнях или бываем недовольны при скудости благ материальных, лишениях и т. п. Все это говорит за то, что в это время Его Имя не святится в нашей душе.

Прошение второе – «Да приидет Царствие Твое» – относится не только ко всему человечеству, но также и к нашему сердцу. Здесь, в нашем сердце, господствуют обычно разные царьки и кумиры – страсти и пристрастия.

Мы просим о помощи нам изгнать их и водворить единственного законного Царя сердца человеческого – Бога.

Третье прошение относится также не только ко всему миру, но и к нашей воле – «Да будет воля Твоя»: мы будем спасены, если заменим свою волю на волю Господню, «ибо воля Божия есть освящение наше» (1Фес. 4, 3).

Первые три прошения заканчиваются общим для всех заключением – «и на земле, как на небе».

Что надо понимать под словом «земля»? Господь сказал Адаму: «Земля есть и в землю отыдеши». И нам всем грешным, немощным, далеким от чистоты и совершенства следует под «землей» подразумевать и самого себя.

Вместе с тем под «землей» надо понимать и всех живущих на земле и, подражая святым, молиться за весь мир. Тому же учит и старец Силуан из Старого Афона, который пишет: «Я хотел бы научиться только смирению и любви Христовой, чтобы никого не обидеть, но молиться за всех, как за самого себя».

В четвертом прошении мы говорим: «Хлеб наш насущный дай нам на сей день».

Есть несколько представлений того, что надо подразумевать под «хлебом насущным».

Во-первых, здесь можно понимать обычный хлеб или пищу, а также и все необходимые для жизни материальные блага.

Но здесь надо помнить, что Господь говорит нам: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф. 6, 25, 32).

Поэтому важнее вкладывать в понятие о «хлебе насущном» другое – Господь говорил: «Не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4, 4). Итак, нам необходимо знать Священное Писание.

Во-вторых, Он говорил ученикам своим: «Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин. 4, 34). Почему исполнение Божьей воли Господь называет пищей? Признаком пищи есть гибель без нее организма и возрастание его от принятия ее. Что случится с духом христианина, если он откажется выполнять волю Божию? Очевидно, духовная гибель – оставление его Духом Святым.

А что будет с человеком, если он всегда будет послушен воле Божией? Очевидно, возрастание его в Духе Святом. Все святые по опыту знали, насколько важно для них искать воли Божией – для всех дел и даже мелочей жизни, и поэтому ненавидели самоволие. Как пища, им нужно было постоянное сознание, что во всех делах своих они поступают в согласии с волей Бога, и только при этом сознании душа их была покойна и мирна.

Так, для ап. Павла воля Божия заключалась в поручении ему проповеди – благовествования о Христе. И исполнение этого поручения было необходимо апостолу, как хлеб насущный, и он говорил о себе: «Горе мне, если я не благовествую» (1Кор. 9, 16).

У каждого из христиан есть также свое призвание. Таким образом, прося «хлеба насущного», мы просим и о даровании нам возможности выполнения этого важнейшего для нас дела нашей жизни.

Наконец, третье и особо важное для нас понимание «хлеба» заключается в словах Христа: «Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье» (Ин. 6, 55). Здесь мы просим об удостоении нас Таинства Евхаристии.

Итак, под словом «хлеб насущный» мы просим и о самом необходимейшем для нашей души: 1) о питании нас истиной; 2) о даровании нам возможности всегда выполнять волю Божию и жить соответственно нашему призванию; 3) о принятии нами в Таинстве причащения Тела и Крови Христовых.

Общим же пониманием «хлеба насущного» будет все для нас необходимое. И в этом случае все посылаемое от Господа (в том числе и спасительные для души скорби и бедствия для тела) будут для нас необходимостью, т. е. «хлебом насущным».

Пятое прошение – «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

Здесь следует обратить внимание на то, что Господь ставит в прямую зависимость прощение наших грехов от нашего собственного милосердия к людям и нашего прощения им обид, долгов, неприятностей, досаждений и т. п.

Он счел нужным подчеркнуть эту зависимость и, окончив текст молитвы, добавляет еще отдельно: «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 14–15).

Поэтому наша молитва будет бесплодна, если в глубине души нашей будет таиться к кому-то злоба, вражда или даже просто раздражение, злопамятство – укоры за прошлое, близкое или давнее.

Пятое прошение об оставлении нам грехов имеет значение и в отношении избавления нас от ответственности на Страшном Суде, от нашего греховного прошлого. Вот как пишет об этом архимандрит Борис (Холчев):

«Когда мы слышим это прошение: «И остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим», – то будем помнить, что у нас есть страшный грех – это греховное прошлое, которое имеет над нами власть, держит нас в тисках, мешает приблизиться к Богу...

Все мы живем на земле, и на земле жизнь дана для того, чтобы снять с себя тяжелое бремя греховного прошлого, чтобы расплатиться с греховными долгами, чтобы в час смерти, когда закончится земная жизнь, греховное прошлое не имело над нами власти, чтобы этот страшный долг был заплачен».

Шестое и седьмое прошения тесно связаны между собой: «И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого». Может быть, думаем в самообольщении, что имеем силы сами бороться с искушениями?

Нет, эту силу дает нам только Господь! Имеется много рассказов про великих подвижников, как они подвергались тяжким падениям, когда начинали впадать в самомнение и гордость.

Господь тогда отступал от них, и они не имели сил преодолевать искушения. Вот почему нам надо смиренно просить Господа помочь нам в наших искушениях. И не только помочь, но и сохранить нас от источника искушений – лукавого духа.

В тексте евангелиста Матфея к прошениям добавляются слова «ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».

Обычно это добавление читается после молитвы только священником в форме возгласа: «Яко Твое есть Царство и сила и слава, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

В церковных молитвах включается и подобное ему восклицание: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». Оно так часто встречается в составе молитвословий и имеет такое значение, что на нем надо остановить внимание.

В этом восклицании все лица Святой Троицы перечислены отдельно. Надо поэтому любовь и чувства сердца нашего по отношению к Богу также разделять по отношению к каждому из Лиц Святой Троицы, как бы славя каждое из Них отдельно: Святая Троица, хотя и «Нераздельная», но и «Неслиянная». Мы знаем, как Господь любил Своего Отца. И хотя мы Отца знаем более всего по Сыну, но, подражая Сыну, мы так же, как и Он, должны любить и Отца.

Мы не в силах представлять себе образ Святого Духа. Господь называет его постоянно «Утешителем». Познать же Его мы можем по Его действию на нас и в моменты утешения, в те моменты молитвы, когда горит сердце и льются слезы умиления. И вознося «Славу», мы отчетливо должны воспроизводить в душе образы каждого из Лиц Святой Троицы.

К славословию Пресвятой Троицы близка краткая молитва к Ней: «Пресвятая Троица, помилуй нас; Господи, очисти грехи наши; Владыко, прости беззакония наши; Святый, посети и исцели немощи наши, Имени Твоего ради».

Здесь встает вопрос: какую Ипостась Святой Троицы понимать нам при произнесении слов – «Господи», «Владыко» и «Святый»? Здесь можно предложить следующий образ мышления при чтении этой великой молитвы.

Поскольку грехи наши очищаются искупительною жертвою Господа Иисуса Христа, то первое прошение должно относиться к Нему.

Затем мы просим Бога Отца («Владыко») «простить беззакония наши», очевидно, не ради нашего достоинства или

наших заслуг, а опять-таки ради Крови Его Сына, пролитой за искупление этих беззаконий.

Наконец, под словом «Святой» мы понимаем Святого Духа, Которого просим, так же как в молитве «Царю Небесный», посетить и исцелить наши духовные немощи.

Как пишет о. Иоанн С:

«Когда молишься Отцу и Сыну и Святому Духу – в Троице Единому Богу, не ищи Его вне себя, но созерцай Его в себе, как в тебе живущего, совершенно тебя проникающего и знающего».

В славословии Пресвятой Троице слова «и ныне и присно и во веки веков», могут показаться излишним повторением одного и того же понятия. Если «и присно», т. е. всегда, то зачем же говорить «во веки веков»?

В слове «ныне» мы воздаем славу Богу за нынешний момент, за свою короткую земную жизнь.

В слове «присно» мы говорим, что Господь и был, и есть, и будет славен всегда.

А при словах «во веки веков», мы как бы отрываемся от теперешнего времени, и в ясновидении уносимся в вечность, и видим себя там возносящими славу Богу вместе со всем сонмом святых – тогда уже одной только торжествующей Церкви.

Особое значение молитвы «Отче наш» так характеризует в одном письме игумена Арсения (писавшая в период тяжелой болезни):

«В эти дни, полные страданий, и в ночи бессонные я очень полюбила молиться молитвой Господней «Отче наш». Только теперь я начала несколько видеть ее Божественное достоинство, ее высоту, ее цену для человека, для души христианской. Она для меня служит и молитвенным обращением к Богу, везде царствующему, всем управляющему, все животворящему, все освящающему. Она направляет и мой дух в смирение, мое чувство – к умеренным желаниям в настоящем, мое действие – в пути Божии, и мое стремление – в волю Божию. Все мое существо руководствует во спасение, носит меня, заключает в истине. Кроме этого

Божественного руководства, не нужно ничего, оно одно может направить на истинный путь, дать душе все то, что составляет христианское совершенство».

Кроме «Отче наш» Господь дал нам образец и покаянной молитвы (мытаря): «Боже, милостив буди мне грешному» (Лк. 18, 13).

В немногих пяти словах – здесь есть все, чтобы снискать Божие милосердие и получить прощение грехов. Эта форма молитвы удивительна по своей скромности и глубине чувства раскаяния.

Самая краткость ее подчеркивает чувство смирения: мы как бы считаем себя недостойными утруждать внимание Господа многими словами.

Мы вместе с тем и не смеем просить о прощении наших грехов, очевидно, считая их слишком тяжелыми.

Мы просим лишь о милости к нам, о снисхождении, о смягчении нашего наказания.

И очевидно, что, произнося эту молитву мытаря, мы должны подражать его смирению, про которое Господь говорит, что он «стал вдали», не смея «поднять глаз на небо», «ударяя себя в грудь».

Есть рассказ про Александра Македонского.

Один из его приближенных просил у него небольшую сумму денег, в которой он весьма нуждался. Александр подарил ему 10 талантов (250 000 рублей золотом), что примерно в 10 000 раз превосходило просимое.

Приближенный был в изумлении и просил объяснить ему причину такой щедрости. Александр ответил ему: «Тебе прилично просить такую ничтожную сумму, но мне, царю, – неприлично давать тебе менее десяти талантов»

Так и наша смиренная просьба о доли милости к нам от лица Бога может повести к полноте прощения наших грехов ради беспредельности милосердия и благодати Господа.

Однако повторение этих пяти слов может быть не единичным.

Краткую мытареву молитву о помиловании прп. Серафим день и ночь повторял бесчисленное число раз, молясь на камне

в течение трех лет.

Есть и еще более краткая церковная молитва о помиловании – «Господи, помилуй», которая очень часто повторяется в молитвословиях и при церковном богослужении (обычно 3, 12 или 40 раз).

Это также евангельская молитва, которая неизменно привлекала к себе милость Господа к исполнению обращенных к Нему просьб (Лк. 17, 13; 18, 38–39, Мк. 10, 47; Мф. 9, 27; 15, 22; 20, 30–31).

Здесь всего два слова, но и их достаточно, чтобы при чувстве крайнего своего недостойнства и глубочайшего смирения получить от Господа помилование. Эту молитву о. Иоанн С. называет «воплем виновного и осужденного на казнь, просящего помилования у раздраженного правосудия».

Эта молитва хороша тем, что она не требует от нас никакого напряжения ума и произносится мгновенно. Ею могут молиться и все больные, которым не под силу другие молитвы; ее можно мгновенно произнести и в минуты опасности, или в трудных условиях, когда невозможно сосредоточиться.

На основе евангельского приветствия архангела Гавриила Деве Марии составлена молитва «Богородице Дево, радуйся».

По отношению к Божией Матери имеется много чудесных и длинных молитв с подробным перечислением всех наших нужд и скорбей, от которых мы ищем защиты у Покровительницы рода христианского.

Но ни одна из этих молитв не может сравниться с молитвой «Богородице». Она немногословна, но, как мы знаем, сущность молитвы состоит не в многословии. Богоматерь, как и Господь, Сама знает лучше нас все наши нужды.

Нам лишь надо сказать Ей, как Она нам дорога, как любима, и это мы передаем нежными словами приветствия архангела Гавриила: «Радуйся, Благодатная». И далее мы дополняем это наше приветствие: «Господь с Тобою».

Какая может быть большая радость, чем быть с Господом – со Своим Сыном?

После этого мы опять-таки только преклоняемся пред неземной славой и красотой Богоматери: «Благословенна Ты в

женах». Преклоняемся и перед Ее Сыном: «и благословен плод чрева Твоего». И, наконец, торжественно возглашаем Ее величие, возглашаем величайшее из всех великих дел, которое когда-либо могла совершить на земле Дева, давшая земле Спасителя всех поколений прошлого, настоящего и будущего: «яко Спаса родила еси душ наших».

Прп. Серафим свое кратчайшее молитвенное правило для мирян составил только из молитв «Отче наш» (3 раза), «Богородице» (3 раза) и Символа веры. Он считал, что эти молитвы при необходимости могут заменить все другие, и значение их – преимущественным перед всеми молитвами.

Глава 12. Псалом пятидесятый

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей... Пс. 50, 1

Как говорилось уже ранее, нищета духа и смирение являются вместе с Христовой любовью основными добродетелями христианина.

Господь предлагает нам учиться смирению у Него Самого (Мф. 11, 29), а нищету духа ставит как первую ступень духовного восхождения в заповедях блаженства.

И все святые и подвижники благочестия в течение своей жизни прилагали величайшие усилия, чтобы приобрести себе эти драгоценные жемчужины из ожерелья добродетелей.

Несколько есть путей для их приобретения, о чем говорилось уже ранее (см. часть 3). Одним из них являются покаянные молитвы, а среди них на первом месте – 50-й псалом.

Этот псалом занимает особое место среди других псалмов Давида по своему значению и силе душевных переживаний автора, создавшего его.

Как известно, он был написан Давидом после совершения им тяжких грехов и свидетельствует о силе покаяния царственного пророка.

Очевидно, что чтение его в утреннем молитвенном правиле может возбуждать в нас сильное чувство покаяния. Но для этого нам надо хорошо постигнуть всю глубину мыслей, составляющих этот псалом.

Как пишет архиеп. Иннокентий Херсонский:

«Покаянный псалом царя Давида так сильно написан, такое вложено в него покаянное чувство, что и теперь, когда кто-либо его читает, враг рода человеческого дрожит и трепещет, не вынося его силы».

Ниже будет дан ряд пояснений с целью лучшего его понимания и для более глубокого действия на наше сердце.

Конечно, не одни его мысли помогут пробудить покаянное чувство. Равнодушное прочтение его, даже с пониманием его содержания, не будет еще нашим настоящим покаянием во грехах.

К прочтению его надо подойти в соответствующих духовных одеяниях нашей души – в одеяниях печали и сокрушения за все соделанные нами грехи в прошлом, с осознанием многих своих страстей и недостатков в настоящем (гордости, тщеславия, сребролюбия, черствого сердца, отсутствия добродетелей – Христовой любви, смирения, кротости и т. д.), при понимании своей немощи – нерадения, лености, теплохладности, небрежности, делающих нас недостойными в глазах Господа, Божией Матери и святых.

Вот если все это мы глубоко осознаем и обратимся сердцем к Богу в полноте нищеты духа и смирения, то и слова покаянного псалма будут не пустыми звуками, а печальной, горестной мелодией сердца перед лицом Господа.

Пусть глубокие слова этого псалма будут произноситься не только не спеша, не только очень медленно, но так, чтобы каждая мысль, каждое слово вызывало в душе, в сердце отголосок собственных дополнительных печальных мыслей – мыслей о своих когда-то ранее совершенных грехах (их св. отцы велят никогда не забывать), о своих недавних грехах, греховных падениях и проступках, о своей немощи духовной, самомнении, самочинии и т. д.

Благо, если при этом наступит умиление и появятся слезы, хотя добиваться их и не велят св. отцы. Уж то будет хорошо, если молитва-псалом будет произнесена с величайшим вниманием и сосредоточенностью, с глубоким постижением

каждой мысли чудного псалма, с пробуждением на эти слова покаянных чувств сердца и глубокого смирения.

В начале псалма (ст. 4) встречаются два слова (понятия) – «грех» и «беззаконие». По существу они обозначают одно и то же – «грех есть беззаконие» (1Ин. 3, 4), хотя и повторяются в псалме отдельно: «яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну» (ст. 5).

Чтобы эти понятия не совмещались в нашем сознании, можно условно разделять их: под «грехом» понимать совершенные нами ранее грехи, а под «беззаконием» понимать нашу порочную душевную природу, исполненную страстей и пристрастий, которые неудержимо проявляются все время в новых и новых грехах.

Стих 6-й псалма – «яко да оправдишия во словесах Твоих и победиши внегда судити Ти» – надо перевести на русский язык и понимать так: «Ты праведен в приговоре надо мной и я буду безответен, когда Ты осудишь меня».

В 7-м стихе этого псалма говорится: «Се бо в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя». Здесь пророк Давид говорит не о грехах наших матерей, а о первородном грехе, которым издревле заражено все человечество после падения Адама.

Однако это упоминание ни в коем случае не смягчает нашей ответственности за наши личные грехи. И в следующем, 8-м стихе пророк говорит: «Се бо истину возлюбил еси, безвестная и тайная Премудрости Твоя явил ми еси». Здесь говорится, во-первых, про голос совести нашей – голос Бога через нашего ангела хранителя, который всегда предостерегал и предостерегает нас против греха,

и поэтому мы всегда отвечаем за каждый совершенный нами грех.

Во-вторых, нам, христианам, через Евангелие открывается вся полнота истины, отчего возрастает во много раз и степень нашей ответственности по сравнению с теми, кто не знает Евангелия. Как говорит Господь: «Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Ин. 12, 48). И «кому дано много, много и потребуется» (Лк. 12, 48).

В стихе 9-м – «Окропиши мя иссопом, и очищуся; омыеши мя, и паче снега убелюся» – мы просим об очищении нашей духовной одежды от пятен греха и об «омытии» ее до степени совершенной белизны.

Не просто надо произносить это великое прошение: здесь мы дерзаем просить великих даров, но вместе с тем мы должны всегда сознавать себя совсем недостойными их при нашем нерадении, лености, невнимательности к делу спасения, теплохладности, небрежности, невоздержании и т. д.

В стихе 10-м псалма имеется прошение: «Слуху моему даси радость и веселие; возрадуются кости смиренные».

Однако нам грешным нельзя думать о том веселии и радости, которыми награждаются святые и подвижники. Здесь уместно вспомнить икону Богоматери «Нечаянная Радость», в молитве к Которой говорится о «нечаянной радости покаяния». Вот то, о чем мы действительно можем просить, – о даровании нам истинного глубокого покаяния и «радости спасения» (ст. 14), растворенных нашими слезами и надеждой на прощение наших грехов.

В стихе 11-м вновь и вновь просит пророк Давид о прощении грехов и об очищении от беззакония, очевидно считая себя мало достойным этого. За пророком Давидом и нам надо вновь пережить это чувство собственного недостойнства.

Далее в стихах 12-м и 13-м следуют два великих прошения, которые по церковному обычаю полагается повторять и в каждой песне канона перед святым причащением (перед первым и вторым стихами): «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей».

Здесь как бы вопль погибающей души и сердца, отягченного великими грехами. Душа видит эту духовную проказу сердца, сознает ее страшную опасность и вопиет об исцелении – об удалении из сердца подавляющего и оскверняющего его греха. Тогда душа вновь могла бы почувствовать свое богосыновство, вновь приобрела бы потерянный от греха «дух правый».

Близко к такому содержанию и второе прошение (стиха 13-го) – «Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене».

Что может быть страшнее для сына, чем изгнание его от лица Отца за совершенные грехи? И что остается человеку, если Дух Божий оставляет его? Только тьма и владычество над ним темных сил ада, ввержение его в бездну порока и несчастий. Все это так страшно, что не прошение, а вопль должен исходить из сердца христианина для избавления от этих бед.

Когда мы повторяем за пророком Давидом о даровании нам «радости спасения» (стих 14-й), то опять-таки не о радости небесного блаженства святых просим здесь. Мы их ведь совершенно недостойны!

Но вот радости, которые может испрашивать покающийся грешник: это радость от прощения Отцом греха блудного сына, радость вновь иметь право быть в доме Отчем, хотя бы в числе «наемника» (Лк. 15, 19), радость вновь работать для Отца на том поприще, которое соблаговолит указать каждому из нас Небесный Отец. Сами мы для этого не имеем ни сил, ни возможностей и ни способностей. Поэтому мы и просим далее: «Духом Владычним утверди мя». И только при наличии сего Духа мы что-либо можем, что-либо успеем, что-либо сделаем достойное звания слуги Небесного Отца.

Пророк Давид дерзает далее давать обещание: «Научу беззаконных путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся» (ст. 15).

Очень осторожно надо прилагать это обращение к себе: мы так слабы, грешны и неразумны. «Не многие делайтесь учителями», – пишет ап. Иаков (Иак. 3, 1).

Поэтому нам прилично учить других преимущественно примером своего истинного христианского жития, исполненного Христовой любви и милосердия, смирения, кротости, великодушия, воздержания, всепрощения и прочих добродетелей.

При этом, если в жизни нам и удастся что-либо сделать для ближнего, и научить его чему-либо доброму, и приблизить его душу к Богу, то все это надо приписывать не себе, а благодати Божией. Вспомним смиренные слова ап. Павла: «Я более всех

их потрудился; не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мной» (1Кор. 15, 10).

В стихе 16-м псалмопевец просит об «избавлении от кровей». Царю Давиду приходилось все время вести войны – отсюда и это прошение.

Большинству же христиан обычно не грозят ужасы непосредственного участия в войне и поэтому это прошение надо понимать аллегорически – как избавление от возможности чем-либо обидеть ближнего: оскорбить, осудить, привести в раздражение, оклеветать его.

В ст. 17-м пророк просит: «Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою».

Но разве не в нашей власти открывать уста для хвалы? Да, не в нашей. В нашей власти произнести устами слова хвалы, но это далеко еще не та хвала, которую ищет Господь. Он ищет прежде всего нашего сердца (Притч. 23, 26). И только та хвала Ему будет приятна, которая исходит из глубины сердца и исполнена горячим чувством любви.

Казалось бы, что стих 18-й псалма не имеет к нам никакого отношения, потому что в нем Давид говорит: «Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо: всесожжения не благоволиши».

Но ведь «жертвы» и «всесожжения» имели место лишь в Ветхом Завете?!

Однако и мы можем и даже должны приносить жертвы; и далее в ст. 19-м Давид сам указывает на необходимость приношения их для Бога: «Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».

Кроме того, в литургии поется о «жертве хваления». Вот что может всегда приносить каждый христианин вместо ветхозаветных жертв – агнцев и голубей – в храме своего сердца.

В стихе 20-м Давид просит о «созидании стен Иерусалимских».

Какое это имеет отношение к нам? Апостол Павел говорит, что душа каждого христианина есть храм Божий (1Кор. 3, 16). Поэтому здесь можно думать о созидании стен для нашего

внутреннего храма, которые помешали бы нашим врагам – темным силам – проникать в этот храм, вселяя в нас грехи, страсти и пристрастия.

Тогда, при защите стенами благочестия этого сердечного храма нашего от всякой греховной скверны, в нем будут звучать благоприятные Богу моления и хваления, заменяющие ветхозаветных тельцов и «жертвы всесожжения», о которых говорит царственный пророк в последнем (21-м) стихе своего замечательного псалма. Псалом 50-й включен в утреннее молитвенное правило христианина.

Но только ли надо читать его по утрам? На этот вопрос так отвечает о. Иоанн С:

«Если согрешишь в чем перед Богом (а мы грешим премного каждый день), тотчас же говори в сердце своем, с верою в Господа, внимающего воплю твоего сердца, со смиренным сознанием и чувством своих грехов, псалом 50-й – «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...» и прочитай сердечно весь псалом; если не подействовал он один раз, сделай другой прием, только прочитай еще сердечнее, еще чувствительнее, и тогда тебе немедленно воссияет от Господа спасение и мир душе твоей».

Примечание к главе 12-й

В псалмах царя Давида часто упоминается о врагах, о борьбе с ними и уничтожении их. Очевидно, что физические враги царя Давида не имеют к нам отношения. Но у нас есть постоянный духовный враг – темная сила. Церковь и предлагает нам при чтении псалмов вместо физических врагов думать о наших духовных врагах – темной силе.

Примечания

¹ - Благославный – честный, имеющий добрую славу. Прим. авт.

² - Антиномия – две идеи, которые логически противоположны, но обе допускаются разумом. Прим. авт.

³ - Преподобный отец наш Иоанн Лествичник пишет так: «Один тщательный монах, претерпевая нападения от сего беса, двадцать лет изнурял тело свое постом и бдением; но так как никакой не получал от сего пользы, то, описав на бумаге свое искушение, пошел к некому святому мужу и, вручив ему оную, повергся лицом на землю, не дерзая воззреть на него. Старец, прочитав писание, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: «Положи, чадо, руку твою на мою выю». Когда же брат оный сделал это, великий муж сказал ему: «На вые моей, брат, да будет грех сей, сколько лет он ни продолжался и не будет продолжаться в тебе; только ты вменяй его за ничто». После инок сей уверял, что он еще не успел выйти из кельи старца, как эта страсть исчезла. Сие поведал мне сам бывший в искушении, принося благодарения Богу». Прим. авт.

⁴ - У Грибоедова в «Горе от ума» выведен тип человека совершенно аморального («картежник, шулер, дуэлист и крепко на руку нечист»), который, однако, умело разыгрывает из себя яркого поборника высших идей.

⁵ - Песнь «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас» является песнью ангелов. В начале V века ее слышал ребенок, восхищенный на небо, в Константинополе, во время сильного землетрясения, при патриархе Прокле. Спущенный невредимо на землю, ребенок сообщил народу эту ангельскую песнь. При народном пении ее землетрясение прекратилось. Прим. авт.